

Ж.Т. Тощенко

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

2-е ИЗДАНИЕ

СЕРИЯ «MAGISTER»

Ж.Т. Тощенко

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Второе издание,
переработанное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» для студентов вузов
гуманитарно-социальных специальностей*

Москва • 2015

УДК [316.61:159.923]
ББК 60.53
Т64

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Т64 **Тощенко, Жан Терентьевич.**
Парадоксальный человек: монография / Ж.Т. Тощенко. —
2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 543 с. —
(Серия «Magister»).

ISBN 978-5-238-01308-4

Агентство СІР РГБ

Общество переходного периода, которое сейчас олицетворяет Россия, рождает и умножает такое уникальное и удивительное явление, как парадоксальный человек. Это не просто противоречие внутри общества, его социальных групп, слоев и институтов, а такая ситуация в реальной жизни людей, когда человек в одно и то же время искренне преследует взаимоисключающие цели, часто не замечая парадоксальности своего сознания и поведения.

Анализ причин этого явления, особенностей его воспроизводства во всех сферах общественной жизни, в различных акциях сознания и поведения и является основным содержанием исследования. Такой анализ парадоксов, их сущности, содержания, видов, форм и казусов в отечественной социологии предпринимается впервые.

Для научных работников, аспирантов, студентов вузов гуманитарно-социальных специальностей.

ББК 60.53

ISBN 978-5-238-01308-4

© Ж.Т. Тощенко, 2001, 2008

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2008

Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в Интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2008

О книге Ж.Т. Тощенко «Парадоксальный человек»

Петр Штомпка, *президент Международной социологической ассоциации (2002—2006)*

Это важный вклад в общую теорию общественного сознания, а также в понимание посткоммунистической России. Автор сумел объединить философские, социологические и социально-психологические подходы с эмпирическим анализом установок, ментальных ориентаций и ценностей россиян в переходный период. Разнообразные парадоксы, присущие уму человека, рассматриваются как отражение противоречий, напряжений и конфликтов в структуре и культуре общества. Оригинальная, плодотворная концепция «парадоксального человека» открывает много секретов и загадок русской «души» и показывает глубокие ментальные причины травм и преград на пути к демократии.

Зигмунд Бауман, *профессор университета г. Лидс (Великобритания), крупнейший социолог современности*

Что за создания эти люди? Бунтари или консерваторы? Творцы или конформисты? Коллективисты или индивидуалисты? Альтруисты или эгоисты? Ведомые разумом или обманываемые страстями? Мирные или агрессивные? Добрые или злые? Философы старались дать ответы, ломали головы, но загадку не решили. Профессор Тощенко рассматривает поведение людей во времена, когда силы, делающие выбор за людей, не позволяя им самим сделать выбор, распались или демонтировались, и обнаруживает, что люди просто парадоксальны — все, что угодно, только не логичны и последовательны; они преисполнены возможностей — реализованных или утраченных. Такая возможность для глубоких объяснений бывает крайне редкой. Еще реже она становится предметом столь выдающегося и поучительного использования.

Генри Тюни, профессор Пенсильванского университета (США), член Международной социологической ассоциации

Книга вызывает интерес, особенно данные об общественном сознании. Ее теоретические рамки оказались заманчиво всесторонними, широкими. Пред нами теоретически увлекательный труд о динамике парадоксов, вызванных революционными переменами в общественном сознании. Глубокое объяснение силы парадоксов сочетается с всесторонним анализом недавних преобразований в России. Книга дышит глубокими наблюдениями, она чувствительна к человеческим измерениям повседневности, основана на лучших исследованиях общественного мнения.

Татьяна Заславская, академик РАН, профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук, почетный доктор Джорджтаунского, Пенсильванского и Хельсинского университетов

С удовольствием представляю эту интересную и проблемную книгу. Особенность «парадоксального человека» в том, что он находится как бы в конфронтации, борьбе с самим собой, что не может не сказываться на его социальных действиях. Распространенность этого явления — одна из особенностей современной России. Парадоксального человека нельзя ни игнорировать, ни изжить, с ним надо сосуществовать и взаимодействовать. Поэтому он нуждается в тщательном изучении. Результаты этого изучения, в том числе и представленные в этой книге, помогут ответить на актуальные вопросы развития не только России.

Предисловие автора

После выхода первого издания этой книги в свет в 2001 г. ее идеи получили неожиданно для автора большое звучание. И не только идеи парадокса, но и такие вновь открытые и заново осмысленные процессы, как кентавр-проблема и фантомы общественного сознания и поведения. Приступая к подготовке нового издания, автор хотел бы ввести читателя в пространство своего поиска и исследования необычного феномена. Рождению этого понятия способствовали три обстоятельства.

Первое. Занимаясь исследованием общественного (экономического, политического, нравственного, исторического и др.) сознания во второй половине 1980-х гг., автор вышел на специфические данные ряда всесоюзных исследований, которые сначала не мог объяснить. Наиболее ярко это проявилось в том, что, по нашим данным, один и тот же человек мог занимать взаимоисключающие позиции: в одно случае он придерживался социалистических взглядов, по другим — поддерживал либеральные ценности, по третьим — был склонен разделить националистические (и/или религиозные, монархические и т.д.) ориентации. Первый опыт осмысления нашел отражение в публикации в газете «Неделя» (приложение к «Известиям») в 1991 г., еще до августовских событий. В условиях постсоветской России исследование проблемы было продолжено, и ее первое полное теоретическое осмысление появилось в журнале СОЦИС в 1996 г.

Второе. Автор обратился к изучению этого явления у предшественников, полагая, что парадоксальность присуща не только современному человеку. Особое место заняло изучение наследия Нового времени, породившего принципиально новый стиль мышления: уже не только бог, не только государство, не только общество стали объектами пристального научного осмысления. Лучшие умы человечества начали изучать человека как меру всех явлений и вещей. Уже в XIX в. под влиянием кардинальных изменений в науке (открытие клетки, движение небесных тел и др.) и грандиозных сдвигов в социально-политической жизни (Великая французская революция конца XVIII в.) Л. Фейербах назвал человека *созерцающим*, К. Маркс — *экономическим*, И. Фихте — *моральным*, Ф. Ницше — *нигилистическим*.

Однако **принципиально новый шаг в изучении человека и его сознания стал реализовываться только в XX в.**, когда социальная мысль предприняла попытки познать сущность человека, выразить его основные черты и особенности в условиях экономических, политических и соци-

альных изменений, происходящих так глубоко и с такой быстротой, что это не могло не сказаться на сознании и поведении человека. В попытках объяснить эти изменения и появились такие характеристики его сущности, как «одномерный человек» (Г. Маркузе), «бунтующий человек» (А. Камю), «одинокий человек» (Ф. Кафка), «маргинальный человек» (Э. Стоунквист), «замкнутый человек» (Н. Элиас), «человек-зверь» (Ж. Бодрийяр). За каждой такой характеристикой стоял анализ противоречивых тенденций в сознании и поведении людей. Однако эти определения отвечают, на наш взгляд, на вопрос только об отдельных аспектах специфики и особенностей человеческой жизни и его деятельности.

Третье. В отечественной научной литературе также были предприняты попытки охарактеризовать человека и его состояние в постсоветской России. В ряде работ сущность человека связывалась только с процессами, происходящими в экономике или политике, да к тому же в терминах социального самочувствия. Поэтому все попытки описать человека в нашу переломную эпоху нередко сводились и сводятся к упрощенному представлению о нем, что неминуемо приводит к поиску ярлыков, которые навешиваются на него в зависимости от той или иной ситуации. Какие эпитеты (определения) мы наиболее часто встречаем в выступлениях или публикациях политических и общественных деятелей, в выступлениях ученых или тех, кто претендует на это звание? Прежде всего, это членение по типу отношения к проводимым экономическим реформам, по отношению к советскому прошлому. Соответственно этому подходу употребляют такие термины, как «демократы», «либералы», «реакционеры», «краснокоричневые», т.е. людей характеризуют в зависимости от отношения к социализму или капитализму и от их идеалов. Что касается политического спектра, то фигурируют «правые», «левые», «центристы». А если учесть и политические предпочтения, то тут полно таких терминов, как «монархисты», «анархисты», «националисты» и т.д. При оценке отношений к проводящимся реформам, мы слышим определения «радикалы», «традиционалисты», «консерваторы».

Но зададимся вопросом: а несмотря на все различия, есть ли что-то объединяющее всех этих людей вне зависимости от этих их конкретных характеристик? Некоторые политики и ученые отвергают не только такой подход, но даже возможность его постановки. Как, говорят они, можно искать общего у коммуниста, монархиста или радикал-демократа? Это, мол, невозможно.

Но, на наш взгляд, такая постановка вопроса — об обобщающих характеристиках сознания и поведения современного человека — оправдана. Более того, есть предложения. Ю.А. Левада определил постсоветского человека как «человека лукавого», который, мол, думает одно, ориентируется на другое, а поступает так, как ему выгодно. В.Н. Шубкин считает, что большинство людей страдает катастрофическим сознанием, потому что все происходящее, по его мнению, люди

измерят в категориях «кризис», «потери», «провалы». Осмысливая реально складывающуюся ситуацию в общественной жизни в данную эпоху, А.В. Дмитриев назвал человека конфликтным, В.К. Левашов — тревожным. Все эти определения не вполне удовлетворяют, так как каждое из них, на наш взгляд, затрагивает лишь одну из существенных сторон человека, и не может претендовать на всестороннюю и обобщающую характеристику его сознания и поведения.

В поисках ответа на поставленный вопрос автор обратился к данным о состоянии и тенденциях изменения сознания и поведения людей в период кардинальных общественных изменений, которые накоплены основными исследовательскими центрами (Институт социологии, Институт социально-политических исследований, ВЦИОМ, Левада-Центр, Фонд общественного мнения, Социологический центр Академии государственной службы при Президенте РФ и ряд других). Анализ личных исследовательских практик вкуче с данными коллег позволил, на наш взгляд, более полно и точно описать совокупность характерных черт, всю противоречивость сознания и поведения людей. Такой обобщающей характеристикой современного человека может стать его определение как *человека парадоксального*.

Автор выражает благодарность академику В.Н. Кудрявцеву, докторам философских наук Ю.Г. Волкову, В.Е. Давидовичу, Г.Е. Зборовскому, доктору социологических наук Котельникову Г.А., доктору исторических наук А.Х. Бурганову, кандидату экономических наук С.А. Магарилу за их рецензии первого издания этой книги, высказанные замечания и предложения.

Ж.И. Тощенко.

Март 2007 г.

Введение

Разговор о парадоксе хотелось бы начать с одного из высказываний выдающегося французского математика, физика, философа и писателя *Б. Паскаля* (1623—1662): *«Что за химера этот человек? Какое новшество, какой монстр, какой хаос, какой узел противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, слабоумный земной червь; носитель истины, клоака недовоспелости и ошибок; слава и хлам вселенной.... Узнай же, гордец, каким парадоксом являешься ты для себя! Смирись, бессильный разум, замолчи глупая природа; узнайте, что человек бесконечно превосходит человека!»*

Это образное высказывание великого мыслителя отражает еще одну попытку познать сущность человека, его противоречивую природу, его место и роль в решении злободневных общественных проблем. Новое время породило принципиально новый стиль мышления, когда не только бог, не только государство, не только общество стали объектом пристального научного осмысления. Лучшие умы человечества обратились к человеку как мере всех явлений и вещей.

И первые же шаги на пути познания человеческой сущности вскрыли неведомые ранее трудности и аномалии, разлад человека с самим собой, с социальными институтами, в деятельность которых он вовлечен, с социальными организациями, в рамках которых он функционирует, с официальными группами, членом которых он является, т.е. со всем микро-, мезо- и макромиром. Этот разлад может характеризоваться самыми различными показателями — от вполне логических противоречий познания и развития до крайних форм противоречивости, находящей свое выражение в парадоксальности.

Роль человека, личности нельзя свести только к субъективному фактору, как это делают в большинстве случаев представители постмодернизма при раскрытии его сущности, природы и особенностей. Этот феномен объемнее, шире и более разносторонен в своих проявлениях, что влечет необходимость рассматривать не только субъективные, но и объективные условия функционирования общественной жизни.

Среди новых проблем, с которыми встретилась современная научная мысль, особенно интересным для философского осмысления и социологической интерпретации является феномен парадоксов сознания, которые стали особенно характерными для нынешней общественной жизни. В этой связи возникают вопросы:

- 1) Что представляет собой парадоксы сознания?
- 2) В каком соотношении они находятся с «противоречиями», «метаморфозами», «манипулированием»?

3) Составляют ли они новый класс проблем или являются особой формой выражения общественного сознания?

4) В чем конкретно проявляются эти парадоксы?

5) Как и при помощи чего можно объяснить причины такого широкого и всеобщего появления и наличия парадоксов?

6) Показателем чего они являются и возможны ли пути их решения?

О таком феномене общественного сознания и поведения, как парадоксы, писали многие мыслители. Об этом говорится в специальной главе данной работы. Наша же задача состоит в том, чтобы обозначить позицию автора, сказать, каким образом социологические дороги привели к осмыслению этого явления. Дело в том, что во время реализации под руководством автора научного проекта «Общественное сознание как объект социологического исследования» (1985—1992) при изучении состояния, тенденций и проблем экономического, политического и нравственного сознания наряду с другими выводами было зафиксировано существование таких ситуаций, когда сознание и поведение людей характеризовались как парадоксальные достаточно ясно и отчетливо.

При анализе этого материала и других эмпирических данных, которые имелись в его распоряжении, автор вышел на специфический класс противоречий, сложившихся или складывающихся в общественном сознании. *Анализ противоречий, вскрытых в ходе данных исследований, показал, что мы встречаемся с особой их группой, которую можно назвать парадоксами*, ибо они показывали весьма специфическую ситуацию в общественном сознании в условиях кардинально изменяющихся обстоятельств.

Уже первые попытки целенаправленного анализа данного феномена показали, что парадоксальность — отражение не какого-то случайного или редко проявляющегося сочетания мало объясняемых ситуаций, а достаточно устойчивая тенденция возникновения и существования особого вида противоречий, объем и масса которых увеличивались по мере непрерывного изменения сложившихся экономических и политических отношений, слома образа и стиля жизни, нарушения устойчивых стереотипов и национального менталитета.

Материал накапливался, что постепенно привело к потребности осмыслить и высказать свое мнение по данному феномену. Впервые об этом автор заявил в своих публикациях в ее основе результатов упомянутого выше научного проекта, в частности в монографии «Общественное сознание и перестройка» (в соавторстве с В.Э. Бойковым, В.Н. Ивановым), вышедшей в свет в 1990 г., и в серии статей в газетах «Неделя» и «Modus Vivendi» в 1990—1994 гг. Однако первый системный анализ данного феномена был осуществлен в статье «О парадоксах общественного сознания» (журнал «Социологические исследования», 1995, № 11). В дальнейшем эти идеи развивались в основном в применении к отдельным сферам общественной жизни — экономической, политической, в связи с анализом проблем национального, историче-

ского и религиозного сознания, а также их взаимосвязи с такими явлениями, как фрустрация, стереотипы, мифологическое сознание, кентавр-проблема и т.д.

Приступая к монографическому изложению данного материала, автор поставил перед собой несколько задач.

Во-первых, разобраться в теоретико-методологических основах парадоксальности в общественном сознании и поведении людей. Для этого потребовалось описать социологическое видение общественного сознания, которое имеет свои особенности в сравнении с философским и психологическим знанием.

Во-вторых, реализовать попытку совершить исторический экскурс, чтобы проследить, как происходил генезис идей, как возникло знание об этом феномене, как оно обогащалось в процессе постоянного обновления представлений человека об окружающем мире и каково его современное состояние.

В-третьих, в ходе анализа парадоксальности сознания и поведения человека потребовалось соотнести его с такими явлениями социальной практики и социального знания, как мифы, кентавр-проблема, anomia, стереотипы, фрустрация и т.д., чтобы более точно представить их качественную (и по возможности количественную) характеристику, сущность, природу и особенности по сравнению с другими феноменами общественного сознания, в том числе в процессе манипулирования им.

В-четвертых, парадоксальность сознания и поведения людей проявляется не вообще, а в связи с конкретной общественной практикой. Поэтому в монографии рассматриваются конкретные формы парадоксов, проявляющие себя в основных видах человеческой деятельности — экономической, политической, нравственной, а также в таких особо значимых формах, как историческое сознание и национальное «Я».

И наконец, в заключительной части анализируются как казусы парадоксальности, так и ситуативные формы парадоксов, что позволяет обогатить наши представления об общественном, групповом и индивидуальном сознании, о деятельности людей в различных сферах общественной жизни. Особенностью этой части является публицистическое изложение теоретического материала, что получило апробацию в виде статей в периодической печати — в газетах и журналах — в 1990-х гг.

Автор выражает благодарность академикам РАН В.А. Лекторскому, Л.Н. Митрохину и В.С. Нерсесянцу, членам-корреспондентам РАН А.В. Дмитриеву, М.Н. Руткевичу, Б.Г. Юдину за высказанные предложения по данной проблеме, а также кандидатам философских наук В.В. Платковскому и М.Б. Сапунову за участие и редактирование отдельных разделов и глав монографии.

Автор весьма признателен доктору философских наук А.Е. Крухмалеву, профессору Н.В. Романовскому, Ю.Ж. Тощенко, принявшим активное участие в подготовке данного труда.

Декабрь 2000 г.

Часть I

**Теоретико-методологические основы
исследования парадоксов**

Глава 1

Общественное сознание: социологическое видение

Революция совершается не на баррикадах — она происходит в умах и душах людей.

Т. Карлейль (1795—1881),
английский историк и философ

Логика исторического развития свидетельствует, что общественное сознание приобретает все более значимую роль в решении социальных проблем, растут масштабы его влияния на процессы, происходящие как в мире в целом, так и в любом обществе (государстве), в экономических, политических и других организациях, в жизнедеятельности всех социальных групп, слоев, общностей. Этот процесс соответствует общей тенденции увеличения роли субъективного фактора, субъектности, значимости и влияния таких характеристик общественного сознания, как достоинство, самоутверждение, самоуважение, которые служат возвышению человека в условиях непрерывных попыток подчинить его ум и разум то ли политическим, то ли экономическим, то ли техническим новациям и которые сами по себе не могут (и не должны быть) самодовлеющими факторами.

Современные научные исследования позволили выявить и оценить роль и значение не только таких компонентов общественного сознания, как знание, интересы и потребности, но и ценностные ориентации, установки и особенно феномен понимания. *В исследованиях общественного сознания постепенно закрепляется новый методологический подход, суть которого при всей его кажущейся очевидности заключается в следующем: люди живут не для теорий и концепций, не ради государственных доктрин или программ политических партий — они в первую очередь преследуют цели, в которых причудливым образом сочетаются самые различные ориентации, ценности, установки, причем таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают ведущий характер.* Люди судят о своем положении не по громковещательным обещаниям

и декларациям, а по той реальной ситуации, с которой они столкнулись в своей повседневной жизни. Что бы в настоящее время ни говорили о различных тенденциях и изменениях общественного сознания, **несомненным фактором является высокая оценка и самооценка «Я»** со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые в конечном счете приводят к необходимости считаться с осознанием каждым человеком своей ценности и самооценности. Следует, наконец, учесть, что в сознании и поведении людей происходят значительные изменения в структуре стимулов к жизни, к действию: **внешние стимулы ослабевают, а внутренние растут**, что является свидетельством возрастания роли субъективного фактора, духовного начала в развитии и функционировании современного мира. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что сознание развивается автономно, независимо, не всегда согласуясь с социально-экономическими тенденциями. Здесь нет автоматизма взаимодействия между сознанием и бытием. И эта относительная самостоятельность общественного сознания, его возросшее значение как самостоятельной социальной силы требуют специального анализа.

1.1. Общественное сознание: философское и социологическое измерение

Общественное сознание в течение длительного времени изучалось в основном в рамках философской мысли. Позднее выкристаллизовывались идеи, на которых сосредоточила свое внимание психология, исследуя феномен сознания индивида, малых групп, а также такие явления, как психология толпы, экстремальные ситуации, катастрофы, психология взаимодействия со второй «природой» — техникой, технологией, информацией. Социологическое же видение общественного сознания начало оформляться на грани XIX—XX вв., исподволь накапливая разрозненную информацию, и до сих пор еще не выработав законченной, всеми признаваемой концепции.

Что касается философской мысли, то она трактует сознание как специфическую человеческую форму идеального отражения и духовного освоения действительности. Оно возникает, функционирует и развивается как компонент практической деятельности общественного человека. Оно включено в эту деятельность и является моментом взаимодействия между объектом (предметом) и человеком, что наглядно проявляет себя с социальной практике. **Активность сознания находит свое выражение в избирательности, в целенаправленности, в специфических его характеристиках как процесса** (акты сознания, их содержание, познавательные средства, цель и др.).

При трактовке сущности сознания философы исходят из того, что человек мыслит с помощью мозга. Деятельность высокоорганизованной нервной системы — мозга — является условием возникновения и развития человеческого сознания. Особо следует сказать о том, что познать, освоить предмет, раскрыть сущность бытия — в этом заключен смысл сознания. Далее, сознание включает в себя не только отражение объективного мира, но и осознание человеком своей психической деятельности (самосознание). Человек делает предметом сознания и оценки само сознание, осмысливает его формы, а также самого себя в качестве его носителя. Вместе с тем сознание несводимо ни к мышлению, ни к актам самосознания, а охватывает как абстрагирующую деятельность мышления, так и продуктивное воображение. Кроме того, сознание включает в себя интуицию, человеческие эмоции, волю, совесть и т.д. Все это позволяет сделать вывод, что сознание есть совокупность, средоточие психических функций человека. В психике человека наряду с сознанием вычленяются подсознательные и бессознательные процессы. Сознание также тесно связано с языком. В нем оно находит свое материальное воплощение. Материализуясь в языке, продукты сознания могут быть переданы последующим поколениям. Язык есть лишь одна из форм материализации сознания. Кроме того, оно воплощается и в предметах труда, произведениях искусства и т.д. И наконец, сознание включает в себя и ценностные установки личности, ее ориентации, характеристику самочувствия и настроения [1].

При исследовании сознания во всем его многообразии философской мыслью обстоятельно и основательно был осмыслен феномен субъектов этого сознания, что привело к выводу: *его можно рассматривать и в социальном аспекте, т.е. как общественное, как групповое (классовое) и как индивидуальное (личностное)*. Все эти виды сознания имели общие и специфические характеристики. Несомненно, эти выводы серьезно обогатили научные представления о социальном значении сознания [2].

Так, индивидуальное сознание, по мнению И.И. Чесноковой, характеризует сознание конкретной личности, принадлежащей к определенному обществу, классу, определенной социальной группе, общности. В нем общественное бытие отражается и осознается через призму индивидуального своеобразия бытия отдельной личности. *Индивидуальное сознание представляет собой единство познания, результатом которого является система знаний личности, составляющих ядро, способ осмысления реальности и переживаний, формирующих отношение личности к различным сторонам объективного мира, к людям, их взаимоотношениям*. На этой основе формируется и создается субъективный опыт личности в виде обобщенного от-

ражения внешнего мира в знаниях и отношениях, а также становится возможной регуляция деятельности, поведения, общения. Конкретное содержание индивидуального сознания, существующее в форме убеждений, взглядов, понятий эмпирического знания личности, обусловлено воздействием и взаимодействием общих и специфических факторов социального и материального бытия личности. Каждый исторический период развития общества, с характерным для него экономическим укладом и политическим строем обуславливает существование соответствующих типов индивидуального сознания [3].

Особо следует подчеркнуть, что *индивидуальное сознание — единство социально-типического и индивидуализированного*. Соотношение этих двух сторон отражает его место и роль в жизни общества. Но оно не способно подняться до осознания всей сложности общественного бытия. Этапом для достижения этого является *групповое сознание, представляющее совокупность идей, взглядов, чувств, настроений, волеизъявлений, присущих данной социальной общности*. Это один из уровней общественного сознания, из которого индивид «черпает» значимые идеи, взгляды, представления, соотносит их с личными интересами и ценностями.

Феномен группового сознания был исследован в конце XIX в. французским социологом *Э. Дюркгеймом (1858—1917), который выявил его интегрирующую роль и отличие от индивидуального сознания*: «Группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были бы разъединены. Если, следовательно, отправляются от этих последних, то они не поймут ничего из того, что происходит в группе» [4].

Групповое сознание варьируется от группы к группе, приобретая свою видовую характеристику (классовую, национальную, профессиональную и т.д.). В процессе групповой самоорганизации происходит осознание членами группы своих интересов, понимание своего положения в обществе, своих отношений с другими группами. Главный элемент группового самосознания — чувство «мы» как осознание своего группового тождества в отличие от «они» — других социальных общностей [5].

В этой цепи рассуждений *общественное сознание выступает в качестве высшей формы, которое охватывает восприятие всех сторон общественного бытия; всю совокупность общественных проблем* [6]. В это же время общественное сознание существует в индивидуальном и групповом измерении, взаимодействие между которыми неоднозначно и противоречиво, ибо не все, что проходит через них, включено в общественное сознание. *Для социологии важное значение имеет тот факт, что процесс усвоения личностью содер-*

жания общественного сознания детерминирован рядом объективных и субъективных причин. К объективным причинам относятся условия общественного и личного бытия, та духовная атмосфера, которая создается в данном обществе и выражается в господствующих морали, традициях, национальных обычаях и других проявлениях духовности. Субъективные детерминанты освоения личностью содержания общественного сознания обуславливают ее социально-психологические особенности, а также такие социальные характеристики, как мировоззрение, убеждения, потребности, интересы и т.д.

В XX в. внимание исследователей все больше и больше стало сосредоточиваться на проблемах общественного сознания. И на пути становления и обогащения знания об этом феномене были свои открытия и находки. Постепенно накапливающееся знание о сущности, особенностях и специфике общественного сознания позволило сделать ряд важных теоретико-методологических выводов о процессах его развития и функционирования.

Прежде всего, были подвергнуты сомнению и критическому анализу утверждения, согласно которым «общественное бытие определяет общественное сознание» и «общественное сознание отстает от общественного бытия». И в самом деле, анализ социологической информации показывает, что данный вывод не является абсолютной истиной, а лишь одним из возможных аспектов взаимодействия общественного сознания и общественного бытия. Да, общественное сознание во многих жизненных ситуациях может отставать от общественного бытия, и иногда нужно значительное время, чтобы это отставание преодолеть (если это вообще возможно). Но не менее реальна и не менее распространена ситуация (например, в условиях революционных, кардинальных общественных перемен), когда идеи значительно опережают общественное бытие, воздействуя на него и заставляя его изменяться в соответствии (может быть, частичным) с объективными потребностями общества.

Именно такая ситуация позволяет говорить, что **общественное сознание (общественные идеи) может выступать той решающей силой, которая при особых ситуациях определяет ход исторического процесса.** В данной связи стоит напомнить известное марксистское положение, согласно которому сознание отражает материальный мир, является его порождением, зависит от процессов, которые происходят в нем. При этом не придавалось должного значения другому марксистскому положению: сознание творит мир и только в процессе практики человек доказывает «истинность, т.е. действительность и мощь, посясторонность своего мышления» [7].

Кроме того, история знает немало примеров того, когда общественное сознание находится в соответствии с общественным бытием, и их взаимодействие определяется как той, так и другой стороной.

И наконец, в истории человечества общественное сознание неоднократно становилось материальной силой и предопределяло движение общества. И в этом утверждении нет ни грани субъективизма, идеализма, непонимания научной истины о роли материальных отношений, экономического базиса. Признание первичности бытия отнюдь не исключает, что в конкретных исторических условиях влияние и воздействие сознания на общественные процессы могут и получают первостепенное, решающее значение.

Следовательно, общественное сознание, отражая многообразие связей и отношений объективного мира, может быть активной, нейтральной или пассивной общественной силой. В период революционных потрясений, коренных изменений в общественной жизни оно активизируется, начинает в большем объеме влиять на ход общественного развития. В период кардинальных изменений активная роль общественного сознания повышается, ибо процессы, происходящие в объективной действительности с большей, чем ранее, полнотой, отражаются в идеях, теориях и даже в обыденном сознании. Залогом действенности общественного сознания в этом случае выступает степень глубины познания объективного хода общественного развития и использование его в исторической деятельности классов, социальных групп и слоев, их политических и общественных объединений. Взаимосогласованность и взаимовлияние общественного бытия и общественного сознания являются базой превращения последнего в объективную материальную силу.

Понимание, вскрытие механизма органической связи материального и идеального, объективного и субъективного позволяет если не решить, то объяснить многие проблемы общественного развития, дать научно обоснованную интерпретацию их противоречивости, сложности, аномальности.

Анализ состояния и тенденций развития современного общественного сознания в России вполне резонно ставит вопрос: а могло ли в нынешних условиях общественное сознание превращаться в реальную материальную силу? Вывод напрашивается однозначный: могло и превращалось, но, к сожалению, нередко со знаком минус. Дело в том, что не всегда и не на всех этапах существования общества общественное сознание воплощало в себе только передовое, прогрессивное. Его состояние не всегда находило отражение в научно обоснованных теориях, концепциях, взглядах и идеях.

При такой постановке вопроса мы подходим к необходимости выжить не только соотношение теоретического и обыденного сознания, но и роль первого в решении судеб общественного развития. Если обыденное сознание возникает в процессе повседневной жизни, являясь продуктом стихийного отражения внешней стороны действительности, то теоретическое сознание представляет собой познание существенных связей, отражающих глубинные процессы, что требует научного осмысления, проникновение в суть вещей.

Теоретическое сознание находит свое воплощение в теориях, концепциях, идеях, которые претендуют на более высокий уровень познания и отражения действительности, вскрытие новых пластов знания, проникновение в новые неведомые ранее стороны жизни общества.

Так, анализ проблем общественного развития позволил современной философской мысли обосновать вывод, что «самое главное — действительно эпохальное, всемирно-историческое изменение, связанное с переходом от традиционного общества к техногенной цивилизации, состоит в возникновении новой системы ценностей... Ценности техногенной культуры задают принципиально иной вектор человеческой активности. Преобразующая деятельность рассматривается здесь как главное предназначение человека. Деятельностно-активный идеал отношения человека к природе распространяется и на сферу социальных отношений, которые также начинают рассматриваться в качестве особых социальных объектов, которые может целенаправленно преобразовать человек» [8].

Вместе с тем обоснованность и жизненность теорий и концепций, которые предстояло объективизировать, реализовать, не всегда коррелируют с потребностями общественного развития. Нередко эти теории и концепции лишь частично, в неполном объеме отражали объективные закономерности общественного развития, состояние и проблемы функционирования реального общественного сознания. Более того, они нередко искажали реальную картину, ибо, претендуя на абсолютность своей истины, не допускали иных подходов и объяснений происходящих общественных процессов. На этой почве пышным цветом расцветали прожектерство, догматизм, слепое копирование чужого опыта и просто отсебятина.

Иногда теории, концепции не были сопоставлены с объективной реальностью, оторваны от жизни, отражали собственные домыслы или фантомные идеи, а их теоретико-методологические положения по сути дела представляли собой пустоцветы. Но если бы только этим ограничивалась их роль! Вкупе с другими надуманными идеями их авторы претендовали на активную роль, требовали их воплощения в жизнь, оспаривали выводы, которые хотя бы частич-

но ставили под сомнение провозглашенные ими догматы. Носители и разработчики этих идей были и воинствующими оракулами-проповедниками — всякий, кто высказывал иную точку зрения, подвергался остракизму, осмеянию, награждался соответствующими ярлыками и постоянно ставился в положение оправдывающегося. Признавалась и проповедовалась лишь та точка зрения, которой придерживались монополизировавшие влияние в обществе и политике ангажированные группы и объединения людей.

Анализ функционирования теоретического сознания позволяет сделать такие выводы: во-первых, само по себе оно не может превращаться в материальную силу; во-вторых, многие теоретические воззрения, которые претендовали на эту роль, не были реализованы, так как в своей основе были ущербны, ненаучны, догматичны и не сопоставлены с реальной жизнью; в-третьих, истинно передовые взгляды и идеи, стихийно пробивавшие себе дорогу, нередко торпедировались, замалчивались, ограничивались при любой попытке воплотить их в практику.

Не изменилась ситуация в условиях становления новой России, когда были сломаны основы прежнего политического и экономического строя и его идеологическое обеспечение. Все усилия и потуги творцов переустройства России обернулись неисчислимыми бедами для большинства населения. Эти теории, возникшие на основе абстрактного теоретизирования, слепого заимствования и копирования, не проверенные в экспериментальных условиях, лишь подтвердили вывод о том, что конечным критерием жизнеспособности любых концепций и программ является реальная жизнь, практика, а не умозрительные схемы, какими бы привлекательными на первый взгляд они ни казались.

Исходя из этого, целесообразно кратко охарактеризовать состояние и тенденции общественного сознания на современном этапе развития и функционирования современной России.

1.2. Основные черты современного общественного сознания: опыт конструирования

Кардинальный характер изменений, происшедших в российском обществе в 1990—2000-е гг., привел к возникновению и закреплению новых характеристик общественного сознания, отличающих его от состояний на предыдущих этапах развития и функционирования.

Прежде всего следует отметить процесс *универсализации* общественного сознания, когда стираются грани национально-этнического

характера, профессионального восприятия. Это приобретение реальным мышлением черт планетарного сознания является своего рода итоговой формой его революционных и эволюционных изменений в окружающем мире. В настоящее время очень популярна теория глобализации общественных процессов, которые охватывают и сферу общественного сознания. Мир, его экономическая, социальная и духовная жизнь приобретают общие черты, обладают все больше сближающимися характеристиками. Правда, стоит отметить, что ряд ученых подвергают сомнению реальность такого объяснения происходящих глобальных процессов, называя их скрытой формой вестернизации и даже американизации [9].

Одновременно происходит процесс *диверсификации* общественного сознания, когда в рамках общих тенденций увеличивается вариативность ценностных ориентаций, установок отдельных социальных групп, имеющих достаточно различные позиции по основополагающим проблемам, которыми руководствуется человек (люди) в принятии своих решений как текущего, так и перспективного характера [10].

Кроме того, общественное сознание стало отражать процесс осмысления и реализации новых экономических, социальных и политических реалий. Все новые и новые проблемы, обсуждавшиеся в обществе, способствовали *расширению* сферы действия общественного сознания, его *углублению и активизации* [11]. Средства массовой информации, и особенно печать, будучи полигоном для выражения волнующих людей идей и взглядов, ускорили процесс формирования мировоззренческого плюрализма. Правда, этот плюрализм оказался достаточно своеобразным, так как к концу 1990-х гг. все средства массовой информации были поделены между олигархическими группами, и их плюрализм приобрел специфическую направленность.

Однако реальная жизнь во всем ее противоречивом развитии дает все больше и больше пищи для размышлений, выработки различных подходов к пониманию происходящих изменений. Даже такое достижение перестройки, как гласность, закрепленная в Законе о печати, предоставившем свободу выражения мнений, прошло трудный и опасный путь своего развития, в результате чего существенным образом изменилось представление о роли, назначении и функциях средств массовой информации. И на этом пути общественное сознание стало реальным участником поисков истины в трудной и сложной реконструкции демократии, прав и свобод человека, не прекращающихся дискуссий о путях осуществления рыночных реформ и методах их реализации.

В условиях трансформации общества не менее отчетливо проявилась и такая черта реального общественного сознания, как *динамичность*. Представления людей о политическом и экономическом устройстве общества постоянно изменялись, причем нередко кардинально [12]. Отвергая советскую форму так называемого зрелого социализма, общественное сознание было вдохновлено идеалами построения общества, которые реализовывали индустриально развитые страны. Однако реальная жизнь быстро охладила эти мечтания. В условиях несостоявшихся надежд внимание одних стало концентрироваться на некоторых восточных моделях построения общества, других — на поисках истинно российских, своеобразных корней и осмыслении российского исторического опыта преобразований, третьих — на спорных концепциях евразийства, четвертых — на возвращении к обновленной советской модели. Причем появлялись причудливые сочетания всех этих комбинаций, что лишним раз знаменовало *размытость, неопределенность и переменчивость общественных ориентаций и социального настроения* [13].

Реальные процессы, происходящие в общественном сознании, показывают еще одну важную его особенность: оно стало *злободневным*, остро и заинтересованно реагирующим на происходящие в жизни процессы. Еще в условиях перестройки сложилась ситуация, когда впервые за долгие годы интерес к внутренним проблемам превысил интерес к вопросам международных отношений. Людям стало гораздо интереснее знать, что происходит вокруг них, трактовать события как в масштабе государства, так и своей республике, городе, районе, селе, производственной организации [14].

Люди стали оперативнее и острее откликаться на проблемы, ущемляющие их социальное положение, их материальные и духовные потребности. Следствием этого стало появление множества самостоятельных объединений и политических партий, не оставивших практически ни одной ниши в общественном сознании.

Современному общественному сознанию присуща и такая характеристика, как *критичность*. Люди не желают мириться с бедностью, просчетами, коррупцией, хищениями, преступностью, существование которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами. Высока критичность оценки экономической и социальной жизни. В условиях утраты авторитета псевдорыночными преобразованиями, торжества коррупционных схем и методов работы не уменьшается количество негативных оценок социально-экономической ситуации, ее последствий для общественной и личной жизни, ибо процессы, проистекавшие во всех сферах деятельности государства, отражаясь в общественном сознании, оценива-

ются людьми весьма негативно, с высокой степенью разочарования в происходящих изменениях [15].

Резкое уменьшение доверия к основным политическим институтам страны во второй половине 1990-х гг. выразилось в негативной оценке деятельности президента, Государственной Думы, правительства, которая многократно превышало процент позитивных оценок. Руководителям не был прощен ни один просчет — спад производства, обнищание основной массы населения, рост преступности, межэтнические конфликты.

Вместе с тем следует отметить и такую черту общественного сознания, как обретение им характеристики *реального мышления*, обладающего в значительной степени *дальновидностью и зрелостью*.

В науке есть такое утверждение: «Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то не надолго». Посулы начала 1990-х гг. были встречены с одобрением и вдохновением (большинство населения признавало, что «так жить нельзя»). Но люди довольно быстро осознали их порочность и гибельность, что привело к политической смерти многих «прорабов» перестройки и «творцов» реформ.

И наконец, следует отметить и такие характеристики, которые невозможно игнорировать при оценке состояния и тенденций общественного сознания: *рост индивидуализма, увеличение влияния шовинизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости*.

Что касается *социологического знания о сущности, содержании, структуре и функциях общественного сознания*, то его развитие и обогащение шло *в нескольких направлениях*.

Одним из них стали исследования общественного сознания *через познание деятельности*, что, в свою очередь, позволило сформулировать качественную определенность таких форм общественного сознания, как политическое, нравственное, правовое, эстетическое и т.д. [16].

Этот ключ к анализу общественного сознания — через деятельность — знаменовал новый подход, который расширял и обогащал наши представления об общественном сознании, постепенно подготавливал базу для его социологического осмысления. Потребность в новой, более глубокой интерпретации диктовалась и тем, что философский подход к общественному сознанию как теоретическому и обыденному «не работает» при социологическом исследовании, ибо те феномены сознания, которые подвергались анализу и реально существовали, представляют собой различные комбинации и научности, и обыденности, и их трудно (а в большинстве случаев невозможно) отделить друг от друга, но можно понять и интерпретировать только в неразрывной связи этих компонентов. Иначе говоря, в жизни (а не в теории познания) мы имеем дело *с реальным*

(реально функционирующим, практическим) сознанием, в котором в самой причудливой форме, в самых разнообразных пропорциях и комбинациях переплетены и научные взгляды и обыденные представления, мифологизированные суждения и заблуждения, политизированные установки и примитивные ориентации, существенно варьируемые и видоизменяемые у разных социальных групп и слоев. Можно только предположить, что по мере социального развития общества обыденное все больше будет замещаться научным, теоретическим знанием, но полного вытеснения обыденности никогда не произойдет [17].

Значительный результат в изучении реального сознания был достигнут в исследованиях *общественного мнения* как особой специфической формы его проявления, что серьезно обогатило наши представления об общественном сознании. Это был очень важный шаг на пути социологического осмысления реальной жизни общества, его классов, социальных групп и отдельных людей. Изучение феномена общественного мнения позволило выявить отношение людей к актуальным, злободневным, жизненно важным для них экономическим, социальным и политическим проблемам, их оценки, понять мотивы их поведения, их интересы и потребности [18]. Но исследования общественного мнения фиксируют в основном реакцию на злободневные проблемы. Они выявляют отношение людей и их оценки, которые очень часто имеют преходящий, сиюминутный характер. И опасен не столько сам процесс исследования общественного мнения, сколько переоценка его значимости. «...Почти чудовишно, — писал в «Феномене неравенства» Н.А. Бердяев, — как люди могли дойти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины!» [19].

Поэтому информационная ценность общественного мнения имеет свои ограничения и ни в коем случае не может заменить исследований феномена общественного сознания в целом.

Следующим значительным шагом на пути более углубленного представления об общественном сознании стало введение в научный оборот, в социологию понятия «*массовое сознание*», появившееся в отечественной литературе в 1960—1970-е годы [20]. Так, Б.А. Грушин оперировал понятиями «массовые индивиды», «массы индивидов», «массовые общности». Но использование данного понятия, с одной стороны, расширяло наши представления об общественном сознании, что было для 1970-х гг. большим достижением философской и социологической мысли, а с другой — породило серьезные научные и идеологические издержки. При всей актуальности изучения массового сознания, его глубокой дифференциации все же оставался открытым во-

прос: а куда отнести сознание немассовое, отражающее позиции отдельных, особых и специфических групп и слоев, личности?

Уязвимость феномена массового сознания объясняется главным образом тем, что за его пределами остаются неисследованными, а нередко и незамеченными новые явления в поведении тех социальных групп, которые на данный момент не исповедуют и не придерживаются позиций большинства, но их сознание предчувствует и/или предвидит грядущие изменения, еще только зарождающиеся в обществе, могущие стать решающими и определяющими для дальнейшего развития. Например, под понятие «массовое сознание» никогда не подпадет сознание новатора-художника, писателя, композитора, хотя по ряду показателей повседневности оно мало чем отличается от жизненных установок большинства людей. Массовое сознание не совпадает с взглядами, мнениями тех групп людей, которые в силу исторических и этнических (часто родоплеменных) причин не вошли в полный контакт с мировой цивилизацией и сохраняют приверженность своему, нередко замкнутому, укладу жизни.

Преувеличение роли массового сознания в недавнем прошлом являлось основанием для игнорирования и даже преследования тех, кто не вписывался в его рамки, «выпадал» из привычного, санкционированного, официально одобренного. Именно по этим причинам данное противоречие решалось просто — считалось, что все, кто не разделяли позиции массового сознания (большинства), исповедовали спорные, а чаще всего даже и ошибочные идеи.

Жизнь упорно вносила поправки в представления о массовом сознании, о том, что большинство («массовое сознание») всегда право. Нам уже известен печальный факт игнорирования (в том числе и в политической жизни) сознания «шестидесятников», потом диссидентов, которое на самом деле не отражало мнения массы, но было способно — пусть в специфической форме — предвидеть и предопределять процессы и изменения общественной жизни. Не об этом ли говорит жизнь академика А.Д. Сахарова, гражданские позиции которого долгое время не разделялись официальными органами, не были поняты массовым сознанием.

Серьезный вклад в социологическую интерпретацию общественного сознания внесли проведенные в 1980—1990-е гг. исследования *политического, экономического, нравственного, экологического и других форм сознания*, в ходе которых анализировались:

- состояние каждой формы общественного сознания, ее отличие от других форм сознания по тем или иным показателям;

- информация о знаниях, оценке, отношении к отдельным процессам своей сферы деятельности;
- возможные пути и методы использования полученной информации в практике управления [21].

В эти же годы в отечественной социологии стали исследоваться и такие компоненты общественного сознания как *ценности, установки, потребности, интересы*, которые позволили увидеть реально функционирующее сознание во всей его сложности, противоречивости, конфликтности, без изъятия из него информации о «зигзагах» сознания не только отдельных социальных общностей, но и отдельных людей [22].

Данные исследования помогли выявить особый его феномен — *«социальное настроение»*, которое оказалось достаточно устойчивой характеристикой, доминантой общественного сознания. Оно воплощало в себе жизнеощущение, самочувствие и отражало уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальными группами окружающей их действительности [23].

Все эти поиски и находки привели к тому, что социологическая интерпретация общественного сознания использует несколько вариантов его исследования. *Основой для всех из них является признание того, что общественное сознание представляет собой реальное, практически функционирующее сознание, в котором в самых различных комбинациях, в самых причудливых сочетаниях органически переплетаются теоретическое (научное) и обыденное сознание.* Варианты этого сочетания весьма разнообразны, и социологи в большинстве случаев стремятся выявить уровень и степень присутствия того или другого и возможные их соединения в практическом, реально функционирующем сознании.

Иначе говоря, *мы имеем дело* не с общественным сознанием вообще, безликим и аморфным, не имеющим начала и конца, не просто с некоторыми логическими конструкциями, а *с реально функционирующим общественным сознанием*, к которому следует подходить с особых теоретико-методологических позиций.

1.3. Реальное сознание как предмет социологического исследования

Человек развивается как родовое, общественное существо прежде всего при помощи сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни и видах своей деятельности. Именно это отметил А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о при-

роде и обществе, писал, что в своей борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания» [24].

Реальное сознание по своему содержанию представляет собой, с одной стороны, синтез теоретического и обыденного сознания, с другой — сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих элементов, устоявшихся традиционных связей и привычек. И если эмоциональный компонент реального сознания больше связан с непосредственным впечатлением, сиюминутным воздействием, то рациональный может интегрировать и прошлый опыт, и уроки не только личной, но и групповой, коллективной жизни, улавливать общественное звучание многих происходящих событий. В этом и проявляется то, что роднит отдельные элементы практического восприятия действительности с научным, теоретическим сознанием. Преобладание стихийного, эмоционального в реальном сознании и поведении ни в коей мере не снижает значимости рационального, возможности, что оно в конечном счете будет определять направленность и зрелость общественного сознания и общественной деятельности.

Реальное сознание присуще не только отдельной личности или группе, общности людей, оно — *продукт коллективного творчества*, характерного как для всего общества, так и для социальных групп, слоев и общностей. Возникая как реакция на непосредственное восприятие действительности, как отражение сложившихся условий существования, реальное сознание приобретает самостоятельную роль, отражаясь в общественном мнении, умонастроениях людей.

Реальное сознание включает в себя здравый смысл, который не отрицает возможности познания глубинных сущностных процессов — оно даже предполагает его постоянное обогащение и использование в практической жизни человека. *Реальное сознание не является результатом какой-то специализированной деятельности* (в отличие от конкретных ее форм — политической, эстетической, нравственной и т.д.) и воспроизводится всеми видами деятельности человека. Так как любая деятельность включает принципиальные, сущностные моменты общественной деятельности, то можно сказать, что сознание, порожаемое этой деятельностью, способно фиксировать общую линию развития. То, что это сознание оперирует «первичными мыслительными формами», ни в коей мере не означает, что сфера реального, практического сознания ограничивается только «мелкими» вопросами бытия. Именно это противоречие — отражение очевидности окружающей действительности и возможность глубинного, а не поверхностного ее восприятия — характеризует состояние реального сознания и соответствующее поведение людей.

Продукты сознания и результаты деятельности людей, «включая их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое» (К. Маркс). Хотя реальное сознание формируется под влиянием непосредственного опыта, в общественном воплощении оно образует своеобразное явление, творцом которого выступают класс, нация, социальная группа или социальный слой, а в конечном счете люди, каждый человек.. Реальное сознание не есть собрание или механическое обобщение идей и взглядов — оно образует новую специфическую сущность, которой свойственно объективно отражать как собственно состояние, так и глупину осмысления общественного бытия.

Реальное сознание, вырастая из непосредственно практической деятельности, не отделено от общественного бытия. Более того, оно отражает (и думается, вполне обосновано) не только случайные, стихийные связи и отношения, но и некоторые устойчивые закономерности и тенденции развития общества (пусть и в несовершенном виде). «Сознание возникает как отраженное и осмысленное бытие, воспроизведение определенного образа жизни человека и общества» (А.Г. Спиркин). Сознание нельзя объяснить вне учета реального контекста жизни человека, который включен в определенную структуру социально-экономических, политических и социально-культурных отношений. При этом речь идет о сознании реально существующих людей как носителей общественного и индивидуального, их синтеза. Реальное сознание иногда квалифицируются как практическое, т.е. такое, которое выражает знание относительно собственной и общественной деятельности и социального положения.

Реальное сознание отражает общественные противоречия, широкую гамму повседневных иллюзий, нередко очень близких по своей сути к обыденному сознанию. «... Взятое... как совокупность обыденных переживаний, то есть всех тех горестей и радостей, надежд и разочарований, из которых складывается повседневная жизнь, это обыденное сознание оказывается сплошным беспокойством, по сравнению с которым научное и философское сознание представляются чем-то вроде атараксии мыслителей эпохи эллинизма» [25].

При рассмотрении реально функционирующего общественного сознания необходимо обратить внимание на возможность весьма высокой степени его операционализации, хотя и до сих пор мы встречаем утверждение, что изучение общественного, группового и индивидуального сознания является прерогативой только философии, психологии и естествознания. Несмотря на кажущуюся трудность (с чего начать?), общественное сознание состоит (а соответственно исследуется социологией) из таких компонентов, как зна-

ния, отношение или оценка (когда социолог выясняет, что люди знают, насколько они информированы, насколько «научно» их понимание тех или иных процессов и явлений); ценностные ориентации (устремления, желания рассматриваются как важное условие существования и регулирования поведения); мотивы (выясняется, на реализацию каких потребностей и интересов направлены усилия людей); установки (ценностные отношения к социальному объекту, психологически выражающиеся в готовности к положительной или отрицательной реакции на него). Нередко анализируются также интересы и потребности как шаги на пути превращения общественного сознания в реальное, социальное поведение людей.

Особо пристального внимания заслуживает феномен социального настроения — доминантная характеристика общественного сознания, которая, как показывают результаты социологических исследований, является относительно устойчивой его характеристикой при, возможно, весьма изменчивых показателях отношения людей к конкретным экономическим и социальным реалиям. Социальное настроение — это «неотложное», актуализированное реальное сознание, которое регулирует жизнь человека именно в данный период времени. Это еще и фон, который «окрашивает» жизнь людей, показывает с высокой степенью вероятности направленность их поведения и помогает спрогнозировать возможность усиления позитивных и ослабления негативных аспектов общественного сознания. Социальное настроение одновременно является и вероятностной формой выражения сознания в процессе превращения его в общественную силу [26].

Анализ практики социологических исследований 1980—2000-х гг. показывает, что информация о состоянии и тенденциях изменения общественного сознания в большинстве случаев добывалась в рамках изучения отдельных социальных групп, слоев, организаций и институтов. На основании этого выяснялась картина экономических и политических ориентаций и предпочтений различных категорий населения. Но за кадром часто оставались другие группы, другие слои, другие сообщества. И поэтому делать общие достоверные выводы на основании изучения локальных сообществ было затруднительно, а в ряде случаев и невозможно. Полученные выводы и данные имели, как правило, ограниченное значение и могли быть распространены именно на изучаемый объект, не более. Попытки распространить эти выводы на все общество были уязвимы по многим параметрам.

Ограниченность изучения локальных сообществ, социальных общностей продемонстрировали всероссийские (всесоюзные) исследования общественного сознания, в том числе общественного мнения, которые выявили достаточно серьезные различия между

ними. Выводы социологов, касающиеся населения всей страны, по многим параметрам не совпадали с аналогичными показателями, когда объектом исследования выступали отдельные социальные группы. Более того, именно исследования, изучавшие общественное сознание в целом, выявили его латентные характеристики, которые оказались более значимыми, чем тогда, когда оно измерялось при исследовании отдельных социальных групп. Не менее часты были ситуации, когда показатели тех или иных изменений общественного сознания в рамках отдельной социальной общности оценивались как незначительные или незначимые, но сопоставленные с аналогичными показателями в других социальных группах и общностях, приобретали серьезное, а иногда противоположное значение.

Вместе с тем очевидно, что *при изучении социальной реальности нельзя ограничиваться только анализом состояния общественного сознания. Его компоненты (знания, идеи, мотивы, ценности, установки) становятся реальной силой только тогда, когда они воплощаются в деятельности, в действиях людей.* Не секрет, что общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам не всегда реализуются в поступках, в акциях, в реальных делах. Понять, что мешает их претворению в жизнь — одна из важнейших задач любого социологического исследования.

Поэтому для социологии важно познать процесс «превращения общественного сознания в общественную силу» (К. Маркс). Процесс реализации прогностической функции социологии, живое сознание и поведение — весьма богатые по содержанию специфические состояния общественной жизни, в которых переплетаются как научные, обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом непосредственное восприятие действительности и соответствующее ему действие. Иначе говоря, живое, практическое сознание и поведение — это реально функционирующая общественная жизнь во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противостоящих социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному сознанию и поведению — как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему на эмпирическом уровне, в условиях непосредственно практического опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) элементы теоретического сознания, — позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общее, присущее им не только во всех сферах общественной жизни, но и в условиях различных социально-экономических систем.

Обобщая имеющиеся в эмпирических исследованиях выводы и предложения, можно сказать, что социологическая интерпретация общественного сознания осуществляется на основе показателей, характеризующих следующие его компоненты: *знание, отношение к знанию, ценностные ориентации, мотивы, установки, интересы и потребности*. В качестве неперменного элемента общественного сознания выделяется *общественное мнение* как его специфическая форма, которая фиксирует отношение к актуальным, злободневным проблемам как общественной, так и личной жизни. Имеется опыт исследования и таких операционализируемых компонентов реального сознания как социальное настроение, социальное самочувствие. В целом такой подход позволял достаточно полно и всестороннее анализировать феномен общественного сознания и получать соответствующие результаты.

В большинстве отечественных социологических исследованиях *общественное сознание анализируется в связи с деятельностью, поведением людей*. В данном случае мы не останавливаемся на уточнении и специальном рассмотрении соотношения понятий «деятельность» и «поведение» — для нас важно подчеркнуть тот факт, что сознание, становясь активной преобразующей силой, реализуется в практике.

Следует оговориться, что не все акты сознания становятся актами поведения, деятельности. Имеется огромное количество условий и факторов, которые способствуют или препятствуют данному процессу. Но несомненно одно: социолог не может ограничиться анализом общественного сознания в целом или его отдельных проявлений как таковых — очень важно проверить его в «действии».

В этой связи следует напомнить характеристику социологии, данную П.А. Сорокиным, как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных» [27]. Коль скоро мы с нею согласны, то в качестве второго базового понятия социологии можно назвать *поведение*, которое является ступенью реализации всех или отдельных компонентов реально функционирующего общественно-го сознания. Поскольку сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обуславливают друг друга, постоянно взаимодействуют, обогащают друг друга и конфликтуют между собой, постольку анализировать их следует в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Иначе говоря, *реальное, живое сознание и поведение — самые «богатые» по своим проявлениям общественные процессы*. Фактически они отражают на эмпирическом уровне состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречиво-

сти, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов, всей общественной жизни. Поэтому их исследование представляет важный инструмент для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной.

Однако, чтобы не впасть в субъективизм, необходимо, на наш взгляд, проанализировать не просто сознание и поведение, а их функционирование в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих воздействие всех видов общественной макро-, мезо- и микросреды. Социолог призван учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...» [28]. Иными словами, живое, практически функционирующее сознание — это и есть сознание деятельного человека.

Таким образом, общественное сознание и поведение в конкретной социально-исторической обстановке, объясняющие развитие и функционирование различных социально-демографических, национальных, социально-профессиональных структур, являются предметом социологии. Изучение сознания и поведения людей переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества.

Это расширение и обогащение теоретических и методологических подходов и возможностей к познанию общественного сознания способствовало глубокому и обстоятельному анализу духовной жизни современного общества, помогло более красочному, обстоятельному видению состояния современного российского общества, выявлению нового класса проблем.

В этой связи уместно напомнить, что *общественное сознание и поведение становятся предметом изучения только в условиях гражданского общества* — общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того времени, когда общество отделилось от государства. Ни у кого не вызывает сомнения, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может продемонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни, когда он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной мере зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. О том, что творцом и движущей силой развития этого общества являются сознание и поведение людей, говорит и исторический опыт: не будет мира, гармонии, устойчивости, пока люди не поймут и не примут того, что их устроит, сблизит, и не предпримут усилий для того, чтобы достичь этой цели.

Итак, можно сказать, что *социология — это наука о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества. Предмет социологии как науки включает: реальное общественное сознание* во всем его противоречивом развитии; *деятельность, действительное поведение людей*, которые выступают как предметное воплощение (по форме и содержанию) знаний, установок, ценностных ориентаций, потребностей и интересов, фиксируемых в живом сознании; *условия*, в которых развиваются и реализуются реальное сознание и деятельность, действительное поведение людей.

Все это позволяет нам назвать совокупность данных идей *социологией жизни*, так как она оперирует показателями отношений и взаимодействий людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут [29].

Примечания

1. См.: *Общественное сознание и его формы*. М., 1986; *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972; *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980; *Новая философская энциклопедия*: В 4 т. М., Мысль. 2001. Т. 3. С. 589—591, и др.
2. См.: *Алексеев В.П.* Становление человечества. М., 1984; *Арефьева Г.С.* Общество, познание, практика. М., 1988; *Барулин В.С.* Социально-философская антропология. М., 1994; *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1984; *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Общественное сознание и общественные науки. М., 1973; *Кутырев В.А.* Современное социальное познание. М., 1988; *Ойзерман Т.И.* Философия как история философии. СПб, 1999; *Степин В.С.* Философская антропология и история науки. М., 1992; *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме. М., 1989; *Чинакова Л.И.* Социальный детерминизм. М., 1985, и др.
3. См. *Энциклопедический социологический словарь*. М., 1995. С. 682—683.
4. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 26.

5. См. *Антипина Г.С.* Сознание групповое //Энциклопедический социологический словарь. С. 682.
6. Подробнее см.: *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972; *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980; *Михайлов Ф.Г.* Общественное сознание и самосознание индивида. М., 1990; *Общество и сознание.* М., 1980; *Рубинштейн Э.П.* Проблемы общей психологии. М., 1973; *Тойбер А.Х.* История сознания. М., 1999;
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 1
8. Подробнее см.: *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: 2000. С. 20.
9. См.: *Покровский Н.Е.* Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) //Социол. исслед. 2000. № 6.
10. См.: *Левада Ю.А.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000—2005. М.: Новое издательство, 2006.
11. См.: *Левашов В.К.* Социологическая динамика (Опыт социологического анализа)., 2003; *Он же.* Социополитическая динамика российского общества (2000—2006). М.: 2007.
12. *Как мы изучали Общество в 204 г.* М.: ВЦИОМ, 2005.
13. См.: *Десять лет социологических наблюдений* /Под ред. А.А. Ослона. М., 2003; *Социологические наблюдения (2002—2004).* М., 2005; *Ускользающий мир.* М.: Моск. школа полит. исслед. 2004.
14. См.: *Бойков В.Э.* Народ и власть. Результаты социологического мониторинга: 1998—2005 гг. М.: Изд-во РАГС, 2006.
15. *Изменяющаяся Россия в зеркале социологии* /Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004.
16. См.: *Леонтьев А.Н.* Деятельность — сознание — личность. М., 1975; *Общественное сознание и его виды.* М., 1983;
17. Об уникальном опыте исследования повседневности, обыденного сознания подробнее см.: *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2006; *Попова И.М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются, исчезают. Киев, 2000.
18. См. *Уледов А.К.* Общественное мнение. М., 1964; *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. М., 1967; *Горшков М.К.* Общественное мнение. М., 1988; *Коробейников В.С.* Авторитет общественного мнения. М., 1989; *Левада Ю.А.* От мнения к пониманию. Социологические очерки. 1993—2000. М.: Моск. школа полит. исслед. 2000; *Докторов В.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: ЦСП. 2006, и др.
19. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990. С.41.
20. См.: *Грушин Б.А.* Массовое сознание. М., 1987. Следует отметить, что одними из первых эти понятия использовали: *Дилигенский Г.Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969; *Уледов А.К.* Структура общественного сознания. М., 1968. В условиях постсоветской России эту тему разрабатывали: *Насонова Л.И.* Обыденное сознание как социокультурный феномен. М., 1997; *Спивак Д.Л.* Изменение состояния массового сознания. СПб. 1996;

21. См.: *Бойков В.Э., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т.* Общественное сознание и перестройка. М., 1990; *Барулин В.С.* Российский человек в XX веке: потребности и обретения. СПб.: 2000; *Рывкина Р.В.* Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. М., 1994; *Соколов В.М.* Социология нравственного развития личности. М., 1986; *Семашко А.Н.* Социология искусства. Киев, 2006; *Сысоева Л.С.* Эстетическая деятельность и эстетическое воспитание. Томск, 1989; *Харченко В.К.* Поведение: от реального к идеальному. Белгород, 1999.
22. См.: *Динамика ценностей населения реформируемой России* /Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 1996; *Волков В.Г., Поликарпов В.С.* Многомерный мир советского человека. М., 1988; *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы, Ценности. М., 1986; *Ильин В.И.* Поведение потребителей. Сыктывкар, 1998; *Сурина И.А.* Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство: Вопросы теории и методологии. М., 1999, и др.
23. См.: *Тощенко Ж.Т., Харченко С.В.* Социальное настроение. М., 1996; *Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. М., 1966; *Ольшанский Д.В.* Массовые настроения в политике. М., 1995.
24. *Богданов А.* Из психологии общества. СПб., 1906. С. 57.
25. *Ойзерман Т.И.* Философия и обыденное сознание //Вопросы философии, 1967. № 4. С. 127.
26. См.: *Тощенко Ж.Т.* Теоретико-методологическое осмысление социального настроения как феномена современной общественной практики //Социология на пороге XXI века. Новые направления исследований. М., 1998; *Левада Ю.А.* Индексы социальных настроений в «норме» и в кризисе //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 6.
27. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 534.
28. *Маркс К., Энгельс Ф.,* Соч. Т. 37. С. 395, 396.
29. О концепции социологии жизни и авторской интерпретации объекта и предмета социологической науки см. подробнее: *Тощенко Ж.Т.* Социология. М.: 2005; *Костюченко Л.Г., Резник Ю.М.* Введение в теорию личности. Личность и ее жизненный мир. М.: НИГО, 2003; *Резник Ю.М.* «Социология жизни» как новое направление социологических исследований //Социол. исслед. 2000. № 9; *Дыльнов Г.К., Климов В.А.* Об основном понятии «социологии жизни» // Социол. исслед. 2003. № 4.

Глава 2

Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа

Мечта рабов — это рынок, на котором
можно самим себе купить хозяев.

Станислав Ежи Лец, польский поэт
(1909—1966)

Применяя понятие метаморфозы к анализу проблем общественного сознания, мы исходим из того, что подобно тому, как в животном и растительном мире происходят глубокие преобразования живого организма в целом или его основных (отдельных) органов, так и в обществе реализуются различные комбинации его превращения в качественно иное состояние или создаются условия для появления отдельных устойчивых образований, свидетельствующих о кардинальных изменениях экономической, социально-политической и духовной жизни. ***Метаморфозы присущи и общественному сознанию, особенно в период трансформационных процессов.*** В свое время французский философ ***Р. Декарт*** (1596—1650) говорил об антисознании, пытаясь объяснить явления, выпадающие из логики общественного развития. Метаморфозы могут охватывать как общественное сознание в целом, так и отдельные его виды, формы, а также механизмы его функционирования. Причем эти метаморфозы могут отражать как отдельные сдвиги и изменения, происходящие в сознании, так и самое причудливое их сочетание. Они своеобразный результат деформаций общественного сознания, знаменующий появление превращенных его форм на всех уровнях социальной организации общества — в макро-, мезо- и микросреде. Но несомненно еще одно — ***современные метаморфозы появляются и возникают не сами по себе, а при определенных травмирующих условиях, складывающихся задолго до того, как они оформятся в некую целостность, становящуюся заметным явлением в общественной жизни*** [1].

2.1. Условия возникновения метаморфоз

Обычно, когда характеризуют тенденции и проблемы развития общественного сознания, анализируют те реальные условия, в которых люди живут, работают и реализуют свое право на личную и общественную жизнь.

Однако при всей правомерности данного подхода *изучение метаморфоз общественного сознания следует начинать с анализа условий их возникновения*. В данном случае мы обращаем внимание на то, что сдвиги и изменения в общественном сознании начинают созревать на предшествующих этапах функционирования общественного строя, проявляются, скажем, в форме несоответствия интересов, потребностей, ценностных ориентаций и установок людей реально существующим общественным (экономическим, социальным, политическим, духовным и т.д.) отношениям.

Изменения, свидетельствующие о перерождении или глубокой деформации современного общественного сознания, накапливались постепенно. С одной стороны, они отражали реакцию на те объективные обстоятельства, которые складывались в обществе, и прежде всего в экономике и политике, с другой — они демонстрировали те сдвиги, которые означали появление новых или преобразование ранее сложившихся и функционирующих эталонов и стереотипов поведения. В результате мы все стали свидетелями метаморфоз во всех сферах жизни общества, особенно в общественном сознании и деятельности людей.

Эти глубинные предпосылки сдвигов и изменений в общественном сознании с особой наглядностью обозначили себя в период горбачевской перестройки. Что касается объективных условий, то ложные экономические приоритеты, начавшаяся дезориентация хозяйственной жизни вкупе с такими акциями как создание кооперативов на предприятиях, финансово-экономическая деятельность партии, комсомола и других общественных организаций стали мощным фундаментом теневизации экономики, основой для разрушения пусть заорганизованного, но цельного народно-хозяйственного организма. На глазах миллионов людей возникли трудно объяснимые и еще труднее понимаемые процессы, которые с каждым годом ухудшали их социальное положение, делали их свидетелями странных, импульсивных акций руководства страны.

В то же время общественное сознание благосклонно и благодарно восприняло провозглашенную политику гласности, первых шагов на пути демократизации (выборность руководителей, устранение безальтернативных выборов, доступность ранее закрытой

информации и др.). Такая реакция людей была связана с тем, что к этому времени люди устали от нарастающего засилья лжи, двоемыслия, стремления «казаться, а не быть» (К. Прутков), нравственной коррозии, ибо перерождение, порочность прежнего официального, монолитного, с социалистическим окрасом мировоззрения стали очевидным фактом. Атмосфера обмана, неправды, абсурда, усталость от непрерывных кампаний парадности и помпезности, злоупотребление святыми символами как, например, Великая Отечественная война ощущались многими, что не могло пройти бесследно для общественного сознания. В нем стали созревать мотивы отвержения навязываемых стандартов, сложившихся и пропагандируемых властью эталонов поведения, которые все дальше и дальше уходили от реальных интересов и потребностей людей. Засилье примитивных форм идеологического воздействия (юбилеи, «ленинские уроки и зачеты»), показуха во всем, фальшиво сработанные маски — все это привело к умножению метаморфоз, т.е. превращенных форм общественного сознания.

Но замахнувшись на устранение этих препятствий на пути объективно развивающегося общественного сознания, перестройка не только не решила, но и усугубила существовавшие ранее пороки, просчеты, недостатки. Более того, она породила и способствовала появлению и закреплению новых деформированных видов сознания. Не решили этих проблем общественного сознания и пришедшие на смену перестройки так называемые рыночные реформы. Чувство обманутости, настроения пессимизма и скептицизма получили продолжение и подкрепление в 1990-е гг., в условиях постсоветской России, объявленной смены экономического и политического строя. Иначе и быть не могло.

Вступление России в 1990-е гг. в рыночную экономику усугубило процессы деформации общественной жизни, породив новые метаморфозы общественного сознания с еще более глубокими и кардинальными социальными последствиями. Эти превращенные формы общественного сознания особенно мощно стали формироваться в связи с реализацией политики экономических реформ, и в первую очередь приватизации, которая имела на первом этапе облик ваучерной приватизации (1992—1994), на втором этапе (с 1994 г. и по настоящее время) — денежной. Не следует игнорировать тот факт, что неофициальная приватизация началась еще во время перестройки. Как только официальные государственные и партийные структуры получили разрешение заняться коммерцией, советские чиновники начали присваивать в собственность свои учреждения и реорганизовывать их в частные предприятия. При этом использовались те же поставщики, те же здания и тот же персонал. Менялась только

вывеска. Активы ранее существовавших организаций становились собственностью новых хозяев.

За «дикой» приватизацией времен перестройки последовала ваучерная, которая началась в октябре 1992 г. Акции стали некоторым подспорьем жителям России, хотя мало кто смог получить дивиденды и имел право голоса в решении вопросов управления, даже если эти ваучеры были вложены в заводы или предприятия, на которых трудились вкладчики. Но ваучеры оказались весьма полезны тем, кто имел возможность скупить их в больших количествах. Криминальные и коммерческие структуры старались приобрести их как можно скорее. Ваучеры скупались прямо на улицах у жителей или же за бутылку водки у алкоголиков. В других случаях эти структуры организовывали ваучерные фонды, которые рекламировались по телевидению с обещанием высоких дивидендов. Потом они или вовсе не платили дивидендов, или попросту исчезали сами. Таким образом, криминальные и коммерческие структуры собирали гигантские блоки ваучеров, которые использовали для покупки наиболее привлекательных производств, зачастую по бросовым ценам. И в то же время нерентабельные и убыточные производства оставались в руках государства, тяжелой гирей повиснув на вмиг обнищавшем государственном бюджете (в противоположность экономической политике Польши — шоковой терапии, где в первую очередь были распроданы ненужные и неэффективные предприятия).

Деформации общественного сознания способствовала гиперинфляция, сопровождавшаяся сознательным обманом народа. Ну, как должно было реагировать общественное сознание на обещание президента Б. Ельцина и главы правительства Е. Гайдара в 1992 г., а затем в 1993 г., что цены вырастут не более чем в 3—5 раз, а потом станут падать. Однако в течение только десяти месяцев 1992 г. цены выросли в 300—400 раз, что привело к массовому обнищанию населения. За три месяца 1992 г. 99% сумм, имевшихся у российских граждан на счетах в сберегательных банках, исчезло — были потеряны деньги, копившиеся десятилетиями на квартиру или машину, на свадьбу или достойные похороны. Когда Гайдару напомнили, что Верховный Совет осенью 1991 г. проголосовал за индексацию сбережений граждан в случае либерализации цен, он как ни в чем не бывало ответил, что дисбаланс экономики — вина прежнего режима, а не вновь сформированного правительства.

Одновременно шло разбазаривание, расхищение народного имущества, что также не могло пройти бесследно для общественного сознания. Цены, по которым были проданы многие предпри-

ятия, ошеломили российское общество. 324 завода были реализованы по средней цене менее чем 4 млн долл. каждый. «Уралмаш», гигант машиностроительного производства в Екатеринбурге, был продан за 3,73 млн долл., Челябинский металлургический комбинат — за ту же цену, Ковровский механический завод, который снабжал армию, МВД и госбезопасность огнестрельным оружием, — за 2,7 млн долл. Телефонные компании были проданы за 116,62 долл. за линию, в то время как в Северной Америке их стоимость составляла 637, а в Венгрии — 2083 долл. за линию [2]. Показателен и такой факт: нынешний олигарх Роман Абрамович приобрел «Сибнефть» — крупнейшую нефтяную компанию в период массовой «прихватизации» за 130 млн долл., а продал обратно государству в начале 2000-х гг. за 13 млрд долл.

В результате Россия с ее самыми богатыми в мире природными ресурсами очутилась на грани экономического краха. За десятилетие объем внутреннего валового продукта упал наполовину, чего не произошло даже в Великую Отечественную войну. Россия стала похожа на страну третьего мира, которая распродает свое сырье — нефть, газ, драгоценные металлы — в обмен на импорт потребительских товаров.

Одновременно в 1990-е гг. объем инвестиций в экономику России сократился на 80%. Из-за недостатка инвестиций многие секторы российской индустрии, включая авиастроение, машиностроение, пищевую промышленность, производство текстиля и микроэлектронику, практически находятся на грани полного исчезновения. Из страны начали вывозить в огромных количествах капиталы. По оценке МВД, за эти годы из России нелегально было вывезено около 350 млрд долл. Их переправляли, в частности, в чемоданах через таможенную зону аэропорта «Шереметьево-2» («черный рынок»), переводили в счет оплаты подставным фирмам якобы за услуги, которые на самом деле никогда не оказывались («серый рынок»). И это стало мощной основой для формирования теневой и криминальной экономики, уже с середины 1990-х гг. включавшей в орбиту своего воздействия, по оценке экспертов, от 45 до 55% валового национального продукта.

Экономические трудности сопровождаются демографической катастрофой. Средняя продолжительность жизни мужчин сократилась более чем на шесть лет по сравнению с 1985 г. В конце 1990-х гг. она составляла 57 лет, что является самым низким показателем в индустриальном мире. Из ста русских мальчиков, которые в 1999 г. достигли шестнадцатилетнего возраста, только 54 смогут, согласно статистике, отпраздновать свой 60-летний юбилей. Для сравнения:

100 лет назад 56 из каждой сотни 16-летних ребят из российской провинции имели шанс дожить до 60 лет.

Разрушительный характер экономической и социальной политики серьезно подорвал здоровье нации. Свыше 2 млн человек в России больны туберкулезом, причем количество официально зарегистрированных случаев открытой стадии туберкулеза увеличилось вдвое — с 50 тыс. в 1991 г. до 119 тыс. в 2004 г. Количество больных сифилисом возросло в 57 раз — с 8 тыс. в 1990 г. до 545 тыс. в 2004 г. Другие тяжелые заболевания, такие, как полиомиелит, холера и даже чума, говорят об угрожающем состоянии здоровья общества и всей системы общественной гигиены.

Все это привело к тому, что многие люди живут в условиях постоянного стресса. Задержка в выплате зарплаты от трех до восьми месяцев стали результатом спекуляций на всех уровнях экономики. Спасают приусадебные участки, на которых выращивают до 40% общего объема продуктов питания.

Отчаяние, вызванное экономической ситуацией, стало причиной роста самоубийств и насилия в обществе.

Информация об экономическом беспределе, о грубом и беззастенчивом грабеже народа, о финансовых аферах, становясь достоянием общественного сознания, приводила одних в изумление, других — в потрясение, третьи испытывали чувство растерянности. Немало было возмущенных, протестующих и просто теряющих ориентиры, что имело следствием апатию и безразличие. Иначе говоря, *шоковая терапия в экономике привела к шоку общества.* В такой ситуации, аналогичной периоду первоначального накопления капитала с его кровавыми разборками и беспощадной борьбой за собственность, в общественном сознании не могли не образоваться и появиться новые метаморфозы общественного сознания. Да и как не могло не деформироваться общественное сознание, когда, по мнению советолога, американского профессора С. Коэна, «современная Россия — это страна, в которой 75% населения обнищали или близки к обнищанию, где сирот больше, чем после Второй мировой войны... Это нищее государство, которому грозят голод, холод и разруха... мы должны говорить о беспрецедентном итоге: о буквальной демодернизации страны» [3].

Условия для возникновения метаморфоз были также созданы глубоко противоречивыми процессами в политической жизни общества, когда народ открыто отстранялся от участия в управлении или создавалась видимость его причастности к выбору власти в процессе избирательных кампаний, достигших высокого уровня манипулятивности.

В 1990-е гг. уровень доверия ко всем властным структурам упал до такого уровня, который в развитых странах стал бы основанием для отставки правительства, проведения новых выборов, смены многих действующих политических лиц. В России они, как ни в чем не бывало, продолжали, даже лишившись официальных постов, участвовать в принятии политических решений и разглагольствовать о судьбах народа. Однако народ интуитивно нуждается в покровительстве, в доверии к тем, кто мог бы защитить, опекать, обеспечить уверенность хотя бы на ближайшее будущее. Именно эти настроения привели к всплеску доверия к В.В. Путину, как новому Президенту России, что в начале XXI в. было обусловлено не столько реальными делами, сколько надеждой на серьезные коррективы во внутренней и внешней политике страны.

Деструктивную роль, в немалой мере способствующую метаморфозам общественного сознания, сыграла провозглашенная, но ложно понятая и еще более ложно примененная свобода. Парадоксы ее трактовки и использования породили новые противоречия — свобода стала превращаться во вседозволенность при полной атрофии ответственности и отрицании права на такую же свободу рядом живущих людей [4]. Не удивительно, что понятие «демократия» претерпело поразительные метаморфозы — из почитаемого, высоко ценимого оно превратилось в нечто чуть ли не предосудительное, неприличное, ругательное, неприемлемое. И это за несколько лет его торжественного включения в общественную жизнь! Метаморфозы, происшедшие с данным понятием, как и другими подобными словами (свобода, суверенитет, рынок и т.д.), вошедшими в лексикон в 1990-х гг., как показали исследования семантического дифференциала, стали возможными не только из-за изменений объективной реальности, но и в связи с субъективной деятельностью тех, кто пытался реализовать идеи рыночного общества [5].

Эти противоречия деформировали поиск действительных механизмов функционирования общественной жизни вообще и реального сознания в частности. Так, в современном российском обществе появилось огромное количество оракулов (лиц, групп и даже политических партий и движений), которые безапелляционно претендуют на монопольное право знать истину в последней инстанции и способы ее реализации. Как и в советское время, так и в постсоветской России, такая позиция порождает беспочвенные претензии и в силу этого плодит, с одной стороны, авантюристов различного пошиба, с другой — приспособленцев, некритически мыслящих людей, твердолобых и беспринципных исполнителей творцов рыночных реформ.

Что касается метаморфоз в теоретическом знании, то следует обратить внимание на тот факт, что в 1960—1980-е гг. в Советском Союзе теоретический уровень общественного сознания все больше приходил в противоречие с реальной действительностью и неадекватно отражал ее диалектическое развитие. Идеи, концепции, будучи ущербными, односторонними и ограниченными по своей сущности, не только не могли благотворно влиять на общественные процессы, но, напротив, тормозили их, торпедировали многие прогрессивные начинания и неправильно, ошибочно ориентировали практику. Субъекты теоретического знания оказались неспособными осмыслить ход исторического процесса и в силу этого не могли ориентировать и мобилизовать созидательные силы страны. И вполне естественно, что суд истории был суров и неумолим: теоретически ошибочным концепциям было отказано в праве на существование, они были отвергнуты как нанесшие труднопоправимый вред развитию общества.

Не стали реальной силой, а лишь усугубили противоречия в общественном сознании теоретические изыски идеологов нового преобразования России. Причем эти изыски вырабатывались, аргументировались и доказывались исходя не из научного анализа реальной жизни, а из неких заранее постулированных догматов и установок, имеющих отношение к политическим убеждениям авторов, но не имеющих или имеющих весьма приблизительное отношение не только к науке, но и к здравому смыслу, как, например, «либеральная империя» Чубайса в начале 2000-х гг. после десяти лет славословия «демократии и свободного рынка». Кроме того, не следует недооценивать, сбрасывать со счета влияние усиленно насаждавшихся, некритически заимствованных концепций.

В этих условиях официальной или полуофициальной теоретической мыслью в общественное сознание настойчиво внедрялись две идеи. Во-первых, идея о том, что все прошлое (главным образом советское) должно быть отринуту без всякого сожаления, ибо оно, мол, порочно от начала и до конца. Сейчас под влиянием объективных реалий уже частично оспаривается такое нигилистическое отношение, хотя по многим параметрам время ушло безвозвратно. Во-вторых, идея рынка, который изображался как единственный путь выхода из кризисного состояния. Время также показало, что идеализация рынка обернулась весьма крупными издержками и потерями, особенно в социальной сфере жизни общества. Для теоретиков — апологетов рынка не стало предупреждением мнение многих авторитетных деятелей западного мира, в частности бывшего главы французского правительства Л. Жоспэна, считающего, что в

современных странах должен реализовываться принцип «Да — рыночной экономике, нет — рыночному обществу» [6]. С полным основанием можно согласиться и с А.И. Солженицыным, что «в результате ельцинской эры разгромлены все основные направления государственной, народнохозяйственной, культурной и нравственной жизни» [7].

Обобщая сказанное, можно утверждать, что деформации общественной практики и научной мысли создали условия и привели к метаморфозам общественного сознания, в результате чего мы имеем различные формы превращенного сознания, затрагивающие как все аспекты общественной жизни, так и отдельные его сегменты. Опираясь на принципы типологизации общественных явлений, рассмотрим многообразие ситуаций, посредством которых можно зафиксировать различные проявления метаморфоз, причем в двух ракурсах: как глобальные метаморфозы, так и отдельные их проявления (казусы).

2.2. Глобальные метаморфозы общественного сознания

В условиях переходного, деструктивного развития возникают и формируются различные формы деформированного, искаженного восприятия действительности с последующим превращением их в аналогичные виды неадекватного, противоречивого и отклоняющегося поведения. Они возникают как под влиянием глобальных макроэкономических и геополитических процессов, так и под воздействием мезо- и микросреды, т.е. тех процессов, которые происходят там, где человек живет и работает, где протекает его повседневная жизнь.

В научной и общественно-политической мысли довольно детально описана и проанализирована современная реальность. Поэтому нет смысла умножать уже общеизвестные факты. На наш взгляд, следует обратить внимание на то, что в имеющихся теоретико-методологических и прикладных разработках делаются многочисленные попытки осмыслить явления и процессы, характерные для периода крушения устаревших общественных отношений и хаотического становления нового экономического и политического порядка. Особое внимание обращается на то, что общественное сознание, находясь в состоянии стресса, постоянных перегрузок, рождало (и рождает) чрезвычайно запутанное, парадоксальное переплетение взглядов, мнений и оценок происходящих событий.

История российского (советского) общества не однажды свидетельствовала, что общественное сознание может многократно уси-

ливать или ослаблять поступательное развитие, процессы функционирования экономических, социальных, политических и духовных отношений. Именно активный характер общественного сознания способен обеспечивать мощное воздействие на политические и идеологические решения, причем не только положительное. Это касается как периода революции и новой экономической политики, так и первых пятилеток, времени Великой Отечественной войны. Застой в 1970-е гг. — это не только годы экономических и политических просчетов и потерь, это и время, когда человек противостоял провозглашенным официальным ценностям, своим поведением отвергая то, что ему навязывалось, хотя этот протест в подавляющем большинстве случаев носил пассивный и скрытый характер. Именно в силу латентности процессов, происходящих в умах людей, в реальном сознании, их разрушительная сила становилась все более впечатляющей по своему размаху и влиянию.

Практически этими же издержками характеризуется развитие общественного сознания в современной России. Изменения, происходящие в нем, свидетельствуют о тяжком пути — от вдохновляющих надежд до полного разочарования в реальных результатах, от веры в то, что может быть достигнут новый уровень человеческого самоутверждения, до осознания одиночества и незащищенности от новых социальных сил, порожденных так называемыми рыночными отношениями.

Иначе говоря, обстоятельный анализ процессов, происходящих в общественном сознании на различных этапах отечественной истории, позволяет обнаружить проблемность его развития, серьезные издержки и изъяны в общественном организме, которые можно охарактеризовать не только посредством экономического анализа, но и при помощи социологических методов исследования духовной жизни. В этой связи следует отметить, что не утверждение должного, а выявление состояния и проблем развития реального общественного сознания составляет суть научных поисков, ибо как ни парадоксально признавать, проповедь норм, призывов и лозунгов практически ни на пядь не продвигает нас в преодолении существующих в обществе противоречий.

В стремлении выявить причины противоречивого и превращенного состояния общественного сознания многие ученые обращают внимание как на общие, так и на отдельные формы его проявления, анализируя в нем те процессы, которые кажутся им актуальными, злободневными, определяющими содержание, фон и его особенности на современном этапе развития общества.

Остановимся сначала на предельно общих, глобальных метаморфозах общественного сознания, которые стали или могут стать

объектом обстоятельного научного анализа при исследовании парадоксов.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на такую характеристику состояния современного общественного сознания, которое описывается через понятие *«расколотое»* или *«разорванное»*. На наш взгляд, исследователи, которые используют данную терминологию, не удовлетворены такими определениями, как разнообразие, дифференциация, противоречивость общественного сознания. Употребляя термин *«расколотое»* общественное сознание, они выделяют такие черты (или признаки), как существующие в нем не просто противоречивые, но взаимоисключающие друг друга установки и ориентации, нежелание находить общие позиции и согласовывать их, отказ или воздержание от компромиссов и даже готовность поощрять крайние формы враждебности по отношению к несогласным. Даже в сопутствующих понятиях — личное и общественное, правовое и нравственное, профессиональное и общечеловеческое — в условиях расколотости сознания и его реализации можно обнаружить процессы противостояния, несогласованности, противоречивости [8]. Вместе с тем, как говорил Г. Лебон, попытки описать сознание посредством такой характеристики таят в себе опасность поиска простых объяснений, использования свободы мнений и суждений как возможности ущемления достоинства, прав и чести личности. Расколотое сознание по своей сути означает распад целостности общественного сознания и, как следствие, предпосылку для краха экономической и политической системы страны.

Стремление уловить новые тенденции в общественном сознании в связи с изменяющимися экономическими реалиями привело к появлению такого словообразования как *«рыночное сознание»* [9]. Сторонники этого понятия полагают, что рынок принципиально изменяет структуру мышления и знаний, отношение к ценностям и информации. Но такая убежденность, скорее, отражает или желаемое или в лучшем случае некие нормативные требования. В действительности же оказывается, что компоненты сознания, которые можно было бы охарактеризовать как рыночные, практически не появились, но даже если и стали реальностью, то лишь для небольшой группы людей, в основном предпринимателей. Что же касается большинства работающих, то эти новообразования в их сознании малозаметны, малоощутимы, маловлиятельны. Во всяком случае, исследования, проведенные в рамках совместного российско-канадского проекта «Россия на пути к рынку» в 1990-х гг. показали, что сравнение сознания работников производства на частных, акционерных и государственных предприятиях не выявило существен-

ных различий между ними. Этот феномен продолжал существовать и значительно позднее — и конце 1990—начале 2000-х гг. [10].

Происходящие метаморфозы общественного сознания, его состояние и проблемы нередко описываются посредством термина «*маргинальное сознание*» [11]. Странники этой точки зрения исходят из того, что крах СССР и сложные процессы, сопровождающие становление постсоветской России, привели к тому, что все прежние формы и виды общественного сознания были подвергнуты коренной ломке, заставив всех без исключения людей осознать (сразу или с некоторой задержкой) свое новое социальное положение, которое в большинстве случаев оказалось неустойчивым. Это привело к тому, что прежние характеристики сознания существенно изменились (некоторые исчезли совсем), а новые еще не закрепились в реальной общественной практике. И кроме того, нет уверенности, что эти новые образования или модернизированные, сложившиеся, есть то, что удовлетворит общество и самих людей. Неустойчивость, неясность, неопределенность социального положения приводит к тому, что общественное сознание находится в состоянии маргинальности, когда в нем самым причудливым образом сочетаются старые и новые политические идеи, космополитические и националистические воззрения, республиканские и монархические ориентации, религиозные и атеистические убеждения, трудовые и потребительские установки.

Все это с полным основанием позволяет сторонникам этой точки зрения утверждать, что ведущей (по некоторым утверждениям, основной) характеристикой общественного сознания является его маргинальность, когда любое его проявление обнаруживает пограничную природу (несбалансированность) между традиционными и новыми сущностями.

Общественное сознание испытывает огромные перегрузки. Смена политических и экономических ориентиров с неизбежностью дезорганизует ценности, порождает различное восприятие происходящих изменений. Причем это процесс не ослабевает, а напротив, набирает обороты, усиливается, проявляется в самых различных формах, чаще всего в форме *ложного сознания*, когда объективные картины мира отражаются искаженно, предвзято, тенденциозно. Рождению и расширению границ ложного сознания способствовали не только объективные, но и субъективные обстоятельства. Идеи и идеалы испытывались на прочность не всегда достойными приемами, подвергались коррозии, опорочивались теми, кто был призван блюсти их незыблемость и чистоту [12].

Ложное сознание является прямым следствием тех условий, когда «хозяевами жизни» говорится одно, а в действительности осу-

ществуется совсем другое. В такой ситуации человек вынужден приспособляться и к этому. В свою очередь, навязываемый процесс приспособления подталкивает его к *социальной мимикрии*: его сознание просто не могло (да и сейчас еще нередко не может) быть иным, как ложным, деформированным.

Ложное сознание проявляется чаще всего в двух формах: в мифах и стереотипах. Именно они неоднозначно воздействуют на жизнь людей, нередко подавляют все новое, нетрафаретное, порождают стойкие изъяны в сознании и поведении людей. Ложное сознание способствует также распространению идеологии «маленького человека»: «от меня ничего не зависит», «пусть начальство решает, власти думают», «я бы хотел, но...» и т.д. Отсюда рукой подать до социального равнодушия, чувства безнадежности, попраiania прав личности, неверия в бескорыстие и неуважения к профессии.

Ложное сознание в значительной степени связано с функционированием идей, которые в своем большинстве отражают не реальную, а желаемую картину того или иного общественного процесса или явления.

Официальными органами политической и экономической власти было выработано немало штампов, за которыми скрывались бездумность, нежелание считаться с реальностью, догматический стиль мышления. Есть в теории пропаганды такое понятие — «*сверкающая неопределенность*». Оно в полной мере применимо к таким утверждениям, которые повторялись без элементарного намерения понять сущность явления. Например, «рынок и демократия неразделимы». Мол, рынок без демократии не является рынком в полном смысле этого слова. А демократия не может продемонстрировать в полной мере свои преимущества без рынка.

В этой связи хотелось бы сказать о том анализе, который был осуществлен в 1994 г. на XIII Международном социологическом конгрессе в Билефельде (ФРГ). В работе одной из секций конгресса на материалах ряда исследователей были показаны различные концепции развития рынка: от западноевропейской до тоталитарной, от социально ориентированной до уповающей на безудержную свободу предпринимательских намерений. Причем многие из этих вариантов были по-своему эффективны, действенны, особенно если они реализовывались с учетом национальной культуры и менталитета народа этой страны. А так как эта «сверкающая неопределенность» — рынок — не была «привязана» к реальным проблемам России, посулы и надежды российских западников рухнули, поколебав веру населения в могущество рынка.

Ложное сознание ведет к искаженным выводам и соответственно деформированным практическим действиям. Его опасность за-

ключается в том, что оно не только травмирует жизнь отдельных групп и социальных слоев, а деформирует реально функционирующее сознание в целом. Когда масштабы ложного сознания значительны, они превращают все общество в некое подобие толпы, манипулирование которой становится делом техники, «черного» пиара, способных коренным образом изменить поведение людей в желаемом направлении.

2.3. Казусы метаморфоз общественного сознания

Анализ социологической информации показывает, что метаморфозы общественного сознания касаются не только его общего состояния, развития и функционирования, но и его всевозможных проявлений, всплесков, фантомов, захватывающих отдельные его сегменты и формы.

К их числу следует отнести прежде всего *катастрофическое сознание*, которое развивается в рамках трех сценариев: «плохо», «очень плохо», «невозможно выдержать». В то же время это не означает, что все люди, все общество поражено катастрофизмом — это, скорее, объясняется тем, что люди (и в этом проявляется их оценка руководства страны) не понимают и не видят стратегии развития — их внимание сосредоточивается только на сиюминутных проблемах, краткосрочных потребностях и ближайших целях. Между тем эффективное и рациональное решение даже оперативных планов возможно лишь в рамках долгосрочных программ развития, важнейшим компонентом которых является доверие и убежденность людей в плодотворности происходящих изменений [13].

Крах надежд на быстрое переустройство общественной и личной жизни ускорил появление различных форм катастрофического сознания, когда значительное количество людей убедились, что Россия перестала быть великой страной, что российское общество утратило многие достижения, что страну ждут большие испытания. И особенно ярко катастрофичность суждений проявлялась при оценке ситуации в стране в целом, в меньшей мере — своего личного положения. Это, в свою очередь, обнаружило парадоксальную и весьма специфическую черту современного общественного сознания: люди в большей мере тревожились за перспективы развития общества, чем за свое место, свое будущее и свое социальное положение в нем. По данным ВЦИОМ, этот разрыв достигал в отдельные годы достаточно значительных размеров [14].

При осмыслении реальности переходного периода в России и признании существования в общественном сознании ряда новых

экстраординарных явлений авторами стали использоваться не только в публицистической, но и научной литературе такие определения, как *«больное, патологическое сознание»* (не в медицинском, а социальном смысле) [15]. Очевидно, что подобные формулировки отражают ту часть или те явления в общественном сознании, которые вызывают тревогу, озабоченность, беспокойство за судьбы народа, страны, государства. Подобные определения сродни катастрофическому сознанию, хотя они выражены скорее не в терминах обреченности, а в форме диагноза, с надеждой на то, что такая постановка вопроса позволит понять сложившуюся опасную ситуацию в обществе, оценить масштабы и характер возможных осложнений и потрясений и на основе их анализа способствовать выработке мер, которые бы сняли социальную напряженность, содействовали скорейшему выздоровлению и возвращению российского общества в лоно мировой цивилизации.

При характеристике отдельных проявлений превращенного, деформированного общественного сознания иногда используется термин *«демагогическое сознание»*, под которым понимаются такие его проявления, когда его субъекты сознательно, с корыстной целью злоупотребляют нормативными установками и моральными ценностями [16]. Сознательное искажение этих ценностей многолико и обычно преследует достижение узкогрупповых или личных интересов во всех без исключения сферах общественной жизни. Причем это искажение разнится по форме, а не по существу, ибо демагогия весьма успешно паразитирует на сложностях развития общества. Сознание демагогов четко фиксирует общественные приоритеты, настроения, которые служат им для прикрытия и реализации своекорыстных интересов.

Так, *в сфере экономической деятельности демагогическое сознание* проявляется в виде постоянных нападок и отвержения всех без исключения установок, законов, положений, которые ограничивают максимализацию получения прибыли, дохода. Все, что направлено на регулирование денежных потоков, расценивается носителями этого вида сознания как ущемление прав и свобод субъектов рыночной экономики. По сравнению с советским периодом, когда подобная практика в большинстве случаев ограничивалась стремлением получить дополнительную зарплату или премию, аппетиты нынешних носителей экономической выгоды беспредельны, нацелены на огромные барыши и на полное отвержение таких призывов, которые прозвучали в устах бывшего министра финансов А. Лившица: «Надо делиться». В результате, как утверждает известный экономист С.Ю. Глазьев, 50—60 млрд долл. от продажи сырьевых ресурсов страны ежегодно присваивается теми, кто «оседлал»

приватизацию, ухватив жирные куски государственной собственности. Это породило зависть у неуспевших поживиться и, как следствие, привело к попыткам, в том числе кровавым, передела собственности, к развитию такого феномена, как рейдерство, т.е. силового захвата чужой собственности под прикрытием прорех в существующем законодательстве [17].

В *сфере политической демагогическое сознание* проявляется в стремлении любой ценой добиться властных полномочий, сохранить за собой возможность влиять на ответственные решения на всех уровнях политической организации общества. В целом в этих устремлениях нет ничего невозможного или неприемлемого — все дело в мотивах и методах, с помощью которых это влияние осуществляется. А они достаточно широко продемонстрированы участниками современной политической жизни: стремление «уничтожить» всех стоящих на пути к власти, готовность шагать по трупам, строить свое политическое благополучие за счет всех возможных, в том числе и криминальных способов. И сопровождается это клятвами, что все осуществляется во имя народа, во благо народа и его благосостояния. Именно масштабы и последствия такого сознания позволили русскому писателю В. Распутину утверждать, что *демагогия становится не менее страшной угрозой для России, чем алкоголизм*.

Представляет определенный интерес попытки описать такой феномен, как *сумеречное сознание* [18]. Во-первых, оно могло появиться в связи с утратой многими людьми прежних ориентиров в общественной и личной жизни. Во-вторых, эта потеря сопровождается убежденностью в том, что к прошлым идеалам и ориентирам возврата нет и не будет, что расценивается как утрата ценности и смысла прежней жизни. В-третьих, этими людьми резко отвергаются новые общественные цели, новые экономические и политические реалии, причем они не видят возможности не только принять их, но и примириться с ними. Все это рождает такой феномен общественного сознания, когда будущее личной и общественной жизни практически отрицается, когда сознание людей находится в угнетенном состоянии, и они не видят путей и способов выхода из сложившихся в их жизни обстоятельств. Показателем сумеречности сознания является рост неврозов, психозов и особенно такой формы расогласованности с жизнью, как самоубийство. По данным Всемирной организации здравоохранения, уровень свыше 20 суицидов на 100 тыс. населения считается высоким. В России к середине 1990-х гг. этот уровень был превзойден более чем в 2 раза: он вырос с 26,4 в 1990 г. до 39,4 случаев в 1996 г.

Такое состояние общественного сознания весьма опасно, ибо порождает, с одной стороны, чувство безысходности, неверие в не-

возможность полнокровной жизни, с другой — труднообъяснимые и неожиданные вспышки ярости, безрассудства, желания прибегнуть к насильственным средствам, чтобы изменить создавшееся положение.

Данные социологических исследований позволяют говорить и о некоторых других метаморфозах общественного сознания. Так, важное значение приобрело сознание и поведение людей, которое условно можно назвать *нонконформистским, протестным*. Оно присуще не определенным группам или сообществам — оно, скорее, «разлито» среди всех социальных слоев и групп, когда некоторая часть их представителей не желает мириться с происходящими изменениями, отвергает их изначально — как посягающих на их жизненные основы. Формы нонконформизма многообразны: от пассивного несогласия до участия в акциях протеста и выражения недовольства, а также непрестанной и непрекращающейся борьбы с тем, что они отвергают как для себя, так и для других людей. С точки зрения социальной психологии люди, живущие с установкой всегда говорить «нет», образуют достаточно стабильный социальный слой, который упорен и последователен в своих намерениях и поступках. Этот слой практически не уменьшается в своем объеме и величине — он может только прирастать за счет примыкающих к нему в период социальных обострений [19].

К специфическим формам превращенного сознания и его метаморфозам можно отнести *утопическое сознание*, которое представляет собой некий синтез убеждений, ориентаций и установок, слабо или совсем не коррелирующих с реальной жизнью. Утопическое сознание в условиях трансформирующегося общества обычно представлено двумя видами: один из них направлен на идеализацию прошлого, другой — на идеализацию неких провозглашенных эталонов, которые еще предстоит испытать, апробировать. И дело не в ошибочности этих ориентаций — дело в опережении, желании оправдать и поддержать то, что еще не определено самой жизнью. Несмотря на свою диаметрально противоположность, обе ориентации имеют одну общую характеристику: предвзятость, выражающуюся в беспрекословном стремлении оправдать или навязать другим почитаемую ими идею, концепцию, теорию. Иногда утопическое сознание приобретает облик фантастического, что, по сути дела, не меняет содержание, а лишь разнообразит форму его проявления [20].

При анализе метаморфоз общественного сознания следует упомянуть *иллюзорное сознание*, которое олицетворяет, как это ни парадоксально, процесс рождения и краха фантазий, мифов, самобмана. Человеку свойственно мечтать, строить планы, надеяться.

Но практически никогда не реализовывалось то, что ожидалось, что лелеялось в мечтах, что выстраивалось в цель, которая-де, должна была объединить если не всех, то многих. И всегда получалось нечто иное, чем то, что задумывалось, предполагалось. Обреченность иллюзорного сознания подрывает надежды людей, ибо достижение устойчивости и благополучия не может быть реализовано на пути благих пожеланий, сомнительных обещаний и веры в сказку [21].

Накопление, нарастание противоречий в реальном сознании наглядно проявляется в виде своеобразного *манипулируемого сознания*. Его суть заключается в том, что человек обладает как бы сразу двумя (а иногда тремя и более) формами сознания: для официальной обстановки, для семьи и близких людей. Иначе как объяснить распространение казнокрадства, взяточничества, хищений собственности, снижение ответственности рядовых работников и двойную жизнь руководителей, мировоззрение которых далеко не ушло от ориентиров преступного мира. В этих условиях реальное сознание не могло не потерять во многом своей устойчивости, настойчивости, непримиримости. Смело обличая в общем плане такие негативные явления, как коррупцию, бюрократизм, взяточничество и т.п., люди нередко пасуют перед их обличением в конкретной обстановке, в своей производственной организации, в непосредственном окружении. Все это порождает извращенные формы взаимоотношений между субъектами исторического процесса, что, в свою очередь, уменьшает созидательную силу общественного сознания и одновременно увеличивает степень его конформизма.

Эта форма сознания стала очевидной и получила распространение в жизни населения, стала идеологией политических и общественных организаций. Почему это стало возможным? Во-первых, на официальном уровне поддерживались плутократические тенденции в осуществлении политической власти, а также те, кто обладает богатством и узурпировал право распоряжаться национальным достоянием. Во-вторых, средства массовой информации в большинстве своем превратились в каналы препарирования информации в интересах тех структур, которые являются их собственниками. В этих условиях свобода слова превратилась в свободу слова определенных корпораций (политических, экономических), отстаивающих всеми доступными им средствами свои привилегии, свою собственность, свой капитал. В-третьих, политическое руководство, олигархи избрали своим основным средством воздействия на людей иезуитские методы, которые изначально нацелены

на облованивание, введение в заблуждение, на поиск потенциальных и мнимых врагов [22].

В попытке осмыслить реальную роль общественного сознания известный французский историк Марк Блок в своем труде «Апология истории» предложил изучать его доминанту — повседневное, или обыденное, сознание, которое, по его мнению, дает возможность максимально верно понять, почему в данной стране, в данное время происходили именно эти, а не другие события. Он справедливо утверждал, что надо изучать не жизнь царей и королей, не сами события как таковые, а сознание большинства, потому что ход истории определяется именно этой специфической формой общественного сознания и никакой другой [23]. Эти положения наглядно и ярко развиты Н.Н. Козловой, которая в своих исследованиях показала богатство и жизненность повседневности. Если разобраться, такие объяснения были по своей сути своеобразной интерпретацией марксистского положения о роли народных масс. Это сознание в советском обществознании долгое время интерпретировалось как массовое (Б. Грушин, Г. Дилигенский, А. Уледов), хотя, на наш взгляд, это далеко не одно и то же. Позднее автор настоящей работы предложил его трактовку как реально функционирующего сознания [24].

Осмысление феномена метаморфоз общественного сознания в современной отечественной социологической литературе осуществляется достаточно интенсивно. Так, З. Бауман, отражая тенденцию переноса внимания с анализа объективных социальных реалий на исследование субъектности и субъективности при описании различных отклонений (флуктуаций) общественного сознания, предлагает использовать такие термины, как индивидуализированное общество, в котором до весьма специфических обстоятельствах проявляется специализированное сознание и поведение людей, что ставит весьма непростые вопросы для объяснения того, что происходит с человечеством (по крайней мере с западным) в современную эпоху [25]. То, что в современном российском обществе происходят неоднозначные перемены, говорят многочисленные попытки объяснить происходящие в сознании и поведении людей перемены как *ситуативные* (Л.А. Гордон), *амбивалентные* (Ж.М. Грищенко), *элитарные* (Г.А. Ашин, Е.В. Охотский), *уравнительные* (Н.М. Римашевская) и т.д.

Таким образом, *метаморфозы общественного сознания многолики и многообразны, их роль и влияние на общественную жизнь значительны. Многие из них являются выражением «социальных болезней», барометром состояния общества, индикатором неблаго-*

получия и пагубности многих официальных акций. Но именно деформированные виды общественного сознания, его метаморфозы, отражающие не столько поступательное, сколько зигзагообразное развитие, необходимо знать и изучать, чтобы оценить их распространенность, влияние, а также определить условия, препятствующие (или способствующим) их распространению и укреплению [26].

Все эти метаморфозы создали основу, обусловили появление одного из поразительных явлений переходного периода — *парадоксальности общественного сознания.* Она есть результат и непосредственный выразитель нестабильности и непоследовательности происходящих в России изменений, следствие нарушения ритма и специфики уклада жизни, что достаточно отчетливо фиксируется в сознании людей. И теоретический, и прикладной анализ реального общественного сознания позволяет обнаружить метаморфозы, в которых отражаются его противоречия, ставшие реальностью в период трансформационных потрясений общества, а также вскрыть их причины и возможности снижения деструктивных процессов и деформаций в общественной и личной жизни. Данный феномен — да еще зафиксированный в сознании людей — может объяснить ту необычную, специфическую ситуацию, которая сложилась в современной России, обогатить теоретическую и прикладную интерпретацию сущности общественного сознания и, более того, внести новую лепту в развитие социологической науки.

Примечания

1. О таком феномене как травма в общественном развитии подробнее см.: *Штомпка П.* Социальные изменения как травма. // Социол. исслед. 2001. № 1.
2. См.: *Независимая* газета. 1999. № 1
3. *Козн С.* Изучение России — без России //Свободная мысль. 1998. № 9—12. С. 24.
4. Подробнее см.: *Кудрявцев В.Н.* Свобода слова. М., 2006; *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
5. *Левашов В.К.* Морально-политическая консолидация российского общества в условиях нелиберальных трансформаций //Социол. исслед. 2004. № 7; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997; *Сикевич З.В.* «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян //Социол. исслед. 1999. № 1.
6. Цит. по: *Абалкин Л.И.* Смена тысячелетий и социальные альтернативы //Вопросы экономики. 2000. № 12. С. 33.

7. См. *Солженицын А.И.* Россия в обвале. М., 1998. Цит. по: *Чинакова Л.* Челюсти рационализма или тиски бедности? //Свободная мысль. 2001. № 2.
8. *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000; *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. М., 2000; *Попова И.М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. К., 2000.
9. Подробнее см.: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006; *Лацис О.* Что с нами было, что с нами будет. М., 1995; *Россия на рубеже веков.* М., 2000.
10. *Тощенко Ж.Т.* Взаимодействие рабочих и управленческого персонала // Наука, политика, предпринимательство. 1999. № 1—2; *Становление* трудовых отношений в постсоветской России. М., 2004.
11. *Балабанова Е.С.* Андекласс: понятие и место в обществе //Социол. исслед. 1999, № 12; *Попова И.П.* Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996; *Маргинальность* в современной России. М., 2001. О некоторых проблемах ложного сознания см.: *Покровский Н.Е.* Российское общество в контексте американизации (принципиальная схема) //Социол. исслед. 2000. № 6.
12. *Кривошеев В.В.* Криминализация общества: сущность процесса, российская специфика. Калининград, 2000; *Нетерпимость* в России. Старые и новые фобии. М., 1999; *Рывкина В.В.* Теневизация российского общества: причины и следствия. //Социол. исслед. 2000. № 12.
13. *Катастрофическое* сознание в современном мире в конце XX века / Под ред. В. Шляпентоха, В. Шубкина, В. Ядова. М., 1999.
14. См.: *Мониторинг* общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 2000. № 3.
15. *Балабанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии негативной ориентации //Социол. исслед. 1999. № 4.
16. *Тощенко Ж.Т.* О квазиконсолидации российского общества // Экономика и общество. 2001, № 3; *Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М., 2000.
17. *Белоцерковский С.Д.* Рэкет в России. М., 2000; *Глазьев С.* Вступая в XXI век //Завтра. 2000. 31 октября.
18. *Орлова И.Б.* Самоубийство — явление социальное //Социол. исслед. 1998, № 8; *Бойко И.Б.* Самоубийство и его предупреждение. Казань, 1997; *Богоявленский Д.Д.* Российские самоубийства и российские реформы //Социол. исслед. 2002. № 5.
19. *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия. М., 2001; Нетерпимость в России: старые и новые фобии /Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М., 1999; *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Потенциал протеста украинского общества //Социол. исслед. 1999, № 10; *Кинсбургский А.В.*

- Социальное недовольство и потенциал протеста // Социол. исслед. 1998. № 10.
20. *Бутенко А.П.* Историческое забегание как новация XX века // Социол. исслед. 1999. № 6; *Назаров М.М.* Социальная справедливость: современный российский контекст // 1999. № 11; *Степнова Л.А.* Социальная мифология и проблемы современного социального мышления. М., 1999.
 21. *Беленький В.Х.* Социальные иллюзии: опыт анализа // Социол. исслед. 2001. № 5; *Зборовский Г.Е., Широкова Е.А.* Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социол. исслед. 2001. № 8.
 22. *Ермаков Ю.А.* Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995; *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
 23. *Блок Марк.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986; *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи (Голоса из хора). М., 1996; *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002; *Касавин И.Т., Шавелев С.П.* Анализ повседневности. М., 2004;
 24. См.: *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследования социальной реальности / Социол. исслед. 2000. № 2; *Он же.* Социология. М., 2005.
 25. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
 26. См.: *Бутенко И.А.* Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях // Социол. исслед. 2000. № 4.

Глава 3

Парадоксы общественного сознания: к вопросу о сущности

Говорят: в конце концов правда
восторжествует; но это неправда.

А.П. Чехов (1860—1904),
русский писатель

Анализ современного общественного сознания невозможно полноценно осуществить без рассмотрения особой группы противоречий — парадоксов, число которых неизмеримо возрастает в условиях кардинальных изменений общества, оказавшегося на переломном этапе своего развития и функционирования. История неоднократно свидетельствовала, что в период социальных потрясений, революций, переломных событий парадоксальность сознания и поведения обостряется сверх всяких ожиданий, сверх всякой обычной меры. И это неудивительно. Сознание людей не может перестроиться, подобно токарному станку, сразу же, немедленно, вслед за происходящими событиями. Человечество не способно убежать от самого себя, от опыта, накопленного ранее, от того, что оно знало прежде, что исповедовало, на что ориентировалось, чего хотело достичь и чего хотело избежать.

В этих условиях общественное сознание подвергается мощному воздействию новых общественных потребностей, изменяющихся социальных, экономических и политических приоритетов. Смена/замена общественных целей приводит к сумятице в настроениях и ориентациях людей, к переоценке ранее исповедуемых идеалов или, по крайней мере, к их коренной модификации.

В то же время в силу большой инерционности общественного сознания в нем продолжают сохраняться старые догмы, устоявшиеся ориентации и предпочтения, ранее сложившаяся, хотя и деформированная система ценностей. Поэтому вполне логично, что и в общественном сознании под влиянием внешних и внутренних факторов происходят кардинальные изменения, продуктом которых становится

парадоксальность мышления, познания и оценок окружающих человека явлений и процессов. Следовательно, парадоксы общественного сознания — присущи и характерны не только современному этапу исторического развития — наука и практика сталкивались с ними и на предшествующих этапах своего существования.

3.1. Генезис идей. Краткий исторический экскурс

Прежде чем перейти к социологической интерпретации сущности парадоксов, выявлению причин их возникновения и распространения, форм их проявления, напомним некоторые выводы и результаты, полученные философской мыслью на предшествующих этапах развития научного знания.

Парадоксы всегда существовали в жизни человечества. Они олицетворяли собой определенный класс противоречий, приобретая на различных этапах исторического развития особые формы, виды и особенности своего проявления.

Впервые на парадоксы было обращено внимание в Древней Греции, когда ими обозначались противоречия в рассуждениях, возникающие при соблюдении их логической правильности. Трактовка их близка к понятию «*апория*» (греч. *aporia* — затруднение, недоумение), обозначающему трудноразрешимое противоречие, возникающее в результате нарушения логики и смысла в рассуждениях. Апория нередко характеризует противоречие между данными наблюдения (опыта, исследования) и их мысленным анализом. Классическим примером апории считаются парадоксы *Зенона Элейского* (ок. 490 — ок. 430 до н.э.) в его рассуждениях об Ахиллесе и черепахе. Их суть состоит в следующем: Ахиллес, идя за черепахой в десять раз быстрее ее, никогда ее не догонит, поскольку к тому моменту, когда он дойдет до места, на котором черепаха находилась, она уйдет вперед на $1/10$ этого расстояния, а когда Ахиллес пройдет эту $1/10$, черепаха уйдет вперед на $1/100$ и т.д.

Специфика этого парадокса заключается в том, что в нем отождествляются и считаются совпадающими два процесса — физическое движение и возникновение в нашем сознании последовательности его частей. Отождествление происшедшего с непроизшедшим очевидным образом порождает формальное противоречие и, будучи логически безукоризненным, имеет тот недостаток, что несовместимо с приложением математики к явлениям природы [1].

На феномен парадоксов обратили внимание и в восточной социальной мысли. Развивая идеи Конфуция, его последователи в VI в. до н.э. сформировали такой документ, который вошел в историю под названием «Десять рассуждений (дискурсов) о парадоксальном человеке».

В нем анализировались проблемы взаимоотношений между Богом и Дьяволом, между небесным и земным, те труднорешаемые противоречия, которые возникают у человека в его повседневной жизни.

Значительный вклад в понимание природы парадоксов привносит изучение феномена *атараксии* (греч. *ataraxia* — отсутствие волнений, невозмутимость). Это термин, введенный *Эпикуром* (341—270 гг. до н.э.), означает идеальное душевное состояние, к которому должен стремиться человек. Эпикур трактовал атараксию как избавление страха перед богом, смертью и загробным миром, как самоустранение от общественных и государственных дел. Это состояние достигается ограничением в потреблении, умеренностью в наслаждениях, размеренностью жизни и деятельности. Но именно этот призыв к отрицанию переживаний, к невозмутимости в отношении к невзгодам и перипетиям жизни постоянно контрастировал с реальным положением человека в обществе, приводя к тем или иным коллизиям, в том числе и трудноразрешимым. Лишь в исключительных случаях отдельным людям удается соблюсти этот принцип сознания и поведения. А для большинства исповедующих эту установку, данное состояние оборачивалась ситуацией, когда реальность ставила перед человеком необходимость нарушать провозглашаемый принцип и поступать так, как этого требовали обстоятельства или входить в неразрешимый конфликт с ними.

История человечества всегда свидетельствовала о трагичности противопоставления вовлеченности человека в общественную жизнь и попыток абстрагироваться от нее. Добиться состояния атараксии практически никому не удавалось, но стремление к нему породило много коллизий, которые выражались как в реальных, так и мнимых парадоксах.

В средние века философская мысль приступила к осмыслению *антиномии* (греч. *antinomia* — противоречие закона самому себе, противоречие внутри закона), которой обозначается соединение в ходе рассуждения двух прямо противоположных утверждений, каждое из которых может быть одинаково обосновано. Следует отметить, что понятие «антиномия» имело первоначально юридический смысл и отражало противоречие между двумя законами или внутри одного закона. В Кодексе Юстиниана (535) предусматривается случай, когда закон вступает в противоречие с самим собой и эта коллизия названа антиномией. Впервые же это термин встречается в изданном в 1613 г. «Философском словаре» Р. Гоклениуса.

Однако только у *И. Канта* (1724—1804) понятие антиномии приобретает философский смысл. По Канту, противоречия неизбежно рождаются в нашем уме вследствие того, что понятие абсолютного, бесконечного, приложимое лишь к миру вещей в себе (те-

зис), применяется к миру опыта, где наличествует только преходящее, конечное и обусловленное (антитезис). Он сформулировал четыре антиномии.

1. Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве. — Мир не имеет начала во времени и бесконечен в пространстве.

2. Всякая сложная субстанция (вещь) состоит из простых частей. — Ни одна вещь не состоит из простых частей.

3. Законов природы недостаточно для объяснения всех явлений. — Все в мире может быть объяснено только с помощью законов природы.

4. Миру принадлежит безусловно необходимая сущность как его причина. — Ни в мире, ни вне мира нет никакой абсолютно необходимой сущности как его причины.

Все эти утверждения в одинаковой степени и доказуемы и недоказуемы. Эти противоречия, по Канту, возникают только потому, что разум отважился пуститься в исследование вещей, как они существуют сами по себе («вещь в себе»). А поскольку каждое из этих положений одинаково обосновано, то Кант делает вывод об ограниченных возможностях человеческого разума, о его неспособности проникнуть в существо вещей.

Антиномии Канта оказали серьезное влияние на развитие науки: способствовали уточнению логических основ математики в XIX в., с одной стороны, и возникновению гегелевской диалектики — с другой. Известные трудности, ощущавшиеся в основаниях математики после открытия *И. Ньютоном* (1643—1727) и *Г. Лейбницем* (1646—1716) дифференциального и интегрального исчислений, попытался преодолеть *Г. Кантор* (1845—1918) на основе теории множеств. К этому времени произошли великие кризисы в основаниях математики, связанные с открытием иррациональных чисел, бесконечно малых величин. Однако сам Кантор обнаружил ряд парадоксов в своей теории, что привело его к математической логике [2]. В дальнейшем открытый в 1902 г. *Б. Расселом* (1872—1970) парадокс о множестве всех нормальных множеств показал, что и положительный и отрицательный ответ в равной степени доказуемы. Именно открытие Г. Кантором в 1893 г. и Б. Расселом в 1902 г. серии парадоксов, связанных с актуализацией бесконечных множеств, породило «третий Великий кризис математики», который продолжается по сей день (В.И. Арнольд, 1999).

Целая плеяда выдающихся математиков и философов (Гильбер, Брауер и др.) посвятили свои исследования и всю свою жизнь решению *парадоксов теории множеств*. Однако, если разобраться по существу, как пишет проф. А.А. Зенкин, парадокс, связанный с актуализацией бесконечных множеств, является не чем иным, как попыткой интерпретации знаменитого парадокса «лжеца», автором

которого является древнегреческий мудрец *Евбулид* (VII в. до н.э.): «Я утверждаю, что я лжец. Лжец ли я? Если я лжец, то я лгу, когда утверждаю, что я — лжец, следовательно, я не лжец. Но если я не лжец, то я говорю правду, когда утверждаю, что я — лжец, следовательно, я — лжец». Как свидетельствует историческая наука, совокупный разум человечества, включая, естественно, и науку, вот уже более 2600 лет не может найти ответа на этот «детский» вопрос: «Кто же я, в конце концов, Лжец или не-Лжец?» Коротко и символически это рассуждение можно записать так (здесь Л = Лжец): ЕСЛИ «Л», ТО «не-Л», но ЕСЛИ «не-Л», ТО «Л» [3].

Рассматривая этот класс противоречий, мы обращаем внимание на то, что парадоксы, анализируемые научной мыслью, характеризуют противоречия в рассуждениях, логических умозаклчениях, требуют уточнения и обоснования истинности суждения, высказывания, предложения, а также способов их устранения. Эти теоретико-множественные парадоксы нельзя уже опровергнуть простой ссылкой на факты действительности или отнести их к разряду схоластических философских конструкций, не имеющих отношения к науке.

В 1926 г. английский математик и логик Ф. Рамсей предложил первую (и получившую наибольшее распространение) классификацию парадоксов, разделив их на две группы: *логические парадоксы* (парадокс Рассела, парадокс Кантора) и *семантические парадоксы*.

Семантические парадоксы сформировались в особую группу парадоксов только в начале XX в., когда теория познания столкнулась с необходимостью объяснения и интерпретации нового класса противоречий. Семантический парадокс на современном языке звучит, например, так: «Полковой парикмахер бреет тех, и только тех солдат и офицеров своего полка, которые не бреются сами. Должен ли он брить самого себя?» Это высказывание истинно, если предположить его ложность, но из этого, в свою очередь, следует, что оно ложно. То есть это высказывание, если его формулировать с надлежащими уточнениями, вообще не может считаться высказыванием (каждое высказывание по определению либо истинно, либо ложно). Иначе говоря, ответ на этот вопрос одновременно оказывается и истинным, и ложным.

Семантические парадоксы связаны также с тем, что многие слова имеют различные значения, и в каждом конкретном случае только анализ смысловых связей позволяет отбросить те, которые являются посторонними. В повседневной речи мы часто игнорируем некоторые связанные с этим требования точности, что может привести к парадоксу. Например, признаются верными положения: «каждый человек смертен» (т.е. может умереть) и «каждый человек может умереть только один раз». Но слово «человек» может обозна-

чать как живого, так и мертвого человека, что приводит к парадоксу: признается верным то, что (человек) Наполеон умер. Следовательно, он не может умереть и поэтому не смертен, что противоречит первому из приведенных ранее положений. Решение этого парадокса достигается уточнением смысла слова «человек» в первом из этих положений: каждый неумерший человек смертен, следовательно, вопрос о прослеживании смысловых связей и «посторонних» значениях слов должен быть включен в разработку вопросов оснований математики; он и все парадоксы, о которых сейчас шла речь, относятся к основаниям теории множеств [4].

Различие между логическими и семантическими парадоксами достаточно условно, так как многие парадоксы могут быть сформулированы как с использованием семантических терминов («истинно», «ложно», «обозначает» и т.п.), так и без них.

К особым типам парадоксов можно причислить необычные, нетрафаретные высказывания, которые потом относят к крылатым выражениям. Например, всем известно определение традиционной философии как «ничейной земли между наукой и религией», которое дал Б. Рассел в «Истории западной философии». В новой книге «Искусство мыслить», он уточняет это определение: «Философия представляет собой размышление о таких предметах, точное знание о которых еще невозможно».

Если последовательное применение выводов из его философии логического анализа привело логический позитивизм к отрицанию традиционной философии, то сам Рассел не пошел так же далеко, как его последователи, ибо обладал более трезвым чувством реальности и отвращением к догматической философии всякого рода. В этом отношении он был одинок среди своих единомышленников, будучи ярко выраженным конформистом [5].

Проблемы парадоксальности постепенно становятся предметом анализа и других наук. Не станем перечислять парадоксы, обнаруженные в других областях научного знания, рассмотрим, что нового вносит в теорию познания обнаружение феномена парадоксов, и возможности предотвращения и разрешения парадоксов в рамках современного научного знания.

Что касается уточнения теоретического знания, то при помощи феномена парадоксальности уточняется понятие ***доказательства***. Евбулиду также приписывается парадокс «куча»: одно зерно не может образовать кучи. Если n зерен не могут образовать кучи, то не может ее образовать и $n + 1$. Однако эмпирический опыт доказывает, что такая ситуация возможна, и при определенных оговоренных условиях куча все же возникает. Именно требование точности (что в повседневной жизни нередко игнорируется) и приводит к усиле-

нию аргументов для доказательства этого определения. Обоснование системы доказательств позволяет преодолеть кажущееся противоречие (парадокс), но при соблюдении определенной логики и методов подтверждения истины.

Опыт устранения и решения парадоксов показывает, что универсальных путей их преодоления не существует. Имеются некоторые достижения в математике и логике (теория типов, различие языков разных уровней). Известен и исторический опыт решения таких противоречий, которые связаны с судьбой отдельных народов, с решением правовых, моральных и религиозных проблем, что свидетельствуют о возможностях глубинного (в том числе и латентного) знания раскрывать сущность того или иного явления или процесса и сформулировать пути решения возникших парадоксов. Вместе с тем ни один из способов разрешения данных противоречий, в том числе и математические методы, не смогут претендовать на полную адекватность, сопоставимость и согласованность с реальным процессом. Более того, ни один из формализованных способов анализа и разрешения выявленных противоречий не может претендовать на полную адекватность, сопоставимость и согласованность с реальными процессами, а также на их общепризнанность или уникальность. В связи с этим повышается роль качественных методов, которые приобретают все большее и большее значение в решении проблем парадоксальности.

Таким образом, длительное время, начиная с древнейших времен, парадоксы — вернее, знание о них — были в основном отражением противоречий в процессе познания, ибо они практически не соотносились с миром опыта, не рассматривались и не анализировались по отношению к реальности, общественной жизни, процессу деятельности людей на всех этапах исторического развития.

3.2. Сущность и содержание парадоксов

Создание непротиворечивых концепций, теорий — важнейшая задача науки. Для реализации этого требования необходим поиск ответа на вопрос о сущности и содержании изучаемого процесса или явления — в данном случае парадоксов, причинах их появления и способах их существования в процессе познавательной и преобразующей деятельности человека. При такой постановке вопроса мы сталкиваемся с необходимостью, с одной стороны, использовать знание о парадоксах, накопленное философской наукой, а с другой — признать ограниченность существующего знания, сложность (а иногда и невозможность) его применения в социальной реальности. По-

этому, на наш взгляд, в добавление к классификации Ф. Рамсея, которая в основном ограничивалась теорией познания, *следует назвать еще один класс парадоксов: парадоксов жизни — парадоксов жизненных обстоятельств, парадоксов сознания и поведения социальных групп и личности* [6].

Социологический подход к парадоксам позволяет выявить их проявления в реальной жизни, в процессе осуществления тех или иных видов деятельности, ибо парадоксальность присуща не только процессу познания, но и самой действительности. В самом деле, если внимательно проанализировать историю, то мы непременно придем к выводу, что *парадоксальность сознания и поведения была присуща людям на всех этапах общественного развития. Но особенно наглядной, острой и объемной эта парадоксальность становится характерной для обществ с неустойчивым развитием, находящихся в состоянии нестабильности, аморфности, неопределенности вектора исторического процесса*. В этих условиях парадоксы сознания и поведения становятся массовыми, всеобъемлющими, порождающими причудливые сочетания добра и зла, чести и умысла, верности и предательства, безрассудного новаторства и упрямого традиционализма.

Если подвести итог сказанному, то можно сказать, что под парадоксами имеют в виду:

1) *странное, расходящееся с общепринятым мнение или высказывание, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу*. Такая ситуация широко распространена и охватывает значительный спектр явлений — от заблуждения до новых, пионерных идей, которые нередко встречаются в штыки;

2) *явление, кажущееся невероятным* (или невероятный, удивительный случай). Под эту трактовку подпадает достаточно большой круг реальных процессов и явлений — от неопознанных летающих объектов до ситуаций, когда производителю невыгодно сеять хлопок, гречку или растить сады (или платить налоги) при внешне доброжелательной официальной экономической и социальной политике.

3) *процесс, при реализации которого достигается результат, прямо противоположный ранее провозглашенным целям или по крайней мере принципиально качественно отличающийся от первоначальных замыслов или намерений*.

Вместе с тем очевидно, что и эта классификация не отражает богатство проявлений парадоксов реальной жизни. Дело в том, что эта классификация акцентирует внимание: во-первых, на затруднениях, противоречиях, которые проявляют себя в гносеологии, в теории и

логике познания, и во-вторых, на тех ситуациях, которые складываются во взаимоотношениях человека и общества, человека и социальной группы, между людьми и практически не касается той группы парадоксов, которая присуща самому человеку как индивиду.

Поэтому вполне уместно *рассмотрение парадоксов и по уровням, и сферам социальной организации общества*. Они могут характеризовать ситуацию в обществе в целом, в определенных его регионах, в производственных и других образованиях, в жизни отдельных групп людей и в жизни каждого человека. Не меньшее значение приобретает *анализ парадоксов, характеризующих основные и неосновные виды деятельности человека — экономическую, политическую, социальную, духовную* и т.д. Парадоксы возникают и в процессе взаимоотношений человека и природы, человека и экономики, человека и политики.

Если анализировать не все парадоксы вообще, а только те, что касаются сознания и поведения людей, то необходимо отметить следующее: *специфика социологического подхода к этому явлению заключается в том, что данный подход соотносится* не столько с теорией и логикой познания, не столько с умозаключениями, сколько *с реальной жизнью, с процессом функционирования как общественных структур, так и жизнедеятельности человека*. Анализ реальной ситуации в России показывает, что парадоксальность стала неотъемлемой частью современной жизни.

Эта парадоксальность проявляется во всем: в обществе в целом, в его отдельных сферах, практически во всех социальных группах и общностях, в жизни конкретных людей.

Что касается общества, то мы вправе говорить об антиномичности российского общества, о чем в свое время писал Н.А. Бердяев. Российская действительность полна противоречий-антиномий, которые ведут к возникновению дилемм, не поддающихся снятию в результате единожды сделанного выбора. Эта действительность насыщена антиномиями: авторитаризм — демократия, гражданское общество — корпоративное общество, федерализм — унитаризм, рынок — госконтроль над экономикой (плановая экономика), противостояние — партнерство (особенно на международной арене) [7].

Парадоксальность в российском обществе постоянно проявляется в поведении и сознании людей — многие из них заявляют или декларируют одни цели и жизненные ориентации, а на деле осуществляют иные, иногда прямо противоположные установки. Парадоксальность поведения особенно наглядно обнаруживается в конкретных жизненных ситуациях, когда публично и словесно провозглашаемые суждения опровергаются практическими действиями.

В настоящее время все чаще приходится встречаться с новым классом парадоксов, когда люди неосознанно, не по злому умыслу оли-

цветворяют удивительнейший феномен — в одном и том же человек одновременно уживаются противоположные, а иногда и просто взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек как бы бежит сам от себя и от общества в одно и то же время в прямо противоположных направлениях. Наш дезориентированный современник нередко, сам того не замечая, исповедует противостоящие друг другу истины и что поразительно, относится к взаимоисключающим мнениям и суждениям с доверием, ориентируется на них вполне искренне, часто не замечая этого потрясающего несоответствия.

В то же время возможны и такие жизненные коллизии, когда истинными могут быть различные стратегии поведения, которые хотя и противоречат друг другу, но в реальной жизни могут претендовать на свое автономное, независимое существование. Подобно антиномиям Канта, осуществляемые модели поведения в одно и то же время могут быть как доказуемыми, так и недоказуемыми положениями.

Скрытые формы парадоксов можно наблюдать и в такой специфической форме проявления сознания и поведения, как *аномия*. Это такое состояние людей, человека, когда утрачена значимость социальных норм и предписаний, причем эта утрата может означать трагедию, приводящую его к отклоняющемуся, противоправному поведению, вплоть до акций против самого себя (самоубийство). Состояние аномии показывает также, что у человека отсутствуют эталоны, стандарты поведения для сравнения своих действий с поступками других людей, что ставит его в неопределенное, десоциальное положение, снижает чувство солидарности с конкретной социальной группой. И наконец, аномия означает несоответствие между универсальными целями и ожиданиями, провозглашенными в данном обществе, и социально приемлемыми, санкционированными средствами их применения. Недостижимость целей приводит сознание людей в состояние крайней противоречивости, парадоксальности, невозможности согласовать, осмыслить и принять такую ситуацию в обществе, толкает на противоправные пути их реализации.

Именно состояния аномии приводят к таким парадоксальным состояниям, когда в условиях общества, провозгласившего создание предпосылок и условий для рационального развития и функционирования человека, соответствующих социальных отношений, одновременно рождается чувство беспомощности, изоляции, пустоты, бесперспективности жизни, апатии, что, в свою очередь, может привести к отклоняющемуся и экстремистскому поведению.

При таких обстоятельствах возможны различные формы парадоксов, когда человек смешивает должное и сущее, необходимое и

случайное, желаемое и вынужденное и т.д. *Э. Дюркгейм* (1858—1917), введший термин «аномия» в социологию для пояснения тех противоречий, которые систематически возникают в обществе, подчеркивал и такую ее характеристику, как ступень подготовки к переменам в обществе, ибо человек не может бесконечно страдать, мириться с неудовлетворяющим его состоянием и не вынашивать планы (нередко стихийные) для изменения сложившегося положения.

Таким образом, анализ реально функционирующего сознания и поведения, обнаруживает особый класс явлений — парадоксы, которые необходимо рассматривать как специфическую форму противоречий, требующую глубокого выявления причинно-следственных связей, между взаимоисключающими установками и ориентациями людей. Особенно важное значение имеет тот факт, что парадоксы характерны не только для общества, государства, социальных групп или организаций, не только для понимания взаимосвязи материального и идеального, но и *для сознания самого человека, в котором уживаются взаимоисключающие друг друга мотивы и ценности*. На это можно было бы не обращать внимания, если бы это явление не приняло массовидный характер. Более того, парадоксальность сознания имеет тенденцию к росту. Чем это можно объяснить?

3.4. Причины парадоксальности сознания

Есть явные и латентные причины широкого распространения парадоксов.

Исходной, фундаментальной причиной парадоксальности сознания и поведения людей является то, что российское общество не является монолитным, единым — оно состоит из прежнего, советского, и вновь нарождающегося, рыночного. Тесное переплетение укорененного, накопленного и неизжитого в сочетании с новыми отношениями рождает (и не может не рождать) чрезвычайно удивительные комбинации, метаморфозы, противоречия, парадоксы. Игнорирование или забвение этих принципиальных и специфических явлений в общественном сознании и поведении людей, имеющих стратегическое значение для понимания происходящего в российском обществе, вызывало, вызывает и будет вызывать те провалы, издержки, зигзаги, просчеты и непоследовательность, характерные и для социальных наук, и для социальной практики, что и привело к краху многие проекты и программы, предложенные обществу на данном этапе развития России. А строить перспективу на сомнительных предположениях и иллюзиях не менее губительно, чем упорно и упрямо придерживаться старых догм, изживших себя теорий и

сомнительных концепций. И в том и в другом случае общество охватывает кризис, который ведет к изменению образа и стиля жизни, к коренной ломке ранее существовавшей системы ценностей, утрате прежних идеалов и нечеткости или отсутствию новых. В результате возникновение и существование парадоксов сопровождается оживлением процессов, которые ранее протекали в неразвитом, скрытом виде и которые в современных условиях характеризуют новый уровень противоречий в общественном сознании.

На возникновение парадоксов влияет *фрустрация* — ситуация невозможности удовлетворения значимой для человека потребности, реализации мотива деятельности. Возникает напряжение, чувство безысходности, отчаяния. Эта невозможность по своей сути есть разрыв между мотивом деятельности и его результатом, что не может не сопровождаться появлением парадоксов, возникающих на грани исповедания прежних ценностей и сознания невозможности их прежнего существования, на грани противостояния прежних ориентиров в культуре и вновь созреваемых, по причине разрушения и утраты ранее существовавших не только политических, но и гражданских идеалов и отсутствия новых.

Не в меньшей мере на появление парадоксов в сознании и поведении людей влияет нарушение преемственности в развитии, необдуманнные и скороспелые эксперименты, слабый учет или даже игнорирование влияния менталитета, традиций и обычаев.

Особо необходимо подчеркнуть, что *всеохватывающий кризис общественного сознания в современном обществе многообразен, показателем чего является стремительное увеличение его парадоксальности*: общественное сознание в условиях социальных потрясений не может перестроиться сразу же, немедленно, вслед за происходящими событиями. Человечество не способно убежать от самого себя, от опыта, накопленного ранее, от того, что оно знало ранее, что исповедовало, на что ориентировалось, что хотело достичь и чего хотело не повторять.

Важным условием и причиной парадоксальности выступают те объективные противоречия, которые помимо воли и сознания человека или групп людей возникают в процессе познания и реализации его выводов и результатов. На это в первую очередь обращают внимание исследователи, занимающиеся логикой познания. Так, А.А. Зенкин приводит следующий пример: «Один великий ученый открывает совершенно абстрактную формулу $E = mc^2$, другой великий ученый открывает новый химический элемент U-238, третий талантливый инженер, изобретает технологию обогащения урана и производит из него атомную бомбу, четвертый политик, принимает решение использовать эту атомную бомбу в самых «высоких и гуманных» це-

лях, пятый, пилот-исполнитель, доставляет этого «Малыша» куда надо и делает с ним то, что приказано. «Гуманитарные» последствия такого «подарка» напоминают о себе до сих пор. Кто виноват? Вопрос, на который не существует ответа. Так, один из величайших факторов промышленного прогресса — принцип разделения труда ради повышения его эффективности «во благо...» имеет своим следствием вначале разделение ответственности, а затем — и разделение совести» [8]. *Не в этой ли глобальной исторической ситуации создаются условия для возникновения парадоксов, когда каждый отдельный акт сам по себе имеет правомочность и правомерность, но результат этих совместных последовательных действий приводит к непредвиденным, неприемлемым для человечества последствиям?*

К причинам появления парадоксов можно отнести ситуации аномалий и кризисов (по Т. Куну), когда в орбиту исследования незаметно втягиваются новые объекты, наличие которых постепенно ставит под сомнение истинность существующей картины мира и ее составляющих [9]. Эти ситуации приводят к тому, что в системе знания накапливаются необъяснимые факты, нередко приобретающие форму парадоксов.

Весомой причиной возникновения парадоксальности является и тот факт, что процесс познания в целом и даже в конкретных науках породил, во-первых, *огромное количество исследовательских «логик»*, и во-вторых, такое *семантическое разнообразие выражения одной сущности*, что стало затруднительным взаимопонимание не только между представителями различных наук, но и внутри одной науки. И этот процесс, объективно отражая дифференциацию, углубление опыта познания, приводит к тому, что творцы различных отраслей знания перестают понимать друг друга, имеют свои, весьма своеобразные и специфические суждения по тем или иным конкретным ситуациям. Более того, речь идет не столько о разных методах познания одной и той же сущности, сколько об исключительной правоте именно избранного подхода. Своеобразная научная нетерпимость к другой логике породила чуждое в науке явление, когда целые области знания объявляются сферой профессиональных интересов только одной науки без права вмешиваться в ее компетенцию, в первую очередь отгораживаясь от философии, не говоря уже о родственных науках. Это своеобразное табу систематически проявляется в жизни науки, становясь тормозом в ее развитии, и замедляет решение не только проблем теории, но, как выясняется, и практики.

В статье академика В.И. Арнольда это убедительно показано на примере отношения к теории Кантора, когда ее абсолютизация и обожествление привело к «левополушарной преступности», «лево-

полушарному абстракционизму». По его мнению, «в середине XX столетия обладавшая большим влиянием «мафия левополушарных математиков» сумела исключить геометрию из математического образования (сперва во Франции, а потом и в других странах), заменив всю содержательную сторону этой дисциплины тренировкой в формальном манипулировании абстрактными понятиями. Подобное «абстрактное» описание математики непригодно ни для обучения, ни для каких-либо практических приложений» и, более того, порождает «современное резко отрицательное отношение общества и правительств к математике» [10].

Подобное присуще не только математике. На материале становления теории относительности (анализ истории которой до сих пор сопровождается многочисленными дискуссиями) В.С. Степин выясняет механизм возникновения и преодоления парадоксов в этой области знания [11].

Такие ситуации в той или иной мере присущи всем наукам. Это вполне естественный процесс развития научного знания, который позволяет разобраться и решить многие аномальные, парадоксальные ситуации. Проблема состоит не в том, что эти парадоксы существуют, а в том, как относится к их решению.

Рождению парадоксов в немалой степени способствует противоречие между теорией и фактами (эмпирией), между которыми, по мнению М. Поланьи, нет «логического моста», ибо «в каждом акте сознания присутствует страстный вклад познающей личности и что эта добавка — не свидетельство несовершенства, а насущно необходимый элемент знания». Теория неявного знания, обоснованная М. Полани, во многом объясняет возникновение парадоксов и противоречий между двумя типами знания: центральным или явным, эксплицируемым и периферийным, неявным, скрытым, имплицитным [12].

Главным препятствием на пути преодоления подобных противоречий является тот факт, что при объяснении парадоксов начинает довлеть одна из концепций, которая претендует на исключительность, на абсолютное знание истины, отвергая все другие возможные вариации. Нечто подобное случилось и с марксизмом в Советском Союзе, что породило массу парадоксальных ситуаций и в теории и на практике.

Среди причин, рождающих парадоксы, можно назвать кардинальное смещение акцентов в развитии общества, дезорганизацию сфер общественной жизни, неупорядоченность всей совокупности общественных отношений, консерватизм прежних структур, их организации и их несоответствие потребностям времени.

Вероятность возникновения парадоксальности неизмеримо возрастает в период революционных, трансформационных изменений в обществе, которые обычно сопровождаются кризисными процес-

сами. В этих условиях ранее существовавшие парадоксы модифицируются, трансформируются и рождают новое обличье этого социального феномена. В трансформирующемся обществе происходят такие процессы, как нарушение четкой взаимосвязи ценностей и ориентаций с социальной структурой общества, усиление влияния «групп давления» на функционирование общественного сознания, неадекватность реакции общества и властных структур на происходящие изменения, необходимость уточнения трактовки ложного, катастрофического, протестного и «больного» сознания, роли и места мифов, стереотипов и архетипов в жизни человека.

При рассмотрении парадоксов следует подчеркнуть не только тот факт, что общей их характеристикой является расходящиеся и/или противоположные и противостоящие друг другу мнения, суждения, установки и ориентации, а то, что они уживаются, сочетаются и функционируют в сознании одних и тех же людей.

В силу своего разнообразия парадоксы имеют разную глубину и масштаб своего проявления, и поэтому могут быть систематизированы (классифицированы) по разным основаниям.

Прежде всего необходимо сказать о *парадоксах, связанных с определенными видами деятельности*: экономической, политической, социальной, духовной (по сферам жизни общества).

Далее, *парадоксы можно анализировать в рамках той сферы научного знания*, которая подвергается анализу: в области математики, физики, истории, логики, философии и т.д.

Важное значение для социальной науки приобретает анализ субъектов парадоксальности — общества в целом, классов, социальных групп и общностей, а также социальных институтов (семьи, религии) и социальных организаций (производственных коллективов, партий, добровольных объединений) и т.д. Но особое место среди данного класса субъектов занимают проявления парадоксальности, которые связаны с региональной или местной автаркией, когда интересы данной территории или данного населенного пункта противопоставляются интересам страны и аналогичных территориально-пространственных образований.

Кроме того, *парадоксы можно классифицировать по наиболее злободневным проблемам* (если это касается всего общества) и соответственно анализировать их в связи с существованием таких противоречивых явлений как элиты, центризм, роль и место интеллигенции в современном обществе и т.д.

И наконец, есть отдельные неупорядоченные случаи (казусы) парадоксальности, которые часто являются производными и/или элементами более значимых социальных парадоксов.

С точки зрения роли парадоксов в регулировании общественной жизни их можно *классифицировать по характеру*: на созидающие,

конструктивные и деконструктивные, знание которых позволяет и сформулировать средства по решению назревающих социальных проблем. При таком подходе важно определить, осуществляется ли поддержание парадоксальности осознанно, что сулит немалые выгоды и приносит ее инициаторам значительные дивиденды или она складывается стихийно. Определенный интерес представляют и так называемые *затаившиеся (латентные) парадоксы*, появление которых можно предвидеть, если обстоятельно и всесторонне анализировать последствия принимаемых решений, как, например, в случае с обсуждением судьбы, путей и методов осуществления политики и практики землепользования и землевладения в России.

Вместе с тем стоит отметить сложность классификации «гибридов» теоретических изысков и общественной практики, рождающих такие словосочетания как «народный капитализм», «этнический социализм и капитализм», «олигархическая демократия», «демократическое правовое государство», «суверенная или управляемая демократия» и т.п.

Обобщая сказанное, можно делать вывод, что *парадокс как реальное проявление противоречия в общественном сознании и поведении отражает и воплощает в себе следующие характеристики.*

Во-первых, в парадоксе находит отражение противоречивость процесса познания, когда существующие рассуждения о том или ином процессе или явлении в равной степени доказывают истинность, так и ложность некоторого предположения. Иначе говоря, имеющиеся знание (информация) не позволяет делать однозначные выводы и получать бесспорные умозаключения. Эта возможность получения не просто других, а взаимоисключающих результатов является базой (основой) для продолжения существования сложившихся и возникновения новых парадоксов. Другим вариантом возникающих парадоксов в процессе познания выступает неоднозначность (вариативность) трактовки того или иного понятия, что может быть преодолено посредством согласования смыслов тех или иных определений.

Во-вторых, парадоксы в сознании и поведении людей порождаются противоречиями жизненного опыта, когда реальная практика показывает не только возможность существования взаимоисключающих ценностей и установок у отдельных социальных групп и людей, но и культивирование этого противоречия, в результате чего появляются противостоящие друг другу утверждения, действия и поступки.

В-третьих, парадокс проявляет себя в ситуации, когда отождествляется реальный процесс и представление (знание) о нем, что чаще всего случается в процессе преобразующей деятельности человека. Это отождествление реальности и знания о ней нередко приводит к трудно разрешимым противоречиям, когда процесс позна-

ния может отражать реальность приблизительно, а иногда и односторонне и тем самым не соответствовать практике, которая на этом основании отвергает не только это, но и все научное знание.

В-четвертых, абсолютизация прежних знаний приводит к появлению, порождению парадоксальных ситуаций, когда изменившаяся жизненная ситуация диктует иную логику и иную программу поведения людей. Особенно наглядно это проявляется в общественно-политической деятельности, когда парадоксом становится достижение политической партией целей, отвергаемых полностью или частично предшествующим опытом.

В-пятых, парадоксы порождаются ситуативностью в деятельности субъектов экономического, политического, социального или духовного процесса, когда ими принимаются решения и осуществляются действия, творцы которых ориентируются на ограниченные источники информации, не учитывают данные во всей их совокупности и игнорируют не совпадающее с их мнением знание.

И наконец, парадоксы проявляют себя в случае, когда самые разнородные действия, сами по себе в отдельности являющиеся рациональными, будучи соединены воедино, в систему, обнаруживают не просто несогласованность, а абсолютную противоположность, несовместимость друг с другом.

Таким образом, ***парадоксы — это в большинстве случаев расходящиеся, противоречивые и даже противостоящие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно существуют, сочетаются и функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей.***

Парадоксальность усиливается и потому, что современный «мир требует включения человека во все возрастающее многообразие социальных структур, что сопряжено с гигантскими нагрузками на психику, стрессами, разрушающими его здоровье. Объем информации, стрессовые нагрузки, канцерогены, засорение окружающей среды, накопление вредных мутаций — все это проблемы сегодняшней действительности, ее повседневные реалии» [13]. Социологические исследования выявили парадоксы прежде всего в тех сферах общественной жизни, которые подверглись существенным деформациям и изменениям и которые влияют на повседневную жизнь человека, его настроение и самочувствие. Особенно актуален для людей в нынешней ситуации поиск ответа на вопрос: а кто ответственен, виноват в таких неутешительных для большинства населения изменениях в обществе?

Анализ сущности, содержания и особенностей парадоксов и их мета в общественном сознании и поведении позволяет сделать ***следующее заключение: социологическое исследование парадоксов является***

одним из плодотворных каналов познания реальных противоречий в сознании и поведении людей, действенным средством получения более полной и объемной информации о происходящих в обществе процессах.

Изучение парадоксов позволяет избежать односторонности, преувеличения значимости одних явлений при игнорировании других, предостеречь против абсолютизации ограниченных данных. Особую важность при исследовании парадоксов приобретает отказ от противопоставления одной информации другой по принципу «истинно — ложно», «верно — ошибочно», «необходимо — случайно». Только всестороннее, комплексное, системное изучение явления или процесса может привести к научно обоснованным выводам и рекомендациям, если это касается практического решения общественных проблем.

При изучении парадоксов приобретает значимость такое методологическое требование, когда оценка знания об окружающем человека мире сопоставляется с прогнозом возможного его поведения в происходящих процессах. Учет только лишь одного из этих компонентов означает выход на неполные, односторонние выводы, возможное заблуждение, неадекватное отражение реальности, неправильная ориентация и даже дезинформация общественного сознания.

Исследование парадоксов в сознании и поведении людей непременно связано с изучением степени готовности человека к риску, к возможности дискомфорта в жизни, его отношения к предполагаемым издержкам и жертвам. И если степень такой готовности выражена в незначительной степени, то в критический для страны этап развития отчетливо проявляется желание людей избежать любым образом социальных катаклизмов, жертвенности. В этих условиях самые «свирепые» словесные высказывания и утверждения не имеют цены, так как они могут отражать сиюминутность, кратковременность и ситуативность человеческих настроений, быстро гаснущих под давлением возможных серьезных социальных последствий.

На наш взгляд, *важным моментом в понимании природы парадоксов является самооценка человека, особенно в ситуации выбора.* «Эксперименты показывают, — утверждает М.А. Розов, — что выбор предполагает самооценку, не оценку деятельности других людей, а именно оценку самого себя, своего собственного поведения. Это может показаться странным: человек имеет вокруг себя огромное количество образцов поведения, огромное количество «сценариев», он должен выбрать наилучший, и, следовательно, оценке подлежат именно эти «сценарии», а не что-то другое... Оценка других вовсе не меняет поведения того, кто оценивает: это поведение меняет только самооценка» [14].

В переломные моменты истории возможно увеличение числа формально логических парадоксов, когда внешняя противоречивость взаимоисключающих мотивов, установок и целей скрывают глубинные противоречия, нередко лежащие в другой сфере деятельности людей и опосредованных другой группой интересов, иногда по тем или иным причинам выходящим на первый план.

Именно эти парадоксальные явления необходимо анализировать, ибо, на наш взгляд, в конечном счете первопричина всех напряженностей, конфликтов, недопониманий и борьбы часто кроется в сознании и поведении самого человека. И чем больше человек может оказывать влияние на других людей, на судьбы общества или конкретного социальной организации, тем больше вероятность усиления тяжести совершаемых действий, социальных последствий тех или иных конфликтов. «Человек, исцелился сам» — эта библейская мудрость, на наш взгляд, как никогда подходит к решению не только личных, сколько общественных проблем, которые начинают свой отсчет именно от того, что происходит в сознании и поведении человека.

Вместе с тем парадоксы в сознании и поведении людей многообразны, касаются различных сторон их жизни и по-разному проявляются в конкретных обстоятельствах применительно к определенным проблемам [15]. В следующих главах мы рассмотрим важнейшие из них.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: *Комарова В.Я.* Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. Л., 1988; *Философская энциклопедия*. Т. 4. М., 1967. С. 207—208. *Койре А.* Очерки истории философской мысли: пер. с фр. М., 1985.
2. Говоря о роли и значении теории множеств Г. Кантора и сформулированных им парадоксов, следует отметить, что в научной литературе появились критики (академик В.И. Арнольд, профессор А.А. Зенкин), которые подвергают сомнению его открытие, называя его «вопиюще наивным рассуждением», в «10 строках доказательства которого содержаться 7 (семь!) очень нетривиальных логических ошибок», «переплетенных в немыслимый клубок почти правдоподобных рассуждений». На наш взгляд, такую жесточайшую критику одного из устоев современной математики можно объяснить теми же тернистыми путями познания, сложностью методов решения возникающих проблем, а также попытками абсолютизировать и даже обоже- ствить один из возможных средств познания окружающего нас мира. (См. подробнее: *Арнольд В.И.* Антинаучная революция и математика // *Вестник РАН*. 1999. № 6; *Зенкин А.А.* Ошибка Георга Кантора // *Вопросы философии*. 2000. № 2).

3. Подробнее см.: *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
4. См. *Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959; *Новая философская энциклопедия*: В 4 т. М., 2001, Т. 3. С. 195—196.
5. *Рассел Б.* Искусство мыслить /Пер. с англ. Е. Козловой, О. Назаровой, С. Сычевой. Общ. ред. и предисл. О.А. Назаровой. М., 1999; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. рук. О.И. Шкаратана. М., 2000;
6. На это явление обратили внимание ученые сравнительно недавно, в основном психологи, решавшие эту проблему в контексте решения других исследовательских задач. См.: *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984; *Аболин Л.М.* Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань, 1987; *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие. М., 1990; *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1983; *Гримак Л.П.* Общение с собой. М., 1991.
7. См. *Красин Ю.А.* Политическое самопрделение России: проблема выбора // Полит. исслед. 2003. № 1; *Ускользящий мир*. М., 2004. С. 18—19.
8. *Зенкин А.* Ошибка Георга Кантора // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 45—48.
9. См. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975
10. *Арнольд А.И.* Антинаучная революция и математика // Вестник РАН, 1999. № 6. С. 553—558; *Зенкин А.* Научная контрреволюция в математике // Независимая газета (НГ-Наука) 2000. № 7. 19 июля.
11. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 12
12. *Поланьи М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск, 1998. С. 19; См. также: *Филатов В.П.* Научное познание и мир человека. М., 1989.
13. *Степин В.С.* Указ. соч. С. 32.
14. Теория познания: В 4 т. Т. 4/ Познание социальной реальности / Под ред. В.А. Лекторского и Т.И. Ойзермана. М., 1995. С. 16.
15. О парадоксах общественной жизни, общественного сознания см.: *Барулин В.С.* Российский человек в XX веке. Потери и обретения. СПб., 2000; *Мнацаканян М.О.* Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социол. исслед. 2006. № 6; *Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т.* Парадоксальный молодой человек // Социол. исслед. 2006. № 6; *Шкаратан О.И.* Российский порядок: вектор перемен. М., 2004; *Левада Ю.* Советский человек. М., 1998; *Томалинцев В.И.* Человек на рубеже тысячелетий. Парадоксы духовного развития. СПб., 1999; *Попов В.Д.* Парадоксы в судьбе России (коммуникативный психоанализ власти и общества). М., 2005; *Сидорина Т.Ю.* Парадоксы кризисного сознания. М., 2002, и др.

Часть II

**Парадоксы в контексте
социального знания
и социальной практики**

Глава 4

Мифологическое сознание как форма проявления парадоксов

Прошлые поколения оставили нам
не столько готовые решения вопросов,
сколько сами вопросы.

Сенека Младший (ок. 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.),
римский философ

4.1. Многозначность мифов

Миф — это одна из ступеней познания человеком окружающего его мира. И, возможно, одна из первых, на которой человек не выделял себя из природы, не был способен ощутить себя как нечто другое, чем сама Природа. В период детства человечества люди не могли объяснить себе те явления, процессы, силы, которые на этом этапе полностью господствовали над ними. Однако, постоянно стремясь и пытаясь понять суть происходящих процессов, они стали использовать такую специфическую форму освоения мира, как мифотворчество, персонифицируя все, что их окружало. ***В мифах воплощалось своеобразное представление о мире, управляемом внешними силами — богом, духами, непознаваемыми могущественными силами.***

В соответствии с известной идеей К. Маркса об основных видах деятельности по освоению мира — практической, практически-духовной и духовной — в процессе эволюции человека могут быть выделены три ступени познания: эмоционально-практическая, эмоционально-рефлексивная и рационально-рефлексивная.

Древнее мифологическое сознание возникает на этапе эмоционально-рефлексивного освоения мира и осмысления социального опыта, а также на основе иррациональных переживаний. Его сущностью является ценностное самоопределение и жизнеутверждение социальной общности (первобытного рода) в символической форме, которые опираются на потребность в «иллюзиях» и на позитивную эмоцио-

нальную рефлексию (самооценку). К числу древнейших мифов можно отнести архаические формы героического эпоса.

Мифы утверждали принятую систему ценностей, поддерживали и санкционировали определенные нормы поведения, экономического и социального порядка. Мифологическое мироощущение выражалось не только в повествовании, но и в действиях (обрядов, танцах), в образе и стиле жизни.

Нужно отметить, что современное понимание мифа и отношение людей к нему на разных ступенях общественного развития различны.

В этом отношении весьма показателен тот поиск, который осуществлен исследователями при объяснении сущности и содержании первобытного мифа.

• **Миф как выдумка.** Миф является произвольной выдумкой, возникшей вследствие незнания законов природы, отсталости и страха. Мифы рассеиваются под воздействием подлинного знания. Такого мнения о мифе были некоторые древнегреческие мыслители, писатели — просветители XVIII в. Эту точку зрения в определенной степени разделял некоторые философы-марксисты [1].

• **Гносеологическое объяснение.** Миф мог возникнуть и возникнуть в период нерасчлененного знания, когда не было (или отсутствовала) определенность в трактовке объекта и субъекта, предмета и знака, вещи и слова, пространства и времени и т.д. Особо следует подчеркнуть, что знание не было отделено от эмоций, когда в полной мере господствовало дологическое мышление. Именно в этот период преобладало образное представление об окружающем мире, не осознавалась специфика мифологического и религиозного сознания, смешиваясь с фантастическим видением действительности [2].

• **Семантический (лингвистический) подход.** Миф есть «болезнь языка». Он возникает из метафор и образов древней поэзии. Сначала человек осознает условный характер своих сравнений (например, «звезды — глаза неба»), но затем по каким-то причинам забывает об условности и придает риторическим оборотам буквальное значение, в результате чего небо превращается в существо с множеством глаз. Теория предложена в прошлом веке английским филологом М. Мюллером. В России с некоторыми поправками она исповедовалась А.Н. Афанасьевым и А.А. Потебней [3].

• **Эволюционистский подход.** По мнению английского этнографа XIX в. Э. Тейлора, миф — это форма общественного сознания на разных этапах его существования, продукт раннего, детского состояния человека и человечества. Нуждаясь в объяснении природы, дикарь использует доступные ему приемы, одушевляет мир и пере-

носит на него все проявления своей личной жизни. Миф — это, с одной стороны, отождествление реальности со сказкой, эпосом, с другой — зачатки некой первобытной философии и религии, какой является анимизм [4].

• **Структурно-функциональный подход.** Миф есть язык образов, обладающий четкой структурой и способный передавать знания о мире не хуже, чем абстрактная логика (французский этнолог К. Леви-Стросс). Миф объясняет социальную реальность и распространяет такое объяснение на природу. По мнению французского социолога Э. Дюркгейма, мифологические «коллективные представления» обобщают структуру первобытных общностей. Разновидность этого подхода — функционализм, оценивающий значение мифа для поддержания устойчивости первобытных сообществ (польский этнограф Б. Малиновский) [5].

• **Символический подход.** Миф есть одна из символических функций (наряду с наукой, искусством, религией, языком), присущих человеку там, где рассудок ищет сложности. Миф дает простоту непосредственной данности. Теория предложена немецким философом Э. Кассирером. К ней близко понимание мифа как «жизненно ощущаемой и творимой вещественной реальности» в работах А.Ф. Лосева. В рамках этого подхода фантазии объясняются как мифоподобные символы, ведущие к созданию (появлению) архетипов [6].

• **Ритуалистский подход.** Миф есть словесный ряд (объяснение, сценарий) ритуала (английский этнограф Дж. Фрезер). Эта точка зрения разделяется значительным числом современных исследователей.

• **Психоаналитическое объяснение.** Миф — наиболее оформленное выражение индивидуального (З. Фрейд) или коллективного (К. Юнг) бессознательного.

• **Постструктуралистский подход, возникший как реакция на расширение структурализма.** То, что называется мифологией, возникло в результате записи, критики и обработки устного творчества на заре письменности, а затем расширялось, редактировалось, интерпретировалось философами, филологами, историками, этнографами, фольклористами. Строго говоря, «первичный миф» нам недоступен в силу разнонаправленности устного и письменного способов передачи информации, и приходится довольствоваться вторичным продуктом [7].

• **Космологическое, синергетическое объяснение.** Оно оперирует представлениями о превращении хаоса в логически сконструированный порядок, в котором мифу принадлежит определенное место в познании картины мира, внесение лепты в осмысление происхождения животного и растительного мира, роли и места чело-

века в их преобразовании и даже возможное предвосхищение предстоящих изменений [8].

Есть и другие концепции объяснения происхождения, сущности и эволюции мифа. Они связаны с вопросом о том, как по мере развития человечества менялись представления о нем, какие характеристики при его объяснении становились главными, определяющими.

Анализируя сущность и содержание мифа, нужно иметь в виду, что он мыслится первобытным сознанием как нечто вполне реальное, а не сказочное и воспринимается первобытными людьми как возможная действительность. *В системе ценностей первобытного человека миф равен культуре*, для него это способ сохранения мира (в основном через ритуал). Более того, *мифологическое сознание в первобытном обществе представляет основной способ объяснения и понимания мира*.

Первобытная мифология, будучи формой примитивного мирозерцания, включала в себя зачатки донаучных представлений о мире и человеке, а также разных форм искусства, прежде всего словесного. Поэтому весьма сложна задача разделения мифологии и близких к ней по жанру и времени таких форм словесного творчества, как сказки, героический эпос, легенды, исторические предания. Еще сложнее взаимоотношение с религией. Уже на ранней стадии развития мифология неотделима от религиозных обрядов и входит существенной частью в состав религиозных верований. Мифологические представления нередко являются обязательным предметом веры, превращаются в религиозные догматы. Обряд, унаследованный от мифа, становится самой устойчивой частью религии. Говоря словами А.Ф. Лосева, мифология не является религией, в то время как религия есть «мифическое творчество», «мифология жизни». И если он понимал религию как самоутверждение «личности в вечности», то основным вопросом мифологии является вопрос Канта: «На что я могу надеется?» [9].

Первые попытки рационального осмысления мифологии предпринимались в античности. Так, *Платон* (428 или 427—348 или 347 гг. до н.э.) рассматривал миф как некую «узду», с помощью которой правители удерживают народ в повиновении [10]. *Аристотель* (384—322 гг. до н.э.), Олимпиодор Младший, Эвтемер в той или иной степени осуществили попытки осознать роль мифа в жизни человека и общества. Однако эта трактовка была достаточно своеобразна и была направлена на понимание его места и влияния на происходящие в окружающем мире процессы. Уничжительная трактовка мифа сохранилась вплоть до Средневековья, до тех пор, когда получил распространение миф о втором пришествии Христа, —

первая попытка пересмотреть устоявшиеся догматы христианской религии и вдохнуть в людей надежду на избавление от тягот «мира сего». Этот миф особенно настоятельно развивали раскольнические, еретические движения, чья сила во многом определялась «встроенностью» мифа в существующие представления о Христе.

Общественные движения Возрождения, Реформации и Просвещения в своей основе также использовали мифологические картины мира, которые побуждали людей к переоценке устаревших ценностных представлений и вдохновляли их на активные действия в свете обновленных идеалов. Мифы о Человеке, о Божественном разуме, который рационально и разумно создал мир, помогали преодолевать бесчисленные препятствия на пути нового формирующегося социума — буржуазного общества. Однако и в этот период такие известные мыслители как *Вольтер* (1694—1776), *Дидро* (1713—1784), *Монтескьё* (1689—1755) полагали (и в этом они в определенной степени продолжали линию Платона), что мифы предназначены для откровенной поддержки авторитета правителей, священнослужителей и т.п. и представлялись как продукт невежества и обмана.

Переоценка мифов, мифологического сознания начинается с «Новой науки» *Дж. Вико* (1668—1744), продолжается в исследованиях *Р. Эмерсона* (1803—1882) и *Ф. Ницше* (1844—1900), а затем подвергается научному анализу в работах *Ф. Шеллинга* (1775—1854), *Я. Гримма* (1785—1863), *Э. Тейлора* (1832—1917), *Г. Спенсера* (1820—1903), *В. Вундта* (1832—1920) и др.

В отечественной науке проблемы мифа особенно интенсивно исследовались этнографами и фольклористами *А.Н. Афанасьевым* (1826—1871), *О.Ф. Миллером* (1833—1889), *Ф.И. Буслаевым* (1818—1897) и др.

В целом *мыслители XVIII—начала XX в. сформировали две ветви в развитии мифологии: иррационально-субъективного абсолюта и научной рациональности* (особенно наглядно проявившемся в позитивизме). Эти два конкурирующих течения существуют и поныне в разных обликах и названиях.

По А.Ф. Лосеву, «миф — это обобщенное отражение действительности в виде чувственных представлений или точнее, в фантастическом виде тех или других одушевленных существ» [11].

Миф следует отличать от утопии, которая интерпретируется, по мнению Ж. Сореля, теоретиками как идеальная модель общества, как образец, сравнивая с которым современное состояние общества, можно последнее критиковать. Но между ними нет непреодолимой стены — утопия, ставшая единственно «верной» картиной мира, превращается в мифологию [12].

Миф трудно разрушить, ибо он опирается на иллюзии и надежду. В первобытных обществах он был вообще непререкаем. В этом случае можно сослаться на известный этнографам феномен «смерти

Вуду» у австралийских туземцев, который заключался в том, что невольный нарушитель каких-то табу, за которые по мифологическим законам полагалась кара духов, ложился на землю и умирал. Причиной смерти здесь являлся не столько страх, сколько безнадежность, переживание неотвратимости кары, подобной взгляду змеи, парализующей жертву.

В современном обществе отношение к мифу иное. Нарушение мифа не влечет за собой таких кар, которые прежде налагал на себя человек, но тем не менее последствия разрушения мифа могут быть самыми тяжелыми как для личной, так и общественной жизни человека. Особенно *это характерно для социальной мифологии*, когда социальный миф предстает иллюзией, мечтой, неким идеалом, который не имеет (или мало имеет) отношения к реальной жизни. Когда эти фантазии овладевают уже не одним человеком, а целыми социальными группами, массами людей, то тем горше и трагичнее звучат последствия, возникшие на основе осознанного разрыва реального и воображаемого. «Достижение гармонии в рамках мифа часто ориентирует человека на достижение нереальных и вообще сомнительных целей, которые, однако, обладают ярко выраженной эмоциональной привлекательностью» [13].

Как убеждает опыт истории, гармония, которой пытаются достичь на базе мифологии, оказывается всегда иллюзией и рушится при первом соприкосновении с действительностью, в результате чего возникает разочарование, неудовлетворенность, чувство обманутости и желание замкнуться в собственных переживаниях или — что реже — выступить против них активным борцом. В этом смысле не надо путать мифологическую мечту с идеалом, идеальной целью, которые все же своей исходной базой имеют реальную действительность и исходят из реальной практики, что предполагает использование реальных средств по их достижению, а также возможность предвидеть негативные последствия, в то время как миф исходит из иллюзий, общественной доверчивости, имеющих позитивную окраску. Все это лишний раз подчеркивает такой *определяющий компонент мифа, как его иррациональность*.

Если рассмотреть современные трактовки мифологии и соответственно мифологического сознания, то мы сразу заметим весьма существенные отличия от даже недавних концепций, которые сводили миф к «выдумке», к «ложной иллюзии» или только как к специфическому феномену XX в., особому виду духовной деятельности по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно продуцированных правящей элитой для манипулирования деятельностью людей [14].

Мифологическое сознание — специфическая форма общественного сознания. В общественном сознании первобытного общества оно доминировало. А современный человек миф воспринимает как повест-

вание, совокупность фантастически изображающих действительность идей. Однако это не жанр словесности, а определенное представление о мире, которое часто предстает перед нами как способ повествования или приобретает характер специфических представлений.

Действительно, если для древнейшей мифологии и мифологического сознания характерно было наивное очеловечивание окружающей природной среды, перенос человеком на природные объекты своих собственных свойств, приписывание им человеческих чувств, то в современной мифологии объяснение сущности вещи и мира сводится в основном к особым формам поиска ответа на вопрос об их происхождении или существовании. Поэтому мышление человека древности представляется как эмоционально-иррациональное и аффективное. Известный итальянский исследователь Дж. Вико сравнивал такую неразвитую специфическую форму мышления с детской психологией. Современный феномен мифа более сложен и противоречив, поскольку круг тем, сюжетов, охватываемых мифами — вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального устройства, тайны рождения и смерти и др., затрагивает широчайший, «глобальный» круг коренных вопросов мироздания. Поэтому миф уже выступает не как сумма и даже система «наивных» рассказов древних, а как определенная форма мировоззрения, влекущая за собой определенный тип деятельности.

Анализ сущностных аспектов современного мифологического сознания позволяет утверждать, что оно включает в себя: закодированный признак главных ценностей общества; символическое, метафизическое выражение вечных социальных и социально-психологических состояний; проявление через логику мифов универсальных структур человеческого разума [15].

Несколько особняком в структуру мифологического сознания входят знания об обществах, не имеющих письменных памятников.

В соответствии с этим функция мифов — это оправдание, возвеличивание, обнадеживание, а в ряде случаев и манипулирование представлением о формах и методах познания и функционирования социальной действительности.

4.2. Основные характеристики мифологического сознания

Раскроем основные характеристики мифологического сознания.

Во-первых, для мифологического сознания характерны упрощение, поляризация и разделение картины мира по принципу «свой» и «чу-

жой». Это в одинаковой степени относится как к древней, так и современной мифологии. Именно это противопоставление постоянно питает и поддерживает миф, четко очерчивает границы его применения. Кроме того, в структуралистском подходе к мифам Леви-Строссом выявляются повторяющиеся универсальные «бинарные противоположности» между природой и культурой, мужчиной и женщиной, дружбой и враждой.

Во-вторых, мифологическому сознанию присуще иллюзорно-обнадеживающая картина мира, имеющая статус достоверной жизненной реальности. В этом случае огромную роль играет вера в возможность реализации провозглашаемых целей, в то же время очень часто игнорирующей средства их достижения или замещая их проектами, мало- или не имеющими отношения к реальности. Показательно в этом такое проявление мифологии, усиленно навязываемой обществу: «рынок — условие благосостояния». Реальное огромное значение рынка в современном обществе было преувеличено, абсолютизировано, в каком-то смысле даже канонизировано, что привело к созданию особого вида мифа «рынок может все». И лишь реальная действительность снизила эти надежды, развеяла неоправданные иллюзии, показала не только возможность, но и серьезные ограничения его применения в жизни современного общества.

В-третьих, мифологическое сознание обладает такой характеристикой, как символический характер выражения идеи (идеалов), целей, тех или иных рубежей. В этой связи очень интересно суждение В. Ходасевича, одного из идеологов символизма, о роли и значении этого литературно-общественного течения: «Символизм упорно искал в своей среде гения, который сумел бы слить жизнь и творчество воедино. Мы знаем теперь, что такой гений не явился, формула не была открыта. Дело свелось к тому, что история символистов превратилась в историю разбитых жизней, а их творчество как бы недоовплотилось: часть творческой энергии и часть внутреннего опыта воплощалась в писаниях, а часть недоовплощалась, утекала в жизнь, как утекает электричество при недостаточной изоляции» [16].

Такая же оценка может быть дана и мифу, упорно насаждаемому в обществе с середины 1990-х гг., что «введение религиозных культов в школе и армии консолидирует нацию вокруг «общечеловеческих ценностей».

В-четвертых, для мифологического сознания характерна позитивная самооценка происходящих процессов, отказ вплоть до запрета критической рефлексии. Закон мифологической аксиологии гласит (напомним): миф не допускает критической рефлексии, находясь в мифе (т.е. разделяя установки и ценностные ориентации мифоло-

гического сознания), можно только положительно оценивать его постулаты и догмы, позитивно рефлексировать. Рефлексировать критически можно только за пределами мифа, выйдя из него.

И наконец, мифологическому сознанию присущ мощный мотивационный и организационный потенциал, способный мобилизовать имеющиеся у общества (социальных групп, людей) резервы для достижения провозглашенных целей. В свое время надежда на социализм, а в 1990-е гг. — на демократию вдохновляла многие созидательные, творческие силы народа. Эти идеи поддерживали людей, делали осмысленной их жизнь, позволяли мобилизовать усилия многих слоев населения. Правда, это существовало до тех пор, пока реальность не подтачивала надежды, уничтожая или существенно снижая мотивационные устремления [17].

Но особо хотелось бы подчеркнуть *значение иррационального компонента*, ибо именно он составляет одну из сущностных характеристик мифологии и именно он является основой возникновения парадоксов, когда мифотворчество сопоставляется с реальной действительностью. Более того, на наш взгляд, именно парадоксальность, которая существует между жизнью и мифом, способствует более глубокому пониманию не только мифологии, но и мироздания в целом. Но особенно это важно понять для того, чтобы увидеть, как в сознании и поведении человека зарождается противоречие в условиях исповедания ими мифов.

Характерен такой пример. Иван Грозный является как для национального, так и для западного сознания незабываемой эмблемой патологического тирана. В процессе развязанного им террора было уничтожено около 4 тыс. человек... А теперь сравним его с его же современником Генрихом VIII, повесившим только за бродяжничество 72 тыс. Елизавета Английская казнила 90 тыс. подданных. Лорд Маунтджой, умиривший по ее повелению Ирландию, горделиво докладывал: «Вашему величеству не над чем повелевать в этой стране, как только над трупами и кучами пепла». Во время Варфоломеевской ночи, санкционированной французским королем Карлом IX, было убито столько же людей, сколько за все годы правления Грозного (18). Но в мифологическом сознании Иван Грозный — изверг, патологический тиран, в то время как подобным ему царствующим особам на Западе воздвигнуты памятники, их постоянно чествуют как национальных героев, как выдающихся деятелей.

Что касается первобытного человека, то этнографами и энтологами давно обнаружен факт неразличения им противоречий в своем сознании и поведении, что и *порождало многочисленные парадоксы*. Но если это неразличение в древности было обусловлено примитивным уровнем мышления, поверхностным знанием сути вещей,

то чем объяснить тот факт, что современный человек не замечает (не видит) парадоксальности своего мифологического сознания и поведения?

Конечно, *современное мифологическое сознание (впечатления, образы, переживания) и его выражение в особых знаковых системах — мифах имеет свои особенные и особые характеристики*, среди которых можно было бы отметить *рациональные их компоненты*, что обеспечивает их устойчивость и жизнеспособность и затрудняет противостояние им с позиций научного знания. Нужно обратить внимание и на то, что:

- в современном мире предельно общие, абстрактные понятия иногда замещаются конкретными образами (в том числе и символическими);
- социальная мифология по-своему продолжает усилия по систематизации исторической реальности, не достигая понятийного уровня;
- современная мифология, утрачивая одни функции, сохраняет другие и даже приобретает новые, которые, как в прошлом, выполняют функции регулятора сознания и поведения людей.

4.3. Виды парадоксов мифологического сознания

При выяснении сущности мифологического сознания как базы парадоксального следует обратить внимание на то, что это сознание не метафизическое — оно реальное, живое, но ненаучное, хотя в современных мифах научные аспекты в том или ином виде могут присутствовать.

При анализе парадоксов предстоит ответить и на вопрос: каждый ли человек обладает мифологическим сознанием? На наш взгляд, на него следует ответить утвердительно, но степень и глубина мифологичности может существенно различаться, так же как она может быть разной у различных социальных групп.

Итак, какие же виды парадоксальности рождает мифологическое сознание?

Во-первых, мифологическое сознание рождает иллюзии, в которых человек ищет убежище от сложных коллизий современного мира. В нем четко проявляется тенденция не «развязывать» заблуждения, «развевать» надежды, а наоборот, усложнять их, умножать и укреплять, часто превращая (по Платону) в «узду», позволяющую сильным мира сего удерживать народ в повиновении. И чем больше человек верит в эти иллюзии, тем больше и горше наступившее разочарование. Когда ушла в прошлое иллюзия «мы — хозяева

жизни», она стала в еще большей мере замещаться другой иллюзией, что при «новом капитализме» наладится нормальная жизнь, будет обеспечен желаемый образ жизни. Размываясь реальной действительностью, испытывая постоянные удары судьбы (в виде лишения прежних идеалов, отсутствия социальной защищенности, нескольких ограблений народа путем конфискации их средств и т.д.), иллюзии то возрастали, то откатывались назад, но все же вера (а в кого-то надо верить?) опять возвращалась. Вероятно, человек не может без иллюзий, ибо тогда слишком черной и беспросветной становится окружающая его действительность. Человеку нужна вера, порой сказка, чтоб не остаться один на один с темными и непонятными ему разрушительными силами. Он, несмотря на хамское поведение государства, теряя временами доверие к нему, проклинает его, все же ведет себя в конечном счете парадоксальным образом — опять доверяет ему сбережения, опять верит обещаниям, опять надеется на лучшее.

Во-вторых, мифологическое сознание нередко предстает перед нами как суррогаты правды, которые появляются в условиях низкой обеспеченности информацией или ее отсутствием вообще, осуществлением целенаправленной манипуляции общественным мнением. Немалую роль играет замещение одной информации другой, которая подготавливается и озвучивается в интересах той или иной группы политических или экономических сил. В российском обществе усиленно нагнетается убежденность, что страна продолжает играть ведущую роль в мировой жизни, что она сохраняет влияние и поэтому претендует на позицию, с которой бы считались другие страны и народы. Очевидно, что такой подход — это отложенное решение, которое станет явным, когда последует цепь поражений или уступок, делающих Россию в лучшем случае региональной державой, не более. На суррогатах правды построены многие «новейшие открытия» (вроде летающих аппаратов в виде «тарелок»), в которых некоторые реальные факты и события слабриваются потоками вымыслов и отсебятины.

В-третьих, мифологическое сознание порождает массовые психозы, базирующиеся на коллективности переживания и взаимозаражении. Парадоксальность ситуации состоит в том, что эффект заражения сказывается уже не на единицах, не на отдельных людях, а на тысячах и сотни тысячах людей, которые начинают верить в «чудеса», в возможность обогатиться, изменить свою судьбу, в возможность «везения» в виде самых непредвиденных «подарков» судьбы. Особенно показателен психоз с участием в финансовых пирамидах (МММ, «Властелина» и др.), создатели которых хищнически использовали эффект жажды стяжательства, «халявы», присущие мно-

гим людям. Причем парадоксальность заключается в том, что, несмотря на явный обман, доказательства специалистов, десятки тысяч людей продолжают верить в возможность обогатиться, «выиграть», не прилагая сил, надеясь на русскую сказку о скатерти самобранке.

Не в этом ли эффект живучести «лохотронов», создатели которых увлекают людей в азартные игры, спекулируют на их жажде получить что-то бесплатно и побольше. И это несмотря на регулярное информирование населения, предупреждение и разъяснение сущности этого обмана.

В-четвертых, парадоксальность мифологического сознания проявляется в сосуществовании, переплетении и использовании такого феномена, как мистика, и ее средств в виде гаданий, астрологических предсказаний, оккультизма. Мифология в значительной степени основывается на иррациональных сторонах сознания, и эта иррациональность проявляется в различных вариантах мистики, веры в возможность предвидеть изменения не на пути научного, а потустороннего знания. Так, до сих пор 15% населения верят в возможность существования неких потусторонних сил, которые воздействуют на их жизнь, на жизнь других людей и общество в целом.

Этот факт подтверждается расцветом разных форм ненаучного знания, которое уже открыто выступает против всех форм рационального познания мира, предлагая свои весьма спорные, но влияющие на массовое сознание, формы и методы работы.

В-пятых, парадоксальность мифологического сознания иногда рождает сказку, розовую или сладкую мечту, ослабляя созидательные и творческие силы человека, рождая у него надежду на чудо, на случай. Эти надежды, что что-то может решиться само собой (особенно в случае тяжких или непредвиденных обстоятельств), делают человека пассивным, инертным участником происходящих событий, разоружают его перед возможными негативными процессами даже в тех случаях, когда он мог активно противостоять им.

К таковым сказкам можно отнести возрожденный миф о частной собственности, который является ответной реакцией на объекты государственной, общенародной, колхозно-кооперативной собственности, оказавшиеся по сути дела ничейными, брошенными, неэффективными. В этих условиях сознание людей стало мифологизировать частную собственность, превращать ее в некое спасительное средство, способное преодолевать отчуждение человека от труда, от управления, от творчества.

В этом мифе необходимо дифференцировано подойти к решению вопроса о роли частной собственности. Одно дело, когда речь идет о пищевой промышленности, об удовлетворении повседневно-

ных бытовых потребностей человека, а другое — о таких отраслях национального хозяйства, как железнодорожный транспорт, энергосистема или нефтяная и газовая промышленность. И если в рамках пищевой, легкой промышленности частный собственник более эффективен, то в рамках естественных монополий это подвергается сомнению. Недаром в таких нефтедобывающих странах, как Саудовская Аравия, Венесуэла, Норвегия, вся нефтяная отрасль находится в руках государства. Или государству принадлежит решающая часть, как дело обстоит в Китае, Индии, Италии, Франции. А передача в России практически всей нефтедобывающей промышленности в частные руки уже поставила вопрос о том, что российское государство теряет миллиардные доходы, и в перспективе не исключено, что при отсутствии плановых геолого-разведочных работ оно из экспортирующего нефть превратится в импортирующего.

В-шестых, мифологическое сознание иногда рождается эффектом «пугала». Парадоксальность ситуации в этом случае состоит в том, что проявляется неадекватность реакции (часто в результате иррационального страха, ожидания незримых социальных опасностей и врагов, боязни потери нажитого, накопленного, устойчивого) на ту реальность, которая в самом деле имеется или ожидается. Парадоксально, но на многих людей, на их сознание действуют «страшилки» в виде ГУЛАГа, 1937 года, произвола Берии, «судебных троек» и возможности их возобновления, если коммунисты придут к власти, полностью игнорируя тот факт (чем не иррациональность мышления!), что эти пороки и преступления были осуждены еще в рамках советской системы и почти четыре десятилетия с 1950-х до 1990-х гг. не было никаких оснований говорить об их возрождении. Но «жупел опасности» продолжает жить, эксплуатироваться и влиять на сознание и поведение людей. Он, кстати, стал один из факторов победы Ельцина на выборах 1996 г. Это подтверждает всеми признанный факт, что, как правило, в условиях этой предвыборной кампании шел поиск новых лжемифов, при помощи которых можно было бы воздействовать на общественное сознание, сохраняя существующий охлократически-олигархический строй.

И наконец, мифологическое сознание может проявляться еще в одном варианте парадоксальности — в трагедии мифа, который рушится, погребая под собой ценности и ориентации, рассматриваемые человеком как опора, как основа своего благополучия и устойчивости в современном мире. Миф о рынке, который спасет, который принесет богатство и достаток, который может сделать все для блага человека в реальной жизни, обернулся для многих трагедией, крахом, которые они не могли предвидеть. Такое мифологическое сознание, которое отвергает критическую рефлекссию, видело в рынке только

позитивные стороны, выбирало из массы информации только то, что подкрепляло надежды и мечты, игнорировало все, что хотя бы в малейшей степени ставило под сомнение его перспективность и спасительность. Тем тяжелее разочарование в рыночных ожиданиях, которые не сбылись, приведя к краху многие устремления.

Показательно, что в начале рыночных отношений 30—38% людей, опрошенных по всесоюзной, а затем по всероссийской выборке, хотели бы начать свое дело, проявив самостоятельность. Удавалось это только 8—10%. Во второй половине 1990-х гг., число таких желающих сократилось, а реально попробовать себя в деле пытались 3—4%, причем многие из этих рискнувших признали, что не все у них получилось [19]. Как это выглядит в динамике, представлено в табл. 4.1.

Таблица 4.1

Степень готовности россиян заниматься предпринимательством
(в % к числу опрошенных)

<i>Отношение</i>	<i>1992</i>	<i>1996</i>	<i>2001</i>
Уже занимаются	12,6	7,5	5,7
Хотят, и возможность сделать это есть	12,1	3,0	3,0
Хотят, но не имеют стартового капитала	38,3	19,7	21,3
Хотят, но не могут из-за особенностей характера или знаний	—	19,7	14,5
Хотят но не позволяют возраст и здоровье	—	18,4	14,1
Не хотят, так это противоречит их жизненным установкам	32,2	27,2	34,2
Не хотят, но вынуждены из-за угрозы безработицы	—	4,1	4,4

Источники: Данные Института социологии (ИКСИ) РАН.

Разочарование в мифе «рынок может все», «рынок сделает все» приводит к неверию в своих силах, в отказе от напряженной созидательной работы, а также делает людей «врагами» рыночных отношений, а порой толкает на крайние меры, вплоть до самоубийств.

4.4. О соотношении мифологии и идеологии

История знает немало примеров, когда мифология использовалась в идеологических целях теми или иными политическими силами. Так, немецкий фашизм пытался не только возродить и поста-

вить себе на службу древнегерманскую языческую мифологию, но и сам создавал своеобразные мифы — расовый миф, соединенный с культом фюрера, с ритуалами массовых сборищ и т.п.

Анализ современных проблем общественного развития показывает, что место мифа в обществе часто занимает идеология. Напомним, что *термин «идеология» ввел французский философ и экономист А.Л.К. Дестю де Трасси в 1801 г. для обозначения учения об идеях, позволяющих установить твердые основы для политики, этики и т.п.* По Марксу, идеология представляет собой духовное явление, феномен общественного сознания, подчиняющийся общим закономерностям его развития. Причем это явление — искаженное или неадекватное отражение социальной действительности, выражающее специфические интересы определенного класса или отождествляющее себя с интересами всего общества, в процессе функционирования которого осознается отношение людей друг к другу как субъектов общественной жизни, а также оценивается социальная действительность и ее проблемы с определенных социально-классовых позиций.

Что касается осмысления этого феномена в XX в., то *Ж. Сорель, К.-Г. Юнг, В. Парето рассматривали идеологию как социальную мифологию*, практически отождествляя эти два явления как инварианты социальных фикций. Анализ реального исторического процесса показывает, что идеологические иллюзии — не просто случайное заблуждение: идеология выполняет определенные социальные функции, отражает интересы определенного класса, сообщества, находящего отражение в типах мышления и поведения, а также в программах социального действия. Иначе говоря, по своему предназначению идеология очень близка к мифологии. Но именно различная качественная определенность мифологии и идеологии, их различие и порождает парадоксальные ситуации.

В связи с этим следует отметить, что в основе идеологии всегда лежит некое истинное, «высшее» знание, которым якобы обладают его носители. То же самое и в отношении мифа, который построен на предании о некотором великом, храбром, священном герое или тотемном предке. Но если «высшее» знание постоянно обнаруживает свою относительность, то мифы демонстрируют удивительную устойчивость, непреходящую стабильность представлений и значимость в организации жизни людей.

В XX в. теоретические представления об идеологии стали ареной острой идейной борьбы. Здесь мнения полярно разделились. Одни идеологи утверждают иррациональность, мифологический характер всякой идеологии и принципиальное отрицание ее научности, что, понятно, делает идеологию по качественным характери-

стикам абсолютно идентичной мифологии. Но парадокс заключается в том, что идеология нередко содержит в себе пренебрежительную оценку других идеологических воззрений, в то время как мифы достаточно толерантно сосуществуют с аналогичными и даже противоположными идеями и стереотипами.

Другие видят цель идеологии в направленности на сохранение существующего порядка и провозглашенной системы ценностей. Та же цель присуща и мифологии, которая через миф и ритуал сохраняет и поддерживает некоторую упорядоченность и нормы поведения как традиции в своем сообществе.

Таким образом, *мы видим трансформацию мифологии в идеологию, особенно на современном этапе исторического процесса*, утрату значения мифа в его первоначальном виде и сохранение его лишь в литературе, искусстве в качестве специфического жанра. Социальные и политические функции мифологии, а именно установление и сохранение некоторых систем ценностей, поддержание одобряемых обществом порядков, в современных общественных системах все больше перенимает идеология. Вместе с тем такая ситуация не исключает, что, отрицая мифологию, идеология (и в этом — колоссальный парадокс) надевает на себя и успешно эксплуатирует современные мифы о «славянском единстве», «общинности», «избранности России», что способно только деформировать сознание, усложнить его функционирование и возвести новые препятствия на пути развития общества.

Каждой эпохе свойствен свой подход к интерпретации мифов. Но в основании этих толкований всегда находятся определенным образом организованные представления человека о мире, ценностях и нормах поведения в нем. Иначе говоря, речь идет о порождении неограниченного количества интерпретаций мифов в соответствии с правилами экспликации их из ограниченного числа базовых мифологических схем, а также о переосмыслении уже существующих мифологических сюжетов в соответствующих современным реалиям формах. Многие исследователи показали это на примере анализа картины сдвигов, происходивших на грани веков в мифологическом пласте общественного сознания во всех постсоветских государствах [20].

Вслед за крахом советской идеологии происходило, да и сейчас происходит разрушение сопутствующей мифологии, хотя последняя по своей архитипичной природе более живуча, чем теоретические догмы. Так, стал анахронизмом миф о «светлом коммунистическом будущем», свергнуты с пьедестала «его величество рабочий класс», «все прогрессивное человечество» и т.п.

В то же время ряд мифов демонстрирует свою живучесть, переживаясь в соответствии с изменившимися социально-экономическими, политическими и культурными реалиями. Так, обладает определенной притягательностью для значительной части населения, хотя и в меньшей степени, чем во времена СССР, «уратриотические» мифы. Дал серьезные трещины, но по-прежнему дееспособен миф о сакральности государственной власти, миф «вождизма», группа мифов «единообразия», основанных на простых сентенциях типа «все могут все» и «чем я хуже других».

Практически не подверглись коррекции мифы (как, впрочем, и реалии): о бюрократическом всеисилии чиновничества, следствием которого является страх перед всеми, даже мелкими государственными служащими; о слепой вере в силу бумаг и постановлений; о «неполноценности народа», в соответствии с которым наша доля — историческая ущербность, обреченность на задворках цивилизации; о борьбе с созданными собственными руками трудностями («хотели как лучше, а получилось как всегда»); о «всеобщей гармонии», происходящей от вульгарного представления об идеале общественного согласия.

Одновременно происходит становление новейшей мифологии. К новым мифам можно отнести такие: рынок — условие благосостояния; продажа земли в частные руки решит проблему обеспечения населения продовольствием; исходное равенство обеспечено выдачей населению ваучеров; введение религиозных культов в образовательных учреждениях и армии консолидирует нацию вокруг «общечеловеческих ценностей» и т.д. [21].

Иногда мифами пытаются скрыть и даже возвеличить провалы и просчеты, как это делают сторонники монетаристского рынка. Они, например, усиленно насаждают миф о том, что кардинальные меры по разрушению советской экономики были продиктованы тем, что ее дальнейшее существование привело бы к неисчислимым бедам. И в качестве аргумента добавляют, что в Ленинграде к осени 1991 г. продовольствия оставалось всего на три дня. При этом умалчивают важный момент: ведь руководителем этого города был уже более года Собчак, известный демократ-рыночник. Так, кто виноват — вся советская власть или человек, возглавлявший эту власть в то время и в том месте? Кроме того, надо сказать, что эта проблема — снабжения населения продовольствием — была острой везде и далеко не в рамках «трех дней». Но этот миф усиленно насаждается и стрелы обиды и недоверия переносятся с истинных виновников бед на тех, кто уже не может постоять за себя. Но «страшилка» уже создана, приобретая черты мифа.

Закрепление мифов в общественном сознании замедляет, как это ни парадоксально, быстротечность перемен в социальной среде, что не дает выкристаллизоваться в виде мифов отзвукам происходящих трансформаций. К тому же *сказывается отсутствие общепризнанных, консолидирующих общество на конструктивной основе целей*. Сейчас выдвигаются в качестве перспективных ряд национальных, государственных идей, вокруг которых возможно вызревание позитивных мифов. Однако ни одна из этих идей не в состоянии в ближайшее время принять на себя в полном объеме функцию ядра новой общественной идеологии и мифологии.

Все это позволяет утверждать, что общественное сознание современных постсоветских обществ активно ремифологизируется. Основой такого процесса выступает реально функционирующее сознание, которое никогда полностью не может быть избавлено от мифологических по происхождению образований и всегда способно предоставить им питательную почву. Если в свое время мифология уступала ведущую роль ряду специализированных форм общественного сознания, то *на рубеже третьего тысячелетия происходит ее ренессанс — но уже не как системы мирообъяснения, а как мозаично-го метода мышления* [22].

Примечания

1. См., например: *Богданов А.А.* Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки. Пг.-М., 1923.
2. *Сорокин П.А.* Религия как социальный феномен // Система социологии. Т. 2. М., 1997; *Пивоев В.М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991.
3. *Делез Ж.* Логика смысла. М., 1995. С. 11; *Барт Р.* Мифологии: Пер. с фр. М., 1996. С. 76.
4. *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988. С. 178.
5. См.: *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь: Пер. с англ. Казань, 1997. С. 172—173.
6. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 33
7. Эта классификация теорий мифа предложена А.А. Шкуратовым, которую мы с некоторыми добавлениями и уточнениями принимаем. См подробнее: *Шкуратов А.А.* Историческая психология. М., 1997.
8. См. *Попова И.М.* Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // Социол. исслед. 1999. № 10.
9. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.
10. Цит. по: *Мифология: В 2-х т. Т. 2.* Саратов, 1994.
11. *Лосев А.Ф.* Указ. соч. С. 31.

12. См.: *Мифология*: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1998; *Мифологический словарь*. Минск, 1989.
13. *Шкуратов А.А.* Историческая психология. М., 1997; *Степнова Л.А.* Социальная мифология и проблемы современного социального мышления. М., 1999. С. 81—83.
14. *Гуревич П.С.* Социальная мифология. М., 1983; О мифологии в постсоветской России подробнее см.: *Мифы* и мифология в современной России // Под рук. К. Айермахера, Ф. Бомедорфа, Г. Бордюгова. М., 2000; *Оситов Г.В.* Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000; *Он же.* Социология и социальное мифотворчество. М., 2002.
15. См.: *Большой толковый социологический словарь* (Collins). Т.1. М., 1999. С. 427
16. Цит. по: *Философская энциклопедия*: В 5 т. Т. 3 М. 1964. С. 458
17. *Зобов С.А., Келасьев В.Н.* Мифы российского сознания и пути достижения общественного согласия. СПб., 1995. С. 22. См. также: *Шенкао Г.Х., Малеева М.А., Шенкао М.А.* Миф как феномен социальной жизни и культуры. Черкесск, 2006.
18. Подробнее см.: *Кожин В.* Грех и святость русской истории / Ред.-сост. М. Черных. М.: 2006.
19. *Мраморнов О.* Растоптанная лира, обернувшаяся городом мертвых // Независимая газета. 1999. 11 февраля; *Чепуренко А.Ю.* Особенности экономического сознания россиян //Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004, С. 39.
20. *Волков Ю.Г., Малицкий В.С.* Идеология и гуманизм. М., 2004; *Капустин Б.Г.* Идеология и политика в посткоммунистической России. М., 1999; *Кузнецов В.Н.* Идеология: социологический аспект. М., 2005; *Москвичев В.Н.* Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. М., 1971; *Соболева Н.И.* Социальная мифология: социокультурный аспект //Социол. исслед. 1999. № 10; *Формирование* новой российской идеологии //Свободная мысль. 2000. № 3.
21. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004.
22. Подробнее см.: *Российское общество и радикальные реформы* / Под ред. В.К. Левашова. М., 2001.

Глава 5

Манипулирование как механизм создания парадоксов

Мы уже не верим в прогресс — разве это не прогресс?

Хорхе Луис Борхес (1899—1986),
аргентинский писатель

В своей основе манипулирование общественным сознанием — достаточно распространенное явление в Новой и Новейшей истории, когда наступившая эпоха, времена буржуазных революций породили принципиально новый феномен: каждый человек мог претендовать на активное участие в историческом процессе, в изменении общественных отношений, стать самостоятельным субъектом общественно-экономического процесса. А если он был способен влиять на их развитие, то открывалась возможность оказать воздействие на его сознание и поведение, чтобы побудить его принять участие в реализации (особенно с эпохи становления массовых коммуникаций) тех или иных целей, нередко достаточно далеких от общественных потребностей, отражавших корпоративные, групповые и эгоистические личные интересы.

В переходные периоды развития общества, в процессе революционной его ломки или трансформации, процесс манипулирования обостряется, приобретает более предметное выражение, чем в период относительно спокойного его функционирования, воплощаясь в различных формах превращенного сознания. И такое явление — нарушение естественного процесса развития общественного сознания в виде его манипулирования — отражает нарушение прежней логики, прежнего естества всего общественного организма. Именно в этот период у политических лидеров, активных и продвинутых групп растет желание вмешаться в происходящие процессы, направить их развитие, приспособить его к своим целям, препарировать их в желательном для своих интересов аспекте, что и составляет суть процесса манипулирования общественным сознанием и поведением. Этот процесс характеризует сознательное воздей-

стве на общественное сознание, на изменение его естественной логики развития, на его искажение, а также дезорганизацию социального поведения.

В настоящее время проблемы манипулирования общественными сознанием и поведением являются объектом пристального анализа многих социальных наук — философии, психологии, политологии, права и социологии [1]. Не касаясь особенностей рассмотрения данного феномена каждой из этих наук, остановимся лишь на социологическом подходе. Он заключается в том, что для него требуется четкое определение показателей, по которым можно судить о происходящем манипулировании.

5.1. Формы и методы манипулирования

Используя социологический анализ теории пропаганды, сформулированной еще Лазарфельдом, попытаемся ответить на следующие вопросы: *кто субъект* манипулирования, *каким методами* оно осуществляется, *кому* адресовано, *какие проблемы* реально стали его объектом и *какие результаты* достигаются этим процессом.

Что касается первого вопроса, то задают тон и соответственно *являются субъектами манипулирования общественные силы в лице политических партий, групп давления, различных форм лоббизма*, которые осуществляют воздействие на сознание и поведение людей. Многие из них по сути дела являются выразителями интересов олигархических, плутократических и националистических кругов, захвативших политическую и экономическую власть в стране. Основными средствами, используемыми ими, являются средства массовой информации, особенно телевидение, реклама, пиар-технологии, устная и печатная пропаганда, слухи. Иными словами, манипулирование порождается корпоративными, групповыми интересами, которые, как правило, не совпадают не только с государственными и общественными интересами, но и с интересами параллельных, конкурирующих групп, и главным образом с настроениями и намерениями народа.

Насколько не совпадают общественное мнение и политика групп давления, убедительно показало исследование Российского независимого института социальных и национальных проблем, проведенное в июле 2000 г. (опрос 1750 человек в 58 поселениях) и представляющих 11 социальных групп населения. Согласно этим данным, СМИ превратились в орудие политической борьбы, очень сильно политизировались и стали на позиции активного навязывания заданных или заказанных им точек зрения. Так, осенью 1999 г. и зимой 2000 г. обществу активно навязывалась мысль, что стране уг-

рожает диктатура. А в общественном мнении эту тревогу разделило около 2% граждан. А сколько видео- и печатных материалов было направлено на то, чтобы убедить общество в существовании фашистской угрозы? Но исследование показало, что этим озабоченно менее 1% людей [2]. Сейчас россиян пытаются убедить, что действия второго президента России являются покушением на демократию, но массовое мнение озабочено отсутствием порядка, безволием властей, а не состоянием своих прав и обязанностей.

Иными словами, мы постоянно являемся свидетелями того, как СМИ стремятся навязать такую точку зрения, которая выгодна определенным кругам, никак не интересуясь тем, а что думают по этому вопросу граждане страны. Но, используя силу массового воздействия на слушателей, они внушали «правоту» определенной позиции, никаким образом не интересуясь процессами, отражающими состояние и тенденции развития общественного сознания в стране. И здесь мы вправе говорить об имеющемся потенциале сопротивления населения навязываемым стандартам или желаемому видению происходящих процессов в стране.

Что касается *форм манипулирования*, то используется несколько приемов, воплощаясь в определенных видах информационного насилия, главным образом, в пропаганде. Назовем главные из них.

Прежде всего, стоит сказать о «*белой*» *пропаганде*, которой соответствует принцип: *прав не тот, кто говорит правду, — прав тот, кто говорит первый*. В соответствии с этим манипуляторы пытаются опередить своих соперников, в принципе соблюдая и сохраняя неискаженными источники информации, их авторство, основные параметры. В то же время данная пропаганда нередко замалчивает часть имеющейся информации, не сообщает, кто и с какой целью ее производит. В таком случае умолчание, сообщение только части правды, не всей правды и не только правды позволяет добиться совсем иного восприятия действительности, чем это было бы при полных, несокращенных данных. Именно первенство в подаче информации, сознательное и умышленное ее сокращение вносят весьма ощутимые коррективы и оказывают желаемое воздействие на общественное мнение.

Одним из таких наглядных примеров в настоящее время является информация о Чечне, вернее о войне, которая шла на ее территории. Так, многие европейские официальные круги, их средства массовой информации, занимающие крайне негативную позицию по отношению к политике Российского государства, российскому общественному мнению, в целом опираются на реальные источники и сообщают реальные факты (но не все), давая оценку именно

этой ограниченной фактуре, что, в свою очередь, выглядит достаточно убедительным, достаточно логичным для того, чтобы осудить официальную позицию России и ее общественное мнение.

Другая форма, которая в соответствующей литературе называется *«серой пропагандой»*, представляет один из вариантов реальной пропаганды, когда сознательно искажаются либо источник, либо проблематика, либо авторство, либо цели данного манипулирования. На наш взгляд, удельный вес этой формы пропаганды в СМИ достаточно значителен и ее применение позволяет ее авторам добиться заданных целей сравнительно успешно, тем более что реальное общественное сознание в своем массовом проявлении не в состоянии разобраться в калейдоскопе информации и вычлениить истинное, отличить его от ложного.

В конце 1980—начале 1990-х гг. многие амбициозные политизированные клики, кланы, группы и группочки в виде различного рода «кухонных», «соседских», «приятельских» и «земляческих» партий и движений предложили себя общественному мнению в качестве единственных спасителей Отечества, его экономики, его будущего. И под влиянием поиска выхода из кризиса (тем более что большинству людей стал очевидным этот кризис) общественное сознание неоднократно убеждали при помощи всех возможных каналов информации в истинности и верности очередного зигзага (нередко непредсказуемого) в политике властвующих структур или очередного «истинного» варианта спасения России.

Нельзя сказать, что эти многочисленные оракулы говорили только неправду и пользовались заведомо искаженной информацией. Парадоксальность состояла в том, что общественное сознание не могло сориентироваться, что же является искаженной, препарированной информацией, чьи интересы реализуются и насколько достоверны и реальны те пути, которые рекомендуют обществу те или иные политические силы. Со временем у людей зародилось серьезное сомнение, которое затем переросло в убежденность, что надежды на плюрализм, на многопартийность, на разнообразие экономических и социальных обещаний не состоялись. Чем не парадокс? Мечта: многопартийность — показатель демократии. Реальность: партий много — демократии кот наплакал. И поскольку люди были не в силах разобраться, что же в этом потоке информации искажается, в общественном сознании постепенно росло и укреплялось недоверие, подозрительность и отвержение всех тех, кто преследовал узкогрупповые, а не общественные интересы.

И наконец, стоит остановиться на такой форме манипулирования общественным сознанием, как *«черная пропаганда»*, когда искажается все без исключения: и источник, и содержание информа-

ции, и истинные ее хозяева и их цели. Такой метод становится преобладающим в условиях переломного развития, когда рынок информации буквально переполнен «черными» подделками. В этот период к ним прибегают буквально все — и центральные властвующие структуры, и экономические монополисты, и олигархи, и региональные органы управления и т.д. и т.п. Особенно преуспевают в использовании этих приемов политические партии, политические группировки и многочисленные персоны, претендующие на место в политической жизни. К сожалению, в этой ситуации не остаются в стороне и многие научные работники, выполняющие по заказу работы, содержащие такую информацию, которая на научно-образном языке доказывает все, что пожелает заказчик.

Яркими образцами такой черной пропаганды буквально переполнена наша жизнь. Начиная от рекламы, которая пытается всучить потребителю не то, что поддерживает его в жизни, укрепляет его здоровье, делает более удобным и комфортным его существование, и до широковещательных акций, например в связи с обсуждением государственной символики России в той ее части, которая касалась мелодии Гимна. Если проанализировать то, что звучало с экранов телевизоров, со страниц большинства газет, то можно только поражаться обилию подтасовок, нарушений элементарной логики, искажений исторических фактов и просто элементарных оскорблений, которые сопровождали процесс обсуждения, и все с единственной целью — доказать неприемлемость всего советского. И при этом не обращалось внимание на то, что, согласно данным РОМИР, 49,9% граждан России высказались в поддержку «старого» гимна.

Реакцию против мнения «быдла» — большинства населения — выразил журналист А. Архангельский, который считает, что большинство опять (!) ошибается и что в этой ситуации президент «призван навязать (!?) свою (?) волю истории (!!!)» [3]. И для доказательства идут ссылки на некие авторитеты и выдержки из писем той немногочисленной группы людей, имеющих основания не любить или просто ненавидеть (по самым разным причинам) советское прошлое. Иначе говоря, это один из многочисленных примеров деятельности выигравших от осуществленных реформ (или их обслуживающих), которые преследуют своекорыстные интересы, не могут примириться даже с кажущимися потерями, но что не имеет ни малейшего отношения к реальным заботам миллионов людей.

Аналогично поступают и националистические и ультрапатриотические партии и движения, которые брызжут слюной по поводу обострения межнациональных отношений, видя все беды в «черномазых», «лицах кавказской национальности», «жидомасонах» и т.д. [4].

Черной пропаганды не гнушаются и федеральные, и региональные власти, многочисленные якобы политические партии. Причем, «чернота» этой пропаганды возрастает, во-первых, по мере стремления к выражению политическими силами своих амбициозных устремлений, во-вторых, по мере раскрытия их никчемности (при попытках прикрыть пустоту обещаний), в-третьих, по мере их грядущего краха и бесперспективности: в большинстве случаев они интуитивно чувствуют свою политическую или социальную несостоятельность и, желая предотвратить свою кончину, идут на самые красочно-дутые или устрашающие обещания и прогнозы.

Все перечисленные виды пропаганды (в этом есть их сущностная близость), *несмотря на некоторые различия, пользуются одними и теми же методами*, чтобы оказать давление на общественное сознание и поведение людей. Приведем те из них, которые уже получили апробацию во многих странах мира ходе борьбы их политических сил, активно осуществлявших политику манипулирования.

Ни одна из этих форм пропаганды и информации не избавилась от метода «найти врага». И делается это для того, чтобы «навесить» на него ответственность за все беды (и бывшие, и настоящие), «предупредить» о возможных катастрофах в будущем, если «враг» придет к власти. Порок этих приемов состоит в том, что противостоящие стороны строят свою позицию не как оппоненты, которые выражают свою идею, свою сторону объективной истины, а как силы, подвергающие сомнению существование противостоящих сил как таковых. *В данной ситуации оппонент воспринимается как враг*, которого нужно обязательно подавить, устранить с политической или общественной арены, а возможно физически или морально ликвидировать. Именно с этих позиций можно охарактеризовать политическую борьбу 1990-х гг. в России, повторяющую печальный опыт такой же борьбы в Советском Союзе, когда за полемизирующими сторонами не признавалось свое, пусть и неполное, неточное или своеобразное восприятие действительности, а господствовала лишь одна точка зрения, с позиций которой отрицались и отвергались все возможные интерпретации, конструкции, а их носители устранились с подмостков истории, а иногда из самой жизни.

Очень широко всеми этими формами пропаганды использовался такой метод, как «сверкающая неопределенность». Суть его состоит в том, чтобы любой текст, любой вид информации сопровождать словами, имеющую неопределенную, но в целом позитивную реакцию. Так, на первых порах (да и в настоящее время) в общественном сознании имеют положительную окраску слова «демократия», «свобода», «гласность», «отечество», «интересы России», «многопартийность» и т.п. Время показало, что многие из этих слов пожухли,

потеряли первоначальную привлекательность, а некоторые, например «демократ», «либерал», приобрели ругательный оттенок [5].

Еще более наглядно эта неопределенность проявляется себя тогда, когда население начинает уповать на идеократические идеи, т.е. тогда, когда внимание людей сосредоточивают на возможном будущем, которое строится на часто весьма расплывчатых постулатах. То в нашей стране властвовали идеи «Третьего Рима», то «самодержавие, православие и народность», то идея коммунизма. Эти идеи способны привлечь народ на определенный период времени, как, например, обещание большевиков на основе революционных преобразований добиться интернациональной солидарности и всеобщего счастья. Но каковы результаты? [6].

В подаче всех этих форм информации применяется и такой метод как «ссылка на авторитет». На общественное сознание очень серьезно влияет факт опоры на мнение людей, получивших всеобщее признание в науке, искусстве, литературе, спорте. Само по себе это отрадное явление, когда судьями произошедшего выступают люди, на самом деле заслужившие или выстрадавшие такое отношение. Их мнение реально стало важным аргументом при возникновении спорных вопросов, при определении путей и способов решения жизненных (особенно конфликтных) ситуаций.

Но и здесь мы наглядно сталкиваемся с манипулированием, ибо авторитет этих людей используется достаточно своеобразно. Так, на авторитет академика А.Д. Сахарова ссылаются даже те, кто игнорировал раньше его позицию и даже травил его. На мнение выдающегося нашего современника академика Д.С. Лихачева ссылаются во всех подходящих и не подходящих ситуациях. Что касается многих деятелей кино и театра, то они ослабили свое влияние на общественное мнение из-за частого проявления своего непостоянства, смены общественных и личных позиций, широкого дефилирования по всему спектру политических симпатий и антипатий. Но не взирая на эту непоследовательность, произвольное использование мыслей и идей выдающихся и заметных деятелей нашего времени, «примыкание» к позиции ранее неприемлемых ими людей — это метод продолжает жить и продолжает применяться не только в функционировании, но и в манипулировании общественным сознанием.

Достаточно широко для манипулирования общественным сознанием применяется метод «свой парень». Его суть заключается в том, чтобы убедить всех, что он или они такие же, как и окружающие люди, а если чем-то и выделяются, то олицетворяют лучшие традиции таких признаваемых ранее групп, как дворянство, купечество, казачество и т.д., которые-де, всегда тяготели в лице лучших своих

представителей к службе интересам народа. Попытка слиться с окружающей средой, доказать идентичность или тождественность интересам аудитории приводит к такому часто встречающемуся в современной политике явлению, когда кандидат (в президенты, губернаторы, мэры, депутаты и т.д.) говорит внимающим ему людям то, что они хотят слышать, что соответствует их потребностям и интересам, одновременно убеждая их в том, что это и «его» потребности, желания, стремления и интересы.

В данном случае для манипулирования все больше и больше привлекается телевидение с его возможностями и спецификой воздействия на сознание слушающих и созерцающих «видеоряды». **Широко используется и метод «убеждающего примитива»** (иногда его называют «вправить мозги»). Он, в общем-то, прост. Вы даете подряд несколько однотипных сюжетов (например, негативного свойства), причем в начале передачи: катастрофа, пожар, забастовка. Всё это правда, но зритель подсознательно настроен на определенную волну. После этого идет репортаж с заседания какой-либо партии (например, коммунистической) или рассказ о встречах неприемлемых для данного канала лиц. В данной ситуации никаких оценок больше не надо — человек сам настроится на соответствующие выводы.

Такой метод манипулирования используется и применяется политическими и экономическими группами все шире. И он достаточно результативен: по крайней мере, ни одна политическая кампания в России не обходилась без него. Но в условиях, когда различные каналы телевидения принадлежат разным собственникам, да еще противостоящих друг другу, зритель получает взаимоисключающую информацию, которая приводит его в состояние транса, ибо разобраться в этом изошренном потоке инсинуаций, слухов, домыслов и нападок друг на друга просто невозможно. И как результат — такая ситуация порождает или некритическое усвоение, бездумное восприятие информации или (это чаще) социальную апатию, парадоксальное состояние, тотальное отторжение любых сведений, в том числе и правдивых, и объективных.

Исследователи проблем манипулирования общественным сознанием выделяют и **такой метод, как «наклеивание ярлыков»**. Он строится по принципу контраста, ассоциации, усиливающих воздействие широко распространяемых стереотипов («красно-коричневые», «демократы-казнокрады», «ваучеризация всей страны» и т.д.). **Не менее эффективен и такой метод, как «фургон с оркестром»**, который стимулирует конформизм человека, его желание «быть как все» и принятие им взглядов, мнений и оценок без их критического осмысления [7].

Преобладание, довление пропаганды и информации вкупе с использованием всех вышеперечисленных и других известных методов дало непредвиденный эффект: после нескольких лет обмана, недовольства любые сведения стали браться под сомнение, либо расцениваться как ложные. Более того, общественным мнением стали отвергаться как авторы и инициаторы этой информации и пропаганды, так и их продукция.

5.2. Спекуляции на доверии

Социологические данные наглядно показывают, как уровень доверия власти (и не только ее обещаниям, но и делам) катастрофически падает. В любой западно-европейской стране, на чей опыт любят ссылаться наши инициаторы реформ, при таком уровне доверия правительство, политические деятели незамедлительно уходят в отставку, уступают место другим политическим и социальным силам. В России по-прежнему, как и при советской власти, властвующие структуры обвиняют в неудачах и провалах всех, кроме себя. Оказывается все дело в народе, который-де не вполне понимает, какое замечательное будущее его ожидает, и его (народ) надо убедить пережить возможные трудности, набраться сил и еще потерпеть. Иногда в сложных обстоятельствах, чтобы уменьшить боль народа, власть обещает навести порядок, грозит ликвидировать коррупцию, наказать взяточников, что в очередной раз «помогает» общественному мнению «остыть», успокоиться и опять надеяться на возможность благоприятного исхода.

Дело в том, что всеобщее недоверие людей к власти саму власть мало волнует: человек в конечном счете хочет все же во что-то верить, на кого-то опереться, на кого-то надеяться. И в стремлении найти опору люди, как это ни парадоксально, готовы поверить самой наглой, самой беспардонной, но такой щедрой на обещания информации, чтобы опять через определенный промежуток времени убедиться, что их в очередной раз обманули.

Так было с «Демократическим Выбором России» (Е. Гайдар), а затем с «Наш дом — Россия» (В. Черномырдин): сначала им верили многие люди, но вскоре, разочаровавшись, в своем доверии отказали. Похожая судьба, но по несколько другим основаниям, постигла и такие общественные движения, как «Женщины России», Российский союз промышленников и предпринимателей, не говоря уже о таких надуманных политических образованиях как «Партия единства и согласия» (Шахрай), «Российская социалистическая партия» (Рыбкин), Партия экономической свободы (Боровой) и т.п.

С годами падало влияние ЛДПР (Жириновский), которая на первых парламентских выборах одержала убедительную по сравнению с другими политическими партиями победу, а на выборах 2003 г. едва преодолела барьер для избрания в Государственную думу.

Что же является целью манипулирования?

Прежде всего стремление убедить население России, что не так уж плох путь, избранный ее лидерами в начале 1990-х гг. Спектр этого манипулирования велик. Так, радикалы-демократы убеждают людей, что ухудшившиеся положение связано с тем, что им не дали до конца провести намечавшиеся реформы, что полная реализация их предложений принесла бы только благо. В то же время лауреат Нобелевской премии Л. Клейн, возражая против радикализма гайдаровской команды, утверждает, что «России нужна не либеральная, а социальная рыночная трансформация». Он резко критикует методы системной трансформации, в том числе «шоковую терапию», на которую пошли «мальчики в розовых штанишках» в начале 1990-х гг.

С других позиций занимается манипулированием общественно-политическое движение «Яблоко» и его лидер Г. Явлинский, который в начале своей политической карьеры в попытке «оседлать» политическую власть начал свою бурную деятельность еще в советское время с заявлением о том, что гигантскую экономику Советского Союза можно реформировать за 500 (немногим ранее за 400) дней. Затем наступил новый этап манипулирования: советский опыт был отвергнут, прошлое отринуто. Явлинский и его сторонники выдвинули новые идеи, которые были построены на отрицании всего прошлого и обещании чего-то нового, перспективного, невиданного, экстраординарного. Поначалу этим посулам внимали, ибо эти идеи вселяли в людей веру, но по прошествии времени очень многие поняли, что их кормят очередными обещаниями. В результате «Яблоко», несмотря на колоссальные затраты средств по пропаганде как самого лидера, так и его идей, потерпело сокрушительное поражение как на парламентских (в 1999 и 2003 гг.), так и, особенно, на президентских выборах 2000 г., ибо никому не дано манипулировать общественным сознанием бесконечно и безнаказанно. Судьба «яблочников», которые, по образному выражению Г.П. Шмелева, «ведут себя как фрэера», — наглядное тому доказательство [8].

Далеко не безупречными оказались и наследники КПСС, особенно «Трудовая Россия» Анпилова. Их утверждение, что страну разрушили злые (внутренние и внешние) силы без анализа проблем развития самой партии и ее руководства мало убедительны, равно как и построенные на этом выводе формы и методы работы. Тот

факт, что 70% опрошенных до сих пор сожалеют о распаде СССР, не означает, что люди хотят вернуться в советское прошлое. Социологические эмпирические данные показывают, что, сожалея о распаде великой страны, они хотели бы объединиться на новой основе, позволяющей сохранить самобытную культуру, образ жизни, социальные гарантии, как это было в СССР.

Можно привести примеры участия в манипулировании и других общественных и политических движений и партий. Так, национал-патриотические силы уповают только на абсолютизацию этнического фактора, забывая, что, игнорируя интересы других народов, они ставят под сомнение истинность и искренность своих устремлений. А монархисты, в свою очередь, пытаются доказать приверженность русского народа идеям царизма (или его модификациям), не обращая внимания на то, что только 4—6% людей склонны в той или иной мере поддерживать идеи монархии. Сторонники теократии и теологических идей стремятся доказать всеобщую приверженность населения религиозным идеям, хотя общественное сознание достаточно четко определяет роль религии в культуре, морали, воспитании, образе жизни, но не в политике, экономике и в государственной жизни. Показателем того, что люди не принимают религию в политике, говорит и факт поражения теократических исламских партий на общероссийских и региональных выборах.

Объектом манипулирования стал политический строй, который долгое время (практически все 1990-е гг.) ассоциировался с демократией. Сначала слово «демократия» пользовалось широкой популярностью, противопоставлялось коммунизму. На нее возлагали большие надежды не только в кругу политического истеблишмента, но и среди широких слоев населения. И если слова «социализм» и «коммунизм» приобрели негативный оттенок только после 70—80 лет существования Советской власти, то слово «демократия» обесценилось буквально за несколько лет и получило резко отрицательное значение, ибо с ним ассоциировалось коррупция, воровство, хищения, обман, прикрытые словами службы интересам народа. Отражением этого стало появление слова «дерьмократия», «демшиза», в которых воплотилась оценка дел и обещаний демократов за прошедшие печальные годы преобразований [9].

Иначе говоря, все политические и общественные силы выработали свои «рецепты» выхода из кризиса, по сути представлявшие собой попытки подчинить общественное сознание корпоративным и групповым интересам, добиться того, чтобы придти к власти и принять участие в разделе остатков национального пирога, который еще частично сохранился.

5.3. Итоги и последствия манипулирования

Проводимая долгие годы политика манипулирования общественным сознанием породила, а потом возродила такие деформированные формы его существования, как неверие, разочарование, апатия, отторжение общечеловеческих ценностей, а в целом отчуждение людей от идеалов, от самих себя. В огромных масштабах получило свое пагубное воплощение искажение принципа говорить народу правду. На место правды были поставлены полуправда, частичная правда, препарированная соответствующим образом правда, правда, перемешанная с политической демагогией и злоупотребляющая доверием людей. И это нельзя путать с житейскими ситуациями: когда и в каком случае можно сказать человеку правду. Поэтому в политическом диалоге власти и народа некорректно ссылаться на взаимоотношения врача и тяжелобольного, ибо власть не может претендовать на роль врача, как не подходит народу роль тяжелобольного. Тем более что со временем, как бы этого не хотелось инициаторам манипуляторских акций, истина все равно пробивает дорогу, ибо становится очевидным гигантское расхождение обещаний, ложных посылов, прикрытых блефом, с теми реалиями, в которых живет народ. К каким результатам привела политика манипулирования, наглядно показывают данные общественного мнения, связанные с очередной годовщиной Беловежских соглашений, разваливших СССР (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Вопрос: «Одобряете ли Вы соглашение лидеров России, Украины, Беларуси от 8 декабря 1991 г. о прекращении существования Советского Союза?» (в % к числу опрошенных).

Республика	Одобрят		Не одобряют	
	1991	2006	1991	2006
Россия	67	17,6	12	71,8
Украина	62	48,5	19	33,5
Беларусь	69	17,6	10	63,4
Грузия	—	76,3	—	17,8
Армения	—	31,9	—	40,2
Казахстан	—	43,4	—	44,6
Молдова	—	31,5	—	56,7
Кыргызстан	—	28,5	—	57,5

Источники: Данные Международного социологического консорциума (ECCSR) // Социол. исслед. 2007. № 4.

Эти данные ярко свидетельствуют об истинном отношении людей к роспуску СССР в свете тех конкретных результатов, которые они получили. И стоит ли удивляться тому, что практически всем так называемым демократическим силам отказано в доверии?

Аналогична реакция населения и на *пороки, порожденные зигзагами рыночных преобразований, что не могло не проявиться и на уровне практического сознания*. Процесс его деформации усиливается, проявляется в новых формах, характеризуя неблагоприятные и серьезные изъяны в сознании большинства людей. И особенно пагубной по своим последствиям, деформировавшей духовную жизнь, тормозившей проявление творческих сил народа стала *манипуляция общественным сознанием*. Именно манипуляция, а не ошибки, заблуждения, которые можно понять и объяснить. Это была сознательная, планомерно осуществляемая политика, которая последовательно и жестко направляла и направляет духовное развитие общества по некоей заданной схеме.

Внешне все выглядит пристойно: стоит цель — сделать нас и наш мир неповторимым, богатым, разносторонним. И беда была не в этом благородном намерении, а в том, что добивались этой цели, не считаясь с реальной обстановкой и объективными потребностями общественного развития. При помощи пиар-технологий людей убеждают в том, что интересы органов власти, политических партий, различных собственников (в том числе и олигархов) — это их интересы и что их поддержка решит многие общественные и личные проблемы. Все ориентировало общественное сознание на убогое и примитивное восприятие окружающей действительности, на заранее сформулированную цель, удовлетворяющую ограниченные потребности, и одновременно оправдывало воровской захват собственности, презрение к людям, непомерное желание сохранить захваченное и прикарманенное. Этому в немалой степени способствует болтовня о социальной ответственности бизнеса, который в лучшем случае стал выделять крохи из своих баснословных доходов на те или иные социальные проекты.

В данной ситуации представления и взгляды людей серьезно деформируются и по своей сути представляют колоссальный парадокс, противоестественный компромисс между официальными установками и тем, о чем размышлял человек сам с собой, с близкими или друзьями. В этих условиях пышным цветом расцветает «двойная бухгалтерия»: официально человек олицетворяет одно, а в личной суверенной жизни — совсем другое.

Манипулирование общественным сознанием приобрело огромный размах. Идет откровенная спекуляция на самых светлых идеалах людей, когда должное легко заменялось нужным, нужное — сиюминутным, ложно понятым общественным, а чаще групповым или личным интересом. Манипуляция проявилась в постоянном навязчивом стремлении доказать, что мы самые лучшие, передовые, прогрессивные, и что наши трудности и недостатки временны и преходящи.

В заключение стоит отметить, что *политика манипулирования осуществляется все менее стихийно — она во все большей мере берется на вооружение в общественной жизни и особенно в политической борьбе.* Более того, она имеет тенденцию к увеличению сферы и масштабов своего влияния, тем более что для России период трансформации не просто не закончился, но и не приобрел черты ясности и определенности. Проводимая политика манипулирования по сути дела направлена на то, чтобы скрыть, уменьшить, а то и приукрасить рассогласованность общественного сознания с общественным бытием. Эта возможность манипулирования общественным сознанием увеличивается и в силу колоссально возросших масштабов приобщения к информации. Новейшие пиар-технологии, использование Интернета многократно увеличивают возможность влияния на видение мира, на изменение или корреляцию этого видения в интересах определенных политических и социальных сил. А это, в свою очередь, в самых значительных размерах увеличивает парадоксальность сознания и поведения людей, умножает рассогласованность их действий как в общественной, так и в личной жизни.

Примечания

1. *Власов А.Н.* Политические манипуляции: (история и практика средств массовой информации США). М., 1982; *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2000; *Гаджиев К.С.* Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии, 1992, № 2; *Ермаков Ю.А.* Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1995; *Копалов В.И.* Общественное сознание: Критический анализ фетишистских форм, Томск, 1985; *Ландеман Р.А., Согомонов Ю.В.* Спор с пессимизмом: Злоключения массового буржуазного сознания. М., 1971; *Феофанов О.А.* Агрессия лжи. М., 1987; *Шерковин Ю.А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973; *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. М., 1992; *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990; *Шиллер Г.* Манипулирование сознанием. М., 1980; *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек — манипулятор. Минск, 1992;

2. Горшков М. Амбиции СМИ и мнение россиян // Независимая газета. 2000. 13 июля.
3. См.: *Известия*. 2000. 5 декабря.
4. См.: *Любомудров Марк*. Удавка на шею народа // Молодая гвардия. 2000. № 5—6.
5. См. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. На материале политического менталитета. М., 1997.
6. См.: *Кожин В.В.* Россия. Век XX. М., 2003.
7. См.: *Ермаков Ю.А.* Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. С. 157—164
8. *Шмелев Г.П.* Интервью // Независимая газета. 2000. 21 ноября.
9. О реальной роли тех, кто именовался демократами, см. остропублицистические исследования, в том числе: *Зенькович Н.* Мальчики в розовых штанишках. М, 2005; *Лившиц Р.* Провинциальная демшиза. М., 2003, и др.

Глава 6

Стереотипы — социальное поле парадоксальности

Верующие во всякого рода «измы» должны быть повешены на одной веревке, как бы ни были противоположными их панацеи от всех бед.

Б. Рассел (1872—1970),
английский философ, историк

Важнейшей характеристикой современного общественного сознания является его внутренняя противоречивость, разорванность, подверженность неожиданным страхам и иллюзорным надеждам, малообъяснимые шарахания, проявления инфантилизма, зигзагообразность развития. В этих условиях *значительный интерес представляет исследование и анализ тех элементов общественного сознания, который знаменуют определенную его устойчивость, его преемственность и противостояние изменениям и назревающим конфликтам.* Этими характеристиками в значительной форме обладает одно из специфических проявлений общественного сознания — *стереотипы*. Однако они проявляют себя достаточно своеобразно. С одной стороны, в общественной жизни возрастает влияние и значимость неких «схематизмов», воспринимаемых автоматически, вне рациональной практики, становящихся смыслообразующим содержанием как индивидуального, так и группового и общественного сознания. С другой стороны, появляются новые превращенные формы сознания, новые иррациональные сущности, в которых причудливым образом сочетаются позитивные и негативные ценностные установки, сущее и должное в поведении людей, разноречивое настроение и мотивы группового и индивидуального поведения. Именно взаимодействие этих двух тенденций рождает многоплановые парадоксальные ситуации и необходимость разобраться в роли и значимости стереотипов, процесса их возникновения и функционирования.

6.1. Стереотипы как сфера парадоксальности

Понятие «стереотип» введено в научный оборот У. Липманом (1922) при исследовании расовых проблем. Данный феномен был

выявлен в процессе изучения регулирующих начал социального поведения личности. По его мнению, стереотип оказывает огромное влияние на качество мышления, деятельность человека, выступая схематичной, регулируемой культурой мерой индивидуального, группового и общественного сознания. Он утверждал, что «система стереотипов есть более или менее упорядоченная картина мира индивида, не замечающего разницы между реальным миром и миром стереотипов... и таким образом живущего в мире своего воображения, оторванном от реального мира» [1]. Однако, как показали дальнейшие исследования, данное утверждение не совсем точно и полно отражает суть данного феномена, ставя чересчур уж явную преграду между реальным и воображаемым миром. Анализ общественного сознания и поведения показывает, что эта грань, этот взаимопереход между реальностью и миром стереотипов очень подвижны, изменчивы и преходящи.

Долгое время стереотип трактовался только как негативное явление, что существенно затрудняло его объективное, научное рассмотрение как противоречивого процесса, характеризующего движение мысли к истине, на пути которого стоят непознанные факторы психики, человеческой деятельности и сознания. Но несомненно, что данный феномен и его проявления многогранны, многообразны и их нельзя измерить с точки зрения «позитива—негатива». Особенно значима их роль в процессе социализации, в результате чего стереотипы по мере их усвоения, повторения в деятельности людей перестают осознаваться, приобретают характер автоматического действия и функционирования.

В основе формирования стереотипа лежит реальный социально-психологический феномен обобщения, схематизации и генерализации данных жизненного опыта на основе всех возможных и доступных человеку источников информации. Выявляя *сущности стереотипов*, нужно сказать, что именно их внутренняя противоречивость, несогласованность с окружающим миром, нередко возникающая противоположность рациональным компонентам общественного сознания *рождает парадоксы*, позволяя говорить как об общем, так и особенном в их содержании, в их взаимодействии.

Все это наглядно проявляются, когда мы приступаем к определению (описанию, анализу) характерных черт стереотипов.

Во-первых, стереотип связан с формированием упрощенного представления о социальном объекте, субъекте, процессе или явлении.

Его суть состоит в формировании схематизированного суждения о мнимой социальной реальности, которую можно смоделировать, составить шаблон, упростить. В этом рациональном подходе, преследующем цель упорядочить знание об окружающем мире, его ин-

терпретация упрощается, приспособляется к интересам и потребностям соответствующих групп, нередко привязывается к привычному и поэтому понятному и приемлемому. ***Стереотип исключает и даже не предусматривает многообразия подходов и нюансов в познании окружающего мира***, сосредоточивая свое внимание на механизмах достижения поставленной цели. Вместе с тем такое отношение и использование имеющегося знания не означает его ошибочности и непригодности. Именно такая ситуация во многом способствует возникновению парадоксов, особенно в тех случаях, когда грани общего и особенного подвижны, подвержены ситуативным изменениям в зависимости от конъюнктуры. Если взять такие понятия как «верующий» или «атеист», то можно создать некий обобщенный образ этих субъектов свободы совести, но в то же время весьма далекий от многообразия его проявлений, касающихся либо конкретного человека, либо определенной социальной группы. Вот и возникают ***парадоксальные характеристики*** людей, социальных групп, в которых они предстают одновременно верующими и неверующими, позитивно оценивающими одни религиозные нормы или отвергающими другие, неоднозначно относящимися к тем или иным действиям иерархов церкви.

Во-вторых, стереотип нередко представляет собой деформированное отражение тех или иных реалий. Чаще всего это случается тогда, когда некоторым характеристикам деятельности людей придается большее значение, чем другим, и особенно, когда они затрагивают представления об образцах поведения и организации повседневной жизни. Именно в этом кроется причина негативного отношения к субъектам рыночной экономики — предпринимателям, банкирам, посредникам, которые ассоциируются с таким ярлыком, как «новые русские», являющиеся по распространенному мнению носителями неприемлемого для большинства людей образа жизни. Данный стереотип рождает парадоксальное отношение к людям, которые по сути дела должны олицетворять образец ожидаемых изменений, но в своей реальной жизни представляют собой отвергаемые и тип сознания, и тип поведения.

В-третьих, стереотипы зачастую характеризуются искаженным представлением о тех или иных процессах. Это искажение в отличие от деформации, обусловленной личным опытом и личными впечатлениями, происходит в основном за счет внешнего воздействия — средств массовой информации, официальной пропаганды, деклараций и заявлений политических или общественных сил, которые пытаются навязать иное, не отвечающее объективным реалиям впечатление. Ярким примером может быть процесс изменения представлений, например, о социализме, о капитализме или демокра-

тии. Так, в свое время идея социализма, сознательно ассоциируемая с коммунизмом, стала отвергаемой, неприемлемой для значительной части населения. Не меньшее превращение испытало слово «демократия», которое стало фактически ругательным, мало уважаемым и непривлекательным в основном под впечатлением того общественного опыта, который сложился у людей в результате осуществления социально-экономических реформ в России.

В-четвертых, одна из специфических особенностей стереотипов заключается в том, что представление о том или ином процессе или явлении соотносится не с реальным объектом, а с имеющейся информацией (нередко ложной) или неким образом, неким значением. В общественном сознании очень распространены ссылки на высказывания авторитетов (нередко приписываемыми), на книги, отражающие близкие к мировоззрению человека суждения и жизненные выводы, на яркую (для данного потребителя) мысль, что порождает иногда особый клан борцов, желающих во что бы то ни стало убедить оппонентов не при помощи анализа жизненных ситуаций, а ссылками или опорой на имеющуюся у них информацию, приспособленную для своих целей. А так как эта аргументация зачастую нежизненна, продиктована сиюминутными эгоистическими соображениями и предположениями, то данная категория легко может описана при помощи такого феномена, как «блуждающие форварды», легко меняющих партии, движения, свои привязанности и предпочтения.

В-пятых, стоит отметить и еще одну черту, характерную для стереотипов и, в свою очередь, рождающую парадоксальность, — высокий уровень предвзятости, мало или слабо обоснованная убежденность в истинности именно того знания, которого придерживается человек или определенная социальная группа. Особенно устойчивыми стереотипы становятся тогда, когда они формируются достаточно продолжительное время под влиянием архетипов или приобретают черты традиций. Что касается архетипов, то они ярко проявляют себя в образе «этнического врага», хотя это не согласуется ни с общепринятой нормой межэтнической толерантности, ни с нормативным представлением о цивилизованном обществе. Что касается традиций, то многие стереотипы, которые возникли в период советской власти, до сих пор являются мощной общественной силой, потому что они затронули глубинные основы человеческого мышления и в определенной мере оправдывались жизненной практикой, но впоследствии вступили в противоречие с реальной ситуацией в стране и необходимостью соотносить свое понимание реальности с официальной политикой и идеологией.

И в заключение, особо значимой характеристикой стереотипа является его *повышенная устойчивость к внешним воздействиям, его*

«закрытость», его противостояние новым знаниям (и информации), которая может их разрушить.

Сопоставляя эти черты (характеристики), можно сказать, что *стереотип — это совокупность упрощенных, схематичных представлений, позволяющих классифицировать поведение людей или социальные события (явления) по выше названным критериям и воспринимать их шаблонно, согласно своим ориентациям и ожиданиям.* Стереотипы могут олицетворять все без исключения представления людей — в сфере экономики, политики, социальной и духовной жизни, не говоря уже о повседневности. И всем им в той или иной мере присуще схематизированное, деформированное, искаженное и упрощенное знание о тех процессах, которые затрагивают их жизненные установки. Но это не ложное знание. Это, скорее, *особый вид знания*, это нередко знание в виде образа, особой формы проявления социальной установки. Стоит также отметить, что *стереотипы иногда возникают по причине так называемой «экономии мышления»* (люди не стремятся на окружающие явления реагировать каждый раз по-новому, а подводят их под уже имеющиеся представления). Кроме того, *стереотипы осуществляют функцию защиты групповых ценностей посредством утверждения своей специфичности, «самости», создавая основу для появления, возникновения парадоксов.*

Описывая стереотип, нужно обратить внимание на то, что он нередко формируется на уровне подсознания и является достаточно распространенным, но специфическим проявлением реально функционирующего сознания. Он присущ не только обыденному (как утверждают отдельные исследователи), но и теоретическому сознанию. Впрочем, в реальной жизни эти уровни сознания не существуют, но, находясь в разных комбинациях и составляя суть реального сознания, они в разных пропорциях порождают различного вида стереотипы в виде определенных закрепленных в сознании *представлений*.

Значительное число стереотипов относительно устойчиво. Они могут в течение длительного времени не изменяться, на них очень слабо воздействует новый опыт, ибо стереотип формируется в *виде образа* в процессе приписывания сходных характеристик без достаточного основания и понимания возможных различий между ними. Но именно противоречия с новым опытом, обновляющейся реальностью приводит к парадоксам, что ставит под сомнение, а иногда и разрушает сам стереотип.

Стереотип может выступать и в виде *особой разновидности социальной установки*. Эта особенность связана как с ее открытостью, так и закрытостью. Так, стереотипы функционируют на уровне субъективных настроений, которые индивид и общество предпочитают

скрывать от других [2]. Или как отмечают некоторые исследователи, «стереотипы часто нельзя описать, они существуют на уровне табу: люди уважают эти утверждения, но обычно не говорят о них или не любят говорить. Отдельные лица и целые сообщества могут не осознавать, например, стереотипов своей культуры, так как никогда не изучали ее как структурированный предмет» [3].

6.2. Структура и функции стереотипов

Большинство исследователей склонны считать, что стереотип имеет трехкомпонентную структуру:

- аффективный уровень, включающий в себя чувство симпатии или антипатии относительно реального или символического объекта;
- когнитивный уровень, представленный в знании, мнении или суждении относительно данного объекта;
- поведенческий уровень, характеризующий программу действий, касающихся данного объекта [4].

Особое место при характеристике стереотипов имеет ее аффективная составляющая, что иногда позволяет исследователям сводить их изучение только к этому компоненту, на уровне «симпатии-антипатии». Однако этого недостаточно. Утверждение, приписываемое М. Рокичу: «Человек может знать, что курить вредно, но тем не менее быть завзятым курильщиком потому, что ему просто нравится курить», свидетельствует о том, что аффективный и когнитивный уровень стереотипа или установки не обязательно совпадают, что, в свою очередь, ведет к парадоксу. Таким образом, априорное предположение о совпадении когнитивного и аффективного уровня неверно и подобное отождествление может привести к недостоверной информации о наблюдаемом феномене или, иными словами, к созданию артефакта.

Что касается поведенческой составляющей стереотипа, то она, несмотря на трудность ее измерения, является важной его характеристикой. Более того, она часто регистрирует разрыв между вербальным и реальным поведением личности. Эти уровни не следует противопоставлять друг другу хотя бы потому, что у разных стереотипов в разных ситуациях проявляется то когнитивный, то аффективный, то поведенческий уровень стереотипа. В данном случае, необходимо сказать, что это разные способы сочетания, несогласованности элементов этой структуры ведет к парадоксальности.

Рассогласование когнитивного и поведенческого уровней приводит иногда к удивительным парадоксам. Так, при опросах группы бизнесменов о покупке валюты, большинство из них определило

свою позицию так: «это прибыльно. Это разумно и дальновидно. Но это подрыв экономики России» [4].

Что касается *функций, выполняемых стереотипами, то они прежде всего направлены на поддержание идентификации личности*. Социологические исследования в 1970—1980-е гг. постоянно демонстрировали факт идентификации личности с ценностями социального («я — советский человек», «я — рабочий», «я — интернационалист») или профессионального характера («я — шахтер», «я — офицер», «я — ученый»).

В 1990-е гг. в идентификации личности произошли коренные изменения. В силу того что рухнул общественный строй, произошел серьезный сдвиг в положении работника на производстве, ряд стереотипных представлений исчез или кардинальным образом изменился. Социологические исследования свидетельствовали, что на первый план вышли стереотипы этнической принадлежности («я — русский», «я — татарин» и т.д.) или личностные характеристики («я — отец (мать, бабушка, дедушка)», «я — дочь (сын)»). Причем, эти сочетания нередко образовывали парадоксальные сочетания: «я — советский человек» и в то же время «я — рыночник», «я — демократ» и в то же время «я — монархист» или «я — либерал» и одновременно «я — сторонник сильной государственной власти» и т.д.

В этот переходный период возросло значение таких стереотипных представлений, которые касаются глобального или гендерного характера. Так, исследования в Российском гуманитарном университете в конце 1990—начале 2000 гг. показали, что значительная часть студентов склонна идентифицировать себя в антропоморфном смысле: «я — человек», «я — девушка», «я — дочь», «я — любимая». В этот период времени студенты, особенно первокурсники, мало отождествляли себя с профессией и еще меньше с политической или национальной принадлежностью. Но парадокс состоит в том, что эти личностные ориентиры, личная жизнь и личностные характеристики стали противопоставляться общественным ориентирам и социальным установкам [6].

Среди функций стереотипов следует выделить их возможную *нацеленность на оправдание возможных негативных установок* как по отношению к другим социальным группам (личностям), так и происходящим социальным процессам. Так, исследования этнических ориентаций в 1990-е гг. показали, что в условиях межнациональной напряженности достаточно значительное количество людей (до 1/3) стало ставить на первое место защиту интересов своего народа любыми средствами, вплоть до применения насилия. Этому служит стереотип «лицо кавказской национальности», когда в общественном сознании сформировалось устойчивое представление о том, что

именно такие лица являются носителями негативных черт и действий, мешающих рационально и эффективно организовать нормальную жизнь общества. Это наглядно продемонстрировали события в г. Кондопога (Карелия), когда возникли межэтнические столкновения, в основе которых лежали социальные причины, игнорируемые официальной властью.

Функция оправдания негативных установок дополняется тем, что люди стремятся не только провозгласить, но и доказать их истинность, что не исключает их *предвзятости и предубежденности* в восприятии окружающей действительности. Свидетельством тому является регулярно появляющиеся на страницах прессы и на телевидении материалы, подтверждающие «справедливость» действий тех или иных общественных сил, также как и их неоправданное возвышение или такое же неоправданное шельмование [7].

И наконец, стоит отметить, что в современный период *общий кризис идентичности связан с расширением зон локальной идентичности*, когда обустроенность и устойчивость собственного жизненного мира воспринимаются лишь в границах профессиональных и социальных общностей, несмотря на то что их ценностное и коммуникативное значение практически утрачено. Все более и более символический смысл приобретает условность таких понятий, как инженерно-техническая интеллигенция, крестьянство, рабочие и т.д.

6.3. Как стереотипы рождают парадоксы

Стереотипное мышление, в свою очередь, порождает различные виды (формы) парадоксальности.

Это прежде всего *эффект ореола*, возникший из представлений о мудрости верховного правителя (царя, хана, короля, генерального секретаря, президента). Анализ деятельности каждого из них показывает, что большинство из них начинали как достаточно обычные личности и становились руководителями в силу стечения объективных и субъективных обстоятельств. Многие не имели ни достаточной подготовки, ни фундаментального образования, часто были косноязычны, а порой и примитивны в своих рассуждениях. Но постепенно на глазах соотечественников ореол должности (звания, титула) приобретал право на самостоятельное существование, и о лидере уже начинали судить не по тому, что он лично представлял собой как конкретный человек, а в результате приписываемых этой должности достоинств, ума, мужества и других примечательных черт героя и мудреца. Такое перевоплощение — перенос ожидаемого на реальное — в известной степени в деформированном виде можно наблюдать и в формировании отношения к лицу, занимаю-

щего соответствующую должность директора, шефа, президента компании и т.д. В результате этого приписывания складывается парадоксальная ситуация — *реальный человек уступает место воображаемому*, а ореол его значимости определял на долгие годы судьбу самого человека. И противостоять всем этим видам ореола достаточно сложно — они живут самостоятельной жизнью вплоть до наступления кризиса, с которым далеко не всегда справляется носитель ореола.

Этот вывод в известной степени коррелирует с выводом М. Вебера о харизматическом лидере, которому, по его мнению, приписываются черты, желаемые для подвластных ему людей.

Следует учесть также и такой вид (форму) парадоксальности стереотипов, которую условно можно назвать *эффектом неприкаянности, отторжения*. Стереотипы часто достаточно жестко делят людей на определенные группы, приписывая им те или иные качества. А любой человек, находясь в пограничной ситуации, когда он одними своими чертами соответствует одной группе, а другими чертами — другой, в конечном счете попадает в *парадоксальное состояние*: или эти группы одновременно признают его своим или эти группы одновременно его отвергают.

В первом случае — принадлежность к различным группам стереотипов ставит человека в необходимость подыгрывать соответствующей группе, тем настроениям и ориентациям, которых от него ожидают. Не так ли ведут себя многие претенденты на депутатские места: в разных местах и в разных аудиториях провозглашают то, что данная аудитория хотела бы услышать, создавая тем самым видимость причастности (принадлежности) к каждой из них. Но это касается не только претендующих на власть: мимикрия как способ действия и маргинальность как ситуация самоощущения становятся образом мышления и поведения многих людей.

Во втором случае носитель пограничных взглядов часто отвергается и той и другой группой, не являясь соответственно полномочным без оговорок представителем их интересов, их идеологии, их позиций в общественной жизни. Эта позиция особенно наглядно проявляется в выражении «свой — среди чужих, чужой — среди своих». В свое время о последнем Председателе Верховного Совета России Р. Хасбулатове было распространено такое представление: «демократ — среди коммунистов, коммунист — среди демократов». Но в том и другом случае через определенное время такой человек или должен принять правила одной из групп, или отторгается и превращается в маргинала, чье положение, как правило, не устраивает ни одну из групп, а в дальнейшем и общество.

Далее, можно говорить о таком парадоксе, который порождается миром стереотипов, как *эффект гипертрофикации*, когда идеи представления, характеристики отдельных субъектов, организаций, процессов преувеличиваются, а другие — преуменьшаются, на них закрывают глаза («их проблемы»). Так, стереотип «рыночник» наделяется (или по крайней мере до середины 1990-х гг. наделялся) только позитивными чертами, связанными с активностью, находчивостью, умением зарабатывать деньги, а главное — олицетворяет прогресс, будущее развитие страны. И соответственно всячески преуменьшалось то, что этому же «рыночнику» в силу российской специфики были присущи черты беспардонности, наглости, желания добиться наживы любой ценой.

Не меньшее значение имеет парадоксальность *группового эгоизма*, когда своей группе (организации), своей социальной общности приписывается только положительные качества вопреки явным (или неявным) очевидным фактам. Такое приписывание только искажает реальную картину бытия, неоправданно возвеличивает характеристики или особенности этой группы. В конечном счете это приводит к групповому фаворитизму, являющегося своеобразным воплощением и прикрытием действий по достижению эгоистических целей, зачастую в противовес интересам (или за счет интересов) других социальных групп.

Кроме того, парадоксальность, порождаемая стереотипами, может приобретать *форму «маниловщины»*, мечты, превращаемой в словоблудие, которую никто никогда не собирался выполнить, но провозглашение которой приносило ее стороннику определенные дивиденды, как новатору, как герою, как человеку благородного поступка. Оценивая подобную ситуацию граф Ростопчин говорил следующее: «Мне понятно желание крестьянина стать когда-то графом, но непонятно желание графа стать крестьянином». В этом случае мы имеем типичный случай, когда стереотип «крестьянин» (труженик, бескорыстный, простой, близок к природе и т.д.) становился притягательной, позитивной фигурой в обществе, в то время как стереотип «помещик» (жадный, эксплуататор, не знающий нужд народа и т.д.) наделялся отрицательными чертами. Именно в этих условиях могли родиться движение «хождения в народ», появиться земские врачи и учителя, существовать вера русской и советской сельской интеллигенции в «вечный долг перед народом». Но в приведенном выше случае этот порыв был в самом деле «маниловщиной», которая могла приобретать мало-мальски понятные черты только на вербальном уровне.

И наконец, следует сказать о таком виде парадоксальности, обусловленной стереотипами, как *эффект перевертыша*, когда под влиянием изменения ситуации, из-за страха потерять имеющиеся ресурсы и резервы происходит переоценка стереотипов как для са-

мих себя, так и с попытками убедить в этой переоценке всех окружающих и даже все общество.

В конце 1980-х гг., когда перестройка уже выдыхалась, а затем в начале 1990-х гг., в первые годы новой России, демократами первой волны был создан стереотип государства как феномена, принесшего только беды народу. Согласно этому представлению государство вмешивалось во все дела, регламентировало до мелочей деятельность людей, тормозило инициативу, довело народ до нищеты, не давало простору ни мысли, ни делам. Первые годы либерализма прошли под лозунгом «меньше государства». Под этим лозунгом государство изгонялось отовсюду, государственная собственность ликвидировалась («разворовывалась»), государство ограничивалось во всем чем-то мало-помалу важным и значимом.

Именно в этот период, как пишут С. Козенков и В. Кумачев, «один видный деятель современности с трибуны показывал на пальцах, какое нам, россиянам, нужно государство — «маленькое, вот такое». Уже не вспоминают либеральные витии «огоньковского разлива» о концепции «перевернутой пирамиды», в которой государству отводилась роль главного «врага народа». Все это нужно было, чтобы при слабом государстве осуществить на практике теорию «Большого Хапка» (что не запрещено, то разрешено, а разрешено им было все») [8].

И вот в феврале 1999 г. устами одного из младореформаторов Петра Авена в статье, опубликованной в газете «Коммерсант» провозглашается другой подход к государству: оно, оказывается, нужно. На смену борьбе с государством у либерал-радикалов приходит тактика приручить государство и поставить его на службу либеральным реформам. В чем заключается парадоксальность данной ситуации? Если рассматривать эту перемену в отношении государства с формальной точки зрения, то можно считать это высказывание П. Авена как покаяние за содеянные им и его соратниками грехи. Но, на наш взгляд, к этому надо подойти иначе. Почему либералы изменили свои взгляды на государство? Да в основном потому, что государство теперь должно изменить свои функции и защищать их интересы, не допустить передела собственности (а наоборот, закрепить ее). Более того, государство должно защитить их, новых собственников, от «лихих людей», возмущенных социальной несправедливостью, и предотвратить возможность расправы, суда и бесчестия, т.е. нового передела собственности. Самим новым собственникам этого не сделать. Это может сделать государство, успокоив массы, преодолев кризис, но уже в интересах тех, кто нажил в эпоху либерализации и приватизации. Поэтому провозвестники либеральной демократии уже полны решимости отказаться от прежних

утверждений о государстве, и более того, воспеть его и даже согласиться на диктатуру (правда, либеральную) государства.

В заключение следует отметить, что *сами стереотипы их носителями чаще всего не осознаются и воспринимаются как естественное, единственно возможное, нормативное мировосприятие и поведение*. Первоначальные стереотипы, формирующиеся в ходе семейного воспитания посредством механизма внушения и подражания, в конечном счете являются результатом институционального воздействия для установления «картины мира». *Учет многообразия характеристик реальных стереотипов позволяет сделать вывод, что они как социальный феномен обладают рядом качеств: в статическом плане — целостностью, оценочностью, наличием доли ошибочной информации; в динамическом плане — устойчивостью, ригидностью, консерватизмом, низкой пластичностью в отношении новой информации*. Но не менее важен и заключительный вывод: в условиях трансформации общества, «кризисного» общественного сознания *в стереотипах начинают преобладать иррациональные компоненты*, которые возникают как средство защиты от общественных потрясений или как средство реализации эгоистических интересов в процессе сознательного манипулирования общественным сознанием. Это лишний раз позволяет заявить, что неучет процесса возникновения и функционирования стереотипов (и архетипов) становится серьезным препятствием на пути позитивных изменений в любом обществе.

Примечание

1. *Lippman W.* Public opinion. N.Y. 1966, p. 66.
2. См.: *Васильева Т.Е.* Стереотипы в общественном сознании (социально-философские аспекты). М.: ИНИОН АН ССР. 1988. С. 4.
3. См.: *Управленческое консультирование*. Т. 1. М.: Интерэксперт, 1992. С. 105.
4. Подробнее см.: История социалистических идей и стереотипы массового сознания: Сб. обзоров. М., ИНИОН АН СССР, 1990.
5. *Меренков А.В.* Социология стереотипов. Екатеринбург. 2001; *Ванина О.Н.* Стереотипы экономического сознания россиян //Социол. исслед., 1998, № 5
6. См. *Левичева В.Ф.* Социальный облик гуманитарной интеллигенции // Социол. исслед. 2001, № 2
7. *Иванов В.Н.* Россия: обретение будущего (размышления социолога). М., 1998; *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
8. *Казенков С., Кумачев В.* Евангелие от Петра: прозрение или призыв к либеральной диктатуре? //Независимая газета, 1999, 12 февраля.

Глава 7

Фрустрация и парадоксальность

Что знаем мы, того для нас не надо.

«Фауст», И. Гёте (1749—1832),
немецкий писатель

7.1. Что такое фрустрация?

Значительное число социологических исследований, посвященных общественному сознанию, позволило собрать огромный эмпирический материал, на базе которого появилась возможность уточнить, выяснить, обогатить наши представления, сделать более точными наши знания о его состоянии, его тенденциях, его проблемах. Этот же материал обеспечил выход на выяснение нового класса явлений, которые ранее не фиксировались или на них не обращалось должного внимания.

Среди этих новых явлений большой интерес представляет **фрустрация**, которую в самом общем виде можно охарактеризовать как **остро критическое состояние невозможности удовлетворить значимую для человека жизненную потребность, реализовать мотив деятельности. И проявляется она в гнетущем напряжении, тревожности, чувстве безысходности.** Такое состояние общественного сознания и поведения возможно в любом обществе, но оно особенно заявляет о себе в периоды переломных, трансформационных изменений, когда общество охватывает разочарование, порожденное неосуществимостью значимой, обусловлено крушением надежд, ощущением неизбежности беды, неуверенностью в завтрашнем дне.

Фрустрация по своей сути представляет разрыв между мотивом деятельности и его результатом, что не может не сопровождаться появлением парадоксов, возникающих на грани исповедания прежних ценностей и осознания невозможности их прежнего существования, на грани противостояния сложившихся ориентиров жизни и вновь созреваемых по причине разрушения и утраты прежних не только политических, но и гражданских идеалов, а также отсутствия новых.

Фрустрация — сравнительно новый объект научного исследования. Отдельные стороны этого явления ранее освещались в ходе изучения феномена человеческой агрессии (З. Фрейд, У. Мак-Дугалл, Д. Доллард, Д. Миллер, А. Бандура, А. Бертковиц, К. Лоренц и др.), а также стресса (Г. Селье, Р. Лазарус, Н. Браун, С. Силсбергерд, Л. Леви-Брюль и др.). Особое место в изучении фрустрации занимает труд Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд», в котором был поставлен и исследован процесс суицида. Именно в его работе и трудах его последователей были вскрыты главные социальные и социально-психологические причины самоубийства — утрата социальных связей, депрессия, потеря социального статуса, семейные неурядицы, разочарование в жизненных перспективах, т.е. много такого, что образуется в результате формирования фрустрации. Кроме того, обращение к термину «фрустрация» или к понятиям, отражающим ее, встречается в теориях, концепциях, гипотезах, касающихся проблем мотивации, эмоций, поведения, деятельности индивида. Однако целостной теории, исследующей данный феномен, пока не создано. При этом социальные и социально-психологические аспекты фрустрации остаются наименее изученными. Возможно, это связано с ограниченными возможностями экспериментов и трудностью получения научно-достоверных результатов таких исследований.

К понятию «фрустрация» и исследованию отдельных сторон этой проблемы в последние годы стали обращаться и в отечественной литературе, но не только в плане изучения именно этого явления, но и в контексте решения других исследовательских проблем. Появились и первые специальные исследования, посвященные этому вопросу [1].

Если суммировать все имеющиеся подходы, то можно выделить важные характеристики фрустрации вообще и социальной фрустрации в частности. Иногда под фрустрацией понимается факт преграды, помехи на пути реализации мотива или ответная реакция на воздействие травмирующего фактора. Но так как *фрустрация появляется в результате перехода человека (группы людей) из уравновешенного, сбалансированного, «нормального» состояния в дискомфортное, дезорганизованное, ее необходимо рассматривать как феномен, объединяющий в своем предметном содержании взаимообусловленные, взаимосвязанные и взаимодействующие элементы внешнего мира (условия среды, фрустраторы), состояние субъекта (внутреннее социально-психическое, зафиксированное сознанием и подсознанием ощущение дискомфорта и неблагополучия) и внешне наблюдаемое состояния — эмоциональные реакции, действия, поведение.*

Какие условия и какие факторы (фрустраторы) блокируют удовлетворение значимых жизненных потребностей в российском обществе?

Что касается условий, то они проявляются в том, что произошло резкое ухудшение социально-экономического положения людей, обусловленного потерей социального статуса, снижением социального престижа многих профессий, массовым «освобождением от труда», выразившемся в росте всех форм открытой и скрытой безработицы, снижением жизненного уровня большинства населения. Немалое воздействие на развитие фрустрации оказывает отсутствие четких мировоззренческих ориентиров — неясностью того, в какой стране живем, потерей национальной идеи, которая ассоциировалась бы с возвышающей человека идеологией, недоверием и к тем, кто управляет страной, и к тем, кто стремится получить власть. Такие процессы характерны не только для России — они захватили общественное сознание практически всех бывших союзных республик [2].

Все это создает весьма неблагоприятный фон для самочувствия людей, для их уверенности в завтрашнем дне, в будущем, для ощущения гарантий их безопасности и защищенности. К ним можно добавить *факторы (фрустраторы)*, которые активно влияют на настроение, на самоощущение, на возможность удовлетворить коренные интересы и потребности. Это проявляется в том, что *человек не может обеспечить гарантию благоустроенной жизни* ни себе, ни близким; когда *наличие профессии обесценено и сводится к официальному положению*, которое далеко не всегда согласовывается с личными и профессиональными потребностями; когда *сокращаются возможности для организации свободного времени*, отдыха, для удовлетворения культурных, образовательных, спортивных и т.д. потребностей. *В этих условиях нередко происходит примитивизация потребностей и сосредоточение людей только на самом жизненно важном*, без чего невозможно и само дальнейшее существование нормальной человеческой жизни.

7.2. Парадоксы в контексте фрустрации

Анализ социальной фрустрации как критической жизненной ситуации предполагает как выяснение сущности, содержания, выявление признаков ее развития, так и анализ специфических форм ее существования, зачастую выражающихся в парадоксальности сознания и поведения людей. Данные научных исследований показывают, что в результате фрустрации человек (социальные группы) начинают себя вести так, что различные направления ее проявления не только противоречат, но и исключают друг друга (табл. 7.1).

Таблица 7.1

Какие чувства проявились, окрепли у окружающих Вас людей за прошедший год? (в % к числу опрошенных; N = 1600)

<i>Вариант ответа</i>	<i>1998</i>	<i>2001</i>	<i>2004</i>	<i>2006</i>
Надежда	13	33	24	35
Усталость, безразличие	45	39	39	39
Страх	24	14	21	7
Чувство человеческого достоинства	4	8	7	10
Растерянность	24	12	17	12
Освобождение от лжи /чувство свободы	3	2	1	5
Озлобленность, агрессивность	35	17	21	15
Гордость за свой народ	3	4	3	6
Затрудняюсь ответить	7	6	8	8

Источник: *Общественное мнение-2006*. М.: Левада-Центр, 2006. С. 10.

Для того чтобы **фрустрация возникла и проявила себя достаточно определенно**, для ее развития нужны более веские обстоятельства, чем блокирование всякой потребности. В соответствии с этим **необходимо выявить потенциального фрустратора** (травмирующий фактор, который при определенных условиях может вызвать развитие фрустрации) и рассмотреть условия его перехода в действующий фактор. **Такими условиями для социальной фрустрации являются:** значимость блокируемой потребности; достаточная длительность воздействия блокирующего фактора; интенсивность воздействия; распространенность или охват общим травмирующим воздействием составляющих субъектной совокупности; предрасполагающие свойства субъекта (личностные, групповые, общественные).

Именно в процессе развития фрустрации при таких условиях мы обращаем внимание на развитие парадоксальности, чьи крайности продолжают самым причудливым образом сосуществовать.

Рассмотрим эти **формы парадоксальности**, порождаемой критической жизненной ситуацией — фрустрацией.

К первой группе отнесем социально-экономические и общественно-политические фрустрационные реакции. Социологическими исследованиями второй половины 1990-х гг. давно зафиксированы негативная оценка власти и своего экономического положения. По данным Российского независимого института социальных и национальных проблем, в декабре 1999 г. ситуацию в стране оценивали как кризисную 61% людей, и 29% — как катастрофическую при 5% считающих ситуацию нормальной [3]. Эта оценка мало отличается от оценок середины 1990-х гг. Но если уровень агрессии, выражающейся в потере терпения и надежды («снижение степени обу-

словленности сознания адекватной мотивацией»), как следствие несостоявшегося согласования мотива и результата, в первой половине 1990-х гг. был достаточно высок, то в начале XXI в. общественная и особенно политическая активность значительно снизилась. О снижении уровня агрессии свидетельствовали не только менее жесткие оценки всех ветвей власти, но и сокращение количества желающих выступать с открытыми формами протеста — участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях, пикетах, не говоря уже о том, чтобы отстаивать свои убеждения с оружием в руках. К концу 1990-х гг. количество людей, готовых к насильственным формам борьбы, по данным различных социологических центров, значительно уменьшилось. Так, по данным Левада-Центра, агрессивность, по крайней мере выраженная вербально, имеет тенденцию к снижению — 32,6% людей в сентябре 1998 г. и 25% в сентябре 2006 г. выразили потенциальную готовность лично участвовать в митингах и демонстрациях протеста против падения уровня жизни и в защиту прав населения (при 47,8 и 63% соответственно не были готовы к таким акциям при 19,6% в 1998 г. и 11% в 2006 г. воздержавшихся от определения своей позиции). Воздержавшиеся, на наш взгляд, скорее ближе к тем, кто готов потерпеть, подождать, а не к активно протестующим [4].

Как же объяснить то, что при наличии явных признаков готовности к агрессивному поведению большинство людей тем не менее не намерено к ним прибегать. Социологические данные неоднократно свидетельствовали об уменьшении числа тех, что собирается применить активные средства для решения волнующих их проблем. Так, по данным социологических опросов, с каждым годом уменьшается количество людей, выразивших намерение участвовать в таких акциях протеста как забастовки, ни митинги, демонстрации, пикеты. Такой показатель как захват административных зданий, блокирование автотранспорта сошел на нет, хотя ранее такие акции, особенно на предприятиях, использовались часто. И в то же время люди надеются, что сложившаяся ситуация — временное состояние, что стоит подождать, потерпеть и жизнь повернется к ним своей положительной стороной. Помимо надежды, людей удерживают от участия в акциях протеста страх, что сопротивление взорвет ситуацию, обернется кровопролитием, серьезными катаклизмами, что обернется как против общества, так и против самого человека [5].

К группе общественно-политических фрустраций можно отнести и такую парадоксальную ситуацию, которая связана с действительно низкой оценкой ожиданий на ближайшую перспективу (табл. 7.2).

Таблица 7.2

**Каким для Вас будет наступающий год по сравнению с минувшим?
(в % к числу ответивших; N-1600)**

<i>Вариант ответа</i>	<i>1993</i>	<i>1997</i>	<i>2000</i>	<i>2004</i>	<i>2007</i>
Безусловно лучше	4	5	6	7	8
Надеюсь, что лучше	35	28	46	47	41
Думаю, что хуже не будет	12	12	17	21	17
Без перемен	21	30	18	19	25
Пожалуй, будет хуже	23	19	6	3	5
Затрудняюсь ответить	5	6	7	3	4

Источники: *Общественное мнение-2006*. М.: Левада-Центр, 2006. С. 8.

Таким образом, за почти полтора десятка лет настроение мало улучшилось. Все еще значительному количеству людей присущ пессимизм: он стал всеохватывающим, определяющим состояние их жизни. А если сравнить с ответами на вопрос, устраивает ли их жизнь, которую они ведут, то в 2000 г. 51,4% опрошенных (в 2006 г. — 70%) позитивно ответили на вопрос («вполне», «по большей части», «отчасти») жизнь. В то же время большинство населения (64% в 2000 г.) и значительная часть (31% в 2006 г.) находится на распутье (дали ответ «отчасти» и «не совсем устраивает»); это показывает, несмотря на снижения уровня недовольства, реальность разрыва между мотивами и социальным положением людей [6].

Если же судить по ответам людей, оценивающих перспективы дальнейшего развития России, то эта оценка еще более мрачна — 77,4% считают, что «события ведут нас в тупик» [7]. Вместе с тем, несмотря на весь пессимизм, надежда продолжает питать людей: 34,9% считают, что их семьи уже приспособились или успешно приспособляются к переменам, происходящими в стране в последние десять лет. Более того, 67,2% при 13,9% воздержавшихся уверены, что им не придется голодать, что они смогут найти резервы, чтобы благополучно пережить экономический кризис.

Иначе говоря, складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, потенциал недовольства значителен, ибо большинство людей находится в состоянии критической жизненной ситуации, но с другой — реализация этого недовольства весьма проблематична и находится на очень низком уровне.

Ко второй группе проблем следует отнести мировоззренческие фрустраторы, которые, в свою очередь, могут быть базой или исходным звеном парадоксального сознания и поведения людей.

Мировоззренческие фрустраторы — это факторы, блокирующие удовлетворение духовных потребностей и тормозящие развитие

идеологической сферы индивидуального и общественного сознания. А это значит, что потребность в идеалах и идеологии и возможность их удовлетворения разрушены.

Анализ социологической информации показывает: современный человек глубоко убежден, что объединяющие всех идеалы должно иметь любое общество и эти идеалы должны разделяться многими (большинством) народа. В советское время эти идеалы воплощались в официальной социалистической идеологии. Но развал СССР и уничижительная критика идей социализма, в том числе и его идеологии, привели к тому, что часть людей (и достаточно значительная) стала чураться как идеологии вообще, так и тех ценностей, которые были отражены в ее социалистическом варианте. Это отвержение идей и соответственно идеалов привело к тому, что в обществе стала распространяться бездуховность, национальные интересы игнорировались. Конец социалистической идеологии привел к тому, что люди потеряли мировоззренческие ориентиры, связанные с перспективами развития страны. Они стали замещаться заботами, в которых выражены повседневные, сиюминутные потребности и интересы.

Такая ситуация послужила основанием для вывода о том, что идеалы и национальная идея полностью утрачены, потеряны и российский народ остался без высоких идей. Этому в немалой степени способствовало тому, что во второй половине 1990-х гг. с подачи официальных лиц (президента), осознавших гибельность и порочность жизни без идеологии, была предпринята попытка возродить или сформулировать национальную идею. На выполнение этого заказа ринулись сотни и тысячи добровольцев, как искренне разделяющих точку зрения о роли национальной идеи, так и конъюнктурщиков, еще вчера отрицавших всякую идеологию, а сейчас после начальственной отмашки, взявшиеся ее усиленно искать.

И здесь показательна ситуация с государственной символикой, особенно с Гимном России. То, что «Патриотическая песнь» М.И. Глинки упорно не находила дорогу к сердцам большинства людей, признавалось всеми, прямо или косвенно. Как попытку заделать брешь в этой части государственной символики свидетельствует тот факт, что осенью 2000 г. на конкурс было представлено свыше 2000 вариантов текста гимна. Но окончательную точку в этом вопросе поставило то, что от 49 до 70% опрошенных (по данным разных социологических центров) высказались за гимн на музыку А.В. Александрова, т.е. бывший советский гимн. В процессе решения этой проблемы опять самым парадоксальным образом заявили о себе радикал-либералы, пытаясь поставить под сомнение выбор народа и навязывая свою точку зрения. По сути дела это был лишь очеред-

ной повод, чтобы напомнить о своих «передовых» взглядах и объявить, что народ опять ошибается.

Поразительно только то, что, несмотря на критику об отсутствии идеологии, национальной идеи, в «русской (русской) душе» продолжались сохраняться многовековые, тысячелетние устои того, что было особенностью национального менталитета: высокая оценка нравственных ценностей, поиск смысла и цели жизни. Для русского национального «Я» всегда были значимы идеалы справедливости, общинности, жертвенности и преданности общественному делу. Социалистическая идеология была во многом приемлема потому, что она опиралась на эти ценности и в значительной степени умело пользовалась ими. Поэтому смена социалистических идеалов и отсутствие других привели к своеобразному идеологическому вакууму, особенно среди молодежи, только вступающей в жизнь.

Многовековые ценности национального самосознания ушли в глубь, скрылись, не рекламируя и слабо себя проявляя. Сложилась парадоксальная ситуация — отсутствие идеалов как на государственном уровне, так и на поверхности общественного сознания (у официальных лиц и интеллигенции) не означает, что эти идеалы умерли, что национальная идея отсутствует, что общество не имеет никакой идеологии, никаких ориентиров. Наоборот, идеалы, ценности, идеи живут в глубинном общественном сознании народа. И дело состоит в том, чтобы не загубить эти духовные начала, которые и делают народ народом, достойным того, чтобы иметь свое государство, свою страну.

Не менее показательна и та парадоксальная ситуация, которая вводит в заблуждение различные общественные, а порой и противостоящие друг другу силы в оценке важного для людей мировоззренческого фактора — *событий 1991 г., повлекших крах СССР*. Социологические исследования, до сих пор фиксируют тот факт, что большинство людей (от 60 до 70%) и в России, и в бывших союзных республиках, ныне независимых государствах, до сих пор сожалеют о распаде великой страны. Очень высока ностальгия по советским временам, особенно среди тех, кто живет бедно, стесненно. Люди высоко оценивают социальные гарантии, которые были в Советском Союзе, социальную защищенность и уверенность в завтрашнем дне, что и составляло суть их в целом спокойной, небогатой, но достаточно стабильной жизни. Именно такая оценка и такое отношение к советским временам позволяет ряду политических партий настаивать на том, чтобы возродить СССР.

Но значит ли эта ностальгия не только сожаление о прошедших событиях, но и желание вернуться в СССР? Для большинства людей понятно, что историю нельзя повернуть вспять, что «разби-

тый горшок не склеишь», что если и возможна в будущем какая-то интеграция части бывших республик в некоторый союз, то это уже никогда не будет похоже на возрожденный СССР. Ностальгия о советских гарантиях спокойной жизни — это, скорее, желание того, чтобы новое государство взяло лучшее, что было в прошлой жизни и реализовало бы его в своей социально-экономической политике.

Третья группа фрустрационных реакций, создающих основу для парадоксального сознания и поведения людей, *представлена коммуникационными факторами*.

Особенно это наглядно проявляется на феномене общественного мнения, которое в значительной степени формируется средствами массовой информации, оказывающих массивное давление на психику и сознание людей. В общественное мнение «вколачивается» определенное отношение к «демократическим» ценностям — безудержное восхваление рынка, пропаганда идеалов свободы, часто трактуемой как вседозволенность, ориентация только на ценности западного мира, что в первые годы новой России, во время ожиданий позитивных кардинальных изменений, привело к эйфории, к блистательным надеждам, а затем к их краху и даже отвержению навязываемых идеалов. Одновременно средствами массовой информации, и особенно через телевидение, насаждался образ врага («красно-коричневые», «патриоты», «красные директора»), что было связано с критикой прошлого опыта и отвергаемых ценностей.

И если судить по сообщениям средств массовой информации, то общественное сознание поддерживает только либеральные идеи, хочет свободы, стремится к западным эталонам жизни и лишь «несознательная» часть населения (пенсионеры, небольшие группы «коммунистов» и «фашистов») ориентируется на прошлое и на его антигуманистическую направленность. Но как тогда объяснить тот факт, что как в 1990-е гг., так и в начале 2000-х гг., почти каждый четвертый, т.е. от 22 до 24%, идентифицировал свои взгляды как левые (коммунистические, социалистические, социал-демократические), в то время как сторонников либеральных взглядов не прибывало — их численность за эти годы колебалась в пределах 46% [8].

Несмотря на все усилия официальной пропаганды и большинства СМИ представить либеральные ценности господствующими и определяющими лицом общества, можно сказать, что общественное мнение или деморализовано (от 30 до 45% не симпатизирует никакой политической силе), или все же склоняется больше к патриотическим и левым взглядам и такой же ориентации.

Есть еще один показатель деятельности средств массовой информации, который порождает серьезные фрустрационные реакции — информационные войны, которые периодически возникают и которые с каждым разом носят все более ожесточенный характер. Информационные войны постсоветского периода условно можно разделить на две категории: собственно войны между отдельными группировками и «промыывание мозгов» населению во имя глобальных политических и экономических целей. Самые первые информационные войны восходят к 1992 г., когда возникло противостояние между Кремлем (Ельциным и его командой), с одной стороны, и Председателем Верховного Совета России Р. Хасбулатовым и вице-президентом А. Руцким — с другой. Вскоре в апреле 1993 г. была осуществлена первая «президентская» операция по промыванию мозгов: кампания «да, да, нет, да». В этот период и особенно после расстрела Верховного Совета в октябре 1993 г. выявилась слабость таких войн: противник втапывался в грязь, его громили, но это не способствовало ни авторитету тех, кто их затевал, ни созидательным процессам. То, что манипулирование общественным сознанием может быть проиграно, показывает информационная война в период первой чеченской войны, когда ее выиграли боевики, а не официальная российская пропаганда.

В 1994—1995 гг. была продемонстрирована эффективность другого вида информационных войн — «олигархических». Затем последовала информационная война под лозунгом «Голосуй или проиграешь!» в связи с выборами президента в 1996 г. В 1999 г. при подготовке выборов в Думу началась очередная информационная война, в которую были вовлечены огромные силы и средства. Как и предыдущие, она поставила в тупик миллионы горожан, ибо в этой войне был применен весь арсенал по дискредитации противника, по введению в заблуждение общественное мнение и устранению всех ориентиров для миллионов людей. А это означало, что следующий виток фрустрации не замедлит себя ждать.

Четвертая группа парадоксальности поведения и сознания вырастает на базе таких фрустраторов, как проблема социальной идентичности. Это одна из базовых потребностей, которые осознанно или неосознанно человек стремится реализовать в течение всей своей жизни. Они обусловлены, с одной стороны, принадлежностью личности к определенной социальной группе или типу общества, с другой — отношением к этой принадлежности, характером осознания групповой и ролевой идентичности и возможностями нарушения этих взаимосвязей.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что социальная идентификация со своей профессиональной группой, своей специ-

альностью, своим коллективом (организацией), своей страной значительно ослабла. В то же время возросли фрустрационные ситуации — потеря работы, эмиграция или иммиграция, занятость не по специальности с целью выживания. Огромное значение для социального настроения человека имела принадлежность к советскому народу, как бы об этом не отзывались «гробовщики социализма» и различные его хулители, щеголяющие словом «совок». Потеря советской идентичности стимулировала поиск надежд в национальной идентичности, в лжепатриотизме или оголтелом национализме, когда на первое место для многих людей выступила этническая принадлежность, вера в свой народ, в его способности защитить и приютить соотечественника при неблагоприятных жизненных обстоятельствах.

Социологическая информация в то же время свидетельствует, что, несмотря на официальное умерщвление «советского человека», на игнорирование его профессиональной принадлежности и резкий скачок значимости этнического фактора, эти признаки продолжают жить, они сопротивляются политике их уничтожения и остаются важнейшим мотивом в поведении человека. Так, исследование, проведенное РНИСиНП в 1992 и 1998 гг., показало, что 47,1% опрошенных продолжают считать себя советскими людьми, 48,8 и 46,5% соответственно испытывают чувство общности с гражданами СНГ, 75,1 и 87,5% — со своей нацией, 71,0 и 74,3% — с россиянами (на наш взгляд, на этот показатель влияет не только институциональная принадлежность, но и этническая), 34,2 и 37,1% заявляя о чувстве общности со всем человечеством [9]. К стати сказать, идентификация «советского человека» с «русским» была достаточно распространена и в советское время. Поэтому официальный отказ от «советскости» не означает отказа на уровне общественного сознания — произошло скорее не утрата первого, а замещение первого вторым.

И наконец, особую группу (в тоже время обобщающую) фрустраторов образуют социально-психологические факторы. По данным всероссийского исследования в марте 2000 г., свыше 40% россиян жили с ощущениями неблагоприятного психологического состояния, испытывая страх и отчаяние (мнение 15%), подавленность (мнение 19,5%), озлобленность (мнение 17%) А если к этому добавить, что 68% испытывают такие чувства, как господство несправедливости, 54% — чувство стыд за нынешнее состояние страны, 49% — чувство невозможности продолжать жить, как сейчас, 49% — чувство одиночества, ненужности, то понятны масштабы и размах дезорганизующих фрустрационных факторов, которые к тому же трудно преодолимы в обозримый отрезок времени [10].

7.3. Маргинальность — социальное поле фрустрации

Первые шаги по исследованию маргинальности обычно связываются с именем американского социолога *Р. Парка* (1864—1944), который впервые употребил это понятие в труде «Миграция и маргинальный человек». После выхода в свет в 1937 г. монографии Э. Стоунквиста «Маргинальный человек» маргинальность окончательно вошла в лексикон научной литературы. С той поры появились многочисленные работы по проблемам маргинальности как в американской и западноевропейской, так и отечественной науке.

Если обобщить имеющиеся различные точки зрения, то можно, на наш взгляд, прежде всего, выделить ту, которая концентрирует внимание на *маргинальности социальной роли*, возникшую в результате нахождения на грани позиций различных социальных групп. Эта пограничность особенно ярко проявляется в результате социальных перемещений, когда одни группы людей должны (вынуждены или намерены) принять другой образ и стиль, чем тот, который они вели до определенного времени жизни. Возникающее рассогласование имеет не просто временной характер, т.е. прежде и теперь, а конфликт ментальности, идентичности, от которых невозможно отречься, просто отказаться, приняв сходу другие правила игры [11].

Не менее значима и первоначальная форма (если опираться на труды Парка и Стоунквиста) — *культурная маргинальность*, в основе которой лежит рассогласованность ценностей различных культур, которыми руководствуются индивиды. Данная ситуация порождает неопределенность социальной позиции человека, двусмысленность его положения, что может породить, с одной стороны, ностальгию, олицетворяющую собой желаемость мотивов и одновременно невозможность их реализации, а с другой — необоснованные, завышенные ожидания, которые противоречат (или могут противоречить) реальным возможностям людей и реальной общественной обстановке.

Значительное количество работ анализируют *структурную маргинальность*, которая характеризует бесправное политическое и/или экономическое положение людей и социальных групп с ограничением (и/или лишением) гражданских прав и свобод, что ставит их в позицию ущемленности, обойденности по сравнению с другими индивидами и другими социальными группами и общностями.

В отечественной литературе мы находим различные подходы к определению и характеристике маргинальности. Так, Е. Стариков

характеризует все советское общество как маргинальное, хотя уделяет внимание в основном разрушению трудовой этики, утрате профессионализма, забвению апробированных временем норм и правил поведения [12]. А.И. Атоян пытается использовать возможности междисциплинарного подхода для объяснения этого уникального явления [13]. З.Т. Голенкова уделяет первостепенное внимание месту и роли маргинальных групп в социальной структуре российского общества [14]. Интересны также исследования отдельных социальных групп, которые характеризуются как маргинальные — неформальные общественные объединения [15], безработные [16], «новые бедные» [17], беженцы и переселенцы [18] и т.д.

Не претендуя на всеохватывающий анализ всех аспектов и всех проявлений маргинальности, отметим, что нельзя эту характеристику распространять на все общество, на все без исключения социальные процессы и социальные отношения. Если исходить из представления об идеале как абсолютном совершенстве, то можно сказать, что ни один процесс, ни одно явление в полном объеме не вписываются в понятие оптимума, нормы, модели. Все они в реальном исполнении имеют ту или иную степень отклонения. Но насколько значимо это отклонение, отступление от нормы, несовпадение с идеалом, можно судить по некоторым параметрам, которые и образуют понятие маргинальности.

Для определения этих параметров — показателей и индикаторов — маргинальности значительный интерес представляет *понятие фрустрации как такого социально-психологического явления, которое возникает вследствие реальной или воображаемой помехи, препятствующей достижению цели*. Именно с ролью цели и связана *первая фрустрационная характеристика маргинальности*. Именно противоречивость целей индивида или группы с целевыми ориентациями более широких социальных групп и общностей описывается, например, мироощущением тех представителей крестьянства, которые решили стать горожанами. На их пути встают проблемы профессионального самоопределения, бытового устройства, вхождения в иную культурную среду, освоение новых правил взаимоотношений, которые резко отличаются от прежних, к которым человек привык, не говоря уже о том, что человек лишен былого, сложившегося представления о социальной защите, возможной помощи ближайшего окружения.

Такое состояние с целевыми установками приводит к парадоксам сознания и поведения, когда человек ставит перед собой цель добиться определенного социального положения в изменившейся

ситуации и в то же время не может примирится (или согласится) с утратой прежней жизненной позиции. Это особенно наглядно видно на примере поведения беженцев, когда люди, приняв осознанное решение встроиться в новую жизнь, тем не менее не могут распрощаться в воспоминаниями о прошлом, которое одновременно остается и безвозвратно потерянным, но по-прежнему привлекательным, но которое перечеркивается суровым и беспощадным настоящим. В данной ситуации цели прежней и будущей жизни перечеркиваются настоящим, обозначив границу, на которую человека ориентируют обстоятельства, но которую он инстинктивно не желает перейти. Это противоречие практически никогда не решается в пользу прошлого, даже тогда, когда человек стремится к нему вернуться, ибо не может примирится с утратой, потерей всего светлого (по его мнению), особенно тогда, когда настоящее подсказывает ему бесперспективность будущего.

Вторая фрустрационная характеристика маргинальности зависит от веса и значимости блокирующих факторов, которые порождаются окружающей человека макро-, мезо- и микросредой. В новых изменившихся условиях люди не всегда понимают, почему окружение отвергает их притязания или по крайней мере ставит их под сомнение. И чем сильнее стремление идентифицироваться с новой средой, тем сильнее становится сопротивление этой среды — производственной организации, бытового окружения, контактных групп в процессе межличностного общения.

Данные ситуации порождают парадоксы, когда человек видит препятствия только в непосредственном окружении (в микросреде) и не отдает отчета в том, что на сложившуюся ситуацию влияют более мощные факторы в виде довлеющих в обществе социально-экономических и социально-политических отношений. Иногда это неприятие, противостояние и противопоставление, достигающих степени враждебности, намеренно культивируется правящими (нередко политическими) силами, для которых выгодно направить недовольство маргинальных групп в другое русло, канализировать этот протест (осознанный или стихийный) так, чтобы он в максимально меньшей степени затрагивал их, привлекал их внимание. Так, интересы беженцев и переселенцев нередко искусственно противопоставляются интересам тех людей, которые живут рядом с ними (особенно это проявляется в малых населенных пунктах, в сельской местности), хотя их социальная неустроенность по большому счету зависит не от них, а от официальной миграционной политики.

Третья фрустрационная характеристика маргинальности касается ее показателей: ощущений гнетущего напряжения, тревожности, отчаяния, гнева. Они достаточно наглядно фиксируются в процессе опросов общественного мнения по злободневным проблемам жизнедеятельности людей. Маргинальные группы в этой ситуации часто ведут себя настолько парадоксально, что трудно предугадать направления изменения их социального настроения — от подавленности, примирения со сложившейся ситуацией до возможной агрессии. К этой группе можно отнести также явления ригидности, т.е. затрудненности в изменении намеченной программы деятельности в условиях, объективно требующих перестройки. Так, те же крестьяне, решившие стать горожанами, с одной стороны, понимая, что им следует вписаться в новые условия, вырабатывают свой план действий. Но с другой стороны, они не могут (или испытывают серьезные затруднения) реализовать свои конкретные планы, ибо они не всегда располагают возможностями перестроить свои представления об окружающем мире, перенося на него шаблоны, стереотипы из прежнего мира, построенного на ином мировосприятии.

Четвертая фрустрационная характеристика маргинальности связана с измерением таких показателей жизнедеятельности, как величина и масштабы ощущения дискомфорта и неблагополучия, наличие хотя бы малой надежды на достижение приемлемых целей и идеалов, насколько потеряна ориентация в реализации своей цели, в стабилизации своего социального положения, видит ли человек хотя бы какие-нибудь средства выхода из сложившейся ситуации. Следует учесть, что, если обстоятельства загоняют человека в угол, в тупик, он может или смирится, принять навязываемый им алгоритмы поведения или пойти на противоправные акции, чтобы таким образом разрубить гордиев узел невозможности согласовать мотивы и результат деятельности.

Пятая фрустрационная характеристика маргинальности заключается в том, что она имеет способность консервироваться. Это означает, что те, кто потерял надежды или усомнился в преодолении блокирующих воздействий, замыкаются в кругу себе подобных, образуя некое сообщество со своей специфической субкультурой. Этот полиатив, являясь временным выходом и кажущийся благоприятным, лишь усугубляет положение маргиналов, ибо он в данной ситуации символизирует не менее реальный парадокс: с одной стороны, ощущение более благоприятного положения, социальной защищенности, с другой, потеря (или уменьшение) перспектив интеграции в ту среду, полноправными членами которой они хотели быть.

В заключение, рассматривая маргинальность как социальное поле фрустрации, следует отметить, что *в среде маргиналов высок уровень невротизма — состояния, характеризующегося эмоциональной неустойчивостью, обидчивостью, тревожностью, низким уровнем самоуважения*, которые восходят и коррелируют собственно с неврозами — нарушением адаптационных возможностей к окружающей среде, «срывами личности в ее общественных отношениях» (В.А. Гиляровский, 1973). В данном случае мы обращаем внимание не на клинические неврозы (это удел медицинской науки), а на их социальное значение, хотя при системной характеристике эти аспекты трудно отделить друг от друга. *Все три основные формы неврозов — неврастения, истерия и невроз навязчивых состояний* [19] — поражают маргиналов в большей степени, чем людей с относительно устойчивым социальным положением.

Неврастения в социальном аспекте имеет тенденцию превращаться в депрессию — в аффективное состояние, характеризующееся отрицательным эмоциональным фоном, изменением мотивации, когнитивных (связанных с познанием) состояний и общей пассивностью сознания и поведения. Этот вид клинических и социальных отклонений особенно распространен в среде вынужденных переселенцев и беженцев.

Истерические формы социального невроза проявляются в виде неадекватной реакции на внешние раздражители, выраженные в различных формах агрессии, в общественных акциях протеста.

Что касается *неврозов навязчивых состояний*, то они наиболее отчетливо проявляются в виде различных фобий, отражающихся в трудно преодолимых переживаниях конкретного содержания. Человек находится в таком случае в парадоксальном состоянии: с одной стороны, он осознает необоснованность своих страхов, переживаний, с другой — не может отделаться от гнетущего дискомфорта, несогласованности мотивов и результатов, ощущения невозможности реализации важных для него планов. Эти страхи, например у беженцев, поддерживаются как реальными, так и мнимыми трудностями, причем значение надуманных серьезно преувеличивается, абсолютизируется, а иногда становится доминантным [20].

В целом все три основные группы неврозов характеризуют, по мнению В.Н. Мясищева, такое «психическое заболевание, в основе которого лежит неудачно, нерационально и непродуктивно разрешенное личностью противоречие между нею и значимыми для нее сторонами действительности» [21].

Все это позволяет сделать вывод, что познание сущности, проблем и путей преодоления маргинальности связано с осознанием и применением знаний, которые накоплены при изучении, объяснении и понимании фрустрационных процессов и явлений парадоксальности.

Примечания

1. См. *Аболин Л.М.* Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань, 1987; *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990; *Анциферова Л.И.* Человек перед лицом жизни и смерти // Российский менталитет. М., 1997; *Беспарточный Б.Д.* Общественное мнение как фактор регуляции. М., 1999; *Васильев Г.Н.* и др. Проблемы индивидуального и коллективного разума. СПб, 1998; *Василюк Ф.Е.* Психология переживания, Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984; *Гримак Л.П.* Общение с собой Начала психологии активности. М., 1991; *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1983; *Пузанова Ж.В.* Одиночество (Опыт философско-социологического анализа). М., 1998; *Тощенко Ж.Т., Харченко С.В.* Социальное настроение. М., 1996
2. Подробнее см.: *Українське суспільство: 1992—2006.* Соціологічний моніторинг. Київ. 2006; Десять лет одиночества /Отв.ред. Г. Погосян. Ереван, 2000.
3. См.: *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2000. С. 327.
4. *Мониторинг* общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1998. № 6; *Вестник* общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 6. С. 70.
5. По данным Левада-Центра, в 1998 г. страх испытывал каждый четвертый (24%), в 2006 г. — каждый седьмой (13%).
6. *Вестник* общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 6. С. 66.
7. Там же. С. 73.
8. См. *Левашов В.К.* Социополитическая динамика российского общества. 2000—2006. М., 2006. С. 460.
9. *Россия* на рубеже веков. М., 2000. С. 195.
10. *Горшков М.К.* Указ. соч. С. 340—341.
11. См. подробнее: *Попова И.П.* Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996.
12. *Стариков Е.* Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4.
13. *Атоян А.И.* Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Полит. исслед., 1993. № 6. См. также: *Махмутов Т.А.* Маргинальность в общественных трансформациях. М., 2003.

14. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социол. исслед. 1999. № 9.
15. *Рашковский Е.* Маргиналы //50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М., 1989.
16. *Поляков В.И.* Проблема маргинализации в контексте безработицы. Социально-психологический аспект // Безработица в России. М., 1993; *Руткевич М.Н.* Процессы социальной деградации в российском обществе // Социол. исслед. 1998. № 6; *Сигарева Е.П., Хасаев Г.Р.* Региональная безработица: опыт социологического исследования. М., 1997.
17. *Вавилина Н.Д.* Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2000.
18. *Вынужденные мигранты и государство.* Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1998.; *Миграция* и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г. Витковской. М., 1998.
19. *Краткий психологический словарь.* М., 1985. С. 203.
20. Интересный анализ современных фобий содержится в исследовании: *Нетерпимость* в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М., 1999.
21. *Личность* и неврозы. М., 1960. С. 241.

Глава 8

Кентавр-проблема как особая форма парадоксальности

Да — рыночной экономике, нет — рыночному обществу.

Жиска́р Д'Эсте́н,
президент Франции (1974—1981)

В XIX—XX вв. естественные, социальные и гуманитарные науки обнаружили ряд специфических парадоксов. Их определяли различными терминами (понятиями). Долгое время казалось, что речь идет о разной их природе, об их несопоставимости и несочетаемости. Физики называли их волной-частицей и пространством-временем, биологи — фенотипом-генотипом, психологи — сознательным-бессознательным, лингвисты — синхронией-диахронией, математики — бинарной системой исчисления, писатели — потоком сознания, новым романом, художники — коллажами, инсталляциями, ассамбляжами, музыканты — классической — легкой музыкой, искусствоведы — ренессансом — барокко и иконологией — иконографией, историки — подвижной — неподвижной историей, философы — феноменологией — структурализмом, юристы — авторским правом — свободой слова [1].

Со временем выяснилось, что при кажущейся несравнимости и несопоставимости явлений обнаруживается их удивительное единство, что позволяло говорить о феномене, имеющем общую, хотя и парадоксальную природу. В попытке осмыслить это наука вернулась к забытому термину, который ранее употреблялся в мифологии и литературе.

Речь идет о термине *«кентавр-проблема»*, который позволяет охватить единым понятием разнообразный класс процессов и явлений, встречающийся в познавательной и преобразующей деятельности человека.

На феномен кентавризма долго не обращали внимания или затрагивали попутно, в основном при анализе мифов. Этим объясняется то, что до сих пор нет научного анализа этого феномена, особенно если в общественной жизни обнаруживается сочетание несо-

четаемого в кентавр-явлениях, кентавр-процессах, кентавр-образах, кентавр-личностях.

Для обстоятельного анализа этого феномена совершим экскурс в прошлое.

8.1. Возможно ли сочетание несочетаемого?

Напомним миф Древней Греции: в фессалийских городах жило племя, мужчины которого никогда не спешили с коней. Этот образ породил представления о *кентаврах, сочетавших возможность объединения взаимоисключающих начал — человеческого и животного*. Миф о человеке-лошади, представлявшем собой нечто единое, воплощен в художественных образах («битва с кентаврами»), в символах-знаках («созвездие Стрельца»), в мифах, сказаниях. Образ кентавров вдохновлял античное искусство, к нему обращались художники эпохи Возрождения (П. Веронезе, Б. Шпрангер, Г. Рени и др.), нового времени (А. Бёклин, О. Роден, Л. Коринта, П. Пикассо) [2].

В канве рассуждений об этом феномене важно не забыть *одно принципиальное положение*: кентавр реально никогда не существовал: он — порождение фантастических представлений людей о неких мыслимых образах, явлениях и процессах. Образ кентавра отражал парадоксальное состояние сознания, порождавшего феномен, которого не было в реальном мире. Своеобразное осознание (представление) воображаемого мира воплощалось в образе, означавшем возможность совмещения несоместимого. Иначе говоря, *кентавр — воплощенная несовместимость разных начал, каким-то образом преодоленная, что можно представить как метафору сочетания несочетаемого*.

Каковы причины возникновения данного образа? Просто фантазмагорическое видение реального мира? Или ограниченность познавательных возможностей человека? Или компромиссное (алогичное?) объяснение исключительных, непознанных явлений? Если ограничиться одним приведенным примером, данное порождение человеческого разума можно отнести к разряду временных протуберанцев сознания. Но такое видение людьми окружающего мира отнюдь не исключение. Можно вспомнить о египетских *сфинксах*, представление о которых жило в древней Элладе в виде крылатой полудевы — полульвице, обитавшей в пещере возле Фив. В древней мифологии мы встречаем и такое уникальное явление, как *химеры*, — причудливее кентавров и сфинксов: голова льва, на спине вторая голова — козы, а хвост то ли змеи, то ли дракона.

Такие порождения разума присущи практически каждому народу. У славян *русалки — полудевы-полурыбы* широко представлены в

сказаниях, былинах, имеют хождение в рамках повседневной жизни. В мифологическом сознании русских, украинцев, белорусов живет *леший* (хозяин леса в шкуре со звериными атрибутами — рогами, копытами), *домовой* (старик, покрытый белой шерстью или превратившийся в кошку, собаку, иногда змею, крысу или лягушку), *водяной* (мужчина с чертами животного — лапы вместо рук, рога на голове), *кикимора* (злой дух, женщина-невидимка) и другие чудища народного сказочного воображения.

В религиозной мифологии мы встречаемся с *ангелами* — человекоподобными существами с крыльями, которые несут людям добро, благие вести, поддерживают в трудную минуту. Средневековая история сохранила представление об образах людей, которые обращались для их носителей бедами — *колдунах*, *ведьмах*, воплощавших в себе человеческие и нечеловеческие начала. С ними жестоко расправлялись — убивали, сжигали на кострах, изгоняли.

Анализируя данное проявление человеческого разума, можно возразить, что эти примеры совмещения несовместимого существуют в воображении людей, в мифологии, в сказках тех времен, когда человек не научился выделять себя из окружающей природы, когда он и все вокруг него сливалось в образ неделимого мира. С точки зрения научного знания любой биолог скажет, что человек и конь (змея, лев, коза и т.д.) — существа разнородные, что у них разный набор хромосом и как виды они генетически несовместимы. Значит ли это, что кентавры существуют только в фантазии и никакого отношения к реальному миру не имеют? Но зачем, для чего человеческий разум создал такие образы? Только из-за ограниченности познавательных возможностей?

Более обстоятельный анализ свидетельствует, что в ходе познания окружающего мира человечество столкнулось с необходимостью дать объяснение не просто определенным противоречиям, их специфическим проявлениям, получившим название парадоксов, а их *особым формам реального существования*, по своей сути отражавшим проблему, возникшую в результате сопоставления данных наблюдения (опыта, исследования) и их мысленного анализа.

Приведем пример элементарных частиц атома, которые можно назвать микрокентаврами — электронами, позитронами. В самом деле, как представить себе, что элементарные частицы одновременно олицетворяют и частицы и волны, что противоречит не только классической физике, но и здравому смыслу, который отвергает такую двойственность как физическую бессмыслицу. А сколько драм сопровождало путь этого вывода, ибо ум ученых и их эксперименты долгое время отвергали возможность существования такой парадоксальности. Великие мыслители Макс Борн, Альберт Эйн-

штейн, Эрнест Резерфорд много лет не могли осмыслить противоречивость открытых ими явлений. Лишь Луи де Бройль, а затем Нильс Бор рискнули соединить несоединимое, согласно которому атом в нашем сознании предстал кентавром. Луи де Бройль доказал, что электрон способен пребывать в двух ипостасях — частицы и волны. Это была революция, положившая начало новейшему физическому мировоззрению [3]. Для объяснения этого явления Н. Бор обосновал принцип дополнительности, объяснявший «кентавристую» природу атома исходя из двух взаимоисключающих подходов, которые взаимодополняли друг друга, создавая целостную картину исследуемого явления. Однако, как доказали многие зарубежные и отечественные ученые, этот принцип не может быть безоговорочно применен ко всем проявлениям природных процессов, а особенно общественных.

Перечисляя проявления кентавр-проблем, можно привести пример суждения, а потом доказательства, осуществленного В. Гейзенбергом, внешне абсурдного утверждения: А, умноженное на В, может не равняться В, умноженному на А. Перечень таких феноменов в истории науки, ее поисков и экспериментов можно продолжать. Наряду с этими казусами существовали и такие, которые подбрасывала сама природа, например феномен НЛО (неопознанные летающие объекты), таящие в себе много взаимоисключающих положений, отраженных в столь же взаимоисключающих суждениях.

Д. Данин в книге-раздумье «Неизбежность странного мира» рассуждает: если бы человек смог двинуться в путь (только вперед) по Вселенной, через энное время он пришел бы в исходную точку, с которой начал свое путешествие. Абсурд? Нет, мы имеем особый случай (правда, гипотетический) парадоксальности, который отражает невозможность представить в нашем видении мира сочетание несочетаемого [4]. Иначе говоря, в новой истории открыты явления, которые нельзя объяснить противоречиями процесса познания. *Наука столкнулась с реальными казусами, которые опровергали существовавшее прежде знание и которые в отличие от представлений о лешем или ведьме не исчезали.*

При анализе кентавр-проблем обратим внимание, что художественная мысль давно ввела в оборот приемы, характеризующие способность человеческого мышления распознавать и создавать сочетания несочетаемого, если это служит раскрытию странностей истории, человеческой жизни. Со времени Эллады известен стилистический прием *оксюморон* — «остроумно-глупое» — сочетание несочетаемого по смыслу. Так, у Л. Толстого мы находим «Живой труп», у И. Тургенева — «живые мощи», у А. Блока — «жар холод-

ных чисел», у А. Ахматовой — «Смотри! Ей весело грустить такой нарядно обнаженной!». Согласитесь, у нас не возникает возражений против таких словосочетаний, мы не называем эти образы вздором, нелепицей, не испытываем недоумения, напротив, восхищаемся сравнениями и необычным словесным мастерством. А чем как не оксюмороном является празднование в России Старого Нового года?

Подводя итог, можно сказать, что *открыты реальные явления в мире (в основном, в микромире, а в дальнейшем в обществе), которые предстали в общественном, групповом или индивидуальном сознании кентавр-проблемами*, внося коррективы в осмысление и трактовку многих ситуаций общественной жизни.

8.2. Кентавр-проблема как форма проявления парадоксов общественной жизни

Прежде всего ответим на вопрос: случайно ли рассматриваемое нами явление, имеет ли оно локальный во времени и пространстве характер, или оно порождено более глубокими, чем это кажется на первый взгляд, причинами? И оправдано ли употребление в данном случае понятия кентавр-проблема?

На наш взгляд, мы встречается с особым классом феноменов общественной жизни, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как «сочетание несочетаемого». Попытка выявить сущность и специфику каждого феномена потребовала осмыслить специфические моменты, которые как реальность духовной жизни человечества на предшествующих этапах его развития осмысливались или трактовались с иных позиций по сравнению с постулатами современной теории познания. Исследование кентавр-проблем позволяет обратить внимание на малоизвестные и спорные проблемы природы познания и преобразовательной деятельности, их взаимодействия, выявить ряд особенностей соотношения знания и реальности, условия достоверности и истинности знания.

Почему в общественной жизни образуются кентавры? Как их преодолевать и решать? Если анализировать симбиоз взаимоисключающих ориентацией в сознании и поведении человека или групп людей, то кентавризм можно объяснять по-разному. Прежде всего, еще раз напомним, что *кентавр — особая форма противоречия, особое проявление парадоксов*. Это не просто противоречие, которое присуще общественному или групповому сознанию. Это такое состояние сознания (и знания тоже), которое отражает сочетание несочетаемого, т.е. разум не может объяснить одновременное существование

двух (нескольких) взаимоисключающих начал. Следовательно, мы встретили класс явлений и процессов, которые имеют характерные особенности в познании мира.

Во-первых, кентавр-проблема является особенной, специфической, но не исключительной формой парадоксальности, которая существовала на всех этапах развития человечества. Современное состояние общественного сознания и деятельности не избавляет от самых разных проявлений кентавризма. Более того, по мере проникновения в макро- и микромиры, в тайны общественной жизни мы все больше встречаем явлений и процессов, которые на прежнем уровне и при существующих методах познания невозможно объяснить.

Во-вторых, кентавр-проблема отражает особый случай поиска ответа на непознанные объективные процессы. Они, как правило, возникают на стыке науки и практики, где наши познавательные возможности по каким-то причинам ограничены. По мнению М. Поланьи, рождению парадоксов (кентавр-проблем) немало способствует отсутствие «логического моста» между теорией и фактами, ибо «в каждом акте сознания присутствует (в качестве насущно необходимого элемента знания. — Ж.Т.) страстный вклад познающей личности» [5]. Теория неявного знания М. Поланьи объясняет многое в возникновении противоречий в различных типах знания [6].

В-третьих, для познания кентавр-проблемы очень важно применение принципа неопределенности, ибо она может проявлять себя по-разному. Процессы, связанные с открытием принципа неопределенности, позволили Л. Ландау утверждать, что «человек в процессе познания природы может оторваться от своего воображения, он может открыть и осознать даже то, что ему не под силу представить» (курсив наш. — Ж.Т.). Кентавр-проблема может существовать на подсознательном уровне, когда человек не подозревает, что является носителем парадоксального сознания и поведения. То, что он обладает кентавристическим сознанием, очевидно для исследователя, а не для самого человека, который почти всегда не замечает свою противоречивую позицию, демонстрирующую иррациональный потенциал реально функционирующего сознания. Не менее редки ситуации в природе и обществе, когда встретившиеся исследователю феномены не могут быть объяснены предшествующим знанием. Тогда на первый план могут выйти интуиция, гипотезы (нередко внешне абсурдные), ассоциации, когда решение проблемы в одной области знаний может быть перенесено и апробировано в другой, даже при кажущейся недопустимости такого приема.

В-четвертых, особые трудности возникают при встречах не с естественнонаучной, а с социальной, политической, духовной кентавр-проблемой. Исследуя феномен семантического дифференцира-

ла, В.Ф. Петренко показал, что у многих людей на уровне восприятия социалистических и либеральных ценностей происходит их смешение; на этой основе происходит создание кентавристических образований, которые трудно поддаются логическому объяснению [7].

В-пятых, кентавр-проблема имеет ярко выраженную тенденцию к росту своих проявлений в период деформации общественных отношений, нарушенных социальных связей, нестабильности. В период кардинальных общественных изменений она в определенной степени становится нормой, характерной для сознания и поведения людей.

И наконец, незнание или игнорирование кентавр-проблемных ситуаций в обществе обрекает политиков и обслуживающие их консультативные центры на ложные выводы, создает условия для провала их действий, особенно тогда, когда они продолжают мыслить по принципу линейности развития, не видя не только противоречий, но и парадоксальности многих ситуаций.

Что касается изучения вновь открытых противоречий объективной реальности, уместно заявить: их выявление и обоснование существенно обогащает теорию познания. В частности, нуждается в уточнении то, как соотносится кентавр-проблема с законом единства и борьбы противоположностей, с универсальной формулой диалектики, которая допускает, предполагает, а порой и требует преобладания одного из противоборствующих начал над другим.

8.3. О типологии социальных кентавр-проблем

Особенно трудно объяснимы ситуации, когда научное познание сосредоточено на проблемах общественной жизни, представляющих перед нами своеобразными социальными кентаврами. Внимательный анализ окружающей действительности вынуждает нас признать факт постоянных встреч с кентаврами. Они рождаются, функционируют, окружают нас повсеместно. Но с одной поправкой. Они проявляют себя в наших представлениях о непонятных и непознанных нами процессах и явлениях. Сам объект исследовательского интереса не всегда осознает свою «кентавричность».

По этой причине осуществим попытку классификации кентавр-проблем. В новейшей истории их специфической характеристикой стало то, что они проявились не в процессе умозрительных рассуждений, а обнаружены в природе и в обществе: были открыты *феномены, которые человек представлял для себя, для общества, для науки в виде кентавр-явлений, кентавр-процессов, кентавр-образов, кентавр-личностей.*

Первую группу образуют кентавр-явления. Что, например, представляют собой современные российские профсоюзы? Это соединение двух групп — работодателей и работников, интересы которых разноплановы, разнонаправлены и имеют противоположные ориентации. Попытки их примирить или соединить в органическое целое ни к чему не приводят (или дают кратковременный эффект). Противоположность интересов объясняет то, что профсоюзы в этом кентавр-явлении ничего собой не представляют, занимают соглашательскую, компромиссную позицию и в реальной жизни не защищают интересы большинства. Или отражают точку зрения предпринимателей, подмявших под себя профсоюзы. Попытки построить независимые профсоюзы не получили распространения: в настоящее время по сути они не отличаются от традиционных для СССР профсоюзов. И таковыми они будут до тех пор, пока не разделятся на социальные объединения (союзы), выражающие интересы однородных групп. В этом смысле исследовательские программы призваны исходить не из того, как примирить или соединить неразрешимые противоречия, а признать принципиальные различия, несовместимость и по-иному выстраивать взаимодействия между ними [8].

Не менее кентавристична современная свобода слова. Практически она используется только теми, кто имеет деньги и власть, т.е. эта свобода реальна для ограниченного круга, а остальной массе доступна гипотетически. Люди (в своей массе) могут высказать мнение только в непосредственном окружении, но его результативность при этом фактически нулевая. Довести свое мнение до сведения аудитории через телевидение, радио или газеты рядовому гражданину невозможно — доступ ограничен или закрыт, ибо в сфере воздействия на общественное сознание оперируют обладатели политического влияния и/или экономических возможностей. Но постоянно провозглашаемая свобода слова создает эффект присутствия. Поэтому 40% россиян полагают, что имеют возможность использовать свободу слова (В.Э. Бойков, 2004). Создается кентавр-явление — «свобода слова в обществе, в котором большинство фактически лишены этой свободы», что мало отличается от вековых традиций российского общества [9].

Перечисляя кентавр-явления, обратимся к примеру формирования новых акционерных и частных предприятий. Они создавались по принципу: бывшим нефтяникам — нефтяные компании, бывшим машиностроителям — их заводы, бывшим банкирам — банки. Более того, многие топ-менеджеры государственных предприятий создавали параллельный бизнес. Кентавр-объединения, построен-

ные на взаимоисключающих началах, завершали существование одинаково: оттянув на себя заказчиков, финансы, доводили «чужое предприятие» до краха. Оно прекращало существование, часто оставаясь должником вновь выкормленного «упыря» [10].

Что характерно для кентавр-явлений?

Во-первых, они предстают как факт, который произошел, соединив взаимоисключающие начала. Эти начала имеют принципиальное значение и чаще всего характеризуются несовместимостью интересов вовлеченных в него людей, социальных групп с взаимоисключающими социально-экономическими и политическими целями.

Во-вторых, кентавр-явления предстают как совмещение несовместимых начал. История (включая современную) знает, что для осуществления акций, особенно в борьбе за власть, объединялись и объединяются взаимоисключающие по установкам и целям партии, союзы, организации. Так, перед парламентскими и президентскими выборами 2007—2008 гг. возник невообразимый союз-коктейль крайне радикальных правых и ультра радикальных левых сил с целью противостоять официальной политике президента, гласно направленный на кардинальное изменение его внешнеполитического курса и внутренней политики.

В-третьих, кентавр-явления выражаются через внешне несовместимые с привычным представлением акты поведения людей, обладающих большим привлекательным эффектом. Например, поход Ельцина в районную поликлинику в период борьбы за власть и против советских привилегий был по сути и форме абсурдом. Он был рассчитан на внешний эффект, ибо этот акт никогда не стал нормой жизни Ельцина и его близких. И это действие сопровождалось армией журналистов, что подчеркивало абсурдность происходящего.

И наконец, кентавр-явление помогало скрывать или камуфлировать сущность происходящего, того, что составляет содержание события, процесса. В этом смысле авторы монетаризации льгот в конечном счете реализовывали принципы крайнего либерализма, пытаясь навязывать народу представление о его благе. Они не только ничего не поняли, но и обиделись на «быдло», которое «не понимает своего счастья».

Вторую группу кентавр-проблем образуют кентавр-процессы, характеризующие последовательность протекания тех или иных актов, действий. Возьмем, к примеру, процесс становления демократии в России. Для одних — это самодовлеющая ценность, ради которой можно пожертвовать всем. Для других — возможность

ущемить стоящих на пути, и ради этого можно обозвать противников коммунистами, националистами, «дерьмократами» и даже патриотами, понимая патриотов как негодяев. Для третьих — это возможность без всяких помех захватить куски чужой собственности, применять любые («демократические») пути сохранения власти. Для четвертых — это сращивание преступных капиталов с властью, стремление обелить себя, перейти в иное «благопристойное» состояние. Для такого сорта людей характерны ссылки на то, что многие капиталы в США были изначально преступными, но унаследовавшие их стали добропорядочными гражданами. Реально в России стал формироваться авторитарно-демократический кентавр: демократия для «элиты», демократически припудренный авторитаризм для остальных [11].

Какие черты характеризуют кентавр-процессы?

Во-первых, кентавр-процессы можно разделить по сферам общественной жизни — экономика, политика, социальная и духовная жизнь. Так, для современной России характерны уникальные хозяйственные структуры. Бывшие колхозы и совхозы, предприятия, организации фантазмагорически соединяют социалистические и капиталистические начала, приемы социальной защиты, социальных гарантий, производства, управления. Порой такие кентавры-предприятия более жизнеспособны, устойчивы, чем их аналоги, держащиеся принципов только либеральной или только социалистической экономики [12].

Во-вторых, кентавр-процессы можно разделить по стадиям их зарождения, развития и затухания (прекращения действия) или дальнейшего развития. В этом смысле типична концепция конвергенции, которую долгое время отвергали как совмещение несовместимого. Сравнивая развитие капитализма и социализма, многие ученые не противопоставляют одну систему другой, а изучают возможности их взаимопроникновения, взаимообогащения. Реалии ряда западноевропейских стран показали, что в них в определенной степени реализованы социалистические и капиталистические принципы хозяйствования, общественной жизни. Выросло поколение людей, в том числе в нашей стране, которые убеждены в совместимости социалистических и либеральных начал. Их сознание, согласно исследованиям социологов, фиксирует общее этих мировоззрений — признание инициативы, поиска, необходимости социальной защиты, веру в технический прогресс и др. Люди видят нечто объединяющее взаимоисключающие позиции и дополняют их тем, что считают рациональным, значимым, важным в

двух разных подходах. На этой основе получается кентавр-процесс, хотя в данном случае можно объяснять его существование и распространенность, а не просто констатировать парадокс. Следовательно, кентавризм в сознании и поведении человека можно преодолеть через поиск общих (и значимых) характеристик. В случае теории конвергенции можно говорить о начале сочетания несочетаемого.

Третью группу кентавр-проблем образуют кентавр-образы. Возьмем существующий Гимн России. Сохранив величественную музыку А. Александрова, С. Михалков в третий раз модифицировал слова. В результате наряду с отголосками социалистических идей усилен патриотический (националистический?) аспект с примесью одного из догматов религии — упоминанием бога (в светском государстве?!). Чем не кентавр-образ, который должен говорить о сущности государства, его основах, нацеленности на исторические задачи, а на деле являет причудливую смесь взаимоисключающих начал?

Образ жизни в российском обществе вынуждает сделать неутешительный вывод. С одной стороны, миллионы заняты своей работой и ведут жизнь, состоящую из обычных человеческих действий. С другой стороны, общество посредством СМИ навязывает иной стандарт жизни — богемный или девиантный. Телевизионные программы, радиопередачи, страницы газет и журналов полны восторженных рассказов о жизни киноактеров, спортсменов, банкиров, удачливых людей, и в то же время в них присутствуют очерки из жизни преступников, проституток, бандитов. А где описание жизни тех, кто растит хлеб, строит дома, делает машины, стоит у кульмана, проводит эксперименты, учит детей? В результате у подрастающего поколения искажено представление о реальности, складывается желание вести жизнь, совмещающую несовместимое. Это приводит к массовым трагедиям, отклонениям, преступлениям. А иначе быть не может: это пропаганда «халявного» образа жизни («выиграть миллион», получить неизвестно откуда взявшееся наследство, обмануть, убить, ухватить) или лжеромантики (продать душу или тело, но иметь деньги и успех).

Экраны и страницы заполнены сообщениями о конкурсах песни среди заключенных, уголовников, а информации о самостоятельности людей, которые ежедневно, постоянно ведут трудовую жизнь, растят детей, создают материальные и духовные блага и услуги, почти нет. Никто не против воспитательного воздействия на уголовников, но если забывают нормальных людей, не стоит удивляться росту кентавристских намерений и желаний.

Какие черты характерны для данного типа кентавр-проблем?

Во-первых, кентавр-образы иррациональны по сути, ибо являясь соединением не просто взаимоисключающих, а враждебных начал, убивающих друг друга. Выход из преступного мира, наркомании, проституции так же редок и необычен, как возвращение новых русских к жизни простого труженика. Мудро присловье: «Вышедшие из народа возвращаются в него только по приговору суда» (и то не всегда).

Во-вторых, кентавр-образы создаются под воздействием эмоциональной компоненты. В сознании людей провоцируется зависть, жажда богатства без должного и упорного напряжения в работе, стремление выделиться любым способом, болезненная реакция на неоправдавшиеся усилия. СМИ, гляцевые журналы порождают у части молодежи желание быть такими же, как герои страниц и экрана. Все средства хороши — важна цель: быть богатым, стать объектом поклонения, потребителем благ, которыми обладают избранные. Но СМИ молчат о тысячах загубленных жизней вследствие завышенных, авантюрных ожиданий.

В-третьих, у кентавр-образов значителен зрительный потенциал. Это в равной мере относится к богатым (дворцы, в которых они живут, курорты, где они отдыхают, одежда, которую носят и т.д.), так и к девиантным группам (особый стиль поведения, татуировки, репертуар песен и т.п.). Этот зрительный ряд продуцирует типы жизни, где огромную роль играют внешние эффекты, а не рациональное восприятие действительности.

Четвертую группу составляют кентавры-личности. Они воплощают в себе несовместимые на первый взгляд черты, что фиксируется многими исследователями.

Возьмем как пример заводчика-фабриканта **Савву Морозова**, видного представителя общественной жизни России конца XIX—начала XX в. То, что наряду с успешным хозяйствованием он серьезно поддерживал деятелей культуры, меценатствовал, вряд ли удивительно. Труднее объяснить его дружбу с большевиками, помощь деньгами революционерам. Одни пытались объяснить эту странность незаурядного человека капризом, прихотью, которые он мог позволить себе. Другие считали это эпатажем, вызовом своему окружению, а также образу жизни и ценностям, которые он не разделял. Третьи писали о кознях большевиков: они, мол, обманули, ввели в заблуждение, надули Морозова.

Но, может быть, С. Морозов кентавр? Его сознание и убеждения — яркий образец сочетания несочетаемого, но с позиций понимания действительности, которое преобладало тогда и которое продолжает во многом доминировать. Ведь до сих пор многие не

могут представить, как могли уместиться в одном человеке разные стили мышления, взаимоисключающие ценности и ориентации, парадоксальные поступки.

А как, например, объяснить парадоксы сознания и поведения композитора мировой известности *С.И. Танеева* (1856—1915) который был человеком неверующим и не скрывал этого. Но в то же время он создал знаменитые духовные произведения: оратории «Иван Дамаскин» и «По прочтении псалма», которые были связаны с православной тематикой. Он постоянно ездил в Берлюкову пустынь близ Богородска (ныне Ногинск), затем в Черниговский скит неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. «Задача каждого русского музыканта, — считал он, — способствовать созданию национальной музыки». Поясняя эту мысль, он писал, что музыкантам нужно найти законы развития русской народной музыки, которая развивалась в основном в двух ее видах: как песенная и как церковная [13].

Подобные примеры, когда человек живет в одном измерении, а исповедует идеи, отрицающие его происхождение, образ жизни окружающей среды, постоянно проявляются в реальности. Невозможно закрывать на них глаза. Парадоксальное, «кентавристическое» сознание и поведение характерно для многих исторических деятелей. *Т. Мор* (1478—1535), один из утопистов-социалистов, будучи канцлером Англии с 1529 по 1532 г. и занимая другие важные посты в государстве, проповедовал идеи, несовместимые с его статусом и служебным положением.

Таким же кентавром был христианский подвижник, автор большинства православных песнопений *Иоанн Дамаскин* (ок. 675—753), ни много, ни мало министр у калифа, естественно, мусульманина. Последний высоко его ценил и с большим сожалением расставался, когда Иоанн уходил в пустыню монашествовать.

Кентавристическим сознанием и поведением можно объяснить феномен перехода после Октябрьской революции многих представителей дворянской и буржуазной культуры на позиции поддержки пролетарской диктатуры и Советского государства. Перейдя на позиции Советской власти, многие не отказались от уклада жизни и ценностей, которые исповедовали: они считали возможным служить новым идеалам, хотя последние нередко исключали первые. Они не поносили прежние ориентиры, не отказывались них. Более того, они пытались следовать им (образ жизни, обслуга, понятие чести и достоинства, отвержение мещанства и т.д.). Возможно, сочетание несочетаемого, т.е. кентавризм, и привели многих из них к трагическому финалу в конце 1930-х гг. По мнению их преследователей, здесь было только двуличие, сознательное сокрытие истин-

ных намерений, нежелание содействовать социалистическому строительству, быть «как все».

Кентавры есть и в сегодняшней жизни. Чем не кентавр предприниматель-коммунист? Если «нормальное» мышление отказывается признавать возможность сочетания несочетаемого, предпринимателя-коммуниста можно подозревать во всех смертных грехах: в симуляции (той или другой позиции), в фальсификации, в выполнении задания «беречь деньги партии», в желании подстраховать себя на случай прихода к власти коммунистов и т.д. Но это не объясняет еще один феномен: во фракции КПРФ в первой Государственной Думе процент предпринимателей был не меньшим (а во второй большим), чем в других фракциях, даже тех, кто претендовал на представительство либеральных взглядов («Яблоко», «Наш Дом — Россия», СПС). В этой связи примитивизм мышления демонстрировали ультралиберальные и ультралевые политики и журналисты, взявшись поносить депутатский корпус коммунистов, саму партию, якобы предавшую идеалы «истинного» марксизма. Они повторяют малограмотных деятелей Советской власти 1930-х гг., только с противоположным знаком, считая себя покорителями вершин истины. Кстати, это лишний раз подтверждает, что обладание информацией не гарантирует от кретинизма. Еще в Ветхом Завете, в книге Екклесиаста, сказано: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познание, тот умножает скорбь».

Быть кентавр-личностями — удел многих участников смены общественно-экономических и политических основ функционирования общества в России, тем более что, полагает академик Б. Раушенбах, «всякий нормальный человек рождается с задатками кентавра» [14].

Личностный кентавризм выявлен социологическими исследованиями парадоксов современной общественной жизни. Суть данного феномена в том, что в условиях рыночных экспериментов массовым стало явление, когда один и тот же человек, одни и те же группы одновременно придерживаются взаимоисключающих социальных и политических суждений, ориентаций, одновременно исповедуют противоположные, противоречащие друг другу установки. Причем это не является чем-то умышленным, нарочитым или фальсифицирующим состояние индивидуального, группового или общественного сознания. Люди искренне не замечают вопиющего противоречия своих установок. Один и тот же человек может быть одновременно социалистом и либералом, интернационалистом и шовинистом, монархистом и республиканцем. Иначе говоря, они

являются своеобразными кентаврами, совмещающими взаимоисключающие взгляды и убеждения.

Сомнительны попытки политиков и прислуживающих им аналитических центров делить население (людей) на сторонников социализма или либерализма, монархистов или республиканцев, патриотов или интернационалистов. Реальные люди являются во многом кентаврами, воплощая в сознании и поведении взаимоисключающие взгляды и мировоззренческие ориентации.

8.4. Эвристический потенциал кентавр-проблемы

Для выяснения сущности и содержания выявленных типов кентавр-проблем применим несколько принципов. Приступая к их изложению, еще раз подчеркнем, что кардинальные изменения в российском обществе привели к появлению новых характеристик общественного сознания и социальной практики, отличающихся от предшествующих состояний на предыдущих этапах их развития и функционирования. Данное положение принципиально в плане методологии их изучения. Ее применение к кентавр-проблемам может привести к принципиально иным результатам и кардинально иному объяснению происходящего. Как отметил Ю.Р. Вишневский, такой подход, например, в социологии молодежи позволит объяснить взаимоотношения поколений не с позиций передачи и усвоения опыта старших поколений, а с позиций преобладания в поведении молодежи кентавристических начал. Это не мешает ей быть естественной, не считать себя ушербной и многообразно проявлять себя [15].

В определенной мере это присуще сознанию и поведению большинства современных россиян, действующих в рамках общества, региона, города, села, или организации. Массовые всероссийские опросы позволили выявить кентавристические ориентации значительной части населения. «Часть тех, — утверждает Л.А. Беляева, опираясь на данные всероссийских исследований 1994, 1998, 2002 гг., — кто высказывается за реформы, одновременно поддерживает плановое ведение хозяйства, а те, кто против реформ, выступает за рыночную экономику» [16]. Может быть, многие социальные процессы, рассмотренные с этих методологических позиций, дадут нам более достоверное знание?

Прежде всего, принцип *дополнительности (комплементарности)* [17]. Именно в образе кентавра человек и конь дополняют друг друга, и это дополнение создает принципиально новый образ, не сводимый к двум его составным частям. Он имеет самостоятельное

значение и живет самостоятельной жизнью. Как указывалось выше, этот принцип был применен Н. Бором при объяснении парадоксов микромира, а с определенными оговорками он может быть использован при объяснении общественных явлений.

В кентавр-проблеме взаимоисключающие начала дополняют друга. Здесь принцип дополнительности предполагает, что социальное явление, процесс, образ могут быть объяснены и интерпретированы с различных, даже взаимоисключающих позиций, в целом образующих единый феномен. Так, человек может быть интернационалистом и шовинистом одновременно. В одном случае выясняется его отношение к одной или двум проблемам и фиксируется, например, тяготение к интернационалистским убеждениям («я уважаю права каждого народа на свою культуру и язык»). А по другой проблеме человек демонстрирует националистические, шовинистические убеждения. Он считает их истинными для себя, искренне убежден в их достоверности («буду убивать людей конкретного народа» и указывается какого). Несмотря на взаимоисключающие позиции, сознание человека и общественное сознание представляют единое, целостное образование, которое можно расчленить в процессе познания, чего не может сделать субъект — носитель этого сознания. Так, принцип дополнительности, признавая существование взаимоисключающего восприятия социальной действительности, все же предполагает, что в рамках общего подхода противоположные позиции необходимо исследовать, ибо только так достигается более полная и всесторонняя характеристика изучаемого процесса, явления, образа, личности. Такой подход позволяет полнее, более системно и всесторонне представить явление или процесс, обладающие иными характеристиками, чем составляющие его элементы.

Таким образом, принцип дополнительности, признавая существование взаимоисключающих восприятий социальной действительности, все же предполагает, что в рамках более общего, единого, цельного подхода эти противоположные позиции позволяют более полно, системно и всесторонне представить явление (или процесс) как обладающее уже иными характеристиками, чем составляющие его элементы.

Для объяснения и решения кентавр-проблемы возможно использование концепции **конвергенции**. Это понятие широко используется в естественных науках, а в общественных науках, в общественной жизни она зазвучало сравнительно недавно. Сравнивая развитие двух мировых систем — капитализма и социализма, многие ученые пришли к выводу, что нужно говорить не о вообще той или

иной системе, а об их взаимопроникновении, взаимообогащении, сближении. В СССР эту проблему в ее общественно-политическом обличье во всей ее планетарной значимости поставил академик А.Д. Сахаров. Правда, следует отметить несколько трактовок понятия конвергенция.

Что касается общественного сознания, то суть особенностей применения концепции конвергенции заключается в том, что при объяснении такого феномена, как сочетание в мировоззрении людей несочетаемых социалистических и либеральных взглядов, этот парадокс разрешаем следующим образом. Можно предположить, что сознание человека специально акцентировано на тех моментах, которые являются общими для всех действующих мировоззрений — признание ими инициативы, поиска, свое хотя и особое понимание социальной защиты, вера в технический прогресс и ряд других некоторых общих характеристик. В этой ситуации человек видит нечто объединяющее эти две взаимоисключающие позиции, и дополняет тем, что он считает рациональным, значимым, важным из этих двух разных подходов. Вот на этой основе и получается кентавр, хотя в таком случае мы уже можем объяснить его существование и распространенность, а не просто исключительность и парадоксальность. Следовательно, кентавризм в сознании и поведении человека может быть преодолен через поиск некоторых общих (и значительных) характеристик, которые можно рассматривать с точки зрения теории конвергенции как начало в преодолении сочетания несочетаемого.

Решить кентавр-проблему в сознании и поведении людей можно и на *основе дуализма, антиномий*, когда признаются истинными оба взаимоисключающие друг друга суждения и представления. Причем, оба они могут быть доказаны при помощи достаточно убедительных аргументов. Но они могут сосуществовать друг с другом только в той мере, когда не предусматривают взаимное устранение одного из них; наоборот, они предполагают их возможное одновременное функционирование. Так, в общественном сознании ярко проявляет себя два взаимоисключающих утверждения: открытие и использование термоядерной энергии как благо и в то же время как трагедия, источник возможной катастрофы, вплоть до уничтожения всего человечества. Иначе говоря, научное знание нередко вопреки своему величию и гордости за человеческий разум приносило и может принести неисчислимые беды.

Огромное значение при решении кентавр-проблемы принадлежит *принципу консенсуса*. Кентавр — это метафора компромисса, но компромисса особого рода, когда все (подчеркнем — все!) участни-

ки приходят к единодушному решению. Здесь важны не принцип большинства, не принцип «народ всегда прав», не подчинение меньшинства большинству, не тем более подавление одной точки зрения другой, отвержение ее, замена господствующей (особенно если она исходит от носителей власти и богатства), а принцип согласия (согласования интересов) всех без исключения участников того или иного процесса.

Это весьма сложный и весьма трудоемкий процесс, ибо гораздо легче добиться подчинения «меньшинства» «большинству», чем достичь единодушия. Современный мир уже выработал определенные принципы консенсуса, не позволяющие довить одной позиции над другой даже под флагом большинства. Яркий пример тому — работа Совета Безопасности ООН. Конечно, эти принципы работы громоздки и сложны, порой непредсказуем, порой кажутся запутанным и абсурдным, но, как показала жизнь, в большинстве случаев следование ему страховало мир от многих ошибок. Надо особо отметить, что результаты консенсуса становились ясными спустя некоторое время, а не в тот период, когда происходило достижение согласованного решения.

По этой модели начинают работать не только международные объединения. Такой стиль постепенно становится нормой для экономических и политических организаций, предпринимаются попытки сделать этот принцип достоянием и других сфер общественной деятельности. И хотя реализация такого принципа чрезвычайно сложна, противоречива, нередко парадоксальна, но, как показывает опыт, весьма плодотворна.

Не менее важен четвертый принцип решения кентавр-проблемы — *компромисс*. Основное его назначение — достижение соглашения путем взаимных уступок. Это понятие достаточно близко к понятию консенсуса, но имеет и самостоятельное значение, ибо не всегда и не во всем удается достичь приемлемого для всех согласия. Но именно на его достижение ориентирован и компромисс. Во-первых, компромисс предполагает, что часть проблем может остаться «за кадром», снято с обсуждения, отложено на будущее, но не в ущерб принципиальным вопросам, ради которых договариваются участвующие. Во-вторых, стороны в той или иной мере уступают друг другу, в результате чего вырабатываются позиции, которые являются иной сущностью, чем те, которые были заявлены изначально. Очевидно, что российско-украинский договор, регулирующий взаимоотношения двух стран, несмотря на жесткую критику со стороны как крайне правых, так и крайне левых сил в обоих государствах, по своей сути представляет рацио-

нальный, взвешенный компромисс, который решает основной вопрос о взаимоотношениях двух стран, в то же время оставляя в стороне многочисленные проблемы, существующие в настоящее время (Черноморский флот, Крым, вопрос о языке, некоторые территориальные споры). Искусство компромисса заключается в том, чтобы ни одна из сторон не чувствовала себя ущемленной, ограниченной в своих правах.

Не менее важно то, чтобы взаимные уступки не выхолостили суть решения принципиального вопроса, в противном случае очень скоро выяснится, что он «не работает». Примером тому являются принятые на основе компромисса решения о функционировании СНГ — за 15 лет его существования принято около 2500 документов. Почти все они, будучи приняты на основе компромисса, оказались пустыми декларациями, не способными на деле решить ни один вопрос, ибо был выхолощен их здравый и рациональный смысл. Соглашения такого рода вряд ли можно назвать компромиссом — это скорее соглашательство, которое никогда никому не приносило пользу. Более того, оно всегда чревато непредвиденными последствиями, за которыми нередко таилось зло, некомпетентность и недоверие.

Возможно, прав был писатель Д.А. Данин, который в 1948 г., готовя книгу «Неизбежность странного мира», написал: «Можно напроорочить, хотя бы шутки ради, что когда-нибудь возникнет целая наука — кентавристика. Ее предметом будет тонкая структура парадоксов (и многое другое)» [18].

Примечания

1. См.: *Чучин-Русов А.Е.* Возвращение кентавров // *Общественные науки и современность*, 2004, № 4. С. 164; *Гуцаленко Л.А.* Факторы и диалектика социального кентавризма // *Социол. исслед.* 2007. № 3.
2. См.: *Мифы народов мира*. Т.1. М., 1987.
3. *Трофимов Д.* Век Нобилия: люди и проекты // *НГ-Наука*. 2000. № 11. 20 декабря.
4. *Данин Д.* *Неизбежность странного мира*. М., 1964.
5. *Поланьи М.* *Личностное знание. На пути к посткритической философии*. М., 1985. С. 19.
6. Подробнее см.: *Диалектическое противоречие*. М., 1979; *Ильенков Э.В.* *Диалектическая логика*. М., 1984. С. 16.
7. См.: *Петренко В.Ф.* Семантический дифференциал в политическом поведении россиян. М., 1998; *Тондл Л.* *Проблемы семантики*. М, 1975.
8. Проблемы профсоюзного движения описаны и проанализированы научным коллективом, возглавляемым Э.В. Клоповым и Л.А. Гордоном.

- См., например: *Социологический* калейдоскоп. Памяти Л.А. Гордона, М., 2003, и др.
9. О проблемах многоаспектной трактовки свободы см.: *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
 10. См. подробнее: *Дубровинский А.* Техасская дуэль и русская рулетка // Новая газета. 2005. № 10.
 11. *Третьяков В.* Нужно ли спасать демократию? // Комсомольская правда. 2004. 4 ноября.
 12. См.: *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000.
 13. Цит. по: *Баранов Ю.* Парадоксы Танеева // Литературная газета. 2006. № 51.
 14. *Раушенбах Б.* Кентавр и не кентавр // Вестник РГГУ. Вып.1. Кентавристика: опыт сочетания несочетаемого. М., 1996. С. 73.
 15. *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Парадоксальный молодой человек // Социол. исслед. 2006. № 6.
 16. *Беляева Л.А.* Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социол. исслед. 2001. № 6.
 17. *Бор Н.* Жизнь и творчество (пер. с дат.) М., 1967; *Данин Д.С.* Нильс Бор. М., 1978.
 18. *Данин Д.* Старт кентавристики // Вестник РГГУ. Вып.1. Кентавристика: опыт сочетания несочетаемого /Под ред. Д. Данина и Д. Хубовой М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 19.

Глава 9

Фантомы общественного сознания и поведения

«Просвещение надо внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития» (Из устава градоначальника Беневоленского).

«История одного города»
М.Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889),
русский писатель

В процессе анализа парадоксов общественного сознания и поведения был выявлен еще один специфический их феномен — *фантомы, под которыми имеются в виду явления, олицетворяющие специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие непредвиденное воздействие на политические, экономические и социальные процессы*. Носители этих форм активности обладают гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, неограниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе). В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками они представляют весьма специфический ряд политических и общественных деятелей, представителей финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в современной жизни России в условиях коренных политических и экономических преобразований.

Нужно отметить, что фантомные явления, которые в латентном виде существовали всегда, в любую эпоху и в любом государстве, в период ломки устоев общественной жизни имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, оказывающее весьма осязаемое влияние на происходящие в обществе процессы. Причем их влияние носит в основном деструктивный характер, проявляется на всех уровнях социальной организации, вплоть до самого низового звена нашей жизни — там, где мы работаем и живем.

Именно в 1990-е гг. возродились на новой основе специфические формы общественного сознания и поведения — фантомы разного мас-

штаба и калибра. Как заметил известный публицист Ю. Богомолов, когда рухнул советский строй, появилась «как в сказке — чертовщина с первыми петухами. Первым откуда-то взялся Кашпировский с его сеансами целительной силы. Затем на нас свалился Жириновский с его политической клоунадой, потом Мавроди с его финансовыми фокусами, вслед Невзоров и Доренко с их информационными медитациями. За ними на общественном поприще появилось совершенно паранормальное явление — олигарх Борис Березовский» [1]. Такие своеобразные всплески не остались незамеченными: в публицистике, в политической риторике понятия «фантомы» стали применяться к некоторым экстравагантным фигурам современной общественной деятельности и эксцентричным игрокам политической сцены. Этот класс явлений можно сравнить со своеобразными протурберанцами, возмущающими политическое и общественное пространство. Кто только не «прокукарекал» в 1990—2000-е гг. в политике, экономике и даже культуре, а потом сгинул, оставив после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память о себе. А ведь некоторые из них занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения. Например, по данным А.В. Кинсбургского, который сравнивал 100 политиков, представлявших верхний эшелон власти в 1993 и 2003 гг., оказалось, что в этом списке через 10 лет осталось всего 13 персонажей [2].

В процессе обстоятельного анализа парадоксальности сознания и поведения были выявлены такие феномены, которые не могли быть объяснены имеющимися данными, в том числе и социологическими. Этот анализ подсказал автору, что во всех имеющихся теоретических и прикладных разработках нет ответа на вопрос о появлении в рамках парадоксальности таких явлений, которые вырываются из ровного или относительно устойчивого состояния общественного сознания, олицетворяя некие исключительные, фантомные личности, которых в таком объеме и в таком воздействии на общественную жизнь ранее не знала наша страна [3]. Наряду с этим возникает и чисто гносеологический вопрос: а насколько уместно и оправдано употребление слова «фантомы» при анализе общественного сознания и социальной практики?

Для этого остановимся прежде всего на использовании этого понятия в научной лексике, политической и литературной речи.

9.1. Что такое фантом?

Слово «фантом» в словаре В.И. Даля объясняется как картины, явления, фантазмагии или как кукла, на коей изучают повивальное искусство. На первом значении сосредоточивает свое внимание

С.И. Ожегов, трактуя фантом как «причудливое явление, призрак» [4]. В Академическом словаре русского языка фантом трактуется в трех смыслах: как призрак, привидение; как вымысел, игра воображения; как модель тела или части его в натуральную величину, служащая наглядным пособием [5]. В «Психологическом словаре» представление о фантомах связывается с фантомными болями в послеоперационном или последующем этапе жизни после контузии, ранения, операции, когда нет, например, руки или ноги, но человек в определенные моменты чувствует их через боль как реально существующие [6]. И хотя последнее определение апеллирует к узкопрофессиональному лексикону (в данном случае к медицинскому), мы сталкиваемся с особым явлением, когда физической реальности нет, но в то же время ее мнимое существование является объективной реальностью, так как приносит вполне осязаемые переживания и чувства.

Практически аналогично протекают и фантомные воспоминания о некоторых событиях в жизни человека, когда они заставляют болезненно переживать с такой же нестерпимой остротой, как и в момент их проявления в прошлом.

Иногда к разряду фантомов относят возникновение, существование и функционирование различных мистических обществ и организаций, внутренняя жизнь которых остается тайной не только для современников, но и для последующих поколений. А если случайно приоткрывается их жизнь, то ровно настолько, чтобы вызвать догадки и предположения, лишь усугубляющие атмосферу таинственности [7].

К этому набору определений нельзя относиться как к исчерпывающему объяснению всего многообразия этих специфических процессов и явлений в окружающем нас мире, особенно если мы приступаем к объяснению событий и в общественной жизни.

В настоящее время в реальной научной и политической лексике термин «фантом» стал все чаще использоваться для интерпретации процессов и явлений, выпадающих из обычного, принятого, признанного течения экономической, политической, социальной и культурной жизни. Употребление этого понятия в современной жизни вышло далеко за рамки того смысла, которым пользовались ранее.

Во-первых, это понятие ряд исследователей соотносит с появлением одиозных стран и режимов. Так, режим талибов в Афганистане, который, несомненно, был фантомом, явлением особенным, не стандартным, не укладывающимся в типичные представления о государстве. Некоторые аналитики политической жизни считают, что существование таких стран, как Никарагуа, Камбоджа, на опреде-

ленных этапах их развития представляли собой фантомы, которые олицетворяли весьма специфические и неприемлемые мировым сообществом формы политического правления и соответственно устройства общественной жизни [8]. К фантомам относят существование таких специфических государственных образований, как Косово, Приднестровская республика, Абхазия, Южная Осетия, которые никем не признаны, но тем не менее функционируют как самостоятельные политические образования. Своеобразный фантом представляет собой Нагорный Карабах, существующий как самостоятельная республика со всеми атрибутами независимой страны (президент, правительство, армия и т.д.) и в то же время как некий симбиоз с Арменией, во всем ее поддерживающий. Очевидно, что такое не может продолжаться вечно. И это признается даже участвующими в конфликте странами — Азербайджаном и Арменией.

Во-вторых, к фантомам относят «существование» многих политических партий. К примеру, в первой половине 1990-х гг. создавали информационный шум и примитивный, «кухонный» гвалт (не более) политические партии Константина Борового, Валерии Новодворской, Льва Убожко и других мифических персонажей. Затем появился целый ряд «демократических партий», организованных теми или иными деятелями, относящих себя к либеральному фронту. В 1990-х гг. «свои» партии были у каждого претендента на лидерство: Немцова, Кириенко, Хакамады, Юшенкова и т.д. Кроме того, существовало множество (число их доходило до 180) партий, назначение которых не всегда было ясно даже для их создателей. Эти партии-фантомы на деле никого и ничего не представляли. В лучшем случае они выражали настроение некоей столичной «тусовки» и амбициозных до болезненности людей. Они только засоряли политическое пространство страны, дискредитировали само предназначение политических партий как социальных институтов, дезориентируя общественное мнение. Лидеры этих «партий» из всех сил стремились привлечь к себе общественное внимание. При нашей дикой политической культуре и такой же дикой журналистской этике достаточно сказать что-то тоже дикое, несуразное, чтобы появиться на голубом экране и на газетных полосах [9].

События начала XXI в. подтвердили прогноз о фантомности этих партий. О них не только никто не вспоминает, о них забыли и сами «вожди» этих образований, многие из которых или бесславно и бесследно исчезли, как всякая чертовщина в сказке после первых петухов, или превратились в малозначительных, но иногда еще шумных фигур политического балагана.

В-третьих, фантомы особо наглядно стали проявляться в политической борьбе, в процессе избирательных компаний. Это происхо-

дит, когда в списках кандидатов в депутаты, мэров и губернаторов появляются двойники-однофамильцы, что позволяет им не просто отнимать определенное количество голосов от реального кандидата, но даже занимать 3—4-е места по итогам голосования. Такие методы оболванивания избирателей достигаются при помощи умышленного сознательного создания фантомных образов, которые имеют реальные результаты и оказывают реальное воздействие на ход избирательной компании [10].

В-четвертых, фантомность присуща и области правовых отношений, законодательству. Как отмечают специалисты, запрет на дискриминацию в том виде, в котором он существует в российском законодательстве, можно смело относить к разряду ***фиктивных прав, или прав-фантомов***, поскольку они, по мнению М. Левиной, «практически лишены содержания, не расшифрованы в законодательстве и не применяются на практике». В конечном счете, это одна из причин формирования в России «иерархии граждан с различным уровнем правового статуса» [11].

В-пятых, феномен фантомов используют в идеологической борьбе. Как утверждает В. Сендеров, при идеологической обработке умов огромное значение имеет терминология: фантомные понятия рождаются и набирают силу именно в языке. Это особенно наглядно проявляется при выработке тоталитарных идеологий: удачный выбор терминов, слов — во многом залог победы. Однако такой выбор вовсе не прост: слова-«удачники» должны обладать набором далеко не тривиальных качеств, в частности быть практически неуязвимы для критики. Для этого фантомные понятия должны «почти адекватно» описывать реальность. Так, чтобы не было возможности назвать их просто вздором, а критика не требовала бы содержательных и оперативных объяснений — и оказывалась, тем самым, абсолютно неэффективной в борьбе за умы. Далее, всепобеждающие слова должны выбираться так, чтобы их критика казалась предосудительной морально, и, таким образом, до ревизии, даже малоэффективной, дело бы просто не доходило [12].

Так, в советское время население поголовно веровало в деление мира на социализм и капитализм. При этом социалистический мир, что бы в нем ни происходило, был, безусловно, лучше капиталистического, поскольку в нем отсутствовала эксплуатация человека человеком. Эти глобальные фантомы дополнялись не менее значимыми: в идеологической работе КПСС интенсивно использовались такие клише, как «строительство коммунистического (развитого социализма) общества», «социальное равенство», «прогрессивное человечество», которые по своей сути были идеологическими фантомами. Они увлекали миллионы людей, хотя оказались призраками, не выдержавшими испытания исторической действительностью.

Фантомность в идеологии нового российского государства также довольно четко прослеживается. Как пишет поэт и публицист И. Голубничий, «главная трагедия современного российского общественного сознания (включая все социальные слои) состоит в том, что настоящая, реальная жизнь у нас, вольно или по чьему-то умыслу, всегда оказывается подчиненной тем или иным умозрительным построениям, которые к тому же чаще всего оказываются несостоятельными. Рассуждая (часто некомпетентно и безответственно) о том, что должно быть, мы забываем о том, что реальная жизнь вовсе не обязательно должна соответствовать нашим измышлениям и идет по своим неведомым законам» [13].

Противоречия между реалиями жизни и самыми «лучшими» концепциями порождают фантомы идеологического характера. Так, в 1990-е гг. и поныне в массовое сознание упорно вколачивалась мысль, что «свобода слова» или «рыночная демократия» являются необходимым и неизбежным условием всяческого «прогресса». В результате средства массовой информации были оккупированы полуобразованными, озлобленными и зачастую невменяемыми людьми; и то общественное мнение, которое ими формировалось, вполне соответствует нашему деморализованному и ожесточенному сознанию.

Самым поразительным во всем этом было то, что за «свободу слова» более всего ратовала значительная часть литераторов и журналистов, т.е. людей, которые, как никто другой, должны были понимать, что слово — оружие огромной силы, разрушительной или созидательной в зависимости от того, в чьих руках оно находится. Это все равно, как если бы профессиональные военные ратовали за свободное пользование военной техникой. В результате сложилась ситуация, когда знаменитая степень доверия людей к печатному слову упала практически до уровня ее отсутствия, а профессии литератора и журналиста оказались низвергнутыми из сферы творчества в сферу услуги частных интересов и манипулирования общественным сознанием и, как результат, пользуются вполне заслуженным стабильным презрением у простых людей. Со временем многие сторонники «свободы слова» на себе испытали ее воздействие: их вышвыривали (или отказывались от их услуг) тогда, когда собственникам по тем или иным причинам не нравилась позиция пишущего человека. Кроме того, эта «свобода слова» оказалась свободой слова для избранных, ибо любая попытка высказать свое мнение не для «допущенных» к данному «котлу» пресекалась самым жестоким образом. И наконец, эта свобода стала мощным средством для манипулирования. Это ли не пример фантома, которого нет, но он, как фантомная боль, продолжает существовать?

В-шестых, феномен фантома не обошел науку. Он выразился в многочисленных попытках:

1) вернуться к различным видам паранаучного и псевдонаучного знания;

2) ревизовать социальное и гуманитарное знание.

Что касается паранаучных фантомов, то они возродились в виде многочисленных измышлений об НЛО, о вечных источниках энергии, о новых перпетум мобиле и т.д. и т.п., которые, как и ранее, не выдерживают испытания ни логикой научной мысли, ни тем более экспериментальными разработками. Что касается вторых, то фантомность мышления проявилась в претенциозных попытках искать происхождение и культуру отдельных народов чуть ли не с палеолита или доказывать приоритет одного народа над другим. Достаточно привести, например, фантомную историю, созданную Фоменко и его учениками, которые так квалифицируют деятельность всех представителей исторической науки: «...они несколько сот лет неизвестно чем занимаются. Сколько книг, сколько диссертаций впустую. Сколько сил потрачено на изучение «фантомных» ... событий». «В традиционной исторической науке преобладает строго определенный, заранее заданный и, можно сказать, субъективный подход к осмыслению событий прошлого» [14]. Но, в свою очередь, они создают свои фантомы, которые не выдерживает элементарного сопоставления не только с работами историков последних столетий, но всей известной истории человечества. Кстати, следует отметить, что в реальном общественном сознании эти опусы оцениваются достаточно здраво: они воспринимаются не как реальная история, а как некие фантазии и даже приключения на историческую тему.

И, наконец, понятие «фантом» употребляется при объяснении как реальных, так и чисто гипотетических проблем в сфере культуры. Так, С. Земляной, анализируя творчество Георга Лукача и Бертольда Брехта, считает, что они волей-неволей в 1930-е гг. способствовали рождению фантома в виде советской литературы, что нашло отражение в письме Б. Пастернака Н. Асееву: «Отличие современной советской литературы от всей предшествующей, кажется мне, более всего в том, что она утверждена на прочных основаниях независимо от того, читают ее или не читают. Это — гордое, покоящееся в себе и самодовлеющее явление, разделяющее вместе с другими государственными установлениями их незыблемость и непогрешимость. Литература, которая не зависит от превратностей чтения, — это сильно, хотя и непонятно: современность живет под знаком смерти автора и диктатуры читателя». По мнению С. Земляного, такое состояние подходит к понятиям «фантом» или

«кентавр социалистического реализма», в котором соединились как идеологические, так и эстетические потребности. Но именно их ущербность и привела к тому, что данный феномен исчез, так и не выдержав испытания временем, хотя оно оказалось достаточно продолжительным [15].

Иногда понятие фантомов используется и при анализе проблем художественной культуры, анализе способов и методов объяснения тех или иных литературных произведений. Так, при рассмотрении «Пиковой дамы» с позиций сравнительного анализа подхода А.С. Пушкина и П.И. Чайковского А. Хомутов рассуждает о призраках и фантомах этой оперы, высказывая сугубо личное отношение к целому комплексу вопросов: и содержанию, и трактовкам, и даже издательским усилиям [16].

Итак, обзор различных трактовок и представлений о фантомах в общественной жизни позволяет определить их как:

- 1) необычное явление, имеющее исключительную специфическую форму своего проявления;
- 2) аномальное явление, не вписывающееся в привычные, одобряемые обществом формы организации социальной жизни;
- 3) резко деструктивные процессы, тормозящие или дискредитирующие существующие правила функционирования;
- 4) не просто несопадающие действия, а конфронтирующие с окружающей реальностью, умышленные, провоцирующие акции;
- 5) противоречия между желаемой и реальной жизнью, когда субъективные устремления противостоят объективным тенденциям общественного развития.

9.2. Суть и содержание фантомов общественного сознания и поведения

Анализ существующих точек зрения, которые отражают осмысление особенных случаев различных экономических и политических реалий, мало или совсем не касается такого специфического явления, как фантомы общественного сознания и поведения, характерные для значительной группы политиков и общественных деятелей, представителей финансово-экономических кругов, функционеров СМИ, которые олицетворяют некие всплески, некие аномальные явления, характерные для 1990-х годов. Иначе говоря, **понятие «фантом» в настоящее время серьезно изменилось** и включает в себя достаточно разнообразный класс процессов и явлений в общественной сознании и поведении.

Во-первых, появились мистики, серийные убийцы с философским складом ума, угры-насилыники, наемные киллеры, количество которых значительно возросло, хотя их появление с трудом поддается объяснению. В этой связи некоторые исследователи считают своей «сверхзадачей в творчестве раскрытие тех внутренних бездн, которые таятся в душе человека» [17]. *Во-вторых, появились фантомные лица на политическом и общественном поприще*. Кто только не занимался эпатажем за последние 15 лет в политике и экономике, а потом сгинул, не оставив никакой памяти о себе. А ведь некоторые из них занимали умы россиян и были в первых строчках при исследовании общественного мнения. Поэтому не удивительно, когда опрос студентов РГГУ в 2001 г. показал, что 17—20-летние уже никак не реагируют на такие имена, как Бурбулис, Шахрай, Шумейко и т.д., хотя в недавнем прошлом эти люди вершили судьбы страны. В принципе это понятно — в начале 1990-х гг. нынешние студенты были детьми, и их не заботили «взрослые», гражданские проблемы. Но почему названные деятели внезапно появились и почему также стремительно исчезли со страниц текущей истории общества и государства, предстоит осмыслить. Мы вправе задуматься и попытаться выявить сущность и латентные причины, приведшие к появлению этих фантомов в российской жизни вообще и особенно в политике.

Что касается *причин*, то появлению фантомов общественного сознания и поведения *способствовали объективные тенденции развития российского общества*. Распад СССР привел к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей десятков миллионов людей. Исчезла не только страна — исчезла база того мировоззрения, на которую опирались люди в своем взаимодействии с обществом, с государственными и производственными организациями, с коллегами, друзьями, соседями по месту жительства, со всем окружающим миром. Это привело к тому, что произошло изменение сознания людей, явный или скрытый отказ от многих ценностей и установок, с которыми они жили ранее. Но мировоззрение как ключевое звено в сознании достаточно консервативно: оно продолжает аккумулировать в себе приверженность к прошлому, одобрение и критику настоящего и неуверенность в будущем, вернее, в способах реализовать цели, намерения и интересы.

С другой стороны, происходящие изменения, связанные с приходом в нашу жизнь рыночных отношений, *породили и стимулировали появление таких людей, которые в силу личностных социально-психологических особенностей увидели в изменившейся обстановке*

возможность не просто изменить свою жизнь, а претендовать на более высокий общественный статус, официальное положение и признание. Часто это происходило в условиях неадекватной оценки собственных возможностей и способностей, что только обостряло ситуацию в виде претенциозных высказываний и действий, экстравагантных притязаний на исключительность и гениальность. Нередко такое сознание и поведение диктовалось желанием компенсировать свое прежнее непризнание (как они считали) в советском обществе и поэтому претендовали не на просто реабилитацию, а на возмещение прежних, как им казалось, унижений и ущемлений и зачастую — на всеобщее признание и восхищение их прежним «героизмом».

Что касается *содержания* этого явления, то в условиях неустойчивых общественных процессов, в ситуации кризиса, в силу сложившихся обстоятельств *фантомные персонажи характеризуются следующими чертами:*

- *особой позицией по отношению к основным или отдельным, но важным проблемам политической жизни;*
- *стремлением пробиться или обладать капиталом (финансовыми ресурсами);*
- *жаждой навязать свое видение общественных проблем и даже осуществить попытки его реализации;*
- *претензией на обладание славой — действительной или мнимой, виртуальной или случайной.*

Не следует сбрасывать со счета и такую характеристику, как *амбициозные цели*, выражающиеся в особенных характеристиках их носителей. Иначе говоря, данная категория людей демонстрирует особое явление в общественной жизни, некие фантомы, протуберанцы, которые вырываются на относительно уравновешенном поле общественного сознания в виде исключительных и специфических явлений, «возмущающих» своим поведением, своими действиями общественную жизнь, но в то же время навязывающих обществу свое видение и свое понимание изменений, происходящих в нем. Их деятельность оказывает немалое (в ряде случаев значительное) влияние на принципиальные, основополагающие вопросы устройства государственной и общественной жизни.

Однако научный интерес представляет мировоззрение не всех категорий политических, экономических и других деятелей, а тех из них, кто обладает специфическими характеристиками, заключающимися, во-первых, в том, что их поведение полностью (или значительно) не совпадает (и даже противоречит) с тем, что интересует и волнует население страны, во-вторых, в предложении (и даже осуществлении) таких действий, которые как минимум можно

назвать эпатажными (если не сказать еще определеннее и жестче), в-третьих, в специфических личных особенностях.

9.3. Основные черты фантомных типов личности

Анализируя фантомы общественного сознания и поведения, следует обратить внимание на черты личности этого типа людей, при помощи которых они «засветились» на политическом, экономическом или социально-культурном небосклоне. Причем фантомные типы необходимо отличать от классического типа политических и общественных деятелей. Что касается последних, то они достаточно обстоятельно описаны в научной, в частности в психологической литературе [18]. Но с точки зрения социологии нам необходимо не описание конкретной личности, а выявление определенного типа — фантомов и соответственно основных их характеристик.

Во-первых, многим фантомным типам присуще неумное, неограниченное и даже патологическое стремление к обладанию властью. Власть для них становится самоцелью, ради которой они готовы сменить идеологические позиции, шагать через трупы, друзей превращать во врагов и наоборот. Этой категории людей присуща беспринципность, готовность пойти на всевозможные ухищрения ради обладания ею. Среди этих фантомов немало тех, кто жаждет власти, но в условиях прежнего (советского) режима, был ее лишен по тем или иным объективным обстоятельствам и субъективным причинам. И поэтому приход их к власти знаменовал своеобразный реванш, как показатель достижения вождельенной цели. Эта категория людей нередко жаждет мести над теми, кто, по их взглядам, препятствовал им занять «властные» позиции. Нередко среди них были и такие, которые в условиях советской власти были допущены к участию в руководстве политическими и общественными процессами, но считали себя обделенными, не достигших более высоких постов и более высокого социального положения, чем то, которое они занимали. С пониманием собственной «недооценки» они стремились (претендовали, рвались) к получению более ощутимых властных полномочий, чем они обладали в прежней политической системе.

Во-вторых, фантомным типам присуще явное или скрытое (недекларируемое) стремление к славе, к известности, к публичности. Для них людей важно быть на виду, претендовать на выражение общественного мнения, на приоритетное слово в политике, на социальном поприще. Болезненная реакция этих людей на любое

«умолчание», забвение их действий приводила нередко к эпатажу, к провокациям, возбуждающим общественное настроение. Такой тип личности готов на самые разнообразные акции, чтобы поддержать интерес к своей персоне и ради этого готовых осуществить такие действия, которые бы позволяли быть в центре общественного внимания.

Болезненное стремление к славе побуждало их участвовать во всех акциях, которая бы привлекали внимание любых аудиторий, желательно в больших масштабах. Этим можно частично объяснить «любовь» этих лиц к СМИ и особенно к телевидению, ибо оно позволяет донести их идеи и фантазии, а порой и бред до миллионной аудитории, тем более, что и телевидение в свою очередь (ибо и там было немало невменяемых персонажей) поддерживало их эпатажное поведение, видя в нем расширение своей аудитории, своей поддержки. Стремление к славе у этих людей выступает как самодовлеющая величина, поглощающая все умыслы, все желания, все время и все усилия.

В-третьих, показателем фантомного типа личности выступает патологическая жажда обладания богатством. И ради этого осуществлялись различные махинации, организовывались неблагоприятные, а порой и преступные акции, использовались различные лазейки и прорехи в законодательстве, мобилизовывались личные и групповые связи. И если в остальном мире богатство достигалось долголетней и упорной работой, то в постсоветской России были использованы самые разнообразные способы его достижения: создавались финансовые пирамиды, организовывались ваучерные и залоговые аукционы, всемерно практиковались угрозы и насилие вплоть до физического устранения конкурентов или просто стоящих на их пути людей, осуществлялись лжебанкротства, добывались неоправданные льготы.

Поэтому не удивительны такие феномены, как портфельные инвесторы (банкиры), которые добивались своего могущества за счет «игр» на финансовых рынках, многочисленных спекуляций, достигая, таким образом, поразительных масштабов богатства, не вложив ни одного рубля в производство, в созидание материальных и духовных ценностей.

И, наконец, нельзя сбрасывать со счета и личностные характеристики, которые выражаются через властолюбие, тщеславие, необузданные амбиции. Эти персонажи легко меняли свои политические убеждения и пристрастия, активно использовали метод «надевания чужих масок».

К этому следует добавить, что необходимо рассмотрение:

1) *притязаний*, которые являются специфической формой ценностных ориентаций. В отличие от всех ценностей эти притязания проявляются в стремлении: к богатству, что имеет следствием стяжательство, страсть к обогащению любой ценой; к власти, что порождает крайние формы властолюбия; к славе, что затем в гипертрофированной форме выражается в тщеславии;

2) *средств их достижения*, которые могут классифицироваться, во-первых, как легитимные, нелегитимные или их комбинация, во-вторых, как открытые и латентные, в-третьих, как стремление: иметь финансовые, экономические, материальные преимущества, привилегии по сравнению с другими претендентами (владение собственностью, банками, фондами, ценными бумагами и т.д.); получить государственные (политические) посты в органах власти или причастность к ней; быть лидером общественного мнения (претензия на олицетворение нужд народа или отдельных его групп), для чего создается политическая партия, общественное движение, лоббистские группы, и все они в той или иной мере претендуют на поддержку СМИ, особенно телевидения;

3) *какую роль* хотят играть исследуемые фантомы — защитников народных интересов; представителей корпоративных; четко выраженных личных (индивидуалистических) интересов; в этой связи важен анализ, как данный фантом позиционирует себя в политической борьбе (хотя политические взгляды в данной квалификации играют второстепенную роль);

4) *методов*, применяемых фантомами: этапаж; декларативные заявления; манипулирование, а нередко ложь и клевета; регуляторами деятельности фантомов могут быть также финансовые ресурсы, политические связи, степень идентификации с религией, этническими или корпоративными интересами.

Анализ этих характеристик необходимо осуществлять с учетом среды, на фоне которой реализуются эти притязания, средства и методы их реализации.

9.4. Опыт классификации фантомных типов личности

Что касается классификации фантомных типов личности, то остановимся только на тех из них, которые характеризуют специфичность и особенность некоторых проявлений их сознания и поведения. Эта первая предварительная оговорка. Вторая состоит в том, что мы берем для анализа не всех субъектов современного

исторического процесса, а только представителей власти и капитала, ибо эта среда дала практически все формы и виды фантомной деятельности. Таким образом, объектом нашего социологического анализа являются политические деятели, активные игроки рыночной экономики, представители СМИ, которые характеризуются специфическими, нетривиальными и аномальными (в современном смысле слова) формами сознания и поведения. Если еще больше конкретизировать задачи, то для социологии представляет интерес те общественно значимые черты как официальной, так и личной деятельности, которые оказывали и оказывают деструктивное влияние на ход государственной и общественной жизни России. Но так как они многообразны, требуется классификация фантомов общественного сознания и поведения на основе анализа ориентаций, установок и общественно значимых черт их носителей и определение их роли в происходящих изменениях в общественной жизни России.

Имеющаяся информация позволяет утверждать, что фантомы — неперенный атрибут переходного периода. Его нельзя изжить, игнорировать. Его необходимо познать и использовать это знание для ответа на злободневные вопросы развития России.

Следует особо подчеркнуть, что фантомность сознания и поведения многолика, многообразна. Фантомы как явление эпохи предстают перед нами во всем противоречивом обличье, так как причины, их порождающие, не являются однопорядковыми и однозначными. Но тем не менее можно с полной уверенностью утверждать, что именно фантомы наряду с парадоксальным человеком олицетворяют современную эпоху в нашей стране. Они являются мощным дестабилизирующим фактором. Опасность этого явления заключается также и в том, что они активны и самым губительным образом участвуют в манипулировании общественным мнением.

На наш взгляд, *наиболее перспективной для классификации фантомов общественного сознания и поведения является анализ таких основных черт (характеристик) как власть, слава, богатство*, которые в различных комбинациях образуют соответствующие фантомные типы личности. При таком подходе, т.е. анализе роли и места власти, славы и богатства в сознании и поведении этих типов личности возможна следующая классификация фантомов

Для первого типа важны все три основных притязания — богатство, власть и слава. Этому типу соответствуют такой своеобразный тип фантомного сознания и поведения, как «*бесы*», «*мутанты*», число которых значительно. Для них характерен следующий

алгоритм поведения. В течение значительной части жизни они придерживались одного мировоззрения, а затем — в период перелома — объявляют себя сторонниками прямо противоположных идей и убеждений. Причем, это отвержение происходит в форме не просто отречения, а их жесточайшей критики. При этом они претендуют на обладание властью, независимо от того, какую окраску она приобрела. Своими «оракульскими» открытиями они нередко попирают нравственные начала, ибо отказ от прежних убеждений превращается в распродажу этого отказа, торговлю новыми убеждениями и критики старых идей. Они не руководствуются христианской моралью, требующей, чтобы при изменении своей концепции жизни человек оставался наедине с Богом, со своей совестью и только с ними размышлял об изменении своей жизненной позиции. В ином случае эта мутация говорит не об изменении сознания и поведения, а о перерождении всех человеческих начал.

К этому типу могут быть отнесены *«имитаторы»*, *«эквилибристи»* и *«фарисеи»*. (Данную терминологию здесь и в последующем, на наш взгляд, целесообразно использовать как прием, посредством которого носителю тех или иных характеристик приписывается условное значение — термин, имеющий в публичной жизни то или иное значение и звучание, наиболее точно описывающих основные социальные характеристики фантомов.)

Второй тип преследует достижение богатства и власти. Особенно наглядно он воплощается в таком типе личности, который можно условно назвать так: *«авантюристы»*, *«хищники»*. Это идеология современных олигархов, различных комбинаторов и просто мелких жуликов, цели которых сводится к тому, что хищение, присвоение национального богатства оправдывается «заботой» о будущем страны, народа. Именно от них можно слышать такие утверждения, что, мол, построенные дворцы, накопленное богатство, хотя и принадлежит лично кому-то, но они все равно образуют национальное достояние, ибо они могут перейти и в другие руки, и что, мол, общество в конечном счете выигрывает от этого. Нередко «хищники» используют и такой прием: да, мол, первое поколение владельцев богатств (как, например, в Америке) — это поколение грабителей, но их дети, внуки (следующее поколение) — это достойные члены демократического общества. Опасность этого типа связана и с тем, что многие из них с получением экономического могущества начинают претендовать и на политическую власть.

Этой комбинации «богатство — власть» соответствуют такие типы, как *«ряженные»*, *«лицемеры»*.

Третий тип ориентирован на власть и славу. Ему соответствует «блуждающие форварды (шатуны)». Мы можем наблюдать многочисленные примеры «миграции» таких людей из одной партии (или общественного движения) в другую, затем в третью, четвертую и так до бесконечности. Причем почти всегда это сопровождается коренным изменением ранее провозглашенных принципов, отказом от прошлых приверженностей, славословиями в адрес новых предпочтений или выгодных для себя «открытий». И прикрывается подобное поведение тем, что очередные новые ориентации объявляются воплощением «гласа народа», отражением его чаяний и желаний. По сути же дела это участие в борьбе за власть, за капитал, за жажду удовлетворить амбиции за счет народа. Именно данной категории людей присуще осознанное поддержание парадоксальности поведения и сознания населения, ибо сулит немалые выгоды и приносит значительное приращение личного благополучия.

Эти черты проявляются также у «симулянтов», «информационных киллеров», «флюгеров».

Четвертый тип, для которого важна ориентация на славу и богатство, находит наиболее яркое воплощение в поведении «позеров». Их поведение — это поведение персонажей, неустанно изображающих «заботу» об общественном благе, которая очень образно проявляется, с одной стороны, в риторике, в безответственной болтовне (этому придается максимальное звучание), с другой — в накопительстве и грабеже бывшего народного достояния (такая деятельность тщательно скрывается). Все это сопровождается показухой, например оказанием помощи одному дому престарелых или одному детскому дому, одной спортивной команде или больнице. Как показывают результаты выборов, такая «забота» приносит весьма ощутимые дивиденды в виде депутатских мест или должностей глав администраций. Причем, этот тип личности болезненно реагирует на всякие признаки увядания внимания к их персоне: они готовы пойти на любые провокации, лишь бы поддержать к себе общественный интерес.

Ему соответствуют термины «прилипалы», «снобы», «лакеи».

Вместе с тем есть и особые типы фантомных персонажей, в сознании и поведении, преобладает одна из названных выше ориентаций.

Пятый тип устремлен только на достижение власти. Этот феномен многолик, многообразен, коварен. Для примера охарактеризуем поведение политических националистов. Именно они породили различные виды «независимостей», «сувернитетов» или

просто «подковерного» захвата власти. Они, с одной стороны, нередко декларируют общечеловеческие ценности — уважение к другим народам, признание их права на свой язык и культуру, но, с другой — в конкретных обстоятельствах осуществляют политику ущемления прав и свобод других народов, раздувают ксенофобию, а иногда являются вдохновителями убийств и унижений людей других национальностей, лишь потому, что они придерживаются иных взглядов и «мешают» устройству «своего» народа. Именно они являются вдохновителями морального насилия. Именно они возрождают социальные мифы, тасуют историю, «на научной основе» доказывают претензии к другим народам и государствам. Именно на этой основе формируется и поддерживается бытовой шовинизм. Аналогичные и схожие характеристики можно, при учете некоторых особенностей, дать *«шовинистам»*, *«квазидиктаторам»*, *«мочильщикам»* и прочим персонажам политической сцены, для которых характерно необузданное стремление к власти.

Шестой тип зациклен на том, чтобы быть в центре общественного внимания, приобрести возможно большую славу. Эта черта наиболее характерна для такого типа, который получил достаточно широкое распространение и который можно назвать *«геростратом»*. Этот фантомный тип личности готов пойти на все, ради того чтобы стать известным, осуществить любую акцию, вплоть до преступления, и только затем, чтобы приобрести известность, оказать впечатление, выходящее за рамки принятого, не исключая и того, чтобы вписать свое имя в века. Для этого они готовы разрушить страну, развалить организацию, сжечь дом и даже убить людей, стоящих на их пути, или просто для придания значения своим действиям. Данное фантомное поведение рождается у людей мнительных, самолюбивых до болезненности, уверенных в своей исключительности, неповторимости. Они не любят признавать поражения — для них весь путь усыпан победами и успехами, даже если они мнимые.

Проявляются эти пристрастия к славе у таких типажей, как *«флюгеры»*, *«фраера»*, *«инфантилы»*, *«оракулы»*, *«эпигоны»*.

Седьмой тип нацелен только на достижение богатства. Люди этого типа — *«маргиналы»* — пытаются поживиться тем, что осталось от прошлого, невзирая на то, имеет ли оно какую-то ценность для сегодняшнего дня или нет. Обстановка после распада СССР напоминает поле битвы, когда еще не ясно, кто победил окончательно, и что ждет участвующих в ней завтра. Но есть короткий перерыв, когда еще нет четкого представления о резуль-

татах боя. Именно в этих условиях возникает стремление (в условиях экономической и политической неопределенности) урвать побольше и быть убежденным в своей безнаказанности. И мародерствуют везде, лишь бы была бы выгода: и на экономическом поприще, и в политических дебрях, и в этноконфессиональных, и даже в сфере культуры.

В рамках этого типа можно рассматривать такие типы как *«товариши = товарищи + нувориши»*, *«жлобы»*.

Таким образом, анализ современного состояния общественного сознания и поведения позволяет говорить о многообразии фантомных типов личности. Переходной период обнажил эту противоречивость, сделал более определенной картину того, что мы сейчас собой представляем. Именно эта открытость, понимание сложившегося положения вселяет надежду, что правильно поставленный диагноз даст возможность преодолеть социальные недуги новой России. Кроме того, подобный анализ обогащает наши представления, наши познания об общественном сознании и поведении, выявляет неразработанные и не анализируемые аспекты духовного развития общества. На наш взгляд, это открывает новые горизонты теоретических представлений о сущности и содержания общественного сознания, обогащает наше знание о механизмах его превращения в реальную социальную силу, открывает новые возможности по объяснению противоречий общественного развития, особенно в переходной период.

Примечания

1. См.: *Известия*. 2001. 10 сентября.
2. *Кинсбургский А.В.* Трансформация структуры российской элиты в оценках экспертов. //Социол. исслед., 2003. № 9. С. 91.
3. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы общественного сознания и поведения // Социол.исслед. 2005. № 12.
4. См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., 1994, С. 532; *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991. С. 846.
5. *Словарь русского языка* /Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984. Т. IV. С. 513. См. также: *Новый словарь русского языка*. Толково-словообразовательный. Т. 2. М., 2000. С. 892.
6. *Психологический словарь* /Под ред. А.А. Давыдова и др. М., 1993. С. 388—389. См. также: *Универсальный словарь иностранных слов русского языка*. М., 2000. С. 603.
7. См.: *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России: исследования и материалы. М., 2000.
8. См.: *Известия*. 2001. 22 сентября.

9. *Кива А.* Близится конец «партий мертвых душ» и «партий-фантомов» / Независимая газета. 2001. 9 февраля.
10. *Известия.* 2001. 9 ноября.
11. Цит. по: *Петухов В.В., Пахомов Е.И., Седова Н.Н.* Права человека дискриминационные практики в современной России // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 40.
12. *Сендеров В.* Фантомы языка и политика // Вестник Европы. 2003. Т. VII—VIII. С. 210.
13. *Голубничий И.* Фантом идеологии // Предпринимательство, 2003, № 3, С. 118.
14. См.: *Бочаров Л.И., Ефимов Н.Н., Чачух И.М., Чернышев И.Ю.* Заговор против русской истории (факты, загадки, версии). М., 1998. С. 11, 222.
15. *Земляной С.* Лукач и Брехт как советские писатели // Независимая газета. 2002. 14 ноября.
16. См.: *Хомутов А.* Сравнительный анализ. СПб., 2003.
17. См.: *Версия.* 2001. № 19.
18. Подробнее см.: *Ракитянский Н.М.* Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М., 2001; *Он же.* Портретология власти. Теория и методология психологического портретирования личности в политике. М., 2004.

Часть III

Виды парадоксов

Глава 10

Парадоксы и противоречия экономического сознания и поведения

Жаль, что когда рынок победит окончательно, нас окончательно не будет.

М. Жванецкий, российский сатирик

Приступая к анализу экономических парадоксов, целесообразно напомнить и дать характеристику экономического сознания, его основных компонентов, которые нашли отражение в исследованиях экономистов, философов, социологов [1].

Экономическое сознание в истории человечества всегда отражало и отражает ситуацию, складывающуюся в сфере общественного производства, реагировало и реагирует (хотя не всегда адекватно) на изменения в социально-экономическом положении населения. Это сознание представляло и представляет собой один из основных видов понимания существующих общественных отношений и вместе с тем уровень знания, информированности и оценки происходящих сдвигов в сфере экономики.

Экономическое сознание включает в себе совокупность знаний, оценок, мотивов, ценностей, установок, настроений, овладевших умами людей и ориентирующих их в реальной жизни. Оно является отражением отношений собственности, распределения, обмена, потребления. Но эти отношения, как и все общественные отношения, сами по себе не изменяются. Всякое изменение, и особенно кардинальное, как бы это парадоксально не выглядело, начинается с изменения, перестройки сознания. Иначе говоря, объективные потребности, которые созрели, должны быть осознаны, пережиты, приняты общественным сознанием. Без этого процесса никакие изменения не будут закреплены, если они не найдут отклик в сердцах и думах людей.

При анализе состояния и тенденций функционирования экономического сознания большое научное и практическое значение имеет учет конкретных факторов, определяющих стиль мышления, убеждения, настроения людей. Они приобретают конкретные формы у различных социальных групп в зависимости от их положения

в структуре экономических связей, от исторической ситуации. Эти представления преломляются в сознании через призму социально-профессиональных, демографических и ряда других факторов. Многомерность, мозаичность, разнонаправленность и противоречивость экономического сознания, его связи с конкретными обстоятельствами жизни проявляются в различных формах активности, заинтересованности, творчества людей.

Тот факт, что сознание складывается, зависит и специфически отражает отношения собственности, распределения, обмена и потребления (и влияет на них), отнюдь не означает, что они все без исключения могут быть учтены, подвергнуты анализу, хотя именно теоретический, научный подход в этом и состоит. Но теория тогда сильна, когда она тесно взаимодействует с практикой. А практика, т.е. реальная жизнь, на первый план выдвигает вопросы и проблемы, которые актуальны именно для данного общества, для данных социальных групп людей, для определенного конкретно-исторического периода. А это требует нахождения того, что определяет как общую ситуацию в экономическом сознании, так и помогает выявить проблемы, в решении которых заинтересовано большинство населения. Правда, и практика бывает разной. Лукавая цифра, о которой писал В. Селюнин еще в годы перестройки, продолжает существовать и поныне, что находит отражение, в частности, в огромном различии между официальными статистическими данными и той реальной жизнью, оценку которой дают население и эксперты, и выводы которых почти всегда не совпадают, находятся в противоречии практически по всем основным проблемам экономической жизни.

10.1. Состояние и тенденции экономического сознания как продукт «трофейной» экономики

Состояние и тенденции изменения экономического сознания в современной России определяются отношением к идее и реалиям рынка, которые, как показывает жизнь, развиваются трудно, сложно, противоречиво.

До середины 1980-х гг. идеи рынка присутствовали в общественном сознании как нечто не касающееся окружающей работников и их семей действительности. Однако в ходе перестройки эти идеи постепенно овладевали умами и сердцами людей, все больше и больше ориентируя их на рынок, как на новую будущность. И особенно бурно этот процесс протекал в конце 1980-х гг. Этому способствовала деятельность созданной 5 июля 1989 г. Государст-

венной комиссии по экономической реформе при Совете Министров СССР под руководством академика Л.И. Абалкина, подготовившая к октябрю того же года программу, в которой впервые был официально сформулирован отказ от социалистических догм, признавался приоритет рынка над планом, говорилось о том, что для эффективной экономики необходимы свободные цены, конкуренция, фондовые биржи, конвертируемая валюта. Однако реальные события были далеки от провозглашенных идей [2]. Другими словами, на политическую арену в обстановке системного кризиса экономики выходила генерация людей, которая, по мнению А. Неклессы, могла быть охарактеризована как прообраз российского постиндустриального класса. И она могла реализовать свои наметки и программы, если бы инициативу не перехватила другая пассионарная группа, основной целью которой стала пропаганда а в будущем и внедрение «трофейной экономики», поучившей апробацию в других странах, главным образом в США [3].

Сторонники «трофейной экономики» умело воспользовались «горбачевскими» потугами, построенными на интригах и немислимых комбинациях просто несочетаемых амбиций. Народ все больше и больше убеждался, что лидер партии и государства шел не в голове событий, а плелся в их хвосте, стараясь успеть за логикой перемен и все больше и больше от них отставая. Одновременно шел процесс, который свидетельствовал, что идеи рынка все больше проникали в сознание народа. Уже в начале 1990-х гг. социологические исследования показали, что большинство людей приняли (полностью или частично) идеи рынка. Но так ли это на самом деле? Не является ли это очередным мифом? В том статистическом факте, что 70—80% людей объявили себя сориентированными на рынок, нет добротной научной интерпретации: чем люди руководствовались в таком решении, нет ли здесь подмены одной истины другой?

На наш взгляд, во-первых, сложившаяся ориентация на рыночные отношения включает в себя интуитивное ощущение необходимости коренных, существенных перемен, а во-вторых, идеи рынка оказались наиболее привлекательными из всех существовавших и предложенных народу. Кажется, что именно эти идеи помогут преодолеть многочисленные провалы и неувязки в управлении страной. Все более диким становился факт, когда огромное количество товаров и изделий планировалось из одного места — из Госплана (по некоторым данным в планы закладывалось производство 25 млн изделий, в результате чего народное хозяйство все чаще сталкивалось с непредвиденным исчезновением то одного, то другого вида товаров). «Рынок отрегулирует все» — этот лозунг, выдвинутый апологетами

«трофейной» экономики, как ни парадоксально, становился достоянием умонастроений все большего количества людей, хотя последствия этого опыта предвидели немногие.

В-третьих, мощно работал фактор сравнения с индустриально развитыми странами Запада: посмотрите, мол, как они процветают при рыночных отношениях. Причем, массовое сознание не обращало внимание на тот факт, что большинство стран мира — и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке — отнюдь не процветают в рамках рыночных реалий.

И наконец, «работала» историческая память, когда многоотварный экономический уклад 1920-х гг. и существование разнообразных форм собственности («эффект нэпа») показывали в свое время достаточно рациональное функционирование национального хозяйства.

Все эти факторы способствовали тому, что люди приняли ориентацию на рынок, в результате чего произошло коренное изменение экономического сознания. Но сейчас оно в растерянности, в коллапсе. Люди получили не то, что ожидали. Появилась многомиллионная армия безработных (по оценкам ряда экспертов, вместе со скрытой формой безработицы число безработных достигает 28 млн человек).

Произошла резкая социальная дифференциация: доходы 10% людей с наиболее обеспеченным уровнем жизни превышают доходы 10% людей, живущих ниже прожиточного уровня, по официальным данным, в 15—16 раз, по оценкам экспертов, — в 30—40 раз, что характерно для наименее развитых, бывших колониальных стран. Такой разрыв поразителен даже при сопоставлении аналогичных данных в бывших странах народной демократии — Чехии, Словакии, Польше, Венгрии и Словении, в которых среднедушевые доходы 10% богатых превышают соответствующие доходы самых бедных не более чем в 4,5—5,5 раз.

В России богато и сверхбогато живут немногие — по данным (и официальным и неофициальным) от 1 до 3% населения. К ним примыкает сравнительно тонкий слой — примерно 12—15% (его иногда в научной и публицистической литературе называют нарождающимся средним классом или средним слоем), которому кое-что перепадает от новых реалий. А остальные? А остальные пока располагают возможностями, которые уступают и периоду застоя, и началу перестройки. И эта пропорция не меняется. По данным Института социологии РАН, в 2005 г. за чертой бедности, ниже прожиточного уровня и малообеспеченными жило около 60% населения (в 1999 г. к этим категориям относилось 57,6% населения России) Тех, кто тратит на питание больше трети зарплаты, а их в России в 1999 г. было 82%, можно отнести к категории бедных. Поэтому не удивительно, что многие люди живут в ситуации стресса, постоянно ожидая ухудшения экономической ситуации (табл. 10.1).

Т а б л и ц а 10.1

**Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?
(в % к числу опрошенных)**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Сентябрь 1994, N=2959</i>	<i>Июль 1996, N=2392</i>	<i>Сентябрь 1998, N=2408</i>	<i>Сентябрь 2000 г., N=2405</i>	<i>Ноябрь 2005 г., N=2100</i>
Значительное улучшение ситуации	1,6	1,7	0,5	1,8	1,0
Некоторое улучшение ситуации	16,1	23,3	16,0	30,8	25,0
Некоторое ухудшение ситуации	28,0	25,6	21,8	22,6	26,0
Значительное ухудшение ситуации	25,0	18,2	36,9	7,3	8,0
Затрудняюсь ответить	29,1	31,0	24,9	37,5	40,0

И с т о ч н и к: *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 1996 и № 5; 2000. № 4; *Общественное мнение.* 2005. М., 2006. С. 27.

В этих условиях под ударами рыночной стихии заметно проявляется утрата многими людьми прежних стандартов жизни, снижение порога социальных притязаний, что довольно быстро сказалось на их сознании и поведении. Одни смирились с обвальным падением уровня жизни, другие рассматривают это как временные издержки. По сути, происходит процесс примитивизации жизни, ее деградации, сводящийся к необходимости выживать. Если использовать для объяснения этого процесса известную идею американского социолога Маслоу об иерархии потребностей, то можно сделать вывод, что многие люди в той или иной степени отказались от удовлетворения высших социальных и духовных запросов (творческих, культурных, отдыха). Они стали ограничивать свою жизнь только теми потребностями, которые характеризуют их физиологический уровень, уровень выживания и удовлетворения самых насущных нужд, без чего невозможно само существование человека. Произошло «отступление» от «высших» потребностей во имя обеспечения насущных, связанных с самыми простыми, примитивными формами выживания людей. Это показывают и обследования населения, когда от 70 до 90% своих доходов люди тратят на пищу и самые необходимые товары, откладывая на будущее приобретение долгосрочных предметов и пользуясь тем, что было накоплено ранее. Это своего рода отступление на последний (или временный,

запасной) рубеж, с падением которого человек вряд ли смирится и может пойти на все варианты конфликтов, ибо с потерей существенных основ жизни и ее смысла вряд ли кто согласится.

В этих условиях людей стали волновать отнюдь не все проблемы, все фазы функционирования общественного производства. Общественное сознание вычленило, выделило несколько проблем, которые отражают реальные тревоги, ожидания, реальное состояние социального настроения.

Чем же озабочено экономическое сознание людей?

Прежде всего тем, что в общественном сознании сформировались устойчивые представления: *экономическая ситуация в России, в том городе или регионе, где люди живут, крайне тревожная, сложная и, более того, ухудшающаяся*. По данным ВЦИОМ, если в июле 1997 г. 70% оценивали экономическое положение России как плохое и очень плохое, то в сентябре 2006 г. этой оценки придерживались 35% людей. Несмотря на существенное изменение оценки, нельзя не отметить тот факт, что неопределенность в положении страны продолжает быть высокой — почти то же число опрошенных (68%) считают, что дела в России идут в неправильном направлении (35%), при 33% затруднившихся сформулировать свое мнение. Такую оценку можно трактовать не только как неопределенность, но и как отказ признавать улучшение дел в стране.

Т а б л и ц а 10.2

В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете? (в % к числу опрошенных)

<i>Варианты ответов</i>	<i>1997</i>	<i>2006</i>
Вполне устраивает	3,7	11
По большей части устраивает	12,1	19
Отчасти устраивает, отчасти нет	34,0	40
По большей части не устраивает	26,5	22
Совершенно не устраивает	21,7	7
Затрудняюсь ответить	2,1	2

И с т о ч н и к: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2000, № 4, С. 48; Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006, № 6. С. 80.

Эти и подобные оценки свидетельствуют, что отношение населения к результатам экономических реформ, несмотря на позитивные изменения, продолжает быть отрицательным или неопределенным. По данным Левада-центра, в сентябре 2006 г. 29% считали, «Мне приходится вертеться, хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь», 23% говорили: «Я свыкся с тем, что пришлось отказаться от привыч-

ного образа жизни; жить ограничивая себя в большом и малом», 8% жаловались: «Я никак не могу приспособиться к нынешней жизни». Люди оценивают уже не провозглашенные обещания и посулы, а достигнутые результаты. Экономическое сознание людей достаточно четко фиксирует реально сложившуюся ситуацию и улавливает главные характеристики функционирования народнохозяйственного механизма, которые влияют на их благополучие и благосостояние.

Общественное сознание достаточно четко выражает свое понимание действительности, придерживаясь веками апробированного народного наблюдения, что не может быть богатства, возникшего из ничего. В этой ситуации человек начинает сравнивать свое положение не только с тем, что было в прошлом, но и с тем, что он видит вокруг. И он нередко обнаруживает, что его вчерашний сосед, который ничем или мало чем отличался от него, вдруг при мало объяснимых обстоятельствах начинает пользоваться такими благами, которые неадекватно отражают его реальный вклад в общественное производство.

В этой ситуации на сознание и поведение людей самым разрушающим образом воздействует тот разрыв в доходах, который трудно объяснить деловыми качествами внезапно разбогатевших функционеров. Зато понятно (поскольку очевидно), как *«новые русские»* использовали власть. Во-первых, часть из них ее имела ранее или сумела приобрести к ней (это касается как старой номенклатуры, так и новоявленных деятелей «демократической волны»). Во-вторых, теневой капитал, который был накоплен нелегально или полуполегально еще в годы советской власти и особенно в период перестройки, получил возможность осуществить свои притязания. В-третьих, залогом многих «приобретений» стала реализация наскоро испеченного законодательства о приватизации, что дало возможность и простор авантюристам и дельцам за бесценок превратить бывшую государственную собственность в частную и накопить баснословные капиталы. Ведь «трофейная» экономика не могла быть иной — ее важнейшей сущностной характеристикой было внедрение разнообразных схем распределения и перераспределения природной ренты. Иначе чем объяснить тот факт, что в короткий срок появились люди, аккумулировавшие миллиардные средства на личных счетах.

10.2. Новая терминология или деформация социальности?

Экономические реформы имели своим следствием и появление новых феноменов, которые стали нормой современной ситуации — *«новые бедные»*. Ранее категория бедных определялась достаточно

четко — низкой оплатой труда ряда профессий, жизнью в сельской местности, многодетностью и т.д. Сейчас же «новые бедные» охватывают значительную часть населения, включающую в себя практически все профессии, все социальные слои. Более того, в эту категорию вошли такие группы, которые никогда не были на нищенском положении: ученые, работники культуры и образования, значительная часть научно-технической и гуманитарной интеллигенции, многие квалифицированные рабочие.

Именно к ним стала применяться унижающая профессиональное достоинство оценка: «Раз ты такой умный, то почему ты такой бедный?», цинизм которой трудно поддается хоть мало-мальски приемлемой характеристике. А реальность такова, что доля бедных продолжает быть высокой. Даже по официальным данным Госкомстата России, доля бедных в 1992 г. составляла 33,3% населения, в 1999 г. — 29,9%, в 2000 г. — 30%, в 2002 г. — 25%. Не менее красноречивы и такие показатели: в 2000 г., по официальным данным, реальные доходы граждан России составили 35,8% уровня 1990 г. Наряду с этим процесс пауперизации населения находит яркое воплощение в увеличивающемся разрыве между богатыми и беднейшими слоями населения, что свидетельствует о продолжающейся социальной дифференциации.

Стоит отметить, что данная ситуация характерна не только для России, но и для всех восточноевропейских стран, вступивших на путь рыночных реформ. По данным ООН, в настоящее время 147 млн человек в этих странах, включая и Россию, имеют доход менее 4 долл. в день, тогда как в конце 1980-х гг. к этой категории относились лишь 14 млн человек [4].

И это находит отражение в общественном сознании. Социологические данные постоянно фиксируют тот факт, что от 50 до 65% постоянно заявляют, что они живут за чертой или на грани бедности и малообеспеченности. По данным академика Д.С. Львова, 15% людей в России владеют 92% собственности, а на всех остальных этой собственности достается в размере 8% [5]. Но главное заключается в том, что оправдывается предположение тех ученых, которые доказывали, что значительная поляризация доходов не только не стимулирует экономический рост (как мыслили себе либералы), а начинает препятствовать ему. И это в известной степени подтверждает факт появления и существования второй — параллельно официальной — теневой, клановой, в том числе криминальной, экономики, через которую, по оценкам экспертов, проходит не менее 50—55% оборота всех финансовых средств, денежных потоков, материальных ценностей. Ее функционирование создает особый климат

взаимоотношений субъектов экономической жизни, который выражается в массовом уклонении от налогообложения, в отказе от официальной регистрации результатов (в том числе и доходов) своей деятельности, в господстве различных форм бартера и взаимозачетов, в культе «быстрых» денег, в широко распространенном уходе от инвестиций в производство, в предпочтении вкладывать средства в торговлю, в услуги, в краткосрочные проекты и программы. Иначе говоря, в реальной экономике складывается парадоксальная ситуация: то, что официально провозглашается, утверждается, анализируется, имеет косвенное, но не основное отношение к действительному положению дел. В реальной жизни господствует «черный нал», товарообмен идет вне всякого регистрируемого учета. ***В России, по образному выражению некоторых аналитиков, сформирован не рынок, а базар.***

Новые реалии, затрагивающие интересы миллионов людей, наиболее наглядно проявились в процессах социальной дифференциации в появлении немногочисленной группы богатых и сверхбогатых, и обнищании значительных слоев населения. Однако это видят не все. Недалновидным аналитикам их личное понимание происходящего расслоения сводится к тривиальному анализу парадоксальных явлений. Например, как объяснить резкое увеличение числа личных автомобилей, строительство домов и приобретение дорогостоящих квартир, рост потребления товаров длительного пользования? Ведь согласно официальной статистике этого не могло происходить из-за скудности финансовых ресурсов у населения. Эти факты (например, в статьях и выступлениях Г. Попова, мэра Москвы в начале 1990-х гг., одного из радетелей сгинувшей «Демократической России») некоторые политики и даже ученые трактуют доказательством успеха рыночных реформ, игнорируя то, как, каким образом и при каких обстоятельствах произошли эти сдвиги в совокупном потреблении.

Если же разобраться в истинных причинах происшедшего, то необходимо признать, что ***в обществе возникла параллельная экономика***, обеспечивающая функционирование многих ее отраслей. Она породила самые дикие хищнические, разрушительные формы хозяйствования. Этот процесс ускользает от государственного контроля, но не от экономического сознания людей, в котором фиксируется нерегулируемый процесс развития теневой и криминальной экономики, когда благополучие обеспечивается путями, не имеющими отношения к официально провозглашаемому экономическому курсу. В массовом сознании устойчиво формируется (что подтверждается жизнью) представление, что люди живут в некоем параллельном мире обмена и распределения, который существует без

участия в нем производства и государства, и что такой порядок может приносить определенный достаток независимо от трудового вклада. Но это не устраивает большинство населения, оно интуитивно и стихийно протестует против такого положения вещей. Именно этими настроениями можно объяснить поддержку Путина на президентских выборах весной 2000 и 2004 гг.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что *в русском менталитете сформировался в течение столетий стереотип поведения, породивший особый вид нравственности, осуждавшей зажиточность и богатство, или точнее говоря, не столько само богатство, сколько разрыв между богатыми и бедными, который и доводил Россию до мятежей и революций.* При этом эталоном нравственного поведения был трудовой образ жизни, который гарантировал и оправдывал более чем скромное существование. Такая установка также поддерживалась и активно внедрялась не только церковью, но и Советской властью в сознание миллионов людей. Всякие попытки обогащения вне сферы труда осуждались как моральными, так и правовыми нормами. Конечно, этот процесс происходил не без издержек, перегибов, примитивных акций со стороны официальных (государственных и партийных) структур (например, борьба с «тунеядцами» в 1960—1970-х гг.), но в целом эта установка на трудовой образ жизни как высшую ценность разделялась большинством населения.

Этот нравственный ориентир в условиях новой России не только подвергнут сомнению, но и постоянно размывается реальной практикой, которая постоянно демонстрирует благополучие людей, строивших его за счет ущемления и попрания прав и интересов других, оправдывая при этом самые жестокие и бесчеловечные формы накопления богатства.

Под влиянием этих настроений *в общественном сознании растет убежденность, что нужно пересмотреть итоги приватизации,* того процесса разграбления государственной собственности, который произошел в первой половине 1990-х гг. По данным всероссийского опроса (рук. В.Э. Бойков, март 1999 г., 2109 человек и 475 государственных служащих из 21 субъекта Российской Федерации), 51,2% населения и 79,6% государственных служащих считают целесообразным пересмотреть результаты приватизации. Особенно решительно настроены рядовые граждане — 33% из них требуют полностью отменить результаты приватизации. По данным других исследований, предпринятых с интервалом в пять лет, в 1995 г. пересмотр итогов приватизации и восстановление ведущего положения госсектора считали необходимой мерой улучшение своего положения 38,6% россиян, а в 2000 г. так считало свыше 2/3 россиян, т.е.

70% [6]. Иначе говоря, общественное сознание не приемлет официальную программу обретения собственности. Мы имеем дело с другим вариантом ничейности, временности собственности, который неминуемо ведет к ее переделу, к пересмотру состоявшейся дележки.

Общественное сознание новой России находится на распутье и постоянно деформируется практикой функционирования экономики, которая упорно и настойчиво внедряет в повседневную жизнь людей принцип, что лучше торговать (спекулировать), чем производить. Нынешняя экономическая ситуация такова, что все больше людей — и рабочих и крестьян, и специалистов — убеждается, что сейчас ни ум, ни талант, ни умелые руки не являются залогом успеха. Более того, престиж труда, участие в создании материальных благ и духовных ценностей из рук вон плохо поощряется и не поддерживается государством.

Сегодня это мнение разделяют миллионы. Ибо не хорошая работа, не безукоризненное и творческое выполнение обязанностей определяют благополучие и уверенность людей. Косвенным показателем падения значимости труда служат данные исследования 1999 г. (табл. 10.3).

Т а б л и ц а 10.3

**Получили ли сейчас такие люди, как Вы,
возможность лучше зарабатывать? (в % к числу опрошенных)**

<i>Варианты ответов</i>	<i>1994</i>	<i>1999</i>
Да	17	15
Нет	70	73
Затрудняюсь ответить	13	12

И с т о ч н и к: *Мониторинг* общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 3. С. 18.

По мнению людей, ценится другое — быть приобщенным в той или иной мере к товаропотоку или финансовым операциям в самых различных формах: от перепродажи государственных товаров до манипуляции ценами, от спекуляции на разнице в относительной стоимости национальных валют до примитивных форм мелкой уличной продажи и перепродажи. Особенно наглядно этот спекулятивный характер образа жизни проявляется среди той небольшой и тонкой прослойки людей, которые получают астрономические доходы в финансово-коммерческих играх и аферах. Большинство же тех, кто надеялись на приход рыночных отношений, на то, что в рыночной экономике наконец-то будут по достоинству оценены их

труд, умение и желание эффективно работать, были сначала разочарованы, а затем деморализованы, впали в апатию и безразличие. По сути дела общественное сознание отказывается признавать праведность тех приобретений, которые обогатили кучку людей, причем не в результате производственных свершений, а в результате сомнительных сделок. В этой связи показательно суждение нашего соотечественника, всемирно известного американского ученого Леонтьева, который незадолго до своей смерти в интервью газете «Комсомольская правда» сказал, что он не знает такого предпринимателя, как Березовский, потому что не ведает, что сделал этот человек для страны, для развития производства.

10.3. Реакция общественного сознания на принципы рыночных преобразований

Экономическое сознание своеобразно реагирует на процесс приватизации, становления частной собственности. Прежде всего стоит обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство: человек, которому всю жизнь внушали, что он является субъектом общенародной (государственной) собственности, превратился — фактически и юридически — в ее лишенца. Если в советский период причастность к собственности декларировалась, обеспечивалась идеологически, объяснялась населению средствами пропаганды, то в постсоветской России была провозглашена программа создания слоя мелких, средних и крупных собственников, которые, дескать, будут таковыми на деле, не камуфляжными, не мнимыми, как при социалистической форме хозяйствования. К слову, можно добавить, что на деле эта забота о создании условий для эффективного функционирования коснулась в основном только крупных собственников — средний и особенно мелкий бизнес все больше страдает от бесправия, испытывая гнет и ущемление своих прав от крупных собственников и от мобилизованного ими государства.

Для этого была осуществлена и реализована такая мера экономической политики, как приватизация, которая для всего населения обрела форму ваучеров. Ваучер, по мнению их создателя А. Чубайса, должен обернуться для его владельца суммой, равной стоимости одного-двух среднестатистических автомобилей. Однако очень скоро выяснилось, что попытки сделать людей собственниками через процесс ваучеризации провалились, обогатив лишь небольшую группу причастных к власти людей, ряд потенциальных и реальных авантюристов, деятелей теневой экономики и преступного мира, позволив им захватить в свое владение (или распоряжение)

огромные куски «ничейной» (государственной) собственности. Было обеспечено присвоение приватизируемой государственной собственности за проценты или даже доли процента от ее реальной стоимости. По оценке В. Полеванова, возглавившего Госимущество после А. Чубайса, 500 крупнейших предприятий России стоимостью не менее 200 млрд долл. были проданы за 7,2 млрд. Так, одно из крупнейших предприятий страны — автомобильный завод имени Лихачева со стоимостью основных фондов не менее 1 млрд долл. был продан всего за 4 млн долл. Реализованная модель приватизации принесла за 1992—1994 гг. в бюджеты всех уровней лишь 1 трлн руб. доходов, что в 2 раза меньше, чем составили доходы от приватизации государственной собственности в одной только Венгрии.

По большому счету, это поведение мародеров, которые, промышляя на поле брани, не щадят никого. Оскорбляя память погибших и не обращая внимания на крики раненых, они реализуют одну цель — нажиться на последствиях личной и национальной трагедии. Более того, по признанию самих творцов приватизации, эта акция осуществлялась под знаменами ложных обещаний сознательно, при отчетливом понимании, что этого достигнуть невозможно, но нужно «заткнуть рот» и «закрыть глаза» большинству народа, непричастному к переделу собственности.

Результаты расхищения и преступного присвоения собственности налицо. В течение 1990-х гг. продолжался спад промышленного производства. Причем этот спад во второй половине 1990-х гг. усиленно подталкивался такими умышленными акциями, как приобретение предприятий с целью вывода их из конкуренции, так называемое рейдерство, умышленное банкротство, закрытие перспективных производств, отказ от предварительно согласованного инвестирования и т.д. Все эти акции, как бы не ухитрялись скрыть их «творцы», становятся достоянием общественности, источником мобилизации тех немногих сил, которые готовы противостоять этим акциям. Иными словами, преобразования собственности фактически ни на йоту не изменили отношений по поводу этой собственности.

Ситуация в стране обострена вследствие крупнейших просчетов в осуществлении экономической стратегии. И дело не только в том, что были избраны в качестве мер радикальные средства использования нерегулируемого рынка, проповедуемые Ф. Хайеком, а не более взвешенные, постепенные меры с обоснованием роли государства, отстаиваемые другими известными экономистами, лауреатами Нобелевских премий Л. Клейном, К. Эрроу, Дж. Тобиным и отчасти А. Ослундом. «Самое главное, по-видимому, состоит в том, что либерально-демократическое реформирование изначально шло по западным образцам и рецептам, без учета исторической уни-

кальности и самобытности России. В основе новейшей западной (европейской) культуры лежит, как известно, идея примата личности (индивида), ее прав и интересов, в то время как в основе восточноевропейского и азиатского менталитета лежит идея общности. И заменить одно на другое механически, быстро, под нажимом сверху без серьезных потерь невозможно. Вполне понятно, почему попытка пересадить на российскую почву западнический индивидуализм и заменить им господствовавшие до этого коллективизм и соборность терпит крах и вызывает неприятие многих» [7].

Данная политика наложила отпечаток на экономическое сознание и поведение, породила ситуацию, которую, образно говоря, можно выразить как кризис в кризисе. Это не просто кризис финансовый или производственный — он еще выступает как кризис структурный, социальный, политический, моральный, культурный. Собственно об этом не устают напоминать деятели типа немецкого ученого и предпринимателя, члена Римского клуба, доктора К. Штайльманна: «Я против экономической философии, исповедующей принцип: «сначала сильная экономика — потом культура и нравственность» [8]. Именно этот подход и должен в комплексе решить все названные аспекты. Преодолеть *структурный кризис* — это в первую очередь просто установить рациональные пропорции между государством и экономикой, отраслями производства, между национальным хозяйством и мировой экономикой.

Особенно важно определиться с ролью государства. С точки зрения радикальных либералов государство должно уйти из сферы экономики, отказаться от прямого директивного руководства, предоставить все на волю (на деле стихии) рынка. Что из этого получилось в России, стало очевидно всем. Как утверждают ученые ИМЭМО, «широко бытующее представление о том, что есть устойчивая причинно-следственная связь между сокращением участия государства в перераспределении национального дохода и увеличением темпов экономического роста, было ложным. И это легко обнаружить, сравнив удельный вес государственных расходов в ВВП в странах с положительной (Польша, Венгрия, Словения) и отрицательной (Болгария, Румыния) хозяйственной динамикой. В первой группе стран этот показатель находится сейчас в пределах 45—50%, во второй он составляет 25—35%. В России же относительная величина государственных расходов в ВВП в середине 1999 г. сократилась до беспрецедентно низкой отметки — 24,4%, на что, кстати, с тревогой обращают внимание даже деятели МВФ и все больше и больше иностранных экспертов, в том числе и неолиберальной ориентации. Не без основания они указывают на растущую угрозу, связанную с неспособностью российского правительства предостав-

лять населению минимально необходимый объем базовых социальных услуг» [9].

Реакцией на разрушительные последствия ухода государства из экономики стало мощное движение, поддерживаемое общественным сознанием, что нельзя отказываться от его регулирующей роли, от наработок планового руководства производством, но не в духе Госплана, а в формах индикативного планирования и программирования общественных процессов, апробированных в индустриально развитых странах. В этой связи уместно напомнить, что одно из первых упоминаний теории и практики социального планирования (*social planning*) содержится в «Новом курсе» Ф. Рузвельта, в котором он сформулировал программу выхода США из затяжного кризиса в 1933 г.

Что касается преодоления *социального кризиса*, то предстоит решить проблемы безработицы, подъема уровня и качества жизни, соотношения социальной политики и бюджета (когда надо не сокращать социальные расходы, а повышать общие доходы). За годы реформ в России возникла и быстро увеличивалась безработица, ее уровень к концу 1990-х гг. достиг 12—14% трудоспособного населения (в СССР в 1989 г. она была на уровне 1,5—2%).

Моральный кризис проявляется в обесценивании напряженного творческого и рационального организованного труда, в отвержении общечеловеческих ценностей и возобновлении роли «чистогана», когда нравственные категории не имеют силу внутренней дисциплины.

Культурный кризис проявляется не столько в виде разброда в творческих исканиях писателей и деятелей всех сфер искусства, сколько в несоблюдении культуры дела, культуры образа жизни, культуры взаимоотношений людей с государством. Это, например, проявляется в культуре платить налоги, возвращать кредиты. А если все говорят, что «только дурак платит налоги», — это не культура, а хаос, джунгли, что способно торпедировать самые благие цели и намерения.

Но самое главное — преодолеть *политический кризис*, который связан с тем, что потеряна политическая воля государства, занявшего откровенную позицию по отношению к тому, что происходит главным образом в сфере экономики. Государством не избраны приоритеты, не определены радикальные (а не просто) меры по ликвидации проблем, беспокоящих людей, борьбе с криминалитетом, с бегством капитала за границу. Именно это позволило Гжегошу Колодко, бывшему вице-премьеру Польши, заявить, что в нашей стране «был самый плохой в мире посткоммунистический неолиберализм» [10].

В результате в России осуществлена карикатура на шоковую терапию, которая была эффективно использована в ряде европейских

стран. В России же произошел шок без терапии, а ее неолиберальные идеологи так и не сообразили, как надо применять терапию без шока.

Таким образом, социально-экономическая ситуация, состояние экономического сознания характеризуется противоречивыми тенденциями, что и стало основой появления многочисленных парадоксов. Остановимся на них подробнее.

10.4. Основные парадоксы экономического сознания и поведения

Ситуация в сфере экономической жизни общества сейчас напоминает одно из размышлений художника (в виде стилизованного рисунка). Витязь, как в старой мудрой легенде подъезжает к перекрестку дорог, где на распутье лежит камень и на нем обозначены согласно традиции три изречения: «Налево пойдешь — по голове получишь, направо — в глаз дадут, прямо — пинок отвясят». Витязь в раздумье. И тут раздается голос откуда-то сверху: «Ну ты долго будешь думать? А то мы тебе и здесь накостыляем». Вот так и в сфере экономической жизни — куда не двинешься, какой путь ни выберешь или останешься на месте, все равно тебе или в лоб дадут, или «отметелят» по первое число, или без всего останешься. То есть какой путь не выберешь, все равно будут издержки. В этих условиях парадоксы экономического сознания и поведения настолько значительны и своеобразны, что для того, чтобы разобраться в них хотя бы частично, желательно их классифицировать, осуществить попытку их упорядочивания, выявления наиболее значимых характеристик их реального проявления и функционирования.

К основному экономическому парадоксу, на наш взгляд, следует отнести такой глобальный феномен, который проявил себя как результат многолетнего соревнования капиталистической (западной) и социалистической (советской) модели развития: у инициаторов социалистических программ многие прогрессивные идеи остались словами, декларациями, а у их оппонентов на деле они были реализованы, будучи зафиксированы в их социальных программах.

В Советском Союзе согласно идеологическим установкам была провозглашена программа реализации социального равенства, социальной справедливости, социальной защиты. Более того, новизна, новаторский дух этих положений, боязнь революций заставил и лидеров западных стран учесть эти веяния времени и осуществить многие мероприятия по обеспечению населения широким набором социальных услуг. Ряд положений этой программы был реализован. Вместе с тем к 1970—1980-м гг. стало все очевиднее вырисовывать-

ся парадоксальное явление: говорилось одно, реализовывалось совсем другое. Причем это противоречие усугублялось, росло, стало приобретать все большее воздействие на сознание и поведение людей. И чтобы ни говорила официальная пропаганда, как бы на словах не убеждали людей о преимуществах социалистического образа жизни, в сознании советских людей укреплялось мнение, что «так жить нельзя» (С. Говорухин). К этому добавлялось сравнение, что на Западе люди живут богаче, лучше, зажиточнее, имеют возможность пользоваться таким количеством благ и услуг, которые виделись лишь в далекой перспективе или не виделись вообще. Все это привело к тому, что в сознании людей все труднее уживались эти противоположные устремления — официальное, декларативное и личное, индивидуальное, что в конечном счете проявило себя в безразличии к судьбам социализма в начале 1990 гг.

Но парадокс остался парадоксом: одни действовали словами, другие — делами. И как не раз подтверждала история, в том числе и марксистская доктрина, именно за делами остается последнее слово.

Одновременно на фоне этого глобального парадокса развивались, появлялись, обострялись существующие противоречия, рождая новые специфические парадоксы, присущие как советскому, так и постсоветскому периоду. Что касается советского, *то в Советском Союзе субъект собственности был предельно обезличен:* им стало выступать нечто аморфное и всеохватывающее — государство и общество, что не оставляло ниши ни какому особенному интересу. И сколько бы ни говорили о чувстве хозяина, о том, что каждый советский человек — владелец и распорядитель национального богатства, осознание приобщенности к решению основополагающих проблем бытия не прибавляло ничего к этой декларации. В период растущей отчужденности от социалистической собственности, которая, как ни парадоксально, увеличивалась по мере возрастания назойливой официальной пропаганды о прогрессе развитого социализма, в 1970—1980-х гг. была распространена горькая шутка «чувство хозяина есть, а хозяина — нет».

Советская экономика так и не смогла реализовать идею Ленина о том, что социализм может победить только в результате преимуществ в росте производительности труда. А эта производительность в период «развитого социализма» стагнировала и даже стала сдавать позиции практически во всех отраслях народного хозяйства. На завершающем этапе развития социалистической экономики очевидным фактом (при всех недостатках и искажениях официальной статистики) стало отставание в производительности труда в промышленности — в 1,5—2 раза, в сельском хозяйстве — почти в 3—5 раз. В современной России этот разрыв

не только не сократился, но и увеличился: производительность труда в промышленности составляет 20—25% мировых показателей, а в сельском хозяйстве — примерно 15%. *Парадоксом стала ситуация, которая достаточно ярко схвачена в ироническом двустишии: «мы не сеем, не пашем, не строим — мы гордимся общественным строем».* А эта «гордость» без основательной материальной базы ни к чему иному не могла привести, как к появлению в общественном сознании разочарования, горечи, недоверия и такого противоречивого умонастроения советских людей как: «у нас строй лучше, но лучше живут они».

В условиях рыночной экономики появились также парадоксы, которые приобрели массовидный характер. *Одним из таких парадоксов является отношение к рыночной экономике и ее основным, ведущим субъектам — банкирам, предпринимателям, крупным собственникам и т.д.*

Но сначала немного истории. Когда идеи рынка стали проникать в общественное сознание, многих людей не пришлось долго убеждать — это делала сама жизнь. Вначале, в годы перестройки — с середины 1980-х гг., надежды большинства людей были связаны с верой в возможность резкого рывка в развитии народного хозяйства. Но уже к началу 1990-х гг. население было озабочено другим: оценив бесполезность экономических потуг инициаторов перестройки, люди стали обращать внимание на возможно иные меры, в частности те, которые использовали страны с высоким уровнем развития и стандартом жизни.

Если задним числом взглянуть на динамику изменений общественного мнения по отношению к рынку, введение частной собственности на землю и некоторые другие рыночные проблемы, то становится ясно, что сначала эти идеи разделяли немногие. К концу 1989—началу 1990 г., в общественном сознании произошел серьезный сдвиг. Всероссийское исследование, проведенное под руководством автора в мае 1990 г., показало, что к введению рынка (полностью или частично) положительно относились 43% коммунистов и 28% населения. К марту 1991 г. сторонников рыночных отношений было уже 57%. Осень 1991 г. и 1992 г. принесли доказательства еще большей поддержки рынка — приемлемыми его для своей жизни признавали от 70 до 80% работающего населения страны.

Однако рост тягот в связи с гайдаровской шоковой терапией привел большинство людей к негативной оценке рыночных реформ (до 80% отрицательно оценивают экономическое положение России). Это разочаровало и поколебало веру людей в необходимость рыночных преобразований (табл. 10.4).

Т а б л и ц а 10.4

**Как Вы считаете, экономические реформы нужно продолжать
или их следует прекратить? (в % к числу опрошенных)**

<i>Варианты ответов</i>	1994	1997	1999	2006
Нужно продолжать	32,4	33,6	31,7	40
Следует прекратить	27,5	28,7	27,8	20
Не знаю, затрудняюсь ответить	39,8	37,7	40,5	40

П р и м е ч а н и е: *Мониторинг* общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 3. С. 432; 1999. № 5. С. 53; *Вестник* общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 6. С. 75.

Таким образом, ориентация на рынок, как основное средство преобразования экономики и образа жизни, еще не стала ведущим лейтмотивом в общественной и личной жизни. Людьюми сопоставляют не только ухабы и просчеты российского опыта, но и опыт большинства стран, устойчиво и плодотворно работающих в условиях рынка. ***Раскол в понимании возможностей рынка продолжает существовать, несмотря на некоторый рост позитивных оценок его форм и методов.*** Поэтому абсурдной и претенциозной выглядит позиция ультрадемократов, в частности сторонников «Демократического Выбора России», а теперь Союза правых сил, пытающихся представить себя единственными носителями рыночных преобразований, а остальных — их противниками. Реальная ситуация иная: все политические силы, от либералов до коммунистов, от аграриев до национал-патриотов, сориентированы на рынок. Спор — и очень острый — ведется вокруг того, какую цену должны заплатить люди за переход к новым хозяйственным и организационным формам функционирования производства, за какой период времени и с какими издержками. К сожалению, в этой полемике продолжают господствовать старые привычки: «Если ты не согласен со мной во всем без исключения, значит ты против меня, моей программы, моих идей и представлений».

Но народ живет не по законам (часто и надуманным и вздорным) политической борьбы, не по предпочтениям и нравоучениям политических партий и движений, не в соответствии с социально-экономическими концепциями и теориями, а исходя из того, что человека окружает в реальной жизни, что на него воздействует больше всего. И в силу этого он попадает в исключительно противоречивую, парадоксальную ситуацию, не позволяющую ему принять правильное решение, сориентироваться в обстановке, разобраться в противоречивой ситуации, толкающей его на взаимоисключающие поступки.

В общественном сознании людей господствуют не политэкономические категории, будь они монетаристского, фискального или социально-ориентированного толка. В повседневной жизни люди задают вопрос — и себе, и окружающим: а кто ответственен за их бедственное положение, за отсутствие социальной и правовой защиты и поддержки?

Люди часто винят в бедах тех, кто держит власть в руках: президента, правительство, Государственную Думу, чиновничество в целом. Но это абстрактная критика, ибо в высших эшелонах власти обстановка часто меняется и претензии к власти предержавшим все труднее приписать конкретному лицу — слишком часта смена (скорее, чехарда) руководящих временщиков.

Необычность ситуации заключается в том, что, не отвергая идей рыночной экономики, люди начинают искать тех, кто загнал их в этот социальный тупик, и пытаются найти выход, в том числе и принять меры по прекращению своего унижительного положения, положения попрошайки, нахлебника. У людей есть желание трудиться, ясная голова и работающие руки, поэтому они вправе претендовать на достойную жизнь. Но кто не дает этого добиться?

Поэтому неудивительно, что *недовольство начинает сосредотачиваться на тех лицах, которые на самом деле олицетворяют рыночные отношения: на бизнесменах, банкирах, предпринимателях и на всех связанных с ними «актерах» нового экономического театра*, которых часто называют «новыми русскими». Если исходить из сути дела, то они прокладывают путь новым экономическим отношениям, олицетворяют торжество новых реалий.

Но так как становление их как полномочных представителей рынка зачастую замешано на самых беспардонных и криминальных формах наживы и «прихватизации», международной спекуляции, отмывании теневого капитала, в общественном сознании эти люди ассоциируются с преступниками, что, кстати, не всегда далеко от истины. По мнению экспертов, в цивилизованной форме бизнес ведет 25% опрошенных менеджеров и предпринимателей. По данным Левада-центра, в 2005 г. почти половина граждан (44%) считала бизнесменов вредителями, что их деятельность идет во вред России [11].

Общественное сознание не может усвоить и примириться с такими представлениями об облике новых хозяев жизни, который отнюдь не украшает ни российское общество, ни наши представления о чести и достоинстве. Людей выводит из себя показные презентации, кичливость богатства, неумеренность и нахрапистость новых богачей, беспардонность поведения в сочетании с отсутствием всякого вкуса и этических понятий. Как ни объясняй эти факты, но

результат получается определенный: в общественном сознании сложилась *крайне негативная оценка этих носителей рыночных отношений*: от 40 до 60% населения об их деятельности отзываются крайне отрицательно. В 1999 г., по данным ВЦИОМ, негативные чувства вызывали разбогатевшие банкиры и предприниматели у 55% опрошенных. В 2006 г., по данным этого же исследовательского центра, 84% населения положительно реагировали на заведение уголовных дел против инициаторов экономических преступлений. (Комсомольская правда. 2006. 9 июня). А так как, по мнению населения, эти деятели ответственны за развал экономики, за нищету в стране, им отказывается в праве не только на уважение, поддержку, но и на существование, а часть людей выступают за применение к ним репрессивных мер. Очень часто при опросах при возможности высказаться письменно социологи на своих опросных листах встречали надписи: «их надо повесить», «посадить в тюрьму», «сослать в Сибирь» и т.д.

Иначе говоря, *парадокс заключается в том, что общественное сознание, поддерживая рыночные преобразования, категорично и безапелляционно настроено против субъектов этих преобразований, против тех, кто реально и на деле олицетворяет изменения экономической жизни в России*. А разве оно могло быть иным, если, говоря словами К. Штайльманна, никто не видит в российском бизнесмене «самоосуществление национального принципа, национальных задач или национального призвания. Часть в нем видят сочетание худших, осуждаемых человеческих грехов: мздоимства и прохиндейства, жадности, хамства, «крутой мафиозности» [12].

Далее, *парадоксальность сознания и поведения людей проявилась в связи с официальной ориентацией на то, чтобы «капитализировать» сознание — сделать частный интерес основным, ведущим*. Но жизнь показала, что такая ориентация не принесла желаемых результатов. С одной стороны, мотив «трудится на общее благо, ради пользы общества» практически забыт, померк в общественном сознании, хотя общинные, коллективистские начала пусть и в деформированном виде, продолжают существовать. Кстати, этот фактор нередко игнорируется теми исследователями, которые видят единственный пример для России в следовании меняющимся тенденциям в индустриально развитых странах Запада. С другой стороны, по данным фонда «Общественное мнение», невысоки показатели таких «капиталистических» мотивов, как приобретение собственности (на это ориентируется 13% опрошенных), на акции и «деньги в дело» (по 5%).

В связи с проблемой «капитализации» сознания, стоит обратить внимание на распространенность такого парадоксального мнения,

как сопоставление и сравнение роли и значимости частной собственности с другими формами собственности. В общественной и личной жизни людей, в прессе, в обыденной жизни, а порой и в научной литературе широко распространен упрощенческий, комплиментарный подход к частной собственности. Социологическая же информация, например, полученная в ходе российско-канадского исследования «Путь России к рынку» (проводилось в 1992—1997 гг.; рук. Дж. ДеБардалебен, Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков, А.А. Казаков), не выявила значительных расхождений в отношениях людей к трудовым процессам, к эффективности производства, к повышению результативности труда в зависимости от форм собственности. И особенно наглядно это проявляется при оценке деятельности акционерных обществ, в которых большинство работающих продолжают строить свои взаимоотношения на производстве в том же ключе, что и в условиях государственной собственности, в том числе и в советский период. Не об этом ли свидетельствуют акции протестного движения на ряде предприятий, когда весь свой пафос борьбы народ обращает против государства, а не против своих руководителей, являющихся ответственными за управляемые ими предприятиями с их специфической формой собственности?

Анализируя данную парадоксальную ситуацию, некоторые исследователи утверждают, что в условиях неопределенности, неясности, непредсказуемости экономического развития большинство акционеров готово передать бразды правления тем, кто обеспечивает стабильную и высокую зарплату и решение социальных проблем на предприятии. Но на деле это означает, что люди готовы отказаться от права собственности, от которой они не видят никакого прока [13].

Не менее показателен и такой парадокс, который связан с противостоянием в сознании и поведении людей социальных качеств потребителя и работника. В настоящее время они действуют прямо в противоположном направлении, хотя общеизвестно, что только тогда, когда они согласованы между собой, можно говорить о рациональном функционировании не только экономики, но и экономического поведения, образа жизни людей. Но реальная жизнь такова, что вектор усилий в этих двух ипостасях взаимно исключает друг друга. Как потребитель, человек стремится максимально эффективно и качественно удовлетворять свои материальные и духовные потребности, иметь перспективу по их более полному обогащению и обновлению. Однако как работник, человек сталкивается с иной ситуацией. Не всегда оплачивается его труд, а если оплачивается, но неадекватно изменяющейся социально-экономической обстановке. Продукция, в производстве которой он участвует, по тем или

иными причинам часто не востребована. Результаты труда нередко оказываются ненужными, обесцененными. Не менее «эффективным» средством в поддержании этого противоречия-парадокса стало налоговое бремя, которое сводило на нет всякую производственную инициативу. Продавать, перепродавать товары стало более выгодным делом, чем заниматься производством. Стало легче и доступней, не обременительней и дешевле закупить и дороже перепродать товары, используя «ножницы» цен между государственным сектором и частным, между регионами. А еще лучше спекулировать товарами из других стран, в том числе при помощи челночных рейсов, поставляя в родные края все, что приносит прибыль — даже за счет выбракованной и залежалой, утратившей срок хранения продукции. Этот массовый переход к торговле во всех ее мыслимых и криминальных формах — не злое намерение, напасть или порочный умысел. Просто это стало делать выгоднее, чем заниматься производством товаров. Такая ситуация привела к тому, что сфера обмена стала чрезмерно гипертрофированной, в ущерб сфере как производства, так и распределения.

Особую группу парадоксов во взаимодействии «производитель-потребитель» образует широко распространенное противоречивое поведение между патристично ориентированным желанием поддерживать отечественных производителей посредством покупки российских товаров и изделий и реальным конкретным поведением этих людей при решении конкретных потребностей — в основном личных и семейных. Его суть заключается в том, что отечественные товары уступают дорогу более качественным, более привлекательным товарам западных производителей. Декларируемые желания и утверждения вступают в противоречие с реальным поведением при решении конкретных жизненных ситуаций. И такое поведение характерно не просто для одного человека или незначительных групп населения — это реальное поведение многих российских потребителей, когда желание и намерение не совпадает с фактической деятельностью.

Правда, в последние годы наметился некоторый сдвиг доверия к товарам отечественных производителей, что особенно наглядно проявилось в ситуации, касающейся продовольственных товаров и товаров легкой промышленности. Однако в целом российские товары по многим параметрам или совсем отсутствуют, или не доходят до потребителей, или все же уступают западным и восточным фирмам по тем или иным показателям.

Не менее значительный парадокс существует между призывом соответствовать рыночной демократии и ориентацией в повседневной жизни на убогие и примитивные запросы, связанные с одним — как выжить. О каком соответствии и какой рыночной демократии мо-

жет идти речь, когда кругом восхваляется и поднимается на щит умение делать деньги любым путем, способность урвать от конъюнктуры и просто шанс облапошить других людей при помощи банков, фондов и просто любителей нажиться всеми доступными, в том числе и несправедливыми методами.

В августе 1998 г. состоялось очередное ограбление людей — дефолт, который в очередной раз подорвал доверие к государству и заодно к рыночным отношениям. Поэтому вполне естественно, что после многолетнего обнищания у людей все больше крепнет желание пересмотреть итоги приватизации, когда за бесценок огромные богатства достались людям, сумевшим урвать от общего пирога то, что принадлежало всему обществу. А если учесть, что продолжается гигантская спекуляция землей (и это до введения института купли-продажи), расхищение редких и уникальных сырьевых ресурсов, остатков государственной собственности, то все это подводит людей к мысли о беспределе и хаосе в экономической жизни страны.

Еще один парадокс заключается в том, что многие люди (50—60%) ориентируются на возможность потерпеть, приспособиться к ухудшившейся ситуации, несмотря на то что они недовольны своим экономическим положением, оценивая его как плохое и очень плохое (до 70%). Здесь, как в случае с парадоксами в теории, имеет место противоречие между миром мыслимого и миром реального опыта, которые нередко противоречат или противостоят друг другу. Иначе как объяснить, что огромная неудовлетворенность сложившейся социально-экономической ситуацией в обществе продолжает сосуществовать с позитивной или сдержанной оценкой личного реального положения. Конечно, можно говорить о начавшемся процессе примитивизации потребностей, о вытеснении высших форм удовлетворения потребностей низшими, о стремлении к выживанию в экстремальной ситуации, но это не отменяет факта: люди надеются, что эти проблемы можно решить мирным способом, но при определенном раскладе политических сил. Ведь до сих пор у них сохранилась крайне неблагоприятная историческая память, которая настойчиво напоминает о тех колоссальных издержках для всех и каждого, если разрешение противоречия между реальным и желаемым пойдет насильственным путем.

Особо следует остановиться на таком парадоксе, который складывается в общественном сознании при оценке современного экономического положения лично своего и всей страны. Если в советские времена было принято говорить, что «мы живем скромно, зато страна наша богатеет день ото дня», то сейчас люди склонны оценивать положение страны хуже, чем свое собственное. Эта тенденция прослеживается в опросах практически все 1990-е гг. (табл. 10.5).

Т а б л и ц а 10.5

Как Вы оцениваете экономическое положение
(в % к числу опрошенных; N = 1600)

Варианты ответов	В стране			В своей семье		
	1997	2000	2006	1997	2000	2006
Очень хорошее	0	0,3	0	0,2	0,4	0
Хорошее	0,7	1,9	9	3,6	5,1	9
Среднее	19,5	26	45	44,4	48,4	56
Плохое	50,2	50,2	30	36,4	31,3	28
Очень плохое	19,2	10,8	5	14,5	12,8	5
Затрудняюсь ответить	10	10,8	11	0,8	1,9	2

И с т о ч н и к: *Мониторинг* общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 4. С. 48; *Вестник* общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 6. С. 66.

В общественном сознании все больше и больше стали проявлять себя реальные, а не экзальтированные представления о рынке. Все большее количество людей убеждается, что рынок не обеспечивает социальную защиту, не ликвидирует безработицу и нищету, не предотвращает, а наоборот, усугубляет социальное расслоение. Что касается специалистов, участвующих в экономических преобразованиях, то многие из них от восторженных словословий перешли к критическим и даже негативным отзывам, ибо стало очевидным, что сам по себе рынок не может осуществить рациональные структурные сдвиги в долгосрочной перспективе, не способен быть социально эффективным (обеспечить социальные услуги, общественные потребности), не предотвращает процесс монополизации производства и ценообразования. На эти процессы общественное сознание не может не реагировать, не может оставаться в стороне. В результате происходит «излечение», т.е. избавление от несостоявшихся ожиданий и надежд и возвращение на реальную почву должного и сущего.

10.5. Парадоксы в сфере труда

Особую группу парадоксов образуют противоречия в сфере труда, т.е. в той части экономики, где сознание и поведение людей проявляется наиболее наглядно в связи с реально существующими интересами и потребностями.

Что касается общей ситуации в сфере труда, то мы стали очевидцами разрушения традиционных трудовых мотиваций, когда в массовом сознании созрела убежденность, что добросовестное отношение к труду не дает гарантий и уверенности в том, что трудовые

усилия будут достойно вознаграждены. Взлет инициативы, который наблюдался в конце 1980-х гг. в связи с попытками формирования новых производственных отношений, быстро сошел на нет, ибо не стало выгодно производить, стараться, стремиться к качеству. Постепенно сошел на нет и такой мотив, когда работа ценилась за ее творческое содержание, за то, что она давала удовлетворение человеку. В тоже время на сознание людей все большее воздействие стал оказывать долгосрочный спад производства, имеющий своим самым большим следствием безработицу и рост нищеты, а соответственно и настроения безисходности. После шока перехода к рынку к концу 1990-х гг. стало очевидно, что люди в современной ситуации активизировались, ищут способы выжить, а в ряде случаев даже наладить производство. Но какова же сегодня реальная картина? На наш взгляд, необходимо обратиться к тому, что происходит в реальной жизни, в сознании людей, в их поведении, как они относятся к происходящим изменениям и какое будущее они видят.

Во всероссийском мониторинге, который ведет ВЦИОМ с 1989 г., респондентам предлагалось выбрать одно из четырех суждений, как наиболее характерных для основных жизненных установок. Два из них отразили тенденцию, которая без усилий наблюдается в реальной жизненной ситуации и никем не подвергается сомнению. Во-первых, с 25% в 1989 г. до 61% в 1997 г. и до 71% в 1999 г. выросло число тех, кто считал, что работа для него — основной источник получения средств к существованию. Иначе говоря, материальный стимул, ориентация на получение прежде всего оплаты, дохода, стала определяющим мотивом в жизни людей. Во-вторых, резко уменьшилось количество тех людей, которые ориентировались не только на важность труда, но и на ценности, лежащие вне его сферы: с 54% в 1989 г. до 17% в 1997 г. и до 10% в 1999 г.

Но это же исследование выявило парадоксальный факт, на который требуется обратить особое внимание: с 1989 по 1997 г. осталось неизменным число людей, которые придерживаются позиции «работа для меня интересна и важна, независимо от оплаты». Их число колебалось в пределах 10—12% и оставалось устойчивым, несмотря ни на какие катаклизмы, происходившие в стране и на производстве за последние 20 лет. Ни смена строя, ни реформы, ни кризисы, в том числе и политические, не повлияли на эту установку. В этой связи возникает вопрос: а почему остается устойчивой численность этой категории людей, которых можно назвать трудоголиками и которые сохраняют свои ориентации, несмотря ни на какие невзгоды?

Не менее примечателен и такой факт: число людей, для которых работа является неприятной обязанностью, осталось практически

одним и тем же — 6% в 1989 г. и 5% в 1997 г. и 2% — в 1999 г. Оказывается, и на эту категорию людей не влияют никакие, в том числе и кардинальные, изменения в стране, в экономике. Но в то же время не происходит пополнение этой группы за счет тех, кто лишился работы, попал в трудную жизненную ситуацию, потерял всяческие ориентиры в жизни [14].

Представленную картину дополняют ответы на вопросы о мотивах труда. Как и следовало ожидать, среди мотивов трудовой мобильности ведущей является ориентация на оплату труда (зарплату). С 1993 по 1998 г. его значимость практически не изменилась: от 64 до 56% опрошенных считают этот мотив решающим. Что касается содержания труда, возможностей профессионального роста, то оценка этого фактора уменьшилась с 20 до 14%, а число тех, для кого важны «условия и организация труда», сократилась с 34 до 22%. Зато выросли опасения, что предприятие (организация) может закрыться — об этом сказал каждый десятый из опрошенных, т.е. 10% (в 1993 г. — 4%). Вместе с тем за эти годы не изменилась и даже несколько улучшилась оценка взаимоотношений в коллективе и с администрацией. Померкло значение такого фактора, как жилищные проблемы (с 12% в 1993 г. до 10% в 1998 г.), и не потому, что с жильем стало лучше, а потому, что предприятия (организации) фактически не участвуют в их решении [15]. Иначе говоря, эти данные мало что добавляют (они лишь детализируют) к тому, что было известно по предыдущей информации: значимость роли материального фактора и весомое уменьшение роли содержательных и творческих мотивов в труде.

Эти выводы подтверждают и данные обследований, проводимых и в регионах. Так, опрос 2107 работников 18 предприятий Владимирской, Нижегородской и Рязанской областей показал, что для них первостепенное значение имеют три важнейшие ценности: труд как средство существования (мнение 61,8%), стабильность и уверенность в завтрашнем дне (31,1%), общение с коллегами (25,6%). Что касается таких ценностей, как ценность жизни и возможность творческого роста, то их оценили соответственно 12,6 и 8,3% опрошенных [16].

В этой связи хотелось бы вернуться к такому извечно волнующему вопросу, как ценность труда, ее место в общественном сознании и величина ориентирующихся на признание этого феномена. То, что установка на труд достаточно четко сформирована в общественном сознании, нет никакого сомнения. В этом отражается и вековая оценка труда в тысячелетнем опыте русского и других народов, и практика советского общества, ориентировавшего население на реализацию лозунга «Труд есть дело чести, доблести и ге-

ройства». Но в то же время *мы имели, имеем и, вероятно, еще долгое время будем иметь дело с неэффективностью этого труда.*

В чем же дело? Оказывается, что недостаточно ориентации на труд как таковой. Нужна еще ориентация на качество этого труда. А что это значит?

Хотя личное благополучие как мотивация лидирует, но этот процесс не сопровождается заметной трудовой активизацией. Здесь достаточно определенно просматривается расхождение между заявленным мотивом возможной активизации и непосредственным поведением. По данным проводимых автором в 1980—начале 1990 гг. исследований, было очевидно, как уменьшалась доля тех, кто признавал, что повышение эффективности и результативности его труда обернется повышением его заработной платы. Но с середины 1990-х гг. численность уверенных в зависимости труда и его оплаты стремительно уменьшалась. Именно этим можно объяснить такое *парадоксальное явление, что огромное количество людей (80—85%), считают, что они имеют резервы по повышению производительности и эффективности труда, и в то же время очень небольшая часть (около 15%) полагает, что их старание в труде будет замечено и вознаграждено.*

Не менее парадоксален и противоречив тот факт, что желание хорошо зарабатывать не коррелирует со стремлением совершенствовать знания и навыки, которыми человек владеет. И хотя в среднем 38% людей ориентированы на повышение квалификации, только 15% из них, или 5% общей численности работающего населения, фактически реализовали это намерение (данные Фонда «Общественное мнение»). Особенность трудового сознания заключается в том, что оно не настроено на самоизменение: человек хотел бы больше зарабатывать, но рассчитывает только на те знания и умения, которыми он владеет. Поэтому при выборе работы возможность профессионального роста интересует только каждого десятого (10%). Этот мотив значим для руководителей (31%), отчасти для специалистов (14%) и служащих (11%).

Бедность мотивации, связанной с повышением квалификации, продвижением по службе, карьерой в значительной степени объясняется тем, что этот фактор — приобретение новых знаний — практически никак не стимулируется. Этот казус в значительной степени объясняется тем, что долгое время повышение профессиональной квалификации при низких темпах модернизации трудового процесса, при серьезном отставании технологической оснащенности не было по-настоящему востребовано. А современные реалии, нуждающиеся в постоянном профессиональном совершенствовании, пока расходятся с укоренившимися социально-психологическими установками. А пока мы имеем, что имеем: желание хорошо зараба-

тывать, но при этом нет стремления совершенствовать знания и навыки, которыми обладаем.

Анализ ситуации на рынке труда показывает: значительная часть людей активизируется только лишь в том случае, если им угрожает безработица или удовлетворение их первичных потребностей находится под угрозой. Именно эти переменные оказываются наиболее действенными, так как почти половина работников признает, что у них реальна угроза потерять работу или они ее фактически потеряли. Иначе говоря, реакция людей и их поиски выхода из создавшегося положения достаточно примитивны — они не предпринимают меры по нахождению таких более значимых и долгосрочных факторов, как, например, забота о повышении профессиональной квалификации. Конечно, реакцию на угрозу безработицы и потерю благополучия можно также объяснить — это опасности, которые особенно значимы для населения, но их устранение часто не связано с поиском глубинных резервов — люди с российским менталитетом предпочитают решать возникшие проблемы быстро, неотложно, без особых усилий и затрат ума и энергии.

В этой связи уместно напомнить слова философа К. Фогта из его книги об истории утопической мысли: «Когда же наступит экономическая свобода?... Мой ответ на это будет совершенно тот же: человеческая свобода, как и справедливость, зависит не от экономического строя, а от самих людей. Не экономический строй должен и может быть абсолютно свободным, а сам человек» [17]. Аналогичного утверждения придерживается и наш современник, ученый и крупный немецкий предприниматель К. Штайльманн: «Так как Россия уникальна как «духовная страна», поэтому «экономическая нравственность, экономическая духовность должны быть первичными по отношению к материальным экономическим отношениям (да простят меня за такой «экономический идеализм» К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин и все остальные материалисты)» [18].

Есть еще одно очень значительное противоречие, граничащее с парадоксальностью. Дело в том, что труд как процесс высоко оценивается — доказательством этого является высокий рейтинг такой черты человека, как *трудолюбие*. Но в то же время оценка результатов трудовой деятельности (по крайней мере в их экономическом выражении), также как и ответственности за них, до сих пор котируется достаточно низко. Отношение к эффективности труда даже у представителей частного сектора сдержанное. Такую черту, как предприимчивость, высоко оценили около 48% предпринимателей, а среди других групп населения она была оценена в рамках от 9 до 35%. *Верховенство процесса над результатом — это в известной мере остаточное явление* психологии натурального или мелкотоварно-

го производителя, работающего «на себя», когда главные усилия были сосредоточены на процессе достижения цели, чем на его результате. В условиях современного производства ведущим компонентом становится достижение результата, правда по-разному трактуемого экономистами и социологами. Если для экономистов основным принципом было «достижение результата при минимизации затрат», то у социологов результаты соотносились с максимизацией социальных показателей.

В советское время результат достигался за счет энтузиазма, мобилизации усилий в борьбе против внешнего врага в процессе реализации социалистических идеалов. Но эта концепция дала сбой, ибо результат не соединял воедино общественно значимые и предпочитаемые личные и групповые цели. Справедливости ради следует отметить, что, извлекая некоторые уроки из провалов российской экономики, даже неолиберальные экономисты (например, Греф) стали призывать к учету социальных параметров развития экономики.

О том, что осознание окружающих человека реальностей практически не изменилось, говорят и данные ВЦИОМ (аналогичные данные получены и социологической лабораторией Самарского университета, табл. 10.6).

Т а б л и ц а 10.6

**Условия, которые должны влиять на зарплату
(в % к числу опрошенных в 1991—1996 гг.)**

<i>Условия</i>	<i>1991</i>		<i>1996</i>	
	<i>Должно быть</i>	<i>Реально есть</i>	<i>Должно быть</i>	<i>Реально есть</i>
Образование	60	14	62	17
Тяжелые условия труда	71	17	70	12
Упорный труд	76	11	67	12
Размер семьи	28	5	27	5
Важность работы	59	15	60	18
Стаж	38	17	39	12

Таким образом, можно говорить о том, что внешние условия вкупе с внутренними мотивами не создали реальной базы для обновления ситуации и соответственно не внесли существенных изменений в структуру социально-трудовых отношений на производстве. Более того, они породили многочисленные противоречия и парадоксы.

10.6. Парадоксальность экономического сознания и поведения российского крестьянства

Среди парадоксов экономического сознания и поведения особое место занимают те из них, которые касаются бывших колхозников, рабочих совхозов, нынешних фермеров и работников сельскохозяйственных акционерных обществ.

Каково же оно на самом деле? Рассмотрим данные, полученные в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (табл. 10.7).

Таблица 10.7

**Распределение ответов на вопрос: «Как изменились, по Вашему мнению, за годы реформ Ваши возможности?»
(в % к числу опрошенных)**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Улучшились</i>	<i>Ухудшились</i>	<i>Не изменились</i>	<i>Трудно сказать</i>
Иметь полную работу	2,4	60,0	33,3	4,3
Работать по своей специальности, профессии	3,9	57,6	32,4	6,1
Работать в полную силу	7,8	49,0	35,4	7,8
Проявлять свои способности, знания, инициативу	10,9	40,1	35,0	14,0
Хорошо зарабатывать	6,8	70,5	15,7	7,0
Заниматься тем, чем хочется	24,6	24,8	25,1	25,5
Влиять на результаты работы своего предприятия	9,8	29,2	35,3	25,7
Не зависеть от начальства в решении производственных вопросов	10,1	28,5	40,7	20,7
Принимать участие в управлении предприятием	9,2	27,0	37,7	26,1
Отстаивать свои трудовые права и интересы	14,7	42,0	23,9	19,4
Стать самостоятельным хозяином, собственником	29,1	22,4	26,4	22,1

Источники: *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000. С. 43. Исследование было проведено в 1996 и 1997 гг. Объем выборки составил соответственно 341 и 736 человек и репрезентировал население области по полу, возрасту и уровню образования.

Даже из этих локальных, но представительных данных можно сделать вывод о парадоксальной ситуации: возможность стать самостоятельным хозяином признает почти каждый третий крестьянин и в то же время 70,5% оценивают ухудшение возможности зарабатывать, 49% — работать в полную силу, 60% — иметь полную работу. Иначе говоря, право на самостоятельность и инициативу не реализуется в реальной жизни. Более того, оно сопровождается серьезными издержками и ухудшением социального настроения, социального самочувствия.

Как объяснить такое, на первый взгляд, парадоксальное явление, что передача земли в частную собственность в наименьшей степени поддерживается именно крестьянством? Почему гораздо больше желающих наделить людей землей среди городских жителей и среди так называемой демократической интеллигенции? А крестьяне не хотят. По данным З.И. Калугиной, только 19,2% опрошенных крестьян в 1999 г. согласны с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи при 8,3% частично согласных и 58,5% отрицающих такую возможность (14% затруднились сформулировать свое отношение) [19]. Почему? Это объясняется рядом **как объективных, так и субъективных причин.**

К объективным причинам следует отнести условия хозяйствования (стоимость техники, средств агрохимии, удобрений и т.д.), отсутствие государственной поддержки сельскохозяйственного производства, высокие налоги, незащищенность прав собственника, монополизм перерабатывающих, заготовительных и обслуживающих предприятий, которые делают нерентабельными, неэффективными и даже бессмысленными многие попытки хозяйствования на земле. Эту ситуацию усугубляют **субъективные причины**, связанные с тем, что фермерство — тяжелый, напряженный, непрерывный труд, в то время как в колхозе и совхозе работнику был обеспечен хоть и небольшой, но регулярный доход, упорядоченный и регламентированный труд, позволяющий жить хоть бедно, но спокойно, без особых напряжений, коллизий и страстей. А если к этому добавить те социальные гарантии, которые были созданы при советской власти в виде детских и общеобразовательных учреждений, очагов культуры, библиотек, организаций здравоохранения и т.д., то крестьянин никак не может понять, как будут обеспечиваться эти социальные нужды при индивидуальном хозяйствовании.

Вот и получается **парадокс: колхозы — это прошлое, фермерство — будущее, а кормить людей надо сегодня**, не откладывая это на потом. Попытки же отложить это на «потом» приводят к тому, что рынок потребления заполняется западными товарами и услугами, усугубляя и без того тяжелейшее положение российских сельхозпроизводителей.

Этот парадокс имеет достаточно губительные последствия. С середины 1990-х гг. происходит сокращение числа тех, кто рискнул стать фермером, причем реальным, не про «запас». Имеющийся опыт убеждает, что тысячи крестьян, не выдержав гнета искусственных препятствий, незащищенности от нравов дикого рынка, вынуждены бросить землю, возвращаться в город или в бывшие совхозы и колхозы к прежним занятиям — безрадостным, но и бесплодным. А если еще учесть, что значительный процент фермеров трансформировал свое хозяйство в примитивные натуральные хозяйства, которые даже в отдаленной степени никакого отношения не имеют к идее их товарности, то картина аграрного запустения становится еще более впечатляющей.

Следует отметить и такой парадоксальный факт: начиная с 1997 г. число фермерских хозяйств, прекративших свою деятельность, стало превышать число вновь создаваемых крестьянских хозяйств. В 1997 г. их число уменьшилось на 1 тыс. по сравнению с предыдущим годом, в 1998 г. — на 4,3 тыс., в 1999 г. — на 4,1 тыс. [20].

В результате мы имеем печальный итог. Если 1991 г. сельскохозяйственные предприятия закончили с уровнем рентабельности в 43%, то в 1995 г. — с рентабельностью -2% , а 1996 г. рентабельность была $-20,5\%$. При этом негативные тенденции сохраняются (табл. 10.8).

Таблица 10.8

**Убыточность сельскохозяйственных предприятий России
в 1970—1998 гг.**

<i>Год</i>	<i>Число убыточных хозяйств, тыс.</i>	<i>Доля убыточных хозяйств, в % от общего числа</i>
1970	2,9	13
1980	16,8	71
1990	0,7	3
1994	15,9	59
1995	15,4	57
2000	14,1	51
2003	10,8	49
2005	7,6	40

Источник: *Концепция аграрной политики России в 1997—2000 годах*. М.: ООО «Вершина-Клуб», 1997.

И если к этому добавить тот факт, что в 1998 г. в структуре сельскохозяйственного производства 41% продукции в действующих ценах производили сельхозпредприятия, 57% — личные под-

собные хозяйства и только 2% — фермеры, очевидно, что сельское хозяйство находится в тяжелейшем положении. Это, в свою очередь, не может привести к парадоксам и деформации экономического сознания и поведения крестьян [20]. Одним из них стал достаточно значительный процесс *неоахраузации* крестьянских хозяйств, в которых возродились устаревшие формы хозяйствования, которые намертво привязывали членов личных и фермерских хозяйств к земле, не давая вести независимую жизнь, обрекая людей на новые формы несвободы, ставя под сомнение любые «отклонения» вроде отдыха или лечения, требующие отключения от хозяйства на некоторое время [21].

С точки зрения истории, противоречивость поведения крестьянства была заложена в момент принятия решений о всеобщем массовом его кооперировании в 1929 г., что положило начало внедрению колхозного строя в советское сельское хозяйство. Это решение проигнорировало складывающуюся достаточно эффективную ситуацию с появлением массового хозяина на земле. Как показывал анализ реальной жизненной ситуации, в 1920-е гг. во многих губерниях и волостях функционировало по 14—16 различных форм кооперации: от семеноводческих и снабженческих до товариществ по совместной обработке земли, от сбытовых объединений до коммун, в которых было обобщено все, вплоть до бытовых услуг. И все эти формы хозяйствования жили, функционировали, соревнуясь между собой в деле эффективности и социального развития [22]. Можно только предположить, что если бы это многообразие было сохранено, поддержано, то не был бы столь трагичным и исторически бесперспективным избранный советской властью путь.

В условиях начавшего функционирования колхозного строя сознание и поведение крестьянства среагировало следующим образом: личное хозяйство стало рассматриваться как производное от общественного. Но затем, не создав рациональных и эффективных, понятных крестьянину форм сочетания личных и коллективных интересов, усугубленных не прекращающимися грубейшими ошибками в аграрной политике, сознание крестьянства совершило ползучую трансформацию, в свете которой коренным образом изменилась основная установка на соотношение личного и общественного. *В 1950—1960-е годы начинает складываться новая идеология — теперь коллективное хозяйство становится частью личного подсобного хозяйства.* Именно эта идеология привела к массовому воровству, «растащиловке» общественного добра, к игнорированию и забвению коллективных и общинных ценностей [23].

Одновременно мы наблюдаем, как в попытке «бежать впереди паровоза», в угоду сомнительным, но очень «современным» концепциям происходит профанация идей собственности на землю.

С одной стороны, не принесло желанных плодов разделение на паи земель и собственности колхозов и совхозов — это не приблизило крестьян к пониманию своего предназначения. Зато этот процесс имел самые разрушительные последствия — запустение земель, резкое снижение товарности сельского хозяйства, катастрофическое снижение поголовья скота, падение урожайности и массовая натурализация личного хозяйства сельских жителей. Достаточно сказать, что за 1990-е гг. почти на 30 млн га, или на 1/4, сократились посевные площади, более чем на 50% — поголовья продуктивного скота, на 40—60% — парк основных видов сельскохозяйственных машин. За этот же период капитальные вложения в АПК (в сопоставимых ценах) уменьшились в 20 раз, объемы мелиоративных работ — в 30 раз [23].

С другой стороны, непродуманная тактика продажи земли привела, как в Саратовской области, к удивительному явлению: когда земли сельскохозяйственного назначения стали продавать за суммы, которые даже не оправдывали затрат на проведение торгов. Вот несколько примеров. В Вольском районе 160 га было продано за 4000 руб. (!), а в Саратовском районе на аукцион был выставлен участок 27,3 га за 490 руб.(!) [25]. Продажа ради продажи? Опять желание быть передовиком, вовремя отчитаться и отрапортовать? Или уж очень специфическая позиция губернатора (в ту пору им был Аяцков)?

О парадоксальности в отношении к земле, ее будущему и настояще-му свидетельствует другой не менее показательный факт. В 1995 г. во время всероссийского опроса был задан вопрос: «Как Вы относитесь к созданию в Вашем районе крупных частных земельных владений?» Только 28% согласились на такую перспективу. Чем не парадокс: я за частную собственность, но против частных собственников, особенно крупных. Но ведь так не бывает и не будет. При введение института частной собственности сельчане сталкиваются с реальным фактом отъема под разным предлогом земель. Хотел бы этого кто или не хотел, нравиться это кому-то или нет — приход рыночных отношений и в сельскохозяйственное производство в начале 2000-х гг. воплотился в виде предпринимателей и крупные землевладельцев. Только в Подмосковье, по данным С.А. Кузьмина, с 2002 по 2005 г. произошло фактическое перераспределение земель бывших колхозов и совхозов, перешедших под контроль 15—20 коммерческих структур [26]. *Вот и возникает парадокс: мы за рынок, но против тех, кто представляет этот рынок в сфере земельных отношений, а на деле идет не внедрение рыночных отношений, а кримина-*

лизация сельской экономики, широкое распространение латифундизм, при котором крестьянин попадает в полную зависимость от нового земельного собственника, но без прежних социальных гарантий и социальной защиты, которым он обладал даже при советском строе. Ситуация в сельском хозяйстве осложняется тем, что нет никакой внятной государственной аграрной политики, в которой бы учитывался не только интерес новых собственников, но и интерес крестьянина.

В этих условиях не мог не сформироваться *колоссальный парадокс: проводимые аграрные реформы не только не содействуют формированию рыночного сознания и поведения работников, но практически разрушает его в виде фактической ликвидации трудовой мотивации.* Зарботная плата перестала быть для крестьян основным источником существования. Разрушена связь зарплаты с результатами и квалификации труда. Полностью отсутствуют (и не поддерживаются) моральные стимулы к труду, резко сократились возможности решать социальные проблемы жизни крестьян. Следствием явилось резкое снижение мотивации к профессиональной, качественной и эффективной работе, а также огромное уменьшение престижа труда в сельскохозяйственном производстве, особенно среди сельской молодежи. Согласно опросам в начале 1990-х гг. только каждый десятый сельский житель согласился бы не работать, если бы было пособие по безработице, то в конце 1990-х гг. число таких людей достигло 30% [27].

В этой ситуации весьма показательно то бесправие, в котором находятся сельские пенсионеры. О какой защищенности, обеспечении их прав может идти речь, когда после разгона колхозов и совхозов и превращения крестьян в собственника, 28% пенсионеров не имеют документов на выделенные им паи, 14% затруднились ответить и 3,5% вообще не знают, имеются ли у них земельные паи [28]. Кстати, на наш взгляд, именно *сельский пенсионер является ярчайшим выразителем парадоксального социального положения:* многолетняя жертвенность, работа на общество, воздержанность и ограничение повседневных социальных потребностей, с одной стороны, и полное забвение, отсутствие элементарных забот и обеспеченности — с другой, стали трагедией для современных пожилых жителей села.

Очевидно, что до тех пор, пока государство не будет стимулировать и поддерживать тех, кто производит, в сознании крестьян не сложится убежденность, что работа на земле может быть не менее признательной и доходной, чем любой другой труд (а в ряде случаев может быть даже перспективней и приоритетней). В такой ситуации, особенно при вступлении во Всемирную торговую организа-

цию (ВТО), ничто и никто не гарантирует успех рыночным преобразованиям на селе.

В целом итогом аграрных преобразований может стать еще *два парадокса*, которые отмечает З.И. Калугина. *Во-первых, вместо неэффективного государственного сектора экономики на селе общество получило неэффективный частный сектор.* К итогам ошибочного, формального проведения аграрных преобразований стоит добавить и тот факт, что крестьяне в своем большинстве почувствовали утрату многих прошлых своих преимуществ по сравнению с навязанным им настоящим положением. *Во-вторых, вместо проектируемого расцвета фермерских хозяйств и акционированных коллективных хозяйств произошла экспансия мелкотоварного производства.* Это означает, что лицо сельского хозяйства России стали олицетворять личные подсобные хозяйства (напомним — они давали в 1999 г. 57% все сельхозпродукции). Именно эта категория сельхозпроизводителей смогла за 1990-е гг. удвоить объемы производства и товарности. Этим показателям можно было бы радоваться, если бы расцвет мелкотоварного производства не сопровождался процессом натурализации хозяйств, возвратом к бартерным формам обмена, снижением технической оснащенности, несоблюдением требований агротехники, обострение социальных проблем [29].

Все это позволяет сделать вывод, что вопреки всем обещаниям, проектам, проводимым реформам жизненных препятствий в крестьянской судьбе стало больше. Но весь трагизм крестьянского сознания состоит в том, что труженики села не видят выхода из сложившейся ситуации, ибо преодолеть те преграды, которые воздвигнуты на их пути, им не под силу. И пока только единицы из них оценивают происходящее на селе как позитивные изменения [30].

* * *

Провозглашенное преимущество рыночных отношений не может само по себе пробить дорогу. Если они не будут социально ориентированы, людей ждут (вернее значительную часть населения) и нищета, и обездоленность, и отчаяние. А это, в свою очередь, сопряжено с возможными социальными катаклизмами, хотелось бы это кому-нибудь или нет. Так что в российском обществе есть очень небольшой выбор — или дорога первоначального (кровавого, мерзкого и очень длительного) накопления капитала с надеждой на светлое будущее через неведомое время или регулирование рыночных отношений, пересмотр форм и методов экономической политики. И если к первой дороге не надо прикладывать руки (мол, сама история выведет нас на путь зажиточной жизни), то для второй

следовало бы приложить немало усилий, чтобы вырулить на путь, достойный человека XXI века.

Таким образом, в основе экономических парадоксов лежат огромные сдвиги, которые произошли как в обществе в целом, так и в жизни каждого человека. В современных условиях российского общества коренным образом изменились ситуация, базирующаяся на отношениях собственности и производных от нее отношений владения, пользования и распоряжения. На наших глазах происходит изменение сущностных черт экономического сознания и поведения, которые за годы Советской власти были не только нормативными требованиями, но и стали традицией, стереотипами мышления и деятельности многих миллионов людей.

Этот разрыв между мнимым и сущим, между официальной политикой и социально-экономическими реалиями, между ориентациями и результатами происшедших изменений и лежит в основе той парадоксальности, которую мы наблюдаем в сегодняшней жизни.

Так, производители сельхозпродукции не в состоянии диктовать переработчикам свои цены и вынуждены соглашаться со сложившимся перекосом в распределении прибыли между сельхозпредприятием, перерабатывающим предприятием и торговым предприятием. Согласно данным госстатистики, в 2003 г. доля прибыли предприятий сельского хозяйства в производстве молока составляла 18%, предприятий переработки — 38%, торговли — 44%. В то же время распределение затрат на производство имело обратную структуру: на долю сельского хозяйства приходилось 46% затрат, переработки — 38%, торговли — 15%. Если же спуститься на уровень рядовой доярки или скотника, то картина жесточайшей эксплуатации труда сельских тружеников предстанет во всей неприглядности. В обследованных хозяйствах в 2006 г. за 1 ц надоенного молока доярка получала 13 руб., а скотник — 6 руб. Затем это молоко сдавалось на молокозавод по цене 5—7 руб. за 1 л, а в розничную торговлю оно поступало уже по цене 18—20 руб. Таким образом, доля оплаты труда доярки и скотника в закупочной цене молока составляла 3—4%, а в розничной — всего 1% [31].

Стоит отметить, что значительный вклад в эту парадоксальную сумятицу происходящего внесли сумбурные, противоречивые концепции ученых, представляющих различные догматические, популистские или слепо копирующие чужой опыт идеи. Опыт хозяйствования в России в 1990-х гг. убедительно доказал, что, во-первых, нельзя, даже руководствуясь самыми благими намерениями, ускорять ход преобразований, игнорировать уроки мирового опыта, отрываться от жизни, во-вторых, научный и политический экстре-

мизм, основанный на абсолютизации монетаристских методов и не учитывающий всего спектра современных воззрений, не может привести к успеху.

Следовательно, *парадоксальность нынешней и завтрашней социально-экономической ситуации, а соответственно экономического сознания и поведения людей состоит в том, что объективные и субъективные силы исторического процесса действуют в разных, а иногда в прямо противоположных направлениях, что не придает стабильности и уверенности в скором решении насущных проблем российского общества.*

Примечания

1. *Драчев В.К.* Экономическое сознание как фактор развития общественного производства при социализме. Минск, 1977; *Колесов Н.Д.* Экономическое мышление трудящихся и развитие народного хозяйства. Л., 1986; *Попов В.Д.* Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981; *Фофанов В.П.* Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979; *Некоторые* проблемы экономического сознания и поведения рассматривались в следующих работах: *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск, 1991; *Верховин В.И.* Экономическая социология. М., 1998; *Радаев В.В.* Экономическая социология. М., 1998; *Бойков В.Э., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т.* Общественное сознание и перестройка. М., 1990; *Соколова Г.Н.* Экономическая социология. Минск, 1999;
2. Подробнее см.: *Абалкин Л.И.* Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М., 1991. С. 71, 97.
3. *Неклесса А.* Несостоявшаяся революция //Россия — XXI. 2006. № 5. С. 75—76.
4. *Десять лет* трансформационных процессов в странах ЦВЕ и России: итоги и уроки //Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 6.
5. Подробнее см.: *Львов Д.С.* Вернуть народу ренту. М., 2004.
6. См.: *Социология* власти. 1999. № 2—3.
7. *Штайльманн К.* Новая философия бизнеса: В 3 т. Т. 1. М.— Берлин, 1998.
8. *Штайльманн К.* Указ. соч.
9. См.: *Десять лет* трансформационных процессов в странах. С. 6.
10. См.: *Известия.* 1998. 9 декабря.
11. *Душацкий Л.Е.* Ценностно-мотивационные доминанты российских предпринимателей //Социол. исслед. 1999. № 7; *Ильичев Г.* Почти половина россиян считает бизнесменов вредителями //Известия. 2005. 14 июля.

12. *Штайльманн К.* Указ. соч.
13. См.: *Историческая социология: опыт и перспективы (заочной «круглый стол»)* // Социол. исслед. 2005. № 1.
14. См.: *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 1999. № 6. С. 40.
15. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 1998. № 4. С. 16.
16. См.: *Консультант* директора. 2000. № 12. С. 13.
17. *Фогт К.* Человек и его место в природе: Пер. с нем. Т. 1. Спб., 1863. С. 128.
18. *Штайльманн К.* Указ. соч.
19. *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск. 2000. С. 94.
20. *Российский статистический ежегодник.* М., 1997, с. 379; *Российский статистический ежегодник /Госкомстат России.* М., 1999. С. 283.
21. См.: *Сельская бедность: причины и пути преодоления.* М., 2004; *Великий П.П.* Российское село в условиях новых вызовов // Социол. исслед. 2007. № 6.
22. См.: *Большаков А.М.* Деревня. 1917—1927. М., 1929.
23. *Виноградский В.Г.* Крестьянские сообщества сегодня (южно-российский вариант) //Социол. исслед. 1996, №.6.
24. Подробнее см.: *Староверов В.И., Захаров А.Н.* Либеральный передел аграрной сферы России. М., 2003.
25. См.: *Великий П.П., Елютина М.Э., Штейнберг И.Е., Бахтурина Л.В.* Старики российской деревни. Саратов, 2000. С. 32—33.
26. См.: *Кузьмин С.А.* О трансформации деревенского уклада и судьбах сельскохозяйственного производства в России //Мир России. 2007. № 1. С. 5).
27. См.: *Калугина З.И.* Указ. соч. С. 138.
28. См.: *Великий П.П.* и др. Указ. соч. С. 28
29. См.: *Калугина З.И.* Указ. соч. С. 153—136.
30. Как реализуются взвешенные меры по развитию сельского хозяйства в тех регионах, в которых не пошло на бездумное прекращение деятельности колхозов и совхозов, можно судить на опыте не только Беларуси, но и отдельных регионов России. Например, см.: *Гусманов У.Г.* и др. Развитие социальной инфраструктуры села Республики Башкортостан. Уфа: Гилем, 1998. С. 131.
31. См.: *Фадеева О.П.* Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социол. исслед. 2007. № 11.

Глава 11

Полюса политического сознания: общее и специфическое

Главная задача российской власти — под-
держивать в народе чувство глубокого
изумления.

*М.Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889),
русский писатель-сатирик*

До середины 1980-х гг., до «горбачевской» перестройки, политическое сознание и поведение советских людей было внешне монолитным, не подвергающим сомнению социалистическую идеологию как «единственно верную» и постоянно подтверждающую права КПСС на абсолютную власть над умами и сердцами людей. Те немногочисленные диссиденты, как показала дальнейшая жизнь, в большинстве своем были внутрисистемными оппонентами: они надеялись усовершенствовать социалистический строй, верили в возможность социализма с человеческим лицом. Они критиковали советскую систему за заскорузлость, инертность, замшелость, отрыв от реальных процессов, происходящих в мире. В этом смысле показательны труды А.А. Зиновьева, который создал ряд блестящих научно-публицистических произведений с анализом бед и пороков советского строя.

Вместе с тем общественность, многие люди уже с 1970-х г. начали тяготиться засильем геронтократии, ее неспособностью решать проблемы научно-технической и информационной революции, были не удовлетворены ростом партийно-государственной бюрократии, неспособностью и нежеланием власти ответить на новые вызовы времени. Общество жило в ожидании перемен. И хотя в этот период возникали и обсуждались некоторые идеи преобразования экономики, реформирования партии, советской власти, в большинстве своем они были нацелены на улучшение и совершенствование их деятельности, поиск резервов, ограничение негативных аспектов политической жизни.

Надежды на серьезные изменения и коррекцию общественной и государственной жизни возникли после смерти Л.И. Брежнева, с

приходом к власти Ю.В. Андропова в 1983 г., породив в политическом сознании предчувствие предстоящих перемен. Однако их не удалось реализовать из-за реставрации консерватизма и отказа от новаций при очередном Генсеке — К.У. Черненко. Но осознание необходимости и неотвратимости изменений получило внутренний импульс, что позволило им с новой силой проявить себя в связи с начавшимися кардинальными сдвигами во всех сферах общественной жизни.

В годы перестройки, начавшиеся с приходом к власти М. Горбачева в 1985 г., политическое сознание осуществило мощный рывок в плане изменения своего содержания, методов реализации, форм проявления в общественной жизни. Иначе говоря, оно подверглось серьезной, глубокой трансформации, модификации и модернизации.

11.1. Масштабы, направления и особенности изменения политического сознания

Социологический анализ политического сознания и поведения в годы перестройки и в постсоветский период позволяет назвать контуры этих изменений.

Во-первых, политическое сознание стало более раскованным. Необычайно расширился круг проблем, ставших объектом свободного обсуждения, и одновременно с этим неизмеримо обогатился спектр мнений. Практически не осталось ни одной сферы политической жизни, по которой бы не высказалось общественное мнение, а многочисленные политические и общественные организации и объединения не определилось бы со своей позицией. Исчезли ограничения для высказывания суждений о жизни и деятельности политических лидеров, партий и движений, по острым, злободневным и значимым проблемам, которые волновали людей.

Во-вторых, политическое сознание стало плюралистическим. Оно стало отражать многообразие позиций, имеющих в обществе — от либеральных до социалистических, от религиозных до монархических, от националистических до интернационалистских и космополитических. В нем были представлены и радикальные взгляды как правого, так и левого толка, хотя их удельный вес был невелик. Были предприняты попытки перенести на российскую почву ряд экстравагантных концепций, реанимировать ушедшие в прошлое взгляды и идеи. Иначе говоря, политическое сознание представляет собой огромный букет ориентаций и предпочтений, которые только возможно представить, в том числе и ориентации людей с отклоняющимся, шизофреническим воображением.

В-третьих, политическое сознание стало остро критическим. Это особенно наглядно проявляется в оценке деятельности государственных, официальных структур. И если на начальных этапах происходивших изменений эта критика была щадящей, то со временем она приобрела черты нетерпимости. *Парадоксальность ситуации заключается в том, что, чем больше происходит изменений, тем более непримиримее и жестче становится критика.* По данным ВЦИОМ, большинство населения (84%) одобряют уголовное преследование коррумпированных чиновников. Причем этого мнения придерживаются все социальные группы — от пенсионеров до молодежи, от представителей среднего слоя до малоимущих. Кроме того, 45% граждан желают, чтобы на нарах оказался губернатор именно того региона, где они проживают [1]. Соответственно изменился и стиль критики: от открытого провозглашения своего неприятия коррумпированного чиновничества до возросшего отказа принимать участия в выборах. А отсюда уже недалеко до социального бунта против тех, кто спрятался за высокими заборами. В этой ситуации не хотят отставать от политической жизни политические деятели: многие из них стали превращать возможность открытой критики в оскорбительный тон по отношению к оппонентам, граничащий с беспардонным поведением и отсутствием элементарной культуры.

В-четвертых, в политическом сознании уже фиксируется механизм торможения второго порядка, обусловленного несовершенством происходящих изменений. Разрыв между словом и делом поразил и новую генерацию российских руководителей, что проявилось в неадекватном понимании происходящих процессов и, как следствие, в несоответствующей новым реалиям деятельности.

А это, в свою очередь, нашло отражение в усилении напряженности, потере авторитета всех официальных структур. А какая иная реакция может быть на слова Е. Гайдара в 1999 г., сравнивающего Россию с Сомали, и обещающего (вместе с Б. Федоровым, бывшим министром финансов) решить все экономические проблемы, если они вновь придут к власти и им опять дадут возможность возглавить правительство. К ним (правда и не только к ним) вполне применима характеристика такого поведения, когда «безграничные амбиции перехлестывают реальные возможности» [2].

В-пятых, анализ политического сознания делает чрезвычайно затруднительным выделение «сторонников» или «противников» рыночных реформ. В условиях, когда практически все действуют под флагом необходимости экономических преобразований, позиции различных социальных и политических сил по конкретному вопросу бывают чрезвычайно противоречивыми и даже противоположными:

люди, выступающие по одной группе вопросов с позиций левых или правых сил, по другим — могут занимать выжидательную тактику, по третьим — быть центристами и т.д.

В политическом сознании отразились лишь первые сдвиги в политической жизни, связанные с тем, что в действие приведены резервы, лежащие на поверхности: возможность иметь более полную информацию, обсуждать ее, высказывать мнение открыто, не таясь. Однако глубинные резервы демократизации и гласности, как, например, реальное участие в управлении, практически остается на прежнем уровне, а по ряду показателей даже деградирует.

И наконец, политическое сознание стало характеризоваться тревожностью, неустойчивостью, неуверенностью в завтрашнем дне. Иначе и быть не может, ибо и на высшем политическом уровне до сих пор не решено, какую Россию мы строим. Именно отсутствие четкой перспективы, неопределенность и порождает нестабильность, политическую апатию, которая присуща большинству населения.

Вместе с тем, само политическое сознание в эти годы испытало определенные подъемы и спады, выражало поиски, что походило скорее на зигзагообразное, чем на поступательное его развитие.

С середины и со второй половине 1990-х гг. в политическом сознании обнаружилось *новые тенденции*. Стал отчетливо обнаруживать себя сдвиг влево, что проявилось не только в *росте социалистических ориентаций, но и в ностальгии* о прошлом (скорее всего, относительно серьезных социальных гарантий, существовавших в СССР). Всероссийские социологические опросы населения и в 1990 — начале 2000-х гг. фиксировали, что около 70% людей сожалеет о распаде Советского Союза. Еще более характерны данные, полученные в ноябре 1999 г. «Независимой газетой» среди подписчиков Интернет-версии. Очевидно, что аудитория этой газеты (это в основном интеллигенция) достаточно или сравнительно неплохо благоустроена. И вот даже среди этой части населения 47% уверены, что 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции в 2017 г. будет государственным праздником. Интересно отметить, что такой точки зрения придерживаются люди, достаточно молодые, образованные и обеспеченные.

Если судить по данным социологических опросов, каждый третий человек продолжает исповедовать ценности социализма. Эти опросы показывают, насколько на самом деле велика электоральная база социалистического устройства. Особо стоит отметить, что идеям социализма симпатизируют не только обездоленные и нищие, но и в определенной степени нашедшие себя в современной России люди [3]. Разочарование в надеждах, которые люди возлагали на правящий режим, на обновление и улучшение жизни в ходе рыноч-

ных преобразований, привело к тому, что в общественном сознании продолжают существовать ценности и ориентации советского образа жизни.

Осознавая непреходящую роль социалистических идей и признавая их ценность, политическая власть в стране предприняла ряд акций по расколу общественных ориентаций людей, устремленных на идеалы социализма. Перед парламентскими выборами 2003 г. усилиями администрации президента была создана левонационалистическая партия «Родина», которая оттянула часть электората от компартии (вместе они получили те же голоса, что ранее имела одна КПРФ). Правда, «Родина» в дальнейшем вышла из-под контроля. Поэтому перед выборами 2007—2008 гг. была сделана очередная попытка захватить поле социалистических идей при помощи «Справедливой России» и частично объединения «Патриоты России».

За годы рыночных реформ резко сократился электорат радикалов-демократов. В ходе парламентских выборов в 1993 г. они понесли сокрушительное поражение (хотя надеялись на контрольный пакет в Думе с единоличным правом сформировать правительство), получив лишь третье место после ЛДПР и КПРФ. На выборах в 1995 г. они вообще выбыли из числа тех, кому доверял народ, не набрав и 5% необходимых для прохождения в парламент голосов. Некоторый их успех в выборах 1999 г. объясняется поддержкой официальных структур и включением в свои программы положений, которые ранее ими полностью отвергались и которые были связаны с патриотизмом и учетом национальной самобытности России. Однако их несостоятельность и одиозность привела к очередному краху на выборах 2003 г., когда ни одна из либеральных партий не пошла в парламент. Нечто подобное складывается и в преддверии выборов 2007—2008 гг. — всего 6% населения заявляют о том, что исповедуют либеральные идеи. Иначе говоря, ***возник еще один парадокс — идею рынка население приняло, но не приняло дела авторов реального рынка.***

Аналогичные процессы происходят и в бывших странах народной демократии: по данным Пражского института изучения общественного мнения с суждением о закате социализма в 1999 г. согласились 40% венгров, 32% чехов и 22% поляков [4]. Иначе говоря, в сознании населения постсоветских стран продолжают сохраняться социалистические ориентиры и предпочтения.

Для политической жизни постсоветской России стал явным еще один парадокс — идея свободы слова приветствуется большинством народа, но дела творцов свободы расходятся с истинными устремлениями большинства людей. В этой связи хотелось остановиться на одном весьма показательном примере, который характеризует рас-

кол в обществе между различными политическими и социальными институтами, с одной стороны, и народом, с другой. В 1998 г. в газете «Аргументы и факты» был напечатан график, сопоставляющий политическую ориентацию чиновников и журналистов, работников средств массовой информации. По этому графику выходит, что и в президентском окружении, и в правительстве, и в министерствах, и в Думе полным-полно сторонников «коммунистических идей», «коммунистического реванша». А вот 95% журналистов преданы «демократическим идеям». На первый взгляд все правильно, спорить не о чем, тем более что подсчеты близки к реальности. Но в этом графике упущено одно звено немаловажное — народ.

Дело в том, что, согласно социологическим данным, до 30% населения поддерживают (или разделяют) социалистические идеи, в то время как за «демократов» высказались в декабре 2000 г. только 17%, а в декабре 2003 г. и еще меньше (их совокупный электорат составил около 12%). Из этого сопоставления следует важный вывод — СМИ неадекватно отражают политическую палитру общества, не соответствуют ориентациям народа. И если только 5% журналистов отражают чаяния 40% населения, то возникают вопросы. Во-первых: только ли журналисты знают истину, а все вокруг, в том числе и народ, опять заблуждаются? Во-вторых: разве перед журналистами стоит задача переучить народ, переубедить его вопреки реалиям? Не похоже ли это и на советскую пропаганду, которая слишком уповала на собственное знание истины и верила, что доведение этой истины до людей может изменить их образ жизни, их мировоззрение? В-третьих, не изображают ли в этом случае журналисты народ забитой, непросвещенной, не осознающей своих интересов массой, уподобляясь Винни-Пуху, забравшемуся в улей за медом и обозвавшего защитников своего жилья «неправильными пчелами»? Вот так же и народ, по мнению российских СМИ, «неправильно» себя ведет, не сознает своего счастья, не понимает своей выгоды, да еще неблагодарно относится к своим благодетелям. Не лучше ли прессе задуматься о своем рейтинге, который очень низок с точки зрения доверия к ним и мало чем отличается от доверия политическим структурам. По данным В.К. Левашова, с 1995 по 2005 г. уровень доверия газетам, радио, телевидению не превышал 17% среди опрошенных, а в некоторые годы он падал до 10% [5].

Все это позволяет, в конце концов, сделать вывод о парадоксе: ***СМИ клянутся именем народа, приверженностью к свободе слова и демократии, а на деле согласовывают свои позиции с теми, кто платит им деньги, иначе говоря, с теми, кто заказывает музыку, или, если им позволяют, выражают отсебятину.*** Но в таком случае при чем здесь демократические ценности?

В 1990-е гг. в политическом сознании произошел *сдвиг в сторону национальных и националистических ориентаций*. Причем их спектр достаточно разнообразен — от русского (российского) патриотизма до оголтелого шовинизма и расизма. Но факт остается фактом: с конца 1990-х гг. патриотические настроения прибавили в весе и играют немаловажную роль в общественной жизни. Именно использование этих идей занимает ведущее место в феномене В. Жириновского (ЛДПР), а впоследствии — Д. Рогозина (партия «Родина»). Эти идеи представлены и в программе КПРФ и всего блока народно-патриотических сил. Дух патриотизма в его крайних формах эксплуатируют и профашистские, националистические группировки в своей пропаганде превосходства русского народа, славян. К идеям патриотизма обратились и правые силы, убедившись, что без него им не обойтись и нечего рассчитывать на успех в политической борьбе.

Причем, способы использования патриотизма все более и более разнообразятся. В предвыборных баталиях 1999 г. (выборы в Государственную Думу) приняли участие крайне националистические силы во главе с Баркашовым, лидером Русского Национального Единства — организации профашистской ориентации. Воспылало любовью к патриотизму и «Яблоко», до сих пор не замеченное в этом пристрастии: в период президентской кампании 2000 г. на телеэкранах замелькали ролики с Г. Явлинским на фоне значительных событий жизни нашей страны — трудовых свершений первых пятилеток, Великой Отечественной войны, освоения космоса и т.д. Не стоняются акций в поддержку патриотизма и либералы, поняв бессмысленность и обреченность пропаганды только западных идей и рекомендаций.

Можно по-разному относиться к действиям, концепциям и высказываниям по проблемам патриотизма, но несомненно одно — идеи национального благополучия России как государства, как нации глубоко волнуют население. В 1999 г. 31%, а в 2006 г. уже 43% опрошенных считали, что Россия является великой державой, хотя в те же годы соответственно 54 и 62% людей хотели бы видеть страну с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира [6]. Все это свидетельствует о том, что число сторонников национального возрождения неуклонно растет. Очевидно, что национальный аспект в политическом сознании стал величиной, игнорировать которую не может ни одна общественная сила. В реальном сознании народа жива память об «антипатриотичном» поведении младореформаторов, которые полностью игнорировали ценности национального самосознания (напомним их основную идею — «патриотизм — последнее прибежище негодяев»). А их

попытки вернуться к ним, включить в свои программы и даже убедить людей в своей поддержке державности не встречают отклика, желания понять и признать их в качестве мало-мальски патриотичной силы — «Единожды солгавший, кто тебе поверит?». Именно *эта ситуация выражает еще один парадокс: быть гражданином страны и отрицать патриотизм невозможно, как невозможно одновременно рядиться и в западные, и в национальные одежды.*

Данная установка коррелирует с поиском национальной идеи, идеологии, которую российская власть и ее сторонники сначала отвергли, а потом вернулись к ней, ибо духовный вакуум в сознании людей губителен как для самого народа, так и для созданного государства. Правда, этот поиск оказался безрезультатным, несмотря на многочисленные дискуссии и очередные попытки показать свои амбиции, ибо проекты многих из них (как, например, бывшего помощника Ельцина Г. Сатарова) строились не на сущностных побуждениях и настроениях народа, а на личностных домыслах, имеющих наукообразное выражение.

Следует отметить и такой феномен политического сознания: *все меньше и меньше людей разделяет крайне радикальные позиции — как правые, так и левые.* О том, что население в своей массе не поддерживает экстремистов, говорят и итоги выборов в Государственную Думу в 1990-х гг. — все радикалы провалились. Результаты многих избирательных компаний по выборам в регионах также свидетельствуют об отторжении крайних политических взглядов — можно насчитать только единицы представителей тех экстремистских сил, кто прошел в законодательные собрания областей, краев, республик.

Эта предубежденность к крайностям достаточно стойко и стабильно поддерживается в реальном сознании, и, на наш взгляд, нет никаких оснований полагать, что данная ситуация изменится в пользу радикальных ориентаций. В принципе народ придерживается и либеральных, и социалистических, и патриотических, и религиозных и даже монархических ценностей при условии возможного их сосуществования, сопоставимости в отличие от нетерпимости, исходящей от руководителей многих политических партий и общественных движений. Именно поэтому не находят массовой поддержки кликушествующие заявления правозащитных сил об угрозе фашизма и шовинизма в нашей стране. Видимо, справедливо утверждение Д. Соколова-Митрича, что это скорее национализм, в который гонит чувство собственной уязвимости [7]. Такая коллизия обнажает еще *один парадокс: проплаченные идеологи борьбы с ксенофобией находятся в прямо противоположной позиции по сравнению с тем, что волнует народ — защита национального достоинства и национальной самобытности.*

Вместе с тем, отмечая эти изменения политического сознания, следовало бы коснуться глубины их проникновения во все слои населения.

На наш взгляд, в российском обществе еще не появились силы, политические лидеры, которые способны отрешиться от наследия прошлого. Почти всем им присуще отсутствие стремления к политике компромиссов и слишком явное желание навязать свою волю и свою программу действий во что бы то ни стало. Между тем в обществе велика жажда разумного, взвешенного, основанного на здравом смысле и долгосрочной перспективе. Но *разуверившись в возможностях действенного влияния на власть, люди стали варьировать, усложнять формы своего давления на нее, методы воздействия с целью добиться желаемого результата.*

В этом отношении показателен *процесс изменения методов политической борьбы и социального противостояния* в 1990-е гг. Сразу же после провозглашенных лозунгов о строительстве в России демократического общества, которое будет блюсти права и свободы граждан, уважать честь и достоинство личности в общественной жизни (и особенно на производстве), получил распространение метод: *нанести вред самому себе*, чтобы тем самым привлечь внимание государства и общества к социально значимым проблемам. В соответствии с этой идеей были распространены такие методы протеста, как голодовки, приковывание себя цепями или наручниками к оградам, оборудованию, к зданиям. Иногда в качестве методов давления, воздействия на власть люди прибегали к самосожжению и самоубийствам. Такими действиями пытались обратить внимание политиков и предпринимателей, поправших личные права и свободы граждан. Но подобные методы скоро перестали волновать и власти, и работодателей. Поэтому неудивительно, что *в середине 1990-х стала практиковаться другая форма протеста: нанесение вреда своей организации, своему производству, своему коллективу*, что выразилось в захвате предприятий, приостановке их деятельности, конфликтах с руководством. Но эта форма оказалась неэффективной, очень быстро исчерпала себя, оказалась малорезультативной или совсем не принесла реальных результатов его участникам.

Следующим этапом в качестве средств борьбы стало использование таких методов, которые наносили ущерб государству: перекрытие транспортных путей (железных дорог, автотрасс), отключение энергии, отказ в отпуске сырья, необходимых материалов и товаров другим потребителям, что дезорганизовывало многие отрасли народного хозяйства и жизнь регионов. А в конце 1990-х гг. эти методы борьбы воплотились уже в лозунгах коренного пересмотра экономических

решений, принятых в начале рыночных реформ, и выразились в требованиях национализации, передачи контрольных функций трудовым коллективам, возвращения их под крыло государственного регулирования. Под флагом этих требований уже появились случаи захвата предприятий, установления рабочего самоуправления и даже применение насилия при осуществлении таких акций [8].

И начало 2000-х гг. ознаменовалось возрождением традиционных методов борьбы — все более широким использованием забастовок. Как она развивалась в реальности и каково мнение населения о забастовках показывают табл. 11.1 и 11.2.

Т а б л и ц а 11.1

Количество забастовок в России

<i>Позиция</i>	<i>1999</i>	<i>2002</i>	<i>2004</i>
Число организаций, на которых проходили забастовки	7285	80	5933
Численность работников, участвующих в забастовках, тыс. человек	284,4	29,1	210,9
Численность участвующих в забастовках среднем на одну организацию, человек	33	48	33

И с т о ч н и к: *Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005: Стат. сборник. М., 2005. С. 111.*

Т а б л и ц а 11.2

Мнение населения о забастовках

<i>Варианты ответов</i>	<i>1998</i>	<i>2001</i>	<i>2004</i>	<i>2006</i>
Забастовка — единственный способ добиться удовлетворения своих требований	17	13	14	14
Забастовка — нормальное средство решения назревших проблем	12	13	19	20
Забастовка — крайняя мера, но в нынешних условиях ее бывает невозможно избежать	44	30	29	30
Забастовками ничего нельзя добиться	5	33	29	23
Забастовки в нашей стране недопустимы	14	5	4	3
Затрудняюсь ответить	8	6	6	9

И с т о ч н и к: *Общественное мнение-2006. М.: Левада-центр, 2006. С. 58.*

11.2. Парадоксы политического развития страны

В условиях общественного обновления, когда на арену исторического творчества вновь выходят огромные массы людей, не могут не поражать те противоречия, приобретающие характер парадоксов. В них в настоящее время в полной мере проявляется неожиданность, непривычность хода развития событий, которые не столько трудно обнаружить, сколько объяснить, а тем более устранить или смягчить.

В период трансформационных процессов эти парадоксы создаются совместными усилиями государства, политических партий и движений, а также самими людьми, их деятельностью. Их возникновение нередко алогично, а сами они частично или полностью исключают здравый смысл, традиции, опыт предшествующих эпох, который по-прежнему опять никого и ничему не учит.

Поиск причин возникновения политических парадоксов предполагает прежде всего ответ на вопрос, насколько широко вовлечен народ в политическую жизнь, насколько затронуты в политическом бытии коренные проблемы жизни населения, почему после нескольких лет эйфории и мечтаний, надежд на демократическое развитие, стало распространенной аполитичность, выросло разочарование в осуществляемых реформах и совершающихся изменениях.

Для этого надо выяснить, откуда у людей появился резко негативный настрой по отношению к существующим властным структурам? Отчего резко возросло число отказывающихся участвовать в голосовании, когда и ущербные 25%, необходимые для подтверждения правомочности выборов, часто не достигались? Как расценить утвержденный в 2005 г. Думой закон, отменяющий и этот порог, открывающий дорогу к законности даже минимального участия в выборной компании и на этом основании навязывающий волю пассивному большинству? А что значит отмена голосования по графе «против всех»? Куда делся задор митинговых страстей, бушевавших в последние дни перестройки и первые месяцы после августовских событий 1991 г.?

Главный вопрос состоит в том, принимало ли участие большинство людей в политических изменениях в стране?

На наш взгляд, *как бы это ни было парадоксально, народ не был по большому счету вовлечен (и его не особенно спрашивали) в слом советского государственного строя, в осуществление намеченных преобразований.*

Многие исследователи, политики, журналисты считают необходимым найти причины, по которым большинство людей после первых лет надежд на демократические преобразования разочаровались

в своих надеждах, отказываются принимать участие в жизни общества и государства. Политические аналитики называют всевозможные и отчасти правдоподобные причины, вроде того, что народ обманулся в своих ожиданиях; что люди не верят никому — ни государству, ни партиям, ни армии, ни религии; что к управлению страной пришли непрофессионалы, дилетанты и даже преступники, которые «угробили» великую страну и т.д. и т.п.

На наш взгляд, все эти рассуждения односторонни, однобоки и даже примитивны, ибо они исходят из одной неверной посылки: мол, народ поднялся на великие экономические, политические и социальные свершения. *На самом деле, никакого подъема, никакого участия в «великих» изменениях народ не принимал, и не имел намерения участвовать.* История XX в. знает всего два случая, когда народ стал творцом исторического процесса это события 1917—1920 гг. и Великая Отечественная война. Именно эти два события характеризуют не частичную, а массовую, не поверхностную, а глубокую причастность народа к осуществлению исторических изменений.

Все другие события характеризовались всплесками активности не столько определенных групп населения, сколько различных групп политических актеров. Если не анализировать всю российскую и советскую историю, а только взять события после 1985 г., то можно утверждать, что народ в целом молчал. До 1988 г. социологи постоянно регистрировали факт, что большинство людей при ответе на вопрос об изменениях в обществе, признавали их «где-то там вверху», но не там, где они живут и работают. «Лес вверху шумит, а внизу — всегда тишина».

С 1988 г. и особенно с 1989 г., когда митинговые страсти стали все больше и больше расползаться по стране (в основном по крупным и отчасти средним городам), *возник «эффект присутствия» народа*, хотя на самом деле тон задавали незначительное число властолюбцев, а также оскорбленные и униженные советской властью люди, и наконец, просто авантюристы разного рода. По данным всесоюзных исследований этих лет, не более 3—4% людей признавали себя участниками таких политических и общественных акций, как митинги, шествия, демонстрации, забастовки и т.д. Однако воинствующее и агрессивное незначительное меньшинство предстало перед всем миром как выразитель воли большинства. Оно даже попыталось убедить в этом собственный народ [9].

Нечто подобное случилось и в августе 1991 г. Не было никакого революционного подъема, никаких действий в поддержку той или иной стороны. Мало кто из людей пошел защищать захватываемые здания райкомов, горкомов и обкомов КПСС, мало кто последовал призыву Ельцина и его команды объявить забастовки против ГКЧП. Провинция как работала, так и продолжала работать, как молчала,

так и продолжала молчать, не обращая внимания на события в Москве. Да и в самой Москве едва ли 1% населения включился в поддержку Ельцина: большинство москвичей работали, ходили в магазины, рассматривая события вокруг Белого Дома как нечто, не относящееся к их непосредственным заботам и тревогам.

Аналогичные события произошли и в октябре 1993 г., когда еще меньшее количество людей действовали вокруг того же Белого Дома — там свое «слово» говорили танковые подразделения и милицейские силы. Даже стрельба, а затем и расстрел Верховного Совета не особенно привлекли внимание большинства москвичей, а если и привлекли, то внимание только зевак, которые рассматривали это трагическое событие как своеобразный спектакль. Более того, в отличие от августа 1991 г. все акции происходили только в Москве, абсолютно не затронув другие города.

Так что же это было? А был не такой уж редкий в истории случай, когда *активное, агрессивное и политизированное меньшинство навязало свою волю народу, выдав свои действия за его цели и намерения*. Участие в митингах десятков и сотен тысяч людей объясняется тем, что они действовали по принципу психологического заражения: люди руководствовались эмоциями, а не разумом. Такие эмоциональные порывы, как известно, не долговечны, они также быстро угасали, как и появлялись. Таким образом, ни о каком активном участии народа в происходящих в обществе изменениях не может быть и речи. Как у А.С. Пушкина: народ безмолствовал. Но важно понять, почему агрессивное и активное меньшинство стало «выразителем воли народа», чтобы раз и навсегда избавиться от мифа, что народ творил события конца 1980—начала 1990-х гг. И почему конфликт этих групп с властью был выдан за конфликт народа с властью? *Происходящие в стране события были похожи на грандиозный политический спектакль, который принял облик одного из худших вариантов, выразивших необходимость решения назревших кардинальных перемен*. Поэтому ответ на вопрос, были ли другие альтернативы развития событий, требует положительного заключения. Что же касается ответа на вопрос о позиции молчаливого большинства, то следует отметить, что именно в этот период начался процесс дробления и дифференциации некогда единого гражданского сознания.

Анализ реальных событий позволяет утверждать, что за кажущейся всеобщей политизацией сознания и деятельности, при охвате все новых областей для переосмысления происходящего, в условиях возникновения десятков и сотен партий и движений господствовали поверхностность, неглубина, сиюминутность политизированных суждений и страстей. На политической арене довели и довлеют эмоции, слабо мотивированные установки и быстроменяющиеся ориентации, на

базе которых громоздятся амбиции, неудовлетворенные притязания и даже ненависть. Опасно то, что эти неустоявшиеся явления и события нередко выдаются за процессы, по которым делаются долгосрочные прогнозы. Между тем, эмоции, чувства, чехарда в мотивации и действиях очень зыбки, переменчивы, и именно эта база не дает оснований судить о глубине происходящих преобразований.

Ситуация тем более парадоксальна, что практически все политические силы, которые клянутся именем народа, не знают его истинных устремлений, подлинных интересов тех людей, от имени которых они выступают. Это в одинаковой мере касается как правых, так и левых, как консерваторов, так и радикалов. Полное игнорирование народа, незнание его желаний и намерений наглядно проявилось в ходе всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР. Не останавливаясь на грубейшем нарушении логических оснований при формулировке вопроса референдума, содержащего в себе четыре позиции (а по некоторым утверждениям — пять), все же следует отметить, что неграмотность в формулировке цели в значительной степени породила накал страстей, свела в ожесточенной схватке самые разные силы, ибо на первом плане был не здравый смысл, а политические и идеологические амбиции.

На наш взгляд, то, что большинство участников референдума (76%) высказалось за сохранение Союза ССР, означало вовсе не поддержку идей обновленной федерации, социалистического выбора, союза суверенных республик. Скорее, сработал инстинкт самосохранения. Люди предпочли, зная обо всем отрицательном и порочном, что характеризовало нашу жизнь, поддержать хоть и не во всем удовлетворяющее, но известное им состояние, чем голосовать за неизведанное и неизвестное. Но амбициозные политические лидеры новой волны игнорировали эти данные. Их действия в реальности привели к возникновению парадокса: люди в своем большинстве (до 70%, причем не только в России, но и в других бывших союзных республиках, уже независимых государствах) до сих пор сожалеют о крахе СССР [10].

Сейчас происходит весьма сложный, противоречивый и трудный процесс осмысления прошлого. После нескольких лет безоглядного отрицания всего советского, в том числе всяческого осмеяния сознания и поведения «совков», в общественном сознании происходит возврат к более трезвой оценке прошедшего пути, селекции событий, явлений и свершений, что позволяет видеть жизнь страны не только в розовом (как в прошлом) и не только в черном (как в 1990-х гг.) цвете, а в гораздо более сбалансированных, взвешенных, хотя и неоднозначных разнотоновых картинах. Изменил свое отношение к «советской империи» и Запад. По утверждению некоторых экспертов, *имидж России за*

рубезом в конце 1990-х и особенно в начале 2000-х гг. стал хуже, чем он был при Советской власти. Этот парадокс, если внимательно разобратся, имеет под собой реальную почву и реальные основания.

11.3. Парадоксы массового политического сознания и поведения

Главный парадокс заключается в том, что, с одной стороны, происходит падение доверия к государству, его политическим институтам, а с другой — не исчезает надежда на его помощь, на его участие в решении жизненных коллизий. Люди по-прежнему уповают на его патерналистскую роль. По данным ВЦИОМ и других социологических центров, доверие к президенту, правительству, Государственной Думе и Совету Федерации в конце 1990-х гг. колебалось между 4—12%, что знаменовало собой уровень не просто недоверия, а полного отвержения этих государственных институтов, вернее, тех людей, которые олицетворяли власть в стране. К середине 2000-х годов эта оценка, за исключением президента, мало в чем изменилась (табл. 11.3).

Т а б л и ц а 11.3

**Доверие/недоверие к общественно-политическим институтам
(в % к числу опрошенных; N = 2400 человек)**

<i>Общественно-политические институты</i>	1995	1999	2001	2004	2006
Президент	9/74	4/88	49/35	49/33	51/34
Правительство	8/69	18/60	23/53	17/59	18/57
Совет Федерации	7/60	14/54	15/51	11/55	12/48
Государственная Дума	10/61	14/62	12/63	6/69	10/68
Милиция, суд, прокуратура	16/59	12/70	12/70	9/72	11/76
Армия	35/40	38/44	39/39	27/48	30/49
Профсоюзы	18/52	15/61	17/56	16/56	15/54
Церковь	—	26/48	33/38	35/37	37/36
Партии, полит. движения	6/63	7/64	12/58	5/68	8/68
Руководители регионов	11/59	23/51	17/55	15/60	18/54
Средства массовой информации	21/53	12/66	12/66	19/57	23/56
Предпринимательские и банковские круги	6/65	5/78	10/68	12/62	10/59
Никому не доверяю	25/—	32/—	19/—	21/—	18/—

П р и м е ч а н и е. В числители значится показатель доверия, в знаменателе — недоверие.

И с т о ч н и к: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Эта таблица ярко демонстрирует *один удивительный парадокс: доверие к президенту резко контрастирует с доверием правительству и Федеральному Собранию (парламенту)*.

Заметим также, что в начале 2000-х гг. среди властных структур относительно большим доверием стали пользоваться местные органы власти, что не фиксировалась социологами в 1990-х гг. Можно предположить, что при всех недостатках функционирования органов местного самоуправления и ограниченности их полномочий люди видят в их деятельности позитивные сдвиги, благотворно влияющие на их жизнь.

Отвержение государственной власти, недоверие к ней и ее структурам непостижимым образом сочетаются с надеждой на государство как на некий полномочный и ответственный социальный институт. Государство обвиняют в развале экономики, но в то же время большинство верит в его способность справиться с хозяйственной разрухой. Государство, по мнению многих людей, ответственно за разгул взяточничества и коррупцию, но в то же время надеются на его возможности справиться с этими уродливыми явлениями. Государство обвиняют за результаты приватизации, но в то же время связывают с перспективой их отмены или существенной их коррекции.

Анализируя парадоксы политической жизни страны, хотелось бы обратить внимание на то, как в общественном сознании отражается усилия политической власти по строительству социального государства. Напомним, что социальное государство создается с целью удовлетворения всех основных потребностей и удовлетворения базовых интересов не просто населения, а каждого человека. Для этого предпринимаются конкретные шаги, которые направлены на то, чтобы, развивая ориентацию на развитие рыночных отношений, в то же время сохранить их социальную направленность, обеспечить защиту интересов рядовых людей. Однако принятые в 2000-х гг. меры по монетаризации льгот, по реформе жилищно-коммунального хозяйства и по пенсионной реформе лишь привели к дальнейшему обострению отношений в политической власти. В настоящее время предпринимаются меры по осуществлению крупномасштабных национальных проектов по коренному улучшению образования, медицинского обслуживания, жилищному строительству и сельскому хозяйству. Изменили ли они оценку этих усилий политической власти? Нет. Анализ социологической информации показывает, что *явные симптомы социально-политического отчуждения людей от государства приобретают необратимый хронический характер* (табл. 11.4).

Таблица 11.4

**Распределение ответов на вопрос: «Чи интересы,
по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня государство?»
(в % к числу опрошенных)**

<i>Время мониторинга</i>	<i>Богатых</i>	<i>Государственной бюрократии</i>	<i>Всех граждан России</i>	<i>Средних слоев</i>	<i>Бедных слоев</i>	<i>Затруднились ответить</i>
2000 г., декабрь	46	44	9	8	1	9
2001 г., декабрь	40	38	9	6	0	21
2002 г., декабрь	61	54	6	7	1	10
2003 г., октябрь	53	54	9	8	1	13
2004 г., июнь	50	52	9	8	1	15
2005 г., сентябрь	54	52	8	8	1	15

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Несмотря ни на какие широковещательные декларации государства, подавляющее большинство населения считает, что оно выражает и защищает интересы богатых и государственной бюрократии (соответственно 54 и 52% в 2005 г.). Только 6—9% видят в лице государства выразителя и защитника своих интересов. Цифра явно не соответствует даже самым смелым проектам социального государства и общества. Похоже, что в России проявляются *симптомы нового социального застоя, причем на сей раз не социалистического, а капиталистического*. И в этой связи стоит задуматься не столько над проблемами и перспективами «введения» в России новой классовой или сословной политической идеологии, о необходимости которой не устают призывать на крайних флангах российского истеблишмента, но и о современном профессиональном государственном управлении. Осуществлять его сегодня во взаимозависимом и неустойчивом социуме невозможно без опоры на науку, с ее современными тонкими и точными методами социальных измерений, анализом и обобщением информации, научно обоснованными методами настроек и отладок социально эффективных управленческих решений и механизмов [11].

О том, что политическая власть и население говорят на разных языках, свидетельствуют (как пример) события на Горбатом мосту у Белого Дома в 2000 г., когда шахтеры стучали касками и требовали, чтобы государство навело порядок в их хозяйстве. Они отказывались принимать во внимание тот факт, что шахты уже давно функционируют как акционерные общества и свои претензии шахтеры

должны адресовать руководителям. Но данное групповое сознание трудно переориентировать. Во-первых, вся предыдущая жизнь горняков всегда зависела от государственной политики, во-вторых, им трудно избавиться (и в этом они правы) от убежденности в том, что безобразия, их нищенское положение, многомесячные задержки зарплаты в конечном счете зависят от государства, создавшего такие экономические отношения, когда воровские институты и организации живут припеваючи, полностью игнорируя интересы тех, за счет они функционируют [12].

Особую роль в изменении политического сознания играет персонафикация власти. В начале 1990-х гг. все надежды на улучшение ситуации в России, положения своей семьи и личного благополучия напрямую связывались с именем президента Ельцина. По мере утраты им авторитета терялось и доверие ко всем другим органам власти. Правда, степень доверия к Думе и правительству была выше. Так, в 1999 г. президенту Ельцину «совсем не доверяли» 71—75% опрошенных, парламенту — 37%, правительству — 28—35%. С приходом к власти в 2000 г. нового президента — Путина — мнение народа опять приобрело черты оптимизма и надежды: готовность полностью или частично поддерживать президента изъявили 77—78% опрошенных (в 2005 г. — 61%). Авторитет новой Думы и нового правительства тоже несколько вырос. Отблеск популярности В.В. Путина позитивно повлиял на оценку деятельности и других органов власти. Но долго ли это будет продолжаться? Анализ колебания настроений при оценке органов власти позволяет сделать вывод, что народ не избавлен от идеализации власти, веры в нее могущество, которая-де в конечном счете образумится и станет защитником его интересов.

Не менее *примечателен и такой парадокс: между желанием дальнейшего развития демократии и все отчетливее проявляющимся стремлением к авторитарной власти.* Политическое сознание долгое время удовлетворялось достигнутыми возможностями свободы слова, свободы общественных и политических объединений, отсутствием преследования за инакомыслие, доступом к информации, прежде невозможным для населения и т.д. Но политические права и свободы стали постепенно монополизироваться определенными кланами, кликами, группами, культивировавшими подкуп, манипуляцию общественным мнением, содействующими проникновению криминальных элементов во власть. А если к этому добавить коррупцию, всеобщую продажность чиновничества (и не только его), откровенные формы политического лоббизма, обман избирателей, чехарду сменяющих друг друга политиков, то вполне понятно, что реакция населения выразилась в желании противостоять этим негативным явлениям. И выход найден в том, чтобы поддержать лидера, готового установить «железный порядок» в стране, используя

только «положительные» стороны демократии. В исследованиях ВЦИОМ респондентам задавали вопрос: «Бывают ли ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель?» В 1989 г. позицию «постоянно» и «иногда» разделяли 41,9% опрошенных, а в 1996 г. — 68,4%. И в то же время число тех, кто возражал против возможности прихода к власти таких руководителей, за этот период времени сократился с 45,1 до 18,2%. Но уже в 2000—2005 гг. до 75% опрошенных считали, что для страны важнее порядок, даже если ради него придется пойти на некоторые ограничения демократии, демократических принципов и ограничение личных свобод [13].

Парадокс заключается в том, что при высокой оценке демократии как идеалу государственного устройства (66% считают, что России нужна демократия) в условиях реальной жизни люди склонны поддержать установление авторитарного строя. Разочаровавшись в ельцинской анархии, 60% опрошенных (ВЦИОМ, июнь 2000 г.) высказались за сосредоточение власти в одних руках.

Парадоксальным предстает отношение людей к политической власти и оценка ими возможных средств воздействия на нее. С одной стороны, по данным ВЦИОМ, в сентябре 2000 г. 60% опрошенных ($N = 2408$, по всероссийской выборке) считали политическую ситуацию в России напряженной. А если учесть, что 18,8% согласились с мнением, что обстановка критическая, взрывоопасная, а 12,2% не смогли определиться с ответом, то можно сказать, что общая оценка была вполне пессимистической. С другой стороны, после того как 2/3 населения в 1998—1999 гг. требовали отставки президента (Б. Ельцина), то в 2000 г. эту меру (в отношении В. Путина) поддерживали только 9%). Поэтому вполне понятно изменение желания поддержать выступления протеста с требованием отставки правительства (соответственно с 40,6 до 14,3%), с требованием роспуска Государственной Думы (соответственно с 31,1 до 23,8%).

Но вот на что хотелось бы обратить внимание: оценивая возможности массовых выступлений против падения уровня жизни — 47,9% людей (т.е. почти каждый второй) признали их вероятность, в то же время только 32,6% выразили готовность принять в них личное участие. Аналогичная ситуация характеризует и отношение людей к реформе жилищно-коммунального хозяйства: 64% поддерживают проведенную КПРФ в 2006 г. акцию протеста против этой реформы, но лишь 39% согласились (полностью или частично) лично участвовать в этой акции [14]. Иначе говоря, *многие возлагают груз ответственности на других, отводя себе более скромную позицию — возможность быть сторонним наблюдателем, пусть и весьма критически настроенным.*

Возложение функций протеста на других людей и воздержание от личного участия в конкретных акциях рождает *еще один парадокс: «революционную» непримиримость на словах и отказ от реальной деятельности по изменению неудовлетворяющего людей положения.* Так, в 1998 г. 65,6% опрошенных (т.е. два из трех) не желали видеть Ельцина президентом страны, но всего 32,6% были готовы участвовать в конкретных акциях протеста и только 7—12% были склонны к решительным действиям типа гражданского неповиновения, готовности силой отстаивать свои убеждения. Почему сложилось такое противоречие между вербальной и реальной готовностью к протесту?

На наш взгляд, не был исчерпан запас терпения, который, как показывает исторический опыт, достаточно велик у россиян. Тот же исторический опыт свидетельствует, что люди опасаются обострения политической ситуации, ибо это нередко оборачивалось кровью, что для большинства населения не только не желательно, но и неприемлемо. Иначе говоря, несмотря на крайне негативное отношение к властным органам, политическим деятелям, люди все еще согласны терпеть существующие институты и действующих лидеров, в том числе в силу отрицательного отношения к другим претендентам на политическую власть. Вместе с тем после избрания нового президента лейтмотив ценностного отношения населения к качеству управления в стране остается неизменным (табл. 11.5).

Т а б л и ц а 11.5

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, что сейчас преобладает в политическом руководстве страной?» (в % к числу опрошенных)

<i>Варианты ответов</i>	<i>2005</i>	<i>2000</i>	<i>1999</i>	<i>1998</i>
Демократия	8,9	8,8	2,3	2,2
Бюрократический произвол	29,9	22,8	12,3	13,5
Единоличная власть высших руководителей	21,7	18,5	19,8	18,9
Полная неразбериха	20,5	38,6	52,8	54,6
Затрудняюсь ответить	19,0	11,3	12,8	10,8

И с т о ч н и к: *Бойков В.Э.* Народ и власть. Результаты социологического мониторинга. М., 2006. С. 165. Опрошено 1600 респондентов в 20 субъектах РФ.

Иначе говоря, режим власти с точки зрения населения по-прежнему представляет симбиоз беспорядка, беспредела и административного диктата. В этих условиях население с надеждой подержало нового президента России, олицетворяющего общее желание навести порядок в стране. В целом отношение к Путину можно оценить как осторожно доброжелательное: оно выражается преимущественно в оценках типа «заслуживает доверия, но не во

всем». На фоне высокой оценке деятельности президента весьма парадоксальна довольно низкая оценка деятельности правительства и Госдумы (прямо противоположно тому, что было при Ельцине).

Но почему народ не прибегает к решительным действиям в соответствии со своим возмущением проводимой политикой, своим материальным положением? На наш взгляд, не желая насилия, люди надеются на то, что пришествие авторитарного (а возможно, диктаторского) правления способно избавить людей от лишений, привести в соответствие их желания и потребность в «сильной руке», добиться социальной справедливости и избежать кровопролития.

В связи с этим можно сказать о позиции аналитиков различных политических сил. Часть из них, учитывая только на одну сторону общественного настроения — жесткую критику и практически единодушное отвержение существующих политических органов, политических лидеров, утверждают, что народ находится на грани всеобщего возмущения, граничащего с бунтом, с революционными выступлениями, с желанием низвергнуть существующий государственный строй. Однако при этом они не обращают внимания на другую сторону этого же негативистского настроения — в принципе люди пока мирятся (и готовы мириться) с нынешней политической системой. Реальный выход из данной ситуации большинство людей видит в игнорировании всех политических партий, в уходе в личную жизнь, что особенно наглядно проявляется в массовом распространении гражданской апатии.

11.4. Многопартийность: миф или реальность

Суть этого парадокса: *многопартийность есть, а партий нет*. Практически нет, за исключением КПРФ, да еще с начала 2000-х гг. начала функционировать правящая партия «Единая Россия», которая представляет собой консолидированную часть чиновничества, скрепленную официальными обязанностями.

А сколько было надежд, ожиданий в связи с появлением многопартийности! Идею многопартийности лелеяли, ею восторгались, с ней связывали мечты о подлинной соревновательности в области идеологии и политических акций. Но иллюзии развеялись достаточно быстро.

Во-первых, многие партии не олицетворяют ничего, кроме блефа. В большинстве своем они представляют небольшие группы людей, созданные по «кухонному» принципу, часто в пределах Садового и даже Бульварного кольца в Москве, или имеющие по несколько шизоидных представителей в отдельных губерниях. Многие из них выбрали принадлежность к той или иной партии

не столько потому, что они разделяют провозглашенные принципы, сколько из желания быть «на виду» или при (у) власти (хотя бы провинциальной). Показателен и тот факт, что в ноябре 2000 г. в связи с подготовкой нового законопроекта «О политических партиях» были проведены парламентские слушания, на которые были приглашены лидеры всех 186 общественно-политических объединений, зарегистрированных в Министерстве юстиции РФ и имеющих право участвовать в выборах. Парадоксально, но 41 приглашение вернулось обратно в Думу — почта не нашла адресата. Это ли не показатель реальности российской многопартийности!

Во-вторых, многие партии имеют настолько общие и близкие друг другу программы, что даже специалисты — политологи различить их могут с большим трудом. И поэтому в общественном (политическом) сознании они сливаются в некую массу, стремящуюся к власти и озабоченную только своими проблемами, а не реальными заботами народа. Кроме того, были предприняты неоднократные попытки создать партии, полностью имитирующие спектр и даже оттенки таких же партий стран Запада, что плохо или совсем не коррелировало с реальной политической ситуацией в стране. Показательно, что на этот галдеж и сутолоку политических партий, рвущихся в Думу в 1995 г., народ среагировал достаточно адекватно: из 43 политических партий и движений в парламент прошли только 4 — КПРФ, ЛДПР, «Яблоко» и «Наш Дом — Россия». В 2003 г. такая же ситуация еще раз повторилась: в Думу прошли четыре парии «Единая Россия» (приемник «Наш Дом — Россия»), КПРФ, ЛДПР и «Родина» (оперативно сварганенный официальной властью блок, призванный потеснить КПРФ). Кстати, на наш взгляд, справедливо говорить о двух партиях, ибо партии власти (сначала НДР, а затем «Единая Россия») протолкнули в парламент не волей народа, а волей губернаторов и власть предержавших.

Показателем отсутствия реальной многопартийности является и тот факт, что в 1998 г. в деятельности политических партий участвовало всего 0,8% населения (в 1999 г. — 1,0%), а на встречах с политическими деятелями, кандидатами в депутаты — 6,7% (в 1999 г. — 8,1%). К этому стоит добавить, что только 13,7% опрошенных считали, что деятельность политических партий следует развивать, в то время как 22,2% полагали, что лучше всего отказаться от многопартийности, и еще 45% высказали мнение, что следует ограничить деятельность всех или отдельных партий [15]. В целом справедлив вывод В.К. Левашова, что публичная легитимность политических партий в 2006 г., после стольких лет становления многопартийности, чрезвычайно слаба: всего 17% собираются поддерживать «Единую Россию», 9% — КПРФ, 7% — ЛДПР, 4% — «Родину» и 3% «Яблоко» [16].

Вот и получается достаточно занимательный парадокс: партий много, суеты вокруг, претензий и амбиций еще больше — не считано и не меряно, политической возни, обвинений и взаимных обид — не счесть, а результат — полное их отвержение, незнание и нежелание общественного сознания признавать и разбираться с персонами, жаждущими прорваться к власти.

Единственная поправка в этом рассуждении может быть внесена в связи с тем, что для массового избирателя большее значение имеют конкретные общественные деятели, которые в той ли иной мере узнаваемы. На них и ориентируется часть электората. Но этот факт не следует абсолютизировать, ибо политический лидер и его партия для рядового избирателя не одно и то же. Именно по этой причине провалились в своих прогнозах результаты первых выборов в Думу в 1993 г. социологи, взявшие на вооружение одну из американских методик, согласно которой имидж политического лидера партии равен имиджу самой партии. Исходя из этого, некоторые социологические центры сделали вывод, что, если 37% жителей больших городов симпатизируют Гайдару и почти 30% — Явлинскому, то их партии получают соответственно это (или примерно это) количество голосов. Однако **российская действительность продемонстрировала очередной парадокс: прогнозы, эффективно работающие в других условиях, с треском провалились.** Действительный рейтинг этих партий оказался в 2,5—3 раза ниже ожидаемого [17].

Побочным результатом парадоксальности сознания стал тот факт, что недоверие к существующим политическим институтам сомкнулось с неверием в реальность возможностей политических сил изменить ситуацию и с потерей надежды на то, что на данном этапе развития возможно появление здравомыслящих организаций, способных реализовать желания народа. В результате этого стала широко распространенной апатия, возложение своих чаяний только на тех людей, с которыми налажена личная и повседневная жизнь. Согласно всероссийскому опросу (июль 1998 г., 1628 человек, рук. В.Э. Бойков), 87% людей в ситуации, когда требуется защита или срочная помощь, полагаются на родственников и знакомых, еще 24,4% — на помощь своего коллектива (организации) и только 5,9% — на органы власти.

11.5. Политическое сознание на перепутье

Нагляден и показателен *парадокс, связанный со сложным процессом ресоциализации*, происходившим в 1990-е гг. в сознании и поведении людей, на что обратила внимание Е.Б. Шестопап: «Этот про-

цесс варьируется от кардинального пересмотра прежних политических ценностей до стремления сохранить свои взгляды неизменными вопреки давлению политической среды» [18]. ***Парадоксальное сочетание прежних установок и осознания новых реалий оказалось невероятным по масштабам.*** Именно поэтому процесс ресоциализации встречает много препятствий на своем пути. Если у молодого поколения этот процесс протекает менее болезненно, то у людей старшего возраста, то даже у тех, кто стремится усвоить новые политические ценности, этот процесс происходит мучительно, ибо согласование прежних установок и новых ориентиров оборачивается деформацией сознания, что происходит в результате того, что политическая система является дисфункциональной. В условиях политической неопределенности люди, имеющие жизненный опыт, возвращаются к базовым представлениям, полученным на этапе первичной социализации. Этим объясняется значительная устойчивость общественного сознания старшего поколения к тем ценностям, которые сложились у них на предшествующих этапах их жизни.

Но очевидно, что рассогласование прежних и нынешних установок, с одной стороны, порождает своеобразных кентавров, сочетающих в себе несочетаемые ориентиры и показатели, с другой — ведет к трагедиям, когда люди осознают невозможность реализовать себя в новой жизни, что порождает у них ощущение потерянности, никчемности, ненужности. Отсутствие социальной защиты и социальных гарантий усугубляет и без того болезненный разрыв с реальностью, ностальгию о прошлом.

Кроме того, ***есть парадоксы, характеризующие специфику российской политической жизни.*** Так, с наибольшими претензиями быть радетелями интересов народа выступают деятели либеральных сил, которые некогда достаточно сплоченно выступили против засилья КПСС, ратовали за обновление экономического и политического строя. Но именно они своей политикой нанесли колоссальный удар по благосостоянию людей: они осуществили либерализацию цен, форсировали приватизацию, лишив людей всего того, что было накоплено в советское время.

Оценка их деятельности известна — всеобщее отвержение их политики, социальное недовольство, раздражение от реальных условий жизни, неудовлетворенность сосредоточением власти в руках узкого круга лиц и даже ненависть к тем, кто обездолил миллионы людей. Вдохновитель реформ Е. Гайдар и его «Союз правых сил» уже многие годы не может собрать даже нескольких процентов доверяющих ему людей. Да и как можно доверять лидеру, который открыто провозглашает, что «мы всегда выступали не за людей, а за принципы» [19]. По данным ВЦИОМ (март 2000 г.) и ИСПИ РАН

(июнь 2006 г.), другие «авторы» демократических «преобразований» недалеко ушли от уровня «гайдаровских» оценок: Б. Немцову доверяют соответственно 3,3 и 0%, А. Чубайсу — 0%, Г. Явлинскому — 8 и 2% [20].

Дискредитировали себя эти люди еще и тем, что многие из первой демократической волны оказались нечисты на руку, воспользовались властью для личного обогащения (и в том преуспели), не защищали национальные интересы России, активно участвовали в разворовывании государственного (общенародного) имущества. А иначе чем объяснить баснословные богатства у министров и других крупных чиновников гайдаровского правительства? Одновременно с появлением новой буржуазии ее ряды пополнялись за счет бывшей номенклатуры. Происходило мощное сращивание власти и капитала. С помощью президентских указов многим чиновникам были переданы или под них учреждались коммерческие структуры или так называемые фонды, а в их уставной капитал вносились государственные средства. К примеру, глава администрации президента в 1991—1993 гг. Ю. Петров был назначен председателем инвестиционной корпорации, министр экономики А. Нечаев после отставки в 1993 г. возглавил Российскую финансовую корпорацию, бывший министр экономики А. Титкин — корпорацию «Технологии и инвестиции в России», бывший министр П. Авен стал миллиардером и т.д. Иначе говоря, итогом реформ стало объединение в одних руках политической и экономической власти, административных рычагов и собственности [21].

Но особенно отличались радикал-демократы. Они оказались нетерпимыми не только к мнению своих оппонентов, представителей других политических сил, но и друг к другу. В результате движение «Выбор России» стало стремительно распадаться методом деления на мелкие партии и партийки: практически почти каждый мало-мальски заметный лидер этого движения создал свою партию, свое движение, свой фонд и т.д. с глубокой убежденностью, что именно он является спасителем России, знает, как выйти из кризиса, мнил себя вождем и очень удивлялся, что об этом не догадывается «спасаемый» им народ. В результате, по мнению А. Миграняна, «Россия только для сумасшедших или российских либералов-радикалов (что одно и то же) является демократической страной» [22].

Характеризуя парадоксы политического сознания, особо следует остановиться на сознании той группы людей, которые, пользуясь в свое время плодами номенклатурной жизни, превратились в оголтелых критиков всего советского. Как пишет писатель В. Бондаренко, «нет более антисоветски настроенных, нет более прокливающих советское время людей, нежели наша развращенная вседозволенно-

стью позднесоветская партийная, дипломатическая и чекистская, генеральская и комсомольская элита и ее выкормыши». И в соответствии со сделанным заключением вопрошает: «Почему самые оголтелые, самые кровожадные формулировки, самые лютые проклятия мы слышим не от сидевших в лагерях, не от диссидентов советского времени, шедших на риск за свою свободу? Не от Солженицына и Шафаревича, не от Зиновьева и Максимова, не от Синявского и Буковского, не от Шаранского и Коржавина, не от Бродского и Леонида Бородина, а от Александра Яковлева и Волкогонова, Олега Попцова и Черномырдина, Михаила Шатрова и Бориса Ельцина, от сыновей и дочек Хрущева и Микояна, Анатолия Рыбакова и Вадима Кожевникова». Несомненно, что ответ на этот парадокс в сознании и поведении этих людей еще предстоит осмыслить, ибо *такого перерождения и в таких масштабах попрания своих прежних идеалов не наблюдалось в Новейшей истории ни одной страны.*

Неадекватность восприятия своей роли и своих дел особенно отчетливо проявляется в сознании и поведении людей, для которых даже резкая оценка общественного мнения не является препятствием для реализации своих притязаний.

Данные парадоксы не являются исключительным явлением. В реальной общественной жизни немало коллизий, которые поражают воображение отсутствием логики в действиях и поступках вовлеченных в эти процессы людей.

Примечания

1. *Вандышева О.* Народ хочет видеть чиновников на нарах // Комсомольская правда. 2006. 9 июня.
2. *Давыдова М.* Либералы знают, как брать деньги // Независимая газета. 1999. 11 февраля.
3. Подробнее об этом см.: *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.
4. См.: *Независимая* газета. 1999. 19 ноября.
5. См.: *Левашов В.К.* Социополитическая динамика российского общества (2000—2006). М., 2007, С. 419.
6. См.: *Общественное мнение-2006.* М.: Левада-центр, 2006. С. 22.
7. См.: *Соколов-Митрич Д.* Поколение «нац» // *Известия.* 2007. 15 января.
8. Подробнее об этом см.: *Максимов Б.И.* Классовый конфликт на Выборгском ЦБК: наблюдения и анализ // *Социол. исслед.* 2001. № 1.
9. Подробнее см.: *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005.
10. См.: *Перестройка* глазами россиян: 20 лет спустя. М., 2005.

11. *Левашов В.К.* Гражданское общество и демократическое государство в России // Социол. исслед. 2005. № 1.
12. Подробнее об этом см.: *Крутой* пласт. Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / Под ред. Л. Гордона, Э. Клопова, И. Кожуховского. М., 1999.
13. *Мониторинг* общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1997. № 1. С. 10; Общественное мнение-2005. М.: Левада-центр, 2005. С. 16.
14. См.: *Общественное мнение-2006*. М.: Левада-центр, 2006. С. 59.
15. См.: *Социология* власти: Информационно-аналитический бюллетень. М.: РАГС. 1999. № 2—3. С. 49.
16. См.: *Левашов В.К.* Социополитическая динамика российского общества (2000—2006). М., 2007. С. 479—480.
17. *Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т.* Социологические опросы и политика // Социол. исслед. 1994. № 5.
18. *Шестопал Е.Б.* Перспективы демократии в сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 46.
19. См. *Шкаратан О.И.* Российский порядок: Вектор перемен. М., 2004.
20. *Левашов В.К.* Указ. соч. С. 478.
21. См.: *Работяжев Н., Исаев В.* Глубокое обоснование деятельности государства — условие оздоровление российского общества // Общество и экономика. 2000. № 7.
22. См.: *Независимая* газета. 2000. 21 декабря.

Глава 12

Парадоксальность правового сознания

Революции всегда задумывались идеалистами, осуществлялись романтиками, а их плодами пользовались мародеры.

*Т. Карлейль (1795—1881),
английский историк и философ*

Идея правового государства наряду с идеей гражданского общества были всегда привлекательными в Новейшей истории. Ради их обоснования, становления и укрепления были осуществлены многочисленные поиски, проведены эксперименты, отработаны и апробированы десятки и сотни вариантов применения норм права, обобщена правоприменительная практика в конкретных исторических условиях при учете национальной специфики во многих странах.

Идея правового государства была с одобрением, даже с восторгом воспринята в новой России. Была осуждена практика неправового регулирования общественного развития. Заново начал осмысливаться опыт (кстати, зачастую некритически) правового нормотворчества и правоприменения в царской России, в демократических странах Запада. Были подвергнуты жесточайшей критике почти все положения Конституции СССР и РСФСР, законодательные акты Советского Союза, многие из которых были безапелляционно, без достаточных оснований отменены, что образовало огромную дыру в правовом регулировании государственной и общественной жизни страны. Вместе с тем *попытка создания правового государства сопровождалась противоречивыми и парадоксальными явлениями, смысл и содержание которых с трудом поддается логическому осмыслению*. Эти парадоксы в одинаковой степени были характерны как для правовых теорий, концепций, правовых норм, так и для вновь формируемого государства. Эти противоречия, несогласованность, неполнота и ограниченность правовых основ государства многократно усилили неопределенность и запутанность правового пространства, что с особой остротой отразилось на правовом сознании и правовом поведении людей, укрепив старые и породив новые парадоксы.

12.1. Парадоксы правового положения людей

Общеизвестна истина: права и свободы граждан должны быть гарантированы конституцией страны. Однако именно Конституция России, ее статус, правомочность и законность ставятся под сомнение многими экспертами, исследователями и политиками по самым разным причинам. И поныне нет окончательного ответа на такие вопросы. Действительно ли Конституция была одобрена большинством принявших участие в голосовании? Можно ли вообще Конституцию принимать всенародным голосованием, когда ее основные положения подавляющее большинство населения не знало, не знает и вряд ли будет знать в обозримом будущем? Но самое удивительное было в другом: провозглашая демократические права и свободы, Конституция практически закрепляла неограниченную власть за одним человеком — за президентом, который стоял над всеми ветвями власти — законодательной, исполнительной и судебной [1]. Возник *парадокс: претендуя на демократическое устройство и создание авторитетного управления, Конституция закладывала возможность использования единоличной власти, которой практически невозможно противостоять.*

Скроенная под человека, стоящего в то время на вершине пирамиды власти, Конституция России содержала в себе бомбу замедленного действия, ибо ее основные положения не были соотнесены с возможными политическими и социальными последствиями. И вот результат — после прихода к власти нового президента появились страхи, серьезные опасения, что правовое поле страны и общества будет разрушено, что всем намерениям по созданию правового государства не суждено состояться. Чем не парадокс: самая «лучшая» демократическая Конституция — база для авторитарной и возможно тоталитарной власти?

И это еще не говоря о том, что сама Конституция России, вынесенная на референдум, была предъявлена общественности менее чем за месяц до голосования, что позволяет вполне серьезно предположить, что с ее текстом большинство населения незнакомилось (не читало), как, впрочем, не читало и до сих пор. Иначе говоря, это был грандиозный политический спектакль, который легализовал существование данной системы власти, законодательно закрепив интересы определенных политических сил.

В этом и подобных ему спектаклях, в том числе и облеченных в правовую форму, группы, прорвавшиеся к власти, были крайне заинтересованы. Более того, они создавали обстановку, когда ни один из социальных слоев не был заинтересован в становлении и укреплении правового государства: для алчущих олигархов и «новых рус-

ских» оно было ни к чему, так как ограничивало их хищничество. Средний класс был слишком мал, чтобы обеспечить поддержку слаженной работе государственно-правового механизма. Малообеспеченные группы населения были поглощены проблемами собственного выживания, рассматривая в данной ситуации государственную систему как лишь виновника своего тяжелого положения. ***Парадокс заключается в том, что, несмотря на разные, порой прямо противоположные установки, всем социальным группам было мало или совсем не интересно: законна или незаконна власть***, которая так усложнила им жизнь, хотя такое отношение продиктовано разными причинами.

А если добавить к этому тот трудно усвояемый урок — как в демократическом обществе может происходить поражающий воображение рост криминала, то становится ясно, что такая обстановка не может не рождать и преумножать многочисленные парадоксы.

Пагубно на правовую жизнь России сказывается не единообразие, а выборочное действие закона, что сознательно поддерживается политической властью. Но главное, что не проходит мимо общественного сознания, это то, что к людям, имеющим власть, а также капитал (деньги), закон более снисходителен и покладист, чем к «общечеловекам», «совкам» и просто рядовым труженикам.

На правовое сознание самым разрушительным образом действует и сложившийся союз трех сил — воровского бизнеса, кровавого криминала и коррумпированного чиновничества. Если ранее, в начале 1990-х гг., они часто действовали порознь, то в процессе рыночных реформ властные должности, в том числе губернаторские и министерские, стали занимать люди, обладающие сомнительными (с точки зрения права) капиталами и одновременно не чурающиеся связей с организованной преступностью. В результате правовые нормы берутся поддерживать (!?) криминальные элементы. В печати сообщалось, что в ряде городов Дальнего Востока были открыты общественные приемные криминальных групп, куда могли обратиться пострадавшие от несправедливости люди и достаточно эффективно (по сравнению с официальной властью) решить свои проблемы. Ну а если криминалитет берется ратовать за установление справедливости даже в отдельном регионе, что можно сказать об уровне соблюдения норм права и правового порядка в стране? Поразительно, но факт: нормы права и морали берутся защищать представители преступных группировок! Очевидно, что как союз с криминалом, так и предоставление криминалу возможности демонстрировать себя как защитника народных интересов, не может не выглядеть колоссальным парадоксом, подрывающим не на словах, а на деле устои проектируемых, как правового государства, так и гражданского обще-

ства. Это тем более трагично, что многие жители этих городов убеждены, что эти «общественные» образования в самом деле защитят их интересы.

Не менее парадоксальна ситуация, когда после деклараций о создании правового государства в обществе с колоссальной энергией стала раскручиваться «война законов», осуществляться «парад суверенитетов», которые напрочь сметали не только остатки упорядоченности в организации общественной и политической жизни, но и порождали правовой нигилизм, ведущий к реализации идеи Гоббса — «война всех против всех». Именно это явление породило *симптомы политического людоедства, когда доказательства своей точки зрения и своей позиции базируются на полном отвержении не только противоположной, но и всякой иной точки зрения.* В этих условиях в особенно тяжелое положение попадают правоохранительные органы, ибо неоднозначность законов, правовых актов только дезорганизует их деятельность, делает ее неэффективной в глазах общественного мнения. Но происходили и более удивительные явления: эти органы, будучи сами слепком с породившего их общества, поражены теми же язвами, что и само общество. Вот и появились среди них коррупционеры в погонах, причем даже в таких организациях, как органы безопасности.

В этой связи стоит напомнить о том, какие превращения произошли за годы рыночных преобразований по отношению к органам правопорядка, государственной безопасности. Когда шел процесс раздела государственной собственности, эти органы мешали (или могли мешать) осуществлению захвата и «прихватизации» общенародной собственности. Поэтому критика их была беспредельной, уничтожающей, пренебрежительной и просто неприличной. Сейчас, когда этот раздел во многом осуществлен, внимание власть имущих опять приковано к силовым структурам: они теперь рассматриваются уже не как возможная помеха, а как необходимое орудие, закрепления результатов захвата и передела собственности, предохранения от возможных на нее посягательств. В этом случае парадоксы содержат формально логическое противоречие. Анализ же его логичности или истинности скрыт в глубинных процессах общественной жизни, не очевиден, и требуется достаточно серьезное знание о реальных процессах, чтобы снять кажущуюся противоречивость данного явления.

На наш взгляд, мы имеем дело с таким явлением, как *правовой нигилизм*. А как же может быть иначе, если в обществе постоянно слышится и пишется о необходимости укрепления законности, в частности борьбы с мафией и организованной преступностью, а на деле ничего не делается для того, чтобы воздействовать на эти нега-

тивные явления, по крайней мере, принять соответствующие законы. На новой основе возрождается действие старой русской поговорки: «Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло». В этом выражении находит многовековое отражение реальная практика правового нигилизма, которая издревле процветала на Руси, а затем в Российской империи. Мало что изменилось и в советское время. Сначала господствовала революционная целесообразность вместо правовых норм, затем тон стали задавать «тройки» и чрезмерно возросшая роль прокурора, а в 1960—1980-е гг. мнение партийных органов нередко определяло исход многих уголовных и гражданских дел [2]. Особенно, если это касалось руководителей, депутатов и других «заметных» лиц.

В новой России создание правового государства началось с латания и исправления старой Конституции, которую дополняли и улучшали соответствующие законы. Затем по Конституции 1993 г. с большей или меньшей точностью была размежевана компетенция законодательной и исполнительной власти. Возродили и судебную власть: наряду Верховным Судом РФ был учрежден и Конституционный Суд РФ. Однако в целом продолжала царить правовая неразбериха, переходящая в произвол, что имело конечным результатом потерю всякого доверия к праву, к его субъектам, к их деятельности.

Судебная реформа, необходимость которой никто не отрицал, тем не менее не осуществлялась, ибо, как это ни парадоксально, очень многие актеры политической сцены были заинтересованы в царящем беспределе: наведение правового порядка серьезно угрожало их интересам, которые было легче сохранить и отстоять в условиях неопределенности.

Суть судебной реформы, как ее определял академик О.Е. Кутафин, заключается «в обеспечении реального доступа граждан к профессиональному, справедливому и оперативному правосудию», ибо до сих пор не каждый человек мог обратиться с жалобой в Верховный Суд, а обжаловать решение и действия органов власти вообще было невозможно [3].

12.2. Что стоит на пути реализации идей правового государства?

В конечном счете, какие бы реформы ни проводились, какие бы законы и другие правовые акты ни принимались, ситуацию в обществе определяют практика, реальный опыт, посредством которого население ежечасно, ежедневно сопоставляет, сравнивает уровень соответствия ожиданий и возможностей их претворения в

жизнь. Так, в начале 1990-х гг. большинство людей поверило, что создается правовое государство. И многие — до 90% — выразили уверенность, что, наконец-то, будут жить согласно закону, руководствоваться только законом, ориентироваться только на него. Общественность оживленно обсуждала возможность создания «человеческих» условий для осужденных (по типу западных стран), процедуру функционирования многопартийности, появление нового слоя чиновников, преданных только закону.

Но реальность оказалась другой. Благостным пожеланиям не было суждено сбыться. Контуры правового государства стали стремительно размываться.

И первую брешь в уверенности, что создается правовое государство, образовала сама жизнь. Тревоги за свое бесправное положение, угроза насилия, боязнь преступности постепенно переместились с четвертого-пятого места в начале 1990-х гг. среди беспокоящих людей проблем на первое-второе в конце 1990—начале 2000-х гг., потеснив не только опасность межнациональных конфликтов, но и удручающее экономическое состояние. Люди все больше стали склонны даже жертвовать достатком, лишь бы избежать угрозы насилия [4]. (См. также табл. 12.1.)

Таблица 12.1

Какие из следующих проблем нашего общества тревожат Вас больше всего? (в % к числу опрошенных)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Июль 1997 N = 2322</i>	<i>Сент. 1999 N = 2407</i>	<i>Янв. 2000 N = 2407</i>	<i>Сент. 2006 N = 2107</i>
1	2	3	4	5
Нехватка продуктов питания, товаров первой необходимости	6,6	11,2	7,9	—
Бедность, обнищание населения	—	—	—	51
Рост цен	46,8	85,5	81,6	70
Рост безработицы	53,9	63,9	48,8	34
Кризис в экономике, спад производства в промышленности и сельском хозяйстве	47,2	56,3	43,9	27
Рост числа уголовных преступлений	53,8	44,7	43,8	29
Кризис морали, культуры, нравственности	26,4	26,2	23,0	24

Окончание табл. 12.1

1	2	3	4	5
Ухудшение состояния окружающей среды	26,4	19,8	20,2	24
Обострение национальных отношений	15,3	16,7	16,0	10
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	45,0	33,8	35,9	30
Угроза фашизма и экстремизма	2,6	4,4	2,7	10
Коррупция, взяточничество	37,8	29,1	30,9	25
Слабость, беспомощность государственной власти	40,0	30,4	24,3	11
Конфликты в руководстве страной	15,4	14,7	10,0	2
Вооруженные конфликты, нестабильное положение в Чечне и на Кавказе	12,3	7,6	43,6	4
Невыплата зарплаты (задержка зарплаты, пенсий, пособий)	63,3	39,7	28,0	5
Затрудняюсь ответить	0,6	2,2	1,2	1

Источники: *Мониторинг* общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 2; *Вестник* общественного мнения. Данные. Анализ, Дискуссии. 2006. № 5. С. 81.

И иной оценка ситуации не могла быть, ибо волна насилия все больше и больше накрывала общество. Если в 1990 г. число зарегистрированных преступлений равнялось 1840 тыс., то в 2004 г. — 2894 тыс., что означало, что на 100 тыс. жителей приходилось соответственно 1243 и почти 1900 преступления, т.е. произошел рост более чем в 1,5 раза. Если в 1989 г. только 6% москвичей говорили, что они подверглись насилию, сталкивались с преступным поведением, то в середине 1990-х гг. об этом уже сказали почти 25% жителей Москвы, выразив тем самым свое представление о реально складывающейся правовой ситуации. О том, что значительно ухудшилась и ситуация с безопасностью людей, свидетельствуют данные всероссийского опроса в феврале 2004 г. (табл. 12.2).

Т а б л и ц а 12.2

Опасаетесь ли Вы сейчас, что Вы сами или Ваши близкие могут оказаться жертвами? (в % к числу опрошенных)

<i>Виды угроз</i>	<i>Очень боюсь</i>	<i>В какой-то мере боюсь</i>	<i>Уверен, что этого не случится</i>	<i>Не задумывался над этим</i>
От несчастного случая	33	52	4	9
От преступного нападения	34	52	5	8
От хулиганских нападений	34	53	5	8
От произвола властей	26	47	8	16

И с т о ч н и к: *Общественное мнение* 2004. М., 2004. С. 22

Тревога за личную безопасность сопровождала человека все годы реформируемой России. Обратите внимание на табл. 12.3.

Т а б л и ц а 12.3

Чувствуете ли Вы себя в безопасности? (в % к числу опрошенных 1993 г.; N=1200 человек)

<i>Состояние</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>Затруднились ответить</i>
Ночью на улице сейчас	23	70	7
Ночью на улицах пять лет назад	74	19	7
Оставаясь одни дома сейчас	78	20	2
Оставаясь одни дома пять лет назад	90	7	3

П р и м е ч а н и я: 1 — сумма ответов: «чувствую себя в полной безопасности» + «чувствую себя относительно спокойно»; 2 — сумма ответов: «чувствую некоторое беспокойство» + «чувствую себя в опасной ситуации».

И с т о ч н и к: *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2000. № 3. С. 36.

Пример пренебрежения законом, правом систематически показывала сама власть. Анализируя события 3—4 октября 1993 г., многие газеты, телевизионные каналы демонстрировали только те эпизоды, когда Руцкой звал на штурм Останкино и мэрии, Хасбулатов — к походу на Кремль, Макашов — к разгрому и тех, и других. И практически никто не хотел говорить о том, что при посредничестве патриарха всея Руси, при согласии членов Совета Федерации было уже достигнуто предварительное соглашение о мирном урегулировании конфликта. Но оно не было реализовано, ибо было признано целесообразным продемонстрировать силу. И вооружен-

ное насилие в Останкино, и расстрел Белого Дома позволили российским лидерам занять уникальное место в истории: впервые в истории Новейшего времени был расстрелян парламент.

Не менее показательным парадоксальным явлением стали не утихающие разговоры о демократии, об укреплении законности и в то же время рост таких правонарушений, которые связаны с коррупцией. И разве могли пройти бесследно для массового правового сознания расползание таких актов насилия, как заказные убийства, умышленные банкротства, массовое ограбление людей при помощи различных фондов и банков (общественное сознание было убеждено в том, что эти акции проводятся с санкции государства), гигантское распространение взяточничества. Взять, к примеру, оценку населением коррупции. В 1999 г. было зарегистрировано 20 тыс. коррупционных преступлений в государственной и негосударственной сферах, в том числе: 6871 факт взяточничества (+18,3% по сравнению с 1998 г.), и 1236 фактов коммерческого подкупа (+26,9%). Это примерно 1,5% общего числа зарегистрированных в нашей стране преступлений (в 1999 г. их было совершено 3002 тыс.). Но это верхушка айсберга. По оценкам экспертов, незарегистрированная часть коррупционных преступлений была в десять раз выше зарегистрированной [5]. В 1990-е гг. уровень латентности взяточничества оценивался экспертами коэффициентом, превышающим 2000. [6].

Все меньшее число привлеченных к взяточничеству несут ответственность. Наказание назначается лишь в каждом четвертом-пятом случаях [7]. Более обстоятельный анализ показывает, что наказание назначается примерно в одном из 100 тыс. случаев дачи и получения взяток. ***«Эффект воронки» применительно к данным нарушениям получается впечатляющим.*** С одной стороны, среднестатистический коррупционер вряд ли способен воспринять подобную угрозу воздействия как серьезное препятствие к совершению противоправных действий. Именно поэтому некоторые юристы приходят к выводу, что неотвратимость ответственности за коррупцию — абсолютная утопия и с теоретической, и с практической точек зрения [8]. Более того, у российской власти нет политической воли по борьбе с коррупцией — до сих пор только обсуждаются и не принят ни один из предлагаемых законов по этой проблеме. С другой стороны, общественное сознание не может не реагировать остро на сложившуюся практику. Оно возмущено очевидными обстоятельствами, теряет надежду на успешное преодоление этой социальной язвы и где-то подспудно признает невозможность серьезно повлиять на сложившуюся ситуацию. Это показывают и опросы общественного мнения. На вопрос агентства «РОМИР» о коррупции, в 2000 г. только около 20% людей заявили, что они не встречались с

таким явлением в их жизни, в то время как почти 42% сталкивались с ним многократно или несколько раз [9]. Насколько серьезна база возможности противоправного и противозаконного поведения, говорят данные Н.И. Лапина о том, что 37% опрошенных оправдывают взяточничество, более четверти — месть, столько же — проституцию [10].

Веру в возможность правового государства серьезно подорвала правовая неопределенность, которая воцарилась в стране. Почти 70% людей беспокоит разрастающаяся преступность, все больше людей видят только один выход — стать самим на защиту самих себя. Только этим можно объяснить (но не оправдать) случаи самосуда над подозреваемыми насильниками, применение оружия при угрозе личной безопасности или безопасности родных.

В этом нарушенном правовом пространстве не мог не вызреть парадокс, когда человек, с одной стороны, ратует за законность, за правопорядок, но с другой — считает возможным их нарушать, если это будет полезным для него лично и не будет ущемлять интересы его и/или его группы. Иначе как трактовать данные социологических исследований, когда 36% опрошенных по всероссийской выборке не видят ничего зазорного в том, чтобы ради пользы самим применить насилие, а 56% считают допустимым нарушение существующих законов. *Иными словами, на бытовом уровне в рамках общественного сознания во всю мощь функционирует правовой беспредел,* когда для многих людей не существует никаких сдерживающих факторов, когда ими принимаются решения, исходя из своего понимания ситуации, из личностного восприятия, из эмоций и желаний.

Опрос жителей Москвы, проведенный еще летом 1993 г., показал, что 9% уже имеют оружие для собственной самозащиты, а еще 54% хотели бы его иметь (купить, приобрести) для того, чтобы обеспечить себе относительную уверенность в своей неприкосновенности. К концу 1990-х гг. эта «обеспеченность» оружием, по экспертным оценкам, возросла в 2—3 раза. Как мы видим, полная утрата надежды на возможность установления правового порядка в обществе имеет своим прямым следствием перенос людьми на себя функций, которые должны выполнять государство и его правовые структуры.

Следствием правового беспредела становится криминальная деформация многих социальных отношений, что создает условия для процветания широкомасштабной организованной преступности. Это уже не просто более высокий уровень организованной преступности — это процесс вовлечения широких слоев населения в

«теневую экономику», их участие в «черном производстве», включая наркотики, проституцию, торговлю оружием и заказные убийства, которые приносят сверхприбыль не только участникам и организаторам, но и практически всем содействующим этому процессу, в том числе и чиновникам. По некоторым экспертным данным, сейчас криминализированный слой в стране в целом составляет не менее 10% взрослого населения, хотя до реального совершения преступлений доходит примерно половина из них [11]. Опасность таких масштабов противоправного поведения заключается не только в самом факте расширения рядов участников правонарушений, но и в том, что российское общество стремительно движется к «колумбийской модели» государства с ее классической криминально-государственной структурой. Как очень метко отметила доктор юридических наук В.В. Лапаева, *один из поразительных парадоксов заключается в том, что к концу 1990-х годов самой организованной силой в реформируемом российском обществе является организованная преступность*. Масштабы ее распространения беспрецедентны [12]. По данным В.С. Овчинского, из 733 выявленных организованных преступных групп, объединенных в 150 крупных сообществ, 6,4% действовали на международном уровне, 10,4% — на межрегиональном (межреспубликанском, межобластном), 20% — в рамках отдельных областей, краев и республик и 63,2% на районном и межрайонном уровне.

Следствием правового беспредела в 1990-е гг. стали вооруженные конфликты, которые превратились в норму жизни в некоторых бывших союзных и автономных республиках. Особенно наглядно это проявилось в тех регионах, где были созданы различного рода антиконституционные вооруженные формирования. Опасность заключалась в том, что такие формирования достаточно легко переключаются на борьбу как против другого, так и против собственного народа, как это случилось в Грузии, Таджикистане, Чечне.

Несомненно, что, решая вопросы ухода из экономики, из других сфер общественной жизни, государство должно было понимать, что этот уход не должен означать безразличие, наплевательское отношение к правам и свободам личности. Для всех честных людей недееспособное государство также представляет опасность, как и государство тоталитарное, всеподавляющее.

Социальные противоречия и неприязнь в обществе в значительной степени зависят от выполнения российским государством обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина. Каково же оно на самом деле по мнению самого населения? Об этом см. табл. 12.4.

Т а б л и ц а 12.4

Оценка выполнения государством обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод (2005 г.; N = 1800; % от числа опрошенных)

<i>Содержание прав и свобод</i>	<i>Хорошее</i>	<i>Удовлетворительное</i>	<i>Плохое</i>	<i>Затруднились ответить</i>
Право на получение информации	28	39	21	12
Право на выбор профессии	25	37	28	10
Свобода мысли и слова	19	43	27	11
Право на отдых	19	32	39	9
Равенство перед законом и судом	6	27	56	11
Право на социальное обеспечение и пенсию	6	28	58	8
Защита государством материнства и детства	5	21	63	11
Право на бесплатное образование	5	21	65	9
Право на жилье	4	19	69	8
Право на охрану здоровья и медицинскую помощь	4	29	67	6
Право на благоприятную окружающую среду	3	25	57	15
Право на судебную защиту прав и свобод гражданина	3	28	50	20

Источник: Отдел стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В табл. 12.4 восемь шкал показывают негативно доминирующие оценки и только четыре — позитивные. Несмотря на широкообъемные заявления о роли образования, здравоохранения, социальной защиты, граждане поставили плохую оценку государству в его деятельности по обеспечению гарантий прав на жилье (69%), охрану здоровья и медицинскую помощь (67%), бесплатное образование (65%), в защите материнства и детства (63%), прав на социальное обеспечение и пенсию (58%), благоприятную окружающую среду (57%), в обеспечении равенства всех граждан перед законом и судом (56%), судебную защиту (50%). Преобладают хорошие и удовлетворительные оценки только в обеспечении государством права на получение информации (67%), свободы мысли и слова (62%), выбор профессии (62%), отдых (51%).

Динамика такой политико-правовой «неуспеваемости» государства, как показывают исследования, достаточно длительная и имеет только в отдельных своих частях позитивный характер. Назрела настоятельная необходимость провести всероссийский комплексный «научный совет» по поводу хронически неэффективного выполнения государством своих обязанностей перед обществом. Большинство законопослушных и желающих активно работать и достойно жить граждан нашей страны не могут и не хотят по нерадивости государства вот уже сколько лет «оставаться на второй год» в ожиданиях лучшей жизни.

Но самой опасной проблемой продолжать быть возможность появления в стране криминального государства, что на практике означает легализацию преступного мира, победу криминалитета. То, что преступность наступает, разнообразит формы проявления, видно не только из астрономических цифр, характеризующих ее рост и объемы. Достаточно привести публичные объявления типа: «Куплю диплом об окончании медицинского училища» или «Подготовлю к ученой степени кандидата наук».

На конференции по международной организованной преступности, проходившей в июне 1993 г. в Англии, было сказано: «Мы много лет опасались прихода русских, имея ввиду коммунистов. Ирония судьбы заключается в том, что они сегодня действительно нагрязнули, правда, в капиталистических одеждах. При этом тащат с собой худшие примеры из практики преступного западного бизнеса. Неизвестно даже, сколько их вовлечено в преступную деятельность. На вид все они — респектабельные партнеры для западного бизнеса. Однако на самом деле эти люди — элита, высшая каста организованной преступности. Они никогда не пачкают рук, а лишь координируют деятельность банд».

По данным МВД России, в 1999 г. *лжепредпринимательство* было характерно для 30% выявленных преступных сообществ. Ими же, по этим данным, в этот период контролировалось более 40 тыс. хозяйственных субъектов, в том числе 2 тыс. государственных предприятий, 3 тыс. акционерных обществ, 11 тыс. кооперативов, 6 тыс. малых предприятий, 160 банков, 19 бирж, 860 рынков. Эти преступные сообщества в 2000-е гг. расширили сферу своих действий за счет внедрения в новые сферы экономики — в лесное и сельское хозяйство. По подсчетам А.Я. Кузьмина, только в Подмоскovie действует примерно 15 группировок, которые уже захватили основную часть сельхозугодий. Они нацелены на получение максимальной выгоды, что отнюдь не связано с совершенствованием сельскохозяйственного производства — их деятельность связана со строительством коттеджей, складских помещений, увеселительных

заведений, В крайнем случае они сдают землю в аренду, становясь рантье [13].

Можно привести немало примеров и по таким формам организованной преступности, как гангстерство, рэкет, вымогательство, грабежи, бандитизм, «расхитители» (действующие в сферах приватизации, банковского дела и т.п.), «коррупционеры» (чиновники, содействующие мафии) и «координаторы» (лидеры преступного мира, обеспечивающие «стабильность» организованной преступности) [14].

Казалось бы, эти данные на межличностном, персональном уровне общения люди не знают. Но от людей скрыть ничего невозможно. Они чувствуют и в целом верно оценивают атмосферу насилия и преступности. И чтобы ни говорили государственные мужи, люди знают реальную цену всему происходящему вокруг, в том числе и тому, что касается закона. Вот почему следует отметить еще один фактор при анализе правового сознания и поведения людей — это оценка характера власти. В этой связи весьма тревожно то обстоятельство, что, *по мнению 70% людей существующая власть представляет собой законодательно оформленную мафию или структуры, тесно связанные с ней* [15].

Вот та действительная оценка, которая стала массовой. Но чувствуют ли это власть предержавшие, в первую очередь те, кто в самом деле хочет блага и счастья для новой России?

Говоря о правовых парадоксах, следует отметить и те сложные проблемы, с которыми столкнулась правосудие в стране. По утверждению В.М. Лебедева, председателя Верховного Суда РФ, суды перегружены: ежегодно только одних гражданских дел рассматривается более 5 млн, уголовных — 1270 тыс., дел об административных нарушениях — 1,8 млн. Необходимость судебной реформы стала не просто актуальной, но и неотложной. Seriously осложняет становление правосудия и отсутствие механизма реализации правовых актов. Особенно серьезные противоречия присущи деятельности милиции, которая, относясь к правоохранительным органам, первая соприкасается с проблемными ситуациями во взаимоотношениях человека и государства.

12.3. Правовые «пороги» парадоксальности

Употребляя слово «пороги», автор предлагает условно воспринимать образное выражение, т.е. как нечто такое, обо что «спотыкаются» и правовая мысль, и правовая практика. Этот термин, несмотря на всю его условность, имеет прямое отношение к феномену парадоксальности, к тем основным символам и значениям, которые представляют интерес для реально функционирующего обще-

ственного сознания. Именно эти слова, термины, понятия и составляет суть повседневной правовой информированности и правовой компетентности, которые, как показывает их анализ, и таят в себе множество парадоксов.

Среди них прежде всего необходимо остановиться на понятии «свобода» [16]. Анализ имеющихся интерпретаций свободы в отечественной литературе, в публицистике, в выступлениях политических деятелей показывает, что произвол, путаница, умышленное и стихийное искажение этого термина трудно поддается даже перечислению [17].

Обычно многообразие подходов к интерпретации того или иного понятия, категории обогащает процесс познания и использования его выводов в деятельности людей, позволяет учесть новые аспекты, стороны, которые по тем или иным причинам не были замечены и включены в предполагаемый анализ.

В ситуации же с изучением и особенно интерпретаций и исследованием понятия «свобода» не происходит ничего подобного — наоборот, трактовка этого понятия тяготеет к дальнейшему запутыванию сути, смысла и понятия свободы, чем не только способствует существованию парадоксальных ситуаций, но неизбежно порождает новые.

Имеющиеся заблуждения, искажения сути свободы могут быть сведены к следующим точкам зрения.

Во-первых, свобода трактуется как ничем и никем не ограниченная возможность поступать индивиду как ему вздумается или как ему кажется. Любая попытка ограничить эту свободу, подчинить каким-то общим ориентирам воспринимается как попрание прав и свобод личности. Парадоксально, но именно такая трактовка получила в 1990-е гг. в России огромное распространение. Усиленная критика тоталитарного прошлого, по мнению сторонников этой точки зрения, увеличивала значимость и аргументированность их позиции.

Во-вторых, получила развитие вульгаризованная трактовка анархизма, которая оперировала понятием «воли», «беспорядка», никем и ничем нерегулируемого поведения, абсолютного отрицания роли и значения государства. Эта позиция опиралась, скорее, на примитивы, на непонимание сути анархизма, на трактовку его цели как существование общества без всяких правовых норм.

В-третьих, свобода нередко трактовалась как наличие, обеспеченность некоторыми правами и обязанностями, которые функционируют в индустриально развитых странах, называемых демократическими. К копированию понимания сущности и функций прав и свобод личности при опоре на западные концепции и сводился данный подход.

В-четвертых, свобода трактовалась как преимущественно политическая свобода, свобода действий и поведения в различных общественных акциях, которая предоставляет возможность каждому человеку проявить себя, реально участвовать в политической жизни.

Каждый из этих подходов таит в себе огромное количество противоречий, доходящих до парадоксов, так как не всегда сопоставлен с реальностью, не учитывает объективные и субъективные аспекты функционирования свободы.

Именно поэтому необходимо обратить внимание на тот факт, что понятие «свобода» неразрывно связано с рядом других важнейших принципов организации жизни человека. Свобода одних не должна ограничивать свободу других, предполагая взаимную терпимость и уважение, не стремясь к абсолютизации одной точки зрения по сравнению с другой, не поддерживая притязания одной группы в ущерб ценностям и ориентациям другой.

На современном этапе понятие «свобода» неразрывно связано с понятием «законность», которое в массовом сознании воспринимается как необходимое условие, открывающее перспективу преодоления социального и экономического хаоса. «Законность» выступает в качестве определенного символа, символа стабильности и устойчивости развития. И он являет собой не нечто отвлеченное, а всегда наполнен конкретным смыслом. Так, термин «правовое государство» для реально функционирующего сознания — понятие весьма размытое. В своей буквальной трактовке любое понятие может войти в массовое сознание только из жизненного опыта и из потребностей, развитие которых этим опытом стимулируется, что в значительной степени можно отнести к понятию «законность». В обществе, где правовые регуляторы не работали, подобного опыта нет.

12.4. Парадоксы массового правового сознания

С того момента, как российское общество провозгласило себя открытым, граждане воочию убедились (на примере западных стран), какую важную роль играет правовая регламентация в жизни общества. Поэтому вполне оправданной и привлекательной стала *идея законности*, все больше и больше приковывающей к себе внимание среди населения.

Социологические опросы показывают, что идея законности очень популярна в российском обществе (55% ее поддерживают), хотя ее восприятие весьма своеобразно: исключительно как средство, гарантирующее индивидуальную защищенность (включая защищенность от произвола государства, коррупции и т.д.). В то же

время 18% людей почти не волнует законность самих властных структур и общественных институтов [18].

Более обстоятельный анализ парадоксального восприятия законности демонстрирует существующий парадокс: идея необходимости главенствующей роли закона сочетается в массовом сознании с правовым нигилизмом.

«Законопослушание» и «добровольное подчинение законам» не собрали и 1/3 голосов респондентов. Для постсоветского человека законность — это требование, предъявляемое в основном к другим (государству, гражданам и т.д.). Люди по целому ряду объективных и субъективных причин не могут оценить значения законопослушания. По данным опроса, проведенного в 1999 г. Фондом общественного мнения среди жителей 56 городов и сел, предложенную формулировку «Я чувствую себя свободным, когда подчиняюсь общим для всех законам» поддержали 55% опрошенных, при 26% не согласных с таким мнением. В другом случае это звучало так: «Я чувствую себя свободным, когда подчиняюсь общим для всех законам в общественной жизни, а в частной поступаю как хочу», с чем согласились 65% и не согласились 17% опрошенных. Во многом вторая формулировка дополняет первую, но у большинства россиян она выглядит принципиально иной. Скорее всего, это проявление той двойственности сознания, которая сформировалась особенно отчетливо в последнюю четверть века: официально-государственная сфера — это одно, а частная жизнь — совсем другое. Здесь вступают в действие механизмы мотивации возможного отклонения от законности в частной и государственной жизни.

Еще один парадокс: сильным аргументом для нарушения закона в глазах россиян является несоответствие его (закона) голосу совести. Здесь проявляется «традиционное» понимание закона не как искусственно созданной юридической нормы, а как естественное проявление «истины». В этом случае «законопослушность» выглядит довольно формально: ведь ради нее приходится идти против совести. Стоит заметить, что людей, готовых жертвовать законом ради совести, гораздо больше (41%), чем готовых нарушать его ради личной выгоды или же групповой (20%). Но куда может позвать голос совести?

Многие из сегодняшних законов даже при развитом воображении трудно признать гарантирующими свободу. Лишь в какой-то степени можно говорить о невозможности подчинения им по причине их несогласованности друг с другом и с быстро изменяющейся действительностью.

Законность — эта сфера, где потребительски ориентированные люди чувствуют себя в определенной степени противопоставленными друг другу. Жизненные трудности и неудачи человек объясняет тем, что закон или его исполнители к нему не благоволят, что он находит-

сы в неравном по сравнению с другими отношении к ним. Этим можно объяснить, почему «равенство перед законом всех граждан» почти во всех группах, за исключением крестьян, пенсионеров и учащейся молодежи, воспринимается как нечто более значимое (28%), чем просто «равенство» (23%). *В силу этого экономическое и социальное неравенство воспринимается как неравенство юридическое*, хотя формально никаких юридических привилегий ни в советском, ни в постсоветском обществе не существовало и не существует.

Не менее парадоксальным выглядит желание освободиться от правовой опеки государства и одновременно не брать на себя никакой дополнительной ответственности.

Государство, переставшее опекать идеологически и политически граждан, сможет обеспечить «порядок», которого от него продолжают ожидать только при условии, если граждане станут несколько иными, чем были раньше, а также если само государство будет успешно поддерживать закон, обеспечивать силу его воздействия.

В этой связи очень важно обратить внимание на то, что в российском обществе царит колоссальная правовая неграмотность, когда большинство людей не обладают даже минимумом необходимых правовых знаний. В случае конфликта с обществом, его институтами и организациями они оперируют некими соображениями, которые часто весьма далеки даже от элементарной правовой информации. В результате, как показали социологические исследования, наиболее полную правовую осведомленность проявляют лица, вошедшие в конфликт с законом, среди которых бывшие и настоящие заключенные составляют большинство.

Эта ситуация дополняется тем, что, по мнению населения и представителей правоохранительных органов, современное российское государство практически расписалось в своем бессилии. Согласно данным социологических исследований, при опросе 630 граждан и 240 сотрудников милиции в сентябре-октябре 1999 г. в г. Петрозаводске (Карелия) только 18 и 13% опрошенных (соответственно населения и работников милиции) были убеждены, что государство способно противостоять преступности. В то же время соответственно 47 и 21% считают, что государство выпустило ситуацию из-под контроля, потеряло инициативу. А что мы имеем взамен? 28 и 33% соответственно полагают, что регулятором жизни являются криминальные законы (за правом такую функцию признало только 20%). А если к этому добавить и тот факт, что 55% населения и 66% милиционеров считают, что большинство жизненных проблем решается с помощью неформальных норм общения, главным образом по принципу «ты — мне, я — тебе», то становятся очевидными те масштабы правового беспредела, в условиях которых отмеченные парадоксы являются вполне очевидной издержкой

по сравнению с разрушительными последствиями наступающей преступной субкультуры [19]. И не об этом ли свидетельствуют кровавые события с этническим привкусом в 2006 г. в г. Кондопоге (в той же Карелии), которые стали следствием давно известного факта, но в свое время не принятого к исполнению?

К числу правовых парадоксов можно отнести проблемы, возникающие в связи и по поводу частной собственности. Сама идея собственности воспринимается многими (37%) более чем благосклонно, хотя не наполнена никаким правовым смыслом (неприкосновенной частную собственность считают лишь 22%).

Многим идея собственности кажется полезной «вообще»: с ней связывают перспективы общего улучшения жизни, но какую службу она может сослужить им лично, причем не когда-нибудь, а сейчас, большинство людей не представляют.

Правовое государство, о котором так много рассуждают, предполагает сильные позиции у частного права, и в первую очередь права собственности. По данным опроса, проведенного в начале постперестроечного периода Фондом «Общественное мнение» среди жителей 56 городов и сел в 11 регионах России (опрошено 3483 взрослых жителей по выборке, репрезентирующей социально-демографическую, профессиональную, возрастную и расселенческую структуру взрослого населения), свыше 40% готовы принять идею частной собственности и юридической защиты, в то же время почти во всех массовых группах свыше половины респондентов (среди пенсионеров и колхозников свыше двух третей) не выразили согласия на гарантии владельцам собственности. Эта ситуация мало изменилась и в конце 1990—начале 2000 гг.

По-видимому, в сознании постсоветского человека сохраняются представления о законности, ассоциирующейся с привычными функциями прежнего государства как гаранта общественного порядка в условиях, когда частные интересы не развиты.

В обществе вышедшем из состояния «несвободы» частной собственности, последняя чаще всего становится мировоззренческим символом того, к чему нужно стремиться. Иллюзии, имеющиеся в самом сознании, происходят от недифференцированности в нем таких понятий, как право собственности и право на собственность. Право на собственность — это гарантированное право каждого члена общества обладать какой-то минимальной собственностью, которая может обеспечить свободу и независимость. Право же собственности свидетельствует о том, что свобода владения собственностью гарантируется юридически, не оговаривая степень индивидуальной независимости владельца.

Историческое отрицание права каждого на собственность в нашей стране уже было осуществлено. Уравнительно-перераспределительная

практика, укоренившаяся в сознании россиян, привела к тому, что в начале рыночных реформ современный капитализм стал восприниматься весьма своеобразно — как раздача всем поровну государственной собственности. В этот период государство пыталось поддержать в людях иллюзию превращения в собственника каждого человека и автоматического обеспечения его материальным благополучием, обретения им экономической независимости. Реальное перераспределение собственности показало, что эти прожекты провалились, так как собственность перешла (или сосредоточилась) в руках небольшой части населения. А это, в свою очередь, привело к росту антисобственнических настроений среди россиян.

В заключение, следует указать на то, что остается очень низкой степень доверия ко всем правоохранительным структурам, судебной и прокурорской власти (табл. 12.5).

Т а б л и ц а 12.5

В какой мере заслуживает доверия...? (в % к числу опрошенных)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Вполне заслуживает</i>	<i>Не вполне заслуживает</i>	<i>Совсем не заслуживает</i>	<i>Затруднились ответить</i>
Армия:				
июль 1996 г.	27,1	33,5	16,8	22,2
сентябрь 2000 г.	26	35	23	15
сентябрь 2006 г.				
Органы госбезопасности:				
июль 1996 г.	18,3	32,9	20,8	27,7
сентябрь 2000 г.	20,9	36,0	22,1	21,0
сентябрь 2006 г.	23	29	18	30
Милиция, суд, прокуратура:				
июль 1996 г.	12,2	35,7	34,8	17,1
Суд, прокуратура:				
сентябрь 2000 г.	11,9	35,9	28,8	23,4
Суд:				
сентябрь 2006 г.	14	31	29	25
Прокуратура:				
сентябрь 2006 г.	14	32	25	29
Милиция:				
сентябрь 2000 г.	13,6	38,6	36,0	11,8
сентябрь 2006 г.	14	34	38	13

Источники: *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1996. № 5; 2000. № 6; *Вестник общественного мнения*. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006 № 6. С. 67—68.

Анализ этих данных показывает, что надежда на правовые институты стала критически низкой: только от 12 до 15% людей видели в них силу, которая может защитить человека. В их глазах никакая из этих организаций не может выступать гарантом свободы, чести и достоинства человека.

Иначе говоря, авторитет правоохранительных органов весьма низок, и такая тенденция продолжает устойчиво сохраняться.

Все это позволяет сделать вывод, что роль суда, прокуратуры, милиции, адвокатуры в формировании правового сознания незначительна. Соответственно надежда на то, что правовые парадоксы могут быть преодолены с их помощью, невелика, а это, в свою очередь, позволяет утверждать: *серьезные изменения во взаимоотношениях населения и правовых институтов в обозримом будущем вряд ли произойдут*. А это означает, что *криминальное перерождение общества становится реальной угрозой*, которая может перерасти, как утверждает ряд исследователей, из сферы криминологической, правоприменительной в политическую, затрагивающую не только судьбы государственности, но и жизнь всего российского социума [20]. Выход в данной ситуации один — крепить законность, тем более что, по данным Н.И. Лапина, из иерархии 14 ценностей законность заняла лидирующее положение [21]. Поэтому сосредоточение внимания на ее укреплении — залог успешного строительства в России как гражданского общества, так и правового государства.

Примечания

1. Данной оценки придерживаются не только многие российские исследователи, но и зарубежные ученые, занимающиеся проблемами СССР (России). См., например: *Ельцинщина* / Под ред. К. Томаша. Будапешт, 1993. Под его редакцией вышла и книга «Конец ельцинщины» (Будапешт, 1999). Краткое изложение понимания им этой проблемы см.: *Томаш К. Ельцинизм на весах истории // Россия и современный мир*, 2000, № 2.
2. Подробнее см.: *Кудрявцев В.Н., Трусов А.А. Политическая юстиция в СССР*. М., 2000.
3. Подробнее см.: *Кутафин О.Е. Российское гражданство*. М., 2004. С. 28.
4. См.: *Гудков Л. Отношение к правовым институтам в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2000. № 3; *Россия в поисках стратегии: общество и власть. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 году*. М., 2000.
5. *Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность*. М., 2000. С. 20—21.
6. *Преступность в России. Аналит. обзорение*. М., 1997. С. 3.
7. *Лунеев В.В. Преступность XX века*. М., 1997. С. 277.

8. *Максимов С.В.* Указ. соч. С. 31.
9. *Аргументы и факты.* 2000. № 28.
10. См.: Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996. С. 167—168.
11. Подробнее см.: *Кудрявцев В.Н.* Генезис преступления. М., 1998. С. 32.
12. См. *Лапаева В.В.* Право и политика: Из научной публицистики. М., 2005.
13. *Мир России.* 2007. № 1. С 5—6.
14. Подробнее см. *Кудрявцев В.Н.* Преступность и нравы переходного общества. М., 2001. Глубоко аргументированный анализ одного из таких выросших по своему влиянию видов криминального бизнеса См.: *Торговля людьми.* Социокриминологический анализ / Под ред. Е.В. Тюрикановой, Л.Д. Ерохиной. М., 2002.
15. *Гуров А.И.* Красная мафия. М., 1995.
16. О праве как необходимой форме и равной мере свободы и справедливости подробнее см.: *Нерсесянц В.С.* Право и закон. М., 1983; *Он же.* Философия права. М., 1997.
17. Обстоятельный и всесторонний анализ имеющихся точек зрения на понятие «свободы»: *Шабанова М.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000; *Кудрявцев В.Н.* Свобода слова. М., 2006.
18. См.: *Россия* в поисках стратегии: общество и власть. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 году / Под ред. Г.В. Осипова. М., 2000.
19. *Тайбаков А.А.* Преступная субкультура и современное общество // Социол. исслед. 2000. № 3.
20. Подробнее см.: *Лунеев В.В.* Преступность в XXI веке: методология прогноза // Социол. исслед. 1996. № 7. С. 98—99; *Кривошеев В.В.* Криминализация общества: сущность процесса, российская специфика. Калининград, 2000. С. 99.
21. См.: *Динамика* ценностей населения реформируемой России. С. 67.

Глава 13

Парадоксы национального «Я»

Нации, также как индивиды, могут жить
двойко: либо воруя, либо производя.

Клод Анри де Сен-Симон (1760—1825),
французский мыслитель,
социалист-утопист

В настоящее время — в начале XXI столетия — вряд ли встретишь сомневающихся в том, что этнический, национальный фактор является одним из определяющих в современной жизни всего человечества. События, происходящие в мире, в отдельных регионах, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что многие народы столкнулись с проблемами национальной идентификации. Но и это звучит *парадоксом: как демократии угрожает крайняя ориентация на демократию (Г. Шельский), так и национальной идентификации угрожает крайняя ориентация на роль и значение этнического фактора.*

Этнический фактор все больше и больше проявляет себя в активизации требований национально-государственной суверенизации, которая, по мнению национальных лидеров, отражает устремления и чаяния многих народов. На первый взгляд это звучит достаточно правдоподобно. Вот уже более четверти века на этноконфессиональной основе происходят столкновения в Северной Ирландии, и Великобритания до сих пор не может найти удовлетворяющее всех решение этого вопроса. Одновременно в этой стране стараниями националистических сил получила свой парламент Шотландия, и на очереди такая же проблема стоит в Уэльсе. В Испании в течение многих лет заявляют о себе национальные меньшинства — баски и отчасти каталонцы. Первые требуют создания независимого государства на части испанских и французских территорий, вторые — большей самостоятельности от центра. Непокойно и в Румынии, в Трансильвании, где требуют автономии не столько венгры (их численность достаточно велика на этой территории), сколько местные румыны, полагающие, что пребывание их в империи Габсбургов до 1918 г. серьезно отличает их от населения Молдовы и Валахии.

Эти примеры можно продолжить. Кровавый конфликт уже в течение четверти века протекает в Шри-Ланка, где тамилы борются за независимость против ланкийского правительства. Незарубцевавшей раной для курдов является их борьба за независимость (37-миллионный народ расчленен между несколькими государствами — Турцией, Ираном, Сирией, Ираком).

В этом национальном и сепаратистском процессе есть и некоторые эксцентрические события, вроде стремления некоторых националистов или просто авантюристов в штате Техас (США), в провинции Квебек (Канада), в Новой Каледонии (протекторат Франции) получить независимость. В целом только в 1998 г. было зафиксировано около 50 крупных политических событий, имеющих этническую окраску, что достаточно серьезно влияет на судьбы как отдельных наций и государств, так и всего мира или отдельных его регионов.

О том, что этнический фактор играет серьезную роль в решении проблем государственного устройства, говорит распад СССР, Югославии, Чехословакии. Причин их исчезновения с политической карты мира несколько. Одни говорят о неизбежности распада империй, другие — об ошибках политического руководства этих стран, третьи — о волне национализма как новом явлении общественной жизни, которому невозможно противостоять.

Анализируя всплеск этнонациональной напряженности, все больше исследователей склоняются к необходимости серьезной, глубокой и всесторонней оценке не просто этнического фактора вообще, а национального самосознания. В этой связи уместно напомнить утверждение Л.Н. Гумилева, что «в жизни человеческой нет ничего более нестабильного, чем социальное положение и социальные отношения», но в то же время «никакими усилиями и желаниями человек не может сменить свою этническую принадлежность». По его мнению, нет ничего влиятельнее того, что в конечном счете определяет сознание и поведение человека, — это «*этническая стихия человечества*», которая имеет тенденцию актуализироваться, перестраиваться и в конечном счете определять направления развития человечества [1].

13.1. Особенности национального самосознания на постсоветском пространстве

Современная Россия, все постсоветское пространство представляют собой уникальное поле, демонстрирующее эпохальные сдвиги, которые происходят после распада великой страны. В настоящее время на

территории бывшего СССР идет *объективный процесс материализации национальной самобытности, национального достоинства и национальной культуры*. Многие нации и народности как бы заново возродились и потянулись к своей культуре, языку, к обычаям и традициям предков. Стали более значимыми национальные формы хозяйствования. Но стремление людей к национальной самобытности не всегда согласуется с существующим желанием жить вместе и жить в мире с другими, так как в этот процесс мощно включились националистически настроенные политики, которые в борьбе за власть пошли на подмену ценностей духовного порядка амбициозными заявлениями и декларациями о разного рода «суверенитетах», «независимостях» и «самостоятельности».

Налицо проявление национального мародерства в поведении политических руководителей, которые объявили своим кредо строить благополучие своей нации (а в большинстве случаев свое личное благосостояние) в ущерб достоинству и благополучию других народов. Чего стоят декларации президента Грузии начала 1990-х гг. Гамсахурдиа, открыто провозгласившего лозунг «Грузия для грузин!», или его коллеги, первого президента Азербайджана Эльчибея, реализующего в те же годы такую же политику, но под лозунгом «Русские — в Рязань, татары — в Казань!». Нечто подобное, но в более стертom виде происходило в других республиках и национальных районах.

К сожалению, националистические идеи увлекли часть населения, хотя и не столь большую, как того хотели их творцы. Социологические исследования показывают, что в повседневном общении, на работе и в быту люди разных национальностей демонстрируют большой уровень доверия друг другу и толерантности вопреки кликушествующим заявлениям лидеров национальных политических партий и движений. Основы для совместного сосуществования люди видят в духовности, культуре, развитии своей самобытности, а не в открытой или скрытой политической борьбе, которая приносит дивиденды только амбициозным политикам или желающим протиснуться хотя бы в какие-нибудь лидеры, президенты и вожди.

Националистические настроения опасны еще и тем, что их носители тщательно скрывают свои истинные цели и намерения. На поверхность выносятся демагогические рассуждения о национальном языке, о «погубленной» национальной культуре, что способно на некоторое время дезориентировать часть населения. Этим националистическим настроениям не в малой степени способствует и некоторые паранаучные и антинаучные концепции и взгляды, получившие огромное распространение в XX в. Для их «научного» обоснования привлекаются самые различные идеи. Например, позицию К. Юнга трактуют как примордиалистскую концепцию этничности,

согласно которой этническая (а следовательно и культурная) идентичность не конструируется, а наследуется. Такой подход дает основания говорить об исключительности национального «Я», служит основой для противопоставления другим народам, порождает этническую напряженность и даже национальные конфликты.

Вызывает серьезные сомнения и возражения концепция В.А. Тишкова, доказывающего искусственность и ненаучность понятия «нация», а также необходимость признания западного стандарта «нация—государство» [2]. С данным утверждением трудно согласиться. Во-первых, потому что необходимо исходить из реалий, которые сложились, и из того реального опыта, который имеется не только в западных странах. Иначе говоря, в основе рассуждений должна быть жизнь, а не фантазии и пожелания, пусть даже и привлекательные. Поэтому трудно согласиться с трактовкой нации как «воображаемой общности». Во-вторых, как бы ни были хороши американские, французские, испанские способы решения национальных проблем, они отражают свою специфику и свои приемы воздействия на непростые национальные взаимоотношения. А использовать механически чужой опыт, как убедились не только политики при анализе самых различных заимствований, дело чрезвычайно спорное, если не сказать опасное. В-третьих, не надо считать виновниками национальных коллизий политические доктрины СССР, в котором немало было сделано, как признает и автор, для национальных меньшинств. Ведь таких доктрин не было в других странах, но столкновения (и очень острые) национальных интересов там были и остаются реальностью.

Националистический угар проходит даже у тех людей, которые на время поддались на близорукие, но опасные посулы политических деятелей. Представлять народы пораженными язвой национализма и шовинизма не только ошибочно, но и нелепо. Надо отделить семена от плевел и понять, что миф о всеобщем национальном дурмане является хорошим прикрытием амбициозных целей в борьбе за власть.

Конечно, национальное самосознание каждого народа нуждается в обстоятельном и глубоком анализе. При этом несомненно, что специфика проявления национального «Я» в странах Балтии весьма существенно отличается от аналогичных проблем в Средней Азии, так же как в последних — от ситуации в Закавказье.

Однако приверженность национальным ценностям — бесспорно важнейший компонент национального самосознания большинства наций, проживающих в границах бывшего СССР. «Реальности нации» утверждают себя как существенно необходимые, поскольку индивидуальная социальная идентичность невозможна без идентичности национальной. В свое время, за годы Советской власти,

быстрая интернационализация уклада жизни, угроза исчезновения этнической самобытности поставили под сомнение естественность этого процесса. Неудивительно, что некоторые этносы стали искать свою идентичность на другом уровне. Сильная корреляция постоянной «национальное самосознание» с переменной «гражданское сознание» может привести к выводу, что первое усиливается за счет второго и что **«национализация» самосознания — своего рода лишь бегство от национальной ассимиляции, национальной нивелировки.** На наш взгляд, интенсивный процесс национальной апелляция к прошлому, нежели к настоящему происходит в силу того, что для нового поколения история народа, ее содержание гарантирует сохранение самобытного уклада жизни: **для людей прошлое привлекательнее, уникальнее, чем новые ценности, присущие современности.** Эмоциональная, аффективная связь с прошлым — едва ли не самая прочная основа понимания идеи «мы-идентичность», присущей людям, составляющим нацию. Можно сказать, и в этом мы согласны с В.А. Тишковым, что «культурная сложность» жизни многих стран мира, многих его регионов противостоит процессу глобализации с ее неистребимой тенденцией к унификации всех и всего.

Отношение людей к «национальному» стало к концу 1980-х годов радикально позитивным. В национальном самосознании зачастую стали преобладать эмоциональность и иррациональность. В нем превалировали «аффективные компоненты» и недоставало рассудочности и прагматизма. Это создает вероятность появления у значительной части населения **эффекта «слепой лояльности»**, рецидивов негативных настроений, в том числе таких малоизученных социально-психологических явлений как этноцентризм, этноэгоизм, этнофобия, бытовой шовинизм.

Особый интерес представляет анализ национального самосознания русского народа [3]. Специфичность этой проблемы обусловлена многими факторами. Во-первых, историческими, ибо Русь (Россия), долгое время развивавшаяся в рамках одного этноса, постепенно стала включать в себя (здесь мы не останавливаемся на причинах, повлиявших на расширение страны) территории других этносов, по большей части немногочисленных и значительно уступающих по общему развитию русской нации. Во-вторых, очень многие народы в течение длительного периода совместного существования на базе своей и русской культуры образовали такой сплав духовности, который можно квалифицировать как своеобразный синтез взаимного обогащения. И наконец, неопределенность национальной самобытности многих народов нашла отражение в до сих пор нерешенном вопросе при употреблении понятий «русские» и «россияне».

В целом русский народ при всех издержках и националистических всплесках обладает достаточно стойким иммунитетом против абсолютизации своего влияния и игнорирования прав и культуры других народов. Может быть, поэтому русский национализм никогда не достигал высот большой политической и социальной силы, подминающей под себя интересы других народов. Русские по своей сути, образу жизни и установкам были и пока продолжают быть наиболее интернационалистски настроенным народом, открытым всему миру и поэтому сравнительно слабо реагирующим на ущемление отдельных его возможностей и прав. Этому в немалой степени способствовала господствующая и в царской России, и в Советском Союзе идеология «старшего брата».

Но все серьезно изменилось в связи с распадом СССР. После его крушения потенциал русского национализма заметно вырос, так как многие русские, помимо их воли, в новых независимых государствах в один момент превратились в представителей национального меньшинства. Да и в самой России в ряде национальных республик открыто происходило ущемление прав русского населения, что было в той или иной степени связано с местными националистическими и антимосковскими настроениями.

В этих условиях национальные и националистические настроения идеологически стали более перспективными, а пропаганда национальных интересов и соответственно национальной государственности (суверенитета) стала привлекательной. Этническая толерантность русских стала уменьшаться, хотя и по-прежнему оставалась высокой. По данным ВЦИОМ, в середине 1990-х гг. 70% опрошиваемых соглашались с тезисом «Россия для русских» и столько же — с тезисом «Россия для всех, кто в ней живет» [4]. Мало изменилась ситуация и в конце 1990—начале 2000-х гг., хотя число обвинявшихся в поддержке такого заявления как фашизм, все же уменьшилось (табл. 13.1).

Т а б л и ц а 13.1

**Как Вы относитесь к идее «Россия для русских»?
(в % к числу опрошенных)**

<i>Перечень</i>	<i>1998</i>	<i>2000</i>	<i>2002</i>	<i>2004</i>	<i>2006</i>
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	15	15	16	16	15
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	31	34	38	37	35
Отрицательно, это настоящий фашизм	32	27	26	25	26
Меня это не интересует	10	12	9	12	12
Не задумывался над этим	5	6	8	5	8
Затрудняюсь ответить	7	6	3	4	4

Такая ситуация позволяет сделать вывод, что определение того, в какую сторону «качнется маятник», зависит от политиков.

Социологический анализ национального самосознания русских показывает, что в нем слабо выражены основные черты собственно национализма — этнофобии и идеи этнократического государства. В специальном всероссийском опросе, осуществленном фондом «Общественное мнение» в феврале 1995 г., русские были выделены в отдельную группу, что позволило выявить некоторые отличия от представителей других социальных и национальных идентификаций. Статистически значимых отличий набралось немного. Респондентам предлагалось выбрать между «советскими», «русскими» и «западными» ценностями (без уточнения что это такое). При этом допускались любые сочетания. Было выявлено общее доминирование «русских» ценностей: 46% «чистых», 7% в сочетании с «западными», 11% в сочетании с «советскими» и 3% в сочетании и с теми и другими [5].

Интересна самохарактеристика русских людей. На первом месте стоят «готовность переносить трудности, лишения» (мнение 65% опрошенных) и «готовность к защите Отечества любой ценой» (мнение 52%). А вот принципиально важные для идеологии русского национализма характеристики сильно отстают: 23% выразили «готовность пожертвовать личными интересами ради государства», 21% — «стремление к поиску правды, высшего смысла», 13% убеждены в «особом историческом предназначении, исторической миссии». По поводу своего положения в обществе относительно других этносов русские умеренно оптимистичны: только 29% считают, что они живут хуже всех других, а 48% убеждены, что живут не хуже представителей других национальностей.

Если примитивный этнонационализм не свойственен русским, то этническое понимание государственности им присуще в гораздо большей степени. С тем, «что надо стремиться к созданию государства, в котором русские официально признаются главной нацией», «безусловно согласны» 23% опрошенных и «скорее согласны» 24% при 21% «скорее не согласных» и 13% «безусловно не согласных». При этом 34% считали, что Россия «должна стремиться к присоединению соседних территорий бывших союзных республик, населенных преимущественно русскими» (44% не поддерживали это и 21% затруднились ответить). Почти половина русского населения России готова признать этнический принцип устройства государства, хотя процент явных этнонационалистов среди русских не высок. Национализм русских выражен заметно слабее, вероятно, из-за опасений спровоцировать войну (силовые методы считают в данном случае допустимыми лишь 8% русских, и даже среди сторонников В. Жириновского этот процент не поднимается выше 21%).

Бытующие представления о росте национальной напряженности и этноцентричности самосознания российских граждан не подтверждаются конкретными социологическими данными. Реальная динамика гораздо сложнее. Это хорошо показывает специальное исследование «Этнополитическая ситуация в регионах Российской Федерации». Было выявлено, что процент «безусловно» готовых «принять участие в конфликте на стороне своей национальной группы», «взяться за оружие» остался и в начале и в конце 1990-х гг. примерно на одном уровне: он колебался в пределах 13—15%. По выборочным данным, в этнонапряженных районах этот показатель также изменился мало. Практически не сократился и показатель предубежденности к другим народам. При ответе на вопрос «Есть ли национальность, к которой Вы испытываете неприязнь?» в ряде регионов России (Татарстан, Карелия, Ставропольский край) число ответивших утвердительно колебалось в пределах 15—34% [6].

По мнению Л.М. Дробижевой, статистика и данные социологических исследований показывают, что апелляция к национальной идее гораздо более свойственна интеллектуальной элите, чем остальным группам населения. В целом же лишь 7,7% утвердительно ответили на вопрос «Есть ли плохие нации?» (среди мужчин это процент поднимается до 11%). 73,6% в своем определении российского гражданства не использовали этнический фактор, от 69 до 79% положительно относятся к западным странам. Исходя из этого, можно сделать вывод, что этноцентризм в России развит не больше, чем в европейских странах [7]. С этим можно согласиться, ибо национализм всегда направлен против какого-то конкретного врага, но, как показывают исследования, это в очень незначительной степени проявляется в национальном самосознании русских.

13.2. Основные черты национального самосознания

Противоречивые и неотрегулированные этнические процессы, происходящие в современной России и на всем постсоветском пространстве, *порождают парадоксальные ситуации, когда не процесс глобализации определяет облик происходящих событий, а самые различные варианты достижения независимости, автономизации и суверенизации.*

В этих условиях национальное самосознание функционирует и развивается достаточно противоречиво. А порой и парадоксально. Каковы его характерные черты?

Во-первых, процесс потери профессиональной, социальной и культурной самоидентификации интенсивно замещается национальным

(этническим) компонентом. Для многих людей утратила всякое (или решающее) значение принадлежность к определенной профессиональной группе в условиях закрытия производств, массовой безработицы, потери опоры на производственные коллективы. Социальное положение многих людей также стало зыбким, неустойчивым, подверженным серьезным изменениям и рискам. Культурные ценности оказались тоже размытыми, преходящими, часто замещающимися новыми претензиями на новаторство, новое слово в литературе, искусстве, архитектуре и т.д. На их место приходит этническая самоидентификация. Уже на исходе горбачевской перестройки в ходе всесоюзного исследования было выявлено, что стремление людей идентифицировать себя со своей нацией, ее историей и культурой превышало все прежние идентификации — с работой, профессией, социальным положением и т.д. Во всероссийском исследовании исторического сознания, проведенном нами в 1990 г., потребность понять корни своей страны, своего народа выразили 28% опрошенных людей, что заняло третье место среди социальных ориентаций после стремления знать правду о прошлом (мнение 91%) и желанием расширить кругозор (мнение 30% опрошенных). Примерно столько же людей (27%) сказали, что в истории их интересует «жизнь, быт, обычаи, традиции народов, устное народное творчество» [8].

Во-вторых, получил достаточное распространение этноэгоизм: люди стали замыкаться на интересах только своей этнонациональной группы, которые приобрели первостепенную ценность по сравнению с другими интересами и потребностями. Этноэгоизм воплощается в постоянных попытках обеспечить преимущества для своей группы при помощи различных средств, в том числе и неправовых. В советское время этноэгоизм проявлял себя в основном в области образования и культуры, при решении проблем причастности к управлению. Но постепенно этноэгоизм распространил свое воздействие на политическую и экономическую сферу: властные полномочия и экономико-финансовое влияние стали сосредотачиваться в руках представителей одного этноса, не взирая на деловые и иные характеристики специалистов, представляющих другие народы.

В-третьих, в недрах современных межнациональных, межэтнических отношений постепенно вывели различные варианты этнофобии, полностью или в значительной части отрицающие право другого народа и его представителей не только на участие в жизни данной территории, но и даже на право жить на ней. Это нашло свое отражение в таких словообразованиях, как «незванные гости», «мигранты», «оккупанты» (например, в странах Балтии), которые использовались для нравственного и правового давления на русское и рус-

скоязычное население. На других территориях этнофобия выразилась в создании неблагоприятной жизненной среды, моральном давлении, когда невыносимой становилась повседневная жизнь. Это вынуждало людей покидать места, даже в том случае, если они жили здесь в течение нескольких поколений (Грузия, республики Средней Азии). И наконец, этнофобия проявилась в таком неприглядном облике, когда русскоязычное население насильственно выселялось, превращалось в беженцев или вынужденных переселенцев (Азербайджан, Казахстан, Чечня).

Десятки конфликтных, предельно напряженных ситуаций, тысячи беженцев, раненых и убитых — таков исторический фон некогда «бесконфликтного советского общества», общества «дружбы народов» [9]. Вместе с тем неприемлемо и восприятие нынешнего состояния межнациональных отношений на территории бывшего единого государства с позиций всеобщего конфликта Гоббса, поскольку «все сложные социальные системы нестабильны» (С. Липсет). Однако игнорирование тенденции к изменениям, характерной для любого общества даже в условиях стабильности, затрудняет поиск путей решения противоречий, порожденных, с одной стороны, объективным стремлением народов к самостоятельности, суверенности, а с другой — субъективными возможностями соответствовать этим объективным потребностям, не ущемляя интересы других народов, других этнических групп. Изменения же, в том числе и постоянно возникающие конфликты интересов, требуют мобильной реакции властных структур, готовых к регулированию без разрушения, так как «консенсусные институты и ценности составляют необходимые условия для сохранения социальной системы» [10]. Социальные структуры, закостеневшие и неадекватные новым социальным условиям, не способны к изменениям и поэтому не всегда могут адаптироваться к изменившимся обстоятельствам. К этому следует добавить предположение, что иерархически организованным обществам имманентно присуща противоречивость развития, которая создает условия для осуществления радикальных изменений.

13.3. Формы парадоксов национального самосознания

В определенной степени национальные противоречия обусловлены тем, что центростремительные тенденции преобладают над центробежными и, что является парадоксальным, скорее способствуют последним, чем сдерживают их. Лидеры этнических слоев и групп уже не удовлетворены существующим «национальным ран-

жированием», которое, по их мнению, было препятствием для нормального функционирования их народов. Их позиция подкрепляется соответствующим комплексом идеологических аргументов, механизмами объяснения, оправдания и пропаганды мер по устранению существующего неравенства наций и убеждением людей в законности их национальных притязаний.

Эти национальные притязания нередко рядятся в одежды национализма, шовинизма, расизма, хотя в современных условиях явных признаков угнетения или насилия может и не быть. Конечно, национальным отношениям из-за различия интересов разных народов присуща целая гамма противоречий [11]. И эти противоречия возникают не только на уровне национальных государств, национальных общностей, этнических групп (т.е. на макроуровне), но и на межличностном уровне, на уровне малых групп (т.е. микроуровне). Одни из них постоянно действующие, другие ситуативны, одни конструктивны, другие деструктивны. Но дело не в самих противоречиях как таковых, а в методах, посредством которых они решаются.

Анализ неоднозначных, противоречивых процессов, происходящих в сфере межнациональных, межэтнических отношений, позволяет выявить *несколько форм парадоксов национального самосознания*, наиболее полно характеризующих специфические особенности их функционирования на постсоветском пространстве. В той или иной мере *эти формы парадоксальности проявляются почти во всех типах этнического взаимодействия*.

Первый тип этого взаимодействия американский исследователь П.В. Берг называет *«лессеферистским»*. Его суть: этническая группа подвергается минимальному культурному воздействию и сама решает собственные проблемы, испытывая при этом лишь экономическую эксплуатацию в какой-либо форме со стороны другой этнической группы и сохраняясь в качестве этнокультурного целого.

Второй тип этнического взаимодействия — *«аккультуралистский»* — заключается в том, что люди получают возможность неограниченной социальной мобильности в структуре, созданной господствующей национальной группой, но ценой растворения в ее культуре, без сохранения этнокультурной специфики. Ситуация насильственной «аккультурации» этнических меньшинств господствующей национальной группой получила название этноцида [12].

Отсутствие постоянных устойчивых, апробированных каналов для выражения национальных интересов приводит к дестабилизации общественных отношений, углублению (обострению) скрытых этнических конфликтов.

Ущемление этнических особенностей или препятствование их функционированию часто воспринимался людьми как низведение их в положение второсортной части населения и подталкивание к тому, чтобы рассматривать национальные проблемы в антагонистической дилемме. Такой подход способствовал слиянию воедино усилий по достижению всех видов равноправия — национального, политического, экономического, придавая этой борьбе радикальный характер. Не меньшее значение имело то, в какой мере нации, этнические группы были наделены правами как суверенные субъекты общественной и государственной жизни и как они могли реализовать эти права. Чем продолжительнее и жестче подавлялись или плохо учитывались государством экономические и политические права народа, тем больше была вероятность вовлечения его в реализацию националистических идей. Ущемленность интересов неизбежно питала недовольство, стимулировало обострение национальных притязаний, выражающих охранительную функцию — *социально-культурного выживания этноса*.

Противоречивость развития этнонациональных отношений сопряжена с изменениями в экономическом и политическом строе, что неизбежно приводит к формированию новых гражданских ценностей, касающихся интересов наций, политического участия ее представителей в делах государства, в соблюдении прав и свобод человека. В процессе трансформации постсоветского общества усилились националистические настроения, были ослаблены, интернациональные компоненты всей общественной, в том числе и культурной, жизни, которые стали противопоставляться интересам национальное «Я». Попытки сочетать процессы интернационализации и национальной самобытности пока желаемого эффекта не достигли. Более того, страх ассимиляции порождает воинствующие, радикальные формы решения этого противоречия, которые не отвечают объективной логике развития.

Не менее показателен процесс, который характеризует противопоставление интересов нации интересам личности. В настоящее время ситуация такова, что эти интересы реализуются не на путях взаимодействия, а в процессе нарастающего противостояния друг другу. Причем такое *противостояние имеет тенденцию к увеличению своего разрушительного потенциала, к появлению новых полей напряжения*. Остановимся на этом подробнее.

Одним из важнейших показателей зрелости национального самосознания является то, насколько оно приобрело черты гражданского сознания, становится ли оно неотъемлемым атрибутом демократического общества. А мера этой зрелости заключается в том, *чьи интересы — нации или личности — ставятся выше при их сравнении.*

И если в национальном самосознании начинают превалировать этнические интересы в ущерб интересам личности, можно говорить о появлении различных вариантов этноэгоизма, этноцентризма и даже этнофобии. На это нужно обязательно обратить особое внимание, ибо в условиях оживления идей национальной самобытности, роста национального самосознания и национальной культуры достаточно четко выявляются акты пренебрежения прав личности в угоду национальным интересам.

Способствовать всем формам становления национального «Я» необходимо, но только до тех пор, пока они реализуются не за счет благополучия и нормальной жизни представителей другого народа. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований: в современной политической жизни многих вновь образованных государств отдается предпочтение интересам нации перед личностью, национальное противопоставляется личностному, национальными интересами прикрываются все акции — как социальные, так и экономические. Как бы это кому не нравилось, но это исторический тупик, это база для оправдания шовинизма, расизма и национализма.

Особенно парадоксальным выглядит поведение национальных политических лидеров, которые постоянно противопоставляют «суверенитет» и «независимость» своей республики (страны) возможности установления баланса справедливости по отношению к другим некоренным народам и нациям. Но это вроде бы очевидное противоречие становится понятным, если признать, что национальных руководителей захватила лишь одна страсть, одно стремление — любой ценой удержать попавшую в их руки власть, обеспечить свое личное благополучие и благополучие своего ближайшего окружения. Это явление группового националистического эгоизма приняло огромные масштабы и имеет целью скрыть от общества истинные цели и намерения их носителей. *Социологические данные свидетельствуют о весьма существенном разрыве между политическими установками новоявленных вождей и их народов — они часто направлены на прямо противоположные цели и заботы.* Если народы интуитивно, из опыта прошлой жизни, стихийно осознают важность и приоритет прав и свобод человека, независимо от его национальной принадлежности, то политики вновь возникших независимых государств во всю эксплуатируют национальную карту, преследуют личные и групповые своекорыстные интересы [13].

Особо стоит остановиться на характеристике парадокса, который присущ национальному самосознанию интеллигенции. Анализ социологической информации показывает, что носителями любой

национальной идеи со всеми ее позитивными и негативными характеристиками, во все большей мере становятся представители этнического интеллектуального слоя. Сам по себе этот факт очевиден и не отражает ничего необычного. Удивительное проявляется в том, что национальная интеллигенция многих республик, особенно Средней Азии, взращивалась в течение двух-трех поколений с помощью и при поддержке России и русской культуры. Но потом в ее среде оказалось немало тех, кто отрекся от этой памяти, пытаясь заменить эту страницу в жизни народа на поиском своих корней в далеком прошлом.

Примечательна в этом отношении судьба возникновения различного толка националистических идей в Советском Союзе (России). Первые попытки анализа национальных отношений на грани 60—70-х гг. XX в. в республиках Поволжья показали, что носителем националистических идей выступала интеллигенция, а не рабочие и крестьяне. Уже в этот период представители интеллигенции поволжских народов высказывали претензии по поводу их обделенности властью, сомневались в ценности смешанных браков, считали преувеличенным внимание к русскому языку в ущерб национальному и т.п. [14].

«Обиды» на русскую «державность» продолжались и в 1970-е, и в 1980-е гг., пока не сформировались более или менее устойчивые, в основном националистические, концепции защиты интересов только своего народа при явном или скрытом игнорировании языка, культуры, вероисповедания других народов, особенно тех, с которыми были образованы те или иные национально-государственные объединения.

В перестроечный и постперестроечный периоды эти «обиды» обострились, среди интеллигенции стали набирать силу националистические настроения. А так как интеллигенция в лице своих наиболее политизированных представителей пришла к власти, то началась не просто критика, но и изгнание в тех или иных формах русской культуры и русского влияния из повседневной и общественной жизни этих народов.

Парадоксальность этой ситуации заключалась, во-первых, в том, что интеллигенция выступала против той культуры, которая ее породила, или, по крайней мере, дала возможность реализовать себя в полном объеме. Образно об этом сказал Донатас Банионис, всемирно известный литовский актер: «События мировых масштабов очень причудливо накладываются на отдельные судьбы. Не приди в Литву еще до немецкой оккупации советская власть, не было бы моего театра. Я могу эту власть не любить, не признавать, но факт остается фактом. Это она дала возможность создать Паневежский драматиче-

ский театр, в который я поступил» [15]. Но если одни люди (причем, самые одаренные) видят в причастности к русской культуре благо, то немало и таких, кто рассматривает это взаимодействие как процесс ассимиляции, ущемления национальных культур, и на этом основании выступает против русского великодержавия. Но примечательно то, в общественном сознании слабо или совсем не фиксируется противопоставление «своей» и «чужой» (в данном случае русской) культуры: большинство людей продолжает признательно воспринимать приобщенность к русской духовности.

Во-вторых, у интеллигенции многих этносов еще в советское время регистрировалась раздвоенность сознания и поведения. Многие из них ратовали за развитие родного языка и родной культуры. Но это они относили к обязанностям всего населения, а сами своих детей посылали в русские школы, затем в высшие учебные заведения России, ибо такие молодые люди, включенные через русскую культуру в мировую, имели больше преимуществ по сравнению со своими сверстниками. Аналогичные процессы происходят и в современной России, но уже через попытки приобщиться к американской, английской или турецкой культуре. Правда, после десятилетия метаний и поисков национальной идентичности многие представители национальных культур бывшего СССР пришли к выводу о неоправданности и ошибочности отрешения от той культуры, с которой они имели общую судьбу не одно поколение.

Жизнь показала, что противопоставление своей национальной культуре русской особенно ярко проявляется в парадоксальной деятельности тех людей, которые оторвались, отошли от духовных ценностей своего народа, не знают (или плохо знают) его язык, его культуру. Именно такие представители часто возглавляют радикальные националистические организации и осуществляют акции, направленные на нагнетание напряженности во взаимоотношениях этнических групп. Конечно, это можно рассматривать как попытку реабилитации своей предшествующей жизни. Но в не меньшей мере эти акции можно анализировать как стремление реализовать свои амбиции, получить властные или иные полномочия, посытнее и благополучнее устроить свою личную жизнь.

В-третьих, в 1990 гг. очень активно проявил себя парадокс: разрыв в восприятии прошлого и будущего между интеллигенцией и остальным населением. Среди населения по-прежнему преобладает желание и стремление жить вместе с другими народами. Социологические данные свидетельствуют, что во многих бывших республиках до 70% населения надеются на возможность интеграции с Россией на новой основе. Об этом говорит, например, победа пар-

тии коммунистов Молдавии в феврале 2001 г., которая на пути к своей победе открыто провозгласила курс на интеграцию с Россией. Поэтому 67% населения, отдавших голоса этой партии, можно трактовать и как голоса поддержки более тесного союза с Россией. Примерно такую же ориентацию на союз с Россией выразило большинство белорусского населения [16]. Но часть интеллигенции многих этнических групп по-прежнему нацелена на дальнейшее дистанцирование от России. Для этого применяется много средств: из учебных программ исключается изучение русского языка, подготовка молодых специалистов осуществляется с помощью зарубежных учебных заведений. Возрождаются националистически окрашенные мифы, возведенные в ранг исторически достоверных событий, присваиваются себе все возможно привлекательные факты и знаменательные даты, имевшие место на данной территории, но весьма спорные с точки зрения истории мировой культуры и цивилизации.

Апофеозом националистических притязаний стала реализация проектов по переводу графики национальных языков с кириллицы на латиницу, исходя из того, что последняя якобы «более точно передает звуки нашего языка», а кроме того, восстанавливается «историческая традиция». При этом лукаво замалчивается тот факт, что латинская графика восточными народами использовалась только 10—15 лет (в условиях массовой неграмотности), а кириллица — 60—70 лет (при всеобщей грамотности населения). Но если это решение вновь возникших государств о переходе на латиницу в какой-то мере объяснимо (ведь надо дистанцироваться от России как можно дальше и быстрее), то намерение правящих групп ряда субъектов мало понятно большинству людей данной нации. Например, трудно поддается вразумительному объяснению желание части правителей Татарстана перейти в новом столетии на латинскую графику, не считаясь даже с тем, что большинство татарского населения живет вне Татарстана. А не породит ли такой подход конфликт уже среди самих татар?

Парадоксальность самосознания национального «Я» проявляется и в том, что стремление к модернизации своей этнической жизни, ее интернационализации, к включению в мировую культуру постоянно сталкивается с идеологическими установками, спорами «кто древнее», «у кого раньше появилась письменность», кто что имел и каким жизненным пространством (территорией) владел. И вот долгие годы мирно живущие люди вдруг начинают «вспоминать» некие исторические обиды, требуют восстановления исторической справедливости или предъявлять счет на возмещение ущерба, нанесенного войнами, которые якобы велись на этой территории. К сожалению, немалую лепту в такое развитие событий вносят

примитивно мыслящие политики, как, например, радикал-демократы Старовойтова, Шахрай, которые в 1992 г. провели закон о реабилитации всех народов, подвергшихся сталинским репрессиям. Ложно понимая процессы демократизации, они провозгласили не только политическую, экономическую и культурную реабилитацию, что вполне разумно и логично, но и территориальную, что сразу породило массу этнических конфликтов, в том числе и кровавых, особо наглядно проявивших себя в осетино-ингушском противостоянии.

При решении проблем национальной напряженности и участия в них интеллигенции, необходимо понимать противоречивость и парадоксальность функционирования национального самосознания тех, кто претендует быть поводырем своего народа. По данным И.И. Осинского, при оценке проблем развития своей республики 46% опрошенных бурят-интеллигентов в качестве отрицательного фактора в судьбе своего народа указали разорванность ареала расселения бурят по нескольким административными образованиями. Кроме того, 54,8% их них указали на пагубность репрессий 1930-х гг. Что касается событий 1990-х гг., то 23,5% опрошенных дали негативную оценку политике «демократов во главе с Ельциным», а 22,7% — такую же оценку «перестройке во главе с Горбачевым». Но в то же время они высоко оценили такие события, которые сыграли позитивную роль в жизни бурятского народа: 49,1% — вхождение бурятского народа в Россию, 30,2% — Октябрьскую революцию, 27,4% — победу в Великой Отечественной войне, 24,3% — индустриализацию республики [17]. *Такая комбинация самых различных оценок лишний раз свидетельствует о жизненности и в известной степени естественности парадоксов,* которые отражают противоречивость развития национального самосознания любого народа.

Ответственность интеллигенции состоит в том, чтобы объективно оценить все без исключения страницы в жизни своего народа, дать взвешенный, а не провоцирующий ответ на волнующие людей проблемы, предостеречь от всего того, что может будить нездоровые чувства, эмоции, подтолкнуть соотечественников к этнической напряженности. Особенно велика ответственность средств массовой информации, многие из которых превратились в рупор идей, растравливающих действительные и мнимые раны, полученные на непростом пути функционирования национального самосознания. К сожалению, в переходный период часть людей легко усваивали позицию «великий — Я» и «малый — ты», привлекая к доказательству этой «истины» все те доводы, которыми их снабжали ограниченные, но националистически настроенные представители национальной культуры.

Анализ парадоксов национального самосознания позволяет сделать еще два вывода.

Во-первых, эти парадоксы в значительной степени поддерживаются такими идеями (которые, к сожалению, развивались и на уровне теоретического знания), когда за ключевые точки отсчета в развитии народа принимаются не интересы человека, а интересы нации. При всей кажущейся привлекательности такая позиция чревата трагическими последствиями: она ни к чему не ведет, кроме как к ненависти, потокам крови и на долгие годы отравленному мышлению, что особенно наглядно проявилось в Нагорном Карабахе, в Таджикистане, Приднестровье и других «горячих» точках.

Во-вторых, трагизм парадокса усиливается тогда, когда внешне целесообразная установка — интересы нации превыше всего — становится государственной политикой. При такой постановке вопроса приоритет интересов одной нации в конце концов оборачивается предъявлением «счета» к другой нации, к другому государству, что приводит не только к разорванным экономическим связям, ухудшившимся дипломатическим отношениям, но и к распространению националистического мышления, оскорблению национальной самобытности других народов, возрождению и культивированию шовинизма и расизма.

13.4. Бытовой шовинизм — специфическая форма парадоксальности

Особенно отчетливо издержки национального «Я» проявляются в *бытовом шовинизме*. Анализ этого явления позволяет сделать вывод, что *в сознании и поведении одного и того же человека сочетаются взаимоисключающие установки национального самосознания.* Суть этого парадокса состоит в том, что, с одной стороны, даже сейчас, в период националистических и шовинистических страстей вряд ли встретишь человека, который бы стал возражать против уважительного отношения к другим нациям, отказывать им в праве на свой язык, свою культуру, свою самобытность. Но, с другой стороны, почему те же самые люди, в принципе исповедующие интернационалистские идеи, в конкретной ситуации межнациональных обострений могут убить другого человека, сжечь его дом, унижить его достоинство лишь на том основании, что он придерживается иного вероисповедания, говорит на другом языке, обладает другим менталитетом?

Реальные противоречия в сознании и поведении людей порождают различные парадоксы, среди которых заслуживает внимания такое

труднообъяснимое явление, как общая умозрительная нацеленность людей на поддержку общественно-признанных ценностей в сфере межнациональных, межэтнических отношений и отвержение этих ценностей в конкретной, реальной жизни самого народа. Именно это противоречие и порождает такое специфическое явление как бытовой шовинизм.

Анализ проблем национальных отношений позволяет заметить, что как самостоятельный объект научного познания бытовой шовинизм еще не вычленен. Нередко он отождествляется с этноцентризмом, национализмом, шовинизмом. Однако реальная проблема состоит в том, что бытовой шовинизм выступает не как идея, политика, идеология, а скорее как практика и психология; он имеет черты, роднящие его и с национализмом, и с шовинизмом, и с расизмом.

Анализ бытового шовинизма, вычленение его из той совокупности явлений, среди которых он зарождается и функционирует, встречает определенные трудности. Это связано, во-первых, с тем, что как феномен общественного сознания и поведения он обособленно не функционирует, находясь в тесном взаимодействии с другими явлениями общественной жизни, своеобразно переплетаясь с политическими, правовыми, нравственными, религиозными установками и ориентациями. Во-вторых, он не является чем-то застывшим, раз и навсегда данным. Меняются формы проявления, его место и роль в жизни людей, появляются новые черты, новые элементы в его содержании, меняются связи с другими сторонами социальной действительности.

Бытовой шовинизм — явление межнациональное, относящееся к взаимоотношениям одних этносов к другим на уровне межличностного общения. Для него не типично наличие в его содержании черт экспансионизма, гегемонизма, великодержавия, как вообще политики, идеологии, хотя влиять на них бытовой шовинизм может. *По своей направленности бытовой шовинизм функционирует внутри этноса и не всегда внешне преследует агрессивные цели.* Это связано с тем, что он возникает и проявляется зачастую только в условиях ограничения или ущемления национальных, этнических интересов. Будучи не только социальным, но и психологическим явлением, он, как правило, не затрагивает межгосударственные отношения. Следовательно, о бытовом шовинизме как об общественном явлении можно говорить лишь применительно к межличностным и межгрупповым контактам, и поэтому его проявления возможны лишь на этом уровне. Однако следует иметь в виду, что составляющие его компоненты не могут не влиять на государственные институты и их деятельность [18].

Анализ показывает, что не существует единственного фактора, который с неизбежностью приводил бы к такому негативному явлению. *Основными факторами, порождающими бытовой шовинизм, являются:*

- *национальная исключительность;*
- *национальный эгоизм;*
- *националистические стереотипы, в-четвертых, националистическая психология;*
- *и наконец, националистический характер личностных воззрений.*

Конечно, ведущую роль в механизме функционирования бытового шовинизма играет этнический компонент, являясь средством связи и взаимообусловленности этих факторов. Он определяет реальные различия людей по признаку национальной идентичности, обуславливающие механизм действия как социально-психологического, так и социально-политического факторов, влияющих на возникновение и функционирование бытового шовинизма.

Основы бытового шовинизма могут быть заложены в объективных отношениях, складывающихся в обществе, в социальном положении и социальном статусе этнических групп. Кроме того, существуют субъективные причины, порождаемые социально-психологическими факторами, проявляющимися в личных мотивах поведения, в индивидуальном опыте, в особенностях воспитания и социализации.

Родина, отечество, нация являются источником разнообразных эмоций людей. Идеализация истории — это характерная форма отношения определенной части людей к прошлому, к национальным корням народа. Для носителей бытового шовинизма характерен особый набор эмоциональных реакций. Не случайно поэтому частая апелляция его носителей к чувствам патриотизма, национальной гордости, национальной чести. Бытовой шовинизм — это во многом настроения и переживания людей, отражающие этнические отношения с позиций национальной исключительности и национальной эгоизма. Взрывная мощь этого феномена заключается в том, что он лежит не в сфере разума, а эмоций и внушений. Мы имеем дело с явлением, функция которого — мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу извне прилив раздражения, возмущения, ненависти. У носителей бытового шовинизма нет понятия «своей» вины, есть только понятие «чужой».

Реально существующие в структуре бытового шовинизма националистические предрассудки и предубеждения могут служить специфическими мотивами для совершения не только аморальных, но и противоправных, умышленных действий, вплоть до лишения жизни человека только за то, что он — представитель

национальности, с которой конфликтует «его национальность». Поскольку среда, в которой проявляется бытовой шовинизм, является многонациональной, а в составе конфликтующих групп оказываются люди разных национальностей, эти действия выступают как враждебные отношения между разными этническими группами.

И в заключение остановимся на *одном парадоксе, который рожден не массовым сознанием, а исключительно заботами идеологов национализма, этноэгоизма и этнофобии. Это вопрос о так называемых титульных и нетитульных народах.* В основе этой терминологии и соответствующей властной лексики, в том числе и правовой, зафиксировано представление о том, что если данный народ появился на данной территории ранее, чем другие народы (особенно если это отражено в исторических источниках), то такой народ именуют титульным со всеми вытекающими отсюда последствиями: избирать или назначать руководителей из представителей данного этноса, ориентироваться на его язык как основной, уделять именно этому народу все внимание и закреплять за этим этносом ряд исключительных прав, вплоть до политических, до обладания своей государственностью.

Но давайте поставим вопрос иначе и обнаружим, что ни один народ (повторяю, ни один!) не может быть признан как первый владелец конкретной территории. Значит, ни один из них не может быть титульным. Это, во-первых. А во-вторых, скольким поколениям надо поколений прожить на данной территории, чтобы за человеком признали право быть полномочным во всех отношениях гражданином на данной территории? Два? Три? Пять? Или больше? А может быть лучше руководствоваться правилом не национальной принадлежности, а правом гражданина со всеми вытекающими отсюда последствиями? Но тогда стоит ли говорить о титульных народах, об их исключительных правах, об их праве на государственность, а не о национально-культурной автономии, о гарантиях на культуру, язык, образ жизни каждого народа. На наш взгляд, есть понятие «автохтонные народы», которое означает, что данные народы в процессе своей эволюции создали на определенной территории свою культуру, сформировали свой образ жизни. Эволюция населенности определенной территории позволяет утверждать, что не просто титульный (первый появившийся), а все народы, которые в течение длительного времени поселившиеся на данной земле, имеют такие же права, как и претендующий на это первенство. Не более того. И причем здесь титульность или нетитульность?

Таким образом, парадоксы национального «Я» — одно из самых разрушительных орудий, способных взорвать гражданский мир между

народами, одно из самых опасных средств мобилизации внутренних сил, вовлеченных в этот процесс наций, народностей, национальностей, ибо оно нацелено на достижение деструктивных результатов, ущербность которых проявляется в ущемлении, игнорировании или пренебрежении интересов людей другой этнической принадлежности. Именно противоречия, возникшие на этой почве, приводили к самым кровопролитным столкновениям в XX веке, сеяли вражду и недоверие, неимоверно осложняли жизнь многих стран и регионов мира. **Зоны нестабильности, возникшие в мире, в значительной мере появились в результате попыток реализовать националистические амбиции, которые нередко не согласовывались ни самой реальностью, ни с заботой об эффективном и рациональном (без кровопролития) изменении этой реальности.**

Примечания

1. См.: Гумилев Л.Н., Ермолаев В.Ю. Горе от иллюзий //Альма-матер. 1992. № 79. С. 9—10. В применении к реалиям постсоветской России воплощение этой проблемы см.: Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003.
2. См., например: Тишков В.А. Нация — это метафора //Дружба народов. 2000, № 7; Он же. Забыть о нации //Вопросы философии. 1998. № 9. Критику этого подхода см.: Руткевич М.Н. О двух концепциях нации //Свободная мысль, 1999, № 11.
3. См. подробнее: Русские. (Этносоциологические очерки)/ Под ред. Ю.В. Арутюняна и др. М., 1992.
4. См.: Нужен ли Гитлер России? М., 1996. С. 105—110.
5. См.: Политические исследования. 1995. № 5. С. 70—76; 1996. № 1. С. 78—90.
6. Россия: центр и регионы. Вып. 4 / Под ред. М.С. Гучериева и В.Н. Иванова. М, 1999. С. 15, 221.
7. См.: Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
8. См.: Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического анализа: Информационный бюллетень № 1 (10)) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 1991.
9. Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям: Сб. статей /Сост. А. Верховский. М., 2005.
10. Lipset S.M. Consensus and conflict. Essays in political Sociology.- Brunswick. Oxford. Translation books. 1998. P. 15.
11. Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «Я». М., 1991.
12. Van den Berghe P. Man in Society. A biography view. N.Y., e. a. 1975. XIV. В условиях современной России обстоятельное рассмотрение

- этих проблем см.: *Научный* проект Ю.В. Арутюняна «Оптимизация социально-культурных условий развития наций» (его результаты опубликованы в серии монографий и статей по Молдавии, Грузии, Армении, Эстонии, Татарстану и Узбекистану); *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
13. Подробнее см.: *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность. М., 2003.
 14. См.: *Вопросы философии.* 1974. № 8.
 15. См.: *Независимая* газета. 1999. 12 ноября.
 16. См.: *Интеграция* Беларуси и России в оценках населения // Социол. исслед. 1998. № 9.
 17. *Осинский И.И.* Традиционные ценности в духовной культуре бурятской национальной интеллигенции // Социол. исслед. 2001. № 3.
 18. *Кувандыков А.У.* Бытовой шовинизм как феномен национальных отношений: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 1992.

Глава 14

Историческое сознание и историческая память: состояние и парадоксы

Всемирная история есть сумма того, чего
можно было бы избежать.

Б. Рассел (1872—1970),
английский философ, математик,
общественный деятель

Во второй половине 1980—начале 2000-х гг. были проведены социологические исследования, вскрывшие неведомую ранее информацию об особом — историческом — срезе общественного сознания и некоторых формах его проявления. Так, среди многочисленных проблем, которые стали волновать население нашей страны, возросшую актуальность приобрела специфическая форма общественного сознания, охватывающая знания, понимание и отношение людей к историческому прошлому, его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и его возможному отражению в будущем. Более обстоятельное рассмотрение этого феномена позволило сформулировать социологическую идею (представление) об историческом сознании, об исторической памяти, которые оказались весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей и которые во многом определяли их намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы решения общественных проблем. Однако справедливости ради нужно отметить, что в 1980—1990-е гг., время интенсивного развития социологии и анализа ею многих сторон социального бытия, данные о состоянии и проблемах исторического сознания фиксировались походя, попутно и учитывались постольку, поскольку их нельзя было игнорировать при характеристике политических и этнонациональных процессов: даже при эпизодичности, отрывочных данных они помогали выяснить суть происходящих в обществе перемен.

В эти годы социология столкнулась с необходимостью трактовки и такого феномена общественного сознания, как историческая

память. Шаг за шагом, исследуя ее различные аспекты и формы проявления, данное понятие стало учитываться более целенаправленно, более обстоятельно и постепенно получило как теоретическое обоснование, так и эмпирическую интерпретацию. На этой основе появились первые опыты самостоятельного социологического анализа исторической памяти, ее противоречивой, специфической сущности, а также особенностей функционирования исторического знания как населения в целом, так и отдельных социальных групп и общностей [1].

14.1. Что такое историческое сознание и историческая память?

В отечественных социальных науках одним из первых понятие «историческое сознание» употребил А.И. Герцен [2]. В дальнейшем эти идеи нашли отражение в трудах многих российских исследователей — Н.Г. Чернышевского, В.О. Ключевского, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, В.С. Соловьева, Н.А. Данилевского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др. [3].

Формы отражения прошлого в историческом сознании на его теоретическом уровне выражаются в понятиях, фиксирующих знания о процессах и тенденциях развития человеческого общества в логической связи прошлого, настоящего и будущего. К формам отражения прошлого на обыденном уровне можно отнести восприятия, представления, связанные с фиксацией отношений преемственности, традиций, обычаев, материального и духовного опыта.

Если же охарактеризовать суть и содержание исторического сознания, то можно сказать, что оно представляет собой совокупность знаний, идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающей восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущей и характерной как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этнических групп. Некоторые исследователи в структуру исторического сознания включают также верования, мифы, традиции, символы и художественные образы. Иногда подчеркивается способность исторического сознания воспроизводить свое развитие в пространстве и времени [4]. Большой интерес представляют исследования особенностей исторического сознания отдельных народов, которые справедливо подчеркивают его неодинаковость и специфику [5].

Как уже подчеркивалось выше, в социологии (в отличие от философии) исследуются не теоретический и обыденный уровень общественного сознания, а реально функционирующее сознание, выра-

женное в позициях конкретных людей. В «чистом» виде ни теоретического, ни обыденного сознания не существует. В повседневности они взаимосвязаны и, вместе взятые, образуют единство — реальное, практически функционирующее историческое сознание, которое характеризуется как его способностью непосредственно отражать окружающую действительность, так и проникать в сущность исторического процесса, т.е. осознавать связь «прошлого», «настоящего» и «будущего», их преемственность. Так как социологи обращаются за информацией к самим людям, то они сталкиваются с тем, что сознание каждого отдельного объекта научного исследования (человек, группа, слой, когорта) представляет весьма причудливое сочетание научных и повседневных (бытовых) представлений об истории в целом, об истории России, истории своего народа, а также своего города, села и иногда своей семьи. Особенно часто объектом пристального внимания становятся значительные исторические события, касающиеся страны, социальных слоев и групп, некоторые проблемы исторического прошлого народа.

Историческое сознание тесно взаимодействует с национальным самосознанием. С одной стороны, знание о прошлом является неотъемлемой составной частью национального самосознания любого народа. С другой стороны, в аспекте осмысления прошлого историческое сознание является категорией более широкой, выходящей за рамки национального самосознания, поскольку оно концентрирует в себе знания о прошлом человечества, ходе и закономерностях исторического процесса.

Историческое сознание как бы «разлито», оно охватывает и важные и случайные события, впитывает себя как систематизированную информацию (в основном через образование), так и неупорядоченную (через средства массовой информации, художественную литературу, личные контакты), ориентация на которую определяется особыми, специфическими интересами личности. Немалую роль в функционировании исторического сознания играет случайная информация (часто опосредованная культурой окружающих человека людей, семьи), а также в известной мере традиции, обычаи, которые несут в себе определенные представления о жизни народа, страны, государства. Значение исторического сознания велико. Без него народ перестает быть субъектом общественного процесса и исчезает с исторической арены.

Что же касается исторической памяти, то это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. *Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства про-*

шлого опыта народа, страны, государства для возможного его использование в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания. Полное или частичное забвение исторического опыта, культуры своей страны и своего народа ведет к амнезии, что ставит под сомнение возможность существования данного народа в истории. Применительно к людям об этом прекрасно написал Чингиз Айтматов в легенде о манкуртах, которые, ничего не ведая о прошлом, заботились только о ежедневной пище, о своем желании выжить, спастись, не задаваясь более высокими целями (роман «Буранный полустанок», 1980). Не в этой ли потере исторической памяти кроется ключ к объяснению причин исчезновения многих народов, не оставивших никакого следа в истории?

При таком подходе к исторической памяти хотелось бы обратить внимание на то, что *историческая память не только актуализирована, но и избирательна* — она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. Попытка выяснить, почему так происходит, позволяет утверждать, что актуализация и избирательность в первую очередь связаны со значимостью этого знания и этого опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного влияния на будущее. В данной ситуации историческая память нередко персонафицируется, и тогда через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания людей в данный период времени.

Историческая память (как и историческое сознание) *нередко противоречива*, отражая такое специфическое явление как зигзаги в своем развитии. Особенно отчетливо это проявляется при возникновении исторических фантомов, когда исторические события, жизнь и дела исторических личностей искажаются в ту или иную сторону до неузнаваемости, до лишения всякого смысла и правдоподобия действий, их причин и следствий. Ситуативность таких изменений обычно преходяща, но за период их функционирования мировоззрение народа и его деятельность может привести к существенным издержкам, перекосам, а иногда и страданиям огромных масс идей. Любопытный пример в своем исследовании приводит А.К. Конюхов. В период «суверенитетов» в 1992 г. идею создания независимого государства Коми поддерживали 57,7% опрошенных при 23% численности народа коми в структуре населения республики [6]. Именно в этот период в историческом сознании многих народов происходили «зигзаги» в восприятии действительности. С одной стороны, это была реакция на многолетнее игнорирование важности национальных факторов, что выражалось в забвении род-

ного языка, сокращении его преподавания, уменьшении роли национальной литературы, интенсивном процессе русификации и т.п. С другой стороны, это была неадекватная интерпретация новой исторической ситуации, когда тяга к сохранению исторического и национального прошлого у некоторых людей сводилась только к обретению государственной независимости, но при этом игнорировались другие формы решения этой злободневной проблемы.

Историческая память, несмотря на определенную неполноту, *обладает все же удивительной особенностью удерживать в сознании людей основные исторические события*, вплоть до превращения исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого опыта, его фиксации в легендах, сказках, преданиях.

И наконец, следует отметить *такую особенность исторической памяти, когда в сознании людей происходит гиперболизация, преувеличение отдельных моментов исторического прошлого*, ибо она практически не может претендовать на прямое, системное отражение — она скорее выражает косвенное восприятие и такую же оценку прошлых событий.

Но значение и роль исторического сознания и исторической памяти особенно возрастают в «эпохи потрясений и катастроф», в переломные периоды жизни общества, когда, как правило, происходят интенсивные процессы переоценки существующих ориентаций и исторического событий. Именно в этот период происходят интенсивные процессы деформации существующих ценностей. Кардинальные и не всегда понятные изменения побуждают людей искать ответы на волнующие их проблемы в самых различных сферах жизни, в том числе и в историческом прошлом. И тогда историческое сознание, историческая память становятся мощным фактором, влияющим на поведение людей, их образ жизни.

Феномен исторического сознания, исторической памяти обладает большой потенциальной силой. Их воздействие может носить как позитивный характер, сплачивающий людей, так и негативный, когда исторические события, события далекого прошлого становятся аргументацией для решения актуальных проблем сегодняшнего дня без учета сложившейся ситуации.

Следует также отметить, что *историческое сознание, историческая память у различных социальных групп, общностей и слоев имеют свои особенности*. Не одинаковы они и у разных народов, что особенно ярко проявляется в многонациональных странах, таких как Россия, когда в период трансформации общества одним из тревожных симптомов становятся амбиции властвующих националистических лидеров, стремящихся аргументировать свои притязания на власть посредством доказательств, чей народ «древнее», чьи предки

внесли в историю вклад больше чем соседние народы. Осмысливая эти процессы, известный историк М. Гефтер образно говорил: «Нет теперь гроба, который вправе заявить: я ближе к небу». Такие подходы к историческому прошлому нередко ведут к нагнетанию напряженности и обострению межнациональных отношений.

Вместе с тем современные изменения в общественной жизни России имеют большой созидательный потенциал: растет интерес людей к истории, к прошлому своего народа, к его духовному и культурно-историческому наследию, что обычно сопоставляется с жизнью других народов, всего человечества в целом.

14.2. События в зеркале исторической памяти

Социологические исследования показывают достаточную устойчивость в оценке исторического прошлого, хотя возможные для сравнения данные базируются на различной эмпирической базе, полученных разными социологическими организациями с применением не одинаковых методик. Наиболее показательными являются данные, которые были получены социологами Академии общественных наук при ЦК КПСС (в 1990 г.) и Российской академии государственной службы (в 2001 г.).

Так, в рамках всероссийского исследования «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки» (май-июнь 1990 г., рук. В.И. Меркушин, А.И. Афанасьева, N = 2196 человек) наиболее значительными событиями для судеб России были названы: эпоха Петра I (мнение 72% опрошенных), Великая Отечественная война (57%), Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война (50%), годы перестройки (38%), время борьбы с татаро-монгольским игом (29%), период Киевской Руси (22%). Далее следовали: годы после отмены крепостного права (14%), период нэпа (12%), индустриализация, коллективизация и культурная революция (12%), время царствования Ивана Грозного, правление Екатерины II, период первой русской революции 1905 г. (все по 11%) [7]. Если напомнить ситуацию того времени, то мы должны отметить такой парадокс: несмотря на всеохватывающую ревизию и критику всех без исключения событий советского периода, оценка Октябрьской революции оставалась достаточно высокой, даже более значительной, чем годы перестройки. Однако историческая память как бы защищается от всеобъемлющих нападков на прошлое: в ее далекой истории люди видят важные ориентиры, например в эпохе Петра I. Для современной истории таким событием является Великая Отечественная война.

Этот порядок оценок в значительной степени сохраняется в последующие годы, хотя есть и свои особенности. Так, по данным Российского независимого института социальных и национальных проблем, в 1996 г. эпоху Петра Великого как предмет национальной гордости назвали 54,3% опрошенных. Что касается реформ Екатерины II, то их высоко оценили только 13,1%, период освобождения крестьян в царствование Александра II — 9,2%. В то же время период правления Брежнева был оценен положительно 17% опрошенных, хрущевская оттепель — 10,4%. Самые последние экономические события — перестройка и либеральная реформа — отторгаются. Их позитивно оценили соответственно 4 и 3,2% опрошенных.

Следовательно, несмотря на определенные колебания и зигзаги в официальной политике российской власти в 1990-е гг., а также на многочисленные попытки пересмотреть историю России, в исторической памяти населения продолжают оставаться как наиболее значительные те времена, когда Россия претерпевала серьезные и даже кардинальные изменения — период реформ Петра I и Екатерины II, отмена крепостного права, русские революции XX в.

Эти события для населения России представляют некоторые опорные точки в оценке своей истории, несмотря на то, что они «пересматривали» предшествующий опыт развития весьма критически.

Иная ситуация складывается, когда людьми оцениваются события XX века, ибо здесь срабатывает средне- и краткосрочная историческая память, когда многие реальные их участники еще живы, а события истории еще являются частью личной жизни человека и поэтому не избавлены от индивидуального их восприятия, специфического понимания и объяснения. На это восприятие накладывает отпечаток официальные и полуофициальные трактовки событий, литературные, журналистские и бытовые оценки деятельности государственных и общественных деятелей, многие из которых многократно пересматривались применительно к происходящим изменениям в политической жизни страны. Но — и это тоже *можно отнести к парадоксам* — *основные параметры массовых оценок важнейших событий XX в. остаются без изменения, несмотря на резко изменившиеся официальные идеологические и политические установки*. Иначе говоря, историческое сознание проявляет определенную устойчивость, последовательность — на него мало повлияли колебания, порой и резкие, происходящие в официальной пропаганде. Феномен отвержения скоропелых выводов о тех или иных событиях — предмет особого разговора. Но очевидно, что *попытки изменить историческое сознание, воздействовать на историческую память в угоду политическим и идеологическим интересам по большому счету не удаются*.

Рассмотрим это подробнее. Так, в исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX в. признается период Великой Отечест-

венной войны, занимая первое место (57% опрошенных) по сравнению с Октябрьской революцией (второе место, 50%) [7]. Этот порядок не изменился в оценке этих событий в последующие годы, несмотря на огромные общественные сдвиги в политическом и экономическом устройстве страны, что лишний раз подтверждает, что нет автоматизма влияния общественного бытия на общественное сознание (табл. 14.1).

Таблица 14.1

**Ранжирование наиболее значительных событий XX в.
(в % к числу опрошенных)**

<i>События</i>	<i>1989 N = 1325</i>	<i>1994 N = 2957</i>	<i>1999 N = 2000</i>
Победа в Великой Отечественной войне	75	73	85
Октябрь 1917 г.	65	49	48
Распад СССР	—	40	47
Чернобыльская катастрофа	36	34	32
Полет Гагарина	33	32	54
Чеченская война	—	—	24
Война в Афганистане	11	24	21
Первая мировая война	8	19	18
Репрессии 1930-х гг.	31	18	11
Перестройка	24	16	16
Путч 1991 г.	—	7	6
Коллективизация	10	8	6
XX съезд КПСС	9	5	4
Падение Берлинской стены	—	6	5

Эти данные Всероссийского центра исследования общественно-го мнения (ВЦИОМ), охватившего по репрезентативной выборке все население России показали, что **самым выдающимся событием XX в. называют Великую Отечественную войну** [8]. В других, в том числе и региональных, исследованиях феномен Великой Отечественной войны также высоко оценивается исторической памятью. Такое мнение требует, на наш взгляд, особого пояснения.

Великая Отечественная война воспринимается исторической памятью как наиболее значимое событие по многим причинам. Во-первых, потому, что эта война связана с историей каждой семьи, затронула самые существенные и сокровенные стороны личной жизни людей. Во-вторых, и сама война, и победа в ней определили не только будущее нашей страны, но и всего мира, а поэтому оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества.

В-третьих, Великая Отечественная война, как справедливо утверждает Л. Гудков, стала «символом, который выступает... важным элементом позитивной коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилем, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти понимания настоящего и будущего» [9]. То, что это событие стало символом для всего народа, всех его слоев и групп, подтверждает тот факт, что ее значимость для истории народа отметили 70% юношей и девушек в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет. А это означает, что *оценка старшего поколения трансформировалась и приобрела символическую значимость и для последующих поколений.*

Этот показатель усиливается тем фактом, что в условиях современной идеологической и политической невнятицы победа в Великой Отечественной войне стала фактически единственной позитивной опорной точкой национального самосознания в нынешнем российском обществе. И хотя в 1990-е гг. были предприняты многочисленные попытки дезавуирования итогов и событий этой войны, они были отвергнуты исторической памятью. Попытки пересмотра значения битвы под Москвой, Сталинградом, попытки дегероизации (а иногда просто клеветнических измышлений) подвигов З. Космодемьянской, А. Матросова, панфиловцев и других были не только приняты в научной среде, но и отвергнуты массовым историческим сознанием. Точно так же не воспринимаются и не находят отклик «научные» изыскания В. Суворова (В.Б. Резуна) — они в лучшем случае становятся достоянием группы людей, не столько жаждущих истины, сколько ищущих повод для выражения своих амбиций, приобретения славы, производства сенсации, получения популярности и денег. Само национальное самосознание как бы защищается от этих нападков, не желает потакать тому, что может унижить национальное достоинство, историю страны и историю своего «Я». *По большому счету, это отказ поддержать ревизию того, что сплачивает народ и отказ от чего может обернуться крупнейшей духовной, а затем и политической катастрофой.*

Что касается Великой Октябрьской революции, то она в историческом сознании предстает как знаменательная веха, как точка отсчета, которая означала поворот в мировой истории. Несмотря на все превратности судьбы, она устойчиво занимает второе место по значимости среди других событий XX в. [10]. Однако ее оценка как знакового события серьезно изменилась в 1990-е г. по оси «положительно—отрицательно»: значительно выросло число людей, которые критически оценивают итоги и результаты революции. Признавая роль этого события, люди оценивают его неоднозначно. По исследованию В.И. Меркушина, 41% опрошенных оценил события в

октябре 1917 г. как первую в истории успешную социалистическую революцию, 15% назвали ее народным восстанием, а 26% посчитали ее как стихийное стечение обстоятельств, приведших к власти большевиков. Кроме того, 10% оценили Октябрьскую революцию как переворот, совершенный кучкой интеллигенции, а 7% — как заговор большевиков [11]. Эта неоднозначность и парадоксальность оценок продолжает сохраняться и в настоящее время, ибо в обществе существуют политические силы, которые желают перечеркнуть всю без исключения историю, связанную с существованием Советской власти, представить советскую историю как некий провал в развитии российского общества. Правда, события в конце 1990-х гг. показали бесперспективность и примитивизм «разоблачения» советского прошлого, ибо это оборачивается для их носителей полным отвержением их идей и программ. Это изменение оценок стало особенно заметным в связи с резким падением влияния «Демократической России» во главе с Е. Гайдаром, поставившим под сомнение правомочность сохранения в памяти народа данного исторического события.

Что касается других значимых событий в жизни советского (российского) общества в XX в., то в качестве важнейших в разные годы назывались различные события. Под влиянием политической конъюнктуры, общественного настроения эти оценки существенно изменялись, иногда коренным образом. Так, по данным ВЦИОМ, в качестве важнейших событий XX в. массовые репрессии 1930-х гг. назвали 36% людей в 1989 г., но уже только 18% в 1994 г., начало перестройки — 23% в 1989 г., 16% в 1994 г. и в 1999 г., а войну в Афганистане — 12% в 1989 г., 24% в 1994 г. и всего 11% в 1999 г.

В качестве наиболее показательного парадокса можно назвать оценку событий, связанных с исчезновением СССР с политической карты. После 1991 г. в качестве тревожащего их события многие люди называли распад СССР (в 1994 г. — 40%). В других исследованиях и в другом контексте об этом сожалели 70—90% [12], что сопоставимо с цифрой 76% голосовавших за сохранение Советского Союза в марте 1991 г. Но парадоксальность ситуации заключалась в том, что *сожаление о распаде СССР не равнозначно желанию его восстановления.* Более обстоятельный анализ мнений о будущем показывает, что значительно меньшее количество людей желают возрождения Советского Союза в прежнем виде: многие хотят обновленного Союза, нового содружества, где более эффективно сочетались бы желания и стремления народов бывшего СССР.

Таким образом, из событий XX в. нас объединяет и роднит в основном только оценка Великой Отечественной войны. Подобное единодушие проявляется также при оценке таких научно-технических достижений, как полет Гагарина, освоение космоса, что отмечает

практически каждый третий опрошенный в начале и середине 1990-х гг. и каждый второй в конце 1990-х.

Однако способность людей квалифицированно судить об историческом прошлом, правильно воспроизводить и давать оценку историческим событиям подвергается серьезному сомнению. В исследовании В.И. Меркушина вместе с населением опрашивались и эксперты — 488 преподавателей исторических дисциплин в школах, техникумах и вузах, которые скептически охарактеризовали возможность многих людей критически мыслить и делать обоснованные выводы (табл. 14.2).

Т а б л и ц а 14.2

**Оценка уровня исторического мышления людей
(в % к числу опрошенных)**

<i>Позиции</i>	<i>Высокий</i>	<i>Средний</i>	<i>Низкий</i>	<i>Затруднительно ответить</i>
Умение воспроизводить историческое прошлое, чувствовать эпоху	2	28	61	9
Умение ориентироваться в историческом пространстве и времени	1	24	65	9
Умение вскрывать причинно-следственные связи в истории	1	14	78	6
Умение свободно оперировать историческими фактами	1	21	70	7
Умение определить достоверность исторических фактов	1	16	67	15

Эти издержки исторического мышления особенно наглядно проявляются, когда *исследуется историческое сознание отдельных народов*. При оценке прошлого в их памяти актуализируются события, которые определяли их судьбу. Здесь *происходит удивительное переплетение рационального и эмоционального восприятия, ревностная оценка поворотных событий жизни своего народа и их последствий*. Так, при исследовании общественного мнения по проблемам социально-политического развития среди населения Северного Кавказа было замечено, что многие явления и события XIX в. до сих пор будоражат умы людей, приковывают к себе пристальное внимание деятелей культуры и науки. Среди них наиболее глубокий след в памяти этих народов оставила Кавказская война 1817—1864 гг. Как оказалось, эта память концентрирует в себе не только открытую и доступную для всех информацию, но и латентные источники, такие как семейные предания и

легенды, рассказы, народные песни, официальная и неофициальная топонимика. Специальное исследование, проведенное отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований в 1995 г., показало, что той или иной информацией о Кавказской войне располагали 84% всех опрошенных, в том числе 95% адыгов. Более того, это событие имеет не просто характер воспоминания о прошлом — около 40% (среди адыгов — 55%) считают, что это событие тесно вплетено в социально-политическую реальность современности.

В этой связи, на наш взгляд, следует особо подчеркнуть, что в массовом, реально функционирующем сознании проявлены достаточно разнообразные характеристики причин этой войны. Вопреки некоторым «научным» и околонуучным утверждениям, что во всем виновата самодержавная политика России, в массовом сознании такой позиции придерживаются только 46% опрошенных, в то время как еще 31% обвинили Турцию, и 8% — местных феодалов [13].

Это парадоксальное сочетание прошлого и настоящего, значимость прошлого для ориентации в настоящем показывает, что историческая память является мощным активно действующим феноменом, который оказывает не меньшее влияние на поведение людей, чем оценка ими своего нынешнего экономического и социального положения, своей неустойчивости и неприкаянности в этот переходный период. Более того, можно утверждать, что именно историческая память способна усугубить или ослабить восприятие происходящих в личной и общественной жизни событий, обострить негативные характеристики, или способствовать успокоению общественного и группового мнения. Такая неустойчивость, парадоксальность сознания усугубляется тем, что историческая память, как и плоды некоторых исторических изысканий, используется в текущей политико-идеологической полемике, ангажируются различными политическими силами. Многие искусственно созданные модели интерпретации прошлого отмечены этноцентризмом, эмоциональной окрашенностью и, будучи поддержаны массовым сознанием, стимулируют мышление по аналогии. Это означает попытки объяснить современные проблемы с «методологических» позиций концептуальной и мировоззренческой архаики, что иногда причудливым образом уживается с самыми различными лженаучными теориями.

Многие специфические, но очень важные для отдельных народов события становятся весьма важным фактором как общественного сознания в целом, так и их исторической памяти, вовлекая в явную, а иногда и незримую конфронтацию представителей других народов, проживающих на данной территории (события прошлого в истории Татарстана, судьбы государственности Тувы, историческое прошлое

разделенного лезгинского народа и др.) Поэтому расстановка акцентов в толковании исторических событий может способствовать (или противостоять) рациональному осмыслению сосуществования народов. В ином случае появляется настороженность, предубеждение, негативные клише («империя», «шовинистическая политика» и т.п.), которые имеют особенность долго сохраняться в общественном сознании, нагнетать социальную напряженность и порождать конфликты.

14.3. Исторические лица

При выявлении суждений об исторических деятелях оценивается не столько личность как таковая, сколько совокупность тех деяний, которые повлияли на ход истории и принесли кардинальные изменения в жизни миллионов людей. В этом смысле понятно, что оценка реформ Петра I, как одного из наиболее выдающихся событий российской истории, коррелируют с оценкой самого Петра I, деятельность которого в 1990-х гг. позитивно оценивали 74% населения. В этом же исследовании с этих же позиций были высоко оценены результаты деятельности В.И. Ленина (мнение 57%), Г.К. Жукова (55%), А. Невского (28%). Другие исследования, проведенные в более позднее время, также показывает определенную устойчивость в оценке исторических деятелей (табл. 14.3) [14].

Т а б л и ц а 14.3

Десять выдающихся людей всех времен

1989 г.	%	1994 г.	%	1999 г.	%
Ленин	75	Петр I	41	Петр I	46
Петр I	41	Ленин	34	Ленин	42
Пушкин	27	Пушкин	23	Пушкин	42
Ломоносов	22	Сталин	20	Сталин	35
Суворов	18	Суворов	18	Гагарин	26
Жуков	18	Наполеон	14	Жуков	20
Толстой	15	Жуков	14	Наполеон	19
Менделеев	14	Сахаров	13	Суворов	18
Циолковский	14	Ломоносов	13	Ломоносов	18
Сталин	12	Кутузов	11	Менделеев	12

Конечно, при выяснении отношения к историческим событиям в оценке тех или иных деятелей сказывается некоторый перекосяк, т.е. близость и сопричастность к жизни в XX в., вносит определенные коррективы. Так, при оценке маршала Г.К. Жукова, несмотря на критику отдельных его действий, на сомнения, которые были высказаны в ряде публикаций, его личность все более и более героизи-

зируется, приобретает черты общенационального масштаба, превращаясь в символ национальной гордости и непогрешимости (святости, как было бы сказано в прошлые века). Нужно также отметить, что ностальгия по советскому времени увеличила внимание к именам Ленина и, особенно, Сталина, что во многом можно объяснить тем, что с ними связывается величие государства и наличие не только политического, но и общественного порядка в стране. Именно сожаление об утраченном увеличивает значимость успехов в освоении космического пространства, а также таких символов культурного величия России, как Пушкин, Ломоносов и Менделеев. Следует отметить, что в данном списке выдающихся деятелей России, составленном самими опрошенными, имена «виновников» нынешнего положения России встречаются крайне редко (в 1999 г. Горбачева указали 3% опрошенных, Ельцина — 2%).

Специфическим свойством исторической памяти является *избирательность*. В сознании большинства людей имеется реальная потребность в поиске реперных, опорных точек, которые позволяют человеку гордиться своей страной, своими историческими деятелями. Память людей под влиянием информации, поступающей из различных каналов, ищет эту опору и в конце концов, сопоставляя личное восприятие с историческим опытом, сохраняет имена тех, кто, по их мнению олицетворяет славу, гордость и величие России.

Оценка руководителей российского государства неоднозначна: она распадается на позитивную и негативную. Эмоционально-ценностная оценка их деятельности тесно коррелирует с жизненным опытом, индивидуальным пониманием происходящего и влиянием окружающей социальной среды. Насколько это значимо, показано в табл. 14.4.

Т а б л и ц а 14.4

**Оценка позитивной роли государственных деятелей России
(в % к числу опрошенных)**

Деятели	В це- лом	Возраст, лет				Образование		
		18—24	25—39	40—54	55 и старше	выс- шее	сред- нее	ниже сред- него
И. Сталин	19	14	17	18	25	14	17	24
В. Ленин	16	15	12	18	20	15	13	22
Ю. Андропов	11	6	12	14	10	11	14	7
Николай II	9	15	13	10	3	10	12	6
Л. Брежнев	9	8	10	7	11	6	8	12
М. Горбачев	7	9	9	6	4	14	6	4
Б. Ельцин	4	5	4	3	4	7	4	3
Н. Хрущев	3	1	2	3	4	2	3	3

На наш взгляд, такое разнообразие оценок в отношении исторических лиц обусловлено личностным представлением в зависимости от возраста и образования, которые непосредственно связаны с краткосрочной и среднесрочной памятью. И если оценка ранее функционирующих личностей сродни воспоминаниям (общественное мнение нельзя упрекать в незнании закулисных механизмов власти), то современникам вменяется ответственность за все трудности, переживаемые как страной, так и самим людьми. И то, что в январе 2000 г. общественное мнение несколько изменилось по отношению к Ельцину, позволяет утверждать, что его уход был воспринят людьми не как смена лиц (урочная или досрочная — это не столь важно), а как признак окончания ущербной и противоречивой эпохи. Поэтому люди были склонны простить ему многие ошибки, как прощают свершившуюся, но уже малоисправимую утрату. И в то же время, как свидетельствуют данные исследования, 46% опрошенных считают, что представлять ушедшему президенту гарантии безопасности не следовало, поскольку он должен отвечать за незаконные действия и злоупотребление властью [15].

В этом смысле показательна оценка личности Брежнева. С ним отождествляется эпоха спокойствия, уравновешенности, отчетливого представления о завтрашнем дне, гарантированного относительного благополучия и, главное, уверенности в своем социальном положении. *Парадоксальность такой оценки заставляет задуматься, почему люди забыли о постоянном дефиците товаров, о деградирующем сельском хозяйстве, об увеличивающемся отставании от индустриально развитых стран.* Этот парадокс можно объяснить только тем, что баланс приобретений и потерь в личной жизни людей в постсоветскую эпоху оказался достаточно безрадостным, так же как и баланс имевшихся и ожидаемых возможностей. В данной ситуации не менее важны социальная обустроенность человека, его социальная защищенность, его желание быть опекаемым, а также гарантии хотя бы для относительно благополучной личной жизни. Повышение значимости личного, индивидуального отражает общемировую тенденцию. Нежелание считаться с этим привело к краху не только перестройку второй половины 1980-х гг., но и реформы 1990-х гг. Поэтому политические деятели, подобные Брежневу, отождествляются с такой общественной атмосферой, которая позволяет людям делать о ней такие на первый взгляд парадоксальные, но очень понимаемые выводы.

Эти и подобные оценки исторических личностей прошлого, несмотря на некоторую кажущуюся хаотичность, все же улавливают на уровне массового исторического сознания роль и значение наиболее выдающихся событий и деятелей прошлого. Информация,

которая циркулирует в общественном сознании, в принципе соответствует той, которой придерживаются историческая наука и общеобразовательный учебный процесс. И в этом их величайшая заслуга.

Несколько особняком стоит характеристика усилий СМИ на поле исторического знания. В большинстве случаев они следуют сложившимся концепциям и, если они искажают в процессе изложения некоторые исторические факты или события, то не меняют кардинальным образом общую оценку исторического прошлого. В то же время нередкие случаи грубейшего попраания истории при всем кажущемся интересе зрителей и читателей не проходят бесследно, постепенно затрагивая глубинные пласты памяти.

Более предметно и наглядно выглядят исторические предпочтения людей при оценке выдающихся деятелей XX в. Так, Российским независимым институтом социальных и национальных проблем в 1999 г. был проведен опрос о том, кого среди военачальников и ученых россияне считают «самыми-самыми» в уходящем веке. По результатам опроса, на первом месте среди военачальников оказался маршал Советского Союза Г. Жуков, на втором — К. Рокоссовский, на третьем — С. Буденный (21%). В десятку наиболее выдающихся военных деятелей России XX в. вошли М. Тухачевский (17%), К. Ворошилов (15%), М. Фрунзе (15%), И. Конев (13%) и В. Блюхер (8%). Примечательно, что 12% респондентов назвали белогвардейского адмирала А. Колчака и 7% — знаменитого генерала первой мировой войны А. Брусилова.

Самым выдающимся ученым участники опроса признали «отца советской космонавтики» С. Королева (51%). На втором месте — великий русский теоретик космоплавания К. Циолковский (39%). В десятку выдающихся ученых вошли: один из создателей атомной бомбы И. Курчатов (28%), изобретатель легендарного автомата М. Калашников (25%), биолог и селекционер И. Мичурин (17%), физиолог И. Павлов (16%), генетик Н. Вавилов (15%), авиаконструктор А. Туполев (13%), физик П. Капица (13%) и литературовед Д. Лихачев (14%) [16].

Анализ этих мнений позволяет сделать вывод, что в данной информации достаточно четко проявляются оценки, которые содержатся в научных и научно-популярных публикациях, хотя там не ставится задача определения рейтинга исторических персонажей.

Характерной чертой исторического сознания постепенно стал факт отхода от идеологических оценок и признание роли и значения деятельности той или иной личности без обязательного соотношения его с интересами определенных классовых или политических сил. В этом отношении показательны данные ВЦИОМ, проведен-

ные осенью 1999 г. *о личности Сталина*. 32% российских граждан считают, что он был жестоким, бесчеловечным тираном, виновным в уничтожении миллионов невинных людей. Ровно столько же полагают, что, какие бы ошибки и пороки ему ни приписывались, самое важное, что под его руководством советский народ вышел победителем в Великой Отечественной войне. «Мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях», — убеждены 30% опрошенных. В исследованиях Левада-центра в 2006 г. было выявлено, что произошли сдвиги в оценке роли Сталина — 42% оценили его роль как «положительную» и «скорее положительную» при 37%, высказавших отрицательную оценку, 26% — «скорее отрицательную» и 11% — «резко отрицательную» [17]. На наш взгляд, *такая характеристика отражает противоречивость, неоднозначность, а иногда и парадоксальность оценок деятельности конкретных исторических деятелей*.

Такие оценки являются наиболее действенными и объективными по сравнению с некоторыми исследовательскими «трусами», авторы которых поставили заранее заданную цель: доказать ту или иную версию. Ради нее они подбирают только тот материал, который подтверждает их идеи, и исключают всю ту информацию, которая может поставить под сомнение их выводы. И вот в настоящее время мы становимся свидетелями публикаций о Ленине, Сталине, Николае II, а также о других исторических персонажах, в которых «исследуется» их жизнь с прямо противоположных позиций, чем это делалось 20—50 лет назад. Но если раньше такие «труды» ставили задачу возвеличить (или очернить), подбирая соответствующую фактуру и игнорируя все, что противоречит позитивной (негативной) информации, то в 1990-е гг. с таким же рвением и подбострастием подбираются факты и информация прямо противоположного характера с целью доказать иные положения, иные установки. В этой ситуации становятся весьма любопытными данные общественного мнения, которые более полно, объемно и объективно характеризуют противоречивость жизни и деятельности многих исторических личностей.

Почему так парадоксальна и противоречива оценка личности Сталина? На наш взгляд, взаимоисключающие характеристики этой исторической личности можно объяснить многими причинами. Во-первых, тем, насколько личные (семейные) события переплелись с событиями, происходящими в стране. Во-вторых, тем, что в этих оценках ставится на первый план произошедшее в стране, в экономической, военной и других сферах жизни общества, или связанное с судьбой человека в данном обществе. В-третьих, тем, что существует различное восприятие осуществленных Сталиным кардинальных мер — индустриализации, коллективизации, репрессий,

участия в Великой Отечественной войне. И наконец, не следует сбрасывать со счета и некоторую традицию — искать издержки нашего развития в деятельности ушедших с исторической арены политических лидеров.

14.4. Личная историческая память

Огромный пласт исторического сознания представляет информация, которая относится к восприятию того, что связано с жизнью человека, его ближайшего окружения. Лица национальных героев, гениев, талантов и их деятельность хранятся в совокупной исторической памяти как в своеобразном музее. Их знают по учебникам, по научной и художественной литературе. Но их единицы. Память же о миллионах и миллионах других хранится в запасниках этого музея, в памяти только близких, родных, друзей. Это миллионы кирпичиков в фундаменте нашей исторической памяти, безымянные работники и свидетели, без которых немислимы сама История и, что особенно важно, наша причастность к ней. Глубоко убежден, что человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает знаковые события, веи в ее истории, но и родословную своей семьи, историю своего города, села, своего края, в котором он родился или живет.

К сожалению, большинство советских людей (россиян) имеет весьма приблизительное знание о своем генеалогическом древе, часто не дальше третьего поколения, т.е. своего деда. Об этом свидетельствуют данные, полученные В.И. Меркушиным. На вопрос «Составлялась ли в Вашей семье родословная?» только 7% дали положительный ответ. На вопрос о том, в чем видите причины слабого знания истории своей семьи, 38% сказали, что некому было рассказать об этом, а 48% утверждал, что этот вопрос для семьи был безразличен, к нему относились равнодушно.

Парадоксальная нелепость такого утверждения поразительна, ибо, как показывает тот же исторический опыт, знание «личной» истории возвышает человека, облагораживает его поведение, делает его жизнь более полной и значимой даже в том случае, если в его родословной не было ни дворян, ни купцов, а только крестьяне, рабочие или служащие. Не эта ли реакция на прошлое своей семьи породила такие удивительные и поразительные «открытия», сделанные многими далеко не амбициозными представителями интеллигенции (впрочем, не только ими), которые в 1980—1990 гг. бросились искать свои корни, свои истоки. В этом вполне понятном и объяснимом желании разобраться в прошлом, в своем происхожде-

нии стало выделяться сомнительное стремление немалого количества так называемых интеллигентных людей обязательно найти княжеские, графские или, по крайней мере, дворянские корни, полностью игнорируя реальные факты и даже отрицая свое «неблагородное» происхождение, как будто бы деятельность других сословий в прошлом не заслуживает такой же гордости и уважения.

На наш взгляд, это можно объяснить *комплексом неполноценности*, желанием добавить себе значимости для нынешней личной и общественной жизни, придать себе вес и значение, которых по каким-то причинам нет у этой категории людей. Не этим ли объясняется ажиотаж вокруг возрождаемых «дворянских» собраний, присвоения новых графских, дворянских и даже купеческих титулов, своеобразная детская игра в «фантики» и «солдатики».

Но все же в современном историческом сознании преобладает отчужденность от личной приобщенности к истории. Это пренебрежение к своим корням проявляется в том, что только 14% заявили, что знают историю происхождения своей фамилии (20% утверждали, что знают частично). Невысока и культура отношения к фамильным реликвиям. Пока она ограничивается хранением таких материальных носителей, которые имеют краткосрочную историю: 73% утверждали, что у них есть фотографии бабушек и дедушек (обратите внимание, что 27% не стали даже этого утверждать), 38% говорили, что есть такие памятные вещи, как ордена, медали, почетные грамоты, наградные знаки. О письмах с фронта, других семейных реликвиях сказали 15%, а о дневниках, рукописях, переписке — только 4% опрошенных [18].

Как характеризовать этот личный срез исторического сознания, исторической памяти? На мой взгляд, можно говорить о его слабой развитости, о том, что оно низкокачественно и, осмелюсь утверждать, оно подрывает основы более высоких чувств — патриотизма, гордости за свою страну, готовности ее защищать и отстаивать ее интересы. В этой связи позволю себе одно личное воспоминание. В 1959 г. я был в своей первой зарубежной туристической поездке, а это была ГДР, и меня в соответствии с программой поселили на два дня в семью немецких крестьян в Саксонской Швейцарии. Велико было мое удивление, когда вечером глава семьи (заметьте — крестьянин) продемонстрировал мне книгу записей, в которой велась родословная этой крестьянской семьи с XVII в. Это была непрерывающаяся хронология крестьянского рода, который успешно дожил до XX в. и, судя по профессиям сына и дочерей этого крестьянина, собирался продолжить эту впечатляющую традицию и дальше.

К сожалению, в нашей стране такие традиции или были утрачены (для дворянских и купеческих семей), или не культивировались

(для крестьянских и мещанских семей). Почему это случилось — тема отдельного разговора, хотя в социологической литературе уже есть первые опыты (на основе биографического метода) обстоятельного анализа истории ряда семей в нескольких поколениях, что на первый взгляд дает очень образную, живую, раскрашенную всеми красками историю страны через историю семьи [19].

Знание о семейной родословной тесно переплетается с историей своего народа, с национальной самоидентификацией, которая всегда играла огромную роль в личном поведении людей. Ее значение особенно возросло в условиях переходного периода. В исследовании В.И. Меркушина был задан вопрос: «Испытываете ли Вы гордость за Родину, свой народ, свой город, свой коллектив?». И первое место заняла оценка своей этнической принадлежности — об этом сказали 62% опрошенных. На наш взгляд, национальная самоидентификация человека тесно коррелирует с личной исторической памятью. И этому должно способствовать общество, все средства массовой информации. Иначе мы столкнемся с ***удивительным парадоксом: гордиться своей страной, своим народом — и не видеть в судьбе этой страны, своего народа кирпичик своей исторической памяти.*** Но именно из этих «кирпичиков» и складывается история страны, ее достижения и победы. А для этого надо знать и плюсы и проблемы сохранения как общей, так и личной судьбы.

Пусть нас натолкнет на раздумье обращение к внуку бывшего высокопоставленного офицера В.Н. Добычина, зам. начальника штаба Тыла Советской Армии, бывшего дворянина, храбро воевавшего в Первую мировую войну, затем ставшего на сторону «красных» в Гражданской войне. В этом обращении, вернее записи в альбоме в 1951 г., он начертал слова, означающие оценку себя в большой истории и истории своей семьи: «Ты будешь последний человек, в чьей памяти мы с бабушкой сохранимся. Вспоминай нас иногда, поглядывая на себя, вспомни нас в 2000 г., до которого нам хотелось дожить...».

К вопросу об истории семьи примыкает информация об истории своего города (села), которая на немного превышает показатели знания о своей родословной: о том, что они эту историю знают, говорили 17% людей. Правда, еще 58% претендовали на то, что они что-то знают об истории города (села), но, во-первых, это относилось больше к горожанам, а во-вторых, здесь срабатывал эффект присутствия — что-то знать еще не означает удовлетворительности этого знания.

Показателен и тот факт, который регистрирует не просто созерцательное отношение к истории, но и желание внести свой вклад в сохранение ее ценностей, ее объектов и символов. Согласно имеющейся информации, только 4% людей принимают непосредствен-

ное участие в восстановлении памятников истории и культуры. Еще 33% говорили о том, что они содействуют этому процессу, в частности внося некоторые средства в их восстановление. Иначе говоря, *налицо еще один парадокс: на словах люди заняты (и гордятся) своей историей, но их гражданская активность по отношению к своему историческому прошлому еще невелика и даже просто низка.*

В заключение отметим, что с личной исторической памятью и историческим сознанием связан ренессанс интереса к народному духу, тяга к культурному и духовному наследию прошлого. Положительно воспринимается восстановление памяти незаслуженно забытых имен (мнение 58%). Кроме того, 85—91% людей активно поддерживают возрождение народных промыслов, народной медицины, народных гуляний, ярмарок.

14.5. Историческое знание — каково оно?

Начнем с данных В.И. Меркушина и А.И. Афанасьевой. На вопрос: «Удовлетворяет ли Вас качество исторического образования в школе?», положительный ответ дали всего 4% опрошенных. Каждый второй преподаватель (48%) признал уровень преподавания истории в школе низким. А ведь историческое сознание, историческая память, объективно отражающие хотя бы в основном вехи в развитии страны, народа, не могут сформироваться без того, чтобы историческая информация подавалась систематически, полно, без преобладания эмоций и попыток фальсификации, когда исторические факты замещаются всяческими версиями, порожденными фантазиями и произвольной отсебятиной.

А между тем тяга к историческому знанию значительна. Интерес к прошлому продиктован желанием знать правду о прошлом (мнение 41% опрошенных), стремлением расширить кругозор (30%), потребностью понять и узнать корни своей страны, своего народа (28%), желанием знать уроки истории, опыт предшествующих поколений (17%), стремлением найти в истории ответы на злободневные вопросы (14%). Как видим, мотивы достаточно убедительны, достаточно ясны и в определенном смысле благородны, так как отвечают потребности людей быть гражданами своей страны в полном смысле этого слова. Здесь включаются и мотивы идентификации (быть вместе со своей страной, своим народом), и стремление к объективным знаниям, ибо по мнению 44% людей позволяет лучше понимать современность, а по мнению еще 20% помогает в принятии правильных решений. 28% населения видят в историческом знании ключ к воспитанию детей, а 39% считают, что без знания истории невозможно быть культурным человеком. Примечательна самооценка людей своих знаний истории (табл. 14.5).

Т а б л и ц а 14.5

**Степень оценки исторически знаний
(в % к числу ответивших)**

<i>Позиция</i>	<i>Знаю посредством</i>	<i>Знаю плохо</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>Знаю хорошо</i>
История России	17	56	15	9
История своего народа	14	50	21	10
Всеобщая история	3	38	35	18

П р и м е ч а н и е. Недостающее количество процентов (по строке) относится к воздержавшимся от ответа.

Сравним эти данные с суждениями экспертов — учителей истории, преподавателей исторических дисциплин в вузах и техникумах, которые в этом исследовании отвечали на аналогичные вопросы. 44% из них признали, что уровень знаний по истории России средний, а 52% — низкий, по истории своего народа — соответственно 25 и 63%, по всеобщей истории — 20 и 69%. На наш взгляд, эти данные достаточно точно отражают реальную сложившуюся ситуацию с «главными» историями, если учесть сходные характеристики массового исторического сознания.

Стоит также признать, что история своей страны, своего народа будет всегда «ближе» к сердцу, чувствам, социальным ценностям и настроению людей. И этот интерес к различным эпохам (этапам) в жизни неодинаков (табл. 14.6).

Т а б л и ц а 14.6

**Наиболее интересные темы в истории России
(в % к числу ответивших)**

<i>Тема</i>	<i>Все население</i>	<i>Студенты</i>
Жизнь выдающихся ученых, полководцев, деятелей культуры	48	51
История Древней Руси, становление централизованного государства	37	33
Жизнь и деятельность царей, ханов, князей	29	32
Жизнь, быт, обычаи, традиции, устное народное творчество	37	40
История освободительного и революционного движения	10	1
История советского общества	20	6
История религиозных движений и учений	17	12
История народов нашей страны	22	13

Ответ на эти потребности по истории России призваны дать все — и система образования, и семья, и средства массовой информации, и художественная литература, и наука. потребность в знаниях по истории велика, ибо, по мнению 80% преподавателей истории, самой страшной бедой является не столько плохое, недостаточное или одностороннее историческое знание, сколько его искажение, засилье устаревших догм. Немалый вред наносят и «новаторские» поиски типа трудов академика-математика А. Фоменко, историка Н. Морозова, математика С. Валянского, экономистов Д. Калюжного и О. Платонова, которые ставят под сомнение наработанное многими поколениями историков научное знание [20]. Пренебрегая всеми и всяческими традициями, новые оракулы стремятся поразить воображение людей невиданными, баснословными, фантастическими разоблачениями, вроде того, что Батый был на самом деле католиком-крестоносцем, а ордынскую дань Русь платила Ватикану. Их книги, издаваемые сотысячными тиражами по сравнению с мизерным количеством научных исторических трудов, претендуют на замещение прежнего исторического знания и замену его произвольными версиями и домыслами. Спасает сейчас одно — и в этом может сказывается упоминаемая устойчивость исторического сознания — что, как показывают пробные опросы, эта информация рассматривается читателями как особый вид фантастики и приключений наравне с творчеством писателей — детективщика А. Бушкова и фантаста Ю. Петухова.

Иначе говоря, возникает реальный парадокс: *историческая научная литература потребляется ограниченным кругом лиц, а потребность в популярном изложении прошлого в читательском интересе велика*. Пока историческое сознание людей сопротивляется этим фантастическим версиям и историческим домыслам. Но не лучше ли тогда для противостояния этому искажению истории поддерживать творчество таких писателей, как В.С. Пикуль, которые побуждают интерес к истории через художественный вымысел, затрагивающего в основном личную жизнь героев, но не покушаются на основы исторического знания?

В заключение хотелось бы отметить один примечательный факт: в настоящее время происходит процесс формирования очень интересной научной дисциплины — исторической социологии [21]. В течение длительного времени эта проблематика в той или иной мере освещалась в рамках исторического материализма. Но это были скорее схемы, общие тенденции, а не ретроспективный анализ исторического сознания и соответствующей деятельности людей. Поэтому знаменательно появление в журнале «Социологи-

ческие исследования» материалов: Б.Н. Казанцева — о «неизвестной» статистике уровня жизни рабочего класса и о проблемах занятости городского населения в середине 1960-х гг., А.А. Шевякова — о всесоюзной переписи 1939 г. и «тайнах» послевоенной репатриации и советской продовольственной помощи странам народной демократии, В.П. Попова — о демографической ситуации в России в 1940-е гг. и после Великой Отечественной войны, о паспортной системе в СССР, В.Н. Земскова — о заключенных в 1930-е гг. и репатриации советских граждан и их дальнейшей судьбе.

С 1998 г. в журнале в специальной рубрике «Историческая социология» публиковались материалы, в которых были предприняты попытки реконструировать многие исторические события, исходя из документов, характеризующих массовое историческое сознание (письма во власть, истории карьеры, события 1920—1940 гг., денежные реформы 1947, 1960, 1992 гг., протестное движение глазами современников и др.).

Комплекс проблем, лежащих на стыке истории и социологии, дает возможность подойти к характеристике исторического сознания и исторической памяти как части общественного сознания во всем их противоречивом и парадоксальном развитии, а также говорить об относительной самостоятельности этого феномена и о специфических формах его научных методов.

Все это позволяет сделать вывод, что без определенного уровня знания, без понимания и уважения к историческому прошлому невозможно не только быть гражданином, но и сформировать новую российскую государственность, российское гражданское общество.

Примечания

1. *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки.* М., 1969; *Овсянников А.А.* Историческое самопознание (Опыт междисциплинарного исследования // *Социол. исслед.* 1989, № 6 См.: *Афанасьев В.В.* Историческая социология. Барнаул, 1995; *Иванов В.В.* Введение в историческую социологию. Казань, 1998; *Еременко А.М.* История как событийность: В 2 т. Луганск, 2005.
2. *Герцен А.И.* Избр. философские произв: В 2 Т. Т. 1. М., 1945.
3. См.: *Чернышевский Н.Г.* Избр. философские соч.: В 3 т. — М., 1950; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1 // *Собр. соч.:* В 9 т. Т. 1. М., 1987; *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М, 1989; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Сочинения:* В 18 кн. Кн. 1—4. М,

- 1988; *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России: В 2-х т. Т. 1. М., 1989; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991; *Бердяев Н.А.* Судьбы России. М., 1990; *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.
4. *Барг М.А.* Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12; *Гаврилов О.Ф.* Историческое сознание и его функции: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Томск, 1986; *Либиг Ю.* Историческое сознание как предмет философского исследования: дисс. ... канд. филос. наук. М., 1983; *Маклаков В.Т.* Историческое сознание: природа, формы бытования и язык // Историческое знание и современность. Свердловск, 1987. С. 29—40; *Сгибнева О.И.* Историческое сознание: сущность, пути формирования: дисс. ... канд. филос. наук. М., 1991; *Шмаков В.С.* Структура исторического знания и картина мира. Новосибирск, 1990; *Ельчанинов В.А.* Историческое сознание. Барнаул, 1984; *Каменев С.В.* Вопросы методологии исследования структуры исторического сознания // Современная наука и закономерности ее развития. Вып. 4. Томск, 1987; *Самиев А.Х.* Структура исторического сознания. Душанбе, 1988; *Французова Н.П.* Историческое сознание и его структура // Историзм и творчество: Материалы Всесоюзной научно-теоретической конференции. Ч. 1. М., 1990, С. 6—17; *Кононова Л.И.* Историческое сознание и его функции: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1989.
 5. *Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я.* Грани этнической идентификации // Социол. исслед., 1997. № 8; *Конюхов А.К.* Историческое сознание коми народа: состояние и тенденции развития: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 1993.
 6. Там же.
 7. *Историческое* сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования // Информационный бюллетень Центра соц. исслед. АОН при ЦК КПСС. М., 1991. С. 96.
 8. *Левада Ю.А.* «Человек советский» десять лет спустя: 1989—1999 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены: Информ. бюлл. 1999. № 3. С. 11.
 9. *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 5. С. 12.
 10. Там же. С. 13.
 11. См.: *Историческое* сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки. С. 96.
 12. Там же. С. 92.
 13. *Хунаху Р.А., Цветков О.М.* Исторический феномен в современном преломлении // Социол. исслед. 1995. № 11.
 14. См.: *Историческое* сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки. С. 96.

15. *Левада Ю.* Мнения и настроения. Январь 2000 г. // Независимая газета. 2000. 9 февраля.
16. Комсомольская правда. 1999. 21 декабря.
17. *Общественное мнение-2006.* М., 2006. С. 228; Комсомольская правда. 1999. 28 декабря.
18. См.: *Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки.* С. 93
19. *Козлова Н.Н.* Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социолог. исслед. 1994. № 4; *Она же.* Горизонты повседневности советской эпохи: голос из хора. М., 1996; *Чуйкина С.А.* Реконструкция социальных практик // Социол. исслед. 2000. № 1.
20. См.: *Мифы «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко* (Материалы научной конференции в МГУ) // Новая и новейшая история. 2000. № 3.
21. Подробнее см.: *Афанасьев В.В.* Историческая социология. Барнаул. 1995; *Иванов В.В.* Введение в историческую социологию. Казань, 1998. *Романовский Н.В.* Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социол. исслед. 1998. № 5.

Глава 15

Парадоксы нравственного сознания

«Сэр, невозможно одновременно служить
и нравиться вам».

Ответ маршала де Виллар Людовику XIV

Нравственное сознание представляет особый феномен общественного сознания. С одной стороны, оно представляет его самостоятельный вид, имеющей специфическое содержание и свои особенности, отличающие его от всех иных проявлений общественного сознания, с другой — «вплетено» во все виды общественного сознания, проникает в них, образуя весьма своеобразное явление.

Нравственность всегда была неотъемлемой чертой жизни человечества, начиная с первых шагов его функционирования как разумного общества. И хотя нормы нравственности не оставались неизменными, большинство народов мира постепенно сформировали общие принципы, которые регулировали жизнь людей, их взаимоотношения между собой, внутри социальной или профессиональной группы, с другими народами и этносами. Наиболее ярко эти принципы воплотились в религиозных учениях: в Нагорной проповеди, в Коране, в учении Будды, в конфессиональных предписаниях других религий. Дело в том, что постулаты этих религий как бы абсорбировали в себе тысячелетний опыт строительства личных, групповых и общественных отношений и отразили в себе общие, характерные для повседневности и общественного поведения всех народов черты, называемые **моралью**. Анализ религиозных верований позволяет сделать вывод об их схожести, подобия, общей ценности этого специфического мира человеческого мировосприятия.

Интересно отметить такую примечательную особенность всеобщих нравственных норм: они регулируют поведение людей в их взаимодействии друг с другом, внутри группы, слоя, профессии, но практически не касаются тех контактов, которые связывают людей с властными структурами или на которые они реагируют всегда своеобразно и специфически.

15.1. Какая мораль существует в обществе?

Реальная жизнь человечества постоянно свидетельствует, что нравственность выступает величайшей ценностью, демонстрируя свою причастность ко всем без исключения процессам и событиям общественной и личной жизни. Ее нормы претендуют на то, чтобы быть мерилom поступков людей, выступать оценкой их отношения к происходящим изменениям, их готовности содействовать духовному, социальному и политическому обновлению окружающего их мира. Причем этим мерилом выступают не только всеобщие нормы нравственности, но и степень их соответствия реальной обстановке, реальным потребностям времени. Не декларируемая, а «практическая», функционирующая нравственность, проникающая во все поры общественного организма, характеризует суть происходящих изменений в общественном сознании и поведении. И наконец, следует отметить, что «моральная оценка существует прежде всего и главным образом как самооценка» [1].

Нравственные нормы — в известном смысле предтеча правовых норм. Как правило, они не закреплены в законе, поддерживаются традициями, обычаями, общественным мнением, неписаными требованиями к повседневному образу жизни. *В период общественных коллизий их функционирование парадоксально: они, с одной стороны, подвергаются (не могут не подвергаться) изменениям, с другой — обеспечивают стабильность и сбалансированность общества.* Это происходит потому, что они отражают многовековой опыт народа, который нельзя ни отменить, ни игнорировать, которым нельзя пренебречь без возможных санкций со стороны социального окружения.

В период трансформационных общественных сдвигов они не могут оставаться не подверженными изменениям: полная смена экономических и политических ориентиров кардинальным образом меняет «правила игры», что создает самые различные коллизии между тем, что требуется сейчас, и тем, что требовалось раньше. Некоторые нравственные противоречия, предшествующие рыночным реформам, сошли на нет, другие еще больше обострились, третьи стали предметом заинтересованного общественного обсуждения, четвертые превратились в самостоятельную проблему, требующую новых подходов и решений.

Иначе говоря, на каждом этапе исторического развития по мере накопления опыта нравственные нормы изменялись, обогащались, у разных народов по-разному расставлялись акценты в отношении тех или иных явлений и событий личной и общественной жизни.

Но одно оставалось неизменным — основные установки продолжали сохраняться, укрепляться, приобретать все большую моральную силу.

Вместе с тем институт морали всегда развивался достаточно противоречиво. С одной стороны, существовала нормативная, официально одобряемая мораль, которая предписывала человеку, группам, социальным организациям и социальным институтам соответствующие нормы поведения. Эти нормы морали в основном санкционировались и поддерживались политической властью и были своеобразным официозным требованием к жизни людей, особенно в той ее части, которые касались обязанностей человека перед государством. С другой стороны, продолжала развиваться и обогащаться та сфера морали, которая регулировала взаимоотношения людей в повседневной жизни, вне официальных взаимосвязей; она была более последовательна и консервативна с точки зрения поддержания устоявшихся моральных ценностей, сохранения и соблюдения нравственных установок и ориентаций.

Конечно, грань во взаимодействии официальной и народной морали была всегда достаточно условна, переменчива и специфична в зависимости от различных политических форм власти, исторических особенностей той или иной цивилизации, от уровня общей культуры и образованности людей. Но особенно существенные сдвиги во взаимодействии этих сфер морали произошли в ходе великих буржуазных революций, когда нормативные требования феодально-абсолютистского устройства общества с тотальной регламентацией экономической, политической, социальной и духовной жизни людей сменились новыми требованиями, утверждающими торжество прав и свобод *каждого человека*, его экономическую и особенно духовную независимость, автономность сознания и поведения. В этих условиях произошло сближение официальной и неофициальной морали, значительно увеличилось и постоянно росло влияние реальной (неофициальной) морали на все процессы социального, политического и экономического взаимодействия, происходившие в современном обществе. Этот новый этап развития морали, в свою очередь, имеет свои особенности и специфические характеристики применительно к каждому народу, к каждому общественному организму.

Вместе с тем *анализ нравственного сознания и поведения будет неполным, если не рассмотреть их парадоксы*, которые не просто разнообразны, но весьма значимы и имеют решающее значение при определении судеб не только отдельного человека, но и социальных групп, слоев, общностей и даже всего общества в целом. А.А. Гусейнов предложил рассматривать эти явления с точки зрения парадоксов моральной оценки и парадоксов морального поведения.

Что касается *парадоксов моральной оценки*, до сих пор остается открытым вопрос о том, кто имеет право вершить моральный суд. Дело в том, что «те, кто мог бы вершить моральный суд, не будут этого делать; тем, кто хотел бы вершить моральный суд, нельзя этого доверять». Выход из этой ситуации, по мнению А.А. Гусейнова, заключается в нравственном требовании: «Не судите других!». «Моральный суд есть суд человека над самим собой» [2].

Среди *парадоксов нравственного сознания* (оценки) можно отметить многочисленные попытки объявить одних людей моральными, других — нет, одних — добрыми, других — злыми. Но такое разделение возможно только в сказке или при отвлеченном, логическом анализе качеств людей. В реальной же жизни такого нет — в каждом человеке содержится комбинация самых различных качеств, противоречивых установок и ценностей. Можно предположить, что даже самый нравственный человек (с позиций окружающих его людей) может всегда предъявить к себе претензии, ибо «чем выше человек в нравственном отношении, тем критичнее он к себе относится» [3].

Не менее впечатляющ *парадокс морального поведения*, который сформулирован Овидием: «Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь» [4]. Это достаточно распространенная ситуация, которая проявляется в противоречивом соотношении морали и профессиональных установок (курящий врач, предостерегающий других от курения), морали и правовых норм (чиновник-мздоимец, проповедующий борьбу со взяточничеством), морали и политического облика (лицемерный политический деятель, который верит своим обещанием только во время избирательной компании, не более), морали и общественным поветриям (хвалю религиозные ценности, но не следую и не собираюсь следовать им), морали и народным традициям (прибегаю к их использованию тогда, когда это выгодно). Вполне логично, что таких людей, знающих моральные требования, но не соблюдающих их, вряд ли можно назвать нравственными.

Парадоксы нравственного сознания и поведения многолики и многообразны. Несомненно, что многие из них изменялись, приобретали ту или иную конкретную форму в процессе развития человечества, хотя по своей сути оставались одной и той же сущностью: всякая моральная поза, когда кто-либо выступает от имени морали, изображая себя ее истолкователем, носителем, стражем и т.д., является ложной позой [5].

15.2. Современное состояние нравственного сознания

На современном этапе развития российского общества состояние нравственного сознания и поведения людей представляет собой

глубоко противоречивую картину, в которой тесно переплетены как позитивные, так и негативные явления и процессы. Эта картина свидетельствует о том, что новая ситуация в стране во многом по-новому поставила вечные проблемы морали, заставила переосмыслить накопленный опыт и увидеть глубокую противоречивость реальностей современной жизни.

Каковы же действительные черты и особенности нравственного сознания в российском обществе? Что ему присуще, что характерно, что имеет тенденцию к изменению и приобретению новой формы и нового содержания?

Если исходить из самых общих посылок, то можно сказать, что в обществе имеется серьезная озабоченность состоянием нравственности, духовного мира в целом. ***Большинство людей высказывают тревогу по поводу того, что многие нравственные нормы перестали функционировать или потеряли прежнее значение.*** По данным Н. Попова, 25% опрошенных россиян (в 1994—14%) согласились с тем, что мораль, культура, нравственность находятся в кризисе. Некоторые исследователи подчеркивают рост индивидуалистических настроений, потери русскими (и россиянами вообще) чувства общности, коллективизма, соборности, снижение ответственности за судьбы страны, близких, своей профессии и своего дела. Насколько это тревожно, говорят данные социологических исследований.

Общую тревогу людей вызывает снижение контролирующей функции морали, проявляющееся в уменьшении значимости нравственных «табу», в росте вседозволенности и пренебрежении ограничениями, которые регулируют процесс функционирования общественного сознания и поведения людей.

Вместе с тем стремление отдельных людей пойти по линии «завинчивания гаек», ужесточения санкций, тоже к добру не приводит. ***Парадокс состоит в том, что наиболее прочной оказывается та дверь, которая остается открытой.*** Значит, нужны не столько принудительные меры, сколько косвенные рычаги, которые способствовали бы достижению поставленных нравственных целей. Но эти цели должны быть открыто провозглашены, одобрены официально и неофициально, в противном случае начинается разброд, нравственная слепота и глухота, торжество сомнительных ценностей. Именно в этой ситуации исчезает та живительная сила нравственности, которая скрепляет элементы общественного организма.

В нынешней ситуации ***происходит атрофия требований нравственности, замещаемых требованиями рациональности.*** Но абсолютизация последних превращает человека в робота, манекен, в искусст-

венный интеллект, которые в силу однолинейности мышления и игнорирования нравственных аспектов любой общественной ситуации способны не только нарушить, но и разрушить живое тело как любой социальной организации, так и всего общества. Именно этот процесс мы наблюдаем в сегодняшней России, когда авторитет и значимость нравственных ценностей существенно снизились или вообще отсутствуют.

В этой связи стоит особо остановиться на анализе *ценностных ориентаций*, которые выступают важным показателем нравственности и по которым возможно достаточно результативно судить об ее изменении или стагнации. Как показывают данные социологического мониторинга, в 1990-х гг., за период осуществления рыночных реформ, в массовом сознании российского общества произошли глубокие качественные изменения, затронувшие его рациональные, волевые и социально-психологические компоненты. Результаты исследований дают основание сделать вывод о тенденциях в динамике базовых ценностных ориентаций населения. В начале 1990-х гг. (до 1995 г.) продолжали сохраняться основные жизненные ценности, которые были присущи советским людям в течение длительного времени. Несмотря на возникшую остроту материальных проблем, крушение многих прежних идеалов и стандартов жизни, иерархия ценностных ориентаций оставалась практически неизменной. Ценности-лидеры включали в себя ценности, связанные с комфортностью внутреннего мира человека: спокойную совесть, семью, интересную работу. К ценностям-аутсайдерам были отнесены власть, признание, успех. Вместе с тем в это период отмечалась относительная значимость ценностей материального характера.

Данная тенденция начала меняться с середины 1990-х гг., отразив качественные сдвиги в ранее устойчивых и традиционных для России ценностных ориентациях. *Ценности духовно-нравственного характера*, всегда преобладавшие в российском менталитете, *начали вытесняться ценностями сугубо материального, прагматического характера*. В отношении некоторых базовых жизненных ценностей знак их предпочтения сменился на прямо противоположный. Так, если в первые годы реформ две трети населения России отдавали приоритет ценности свободы над ценностью материального благополучия, то с 1996 г. более половины населения страны стали оценивать материальное благосостояние значительно выше ценности свободы. Причем, коренные изменения в предпочтении этих двух базовых жизненных ценностей затронули примерно 30% россиян (табл. 15.1).

Т а б л и ц а 15.1

**Динамика ценностных ориентаций населения России
(в % к числу опрошенных)**

<i>Ценностные ориентации</i>	<i>1993</i>	<i>1995</i>	<i>1997</i>	<i>1999</i>	<i>2000</i>
1. В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	84,7	93,4	69,3	89,6	93,8
2. В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	11,9	5,9	17,7	10,4	6,2
3. Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	75,2	72,3	56,4	65,9	71,8
4. Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей каждого	18,4	23,7	38,9	34,1	28,2
5 Свобода — это то, без чего жизнь человека теряет смысл	55,7	70,6	39,5	59,9	66,3
6. Главное в жизни — материальное благополучие, а свобода второстепенна	41,1	27,1	58,3	40,1	33,7
7. Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	54,8	62,7	31,2	49,6	57,6
8. Главное в работе — это сколько за нее платят	41,2	35,4	63,9	50,4	42,4
9. Человек должен жить в той стране, где ему больше нравится	54,7	52,5	56,8	45,0	43,7
10. Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать	41,1	46,2	41,5	55,0	56,3
11. Свобода человека — это возможность быть самому себе хозяином	67,3	64,5	69,8	—	66,5
12. Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	29,1	24,4	22,7	—	33,5

И с т о ч н и к: Данные Российского независимого института социальных и национальных проблем (12—14 регионов, $N = 1800 - 2200$).

После осеннего (1998 г.) финансово-экономического кризиса произошел новый перелом в динамике ценностных ориентаций россиян. *С 1999 г. стала восстанавливаться тенденция возобладания*

в массовом сознании тех ценностей, которые являлись традиционно приоритетными. Вновь значимость спокойной совести и душевной гармонии стала не только доминирующей, но и практически абсолютной (94%). Две трети населения (даже несколько больше, чем в первые годы реформ) вновь стали отдавать приоритет ценности свободы, в то время как треть россиян продолжала больше ценить материальное благополучие. Тем самым новые сдвиги в динамике базовых ценностей как бы вернули отличительные ментальные черты россиян на их искомое место. Схожие тенденции отмечаются в исследованиях, выполненных под руководством В.И. Бакштановского и Н.И. Лапина [6].

Особенность нравственного сознания такова, что оно не может существовать само по себе, вне того социального контекста, в котором функционирует. Оно постоянно испытывает давление деструктивных сил, подвергается коррозии, сомнению, а зачастую и прямым или косвенным нападкам под флагом то ли приоритета рациональности, то ли обновления и учета новых требований времени. Поэтому не будет большим преувеличением утверждение, что *мораль крепнет в борьбе с разрушающими ее силами, в постоянной полемике с оголтелой «целесообразностью», с отвержением бескомпромиссности и попытками установления рационального однообразия.* Правда, требования морали имеют свои ограничения; их противопоставление требованиям рациональности может привести к безответственности, отказу от соблюдения неких объективно обусловленных алгоритмизированных действий.

15.3. Нравственное измерение экономических парадоксов

Всеобщность нравственности, нравственного сознания как показателя морального здоровья народа, его будущности проявляется прежде всего в сфере экономической жизни. Но она проявляется своеобразно.

Это своеобразие заключается в том, что между показателями благополучия и показателями нравственного сознания и поведения нет прямой зависимости. Реальная жизнь постоянно демонстрирует несовпадение экономического состояния с требованиями морали и ее производными. Корень этого несоответствия проистекает из того, что *производственный, правовой механизм функционирования экономических отношений не предполагает учета требований морали, постоянно игнорирует их, не предусматривает их согласования и взаимодействия.* В результате регулярно формируются и возобнов-

ляются парадоксальные ситуации, которые, с одной стороны, подрывают основы успеха в экономике, с другой — ухудшают нравственное здоровье общества. Рассмотрим некоторые из них.

Если в советское время принятой нормой были рассуждения о роли воспитания в повышении эффективности и рентабельности производства, то в постсоветской России стало модным рассуждать о «правильном» рыночном хозяйствовании, о предпринимательской инициативе, о свободе действий, в результате чего из экономической жизни полностью ушли или обесценились такие понятия, как «долг», «совесть», «честное слово», «обязательность», «порядочность» и т.д. Иначе говоря, изъяны не только экономического, но и нравственного плана стали характерной чертой как всего российского общества, так и большинства производственных организаций.

Для руководителей многих производственных и кредитно-финансовых организаций и объединений первостепенное значение по-прежнему имеют только экономические показатели: прибыль, доход, рентабельность, себестоимость и сбыт. И в их деятельности, в их повседневных заботах не оставалось места для моральных ценностей. Более того, они совсем или почти совсем не испытывали потребности в нравственных предписаниях, обходясь без них при решении производственных проблем.

Сопоставление современной рыночной практики хозяйствования с практикой даже дореволюционных лет вызывает большие размышления. Почему российский купец, как правило, считал, что, если он нарушит слово, то веры ему не будет долгое время, ибо он подорвет свой личный авторитет и авторитет своего дела? А почему нынешний руководитель, как правило, считает возможным вольно обращаться со словом, обязательством, не испытывая при этом угрызений совести, оправдывая свои нарушения всем, но только не моральными обязательствами. И все это называется нормальным хозяйствованием, «успехом в жизни», «умением жить» и т.д.

Такую ситуацию можно объяснить только одним: нравственные ценности не вплетены в реальный экономический механизм. И зачем они, если этот механизм способен функционировать без этой «словесной мишуры»? Тем более что «современное общество, рассмотренное сквозь призму этики, характеризуется тем, что здесь социальный эффект и соответственно (поскольку общее благо есть моральная ценность) нравственно значимый результат все менее зависят от моральных мотивов, меры добродетельности или порочности индивидов в классическом значении этих понятий» [7]. Этот вывод, который применительно к экономике сформулировал Адам Смит, имеет вполне реальную основу и поныне, так как осуществляемые в настоящее время экономические реформы не создают предпосылок

по учету требований нравственности для совершенствования экономического механизма. По-прежнему на первом плане находятся различные модификации рыночных показателей, тяготеющих к эпохе первоначального накопления капитала.

Рыночные попытки в постсоветской России кардинально изменить уклад экономики привели к тому, что победа — политическая и экономическая — над советским типом хозяйствования, когда масштабно практиковались очковтирательство и приписки во «имя высочайших интересов», сменилась другой тотальной ложью, воспринимающей рынок как самоцель, а моральные установки как препятствие на пути умопомрачительного обогащения кучки собственников. Без морали нельзя создать ни гражданское общество, ни правовое государство, ибо ориентация на конечную цель — рынок (как и прежде — на строительство социализма) без учета человеческого фактора обречена на историческое поражение, ибо она оправдывает обнищание огромного количества людей.

Нравственная коррозия экономических отношений породила огромный сонм парадоксов.

Одни из них были унаследованы от советской экономики и, претерпев определенную модификацию, практически остались неизменными. Наиболее отчетливо этот класс парадоксов проявляется ***в социальном иждивенчестве, в бездеятельности, и безответственности людей, уповающих только на государство и обвиняющих в собственных и общественных просчетах и пороках всех, кроме самих себя.*** Это ***социальное иждивенчество*** многолико и многообразно. Если в советское время оно находило свое крайнее выражение в безразличии — «а нам все до лампочки», то в рыночных условиях — «а куда смотрит государство?», даже в тех случаях, когда собственность является акционерной, групповой или частной. Социальное иждивенчество имеет своим следствием паразитизм, когда, засомневавшись в том, что государство станет опекать как ранее в советское время, или полностью устранился от всякого соучастия как в постсоветское время, очень многие люди избирают своим кредо:

- попытаться устроиться, как в советское время: чтобы работы было меньше, а денег больше;
- надеяться, что, когда возникнут трудности в жизни, их решал бы кто-то другой;
- отказаться от всяких претензий к обществу и вести образ жизни бомжа, явного или скрытого.

Но все они так или иначе взывают к государству, независимо от своего вклада в общее дело, апеллируя к социальной справедливости, социальной защите, к соучастию в решении личных проблем.

В результате *налицо парадоксальная ситуация: нормативные требования предполагают, что трудовое поведение людей дифференцируется в зависимости от того, где они работают — на государственных или частных предприятиях, в акционерных обществах, а на деле практически никаких различий нет (или они очень незначительны)*. Реальное трудовое поведение в основных чертах остается одним и тем же. Приход различных отношений серьезно сказался на трудовом поведении только в теневой экономике и в криминальных структурах [8]. Это лишний раз подтверждает, что нельзя перестроить сознание и поведение, как станок, перевести его с одного режима на другой простым включением кнопки.

Второй класс парадоксов порожден уже самими рыночными отношениями, попытками отказаться от того стиля и образа жизни, который вели миллионы людей в советское время. Так, в первые годы перехода к рынку появилось много желающих испытать свои силы в новых экономических условиях. По данным социологических опросов, в 1994 г. 14% москвичей занимались предпринимательством и еще 31% хотели бы включиться в этот вид деятельности. Однако этот «азарт» вскоре заметно потух, ибо оказалось, что «вписаться» в новые экономические отношения непросто: нужно еще очень многое, помимо желания и намерения. От людей потребовались такие качества «делового» поведения, которые противоречили прежним жизненным ориентирам: беспощадность к конкурентам, нахрапистость, наглость, умение «шагать по трупам». В результате в начале 2000-х гг. число желающих испытать свои способности на предпринимательском поприще сократилось до 10—12%. А если к этому добавить, что такие показатели характерны и для других стран, то это лишний раз свидетельствует, что в структуре занятого населения предпринимателей не может быть более 7—9%. Отсюда становится понятно, почему очередное увлечение оказалось мифом, а на деле обернулось трагедиями, провалами и даже самоубийствами в результате постигших неудач.

В этом факте наглядно проявляется противостояние экономического и нравственного, точнее сказать, трудность и сложность (но не невозможность) их сочетания. Однако в сознании активных участников рыночных отношений при решении экономических проблем нравственные аспекты по-прежнему сбрасываются со счета, игнорируются, не признаются. Особенно это характерно для тех собственников, которые накопили свои капиталы путем захвата и присвоения огромных массивов государственной собственности или обмана миллионов людей. Часть из них успешно (из-за правовых дыр в законодательстве) функционирует и поныне, часть «на за-

конных основаниях» перебралась за границу, обеспечив «шикарную жизнь» своим ближним на многие десятилетия вперед. Но не меньше и тех, кто скрылся (или скрывается от глаз народных), обобрав миллионы людей, не мучаясь никакими угрызениями совести. Но всех их — и первых, и вторых, и третьих — объединяет всякое игнорирование требований морали или лишь в исключительных случаях частичное их исполнение. Именно на такой почве расцветали банки «Чара», «Властелина», «СБС-Агро», «МММ» (Мавроди) и др., для которых нравственные нормы просто не существуют или являются досадным препятствием для их «успешной» предпринимательской деятельности.

Третий класс парадоксов является неким симбиозом старых и новых прорех в функционировании общественных институтов, которые порождают или возрождают противоречия во взаимоотношениях экономических субъектов. Так, в сфере экономической жизни сегодняшней России очень ярко проявляет себя такой *парадокс, как нравственная мимикрия*, которая приспособливает сознание и поведение не к тому, кто ты есть на самом деле, а к тому, кем хочешь быть для окружающих. В советское время люди типа подпольного миллионера Корейко тщательно скрывали свои экономические возможности, вели образ жизни скромных и незаметных тружеников, соответствующих требованиям официальной морали. Поэтому в советское время жулики, воры, хапуги всех мастей в большинстве случаев не демонстрировали свое богатство, свою зажиточность, свои претензии на исключительность.

Перелом в поведении этих людей произошел в конце 1970—1980 гг., когда коррупция, взяточничество, лихоимство стали подтачивать общественный организм, внедряя в сознание миллионов людей «умение жить красиво». Именно в этот период стало правилом не скрывать это умение, а наоборот демонстрировать его как достоинство. Такая мораль в гипертрофированном виде проявила себя в годы приватизации, когда часть людей, «ухватив» («законно» уворовав) несметные богатства, стала упиваться своим благополучием. Но встретив широкое неприятие со стороны общества, породив ненависть к себе, эта публика сочла возможным опять вернуться к мимикрии, но на новом уровне: вести замкнутый, недоступный, скрытый от мира образ жизни, наслаждаясь «питием и забавами», «под одеялом», «за заборами» чаще всего вне пределов своей страны. В начале 2000-х гг. олигархи и более мелкое их подобие, поняв, что их интересы надежно защищены, стали опять демонстрировать свои нравы, но в основном зарубежом. Но эти зигзаги не изменяют общей характеристики данного парадокса: *несовпадение социального статуса и моральных претензий людей на личную и общественную жизнь.*

Экономика переходного общества породила как в России, так и во всех постсоветских странах такой *парадокс: для осуществления процесса трансформации требуются высококвалифицированные кадры*, но их, вместо того чтобы включить в осуществление преобразований, вытесняют на периферию трудового процесса и *заменяют теми, кто умеет обмануть, «втереть очки», ограбить, желательно под красивой вывеской*. Как показывает анализ, среди новоявленных богачей, особенно средней руки, немало людей, чья нравственная, общая и профессиональная культура вызывает немало (если не сказать огромное количество) сомнений. Недаром реакцией общественного сознания стало появление серии анекдотов о «новых русских», в которых достаточно четко улавливалось отсутствие элементарной культуры в сочетании с беспардонностью, наглостью и «умением жить». Иными словами, претендовать на «эталон» рыночных отношений стали люди, которые в лучшем случае могут быть отнесены к фарисеям. И как заявляют прогностически мыслящие специалисты, таких деятелей соответственно ждет судьба фарисеев.

Другой формой расхищения национального богатства стало массовое использование высококвалифицированных кадров на тех видах работ, которые не соответствуют ранее полученному образованию и профессиональной подготовке. Так, анализ «челноков», например, в Татарстане показал, что 44,6% из них имеют высшее, а 38,7% средне-специальное образование, основное место работы которых ранее было в научно-исследовательских институтах, вузах, бюджетных организациях и государственных предприятиях. Причем, занятие этим видом мелкого бизнеса не ситуативно, не временно: каждый третий (33,3%) успешно торгует более трех лет, а 73,8% официально приобрели статус индивидуальных частных предпринимателей. Размышляя над этой ситуацией, исследователи делают вывод: «Мелкий и средний бизнес затягивает. Все более очевидно, что многим будет трудно вернуться к прежней профессии. Процессы маргинализации и депрофессионализации из-за стагнации производства остановить практически невозможно» [9]. Иначе говоря, процесс расхищения творческого потенциала, деградация профессиональных кадров перешли все границы разумного отбора и поставили страну на грань утраты оставшихся в интеллектуальной сфере приоритетов. При начавшемся оживлении промышленности в середине 2000-х гг. обнажил глубину этих потерь — прежние кадры ушли в другие сферы занятости, а возродить былое мастерство сразу невозможно.

Данные социологических исследований свидетельствуют, что *нравственное сознание не достигнет должной зрелости, если официальная мораль ориентирует человека на достижение общественных идеалов, а хозяйственная практика склоняет если не к явному, то*

скрытому отстаиванию групповых и личных своекорыстных интересов, которые хотя и приводят к определенной утилитарной выгоде, но в ущерб перспективам развития как общества, так и личности. И это несоответствие особенно ярко и наглядно проявляется в сфере труда, в отношении к его ценности и его ценностям.

Ценность труда была всегда высочайшей нравственной характеристикой человека. Ориентация на труд была присуща большинству людей в дореволюционной России. В Советском Союзе эта установка на труд поддерживалась идеологически, что дало свои значительные результаты. *В условиях же рыночных преобразований, на труд, как на ценность и средство достижения материального благополучия, стало ориентироваться все меньшее количество людей*: в обществе мощно проявил и проявляет себя механизм вторичного перераспределения доходов, когда благополучие человека стало все меньше всего зависеть от его трудовой деятельности. Получила развитие теневая экономика, возросла зависимость доходов людей не от качества и количества труда, а от различных случайных факторов, в том числе сомнительного свойства. Все это самым пагубным образом повлияло на трудовую мораль: в пореформенной России резко возросло число людей, для которых труд перестал быть ведущей ценностью.

В результате происходящий процесс отчуждения труда обрел огромные масштабы: человек перестал гордиться своей профессией, испытывать должное удовлетворение от результатов труда, все меньше и меньше дерзал как творческая личность. Работник все больше убеждался, что он не может практически никоим образом влиять на процесс труда: его объект и качество, вознаграждение становились силами, неподотчетными и неподвластными ему. В этих условиях не могли не проявиться и обрести реальность такие черты, как равнодушие, апатия, неуважение к труду и его результатам, безынициативность, инертность. В свою очередь, это имело следствием снижение организованности, рост хищений и других явных и скрытых пороков.

К сожалению, значение труда как ценности упало и в глазах молодежи. Свое будущее она во все большей степени связывает не со стремлением овладеть профессией как таковой, а с желанием обрести соответствующее социальное положение, гарантирующее доступ к материальным благам. В этих условиях нравственные аспекты выбора профессии вытесняются в большинстве случаев утилитарными интересами, низким уровнем гражданственности и ответственности за судьбы общества и своей семьи.

Такое положение рождает по крайней мере еще *два нравственных парадокса*.

Первый: человек, особенно молодой, занимается скорее не профессиональным, а социальным самоопределением. Это явление, отмеченное еще советским социологом *Ф.Р. Филипповым* (1924—1990), проявилось

в 1970—1980-х гг., когда в жизненных планах молодежи стал преобладать мотив лучшего (в смысле материальных гарантий и социального престижа) устройства в жизни, чем сама профессия как таковая. В условиях рыночной экономики этот мотив стал фактически основным. И вот выпускники вузов, даже таких престижных, как МГУ, МВТУ, МАИ, МФТИ, если им не удалось стать бизнесменами, менеджерами и т.д., не видят ничего зазорного в том, чтобы встать за торговый прилавок, быть продавцом на рынке, «всучать» различные изделия на улице, в учреждениях, организациях, на предприятиях. У этих людей часто преобладает мотив: эти издержки с социальным положением временны, но они дают достаточно серьезный приработок, который не получишь на другой работе, в том числе и по специальности.

Второй: изменение трудовой морали привело к тому, что в ряду достойных и необходимых для общества профессий в сознании людей стали котируются не только такие виды занятий как бизнес, но и девиантная деятельность как проституция, криминал и т.д. Причем, оценка престижности и доходности профессий у молодого и старшего поколений различалась незначительно, в основном по отношению к государственной службе. И показательно, что в перечень престижных профессий не попал ни ученый, ни учитель, ни инженер, ни рядовой работник культуры (библиотекарь, искусствовед), ни рабочий высокой квалификации (табл. 15.2).

Таблица 15.2

**Отношение к профессии у молодежи и старшего поколения
(в % к числу опрошенных; 1997 г., молодежь — 1974 человек;
старший возраст — 774 человек)**

Профессия	Считают наиболее престижными		Считают наиболее доходными	
	Молодежь	Старшее поколение	Молодежь	Старшее поколение
Юрист, адвокат, нотариус	43,1	33,9	22,5	15,8
Экономист	18,6	13,2	7,9	6,7
Банкир, финансист	27,0	31,5	29,4	32,8
Менеджер	10,5	9,0	8,2	8,5
Бизнесмен, коммерсант	12,7	15,2	37,4	37,0
Госслужащий	9,6	15,2	9,8	11,9
Врач	9,2	11,1	2,2	5,4
Певец, актер	5,4	4,1	2,1	1,3
Журналист	2,6	1,3	—	—
Военный	2,6	2,1	2,2	2,6
Криминал, проститутки	—	—	5,9	7,2

Источники: Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 94—95.

В опросе, проведенном ВЦИОМ в феврале 2000 г., прибыльность «преступных авторитетов» подчеркнули 28% из 1600 опрошенных по всероссийской выборке, что на немного — на 12% — уступает прибыльности профессии банкиров.

Очевидно, что новые реалии рыночной России серьезно сместили восприятие людей о том, какое место занимают сейчас те или иные профессии в жизненной стратегии. И ясно, что в этом раскладе высокие нравственные ориентиры и нравственные установки уступили место утилитарным, прагматическим и даже циничным взглядам на перспективы как общественного, так и личного положения в обществе. Кроме того, возросли масштабы появления таких социальных групп, как бродяги, профессиональные нищие, бомжи и просто отвергнутые обществом люди [10].

15.4. Общее и особенное в парадоксах политического и нравственного сознания

Политика получает свое наивысшее звучание тогда, когда она нравственна. К сожалению, нравственность — редкое явление в современном политическом мире.

Одним из проявлений несоответствия, несовпадения политических и нравственных оценок бытия является факт избрания политических и общественных деятелей президентами, губернаторами, депутатами и т.д. при практически одновременном (или с небольшим запозданием) отсутствия доверия к ним. Иначе чем объяснить избрание (или будто бы избрание) президентом страны Б.Н. Ельцина на второй срок большинством голосов по сравнению с другими кандидатами и при очень низкой степени доверия к нему как лидеру страны. Сравните, 52% голосовавших за него как за президента страны и всего несколько процентов (от 4 до 6%), испытывающих в 1996—1999 гг. доверие к нему. *Такое противоречие можно объяснить только одним — нравственные критерии оценки принципиально отличаются от оценок политических, государственных, общественных.* Самое печальное состоит в том, что эти оценки не согласуются между собой, противостоят друг другу и не обнаруживают тенденции к их сближению.

Этот парадокс — признание легитимности политической власти и в то же время недоверие к ней — реальность России 1990-х гг. Молчаливое согласие или примирение с существующей реальностью отнюдь не означает позитивной, положительной оценки деятельности власти предрежащих, признания за ней морального права руководить общественными процессами.

Противоречия между политикой и нравственностью существовали всегда, ибо политические деятели в большинстве случаев руководствуются установками и ориентациями, далекими от требований морали, что постепенно приводит их к противостоянию и отказу (явному или скрытому) учитывать интересы большинства людей, к деформации, искажению и даже краху намечаемых ими целей и задач.

В реальности в своей политической деятельности они предпочитают тактику лицемерия. Крах СССР ярко продемонстрировал значение одной из причин, приведших к исчезновению могущественного государства XX в.: *советская номенклатура игнорировала нравственные ориентиры*. Это особенно наглядно проявилось в годы «брежневского» застоя и «горбачевской» перестройки. Парадоксально, но и «брежневцы» и «горбачевцы» (первые — стихийно, вторые — осознанно) действовали в одном направлении, имея цель утвердить «западные» ценности в личной и общественной жизни. Интересы этих правящих группировок стали довлеть над интересами государства и общества, становясь единственным ориентиром в их реальных поступках.

Правящее своекорыстие не только привело к забвению нравственных ориентиров в политике, но и изменило эту политику, исказило ее сущность, привело к перерождению тех первоначальных целей, которые были намечены сначала в ходе осуществления Октябрьской революции, затем в период начала демократических преобразований.

Главный парадокс в соотношении политики и нравственности в современном российском обществе заключается в том, что все политические акции подготавливаются и подаются таким образом, чтобы скрыть истинные цели и эгоистические намерения, а используя весь арсенал политических технологий, обеспечить манипулирование общественным сознанием.

Этот процесс замещения в общественном сознании одних оценок другими происходит достаточно искусно, позволяя неявно, незаметно игнорировать нравственные ценности. А как же может быть иначе, когда политическая власть, по меткому выражению А.С. Панарина, вместо того, чтобы отчитываться за достигнутые результаты, замещает их нормативными ожиданиями типа «Россия является демократической страной», «борется за права человека», «внедряет рыночные отношения» и т.д. и т.п. [11]. Такой технологический прием приводит к тому, что сознание людей сосредоточивается не на оценке состояния дел в обществе и государстве, а на ожидаемых позитивных результатах, которых, дескать, еще нет, но

они обязательно будут. В известной мере это даже не повторение, а гипертрофирование приемов советской пропаганды, когда желаемые результаты в силу различных «объективных» причин откладываются на будущее, на «потом», чем уменьшается и/или снижается давление общественности на государственную власть.

На политическое сознание влияет и тот факт, что государство постоянно демонстрирует приемы беззастенчивой утилитарности: оно пробует различные идеи в качестве подручных средств для достижения тех или иных целей, а затем без всяких попыток обоснования и оправдания отбрасывает их, если они мешают очередному замыслу или очередной цели. В результате *политическое сознание поражается цинизмом, нигилизмом, неверием не только в искренность, но и рационализм действий властвующих групп.*

Наглядным политическим парадоксом в 1970—1980 гг. стала позиция многих советских людей, которые постоянно, ежедневно и ежечасно следовали двойному стандарту — на митингах, демонстрациях и официальных встречах поддерживали лозунг: «Да здравствует КПСС!», а в домашней, личной обстановке рассказывали анекдоты про нее.

Это противоречие в сознании и поведении стало естественной нормой и для высшего руководства СССР. Помню разговор в 1995 г. с Ежи Вятром, профессором Варшавского университета, бывшем в 1970-х гг. секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии. На мой вопрос: «Как думаешь, Ежи, почему многие секретари, руководители КПСС и Советского государства не просто отказались от прошлого, но даже не выговаривают слово «социализм?», он сначала уклонился от ответа, сказав: «Это Ваше дело: и Вам с ними разбираться». На второй день я вернулся к этой теме (дело было во время научной встречи): «А где сейчас работают бывшие секретари вашей партии и каковы их политические ориентации?» И услышал в ответ, что «они все продолжают работу в рядах социалистических партий (их несколько), и я тружусь тоже на ниве идей социализма, хотя меня ваши идеологи критиковали за их ревизию». Дальнейшие его рассуждения свелись к тому, что польские лидеры остались верны социалистическим идеалам, тогда как многие советские руководители отвернулись от них. И резюме: польские руководители были глубоко убеждены в плодотворности идей социализма (хотя за польскую специфику их жестко критиковали идеологи КПСС), а советские были беспринципными карьеристами, с неумеренной жадностью власти. Справедливо утверждение учителя словесности из Санкт-Петербурга В. Мешкова: «Не народ, а руководители похоронили социализм и КПСС».

И сегодня *мы являемся очевидцами того, что многие руководители, дорвавшиеся до власти, почитают только ее, родимую, не обращающая внимания, какого она цвета.* Ради нее можно сменить взгляды, кочевать из партии в партию, приспособиться к сильнейшему, лишь бы не выпасть из обоймы причастных к власти предрержащим.

15.5. Социальные парадоксы нравственности

Людей в любом обществе всегда волновали проблемы социальной справедливости, социального самочувствия, социального настроения, социального комфорта, степень общности интересов общества, социальных групп и индивида. А это, в свою очередь, находит отражение в нравственном ориентире — в той общественной идее, которая должна ответить на вопрос: способна ли она сплотить людей в годы испытаний, «помочь» превозмочь материальные издержки и заботы, смириться со снижением жизненных стандартов, иметь силы для напряженной необходимой обществу деятельности?

Парадокс именно в том и состоит, что снижение притязаний в повседневной жизни отнюдь не снижает потребности в высоконравственных ориентирах, которые бы вдохновляли человека, делали его жизнь более осмысленной и целеустремленной, мирили бы с текущими издержками, просчетами, недостатками. Ведь именно потерей нравственных ценностей можно объяснить увеличившиеся количество людей, особенно среди молодежи, желающих покинуть Россию, найти приют и утешение в другой стране, на чужбине, полностью отказавшись от того, что делает каждого гражданина патриотом своей страны в самом высоком смысле этого слова.

В этой связи следует упомянуть имевший массовое хождение в начале 1990-х гг. тезис, что «патриотизм — это последнее прибежище негодяев» со ссылкой на высокие авторитеты, не обращая внимания на то, в какой ситуации, в каком контексте были произнесены эти слова. Одновременно было подвергнуто уничижительной критике слово «идеология», одно упоминание которого отождествлялось с чем-то неприемлемым и неприличным в демократическом обществе. Представители этой точки зрения утверждали, что все современные общества неидеологичны, нейтральны к любой позиции, любой точке зрения. Однако вскоре стало очевидно, что без нравственной национальной идеи, без идеологии, которые скрепляли бы общественное сознание, были ее доминантой, не обойтись. Об этом свидетельствуют и данные социологических исследований: людей, обремененных повседневными заботами о хлебе

насушном, глубоко тревожит судьба страны, государства, отсутствие в обществе объединяющих идей, которые сплачивают воедино многообразные интересы всех субъектов современного исторического процесса [12].

Когда под давлением объективных обстоятельств общество, основные политические и социальные силы озаботились и признали правомерность, логичность и необходимость национальной идеи, многие под влиянием «славного» исторического прошлого, вспомнили о графе Уварове, который в середине XIX в. выдвинул знаменитую формулу: «Самодержавие, православие, народность». К сожалению, деятели, которым понравилась эта идея, не знают (или не обращают внимания) то, что она была предложена для решения проблем образования, а не общества в целом. Кроме того, эта идея не предостерегла Россию от революционных потрясений и распада огромного государства, от коренной ломки всего общественного уклада.

Осознав необходимость национальной идеологии в российском обществе, многие политические деятели занялись выработкой идеи «сверху», на основе собственных представлений и размышлений о том, что России нужно, не обращая внимания и не желая считаться с тем, что думает народ, большинство людей, которые и определяют и суть и лицо страны. Именно эти радетели выдвинули всевозможные словесные изобретения — «державность», «духовность», «государственность», не говоря уже о националистических установках, связанных с так называемой русской идеей, с авторитарными ориентациями (вроде «честь и порядок») и т.д.

Ограниченность всех этих поисков национальной идеи заключалась прежде всего в том, что они по своей сути были изобретательством на уровне политических или паранаучных заключений. Они в лучшем случае отражали игру ума отдельных политиков или интеллигентов, показывали направление теоретических или политических изысков и были мало связаны с той реальностью, которая беспокоила большинство населения. Данное мифотворчество не учитывало историческое прошлое, когда были сформированы определенные стереотипы сознания. Поэтому попытки создать что-то совершенно новое без учета интересов и потребностей населения, традиций и национального менталитета были обречены на провал. Кроме того, не нужно заигрывать с прошлым, ни отрицать его огульно, а творчески воспринимать ценности прошлых поколений, видеть в них то, что необходимо сегодняшней и будущей России.

«Изобретение» национальной идеи невозможно без кристаллизации тех мировоззренческих ориентиров, которые «разлиты» в

общественном сознании. «Нельзя сделать людей счастливыми, — говорил в 1976 г. директор одного из авангардных предприятий в г. Пензе еще в советское время, — решая за них и без них, что им надо». Только соучастие, знание того, что их волнует, интересует, к чему люди стремятся и чего хотят, делают идеологические установки реальной социальной силой. Ведь крах советской власти во многом объясняется тем, что она стала во все большей мере ориентироваться на изобретенные кем-то догмы, а не на те ценности, в которых был заинтересован народ. Не стоит наступать на те же грабли или опять воплощать в жизнь лозунг: «Нарисуем — будем жить».

Иначе говоря, **национальная идея, идеология — это концентрация, кристаллизация доминирующих социальных ориентаций и ценностей**. В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее.

Первое: углубленный анализ индивидуальных социальных оценок и ожиданий показывают, что практически нет одномерных людей, которые бы единодушно исповедовали ценности то ли социалистического, то ли либерального, то ли патриотического или религиозного сознания.

Оказалось, что в условиях ломки общественных ценностей один и тот же человек по одним вопросам придерживается, например, неолиберальных социальных оценок, по другим — националистических, по третьим — скажем, социалистических. Социологические же данные ограничены — они нередко представляют информацию о социальной ориентации или предпочтительных ценностях по одной группе проблем, не упоминая других, или в лучшем случае показывают доминантные установки, игнорируя все остальные.

Этот подход, рассматривающий человека как *однопорядковую идеологизированную личность*, бесплоден, поскольку социальные ценности людей обычно не ограничиваются ориентацией на одну цель, а направлены на реализацию нескольких целей, ожиданий, предпочтений, образующих некое целостное мировоззрение.

Не способствуют постижению истины и продолжающиеся попытки классифицировать людей по признаку либеральной (капиталистической) или социалистической ориентации. В такое противопоставление свою лепту внесли и те, кто пытается по выработанному ими инструментарию определить, сколько процентов людей ориентируется на привычные до недавнего времени ценности, а кто отвергает их. Однако очевидно, что в это прокрустово ложе нельзя вместить все многообразие общественных ориентаций, социальных настроений и оценок. Постепенно наряду этими двумя господствующими ориентациями стали говорить о национал-патриотических настроениях, о религиозных ценностях, о монархических и т.п. идеях,

которые, как показали социологические исследования, в большинстве случаев существуют не сами по себе, а в комбинации с другими оценками и ценностями.

Второе: большинство людей в определении своих социальных ценностей, ориентаций обычно соотносят их с той социальной средой, которая окружает и предопределяет их реальную жизнь.

Большинству людей далеко не безразлично, в какой стране они живут. Сознание, что Россия должна быть великой державой, с которой считаются, которую уважают (пусть и не боятся, как СССР) и которая может постоять за своих граждан, питает повседневную убежденность многих россиян и может помочь им обрести социальную и нравственную устойчивость, испытывать гордость за свою страну. Это тем более важно, что данная установка присутствовала в сознании многих поколений российских (советских) людей и не могла исчезнуть бесследно, особенно если учесть, что нарушение данной стержневой установки оборачивается (а для некоторых обернулось) трагедией. Многие люди весьма болезненно переживают утрату Россией той роли, которая была присуща СССР. Не в этом ли один из корней ностальгии по прошлому? Ведь социологические данные постоянно фиксируют черты гражданственности сознания и поведения, которые, несмотря на некоторые колебания в зависимости от тех или иных политических событий, продолжают занимать одно из ведущих мест в социальных ориентациях и ожиданиях людей даже при серьезной критической оценке того, что происходит в России (табл. 15.3).

Т а б л и ц а 15.3

Ответ на вопрос: «Гордитесь ли Вы ...?»
(в % к числу опрошенных; март 2006 г.; $N = 1600$)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Гордитесь ли Вы тем, что живете в России?</i>	<i>Гордитесь ли Вы нынешней Россией?</i>
Определенно, да	48	19
Скорее, да	35	29
Скорее, нет	9	32
Определенно нет	4	16
Затрудняюсь ответить	4	5

И с т о ч н и к: *Общественное мнение-2006*. М.: Левада-центр, 2006. С. 22—23.

Не менее стабильна и значима для россиян, как показывают социологические исследования, такая нравственная ценность, как справедливость. Не равенство, не уравниловка, не всеобщее благо

для всех без исключения, а именно справедливость. И хотя ее понимают по-разному, тем не менее для большинства россиян она является важной характеристикой сознания и поведения. В соответствии с этой ориентацией, этим своеобразным мерилom они оценивают, насколько, по их мнению, справедливо относятся к ним в производственной организации, где они работают, насколько комфортно они устроены по месту жительства и что делают местные власти для благоустройства, как способствуют официальные и прежде всего государственные органы тому, чтобы в обществе все делалось «по справедливости».

Эта ценность — социальная справедливость, как никакая другая, имеет отзвук в душах миллионов людей. Именно поэтому необходимо, чтобы одной из составляющих национальной идеи (а возможно, главной) было ее достижение и стремление к ее поддержке и совершенствованию [19].

И наконец, надо сказать о таких ценностях, которые касаются лично каждого человека.

Социалистическая идеология провозглашала права личности, но мало что делала для того, чтобы их реализовать, сосредотачивая внимание в основном на глобальных целях построения социалистического общества, коммунизма, где всем будет по потребностям. Люди долгое время верили этому, но потом устали ждать и надеяться. Ушло время, когда в общественном сознании преобладали интересы страны, государства. По данным социологических исследований, уже в 1970 г. в общественном сознании были зафиксированы сдвиги, которые выразились в том, что люди не хотели откладывать «на потом» устройство личной жизни, что их не удовлетворяли рассказы о достижениях всей страны или той или иной отрасли народного хозяйства — им хотелось личных успехов. Они хотели бы иметь постоянные доказательства изменений в позитивном направлении, а не выслушивать бесконечные оправдания о непрекращающихся временных трудностях.

Поэтому вполне естественно, что многие люди во все большей мере стали ориентироваться на достижение личных целей. У молодежи это все больше связывается с жизненным успехом, богатством, устроенностью личной жизни. У людей среднего возраста — с профессиональной определенностью, с семейным достатком, устойчивостью настоящего и будущего, особенно детей. У старшего поколения — с обеспеченной старостью, с уважением окружающих, признанием их прошлого опыта. Иными словами, если подытожить анализ этих ценностных ориентаций, то мы вправе говорить о стремлении людей добиться личного благополучия в самом широком смысле этого слова. И достижение этого благополучия должно стать частью нацио-

нальной идеи, идеологии, нравственности, реализации которых государству следует способствовать всеми возможными средствами, согласно различные интересы, никому не позволяя строить личное благополучие за счет ущемления благополучия других.

Следовательно, ориентация на преобладающие социальные ценности, социальные ожидания и предпочтения на всех уровнях — макро-, мезо- и микросреды — может в реальной жизни выполнить роль объединительной идеи, что позволит без излишней политизации сконцентрировать усилия людей, общества и государства на их достижении. Очень важно, чтобы эта идея, будучи своеобразным нравственным ориентиром, не была бы перенасыщена идеологическими установками каких бы то ни было политических сил. Нужны такие цели, которые учитывают интересы человека ***как гражданина*** (интересы всей страны), ***как жителя*** (интересы территориальной общности, где он живет) и ***как конкретной личности*** (интересы той локальной ячейки общества, в которой он работает и общается с коллегами), ***являются кристаллизацией доминирующих предпочтений,*** против которых трудно выступать даже тем, кто по каким-либо причинам их не разделяет. Более того, ***соединение личного, группового и общественного интересов обладает кумулятивным эффектом:*** их органическое соединение усиливает роль и значение каждого из элементов этой объединительной идеи. Иначе говоря, будучи концентрированной аккумуляцией социальных оценок и ориентаций, национальная идея в реальности выражает гуманистические, нравственные начала общественной позиции каждого человека как Личности, Гражданина, Россиянина.

15.6. Нравственные парадоксы духовности

Экономические, социальные и политические коллизии сопровождаются распространением и внедрением в сознание людей примитивных духовных ценностей. Гигантское нашествие масс- и поп-культуры находит отражение в том, что буйным бурьяном цветут низкопробные издания, журналы, газеты. Идет потрафление убогим вкусам и устремлениям. Все сказанное можно было бы оправдать примитивизацией круга потребностей обнищавших групп населения, если бы это не сопровождалось пропагандой насилия, человеческих пороков и даже их поощрением, с одной стороны, и падением престижа производственной, научной и культурной деятельности — с другой, что находит свое выражение не только в кризисе экономики, но и в упадке нравов.

В результате нравственная культура российского общества находится на перепутье. Под флагом критики всего советского, социа-

листического подвергаются пересмотру все без исключения моральные ценности, в то числе и те, что выработывались в течение столетий, которые, собственно, и гарантируют устойчивость народа в его развитии. Именно под этим флагом подвергнут уничтожающей критике «Моральный кодекс строителя коммунизма», хотя в нем так или иначе повторяются нравственные правила «Нагорной проповеди» и другие не менее важные нормы, регулирующие взаимоотношения в обществе не в одном поколении. На самом деле проблема состоит не столько в признании провозглашенных норм, сколько в том, чтобы они соблюдались, гарантировались и поддерживались государством.

В целом *общественное сознание достаточно критически и нелюбительно оценивает состояние нравственной культуры*. Нравственные ценности сдали свои позиции под влиянием экономических факторов, которые, с одной стороны, связаны с оголтелым, беспардонным и беспредельным расхищением государственной собственности, когда господствует наглый расчет, не считающийся ни с какими «предрассудками» и предполагающий использование всех средств наживы — от обмана до убийства. С другой стороны, перед большинством людей встал вопрос, как выжить, что повлекло за собой снижение нравственных притязаний. В результате в общественном сознании возник парадоксальный образ постсоветской России, состоящий из «поля чудес» и «поля слез» и отражающий гипертрофированные формы социального неравенства [7].

В основе всякой духовности всегда лежат ценности, которые явно или опосредованно вдохновляют людей как в общественной, так и в личной жизни.

Парадокс состоит в том, что эти ценности подвергаются эрозии, рождая деформированное, неполное и одностороннее восприятие существующих духовных противоречий. Изъяны и пороки нравственного характера не встречают всеобщего осуждения. Более того, в российском обществе созданы реальные предпосылки для игнорирования требований морали.

Прежде всего, это проявляется в том, что *образование и воспитание во все большей мере дистанцируются друг от друга*. С одной стороны, появилось поколение людей (по крайней мере, число их значительно), которых, по меткому выражению, стали называть «образованцами». Наличие образования, в том числе и высшего, еще ничего не говорит о нравственности человека и его мировоззрении. Более того, обладание даже высшим образованием не гарантирует от примитивизма, от интеллектуальной ограниченности, профессионального и культурного кретинизма. С другой стороны,

рост числа образованных не сопровождается повышением нравственности людей, их готовности соответствовать новым требованиям морали. Увеличение массы высокообразованных людей не ведет к возрастанию и углублению духовного богатства общества — это замещается некоей широтой охвата приобщенных к образованию, что не означает расширения и укрепления нравственности.

Противоречие между нравственностью и реальностями культурной жизни находит отражение еще в одном *парадоксе* — *в развитии полярности в культуре: с одной стороны, расцвет и оглушительное шествие по миру масс-культуры*, которая никогда не была и не будет синонимом культуры (несмотря на попытки доказать их близость и даже тождество), а с другой стороны, *увеличение объема претензий на элитарную культуру, приобретающую все более снобистский, претенциозный характер*. Значение этого парадокса увеличивается и тем, что этот разрыв между этими двумя культурами — масс-культурой и культурой — все больше приобретает характер глубоких социальных различий, ибо идентифицируется с образом, стилем и характером жизни различных социальных групп, слоев, классов.

В результате социологи наблюдают все возрастающее не просто непонимание, но и отвержение этих культур друг другом по разным мировоззренческим основаниям: с одной стороны, как примитивной, убогой, безвкусной; с другой — как никчемной, выпендренной, желающей выделиться за счет отсутствия нормальных предпочтений и вкусов. Но и в том и в другом случае за этими проявлениями скрывается духовная, нравственная нищета, убогость вкусов и предпочтений, когда на первое место выходит форма, но не содержание культуры.

К этому парадоксу тесно примыкает показуха, стремление любой ценой выделиться из окружающих людей. В принципе желание показать свои знания, продемонстрировать владение той или иной информацией, сосредоточить свои пристрастия и склонности в определенной сфере культуры — это нормальное явление в духовной жизни людей. Но когда естественные тенденции в сознании и поведении людей приобретают гипертрофированные формы, с претензией на исключительность, эсклюзивность, с желанием выделиться себя любыми способами из окружающего мира — это сразу говорит не только о низком уровне духовности, но и об ущемленном самолюбии, о претенциозном мышлении, о нравственных изъянах в самооценке собственного «Я».

В свою очередь, такое сознание и поведение проявляется:

- в обструкции всех духовно-нравственных ценностей, что находит отражение в таком явлении, как «пафос», характеризующем лично непризнаваемую ущемленность своего социального и духовного положения [14];

- в провозглашении всех и всяких искусственных «открытий», «изобретений», «творческих» претензий, имеющих обычно целью отвергнуть прошлый духовный опыт и за этот счет возвыситься над окружающим данного индивида сообществом.

В переходный период родилось огромное количество претензий на новаторство и новизну в сфере культуры, многие из которых, как мотыльки у костра, сгорели быстро и безвозвратно.

Недалеко от показухи ушел еще один духовно-нравственный парадокс: примитивизация культуры. Этот процесс нередко апеллирует к истокам прошлого, к этнографическим характеристикам народа, к обычаям, традициям и другим формам культурного наследия. Но это вполне оправданное желание обогатить себя духовными достижениями предшествующих поколений человечества нередко ограничивается только стремлением сохранить прошлое, которое нередко представляет собой «мертвое», а не «живое» знание. В этих условиях трудно отличить то, что достойно жить и продолжать свое существование, от того, что уже закончило свой естественный путь развития, приводит к такому расцвету примитивизма, который не только не украшает, но и порочит сами понятия духовности, культуры. И угроза искаженной формы сохранения культурного наследия состоит не в самом факте оживления, искусственного поддержания таких претензий, сколько в наступательности, воинственности носителей субъектов такого сознания и поведения, чьи усилия нередко приобретают характер нахрапистости, безапелляционности суждений и действий, граничащих с наглостью и нахальством. Оголтелость данных носителей культуры еще больше обостряется тогда, когда под этим скрывается интерес к наживе, прибыли, когда эстетические и нравственные ценности отступают под нажимом коммерческой выгоды.

При анализе нравственных парадоксов духовности стоит остановиться также и на следующих моментах.

Во-первых, особое значение приобретают нравственные издержки во взаимодействии отечественной и мировой культур. К сожалению, нередко ведущим мотивом в таком взаимодействии становится «примыкательство» (Р.В. Рывкина), когда все американское, французское, немецкое и т.д. объявляется лучшим, передовым, значительным, а все русское (российское) — худшим, устаревшим, примитивным и даже убогим. Потуги принизить свою культуру, науку, образование в сравнении с достижениями западных стран получили достаточно широкое распространение, когда в работах молодых исследователей используется терминология, представляющая кальку иностранных слов, несмотря на имеющиеся русские аналоги. Это проявляется и в стремлении назвать магазины, учреж-

дения, музыкальные коллективы, группы по интересам обязательно по иностранному образцу. Такое «пресмыкательство» уживается с неоправданными претензиями на самостоятельность, самодостаточность, уникальность. Но они недостижимы и даже эфемерны, так как разорвана пуповина, связывающая человека с родной культурой. История не знает примеров тому, чтобы человек, утративший связи с культурой своего народа, своей страны, внес значительный вклад в мировую культуру.

Во-вторых, весьма парадоксальным в нравственном отношении является абсолютизация достижений национальной культуры. Это означает противопоставление ее культуре, причем обычно не западной и не американской, а других «незначительных» народов, и безмерную апологетизацию всего, без исключения, «родного», «своего», «доморощенного». Мы являемся свидетелями не просто глупостей («грузины — прародители всех европейцев», «украинцы — прародители всех современных народов» и т.д.), что отнюдь не украшает, а порочит культуру данного народа, но и более «культурно» оформленных притязаний (кто древнее — армяне или азербайджанцы, таджики или узбеки; было ли государство у казахов тысячу лет назад и т.п.), что в конечном счете не проясняет, а лишь запутывает истину, искажает историю, фильтрует факты и превращает высочайшее достижение человечества — знание, культуру, информацию — не во благо, а в средство противостояния и недоверия между народами.

И наконец, стоит сказать о таком явлении, как акультура (лжекультура, эрзакультура). Акультура тем опасна, что в духовную жизнь общества вбрасывается то, что всегда ограничивалось нравственностью: матерные слова, пороки человеческого поведения, спекуляции на сексе, демонстрация извращений, демонизация образа жизни и поведения. Носители этой культуры в своих претензиях прикрываются желанием избавиться от «неоправданно» запретных тем, показать «всю» полноту человеческой жизни. На самом деле это становится лишь способом получения чистогана, о котором радители этих идей предпочитают не говорить.

Таким образом, парадоксы нравственности в сфере духовности имеют своей исходной точкой противоречия между естественными потребностями духовного обогащения людей и способами их удовлетворения. А так как последние находятся в руках различных субъектов культурной жизни, они используют самые разные способы, формы и методы воздействия — от логически оправданных до эрзац-образцов, чтобы прикрыть эгоистические, низменные цели и устремления. *Беда общества в том, что в условиях переходного периода масса деформированных, ущербных методов возрастет, что не может не отразиться в парадоксальности нравственного сознания и поведения людей.*

* * *

При оценке состояния, тенденций и будущего морали иногда приводится *парадоксальный вывод американского философа А. Уайтхеда*: «Если бы общество в его нынешнем состоянии буквально бы последовало бы моральным заветам Евангелий, это бы привело бы к его немедленной гибели» [15]. На наш взгляд, прав А.А. Гусейнов, соглашаясь с выводом (что такую оценку можно дать предписаниям Типитаки и Корана), считая, что автор не совсем точен в интерпретации нравственных постулатов великих религий [16]. Да, эти заветы — это цель, идеал, к которым надо стремиться. Другое дело — реальность, которая не совпадала и никогда полностью не совпадет с этими заветами. Но это отнюдь не означает, что их нужно (и можно) игнорировать, не соблюдать, скорее, следует направлять усилия хотя бы на уменьшение разрыва между должным и сущим. Не можем же мы в самом деле дожидаться, пока «новые русские», вдоволь насытившись несметными богатствами, уворованными у общества, снизойдут до того, чтобы «делиться» с обществом, участвовать в удовлетворении социальных нужд, содействовать развитию науки и культуры. Не обольщаясь возможными сдвигами в их нравственном сознании (хотя некоторые восторженные отклики на отдельные акции олигархов уже появились), общество призвано способствовать, опираясь на экономические и социальные рычаги, укреплению общественной морали.

Поэтому в полной мере справедливо другое утверждение, что нравственные оценки личности и нравственные оценки социальных систем различны, разнообразны, могут не совпадать и, более того, порождать противоречия, конфликты, парадоксы. Причем эти оценки могут серьезно дифференцироваться в зависимости от того, какими критериями руководствуются в экономике, политике, науке [17]. *Но по мере развития общества усложняются, обогащаются, модернизируются не только нравственное сознание и поведение, но и нравственные парадоксы.* Среди них можно отметить такой все возрастающий по своему значению парадокс, который связан с происходящей глобализацией. С одной стороны, происходит процесс универсализации некоторых принципов организации общественной жизни, с другой — растет сопротивление этому процессу как угрозе «макдональдизации» и соответственно утрате национально-культурной самобытности, ибо «культура, душевно-духовный строй народов не могут быть стандартизированы на манер того, как стандартизирована техносфера» [18].

Примечания

1. См.: Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998. С. 37
2. Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995. С. 18
3. Гусейнов А.А. Этика. М., 2005. С. 67
4. Овидий. Метаморфозы. М., 1977. С. 170. Цит. по: Гусейнов А.А. Великие моралисты. С. 17
5. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. С. 40
6. Подробнее см.: *Моральный выбор*. Ведомости. Вып. 20 /Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2002; *Динамика ценностей населения реформируемой России*. М., 1996.
7. Гусейнов А.А. Великие моралисты. С. 268
8. См.: *Александрова Т.Л.* Альтернативы экономического поведения. Человек в переходной экономике. Екатеринбург. 2000; *Тимофеев Л.* Теневая экономика. М., 2000.
9. *Иванов В.В., Комлев Ю.Ю., Толчинский Л.Г.* «Челночный» бизнес в Казани // Социол. исслед. 1998. № 11. С. 44.
10. Подробнее см.: *Лиходей О.А.* Профессиональное нищенство и бродяжничество как социальный феномен российского общества. СПб., 2004; *Осинский И.И., Хабаева И.М., Балдаева И.Б.* Бездомные: социальный статус, образ жизни. Улан-Удэ, 2003.
11. См.: *Панарин А.С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 280—281
12. Подробнее см.: *Попова И.М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. Киев, 2000.
13. См.: *Россия в поисках стратегии: общество и власть*. М., 2000. С. 35.
14. О феномене пафоса см.: *Кармадонов О.А.* Престижи пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы // Социол. исслед. 2001. № 1.
15. *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии. М., 1990, С. 405
16. См.: Гусейнов А.А. Великие моралисты. С. 263
17. Подробнее см.: *Философия ненасилия Л.Н. Толстого: точка зрения*: Монография. Екатеринбург, 2002.
18. Гусейнов А.А. О возможности глобального этоса //Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты /Ответ. ред. В.С. Степин, А.А. Гусейнов. М., 2005. С. 171.
19. Обстоятельный анализ различных восприятий и нарушений социальной справедливости дан в коллективном труде см.: *Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России* /Ред.-сост. Р.В. Рывкина. М., 2003.

Глава 16

Парадоксы религиозного сознания

Чем совершеннее бог, тем не совершеннее
человек.

Э. Фромм (1900—1980),
немецко-американский психолог
и социолог

В раю лучше климат, но в аду интересней
компания.

Войцех Ярузельский,
маршал Войска Польского,
президент Польши в 1989—1990 гг.

Так как в данной главе предполагается анализ противоречий и парадоксов современного религиозного сознания, хотелось бы вкратце напомнить основные вехи его возникновения, развития и функционирования.

Появившись на заре истории человечества, религиозное сознание было идентично общественному. Люди, находясь под воздействием неведомых им явлений природы, не зная и не умея объяснить происходящее вокруг них, предвидеть будущее, обратились к поиску тех сил, которые могли бы их опекать, защитить, дать надежду и поддержать в их противостоянии с окружающим миром. «Страх создал богов», — говорили древние. И их утверждение недалеко от истины, ибо неизвестность, непредсказуемость событий личной жизни и жизни сообщества всегда пугали человека, толкали его на поиск возможностей обеспечения сбалансированности, взвешенности и разумности своего существования. Религия в любом ее обличье в течение многих тысячелетий составляла стержень нравственно-психологического опыта миллионов людей; она предопределяла их восприятие мира и служила ориентиром в повседневном поведении.

Постепенно всеохватывающее, всепроникающее влияние религиозного сознания стало ослабевать. Однако освобождение общественного сознания от воздействия религии шло чрезвычайно медленно, противоречиво, непоследовательно. Ведь даже наука, вплоть до Нового времени, рассматривалась с позиций признания примата религии. «Наука, — утверждал Р. Бэкон, — не имеющая связи с

христианским вероучением, ведет к адскому мраку». Более того, он утверждал, что философия должна «давать доказательство истины христианского вероучения» [1].

Довление религии, как справедливо утверждает В.И. Гараджа, — сказывалось буквально во всем: вплоть до эпохи Возрождения, человек, чтобы «быть образованным, должен быть религиозным» [2]. Что касается повседневной жизни, то это влияние оставалось неоспоримым вплоть до XIX—XX вв.

Вместе с тем первые сомнения в достоверности религиозного учения (в данном случае христианства) заложили антицерковные движения (ереси, секты) и концепции, отвергающие церковную ортодоксию (деизм, пантеизм, агностицизм, скептицизм), которые подготовили появление атеистических учений. Но особенно значительным для реформации религиозного сознания стало появление и распространение протестантизма (XVII в.), который покончил с двусмысленностью «естественной теологии» Фомы Аквинского, проводя жесткую разграничительную линию между религией и другими формами культуры — моралью, философией, политикой и прежде всего наукой [3]. Величайшее значение протестантизма проявилось в том, что он в отличие от других попыток реформировать христианство превратился в достояние сотен миллионов людей, став практически руководством для морали грядущей буржуазной эпохи и сыграв огромную роль в становлении капиталистического общества.

Одновременно в этот период постепенно крепнут сомнения в примате религии над наукой, в эффективности их взаимодействия для познания вселенной. «Неверно рассуждает математик, — писал М.В. Ломоносов, размышляя о невозможности познания многообразия мира только одними средствами, — если циркулем хочет измерить Божью Волю, но не прав и богослов, если думает, что на псалтыре можно выучиться астрологии или химии». Аналогичные попытки различить науку и религию, научное и религиозное мировоззрение предпринимались многими учеными, среди которых значителен вклад французских просветителей XVIII в. Это освобождение от подавляющего влияния религии, торжество критериев и норм научного знания нашло отражение в гордом ответе П. Лапласа на вопрос Наполеона, почему он в своей системе знаний не предусмотрел места Богу: «Я не нуждался в этой гипотезе».

В XIX—XX вв. оценка веры и ее роли в жизни людей серьезно изменилась. Критика религии, наиболее образно и последовательно прозвучавшая в трудах французских просветителей, продолжалась, расширялась, была доведена до активных действий, противостояния со многими проявлениями религиозного сознания. Именно в этот

период четко обозначился процесс секуляризации общества, что нашло отражение «в расцвете разрушительного для теологии позитивизма Конта, Милля, Спенсера, агностицизма Т. Гексли, монизма Геккеля, различных форм вульгарного материализма, бескомпромиссного безбожия Маркса, «натурализма» Дьюи и других критиков религии... завершившегося мрачной констатацией Ф. Ницше «Бог умер!» [4].

Одновременно в эти века появились собственно атеистические теории, целенаправленно критикующие догматы и каноны церкви. Кризису религиозного сознания во многом способствовали многие сектантские и еретические течения внутри всех без исключения религий. Но все эти возражения, прямая или косвенная критика теологического мировоззрения так или иначе восходили к провозглашению, а затем реализации *принципа свободы совести*, который возникает в условиях деспотизма всех церквей, огнем и мечом защищавших и навязывающих свое миропонимание. Суть свободы совести имеет глубокий социально-исторический смысл, ибо он не сводился к возможности критически мыслящим индивидам исповедовать «иную религию», а к борьбе за демократизацию общества, за освобождение от религиозных регламентаций, охватывающих не только образ мысли, способ мироощущения, но и все виды деятельности человека — духовную, экономическую, политическую, социальную [5]. Более того, это была борьба не только против освященного религией абсолютизма монархии, но и против возможных проявлений диктаторских, тоталитарных режимов, всегда направленных на жесткую регламентацию общественной и личной жизни. Провозглашение свободы совести означало протест против приниженности роли и значения человека, против утверждения «человек — червяк и раб перед Богом». Эта критика по-своему выражала новую доминанту времени: каждый человек — активный участник и творец исторического процесса.

Осмысление процесса взаимоотношений человека с Богом продолжалось и в XX в., значительно умножив и расширив попытки решить существующие противоречия между наукой и теологией. Особенно значительным событием стало возникновение в 20-е гг. XX в. «диалектической теологии» (К. Барт, Р. Бультман, Р. Нибур, П. Тиллих и др.).

В этот период произошли значительные изменения и в массовом религиозном сознании. Если их характеризовать вкратце, то следует отметить, что оно, во-первых, постепенно сужало область своего влияния; во-вторых, дифференцировалось, атомизировалось, вплоть до порождения противостоящих друг другу течений внутри одной конфес-

сии; в-третьих, модернизировалось, ибо в старых формах оно не могло ни выстоять, ни сохраниться; в-четвертых, оно в известной степени секуляризировалось, насыщаясь элементами гражданского сознания.

Эти процессы в разных странах и разных обществах происходили своими, порой неизведанными и неведомыми путями. Не являлось исключением и функционирование религиозного сознания, в истории которого взаимоотношения религии и государства в Советском Союзе приобрели драматический характер. Весьма своеобразно, а порой парадоксально стали развиваться взаимоотношения светской и духовной власти в постсоветской России.

16.1. Религиозность в современном российском обществе

В советский период религия была вытеснена на периферию общественной жизни, ее институтам было запрещено вести самостоятельную социальную (даже благотворительную) деятельность. Это отвержение церкви, духовенства вылилось в массовые репрессии, трагические судьбы деятелей религиозных культов, всевозможные запреты и ограничения. Воинствующее безбожие навязывалось как обязательная установка во всех областях духовного производства — в образовании, литературе, искусстве. Все это (вкуче с другими политическими и идеологическими акциями) привело в конечном счете к далеко идущим негативным последствиям в виде деградации нравственности, забвения многих традиций духовности, перерыва постепенности, роста нетерпимости и беззакония.

Взаимоотношения религии и общества (государства) начали изменяться со второй половины 1980-х гг. еще во время перестройки и интенсивно продолжались в 1990-х гг., породив так называемый «религиозный Ренессанс». Его наиболее очевидным результатом стал значительный рост численности религиозных общин. Если в 1992 г. в России их было 4846, то в 2005 г. — 22,1 тыс. Наряду с православием (с 2880 до 11 837) особенно значителен был рост исламских организаций (с 1216 до 3634), иудаистских (с 197 до 275), а также различных новых религиозных сектантских и неоязыческих образований. По ориентировочным данным, 50—55 млн россиян относят себя к православию, 15—18 млн — к различным формам католицизма и протестантизма, 10—12 млн — к исламу. Вместе с тем данные социологических исследований во второй половине 1990-х гг. показывают, что пик роста численности верующих (вернее, заявлявших о своей вере) пришелся на первую половину 1990-х гг., затем она стабилизировалась, а в последние годы даже начала снижаться.

Сейчас идут дискуссии о том, стало ли российское общество, население нашей страны более религиозным в результате происходящих перемен или в нем по-прежнему сильны светские убеждения, граничащие с безверием и атеизмом? На этот вопрос статистическая информация, характеризующая количество верующих, число приходов и их материальную базу, ответить не может. Но в то же время попытки, например, подсчитать количество мусульман путем складывания всех представителей исламских народов (татар, башкир, черкесов и др.), не выдерживает критики, также как и желание православия записать в число верующих всех посетивших кладбища, церкви и монастыри в религиозные праздники. Об этом можно судить только на основании обстоятельного и глубоко научного, в том числе и социологического, анализа состояния реального религиозного сознания. А это анализ показывает, что люди стали более раскованными в высказывании своих мировоззренческих позиций, многие из них изменили свое отношение к религии [6].

В настоящее время мы являемся очевидцами массового участия людей на религиозных праздниках, в ритуальных шествиях, массового присутствия при освящении всех и всяческих событий. О том, что люди считают себя причастными к религии (христианству, исламу, буддизму, а также и другим конфессиональным течениям), говорят и данные социологических исследований: 50—55% из них дают утвердительный ответ о своей причастности к вере (здесь не рассматривается вопрос о степени и глубине веры). Об этом же свидетельствует увеличение количества крещений (помазаний), венчаний, отпеваний усопших. Все мы имели возможность наблюдать, как постепенно устанавливалось соответствие между тем, что таилось в глубинах личной жизни, индивидуальных предпочтений и ориентаций, и в реальных их проявлениях в виде открытого участия в соблюдении религиозных обрядов или просто в факте самого интереса к религии. Этому способствовало снятие всех преград на пути реализации права свободы совести. Огромное количество людей пожелало приобщиться к различным религиозным сообществам. Государство вернуло им многие культовые сооружения, возвратило часть ранее конфискованного имущества. Возродились монастыри. Стала широко распространяться религиозная литература и периодические издания многих конфессий.

Но именно эта открытость породила и новые противоречия и новые парадоксы религиозного сознания, которые вполне правомерно ставят еще один вопрос: что происходит в стране — клерикализация или атеизация общества?

Сторонники взгляда, что происходит клерикализация страны, утверждают, как Г. Вдовин, следующее:

1) собственность передается прежним владельцам; более того, церковь претендует и на то, что ей никогда не принадлежало даже в царское время и находилось в ведении Министерства двора;

2) в огромных масштабах осуществляется клерикализация детства посредством организации воскресных школ, шефства над детскими учреждениями;

3) идет процесс клерикализации власти, что проявляется не в том, что мы лицемерим руководителей всех ступеней управления на различных религиозных церемониях, а в том, что любой спорный вопрос заведомо решается в пользу той или иной религии.

При этом принимающие решения руководствуются не законом, а желанием создать режим максимального благоприятствования религиозным культам во всем, везде, всегда. И наконец, вызывает тревогу негласное введение новой цензуры, которая не допускает никаких высказываний против клерикализма [7].

Но что на самом деле происходит в российском обществе, в религиозном сознании его граждан? На этот вопрос пытаются найти ответ и светская и духовная власть. Что касается светской, то с ее стороны (в том числе и со стороны ее официальных представителей) проявляется максимум доброжелательности (нередко формальной), готовности пойти навстречу, сделать все возможное для церкви, чтобы помочь ей самовыразиться, найти достойное место в строительстве гражданского общества в России. При этом нынешнюю светскую власть можно с полным основанием упрекнуть в заигрывании с религией, а также в весьма уязвимой позиции сделать ставку на православие в ущерб другим конфессиям. Чего только стоит намерение Министерства образования, поддержанного президентами Российской академии наук и Российской академии образования при поддержке ректора МГУ ввести теологию в курс обязательных учебных дисциплин во всех вузах страны! К этому стоит добавить и активное лоббирование о преподавании в школах «Основ православной культуры», что также находит официальную поддержку (с 2006 г. этот предмет в 4 регионах стал обязательным, а в 11 — рекомендательным).

Что касается духовной власти, то в рассматриваемом плане представляет интерес документ, утвержденный в 2000 г. юбилейным Архиерейским собором Русской Православной Церкви и получивший название «Основы социальной концепции». В этом документе предпринята хотя и запоздалая (католическая церковь такую доктрину приняла на целый век ранее — в 1887 г.), но важная попытка согласовать позиции церкви и государства на основе всестороннего

учета реальных процессов, происходящих в российском обществе. Вместе с тем в разделе «Церковь и государство» твердо устанавливается, что государственная власть вторична по отношению к духовной. Власть от бога признается приоритетной, а соответственно духовная власть заявляет о претензии на свое возвышение над властью светской. В нем содержатся идеи, которые провозглашают незыблемость и независимость канонов церкви от возможных посягательств со стороны государства. «Церковь основана непосредственно Самим Богом — Господом нашим Иисусом Христом, — говорится в этом разделе, — богоустановленность же государственной власти являет себя в историческом процессе опосредованно». При всей важности этого документа он не адекватен реальной жизни. Заявленное стремление к гармонизации отношений государства, общества и церкви не избавляет как саму религиозную жизнь, так и религиозное сознание и поведение от парадоксов.

16.2. Новое обличье старых парадоксов

Изменившаяся ситуация в общественной жизни России привела к тому, что в общественном сознании произошло столкновение различных, порой взаимоисключающих социальных позиций, ценностных ориентаций, нормативных требований и установок. Это не могло не сказаться и на религиозном сознании. Однако процессы, происходящие в данной сфере сознания, обладают значительным своеобразием и могут быть осмыслены по разным основаниям.

На наш взгляд, интерес представляет прежде всего такие его противоречия и парадоксы, которые приобрели новую форму при сохранении старого содержания.

Парадокс первый: несмотря ни на какие заявления о религиозном Ренессансе уровень религиозности изменился мало, знаменуя причастность к религии значительной части населения только на вербальном уровне.

Для доказательств этого утверждения сопоставим данные 1960—1970 гг. и 1990—2000 гг. Так, в начале 1970-х гг. в республиках Поволжья, Северного Кавказа и Средней Азии уровень религиозности (количество верующих и колеблющихся) составлял от 40 до 60% (в некоторых мусульманских районах — до 80%) [8]. Практически те же данные приводит и Е. Кублицкая, исследовавшая уровень религиозности в 1988 г. в Таджикской ССР, Львовской области УССР, Северо-Осетинской АССР и Кемеровской области РСФСР. Ее исследования показали, что этот уровень составил 23% в Кемеровской области, поднимаясь до 70% в Львовской области. Иначе

говоря, практически половина населения признавали свою причастность к религии, что опровергало миф об СССР как обществе «массового атеизма» [9]. Но эта информация была закрыта и существовала только «для служебного пользования». Официальные ревнители социалистической идеологии не могли даже допустить мысли, что об обществе массового атеизма можно говорить условно, с большой натяжкой. В то же время внимательный анализ данных 1990 г. свидетельствует, что уровень религиозности остался практически на том же уровне — только около половины признают себя в той или иной степени верующими (табл. 16.1).

Т а б л и ц а 16.1

**Характер религиозности (самоидентификация)
(в % к числу опрошенных)**

<i>Признали себя</i>	1989	1990	1991	1995	2000	2006
Неверующими	53	45	40	32	27	24
Православными	20	25	34	48	49	56
Мусульманами				5	9	7
Верующими других конфессий	9	13	10	—	—	—
Верящих в сверхъестественные силы	—	—	—	14	13	11
Затруднились с ответом	18	17	16	—	—	—

И с т о ч н и к: *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1999, № 1. С. 36.(данные за 1989—1991 гг.). С 1995 по 2006 г. использованы данные Отдела ИСПИ РАН.

Еще более сложную и неоднозначную картину религиозности дают социологические исследования отдельных социальных групп и слоев населения.

Что касается интеллигенции, то почти каждый второй инженерно-технический работник, представитель сфер образования и культуры считает себя причастным к религии. 36% молодежи (в возрасте до 25 лет) полагают, что вера для них важна (при 24% у 35-летних).

Своеобразны индикаторы религиозности среди студенчества. Согласно данным общероссийского исследования, проведенного в 1994 г. (в период взлета интереса к религии) Социоцентром Госкомвуза России, 30% студентов верит в Бога, 20% — в сверхъестественные силы, причем у 32% студентов религиозные движения некоторых толков вызывают симпатию [10]. Опрос студентов Российского государственного гуманитарного университета в 1999 г. показал, что 52,4% пятикурсников и 70% первокурсников считают себя верующими, из них соответственно 17,5 и 33% — частично верую-

щими. Интересно отметить, что такой же вопрос, адресованный преподавателям этого университета, принес аналогичные результаты: примерно такое же количество верующих и частично верующих (60%) и такое же количество неверующих и не определивших свое отношение к религии — 30% среди первокурсников и 40% среди выпускников и преподавателей [11]. Иначе говоря, при всей моде и религиозном поветрии зона неверия и неопределенности остается значительной, во многом не уступающей предшествующим советским временам. Это лишний раз свидетельствует о консервативности, устойчивости и инерционности общественного сознания, которое перестраивается очень медленно. И на наш взгляд, не надо ни сдерживать, ни ускорять объективный процесс как его сакрализации, так и секуляризации или модернизации.

Парадокс второй: общественное сознание, несмотря на внешнюю демонстрацию религиозности, продолжает оставаться в основном светским, ибо отношение людей к церкви и ее установкам изменилось слабо.

В том, что происходит религиозное возрождение, имеются большие сомнения. По утверждению академика Л.Н. Митрохина, главной причиной всплеска интереса к религии были не «положительные» конфессиональные ценности, а «отталкивание от прежней авторитарной, принудительной идеологии», стремление отстоять свою духовную, мировоззренческую автономию. Отвергая жесткую советскую догматическую систему, человек вовсе не спешил попасть в тесные объятия другой, уже церковной, не задумываясь, какое вероисповедание он готов был бы принять, предпочитая именовать себя «верующим вообще» [12]. Красноречивый факт: верующими себя называют 40—60% населения, но обязательные обряды (молитва, регулярное посещение церкви и т.д.) исполняют только 5—10%. Любопытен также факт, фиксируемый социологическими опросами: растет число не только «верующих вообще», но и приверженцев причудливых эклектических систем, т.е. парапсихологии, культа НЛО, разного рода неязыческих представлений, астрологии.

Еще более поразительны в этой ситуации позиции интеллигенции. «Религиозный бум», затронув преимущественно и прежде всего деятелей культуры, отразил ее восприимчивость ко всякого рода духовным поветриям. И часто это было не подлинное обращение (акт сугубо личностный, глубоко затрагивающий весь духовный строй человека), а либо дань моде, либо декорация, продиктованная, сугубо земными, например политическими, интересами и амбициями, т.е. не внутренняя вера, а некая поза, рассчитанная на внешний эффект. ***Не истинное религиозное возрождение, а «религиоз-***

ное мление», когда «символические формы богочитания подменили реальное искание Царства Божьего» (Н.А. Бердяев).

Чтобы судить, насколько религиозность вошла в кровь и плоть, посмотрим на результаты, полученные при помощи социологического измерения мнений в ходе всероссийских опросов. Так, респондентам был задан вопрос: «Считаете ли Вы себя православным?». Эту позицию в 1993 г. избрали для себя 50% опрошенных, а в 2003 г. — почти 80%. Но насколько истинным является это показатель? Можно ли считать, что объявление себя православным является синонимом верующего?

Социологические опросы показали, что значительная часть людей воспринимает православие как один из традиционных элементов российской культуры и духовной жизни общества и поэтому причисляет себя к верующим, хотя не более 7—10% из них включены в жизнь церкви в соответствии с каноническими правилами (табл. 16.2).

Т а б л и ц а 16.2

**Посещение россиянами церковных служб
(в % к числу опрошенных)**

<i>Частота посещения служб в храме</i>	<i>1991 N = 3000</i>	<i>1994 N = 2957</i>	<i>1999 N = 2004</i>	<i>2006 N = 1600</i>
Раз в месяц и чаще	5	7	5,7	10
От одного до нескольких раз в год	20	28	17,8	38
Реже	—	21	15,8	11
Не посещали (или реже одного раза в год).	65	43	60,8	47

Источники: *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1995. № 2; 1999. № 1. С. 86—87; *Общественное мнение-2006*. М., 2006. С. 149.

Более обстоятельный анализ показывает, что позиция россиян, считающих себя православными, носит скорее культурно-исторический, нежели собственно религиозный характер. Подобное самоотнесение свидетельствует о массовой потребности в национально-культурной идентификации. Новый исторический контекст социокультурного развития общества ставит людей в ситуацию выбора: либо искать выход из кризиса в сфере ценностей и моделей русской культуры, либо идти по пути заимствований, ориентироваться на идеализированные западные стандарты мышления, мироощущения. В большинстве своем россияне видят решение проблем духовной жизни в преобладании, в сохранении накопленного культурного наследия.

Логика развития культуры предполагает наличие особого социального механизма (в данном случае это наглядно просматривается на примере русской культуры), направленного на сохранение и воспроизводство ее основополагающей структуры. В основе данного механизма лежит логика традиционного общества, т.е. общества, нацеленного на неизменность. Напряженность, возникающая в общественном сознании в кризисное время, нацеливает личность и конкретное сообщество на воспроизводство сформированных ранее идеалов, стремление к ним. Но и в этом случае необходимо четко представлять, что культура в целом и искусство в частности должны быть выше не только сугубо национального, но и конфессионального.

В переходный период религия претендует на олицетворение неизменности и непрерывности культурной и моральной традиции. Причисляя себя к православию или другой конфессии, люди пытаются найти в религии, в церкви психологическое «убежище». Согласно социологической информации, доверие православной церкви значительно выше степени доверия другим официальным и неофициальным институтам власти. Однако степень доверия не является залогом и показателем глубокой приобщенности всех без исключения людей к религиозному учению, ритуалам и обрядам, более того, она подвержена колебаниям (табл. 16.3).

Т а б л и ц а 16.3

**В какой мере заслуживает доверия церковь?
(в % к числу опрошенных)**

<i>Вариант ответа</i>	<i>1996 N = 2404</i>	<i>2000 N = 2405</i>	<i>2006</i>
Вполне заслуживает	41,2	38,7	40
Не вполне заслуживает	17,8	22,4	21
Совсем не заслуживает	8,8	11,3	11
Затрудняюсь ответить	31,7	27,6	28

Источник: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1996. № 5. С. 59; 2000. № 6. С. 76; Общественное мнение-2006. М., 2006. С. 149.

По данным Фонда «Общественное мнение» (за 1993 г.), «никогда не исповедывались и не причащались 57,6% «православных», из них же 44,1% никогда не читали главной книги христианства «Евангелие». Наши «православные» убеждены, что Евангелие читается как мирская книга, поэтому 43,1% отвечали, что «читали когда-то давно» или «недавно перечитывали». Евангелие читается ими как роман или историческая хроника, т.е. от начала до конца или в

несколько приемов. Также обстоит дело со знанием и чтением молитв и наличием религиозной литературы дома.

Что же такое для тех, кто причисляет себя к верующим, православию? Скорее всего, некий символ, ассоциация с чем-то традиционным, устойчивым, может быть с «прежней» Россией, какой она рисуется современному россиянину: страной, где крестьяне выращивали хлеб, промышленники занимались производством, купцы торговали, интеллигенция занималась проблемами философии и политики. Много было храмов, монастырей, чудотворных икон и мощей святых угодников. Народ жил в «страхе Божьем», который он потом потерял. И объединительная роль православия как «новой» идеологии, «руководящей и направляющей» силы поможет возродить народ русский и Россию. Но это желание слишком общё, так как оно не сопровождается осознанным решением изменить свой образ мысли и образ жизни. Более того, оно в известной мере примитивно, так как упрощает сложные проблемы жизни общества. *Идеализация роли религии скорее усиливает противостояние в обществе, нежели гармонизирует общественные отношения.*

Парадокс третий: он связан с уточнением уровня религиозности, с поиском ответа на вопрос об истинности и степени веры.

Социологические данные свидетельствуют, что до сих пор весьма затруднительно разобраться в том, кто же в самом деле является верующим или неверующим. Но они в то же время показывают, что *человек в зависимости от ситуации, может причислять себя к тем и другим, т.е. быть одновременно и верующим, и неверующим.*

Этот парадокс усугубляется примитивным делением людей на атеистов и верующих. Но эта двухполюсная градация скрывает серьезные различия и нюансы в трактовке веры и неверия и позволяет одним и тем же людям объявлять себя в зависимости от ситуации либо причастным либо непричастным к канонам религии. И они не особенно или совсем не грешат против истины и против своей совести. Светский образ жизни в советское время, конформистское отношение к официальной антиклерикальной позиции, эпизодическая причастность к некоторым народным (и одновременно нередко религиозным) традициям для многих людей служили показателем (критерием) своей атеистичности. И эти же люди при изменившихся обстоятельствах в связи с иной официальной позицией по отношению к религии, но при тех же самых установках стали трактовать свою эпизодическую причастность к символам веры как отказ от атеистического мировоззрения и обретение религиозного сознания, которое до того скрывалось или не демонстрировалось.

Парадоксально, что и в том и другом случае люди были искренни в своем отношении к религии. Они даже не совсем лукавили, ибо и то,

и другое можно было трактовать в зависимости от складывающихся обстоятельств то ли в пользу религии, то ли против нее.

На наш взгляд, гораздо точнее те показатели о состоянии религиозности, которые выражаются в категориях более гибких: «верую», «частично верую («колеблюсь»», «не верую» и «затрудняюсь ответить». Такой подход позволяет выявить и более наглядно представить состояние религиозного сознания. Он показывает, что до 40% людей, а в ряде регионов до 70% и выше выбирали ответы «верую» и «частично верую». С учетом тех, кто затруднился (или не захотел) ответить из-за боязни выступить против официальной идеологии, общее число верующих в 1960—1970 гг. мало отличалось по количеству от тех, кто также считал себя верующим в 1990-х гг. Хотя некоторое увеличение их численности все же есть. И можно предположить, что оно обусловлено не столько истинной верой, сколько модой — «так сейчас принято», поскольку придавало заявителю некоторую респектабельность. В пользу такого предположения говорят и данные опроса ВЦИОМ, когда была применена более гибкая проверка причастности к религиозным культам (табл. 16.4).

Т а б л и ц а 16.4

**Распределение ответов на вопрос: «Какое из следующих высказываний отражает Ваше отношение к Богу сейчас и в прошлом?»
(в % к числу опрошенных; N=2401, ноябрь 1997 г.)**

<i>Вариант ответа</i>	<i>Проц.</i>
Я верю в Бога сейчас и всегда верил	30
Сейчас я верю в Бога, но раньше не верил	14
Сейчас я не верю в Бога, но раньше верил	2
Я не верю в Бога и не верил никогда прежде	25
Затруднились ответить	24
Другое	5

И с т о ч н и к: *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 1998. № 1. С. 39.

На наш взгляд, сложившуюся ситуацию с религиозностью можно охарактеризовать как весьма специфическое явление — «парниковый эффект», которое характеризует особенности религиозного сознания за последние четверть века: если в 1960—1970 гг. атеизм был «замутнен», ибо к нему причислили себя не только искренне неверующие, но и те, кто разделял это мировоззрение частично, но следовал официальным установкам, относил себя к атеистам скорее всего из конформистских соображений, то сегмент веры был «чист», ибо заявлять о своей причастности к религиозной вере в определен-

ной степени было актом гражданского мужества. *В 1990 гг. «замутненной» оказалась вера*, ибо в этот период к истинно верующим примкнули не только колеблющиеся, но и конформисты, реагирующие на моду и желающие соответствовать новым стандартам. Зато произошло «очищение» атеизма, верными которому остались только те, кто в самом деле следовал канонам атеистического мировоззрения [13].

Такое соотношение специфических процессов позволяет утверждать, что атеистическое и религиозное мировоззрения были не столько непримиримыми альтернативами, сколько «превращенными» формами общественного сознания, которые выражали более глубинные социальные конфликты, существующие в советском обществе. И то, что происходит в настоящее время в сфере религиозности, напоминает игру в поддавки. Характеризуя эти процессы, академик Л.Н. Митрохин писал: «И власти, и «оппозиционные» политики широко используют религиозные символы и сюжеты для обретения привлекательного имиджа; даже многие светские авторы рекламируют религию как единственный фундамент подлинной морали, как незаменимое средство нравственно-духовного возрождения. Между тем, сегодня эти проблемы обсуждаются на весьма поверхностном, морализаторском уровне, идеализируется история церкви, вычеркивается богатое материалистическое и антиклерикальное наследие, насаждаются новые мифологемы по принципу «все наоборот». Так что профессиональное понимание «религиозного фактора» стало насущной потребностью общества, условием его успешного обновления. В результате обвала прежних идолов и идеалов возникла мировоззренческая сумятица, ускоряется духовно-нравственное одичание общества, происходит распад живой социальной ткани. Образовавшийся вакуум заполняется не только ценностями развитых «цивилизованных» религий, но и различными мистическими и оккультными представлениями, неоязычеством и всякой чертовщиной» [14].

Но несомненно одно: в этих условиях многие старые противоречия и парадоксы отнюдь не исчезли — они приобрели лишь новую форму.

16.3. Возможности и пределы парадоксов религиозности

Отсутствие у большинства россиян регулярного личного общения с церковью приводит к искаженному представлению о социальной роли религии и об уровне собственной религиозности. Чаще всего в религии видят не путь к спасению души, а некую социаль-

ную структуру, способную воссоздать и поддержать столь необходимые обществу моральные нормы и духовные ценности.

В 1990-х гг. общественное сознание, отвергнув атеизм и сомневаясь в его позиции, дрейфовало в направлении признания полезности религии и религиозной нравственности как для общества, так и для каждого человека. По данным ВЦИОМ, в июле 1991 г. 68% опрошенных представителей городского и сельского населения были убеждены в полезности для общества религии и 58% респондентов — в ее полезности для себя лично. Осознавая, что происходящее вокруг (процветание эгоизма и жестокости, алкоголизм, наркомания и т.п.) несет в себе угрозу морального разложения, люди пытаются найти выход из глубокого нравственного и социального кризиса. И одно из возможных средств они видят в приближении к идеалам веры (христианства, ислама, буддизма и т.д.), примеры действенности которых извлекаются из исторической памяти народа, пусть и в несколько идеализированной форме.

В обращении к религии весьма сильна общественно-политическая мотивация: желание принадлежать какому-либо большому социальному целому — народу, стране, Родине. В понимании россиян церковь — большая и сильная структура, способная заменить распадающуюся «державу». Если сравнить данные ИСПИ РАН за 1997 и 2006 гг. (опрошено 2100 респондентов, по выборке, репрезентирующей социально-демографическую, профессиональную и расселенческую структуры населения РФ), доверие к православной церкви практически не изменилось — 33 и 37%. А если к этому добавить (данные Левада-центра), что за этот период несколько не изменилось число утверждающих, что церковь совсем не заслуживает доверия (об этом постоянно заявляли 11—12%), и от 28 до 30% уклонялись от ответа, можно судить о большом уровне скепсиса по отношению к реальному авторитету религиозных организаций [15]. Стремление к стабильности, устойчивости, уважение к традициям в современной ситуации, когда рушатся привычный уклад жизни и структуры, без которых человек себя не мыслит, — все это побуждает его искать какие-либо точки социальной и духовной опоры.

Вместе с тем существует парадокс: признание высокого авторитета религии, церкви соседствует с определенным пессимизмом (а возможно, и с трезвой оценкой реальности). На вопрос о том, может ли религиозная идея объединить народ, в 1994 г. ответили утвердительно 4,9% респондентов, а в 1998 г. еще меньше — 2,5%. ***Как объяснить данное противоречие?***

С одной стороны, авторитет церкви в современном российском обществе достаточно велик для того, чтобы побудить людей декла-

ривать свою религиозность, но, с другой, сам по себе отказ от нормативных атеистических установок еще не означает существенных перемен в жизненной практике индивида.

О своей религиозности население рассуждает, как правило, под влиянием стереотипов массового сознания. Признание себя верующими во многом обусловлено следованием определенным оценочным стандартам, пришедшим на смену идеологическим запретам. У большинства еще отсутствует внутренняя духовная потребность, настоящая религиозная мотивация, которая влечет человека в храм (или мечеть). Для них нет устоявшегося места в сегодняшнем образе жизни, но есть другое — сильная ориентация на достижение желаемых социально-духовных отношений между людьми.

В этой связи следует затронуть некоторые проблемы атеизма. На наш взгляд, атеистов можно разделить на тех, кто свою убежденность активно распространяют на других, ведет борьбу (полемику) с религиозным мировоззрением, и атеистов пассивных, которые свое неверие в высшие силы не навязывают другим, не пытаются убедить окружающих в правоте своих сомнений и убеждений. Анализируя данные социологических опросов с этих позиций, мы обнаружим, что воинствующих неверующих (атеистов) не более 7—8%, но зато в несколько раз больше (до 30—35%) тех, кто пассивно придерживается атеистического мировоззрения или неких переходных моделей между верой и безверием (скептики, агностики).

Социологические исследования соотношения верующих и атеистов, выявили *еще один парадокс: признание себя православным не означает признания себя «верующим»*. Во-первых, считая себя «православным», человек отделяет себя от причастности к другой религии. Во-вторых, в большинстве случаев он идентифицирует себя с религиозной ориентацией своего народа, что позволяет ему максимально сблизить свою этническую и конфессиональную ориентации. В-третьих, человек, считающий себя православным (но не верующим), уважает и поклоняется святыням, символизирующим сущность и содержание «своей» религии. Он посещает святые места, монастыри, соборы, церкви, часовни, чтобы отдать дань уважения народной культуре, которая в определенной степени воплощена в религиозном учении, в творчестве, в земных делах данной конфессии [16].

И наконец, не надо исключать и интуиции, предрасположенности к восприятию определенных догматов церкви, которая символизирует здравый смысл и оберегаемые народом и временем требования морали. На наш взгляд, именно такой подход позволяет более точно, предметно, беспристрастно, без противопоставления веры и безверия определить степень религиозности населения. Это сложно — по-

сколько между позициями истинно верующего и атеиста существует огромный пласт промежуточных позиций, которые имеют свое оправдание и свою качественную определенность. Увы, соблазн принять эти промежуточные группы в свои ряды слишком велик и поэтому не обходится «без приписок», что ведет к подтасовке, к искажению истины. И в настоящее время такими приписками занимаются многие адепты религий. Только вот нужна ли такая услуга самим религиям?

Современное состояние религиозного сознания породило вопрос: что в большей степени угрожает религии — безверие и атеизм или кризис самих конфессий, религиозного мировоззрения в целом?

На наш взгляд, религии угрожает серьезная опасность, которой она ранее меньше боялась: это развитие внутренних противоречий, нарушение меры, которые могут быть куда более опасными для религии, чем внешние преграды. Мировые религии — и христианство, и ислам, и буддизм — претерпевают серьезный кризис. Они полны расколов, появления новых течений, многие из которых направлены на серьезную ревизию своих учений. Причем такой отход проявляется в разных формах и в разных аспектах. Носители этих раскольнических действий, как правило, активны, наступательны, воинственны. Необходимо отметить, что расколы были и раньше, но они подавлялись или при помощи государства, или самой церковью. *Парадокс современной российской ситуации состоит в том, что снятие запретов, позволившее официальным структурам всех религий развить бурную деятельность, одновременно способствовало успехам «раскольников» и расцвету нетрадиционных религий.*

Рост интереса к религии одновременно сопровождается ростом интереса к нетрадиционным, конфронтационным религиозным течениям и сектам. Корни идеологии мировых религий подрывают не столько атеисты, а сколько сторонники различных многочисленных квазирелигиозных образований (культов, нетрадиционных религий, «тоталитарных сект»): «Церкви объединения С. Муна», «Общества сознания Кришны», «Церкви сайентологии» и др. Применяющие изошренную психотехнику, они губительно влияют на психику людей и их личностное сознание, превращая своих последователей в роботов. Такого рода группы возникли и на почве православия («Великое белое братство», «Богородичный центр», «группа Виссариона» и др.). Однако в обществе не без помощи средств массовой информации господствуют самые дилетантские представления о них. Примерами могут служить публикации о событиях в Киеве, связанные с «Белым братством», или сообщения о деятельности «Аум синрикё».

К сожалению, этот дилетантизм обнаруживают и люди, ответственные за регулирование и правовое обеспечение взаимоотношений государства и религиозных объединений. Стремясь побыстрее приобщить страну к «цивилизованному» миру, они зачастую механически копируют нормы права западных стран, игнорируя специфику отечественной культуры, особую ее роль в становлении православия и ислама. Так, в начале 1990-х гг. почти автоматически регистрировалась любая организация, объявившая себя религиозной — будь то миролюбивые квакеры или террористическая «Ананда Марг». Результат налицо: именно подобные культы быстрее всего распространяют свое влияние. Пока число их приверженцев сравнительно невелико, но каждый сторонник, последователь таких сект (как правило, это люди молодые) — фанатик, вернуть которого в общество, а часто и в семью крайне сложно. Деятельность некоторых сект губительно сказывается не только на религиозном сознании, но и на социальном порядке (пример тому: планируемое массовое самоубийство в Киеве осенью 1993 г., деятельность сатанинских сект «Южный крест», «Черная маска» и подобных сил). Так от кого же исходит реальная угроза?

Пропаганда рационализма и атеизма, пронизывавших все образование и воспитание в советском обществе, сменилась широкой пропагандой различных религий, религиозных течений и верований как панацеи от бездуховности и бесчеловечности. В этих условиях появились многочисленные «спасители», которые преследуют свои, обычно своекорыстные цели, предлагая собственные рецепты выхода из духовного кризиса. Причем это происходило не безуспешно, ибо в результате появлялись всяческие изыски вроде «православия без церкви», жертвенности всего и во всем, отказа от отдельных догматов веры, преувеличения роли и значения религиозных символов.

Как ни странно, но именно разброд и неясность, расплывчатость, слабость позиции официально признаваемых религий относительно происходящего способствовали появлению экстремистских течений вроде ваххабизма в исламе или оживлению сатанизма в его борьбе с христианством. Дискредитации религии в немалой степени способствует вспыхнувшая и разгорающаяся «любовь» к ней со стороны власть предержащих, «новых русских», «новых украинцев», «новых казахов» и т.д.

К парадоксам религиозного сознания можно отнести массовую демонстрацию приверженности к богу, особенно той категорией политиков и бизнесменов, которые окончили партийные школы, но с весьма серьезным видом стоят в храмах во свечках в руках. Правда, как заметил известный сатирик, «свечки они держат как стаканы». По данным ВЦИОМ, только 7% респондентов считают, что боль-

шие начальники действительно верят в Бога, тогда как 73% убеждены, что их действия продиктованы стремлением к саморекламе (при 17% воздержавшихся от ответа). Это тем более удивительно и тягостно, что многие из них в недавнем прошлом усердно демонстрировали свои атеистические убеждения. Иначе говоря, им свойственно стремление «соответствовать» тому стандарту образа жизни и поведения, которой, по их мнению, официально одобряется и поддерживается, поэтому может стать серьезным фактором карьерного роста.

Но именно этот стандарт поведения подрывает авторитет и доверие к религии сильнее самого воинствующего атеизма. В такой ситуации люди, если не отходят от канонов веры, то нередко начинают искать опору внутри религии, поддерживая различные формы сектанства и инакомыслия. Реакция на цинизм поведения российского истеблишмента в сочетании с оценкой поведения нынешних иерархов церкви не может не породить сомнения как в истинности религиозных догматов, так и в искренности субъектов пропаганды этих культов.

Происходящие в религиозном сознании процессы сопровождаются явлениями, которые иногда трактуются как *специфические формы секуляризации*. Речь идет об индивидуализации религиозной веры, когда люди, исповедуя определенное религиозное мировоззрение и искренне разделяя его основные постулаты, приспособливают ее в своему личному мировосприятию. В результате одни их них придают значение одним актам религии, другие — другим, одни склонны отмечать избранные ими праздники и ритуалы, а иные выделяют для себя другие даты и ориентируются на другие каноны и обряды.

При более глубоком и обстоятельном анализе состояния взаимоотношений общества с религией возникает *еще один парадоксальный вопрос, который, возможно, наглядно проявит себя в перспективе: не обернется ли новое состояние свободы вероисповедания желанием избавиться от всего, что стоит на пути религии, в том числе и силой оружия?* Есть ли гарантии, что в России не случится то, что случилось в Боснии и Герцеговине, где люди, говорящие на одном языке, уничтожали друг друга на религиозной основе?

Не стоит исключить и возможности вмешательства религии в борьбу за власть. Так, в Таджикистане кровавые события гражданской войны связываются непосредственно с позицией Исламской партии и ее деятелей, рвавшихся к власти. Но когда обнаружили истинные намерения этих радетелей интересов народа, число людей, поддерживающих эту партию сократилось с 30 до 5—6%. Что бы ни говорили, общественное сознание чутко реагирует на этот

аспект в деятельности религиозных иерархов. Историческая память людей хранит — увы — немало свидетельств того, как после прихода к власти иерархов церкви устанавливались кровавые режимы. Думаю, что именно заботой об авторитете церкви и ее будущем продиктовано мудрое решение патриархата Русской Православной Церкви о запрещении ее деятелям участвовать в политических баталиях, ибо, как показала жизнь, участие в борьбе за власть дискредитирует религию, снижает ее влияние и роль, развязывает руки проповедникам «священных» войн [17].

Не способствует укреплению позиций церкви игнорирование ею мнений и предложений ее благожелательных оппонентов среди интеллигенции, но занимающих своеобразную позицию по отношению к религиозному наследию. Ряд деятелей культуры, которых никак не заподозришь в пренебрежительном отношении к религии, с тревогой пишут о нарушении общепринятых в мировом сообществе границ взаимоотношений церкви и государства, о том, что при определении судьбы культурных и культовых памятников все спорные вопросы решаются в пользу церкви (передача таких общенациональных ценностей, как картины Рублева, икона Владимирской божьей матери и др.). Ведь эти памятники являются не только достоянием церкви — но всего народа. Упорно настаивая на своем, разве не теряет церковь наиболее образованных и просвещенных сторонников?

Но самое главное, что исподволь начинает пробивать себе дорогу мысль: а не будут ли открыты все дороги только верующему (как ранее атеисту)? Подлинному или мнимому — это другой вопрос. Сейчас модна публичная демонстрация приверженности религии. Не получится ли то, что в погоне за должностью, голосами избирателей религию будут использовать как средство достижения сомнительных целей, что в конечном счете обернется против нее.

Отсутствие достойного выбора между верой и атеизмом — еще один парадокс современного общественного сознания, ибо признание религии, веры в Бога не означает абсолютизации свободы совести. Преувеличение, однозначности трактовки роли религии ведет к нетерпимости к позиции других людей, не разделяющих религиозные догмы или сомневающихся в Боге, что ведет к атеизму наоборот, и как следствие — к клерикализации жизни общества. Опасность состоит в том, что адепты клерикализма мыслят только категориями антиномии в рамках суждений «сакральное светское», «агнцы и козлища», «святые и грешные» и т.п. Волей-неволей сторонники той или иной религии осознанно или стихийно служат весьма сомнительным утверждениям, когда в угоду определенным интересам

живое древо культуры (а религия — это часть культуры) делится на реакционное и прогрессивное, буржуазное и пролетарское, «приемлемое и неприемлемое» для народа (а судьбы кто? — Ж.Т.).

Иначе говоря, из парадоксов 1960-х гг., когда общество и человек считались атеистическими, а по сути дела сохраняя высокий уровень религиозности, мы перешли к парадоксам 1990—2000 гг., когда стало принято утверждать, что общество возродилось, обратилось к высоким духовным, в том числе и религиозным, ценностям, а на самом деле изменилось очень мало. Если, конечно, не путать интерес к вере, признание ее значения, дань моде, иногда доходящую до ажиотажа, собственно с самим феноменом религиозности. Вопрос не в том, писал выдающийся французский историк Марк Блок, «чтобы установить, был ли Иисус распят, а затем воскрес. Важно понять, как это получается, что столько людей вокруг нас верят в Распятие и Воскресение» [18]. Думается, современное общество призвано остерегаться бездумного возвеличивания Иисуса, Магомета, Будды и др., потому что оно лишает человека веры в собственные способности, силы и возможности. *Не лучше ли следовать традициям раннего христианства, буддизма, учениям Сократа и Швейцера, исповедующих религию собственного разума, веру в способность человека самостоятельно разрешать жизненные коллизии и проблемы, настаивающих на обладании нравственными ориентирами внутри самого себя, а не во внешних предписаниях.* Не этот ли феномен, только в своеобразном российском исполнении, отмечает М.П. Мчедлов. На основании данных всероссийского социологического опроса в 1997 г. (объем выборки 2200 человек, 60 городов и сел) он пришел к выводу, что отнюдь не все, назвавшие себя православными, являются верующими. «Многие ощущают связь с православием по традиции, по своему менталитету. По складу бытия или просто исходя из стереотипа: «русский, значит, православный». Словом, отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, опрошенные, особенно молодые, вместе с тем нередко относят себя к православным. Так поступили 56,2% колеблющихся между верой и безверием» [19].

К числу парадоксов можно отнести и тот факт, что *в результате «религиозного возрождения» происходит*, как справедливо отмечает Л.Н. Митрохин, не торжество отношений братства, любви, гуманизма, а наоборот, *«стремительное нравственно-психологическое одичание, распад социальной ткани на бытовом уровне»* [20].

До сих пор не найдено удовлетворительное объяснение причин, по которым рост религиозности в обществе, интереса к вере сопровождается разгулом преступности. Ведь, исходя из позиций не только

неистовых ревнителей религии, но и здравого смысла, все должно происходить с точностью до наоборот. Но не происходит. А если к этому добавить, что «цивилизованных отношений» не наблюдается и среди многих служителей культов, то становятся понятными противоречия и парадоксы религиозного сознания. Ведь от внимания людей не ускользают (как бы этого ни хотели иерархи церкви) взаимные обличения, оскорбления, фальсификация взглядов оппонентов. Так, почти криминальные разборки среди деятелей церкви в Украине, схватки за власть среди иерархов ислама, иудаизма, обвинения в плагиате Украинской православной церкви при подготовке ею «Основ социальной концепции» — все это говорит не о возвышении, не о торжестве фундаментальных нравственных идеалов, а о низменных проявлениях человеческой природы.

Ситуацию парадоксальности усугубляет и позиция государства, ибо закон «О свободе вероисповеданий» составлен «дилетантами, не владевшими достаточными профессиональными знаниями (во всяком случае, в области религии) и простым житейским опытом, чтобы понять все сложности, многомерность этой проблемы и, пожалуй, главное: здесь каждый непродуманный шаг обернется тяжелыми необратимыми последствиями не только для деятельности церквей, но и для миллионов людей, более того — для общества в целом» [21].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что нет одномерного однолинейного влияния религии на жизнь людей. Следовательно, *парадоксальность религиозного сознания не только существовала, существует, но и будет существовать, проявляя это свое качество особенно наглядно в переломные эпохи истории.*

Примечания

1. Цит. по: *Гносеология в системе философского мировоззрения*. М., 1983. С. 95.
2. *Гараджа В.И.* Выступление на круглом столе «Философия, культура и образование» // *Вопросы философии*. 1999. № 3.
3. *Митрохин Л.Н.* Религия и культура. М., 2000. С. 241, 244.
4. Там же. С. 251.
5. Подробнее см.: *Логинов А.В.* Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.
6. См.: *Религия и политика в посткоммунистической России*. М., 1994.
7. См.: *Независимая газета*. 1992. 12 сентября.
8. См.: *Пивоваров В.Г.* Научные основы исследования религиозности. М., 1976.
9. *Кублицкая Е.* «Общество массового атеизма» глазами социолога // *Наука и религия*. 1990. № 1. С. 34.

10. См.: *Поиск*. 1995. № 12. 22—28 апреля.
11. См.: *Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: Сб. статей / Под ред. Ж.Т. Тощенко*. М.: РГГУ, 2001.
12. *Митрохин Л.Н.* Религиозная ситуация в современной России // Социол. исслед. 1995. № 11.
13. См.: *Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е.* Религия в современном массовом сознании // Социол. исслед. 1995. № 11.
14. *Митрохин Л.Н.* Религиозная ситуация в современной России. С. 30.
15. *Левашов В.К.* Социополитическая динамика российского общества (2000—2006). М., 2007. С. 483; *Общественное мнение-2006*. М., 2006. С. 149.
16. Подробнее см.: *Мчедлов М.П.* Религиеведческие очерки. М., 2005.
17. Подробнее см.: *Тощенко Ж.Т.* Теократия: фантом или реальность. М., 2007.
18. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 21.
19. Подробнее см.: *Мчедлов М.П.* О религиозности российской молодежи // Социол. исслед. 1998, № 6; *Мчедлов М.П., Филимонов Э.Г.* Социально-политические позиции верующих в России // Социол. исслед. 1999. № 3.
20. *Митрохин Л.Н.* Религия и культура. С. 215.
21. Подробнее см.: *Путиами несвободы: Сб. статей*. М., 2005.

Часть IV

Формы парадоксов

Глава 17

Элита: клики, кланы, касты?

Кто сеет привилегии, тот пожинает революцию.

Клод Тилье (1891—1844),
французский писатель

Во второй половине 1990-х гг. в российской политической лексике, в научной и околонучной литературе все чаще и чаще стали употребляться слово «элита» и его различные модификации — «экономическая элита», «политическая элита», «военная элита», «профсоюзная элита» и т.д. Этому в немалой степени способствовали многочисленные обсуждения — кто же в настоящее время правит Россией. Дискуссии сознательно поддерживались теми, кто очень хотел, чтобы их относили к элите, рассматривали как элиту и дискутировали о том, какими проблемами она занята. Шла заказная целенаправленная пропаганда групп и людей, обладающих властью или капиталом (или тем и другим вместе) и желающих выглядеть в глазах общественного мнения более значимыми, чем «просто» политики или бизнесмены. И наибольшую лепту в наведение глянца на образ власть предержащих внесли и вносят журналисты. Сегодня трудно найти хотя бы маломальский анализ политической и экономической жизни в любой газете, любом общественно-политическом журнале, радио и телепередаче, в которых настойчиво, а порой назойливо не вбивалась бы мысль: тех, кто правит нами, следует называть элитой. Как это выглядит на деле, судите сами.

Вот довольно типичный случай из практики СМИ. Журналист А. Колесников, привычно употребляя данный термин, пишет, что «приближающиеся выборы (парламентские 1999 г. — *Ж.Т.*) и небольшая ротация политической и хозяйственной элит (после назначения главой правительства В.В. Путина. — *Ж.Т.*) вывели из равновесия информационный рынок. На головы читателей, зрителей, слушателей снова полились потоки компромата, и этот поток со временем обещает быть все более густым и ароматным» (*Известия*. 1999. 16 июля). Правда, хороша элита? И информационная

война, и компромат, да еще «густой и ароматный», и прочие мерзости, которые с определенным мастерством описывает журналист.

Не меньше грешны и ученые, которые без особых раздумий стали использовать этот термин. Пожалуй, они в большей мере, чем журналисты, ответственны за вольные или невольные попытки ввести в заблуждение общественное сознание. Именно на этих суждениях и сосредоточим свое внимание.

Хочу сразу обозначить свою позицию — ни о какой элите в сегодняшней (да и вчерашней) России не может быть и речи. Ее давно уже не стало, нет и в настоящее время. Употреблять это понятие в условиях сегодняшней ситуации в стране — значит сознательно (или неосознанно) заниматься фальсификацией существующей реальности, подыгрывать низменным страстям, а в конечном счете исказить всю картину нынешней действительности.

Представляются весьма поучительными два эпизода нашей недавней истории. Первый: начало 1990-х гг., назойливая, лезущая в душу реклама фирмы Стерлигова с его не менее впечатляющей собакой Алисой. Второй: развернувшаяся в те же годы, но по своим масштабам превосходящая все возможные и допустимые пределы реклама фирмы Мавроди с его МММ и вездесущими бабочками. По всем меркам, если судить по масштабам содеянного, оба — яркие представители «экономической элиты». Но где и кто они сейчас? Можно также вспомнить и некоторые громкие имена в политических коридорах власти (например, Бурбурис, Шахрай, Шумейко), которые, прогремев на определенном этапе, сгнули, канули в неизвестном, а часто и в известном направлении. Причем многие из них успели за время «славы» урвать кое-что из «прихватизированного», «фондового», «банковского», тем самым обеспечив себе путь в «экономическую элиту».

Так что же в таком случае получается? Вчера был элитой, а сегодня нет? Если имеешь деньги и власть, то ты элита? А если этого лишился, то, имей хоть семи пядей во лбу, не можешь быть причастным к кругу избранных, ибо для этого существуют только два измерения — обладание финансовыми или политическими рычагами? Нет ли здесь парадокса? Остановимся на этом подробнее.

17.1. Что такое элита?

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова термин «элита» применительно к обществу раскрывается так: «лучшие (курсив мой. — Ж.Т.) представители какой-нибудь части общества, группировки» [1]. В «Словаре русского языка», изданном под эгидой Академии наук

СССР под редакцией А.П. Евгеньевой, элита трактуется как лучшие представители общества или какой-либо его части [2]. Напомним, слово «элита» происходит от французского *elite*, что означает лучший, отборный.

Так почему же в публицистической и научной литературе исходят не из этой трактовки данного слова?

В настоящее время среди аналитиков общественной жизни и особенно ее политической сферы **наиболее распространен статусно-функциональный подход к определению элиты**. Например, известный американский социолог *Р. Миллс* (1916—1962) в своей нашедшей и переведенной у нас в 1960-х гг. книге «Властвующая элита» утверждал, что элита — это деятели, занимающие такие социально-политические позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия. Тем самым подчеркивалось, что элита — это те, кто занимает ключевые позиции в экономике, политике и других сферах общественной жизни. Это, разумеется, важно. Но нельзя абсолютизировать статусную позицию, равно как и то обстоятельство, что занявшие ее люди принимают решения, определяющие судьбы народа, страны. Если придерживаться этой логики, то любого тирана (например, Пол Пота, уничтожившего треть населения своей страны), должны относить к элите: ведь он принимал решения, имеющие «крупные последствия»(!?). Эту позицию конкретизирует Т. Дай, полагающий, что под элитой надо понимать чиновников высшего звена, обладающих формальной властью в организациях и институтах и диктующих правила организации жизни в обществе. Такие определения высшего слоя бюрократии заранее оправдывают все действия, которые предпринимались этой группой «в интересах общества».

Статусно-функциональный подход — в той или иной мере разделяют многие представители современной отечественной мысли (О. Гатман-Голутвина, О. Крыштановская, Е. Охотский, А. Понеделков). Стремясь убедить общество в том, что правящий класс это и есть элита они подменяют понятия, а иногда даже подтасовывают их, приписывают выводы и идеи мыслителям, никогда не употреблявшим данный термин, например Аристотелю, П.А. Гольбаху, Ш.Л. Монтескье, Т. Мору и др.

В научной литературе распространена и другая, кстати, исторически первая трактовка — нормативно-ценностная, которая исходит из первоначальной сущности понятия, отвергает или серьезно сомневается в том, что тот, кто занимает высокий пост в структуре власти или обладает финансовыми ресурсами, и есть «лучший», «отборный», «качественный». Поэтому стоит прислушаться к мнению

В. Парето (1848—1923), итальянского социолога и экономиста, введшего в научный оборот этот термин (впервые он его употребил в 1902 г.). Он писал, что помимо власти и богатства предполагается наличие определенных качеств у людей, претендующих на принадлежность к элите — военная доблесть, происхождение, личное достоинство, искусство управления. **М. Вебер** (1864—1920), в отличие от Парето, сосредоточился не на особенных чертах и социальном положении элитных образований, а на функционировании институтов власти и политических организаций, на характеристике тех индивидов, которые их обслуживают, на присущем им всем функциональном качестве — профессионализме. Вебер сделал важный вывод, что в разных институциональных порядках следует выделять специфические элиты — политическую, хозяйственную, научную и т.п., что процесс автономизации элит становится частью современной цивилизации.

Эти идеи впоследствии особенно ярко были выражены и развиты в работах испанского философа и социального мыслителя **Х. Ортега-и-Гассета** (1883—1955). Он относил к элите тех, кто обладает интеллектуальным или моральным превосходством, наивысшим чувством ответственности. То, что элите должно быть присуще творчество, неоднократно подчеркивал известный английский историк и философ **А. Тойнби** (1889—1975). Иначе говоря, формирование элиты, по мнению этой группы ученых, является следствием естественного отбора наиболее способных, достойных представителей, обладающих высокими нравственными качествами.

Есть еще один подход к элите — макиавеллиевский, по имени известного политического деятеля и мыслителя Италии **Н. Макиавелли** (1469—1527). Его суть состоит в признании элитарности любой власти, в отрицании идей народного суверенитета, абсолютизации отношений господства и подчинения. За этой теорией кроется концепция вечного, изначального неравенства и стремление правящих группировок удерживать власть всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Если подвести итог, то можно сказать, что к элите относятся представители общества, обладающие не только экономической, политической или военной властью, но в первую очередь определенными социальными и нравственными качествами. Современная отечественная социальная мысль, увы, резко контрастирует в исходных предпосылках с мнением многих западных мыслителей, бойко причисляя власть предрежащих и обладающих капиталом к элите, правда не уточняя, какой уровень, какой объем власти или капитала позволяет считать их «избранными».

Это разное толкование элиты особенно стало заметным в суждениях российских ученых, когда они приступили к осмыслению новых экономических и политических реалий России 1980—1990-х гг. Прежде всего хочется отметить работы Г.К. Ашина, который первым в истории советского обществоведения описал феномен элиты [3]. Однако в своих работах он рассматривал элиту, особенно в 1960—1970-х гг., применительно только к буржуазному обществу (впоследствии автор стал анализировать это феномен и в российском обществе). Его анализ был посвящен одной из многочисленных теорий власти — теории элит, в которой осмысливалось такое явление, как политическое и нравственное господство правящих слоев в западном обществе. Следует подчеркнуть, что в этот период западноевропейской и американской мыслью разрабатывались и другие теории, которые подробно анализировали проблемы политической демократии, групп давления, истеблишмента, бюрократии, клептократии, олигархии и еще ряда социальных явлений, имеющих отношение к дележу власти и капитала.

В отечественных социальных и политических науках при осмыслении новых реалий пореформенной России проблема элиты не сразу заполонила политологические и социологические сочинения. *В работах, посвященных анализу политической и экономической власти, широко используются такое понятие как «лидерство»* (Е.С. Кузьмин, И.П. Волков, В.К. Васильев, Е.Б. Шестопап, Д.В. Олышанский, Д.Е. Слизовский, Г.Ю. Семигин, В.Д. Виноградов, Г.Г. Силласте и др.). Лидер — это тот, кто впереди, кто возвышается над другими, кто определяет направления политики. Это слово нейтрально к оценке деятельности его носителя: она может быть в одинаковой степени и положительной, и отрицательной. Но может быть противоречивой, если лидер по одним направлениям своей деятельности придерживается определенных социальных ценностей, по другим — иных, нередко противостоящих первым. К лидеру по-разному могут относиться различные социальные группы. Одни из них являются опорой и союзниками при осуществлении определенных акций, другие — представляют оппозицию его действиям. В этой ситуации, осуществляя функции управления, лидер призван обеспечить максимальное согласование всех, в том числе и противоположных интересов. Но как бы то ни было, лидер в политике и экономике — это определенная закономерность, олицетворяющая необходимость в таких людях. Институт лидерства характерен больше для стабильно развивающегося общества, в котором люди, задающие тон в политике и экономике, взвешенно и последовательно проводят согласование интересов основных социальных групп, добиваясь упорядоченного и устраивающего большинство развития. Кстати, в этих обществах

не особенно жалуют слово «элита», полагая, что оно применительно к тем, кто имеет реальную власть, должно использоваться достаточно осторожно. Тем взвешеннее должно употребляться это понятие в обществах, которые находятся на перепутье. В этом смысле только с определенными оговорками этот термин может применяться в России.

Наряду с понятием «лидерство» для характеристики властных отношений используется понятие «бюрократия» (В.Э. Бойков, Е.В. Охотский, П.Д. Павленок, В.Г. Смольков и др.). Названные авторы базируются на уже апробированных оценках бюрократии, тем самым продолжая и развивая социологические традиции, в частности М. Вебера. Они характеризуют бюрократию как социальное явление, обладающее как позитивными, так и негативными чертами, и утверждают, что она постоянно таит в себе серьезную опасность отчуждения исполнительной власти от реальных интересов и потребностей народа. Таким образом, обладающие властью предстают перед нами в противоречивом единстве: с одной стороны, бюрократия как социальный слой реализует инструментальные функции управления, столь необходимые для нормального функционирования общества, с другой — превращается в самодовлеющую силу, неподвластную народу и навязывающую ему свое понимание политических и экономических реалий.

Иногда при характеристике власти используется понятие «правлящий класс» (Ю.Е. Волков, Н.А. Головин, Н.В. Романовский, В.Т. Липинский и др.). Это взвешенное, без эмоциональной окраски понятие позволяет беспристрастно оценивать власть, достаточно объективно формулировать отношение к ней, выявить как позитивные, так и негативные стороны ее деятельности. Это один из возможных вариантов более точной характеристики реально функционирующей власти в современных обществах.

В научной и публицистической литературе также широко используется термин «номенклатура» — синоним правящей советской верхушки, что обычно связывается с именем М. Джиласа, а впоследствии М.С. Восленского. Использование термина «номенклатура», с одной стороны, более точно отражает сущностные характеристики партийно-государственной верхушки в советском обществе, с другой — свидетельствует об определенной ее сдержанности в использовании термина элита, в приписывании себе каких-то исключительных качеств. Но значение этого термина велико. А. Крэстева, болгарский социолог, исследуя феномен власти в постсоциалистических странах, утверждает, что наряду с понятиями «объективные данные», «система» и др. понятие номенклатуры не раскрывало механизм контроля над обществом и поэтому устраивало правящую верхушку [4].

Вместе с тем мы являемся свидетелями того, как в 1990-х гг. происходила абсолютизация понятия «элита» и использование его по поводу и без повода при анализе правящего класса. Постепенно его стали применять ко всем без исключения лицам, причастным к власти или капиталу. Это нашло отражение в работах О.В. Крыштановской, К.И. Микульского, Л.В. Бабаевой, И.Е. Дискина, А.В. Поделкова и др.

Желание обнаружить элиту при анализе любых политических и экономических процессов привело к появлению новообразований: «региональная элита» (И. Куколев, Т. Рыскова), «бизнес-элита» (Л.В. Бабаева, А.Е. Чирикова), «национальная элита» (В.Б. Чурбанов) и т.п., не говоря уже об экзотических изысках, таком, как, например, криминальная элита. Стремление анализировать политическую власть как элиту способствовало расширительному ее толкованию. М.Н. Афанасьев, например, стал трактовать ее не только как группы людей, обладающих значительной политической властью, но и как всю систему политических, экономических и духовных параметров функционирования социального поля власти [5].

Абсолютизация и преувеличение значения данного явления привели к тому, что даже исторический аспект функционирования правящих кругов в России порой рассматриваются через призму элиты. Так, в интересной работе О.В. Гаман-Голутвиной история правящего класса России, начиная с боярства (а почему не с княжеских корней? — *Ж.Т.*) и дворянства и до бюрократии российской империи и советской номенклатуры, проанализирована через «элитообразование». Автор достаточно четко сформулировала свое понимание элиты «как категории лиц, обладающих властью, вне зависимости от того, какие факторы обусловили вхождение во власть — происхождение, состояние или заслуги» [6].

Другие авторы обозначают свою позицию более сдержанно. Так, Е.В. Охотский раскрывает многообразие подходов к трактовке феномена элиты. Элита рассмотрена им в узком и широком смысле слова, проанализированы такие сопрягающиеся с ней понятия, как контрэлита, околоэлитное окружение и т.д. [7]. Еще осторожнее в употреблении данного понятия В.Н. Титов, считая, что лучше использовать слово «правлящий класс», что точнее и предметнее выражает сущность тех, кто стоит у власти [8].

Все увеличивающийся поток работ об элите и прекращение (или затухание) других подходов к анализу правящего класса показывает: социология и политология переживают очередной всплеск моды, который уже не раз в прошлом захлестывал научные исследования (например, по проблемам образа жизни, социального управления, экономических реформ и т.д.) и при нарушении меры

приводил к отторжению, а иногда и дискредитации самих объектов этих исследований.

Кроме того, абсолютизация одного из подходов закрывает возможности других форм и видов анализа, которые также имеют право на существование, и их применение дает не менее аргументированные, веские и взвешенные доказательства правомочности их использования. Многие из них имеют то преимущество, что они не приукрашают существующую реальность, более объективно характеризуют ситуацию с правящими кругами российского общества.

Сторонников расширительной, односторонней и формальной точки зрения на элиту можно также упрекнуть в том, что они в своей аргументации исходят только из одной из позиций социальной философии, создающей идеальные модели (в самом деле, ведь можно исходить из того, что тот, кто у власти, должен быть самым мудрым, самым достойным, самым умным и т.д. и т.п.), а не из реальности, действительности, которая всегда весьма отличается от идеальной картины нормативистского представления об элите. Эта реальность, скорее, содержит лишь отдельные моменты, в лучшем случае штрихи, которые в совокупности далеки от абстрактных упований на исключительность слоя «избранных».

Есть еще один, на наш взгляд, весьма убедительный аргумент, который игнорируют многие исследователи, — учет влияния макро- и микрофакторов (условий) формирования элиты. Как справедливо отмечает украинский ученый В.В. Танчер, «элитизм расцветает там, где слабо развито гражданское общество, выступая компенсаторским механизмом отсутствия его институтов. Замечено, что наибольшего распространения теории элит получили в «догоняющих» странах западной цивилизации, на периферии Европы, где господство клановых общностей тормозило развитие гражданского общества» [9].

Наконец, уязвимость позиций тех, кто относит всю правящую политическую и экономическую верхушку к элите, заключается также и в том, что они упускают из вида тот факт, что *элитизм по своей сути противостоит демократизации общества.* Он объективно ведет к подготовке различных форм авторитаризма и тоталитаризма и другим ограничениям общественной жизни, о чем неоднократно говорили и В. Парето, и Г. Моска, и Р. Михельс. Этого парадокса сторонники теории элит не замечают, игнорируют это противоречие, пытаются сочетать и оправдать несоединимое, порождая этой логикой кентавр-проблему — примирить противостоящие друг другу ценности — демократию и элитизм, за которыми скрываются не столько народные, сколько клановые и кастовые интересы.

Эта парадоксальность рассуждений особенно отчетливо проявляется тогда, когда определяются состав элиты, ее критерии, характеристики и функции. Имеется несколько подходов.

Первый подход (В.Ф. Анурин, 1996) исходит из самоидентификация, т.е. из того, кто сам себя относит к этой социальной группе, причисляет к высшему слою общества [10].

Второй подход (Е.В. Охотский, 1999) строится на подсчете, сколько и каких чиновников на федеральном или региональном уровне следует отнести к элите, какое количество работающих в министерствах и ведомствах можно считать элитой [11].

Третий подход (Л.В. Бабаева, 1995, 1997) применяет рыхлый, но вполне определенный показатель — если ты богатый человек, бизнесмен, банкир, предприниматель, следовательно ты представитель элиты [12]. Тот же «критерий» применяется и по отношению к политическим деятелям — если ты один из руководителей партии, движения, депутат или крупный чиновник — значит, находишь в элиту. А если на тебе лежит еще печать «исторической» личности, то это, несомненно, служит доказательством принадлежности к элите.

На наш взгляд, эти подходы уязвимы с точки зрения качественной определенности, с позиций научности, так как ни один из них не дает ответа на вопрос — обладают ли те, кого относят к элите такими существенными характеристиками, которые реально возвышают их не по толщине кошелька или политической должности, а по тому, олицетворяют ли они ценностные и интеллектуальные ориентации российского общества.

Сопоставление различных точек зрения, в том числе и зарубежных ученых, позволяет внести существенные коррективы в характеристику существенных черт элиты, возродить некоторые забытые и полузабытые трактовки, а также сравнить их с реальностью. Обобщая и суммируя все сказанное можно сделать вывод: *элита — это все лучшее, отборное, качественное.*

Во-первых, это означает служение высшим интересам общества, без скидок, без оговорок, без сомнений, что именно она в первую очередь защищает национальные интересы в самом высоком звучании этого слова как в геополитическом смысле, так и при решении внутренних проблем.

Во-вторых, элита демонстрирует преданное, подлинно патриотическое служение обществу во всем — большом и малом, заметном и скрытом, в трудовой деятельности или на поле брани, в творчестве или обычной жизненной ситуации. Иначе говоря, это постоянное проявление гражданственности, верности обществу, в котором живешь и работаешь.

В-третьих, элита — это соблюдение требований нравственности, без назидания и морализаторства, постоянное проявление ответственности во всех без исключения жизненных ситуациях, демонстрация внутреннего достоинства, особенностей суверенности личности, или, как говорил М. Вебер, обладание «этикой убеждений», «этикой общественности», наличие качеств «политика по призванию».

В-четвертых, элиту характеризует высокий интеллектуальный уровень, который помогает возвышаться над сиюминутным и обыденным и который способствует умелому, эффективному и рациональному решению жизненных проблем.

И наконец, надо иметь в виду преемственность в формировании элиты, ибо многие качества отшлифовываются на протяжении череды поколений, будь то британская аристократия или русское дворянство, наследственные династии врачей, учителей, ученых или хлеборобов.

Следовательно, к элите принадлежит не тот, кто имеет власть или капитал (причем, чем больше, тем лучше), а тот, кто характеризуется необходимым набором гражданских и нравственных качеств, которые позволяют без скидок, натяжек и обмана именовать его представителем и обладателем всего лучшего, что накопило человечество в процессе своего развития, быть частью цивилизации, а не ее искаженной модификацией.

17.2. Реальности российской «элиты»

Если судить об истинных чертах и качествах современной правящей группы, то прежде всего обратим внимание на три характеристики: две явных — обладание властью и капиталом, а одна скрытая — стремление возвышаться над народом, в глубине души считая других членов общества неудачниками, а то еще и проще — «быдлом», которое не способно не на что «дельное» и которое достойно только кнута и презрения. Исходя из такой логики, считается, что, если имеешь пост в структуре власти или значительные финансовые либо иные ресурсы, этого вполне достаточно, чтобы быть причисленным к элите. И это принимается как само собой разумеющееся. И к сожалению, это мало кем ставится под сомнение.

Но следуя логике этих рассуждений, давайте посмотрим, а что же в реальности представляют те люди, которых называют элитой и которые с большой охотой так сами себя именуют.

Обычно в прессе и научной литературе речь идет о нескольких группах, которые олицетворяют сильных мира сего. *Во-первых*, это

часть бывших партийных, советских, комсомольских и хозяйственных работников, которые приобрели в рыночных условиях «новое дыхание». **Во-вторых**, это бывшие теневики, имевшие опыт подпольной, полузаконной предпринимательской деятельности еще в советское время и чьи возможности по реализации своих стремлений до прихода рыночной экономики были весьма ограничены. И **наконец**, весьма пестрая группа людей, состоящая из искателей богатства, славы и известности, — от предприимчивых, рискованных деятелей до авантюристов, хищников, всякого сорта грабителей и демагогов (последние больше заявили о себе в сфере политики).

Но можно ли их называть элитой?

Что касается первой группы, бесспорно, что многие представители из бывшей номенклатуры еще в годы перестройки стали отходить от ортодоксальных позиций официальной идеологии и начали готовить базу для будущей предпринимательской или политической деятельности. Залогом их экономических «успехов» стали причастность к разделу государственной собственности и умение урвать от этого пирога кусок пожирнее, не взирая ни на какие правила игры. Анализируя эту ситуацию, С. Магарил напомнил слова Л.Д. Троцкого, который, будучи в изгнании в Мексике, предрекал, что со временем «советская бюрократия будет искать для себя возможность вернуться к институту частной собственности», что по сути дела и стало стержнем так называемых реформ 1990-х гг. [13]. И чем нахальнее был в этом стремлении тот или иной деятель, тем больше «благ» он смог «ухватить» для себя. К тому же эта группа, по крайней мере значительная ее часть, не была отягощена нравственными принципами. Более того, ее представители умело камуфлировали личные и групповые интересы под общественные. У них не было стремления служить обществу, хотя оно весьма успешно имитировалось и демонстрировалось, правда главным образом на официальных мероприятиях, ведь от этого зависела карьера. Интеллектуальный потенциал ее представителей (знания, профессиональная подготовка, организаторские способности) нередко проявлялся весьма своеобразно, подчиняясь законам двойной и тройной бухгалтерии. Аналогичный процесс происходил и в политике — чем больше человек «расплывался» с «социалистическим наследием», тем больше он имел возможностей продвинуться или пододвинуться к господствующей верхушке. **Для них были характерны мимикрия, хамелеонство. Их главная установка — при любом раскладе остаться у власти, причем безразлично, какой она будет по цвету: белой, красной или полосатой.** Самым важным было одно — овладеть властью или быть при ней с правом обладать возможностями для приобщения к возможно большему количеству благ и привилегий.

Если исходить из апробированных историй традиций, которые предполагают отбор лучших в состав элиты, то они не могли продолжаться в этой группе, поскольку в нее рекрутировались представители всех слоев общества и прежде всего по политико-идеологическим критериям. А эти критерии по своей исходной сути не могли (и не могут быть) истинными показателями интеллектуального и нравственного развития. Так разве можно применительно к этой группе говорить о «порядочности», «чести», «доблести», «искусстве управлять обществом»? Тем более — употребить слово «элита»?

Вторая группа — представители теневой экономики, накопившие в советское время опыт скрытой и закамуфлированной, по сути дела, нелегальной предпринимательской деятельности. Обладая ограниченными возможностями в рамках советской экономики, но, приобретя колоссальный опыт обмана, мимикрии, хамелеонства, они в полной мере перенесли этот багаж в рыночные отношения. Более того, многие из входящих в эту группу убедились на своей шкуре, что без совершенствования подобных методов и приемов не выжить, не удержаться на плаву. Как многие политические «подпольщики», так и бывшие теневики не могли и не могут быть элитой, ибо долгие годы комбинирования желаемого и должного, личного и официального, приспособленчества и лавирования породили такой тип сознания и поведения, который сам по своей исходной логике не мог сформировать в этих людях ни «лучшего», ни «отборного». О какой элите в данном случае может идти речь, когда весь стиль мышления и деятельности этих людей направлен на то, чтобы словчить, обмануть, держать фигу в кармане, ввести в заблуждения всех и вся относительно своих истинных намерений и целей. Это стало их второй натурой, от которой они не могли отказаться даже тогда, когда был провозглашен переход к рыночной экономике, и не стало никаких препятствий для проявления собственного «Я». Весьма характерно в этом плане признание бывшего руководителя Госналогслужбы, ныне губернатора Калининградской области Г. Бооса, что он тоже обманывал налоговые органы (государство), когда был предпринимателем.

Обращает на себя внимание еще одно примечательное явление, особого рода парадокс — теневики и криминальные элементы, не удовлетворяясь достигнутым экономическим благополучием (казалось, что еще надо?) как показывают избирательные кампании на всех уровнях, двинулись во власть. Анализ состава Совета Федерации РФ показывает, что он практически полностью укомплектован из представителей бизнеса — это достаточно лакомый кусок власти, чтобы быть закрытым от всех возможных посягательств на достигнутое

благополучие. В парламентских, губернаторских, региональных и местных выборах все более возрастающее участие принимали и принимают представители различных преступных сообществ (например, уралмашевская группировка, алюминиевое «братство» Быкова в Красноярске). А в том, что некоторых из них выберут, сомневаться не приходится. Так что же, завтра мы будем величать криминального авторитета не только депутатом (сенатором), но и еще представителем «элиты»?

Что касается третьей группы, то при всей своей разношерстности ее представители одержимы одним стремлением — ухватить «кусоч» побольше и пожирнее, завоевать место под рыночным солнцем, обмануть ближнего (и дальнего тоже). О каких нравственных качествах, этике, порядочности можно вести речь? Идет жестокая и беспринципная борьба за собственность и ее передел. И выживают в ней самые наглые, самые беспардонные, самые отчаянные и рисковые, готовые никого не щадить на пути к достижению своей цели. Да, они проявляли и проявляют чудеса изворотливости, работоспособности, умения комбинировать и вычислять. Но причем тут элита?

Разве не разрывом между должным и сущим, между реальностью и притязаниями продиктовано появление анекдотов о «новых русских», интеллектуальное «богатство» коих заключается разве что в жаргоне, который сродни воровскому. И не они ли породили такое выражение, когда в попытке хотя бы частично обелить себя стали употреблять такое понятие как «криминальная элита»(?!). Согласитесь, это лучше, чем именоваться бандитом, грабителем, мафиози, тем более что таким жаргоном пользуются и представители региональной политической «элиты». «Крепостное право, — выразался бывший саратовский губернатор Д. Аяцков, — в первую очередь на селе все еще присутствует. Не зная, где этот *пай в натуре* (курсив мой. — Ж.Т.; на воровском жаргоне это означает земельный надел), это просто фикция» (Аргументы и факты. 2001. № 9. С. 2).

Аналогично ведут себя такие люди и на политическом поприще. Правда, с одним весьма существенным отличием. Если в экономической сфере так или иначе продемонстрировали свою практическую хватку, умение действовать в условиях рынка, то в сфере политической в большинстве своем обнаружили полную неспособность сделать что-либо конкретное, организовать какое-нибудь дело. Мало кто из них оказался способным хотя бы что-то воплотить в жизнь. Да и можно ли назвать элитой людей, которые вчера не имели ничего (был гол как сокол), но за год (а то и меньше) пребывания у власти в должности, скажем, министра, заместителя министра или просто высокопоставленного чиновника стали владель-

цами банков, фондов, компаний с заоблачными доходами. И их вы прикажете считать лучшей частью общества?

Таким образом, реальности российской элиты весьма и весьма противоречивы: форма действительно не соответствует ее содержанию. Главная цель, преследуемая теми, кто имеет власть и капитал, — удержать их при всех обстоятельствах (а при возможности и приумножить), обезопасить себя от общества, сделать все, чтобы население молчало, терпело, не противилось манипулированию собой, в том числе и на выборах. Им не обязательно добиваться поддержки значительного большинства, что необходимо для достижения консенсуса в традиционном понимании, а достаточно просто относительно позитивного отношения к своим претензиям и требованиям. И конечно, в любом случае, при любых обстоятельствах надо удержать власть, сохранить и увеличить свое богатство, чего бы это ни стоило.

17.3. Как называть тех, кто правит нами?

Если данный анализ сводится к отрицанию того, что нами правит элита, то как же назвать тех, кто на самом деле распоряжается судьбами россиян — их настоящим и будущем?

Признавая сомнительность и парадоксальность использования термина «элита» при характеристике российской реальности, многие ученые называют этот слой иначе, применяют другие термины и понятия. Чаще всего в научной и публицистической литературе используются слова «лидеры» или «политические лидеры». На наш взгляд, есть некоторые основания для их употребления. *Лидер* — тот, кто фактически осуществляет управленческие функции в той или иной сфере общественной жизни и обладает достаточными властными полномочиями или авторитетом. Лидерами являются те, кто стоит во главе определенных организаций, предприятий, движений или общественных инициатив и оказывает реальное влияние на процессы, к которым они имеют отношение. Эти люди, как правило, задают тон в политике и экономике, принимают ответственные решения, от которых зависит судьба людей или осуществление тех или иных основополагающих актов. Но о каком лидерстве может идти речь в стране, в которой все существующие типы руководителей всех уровней и рангов сменяются с калейдоскопической скоростью: разве может эта чехарда олицетворять феномен лидерства?

Иногда при анализе политической и социально-экономической жизни людей, которые управляют страной, называют *правлящей*

группой (слоем). Это относительно взвешенное, без эмоциональной окраски определение позволяет беспристрастно оценивать их действия, достаточно нейтрально формулировать отношение к ним, выявлять как позитивные, так и негативные стороны в их деятельности.

Следует упомянуть и применяемый в некоторых работах термин *«истеблишмент»*, который означает верхушку правящего класса в том или ином обществе. Он тоже без «окраса» — просто говорит о факте существования или наличия группы людей, правящих страной, сосредоточивающих в своих руках основные и решающие рычаги власти.

При анализе политической и экономической власти используются и такие понятия, как *«политические деятели»*, *«руководители»*. Но они звучат слишком расплывчато, приложимы к широкому кругу политиков — от районных и городских до деятелей общероссийского масштаба, от принадлежащих к правящему слою до оппозиционеров, от политиков, решающих локальные проблемы, до политиков международного уровня.

Как это ни парадоксально, но те люди и те группы людей, которые заправляют экономическими и политическими делами в современной России, не являются и не имеют права именоваться элитой. К ним наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам работы такие понятия, как «клики», «кланы», «касты». Они характеризуют специфические социальные образования, сплоченность которых базируется на корпоративном сознании, групповых, а не общественных интересах. Напомню для пояснения своей мысли к изначальному смыслу этих понятий.

Клика, по мнению С.А. Эфирова, это группа сообщников, объединившихся для достижения любыми средствами неблагоприятных, корыстных целей (в качестве примера он рассматривает финансовые, управленческие и придворные клики). Иногда клика ассоциируется с группировкой, основной критерий деятельности которой — не интересы общества, а интересы локальных объединений. Иногда понятие «клика» употребляется как синоним понятию «банда». «Кликкой» называют правящие группы, незаконно захватившие власть или обладающие ею без правовых и/или нравственных оснований [14]. И в самом деле, можно ли с чистой совестью сказать о любой политической или финансово-экономической группировке в современной России, что она выражает насущные общественные интересы и потребности? Разумеется, они говорят и претендуют на такое выражение. Но на самом деле по большому счету в это они не верят и сами. И мерой их циничности выступает постоянно

внушаемое всем окружающим утверждение: если это выгодно и полезно им, то это выгодно и полезно для общества. Размах корпоративизма, группового эгоизма достигает таких размеров, которые напрочь отменяет возможность рациональных решений в интересах общества. Интересы клик и интересы общества — это никогда не совпадающие величины.

Что касается слова «*клан*», то одно из его значений — «замкнутая группировка людей, считающих себя избранными, лучшими в каком-нибудь отношении» [15]. Кланов формируются на принципах родства, протекционизма, землячества, замкнутого ближайшего окружения, иногда исходя из профессиональных предпочтений. И ответ на эти притязания — появление и функционирование других кланов, также претендующих на власть, но построенных и сформированных не на политической концепции, национальной идее, а на родоплеменных, узкогрупповых, эгоистических притязаниях. Именно клановые интересы разрывают живое тело многих постсоветских государств — и в России, и в Украине, а особенно в закавказских и среднеазиатских государствах.

Нередко кланы модифицируются и превращаются в *касты*. Согласно С.И. Ожегову, каста — это «узкая общественная группа, которая отстаивает свои привилегии и интересы и доступ в которую для посторонних затруднен или невозможен» [16]. В самом деле, многие ЗАО (закрытые акционерные общества) и ОАО (открытые акционерные общества) по сути являются кастами, состоящими из узкого круга тяготеющих к криминалу или теневой экономике лиц. Многие так называемые политические группировки, гордо именующих себя партиями и движениями, также представляют собой замкнутые сообщества, не желающие ни с кем сотрудничать, взаимодействовать, зачастую пользующиеся скандальной славой. Их поведение, как, впрочем, и поведение многих политических и экономических «вершителей» судеб миллионов россиян, вполне укладывается в схему из анекдота: «Программа по проведению реформ в России: Пункт 1. Сделать людей богатыми и счастливыми (список людей прилагается)».

Приведенные понятия достаточно близки друг к другу и наиболее полно выражают сущность сознания и поведения тех, кто олицетворяет реально существующую власть в России. Экономическое пространство уже давно поделено между разными кланами, кастами, кликами. Они сформировались стремительно, опираясь на складывавшие еще в советские времена родственные связи, личную преданность, приятельские отношения, что позволило поделить лакомые «куски» экономики. Обделенность отдельных кликов, кланов,

каст, считающих этот раздел собственности неоправданным, привел к криминальным и полукриминальным формам борьбы, переделу сфер влияния, «отстрелу» — явному или скрытому — «элитных» конкурентов.

По-иному происходит борьба каст, кланов и клик в сфере политики. Здесь наблюдается их постоянная смена, когда одна группировка сменяет другую или когда появляются комбинации из двух-трех кланов или клик, каждая из которых претендует на выражение общественных интересов, а по сути дела преследует свои амбициозные и корыстные цели. Главная опасность (и главный порок) этих группировок — попытка убедить общество в том, что их цели — это цели общества (народа), что проявилось, например, в политике по монетаризации льгот. Перевернутая с ног на голову, такая установка «позволяет» политическим кликам «обижаться» на народ, который-де не понимает и не поддерживает их в «высоких» стремлениях, постоянно отказывает в доверии, в том числе и на выборах. Но суть оставалась неизменной: отказ от экономических и нравственных обязательств перед народом. Поправление закона стало всеобщим условием их собственного обогащения.

Анализ реально складывающейся ситуации показывает, что в российской экономике и политике возобладали особые группы правящего слоя, которые добиваются осуществления групповых, корпоративных, корыстных, а нередко и низменных целей, не имеющих никакого отношения к интересам общества. Более того, члены этих сообществ не так уж редко смыкаются с группировками, реализующими антиобщественные и даже преступные цели. Даже официальные власти при всей терпимости и взаимопрощенчестве подобного рода «смычек» все же возбуждают против них уголовные дела (а сколько их замалчивается?). А как объяснить действия представителей экономических каст, кланов и клик, когда они прячут капиталы за границей, уклоняются от налогов, организуют всевозможные «пирамиды» и просто воруют? Трудно понять поведение политических деятелей, которые вышли из народа и «возвращаются в народ» только по приговору суда, успев, как правило, за период пребывания у власти обеспечить себе безбедную и независимую от государства жизнь не только в своей стране, но и за границей. А как называть людей, суть жизни которых состоит в отмывании теневого капитала, финансовых спекуляциях, хищениях, сращивании с преступными группами?

Общественное сознание чутко улавливает фальшь, амбиции и немерные претензии власть предержащих, которые с трудом усваивают истину, что сначала их оценивают по намерениям, но затем и

окончательно — по результатам. И сколько бы команда Гайдара не доказывала благородство и искренность своих намерений переустроить страну, народ уже вынес свой окончательный вердикт, от которого никогда не отвернется: эти новоявленные спасители стали инициаторами неслыханного ограбления народа, гигантского расхищения социалистической собственности, воровства национального богатства и колоссального прохиндейства. И это при том, что данные клики оказались даже не способными поддержать или выработать правила рациональных действий, без которых невозможно существование общества.

Произвольное употребление слова «элита» не так уж безобидно, как может показаться на первый взгляд. Сам факт его использования власть предержащими возвышает их, оправдывает их существование, сеет определенные иллюзии, возбуждает положительные эмоции. Подспудно внедряется и такая мысль, что у элиты или у ее отдельных представителей могут быть некоторые изъяны, недостатки, что вполне, мол, объяснимо. Между тем, общество должно знать правду о слое, который претендует — без всяких на то оснований — на это звание. А ученым и журналистам незачем способствовать обману и камуфляжу, поддаваться на уловки и молчаливо одобрять самовосхваление тех, кто причисляет себя к «избранным», или даже выполнять заказы на описание и исследование «элит».

Таким образом, наше общество имеет то, что имеет. ***И это еще один колоссальный парадокс: нам предлагают именовать элитой нечто сомнительное, весьма спорное и подозрительное во всех отношениях.*** А кто в этом сомневается, посмотрите вокруг и подумайте — а не хотят ли нас обмануть, ввести в заблуждение наши представления о гражданственности, человечности и избранности тех, кто правит нами.

Злоупотребление этим словом не так безобидно, как может показаться на первый взгляд: «элитные слои» России сами культивируют такие формулировки и такое отношение к себе, ибо они не акцентируют внимание на их неблагоприятных делах, замешанных на обмане, коррупции, хищениях и безмерном бесстыдстве. Приведем одну цифру: цена годовой коррупции в России равняется 40 млрд долл., а если говорить о взятках, то они оцениваются в 6 млрд долл. [17]. По данным других специалистов, например, Г.Ю. Глазьева, эту сумму можно увеличить в два-три раза. Ощущая себя временщиками на час, власть и капитал предержащие хотят, чтобы при всем том их называли элитой, так как это приносит им удовлетворение, а людей отвлекает от попыток контролировать их действия и требовать ответственности за их политику.

Примечания

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991, С. 907.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1981. С. 758.
3. См., например: *Ашин Г.К.* Современные теории элиты. Критический анализ. М., 1985.
4. *Крэстева А.* Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социол. исслед. 1996. № 6.
5. *Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. Воронеж, 1996.
6. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. М., 1998. С. 5; *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
7. *Охотский Е.В.* Политическая элита. // Политическая социология. Учебник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2003. С. 166–167.
8. *Титов В.Н.* Политическая элита и проблемы политики // Социол. исслед. 1998. № 7.
9. См.: *Танчер В.В.* Теории неозелизма в свете демократической трансформации и украинские реалии // Социол. исслед. 1999. № 10.
10. *Анурин В.Ф.* Постиндустриальное и/или коммунистическое общество // Социол. исслед. 1999. № 7.
11. См.: *Ашин Г.К., Охотский Е.В.* Курс элитологии. М., 1999.
12. См.: *Российская элита.* М., 1996.
13. Цит. по: *Магарил С.* Интеллигенция и будущее России // Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. М., 1999. № 6.
14. См.: *Современная западная социология.* Словарь. М., 1990. С. 130.
15. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. С. 276.
16. Там же. С. 270.
17. *Фигуры* и лица. Интервью с И. Хакамадой // Независимая газета. 1999. № 7. С. 3.

Глава 18

Центристы в России: все или никто?

Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений

А.С. Пушкин (1799—1837)

В конце 1990 гг. в России отчетливо выявилось парадоксальное явление: самой модной одеждой, которую напяливает на себя чуть не каждый политик, почти все политические партии и общественные движения, стал центризм. Желание объявить себя центристом беспредельно и безудержно — под его флагом теснятся правые и левые, националисты и патриоты, анархисты и федералы, белые и розовые и т.д. и т.п. Даже лидер ЛДПР В. Жириновский постоянно объявляет, что настоящими центристами являются только он и его партия. В общем, все, кому не лень, хотят именоваться центристами.

В такой ситуации в центризм «впихивается» практически все, что говорится, пишется, дискутируется по всему спектру экономических, социальных и политических проблем. И получается, что центристами называют себя те, кто за частную собственность, и те, кто против таковой, кто за монархию и против нее, кто за и кто против безработицы. Центристами себя часто называют и те, кто вообще не имеет никакого определенного мнения и занимает «резиновую» позицию — берут в свой «багаж» всего понемногу от самых различных точек зрения. Такая ситуация порождает интересный феномен, когда те, кто, толкаясь под стягом центризма, продолжают воплощать в жизнь старую советскую присказку «а вас здесь не стояло», что служит затем поводом для ожесточенных споров — а кто все же самый «центристский» в России?

Интуитивное понимание того, что не все чисто, более того, сомнительно в трактовке сущности центризма, привело к самым различным новообразованиям — новоязу: «правый центр», «левый центр», чуть «левее правого (левого) центра», «левые» («правые») с центристским уклоном. Появилась даже формулировка «политиче-

ский центризм», как будто бы можно его добиться, игнорируя требования в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества. А.И. Соловьев даже выдвинул удивительную идею, что и «среди левых, и среди правых могут быть свои центристские партии» [1]. В том, что все смешалось в трактовке центризма, повинны (и это весьма прискорбно) многие ученые. Сумятица упорно поддерживается и немалым числом политиков и журналистов, которые с экранов телевизоров и на страницах газет увеличивают сумбура в представлениях людей о сути и предназначении центризма.

В отличие от выборов 1995—1996 гг., когда слово центризм было в моде среди определенных политических сил, в настоящее время уже не отдельные лица и группировки, а практически все так или иначе лепятся к понятию «центр», заимствуют (крадут?) друг у друга идеи, лозунги, призывы, программы, претендуя на то, что только они являются выразителями этих общественных настроений. Правда, неблагодарный народ не замечает порывов благородных «центристских» душ и почему-то никак не хочет быть облагодетельствованным именно этими партиями, объединениями или конкретными политическими деятелями.

18.1. Реальности российского центризма

Центризм, на наш взгляд, в основном существует в вербальном или виртуальном воображении, так как его в России не было, нет и в ближайшее время в качестве господствующей силы не предвидится. Зато существует огромное количество объяснений сути центризма, среди которых имеются просто уникальные. В большинстве же случаев каждая такая трактовка выражает свое понимание центризма, исходя из ведомых только ей помыслов. Познакомимся с существующими точками зрения.

Согласно первой, пожалуй, самой распространенной и самой примитивной трактовкой центризм объявляется как нечто среднее между крайними точками зрения — радикальными правыми и левыми концепциями. Мол, если не разделяешь позиции и политические взгляды крайних толков и придерживаешься чего-то промежуточного между ними, это и есть центризм. Так, по мнению бывшего вице-премьера В. Христенко, на российской политической арене обязательно одержат победу только те силы, которые сумеют отойти от крайних «левых» и «правых», создав определенный синтез различных общественных сил [2]. Такая позиция напоминает старую восточную байку о нейтралитете, которая в полной мере применима к данной ситуации. На вопрос, что такое нейтралитет (центризм),

следует ответ: «Это когда Ахмед тянет одеяло на себя, а Махмуд на себя, а я посереде лежу, нейтралитет (центризм) держу». Именно в таком противостоянии различных противоборствующих точек зрения такие центристы мыслят свои позиции, свои намерения и устремления. Кстати, если не будет этого «одеяла», которое тянут на себя крайние политические силы, значит ли это, что центризм исчезнет?

Вторая точка зрения на центризм сводится к тому, что народ-де глуп, необразован, не подготовлен к восприятию настоящей политической культуры, поэтому **надо добиваться согласия на уровне политических сил, государственных лидеров, высших чиновников, всех тех, кто имеет власть или кто уж очень настырно добивается ее.** Мол, такое согласование позиций и точек зрения и будет центризмом, ибо оно способно избежать крайностей, добиться уступок друг другу и на этой основе вести народ к его светлому будущему, не утруждая его излишними заботами, так как он, мол, всей глубины проектируемого счастья не понимает, более того сам себе навредить может. **Иначе говоря, под центризмом в этом случае понимается некий сговор высших политических сил,** только которым и дано знать, как поставить Россию на истинно правильный путь. Как видно, в данном случае центризм превращается в согласование (сговор) интересов касты (клики) политиков, а не в механизм удовлетворения нужд и запросов населения [3]. Не на этом ли пути сейчас стоит политическое руководство «Единой России»?

Третья точка зрения, имеющая хождение среди части интеллигенции, исходит из того, что **центризм должен всех устроить, всем угодить, всем что-то пообещать и даже что-то сделать.** Согласно этой позиции центризм — это тактика «попеременно произносить то левые, то правые лозунги» в зависимости от аудитории» [4]. Если же выразить эту позицию по существу, то центризм — это беспринципность, погоня за сиюминутным эгоистическим интересом, выгодой, или хамелеонство, прикрытое благостными пожеланиями. В таком случае о центризме вообще не стоит говорить, а только показывать его приспособленчество, показуху и непорядочность по отношению к тем, кого он хочет облагодетельствовать.

Четвертая точка зрения видит смысл центризма в том, что он выражает волю и надежду так называемого среднего класса. Она исходит из того, что, как показывает опыт зарубежных стран, центризм базируется и ориентируется на потребности и интересы именно этого класса, что позволяет регулировать социально-экономические процессы в интересах большинства населения [5]. Правда, радетели этой позиции почему-то не замечают, что средне-

го класса в России нет или он насколько малочислен, что ориентироваться на него, это значит учитывать интересы того, чего практически нет в реальной жизни.

Стоит упомянуть и *такую трактовку центризма, которая исходит из того, что надо искать практические успехи и добиваться их всеми возможными средствами*. Достижение, мол, реальных, осязаемых результатов, в конечном счете, принесет благо не только его творцам, но и всему обществу, всей стране, хотя, может быть, и не сразу. Такая трактовка центризма сводится к защите интересов тех, кто умеет делать дело, кто умеет обогащаться. Ее разделяют многие руководители регионов, строя свою политику на создании образа крепкого хозяйственника, нацеленного на то, чтобы строить дома, подметать улицы, содержать города и села в чистоте и порядке. Причем такая позиция нередко умалчивает или игнорирует то, какими средствами это будет реализовываться — важно, мол, то, что благополучие населения будет расти.

Есть еще один подход (и довольно распространенный), *который идеализирует идеологию и политику центризма и превращает его в своеобразную икону*. В этой идеализации имеются свои различия — одни (например, М. Соколов) считают, что центризм есть учение о гармонии [6], другие (С. Модестов) ищут примеры в историческом прошлом, приписывая политику центризма всем, кто более или менее был удачлив и последователен в проведении экономической политики [7]. Но это, на наш взгляд, никак не означает, что их успехи или их намерения в политике следует называть центризмом.

И наконец, центризмом называют эклектику, набор взглядов и идей, в которых перемешено в самом причудливом сочетании все, что существует в современных политических и идейных течениях. Берутся какие-то идеи у левых, какие-то у правых — вот и получается «сложный сплав идей» (Л. Андреев). Здесь и идеи капитализма, и социалистические надежды, и националистические претензии, и религиозные реверансы, и еще невесть что, и все это выдается за истинные желания народа. При этом многие ссылаются на теорию конвергенции (сближение капитализма с социализмом), ее интерпретацию А.Д. Сахаровым, пытаясь выдать этот конгломерат за вполне полезную вещь [8]. Сторонники этой точки зрения забывают, что просто соединение (или даже попытки соединить) различных точек зрения и позиций весьма сомнительно трактовать как центризм. Есть также весьма своеобразные варианты эклектики, когда центризмом объявляют предельно общие лозунги (например, обеспечение социальной безопасности, защиты национальных интересов страны, достижение достойного уровня жизни), под которыми подпишутся все без исключения политические силы.

Анализ многообразия подходов позволяет утверждать, что мы имеем такое количество взглядов и позиций, которые делают центризм чем-то мало вразумительным, расплывчатым, непонятным феноменом. А реальность такова, что «сторонники» центризма уже не только спорят, но и склочничают, навешивая на оппонентов ярлыки квази- или псевдоцентристов [9].

18.2. О сущности центризма

Реальный анализ общественного развития показывает, что нельзя заранее, исходя из умозрительных заключений, провозглашать себя сторонником центризма. Центризм формируется самой логикой жизни, а не намерениями и пожеланиями отдельных лидеров, партий или политических блоков, какими бы благими они не выглядели на первый взгляд.

Центризм определяется не тем, кто относит или не относит себя к этому политическому течению, а тем, является ли он (центризм) отражением преобладающих настроений и ориентаций основных групп населения. Потому только тот, кто реально учитывает их интересы, потребности, предпочтения, ценности и руководствуется ими в своей политике, вправе претендовать на это достойное гражданского согласия определение. Иначе говоря, причастность к центризму определяется самим народом. А следование его желаниям и ожиданиям (независимо от того, нравятся они или нет) является законом центристской политики. И даже в том случае, если ориентации не совпадают с политическими установками и предпочтениями общественных сил, это не должно быть основанием для их отвержения под фальшивыми лозунгами — «народ заблуждается», «не понимает», «надо разъяснить» и т.д. Правило и основной принцип центризма — *обязательно реагировать на эти интересы посредством выработки конкретных мер, а не игнорировать мнение людей, каким бы неправильным оно ни казалось.*

В настоящее время, по данным социологических исследований, людей волнуют несколько проблем, а не одна, как утверждают средства массовой информации и некоторые политические деятели, а именно: снижение уровня жизни, обнищание (мнение 76% опрошенных); насилие, беззаконие, криминализация общества (мнение 61%); коррупция власти (мнение 54%); генетическое вырождение нации (мнение 46%) [10]. *Их решение и должно определять суть центристской позиции.*

Народ во многом руководствуется тем, что подсказывает ему реальная жизнь. И это прекрасно. И надо не уличать его в том, что

он не так думает, не так понимает, как многие политические мудрецы, а делать из этого выводы. Как показали исследования ВЦИОМ, проведенные 1999 и 2004 г., истинность намерений большинства россиян проявилась в том, что соответственно 40 и 34% опрошенных хотели бы видеть Россию демократической, рыночной, правовой (12% — как в странах Запада). О возвращении в социализм советского типа помышляли соответственно 22 и 26%, а еще 22 и 26% считали, что России необходимо «совершенно особое государственное устройство с особым путем развития» [11]. Продолжает оставаться высоким число людей, занимающих пессимистические позиции относительно будущего развития России в XXI в.: 34,3% опрошенных россиян считают, что велика вероятность того, что «экономика будет продолжать деградировать, жизнь еще более ухудшется», 27,1% полагают, что Россия и в экономическом, и в политическом отношении попадет в полную зависимость от Запада, 26,9% опасаются установления авторитарного режима, а 17,5% — того, что «Россия распадется на ряд практически независимых друг от друга государств» [12].

По этому поводу можно сказать только одно — народ остро чувствует напряженность в стране, осознает изъяны развития российского общества и искренне ратует за то, чтобы в стране восторжествовало благополучие. А для этого надо решать земные дела, которые касаются большинства. Иначе говоря, многие люди, критически оценивая свое положение и ситуацию в государстве, стоят на разумных, рационалистических позициях, ориентируются на взвешенный, обдуманный, всесторонний подход на базе здравого смысла к волнующим его проблемам. Только ориентация на устремления народа и делает соответствующую политическую силу центристской, а не на произвольное, вне желаний народа, самопровозглашение того, что этой политической силе кажется.

То, что в своем большинстве народ придерживается центристских позиций, говорят и такие данные: только от 2 до 6—7% людей поддерживает взгляды и идеи крайне левого или правого экстремистского толка. Население достаточно отчетливо представляет, какие проблемы существуют, мешают им жить и как их нужно решать. Вся логика общественного развития показывает, что людей нельзя обмануть, и даже если это и случается, то не надолго. ***Народ сам по себе являлся и является центристской силой и поэтому тот, кто ориентируется на его интересы и потребности, вправе называть себя центристом.*** Надо только это соответствие определять не самой партии, а признанием ее народом, т.е. насколько люди поддерживают и разделяют ее позицию. И если партия в состоянии учесть притязания большинства, она может рассматриваться как центрист-

ская сила. Кроме того, важно не путать требования «демоса» — народа (демократии) с требованиями «охлоса» (толпы). Уход с политической сцены ультрарадикальных руководителей правого и левого толка в 1990-х гг. вселяет надежду, что охлократические методы и их навязывание политической жизни не могут пройти, так как не разделяются народом.

Ориентацией на позицию большинства центризм не ограничивается, ибо по большому счету единого народа нет: он состоит из различных социальных, социально-демографических и социально-профессиональных групп. Поэтому *одна из величайших задач центризма — не только отвечать на потребности большинства, но и согласовывать интересы основных, ведущих групп населения, добиваться их баланса*. Соответственно центристская политика не ограничивается регистрацией и общим ответом на основные ориентации народа — она в качестве следующего шага предполагает учет интересов главных социальных групп, определяющих лицо общества. Для каждой из них обеспечивается социальная ниша, в которой были бы удовлетворены их главные притязания, и что особенно важно — во взаимной увязке с интересами сопредельных групп.

Более того, *история нас постоянно учит: игнорирование или слабый учет этих интересов может породить очаги напряженности*, что в России в 1990-х гг. проявилось в конфликтной ситуации с шахтерами, с армией, с военно-промышленным комплексом, с крестьянством и пенсионерами. Появление этих очагов конфликта стало результатом того, что та или иная социальная группа сочла свои интересы ущемленными по сравнению с другими группами, которые, по мнению этой группы, располагают некоторыми преимуществами.

Иначе говоря, с точки зрения центризма каждой из социальных групп (по крайней мере влияющих на ситуацию в обществе) на основе анализа их понимания места и своей роли в общественной жизни представляется возможность иметь особую программу действий, подкрепленную соответствующим экономическим механизмом и законодательными актами. Неучет позиций и интересов этих групп чреват социальной напряженностью и даже социальным взрывом, что периодически напоминает через особые позиции этих групп и их акции (например, шахтерское движение, перекрытие дорог пенсионерами из-за политики монетаризации) с целью привлечь внимание общества к своей судьбе.

Показательно, что во многих подобных акциях возникает ситуация, когда удовлетворение притязаний одной из социальных групп может привести к ущемлению интересов других групп, которые болезненно реагируют на изменившуюся ситуацию и способны, в свою очередь, породить следующий очаг социальной напряженно-

сти. Без чувства локтя, понимания взаимной ответственности гражданского согласия не построишь. Вот почему признание каждой группой своей социальной ниши справедливой — важный показатель устойчивости центризма. В ином случае — угроза дезорганизации общественной жизни, сведение счетов, бесконечность претензий и обид и, как следствие, рост социальной напряженности и конфликтов.

18.3. Механизм и методы центризма

Центризм предполагает мастерство и искусство компромисса. Это нельзя трактовать как соглашательство, беспринципный сговор и даже как уступку. Нельзя это трактовать и как предательство ранее провозглашенных принципов, которыми «нельзя поступиться». *Мерой истинного, здравого компромисса выступает возможность взвешенного, адекватного (альтернативного) ответа на потребности людей.* В этих условиях не просто возможно, но и необходимо взять на вооружение установки и ориентации основных групп населения, причем таким образом, чтобы все группы признали возможность учесть притязания других групп и готовность пойти на уступки. Генеральный президент Франции Шарль де Голль в том и заключался, что в конце 1960-х гг., когда стране грозили беспорядки и анархия, он смог согласовать интересы основных групп — мелких собственников, крестьянства, молодежи и студенчества, рабочих, интеллигенции и крупной буржуазии. И более того, убедить многих из них или уступить друг другу в этом противостоянии или подождать с удовлетворением своих справедливых требований во имя всеобщего спокойствия.

Компромисс, лежащий в основе центризма, требует отказа от жесткого противостояния по принципу «или — или». Жизнь свидетельствует, что есть немало полутонов, переходных состояний, когда самым причудливым образом могут сочетаться на первый взгляд противоречивые ориентации политических и общественных сил. В этих условиях подгонять свои действия под заранее провозглашенную цель — значит сознательно провоцировать возникновение неустойчивой ситуации, противопоставлять интересы одних групп людей другим. Гораздо труднее понять, почему в политических предпочтениях населения появляются взаимоисключающие установки и какие меры по их взаимному согласованию в этой ситуации будут эффективными.

Компромисс не исключает четкости и ясности в определении политической позиции центризма. Не всякое реагирование или надежда на то, что опасность или проблема «авось рассосется», определяет ценность позиции центризма, его последовательность и определенность. Очевидно, что в 1990-х гг. некоторые государственные акции (в том числе и в ряде республик) граничили с политикой открытого национализма с шовинистическим оттенком, а отнюдь не с желанием найти взаимоприемлемый компромисс. Однако это не исключает, а, напротив, *предполагает и диалог, и поиск общих точек зрения даже с силами, отвергающими компромисс, а также попытки договориться, снять напряженность* — хотя в этом случае оппонент должен знать, как квалифицируются его деяния.

К механизму функционирования центризма следует отнести использование здравого смысла, к которому нередко относятся скептически как в теории, так и на практике. Одно время усиленно критиковалась философия здравого смысла как явно ущербная, не соответствующая перспективным устремлениям и стратегическим изменениям в общественном развитии. Критики нередко упрекали сторонников здравого смысла в том, что они не видят дальше собственного носа.

В советское время здравый смысл часто отвергался под флагом борьбы с «хвостизмом», ибо следовать повседневным заботам людей считалось пагубным, недалекновидным: политик, политический деятель должен был вдохновлять людей на реализацию «передовых идей», ниспровергать мещанские взгляды и вкусы, показывать ущербность тех намерений, которые вытекали из повседневных забот. Но даже в советское время было немало людей, которые не соглашались с такой постановкой вопроса, оказывались признавать тезис, что следование желаниям народа является предосудительным, а не реальным долгом по устройству личной и общественной жизни. Ведь все более или менее жизнестойкие концепции и политические идеи (в том числе и марксизм) возникли из осознания, оформления желаний и устремлений народа. По нашему глубокому убеждению, как только политическая партия или общественные движения перестают учитывать в своей деятельности потребности и чаяния народа, наступает их политическая смерть, и они уходят в историческое небытие. Крах КПСС тоже в немалой степени связан с тем, что жизненные заботы народа стали для нее второстепенным и третьестепенным делом.

Здравый смысл отрицает крайности в мышлении и в действиях. Население не было согласно с требованиями радикал-демократов в

первой половине 1990-х гг., настаивающих на том, чтобы «все смести», «все красное ликвидировать». В то же время в своем большинстве население не поддерживает призывы левых радикалов, требующих «все вернуть», «все советское восстановить». Как в том, так и в другом случае большинство людей настроены рационально, но не догматично — они исходят из волнующих их забот и возможности их эффективного решения, т.е. из здравого смысла.

Здравый смысл предполагает учет колебаний, изменений и даже зигзагов в настроениях людей, а не идеологическое обрамление политических намерений. Учет состояния и тенденций развития общественного сознания и будет реальным воплощением идей центризма.

Последовательность центризма вытекает из объективной логики развития, логики функционирования общественных сил, а не из заранее кем-то придуманных целей, пусть на первый взгляд и рациональных. Но если они не находят отклика у большинства людей, то политическое забвение этим идеям обеспечено.

Что касается *методов центризма*, то следует обратить внимание, что нередко он воспринимается как политика всем угодить, всем сказать то, что та или иная аудитория хотела бы услышать, всех примирить, все согласовать. А между тем центризм как последовательная и взвешенная политика имеет свои научно обоснованные, проверенные жизнью методы. Центризм характеризуется особыми приемами в работе, которые роднят его с аргументированным, сопоставленным с прошлым или аналогичным опытом.

Во-первых, центризм отвергает ссоры, предпочитая споры. Это означает выяснение истины при помощи сопоставления различных точек зрения, т.е. следование принципам диалога вместо оскорблений, подозрений, обвинений, которыми так богата современная политическая жизнь. Отказ от стремления ущемить интересы оппонента, унижить или «разоблачить» его методы работы несовместимы со стратегией и тактикой центризма — они предполагают кропотливый и внимательный анализ каждого из аргументов.

Во-вторых, центризм видит в сторонниках иной точки зрения не противника и уж тем более не врага, которого надо уничтожить, а оппонента, с которым можно и нужно согласовать свои подходы, свои предложения, найти взаимоприемлемое и решение волнующих общество проблем. Это не означает, что центризм превращается в некое подобие «болота». Центризм предполагает последовательность и настойчивость, верность принципам, а не сиюминутным интересам. Кроме того, центризм несовместим с идеологией реванша, с модифицированными формами реализации древней-

ших принципов построения общественной жизни: «око за око», «зуб за зуб».

В-третьих, центризм отвергает тактику частичной правды, когда по тем или иным причинам (даже иногда благовидным) скрывается или замалчивается часть истины. К сожалению, мы все являемся свидетелями постоянных уловок тех, кто считает себя центристом, кто регулярно использует фигуру умолчания, выпячивания того, что кажется в данный момент выгодным. Особенно настораживает факт активного участия так называемых центристов в манипулировании общественным сознанием, что, как очевидно, далеко не только от оптимальной, но и просто от нормальной политики.

В-четвертых, центризм ориентируется на решительное отвержение догм, последовательное обновление, поддержание всего рационального, нарождающегося, имеющего перспективу. В этой связи следует отметить, что центризм предполагает избавление от некоторых стереотипов политической риторики, вроде «нация превыше всего», «наша (либеральная, социалистическая, монархическая и т.д.) точка зрения единственно правильная» Очень сомнительно, что в политике центризма приемлемы термины вроде «титульные (нетитульные) народы», «лица кавказской национальности», «неприкасаемость депутатов», «политическая элита» и т.д.

И наконец, центризм не приемлет конъюнктуры — в его основе лежит долговременная политика, которая в конечном счете и приносит успех. Однако в современной российской политике политика центризма нередко становится разменной монетой, которая используется в зависимости от текущих потребностей, не чураясь демагогии, воровства идей у коллег и возможности откатиться от того, на чем настаивали эти конъюнктуришки еще вчера.

18.4. Перспективы центризма

История учит, что центризм — политика, которая стала реальностью в жизни многих стран. Особенно в XX в. и особенно после Второй мировой войны. В этой связи часто анализируют политику генерала де Голля, действия правящих партий в Швеции, Швейцарии, Финляндии.

В России судьба центризма оказалась сложной. Политических деятелей России, ратовавших за центристские позиции, везде и во все времена били в прямом и переносном смысле. Их освистывали, сгоняли с трибун, лишали слова, превращали в посмешище, обвиняли во всех смертных грехах — в поповщине, ревизионизме, идеализме, отрыве от жизни. К сожалению, наша история полна

прямо противоположных примеров, когда к власти систематически приходили люди экстремистского и крайне радикального толка, что только повергало наше общество в новые, еще более тяжкие испытания.

Практически никогда правящие слои — и до революции, и после нее — не руководствовались политически и экономически выверенными программами. Все попытки выработать такие программы и провести их в жизнь кончались серьезными неудачами и провалами. Даже в том случае, когда к правлению страной приходили люди, не жаловавшие и даже отвергавшие крайности, например Н.С. Хрущев. Но и он в своей политике имел тенденцию сползать то ли влево, то ли вправо. Многое реализовав из принципов центризма, Хрущев сделал все, чтоб под конец карьеры от этой политики не осталось и следа. Это характерно и для многих лидеров современной России, которые, ощутив негативный настрой общественного сознания против радикалов либерального толка, стали искать нишу, которая бы устроила или примирила многих, помогла бы возродить в людях уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. И был найден центризм, под которым стала подразумеваться вывеска, удобная для сокрытия истинных побуждений и намерений.

Но главное, что большинство политиков, ратуя за центризм, игнорирует и забывает основное — именно народ, большинство людей, их настроение, их самочувствие являются залогом успеха центризма. Более того, некоторые так называемые центристы в порыве откровенности нередко в той или иной форме придерживаются такого рассуждения: мол, народ (а по некоторым безответственным заявлениям — толпа) не дорос до зрелого политического сознания, до понимания своей исторической ответственности, и десятки и сотни лет потребуются, чтобы внедрить в него современные западные эталоны политической культуры. История им мстит за пренебрежение мнением людей: им отказывают в доверии, они терпят крах, потому что считали себя умнее и дальновиднее народа, из которого они вышли.

Анализ социологической информации показывает, что сознание народа здраво, живо и способно на разумные действия. Народ все активнее отвергает всякие идеологические байки всех без исключения экстремистски настроенных политических сил. Это позволяет сделать вывод, что иного пути, как уметь слушать людей, нет. И каковы бы ни были точки зрения, но пусть среди них по-

бедит та, которую разделяет народ. В этом залог стабильности, доверия власти и надежд на цивилизованное будущее [13].

А пока социологические данные свидетельствуют о том, что народ отчужден от современной власти, которой еще много надо сделать, чтобы приблизиться к оценкам власти советской. Иначе ни о каком центризме, на который претендует пропрезидентская партия «Единая Россия», и речи не может быть (см. табл. 18.1).

Т а б л и ц а 18.1

**Оценка качеств советской и современной российской власти
(в % к числу опрошенных)**

<i>Качества власти</i>	<i>Советская</i>			<i>Российская</i>		
	<i>1998</i>	<i>2001</i>	<i>2005</i>	<i>1998</i>	<i>2001</i>	<i>2005</i>
Законная	32	22	28	12	10	9
Честная, открытая	14	11	13	3	3	3
Криминальная, коррупцированная	14	13	12	63	50	62
Близкая народу, людям	36	30	34	2	3	5
Сильная, прочная	27	25	30	2	4	7
Эффективная	5	10	11	3	3	6
Недальновидная	23	14	21	28	17	25
Справедливая	16	16	11	3	3	3
Слабая, беспомощная	8	6	8	31	21	20
«Своя, привычная»	32	24	26	3	2	4
Непоследовательная	8	6	9	32	25	29
«Келейная», закрытая	17	4	13	8	7	8
Прагматичная	2	2	5	4	5	6
Паразитическая	8	6	5	18	12	15
Ограниченная, неумная	9	7	8	12	4	8
Авторитетная, уважаемая	21	21	24	2	4	7
Компетентная	6	5	7	3	6	9
Незаконная	1	3	3	13	10	16
Непрофессиональная, безграмотная	6	6	8	13	7	12
Далекая от народа, «чужая»	8	8	10	41	34	42
Образованная интеллигентная	8	12	13	6	12	13
Бюрократическая	30	26	30	22	24	39
Затрудняюсь ответить	11	12	13	9	11	8
Число опрошенных, человек	1500	1600	1600	1500	1600	1600

Как видно из этих данных, практически по большинству позитивных характеристик нынешняя российская власть уступает советской. И это отчуждение растет: люди все больше сомневаются в ее законности, обвиняют в резком росте бюрократизма, недальновидности и беспомощности, а особенно в коррумпированности. Очевидно, что такая власть далека от идей и практики центризма. Конечно, можно себя называть таковыми, как это делают лидеры «Единой России». Но глас народа придерживается совсем другого мнения.

Таким образом, речь идет не о центризме как самоназвании, а о центристской политике, опирающейся на вполне реальные и зримые тенденции объективно развивающегося общественного сознания и общественной деятельности народа. Именно эта объективная истина, а не заранее провозглашенные политические догматы, как бы привлекательно они ни выглядели, является базой центризма, мерой согласования интересов, формой взаимодействия различных общественных сил без обвинений в узурпации власти или преувеличении только одного подхода в ущерб другому при решении назревших проблем. Опора политики центризма может быть только одна — это народ, его сознание и поведение в ходе реализации всех без исключения общественных проблем. И все претендующие на участие в разработке политики центризма определяют и отстаивают лишь те меры, которые для данной ситуации являются эффективными с точки зрения всего населения.

В заключение — две ремарки.

Первая: сейчас центризм моден, в его одежды рядятся различные политические силы, чтобы выгоднее себя продать в предстоящих битвах за голоса избирателей. И есть у людей реальная опасность ошибиться в своем выборе и предпочтениях — после выборов эти силы, получив власть, опять проявят склонность к сплочению на одном из флангов [14].

И вторая: есть и реальная опасность девальвации термина «центризм», когда его замусолят и опозорят до такой степени, что он будет вызывать у общества такое же неприятие, как и слово «демократия».

А основной вывод неутешителен и парадоксален: реальность такова, что к центризму пытаются прильнуть практически все без исключения политические силы, ни одна из них не является центристской ни по сути, ни по содержанию.

Примечания

1. См.: *Независимая* газета. 1999. 17 июня.
2. *Независимая* газета. 1999. 9 июля.
3. См.: Сулакшин С.С. Измена. М., 1998.
4. Трегубова Е. Центристская терапия // Известия. 1999. 20 января.
5. См.: Блаженкова О., Гурова Т. Средний класс // Эксперт. 2000. № 34. 18 сентября.
6. См.: Соколов М. Центризм крепчал // Известия. 1998. 21 ноября.
7. См.: Модестов С. В поисках авторского свидетельства. Политический центризм в России // Независимая газета. 1999. 29 июля.
8. Подробнее об этом см.: Офитова С. Политический центризм в действии // Независимая газета. 1999. 17 июня.
9. Там же.
10. См.: Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 3. С. 32.
11. См.: Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. Т. № 34. С. 21; Общественное мнение-2004. М., 2004. С. 13.
12. Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 416.
13. Жовтун Д.М. Центризм // Политическая энциклопедия. Т. 2. М., 1999. С. 593—594.
14. См.: Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт реконструкции основных политических понятий. М., 1997.

Глава 19

Интеллигенты или интеллектуалы

Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны.

Эсхил (525—456 гг. до н.э.),
древнегреческий поэт-драматург

Односторонний специалист есть либо грубый эмпирик, либо уличный шарлатан.

Н.И. Пирогов (1810—1881),
русский хирург

19.1. К истории вопроса

В настоящее время много говорят о том, что старая русская интеллигенция стала достоянием истории, прошлого, только этапом в развитии российского общества. Так ли это?

Напомним некоторые факты истории. Интеллигенция стала играть ведущую роль в жизни российского общества с момента выхода на историческую арену земских учителей, врачей, землеустроителей, т.е. того слоя, который был призван духовно обогащать каждого, кто жаждал знания, а не только тех, кто принадлежал к привилегированным группам общества. Именно в XIX в. в России возникло то уникальное явление, которое вошло в историю под названием российская интеллигенция и которого не знала ни одна страна в мире. Этот феномен пережил все перипетии почти двух столетий, сохранив в себе ряд уникальных черт. ***Что означала принадлежность к интеллигенции?***

Во-первых, это не просто обладание знаниями, а активное участие в передаче этих знаний народу. Идея служения народу, ответственности перед ним была каркасом, скрепляющим поведение людей, называвших себя интеллигентами.

Во-вторых, это идея нравственности, идея служения добру, идея ответственности.

В-третьих, для этих людей было характерно стремление быть примером, ориентиром и даже идеалом для окружающих людей, не только в большом, но и в малом, в повседневных делах и забо-

тах. Такое понимание своей ответственности нередко порождало рецидивы дон-кихотства, даже юродивости, что, как ни покажется странным, обогащало мировосприятие и мироощущение российского общества.

И наконец, это искренняя готовность служить не только своему народу, но и всему человечеству. Российскому интеллигенту всегда было дело до того, что происходило в других странах, что изменяется в судьбе других народов. В ряде исследований отмечается и такая особенность поведения интеллигенции (который восходит к характеристике российского этноса) как сочетание жертвенности и мессианства [1], энергии подвижничества, морального авторитета [2]. В советский период эти традиции служения народу поддерживались и развивались, хотя они были подчинены достаточно жестким идеологическим установкам.

И вот Россия вступила в новый этап своего развития. На новом этапе общественная мысль вернулась к извечному вопросу — а есть ли интеллигенция в том смысле, в котором это понятие употреблялось в течение двух столетий. Не наступает ли век интеллектуалов по западному образцу? Наследует ли молодежь то, что было накоплено предшествующими поколениями? Вопросы эти далеко не праздные.

В настоящее время в стране решаются принципиально новые проблемы. Идет интенсивное преобразование экономических отношений. Меняется политическая палитра российского общества. Появились новые ориентиры и ценности в общественном сознании. В этом ряду кардинальных изменений встал вопрос о том, сохраняется или разрушается такой феномен как российская интеллигенция [3]. Мы являемся свидетелями действий и поступков, отнюдь не украшающих эту социальную группу. Многие ее представители выступили разрушителями сложившихся ранее ценностей. Стала популярной пропаганда индивидуализма. Часть интеллигенции заражена шовинизмом и оголтелым клерикализмом. Среди интеллигенции появились люди, которые откровенно относятся к народу как к быдлу, поражены культом денег, цинизмом. Не так уж редки высказывания в духе ненависти к инакомыслию, призывы к уничтожению по-другому думающих. Не мало и тех, кто мародерствует на духовных потребностях людей и общества.

Особую роль в этих процессах исполняет гуманитарная интеллигенция, представители которой приняли особенно активное участие в кардинальной ломке советского образа жизни, экономического и политического строя, официально именовавшегося социалистическим, тех ценностей и ориентиров, под флагом которых начался процесс коренного преобразования России. В самом деле, если обозреть ряды тех, кто составил ударные силы Ельцина в годы его

восхождения на Олимп политической власти, то среди них обнаруживается немало экономистов, историков, юристов, политологов, социологов и представителей других гуманитарных профессий. Нечто подобное происходило и в регионах страны, где вокруг так называемых демократических сил происходило объединение групп гуманитариев под флагом полного отказа от прошлого ради новых преобразований общества.

На фоне экономических, политических и духовных изменений в российском обществе, попытаемся проследить судьбу интеллигенции, понять те огромные потрясения, происшедшие в умах и душах этих людей, *разобраться в смятениях и колебаниях, нередко парадоксальных*, но с точки зрения истории весьма поучительных. Особое внимание хотелось бы уделить тому, почему интеллигенция с такой калейдоскопической скоростью меняла свои убеждения и предпочтения, почему многие общественные и политические движения раскололись, обнищали духом, а вчерашние друзья стали непримиримыми противниками. И что особенно важно — не отмирают ли ценности российской интеллигенции XIX в., не замещаются ли они новыми ценностями современных интеллектуалов?

Следует подчеркнуть, что еще в 1970-х гг. основная масса советской (российской) интеллигенции осознавала необходимость коренных и глубинных изменений. Уже в то время интеллигенция жила в предчувствии необходимости больших корректив в политической и экономической жизни страны. Об этом свидетельствовали периодические и эпизодические всплески дискуссий на страницах такого официального издания, как «Правда», не говоря уже о «вольнодумных» «Литературной газете» и «Советской России», бывших в те годы флагманами радикальных предложений и достаточно острой критики власть предрежащих. В эти годы самостоятельной силой стало диссидентское движение. Надежды на предстоящие изменения, появившиеся с приходом к власти Ю.В. Андропова, а затем и М.С. Горбачева, были также отражением этих ожиданий. Нарастающие изменения в социальном настроении интеллигенции достаточно четко фиксировали социологические исследования, посвященные проблемам общественного сознания, а также те многочисленные предложения (по официальным данным, ежегодно в центральные органы власти, в основном в ЦК КПСС, поступало по несколько тысяч записок, аналитических программ и рекомендаций), обосновывающих необходимость неотложного решения проблем, стоящих перед страной.

Активность интеллигенции резко возросла в годы перестройки, когда представилась возможность открыто, без оглядки на прошлое, высказать свои идеи и предложения по совершенствованию существующего строя.

Но апогей наступил в августе 1991 г. В один миг все старые основы были сметены. Не было никаких преград, как казалось многим, на пути реализации желаемых целей, концепций, планов. Очень многим хотелось осчастливить людей, показать, как они должны жить. На небывалую высоту были подняты западные стандарты жизни.

Прошло двадцать лет с начала перестройки и пятнадцать с появления на исторической арене постсоветской России. И что же случилось за этот достаточно пространный промежуток времени с той социальной группой, которая сама себя называла интеллигенцией?

19.2. О типологии современной российской интеллигенции

События, произошедшие в стране в 1990-х гг., поставили под сомнение существование такого феномена, как российская интеллигенция. И в этом нет никаких преувеличений. *Огромная дифференциация, фрагментация и парадоксализация сознания и поведения расколола некогда единую советскую (российскую) интеллигенцию.* Как никогда, стало очевидным, что о единой социальной общности — интеллигенции — говорить невозможно и даже абсурдно. Практически нет ни одного общего компонента (кроме формального — наличия высшего образования), который был бы присущ если не всем, то большинству интеллигентов (Н.Е. Покровский, 1997). Обращает на себя внимание и на такой *парадоксальный факт: «чем успешнее будет развиваться страна по пути демократии и рыночной экономики, тем быстрее будет идти процесс распада и деградации русской интеллигенции как особой общности»* [4]. Ряд исследователей не разделяет возникшие опасения по поводу «конца интеллигенции» (А.С. Панарин, 1998) [5]. *Не менее распространена точка зрения, что российская интеллигенция является воплощением особого рода парадоксальных взаимоисключающих черт: «...Интеллигенция менее всего может быть названа национальной, ибо по всему своему мироощущению она была враждебна русской традиции и исторической жизни. Нельзя считать ее и носителем западной культуры. Запад для нее — всегда миф, легенда, идеал: либо положительный — и тогда ему нужно подражать и к нему стремиться, либо отрицательный — и тогда он превращается во врага, которого надо бояться и который подлежит уничтожению»* [6].

Но для того чтобы получить обоснованные выводы, нужно делать не умозрительные заключения, а выявить реальные типы, ана-

лиз которых позволит описать нынешнее состояние российской интеллигенции. При этом хотелось бы обратить внимание на более яркие проявления ее творческой и общественной деятельности, не претендуя на безусловное детальное рассмотрение всего, что творится в ее среде.

В публикациях 1990-х гг. есть справедливые возражения против того, чтобы представлять интеллигенцию некоей нерасчлененной, экономически и социально однородной группой. И если дать предельно обобщенную социально-политическую характеристику самым крупным группам внутри интеллигенции, то можно сказать, что они представлены, во-первых, сравнительно небольшим слоем, активно участвующим в происходящих трансформационных процессах, во-вторых, большинством инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции основных массовых профессий, которые по большому счету остались в стороне от всех попыток реформирования России или реставрации прежних устоев советского общества, в-третьих, людьми, потерявшими себя, сомневающимися, находящимися между прошлым и настоящим, между разумом и эмоциями, между надеждой и разочарованием, между пониманием необходимости перемен и отказом принимать их в том виде, в котором они себя проявляют.

Но общей характеристикой всей интеллигенции осталось извечное прекраснотушие, политическая наивность и правовая малограмотность. Более того, российская интеллигенция несет историческую ответственность за то, что она попустительствовала расхищению национального достояния России, грабежу ее богатств, приходу к власти компрадорской бюрократии. Интеллигенция так и не смогла разобраться в происходящем в постсоветской России, организовать противостояние разорению страны, выступить консолидирующей общенациональной силой. Поэтому анализ состояния и тенденций развития современной интеллигенции касается в большей мере ее продвинутых групп, которые — нравится это кому-то или нет — олицетворяют ее сущностные характеристики в наиболее полном виде. Именно эти группы активничающей интеллигенции продолжают принимать участие в осуществляемых в стране преобразованиях, пытаются воздействовать на общественное сознание, заставить себя слушать или, по крайней мере, обратить внимание общественности на свои гражданские позиции.

И если с этой точки зрения проанализировать группу интеллигенции, которая ратовала и даже участвовала в преобразованиях, то ее облик достаточно непригляден, противоречив, парадоксален, если не сказать хуже. Но облик именно этой группы ставит под сомнение

сам факт существования интеллигенции, ибо наряду с творческими, подвижническими, новаторскими силами в жизнь ворвались и определили ее лицо авантюристические, мародерствующие, амбициозные и одновременно безответственные, безапелляционно уверенные в своей исключительности люди, олицетворяющие идеологию «большого хапка» во всех его неприглядных вариациях и комбинациях. Постепенно творчески и неординарно мыслящие представители интеллигенции были отодвинуты от процесса принятия решений или сами ушли из политики. А диктовать свою волю стали группы интеллигенции, по сути дела отражающие принципы организации общественной жизни, апробированные в период первоначального накопления капитала, но с учетом реалий конца XX в.

Наиболее ярко идеология радикальных изменений представлена той группой интеллигенции, которую можно назвать «хищниками». Именно они символизируют собой наступление новой эпохи, демонстрируя навыки грабежа общенационального добра, неприкрытую, неумную жажду наживы, готовность шагать по трупам ради беспрецедентного обогащения. Для этой категории характерно отсутствие элементарных нравственных черт, что оправдывается рационалистичностью, умением организовать дело, эффективно устроить жизнь, для них не было ничего престижнее, чем культ денег.

Ради наживы одни из них, пользуясь многочисленными прорехами в законодательстве и отсутствием четкой политической линии, захватили огромные куски государственной собственности. Другие за бесценок скупали наиболее доходные государственные предприятия. Третьи стали учредителями финансовых пирамид или банков, что позволило им аккумулировать огромные ресурсы, ограбив множество людей, доверивших им свои средства. Четвертые разбогатели на головокружительных спекуляциях и махинациях по принципу обмана всех и вся, и строя свое благополучие даже на трупах преданных им людей. Можно назвать другие формы присвоения и грабежа чужого богатства — им, что называется, несть числа. Но это не меняет сути: *незначительная, но захватившая власть группа не только прибрала к рукам огромные богатства, но и стала диктовать свои условия всему обществу*. Причем условия, выгодные только ей, позволяющие еще больше увеличивать ее экономическую власть и политическое влияние.

Близко к «хищникам» по своим сущностным характеристикам примыкают «мародеры». Эта категория людей, полностью лишенных каких-либо нравственных начал, руководствуется только одним — как урвать, поживиться тем, что плохо лежит, что не находится под защитой закона, что сулит выгоду, даже если для этого придется шагать по

трупам, строить свое благополучие за счет ущемления интересов других. И это касается не только материальных благ. Обстановка после краха СССР напоминает поле битвы, когда еще не совсем ясно, кто победил и что ждет участвующих в этом сражении завтра. Но есть короткий перерыв, когда еще нет четкого представления о результатах боя. В этих условиях у этих людей возникает стремление урвать побольше от оставшихся без присмотра ценностей и быть убежденным в своей безнаказанности. Они мародерствуют везде — на экономическом поприще, в политических дебрях, в этнических конфликтах и даже в сфере культуры, был бы выгода. И под флагом выгоды оправдываются несправедливо накопленные блага: мол, это в конечном счете богатство всего общества, ибо оно когда-то может стать его достоянием. Нередко «мародеры» используют и такой прием: доказывают, что и в Америке первое поколение владельцев богатств было поколением грабителей, хищников, но их дети, внуки (следующие поколения) стали достопочтимыми членами демократического общества.

В 1990-х гг. громко заявила о себе такая группа интеллигенции, которую можно назвать «*мутантами*». Число ее довольно значительно. Для них характерен следующий алгоритм поведения. В течение значительной — советской (!) — части жизни они придерживались одного мировоззрения и были активными участниками его воплощения в жизнь. Затем, в период перелома, они объявляют себя сторонниками прямо противоположных идей и убеждений. Причем это отвержение происходит не просто в форме отказа, а демонстрируется в форме его жесточайшей критики. Отказ от прежних убеждений превращается в распродажу отступничества, торговлю новыми убеждениями, и все это сопровождается презрением, ненавистью к прошлому, к прежним идеям. Конечно, каждый человек волен изменить свои взгляды, отказаться от старых, начать ориентироваться на новые. Но согласно христианской морали прежний отступник должен оставаться наедине с богом, чтобы с ним осознать свой поворот в жизни, уйти в скит, монастырь, а не торговать этим отказом и своими новыми убеждениями. Именно эта ситуация позволяет говорить не об изменении сознания и поведения, а перерождении человеческих начал у данного типа личности.

О неприглядном лице части советской (российской) интеллигенции свидетельствует появление достаточно многочисленной группы, которую можно назвать «*блуждающими игроками*», «*штатунами*», перемещающимися по всему спектру политических сцен, попеременно становящимися то демократами, то монархистами, то реформистами, то социалистами, то представителями ради-

кальных сил, но чаще всего сторонниками той политической силы, которая ближе всех к официальной власти или является этой властью. Они безостановочно «мигрируют» из одной партии (общественного движения) в другую, затем в третью, четвертую и т.д. Уже появились чемпионы по перебежкам и перемещениям, что служит ярким свидетельством беспринципности этой группы интеллигенции. Притом, «блуждающие игроки» всякий раз «решительно» отказываются от прежних принципов, от прошлой приверженности, славословят в адрес новых предпочтений или выгодных для себя «открытий». И все это прикрывается тем, что их новые политические ориентации якобы являются воплощением «гласа народа», отражением его чаяний и желаний. По сути дела это гипертрофированная тяга к власти, реальное или имитированное участие в ее разделе, стремление к наживе, жажда удовлетворить свои властные амбиции.

Очень активно заявляет о себе та часть интеллигенции, которая нещадно эксплуатирует национальные идеи, доводя их до этнической нетерпимости, до *бытового шовинизма*. Это достаточно сложное умонастроение. Обычно такие люди, с одной стороны, декларируют свою приверженность к общепринятым ценностям культуры, но с другой — в конкретных обстоятельствах могут пойти на дискредитацию людей других национальностей лишь потому, что те придерживаются других убеждений и «мешают» благополучию и устройству «моего» народа. Именно эта часть интеллигенции нередко становится сторонниками и морального насилия. Ее посланцы и представители возрождают социальные мифы, «тасуют» историю, на «научной» основе доказывают правомерность претензий к другим народам и государствам.

Но если перечисленные выше группы занимают лидирующие позиции в экономике и политике, способные навязать обществу и государству свою волю и свои узкогрупповые интересы, то *наряду с ними существуют и маргинальные сообщества*, которые порождены сумятицей переходного периода и которые демонстрируют качества, отнюдь не украшающие интеллигенцию.

Это прежде всего группа, которую условно можно назвать *«хамелеонами»*. Ее представители, как правило, всегда лояльны к любой власти — царской, советской, неолиберальной, а также к каждому очередному лидеру — то ли Хрущеву, то ли Брежневу, то ли Горбачеву, то ли Ельцину, то ли Путину. Стоит измениться ситуации, и они с легким сердцем переходят на сторону сильного и поспешно покидают корабль, если ему угрожает опасность. Приближенность к власти, желание греться под ее «солнцем», получить

что-то от нее — неперменные характерные черты немалой части этой группы людей, считающих себя интеллигентами.

Не менее наглядно и показательны поведение той части интеллигенции, которую можно назвать *инфантилами*. Это люди обычно вдохновлялись некоей идеей, безразлично — важной, неважной, великой или малой, передовой или отжившей век, но в любом случае не имеющей ничего общего (или слабо связанной) с объективной реальностью. Для этих людей существует некий сконструированный ими внешний и внутренний мир, устройству которого они готовы подчинить свою жизнь, свои поступки и замыслы. Но их особенность заключается в том, что они не просто являются творцами или сторонниками своих сомнительных идей — они их активно навязывают, не хотят мириться с поражением или отвержением их фантазий вплоть до инициирования общественных скандалов. Такие люди, типа Новодворской или Борового, могут иметь заслуживающие внимания ориентации и цели. Но их ограниченность состоит в том, что к жизни они имеют очень малое отношение, хотя склонны винить в этом не свои идеи, а то, что их отвергают или сомневаются в правомерности их существования.

Рыночные отношения высветили еще один тип представителей интеллигенции, которых можно назвать *«холуями»*. Это люди, находящиеся под влиянием сильных мира сего, готовы на унижающее их прислужничество во всех его формах, на потерю собственного достоинства, на выполнение всех, порою и грязных, поручений. Их обличье достаточно неприглядно и мерзко. И от этого облика не спасают ни высокие звания, ни принадлежность к творческим союзам, ибо основной постулат их поведения выражен в достаточно определенной форме: «Чего изволите?». Нужно только отметить, что в ряды холуев попадают люди не только по своей воле, но и в силу некоторых социально-психологических характеристик — внушаемости, слабой воли, несамостоятельности при принятии ответственных решений.

Времена трансформационных процессов породили еще один тип людей, называющих себя интеллигентами, — *«демагоги»*. Эта группа из-за своей крикливости, нетерпимости, невоспитанности, невыносимости проявила все свои низменные качества сначала на митингах, шествиях, затем в «свободных» средствах массовой информации, когда ничего не стоило смешать ложь с правдой, вымысел с действительностью, воображаемое с предположимым. Но особенно опасными оказались те демагоги, которые добрались до вершины власти. По сути дела, эти люди постоянно, регулярно, намеренно и осознанно извращают факты для воздействия на чувства,

инстинкты, сознание людей, разжигают страсти для достижения своекорыстных интересов, в основном политического толка. Этот процесс сопровождается высокомерными рассуждениями, поощряет плебейство, раболепие, желание угодить толпе. Дешевый популизм также присущ этой категории людей, ибо он позволял добиваться политических побед. Некоторые из них прорвались к высоким государственным постам и в центре, и в регионах, к званиям президентов и лидеров партий и движений. Правда, жизнь быстро приводила в соответствие потуги этой категории, что обычно завершалось скандалами и отрешением их от власти. Стоит отметить и такую разновидность демагогии, как демагогия в СМИ, с которой очень трудно бороться, ибо под видом правдоподобия реализуются цели саморекламирования, погони за читателем на основе разжигания низкопробных инстинктов.

Среди групп интеллигенции особняком стоят те, кого можно с определенным допуском можно назвать *«новыми диссидентами»*. Это условное название той группы, которая в свое время с энтузиазмом встретила проводившийся демонтаж советского строя и искренне содействовала становлению декларируемых принципов строительства нового общественного строя. Затем многие из них прямо или косвенно отреклись от созданного с их помощью и содействия нового режима. Новые реальности превратили многих из них в стойких борцов против того, за что они радели в первые «розовые» годы новой России. Некоторые вернулись к прежней профессиональной деятельности, сосредоточив свое внимание на стратегии «малых дел». Часть из них, исповедуя приверженность идеям демократии, пытаются найти возможность их сочетания с патриотическими или социальными ориентациями.

Анализ этих групп интеллигенции не исключает рассмотрения и других социальных сообществ, отражающих специфику их сознания и поведения. Например, получило значительное распространение такое явление, когда маску ученого надевают на себя всяческие прорицатели, очередные изобретатели препетuum мобиле, а то и просто шарлатаны [7].

И все же при всем разнообразии и разбросе мнений об интеллигенции это не отменяет ответа на вопрос: а есть ли все же у нее будущее? Ведь и ее, как и другие слои населения, поразило стремление выжить в резко ухудшившейся ситуации и, как следствие, сориентироваться на материальные цели и снизить интерес к такому мотиву как содержание труда.

Ответ на этот вопрос связан с выводом, что нынешнее состояние сознания и поведения российской интеллигенции свидетельст-

вует о ее историческом проигрыше. Хотя она «многое сделала для культурного подъема народа» (Н.Е. Покровский), этого оказалось недостаточно для демократической модернизации политического и экономического строя России. Российская интеллигенция не могла противостоять наступлению антиинтеллектуализма, проиграла бюрократии состязание за умы граждан, не смогла консолидироваться и организованно защитить свои интересы (нельзя же всерьез принимать попытки созыва Конгресса интеллигенции только одной достаточно ангажированной группой). Поэтому в полной мере можно согласиться с тем, что «нравственный и исторический долг перед собственным народом российской интеллигенцией плохо осмыслен и еще хуже исполнен» [8].

19.3. Интеллектуалы: кто они?

Последние годы в российских социальных науках все чаще и чаще употребляется термин «интеллектуалы». Заметим попутно, что в западной научной литературе интеллектуалами называют специалистов самого широкого профиля (понятие «интеллигенция» на Западе практически отсутствует).

Конструирование понятия «интеллектуалы» происходит по нескольким направлениям.

Во-первых, считается, что свою историческую задачу по просвещению народа интеллигенция выполнила. Образование стало доступно всем слоям населения, которое само достаточно эффективно заботиться об образовании своих детей, о собственном повышении квалификации. В этой ситуации, мол, посредники не нужны. **Пусть люди, имеющие специальное образование, уделяют внимание профессиональным обязанностям, а не общегражданским заботам** — на это есть государство, созданные им и обществом социальные институты, которые готовы и нацелены на удовлетворение самых разнообразных потребностей в образовании. Более того, государство не нейтрально к этому процессу и в отличие от XIX в. и даже начала XX в. сделало предметом своего внимания обучение молодежи, получение ею общего и профессионального образования, регулярную подготовку и переподготовку людей к выполнению государственных и производственных обязанностей.

Во-вторых, в век стремительных научно-технических трансформаций остро встал вопрос о подготовке таких профессионалов, которые должны овладеть огромным массивом информации, постоянно работать с ней, обновлять ее, совершенствовать ее, что требует колоссальных затрат времени, энергии, интеллектуальных усилий.

И всякое отвлечение от этих усилий ведет к ослаблению интеллектуального потенциала страны, к потере возможностей дальнейшего прорыва в незнание, замещению ориентаций по решению стратегических задач на сиюминутные, преходящие заботы и тревоги.

В-третьих, как убеждены многие (например, Ю.А. Левада), **«количество пакостей», сотворенных российской интеллигенцией не поддается исчислению** [9]. Ее постоянное шарахание, колебания — от поддержки до предательства, чехарда и смена симпатий и антипатий не поддается рациональному осмыслению и пониманию. Ее постоянное заигрывание с властью или игра в оппозицию в равной степени характеризует неустойчивость ее гражданского сознания и поведения. Метания из одной крайности в другую, участие в нагнетании страстей, доведение себя до истерии — это тоже реальные черты группы людей, которые продолжают считать себя интеллигенцией. Эти черты нередко дополняются абсурдными поступками, неумением оценить новые реальности, склонностью к интриганству, зараженностью паранойей и психозом.

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что **многие сетования интеллигенции** (на народ, который ее не поддерживает; на не востребованность властью, на нарастание конформизма в ее рядах, на непоследовательность оценок советского и современного времени) **выполнены в жанре «плача»** (С. Магарил). Интеллектуалы же отвергают метания, неопределенность, сетования, жалобы, считают, что их роль и значение определяются результатами их деятельности. В других аналитических материалах и публикациях обращается внимание на то, что молодое поколение специалистов все больше движется в сторону индивидуализма, профессионализма, жесткой нацеленности на обязательное достижение успеха, карьеры. Их иногда называют «яппи» (YUP — расшифровка английского слова «молодой городской профессионал»). По мнению газеты «Коммерсант», они противостоят «интеллигентным аутсайдерам», не умеющим зарабатывать деньги, добиваться успеха в жизни и поэтому обреченных на прозябание и исчезновение из «новой жизни»(!).

Нередко размышления о судьбах интеллигенции сводятся к попыткам принизить и даже унижить интеллигенцию, к пренебрежительным оценкам. Эти попытки сродни ерничанию на грани с неуважения и даже оскорбления. Согласно таким суждениям, интеллигент — это «образованный разночинец, оторвавшийся от своего сословия или класса, не знающий социальных корней, зато имеющий возможность и вкус к длительным рассуждениям о смысле жизни и своей роли во всемирной истории (или в мировой револю-

ции)» [10]. Автор этой точки зрения, В. Мау, подвергая разностной критике отношение Ленина к интеллигенции, практически солидаризируется с его уничтожающими оценками помыслов, намерений и дел этого слоя российского общества. Прискорбно, что эти высказывания одновременно отражают (в скрытом виде) презрение не только к интеллигенции, но и к народу, который-де олицетворяет быдло, не понимающее своего «счастья» в рыночном обществе.

И наконец, разброд в сознании характеризует не только социальную интеллектуальную общность в целом, но и каждого современного интеллигента, поведение которого буквально соткано из парадоксов и противоречий. Как сказал сам о себе известный журналист Э. Сагалаев, «горько, но факт: эпоха сотворила из меня чудовищный конгломерат: Совок. Романтик. Циник. Делец. Конформист. Горбачевец. Ельцинист. Березовец. Примаковец. Растворяюсь в фон Триере, Альмодоваре и по-прежнему в Достоевском. Страдаю за народ. Жалею стариков, наших мальчиков в Чечне и чеченских детишек. На что-то надеюсь» [11]. С этим можно согласиться, за исключением одного. Автор этой во многом справедливой реплики кивает на эпоху. Ею оправдывает свое поведение, свои надежды, свое шарахание. Но почему этот интеллигентный человек, как многие подобные ему, не хочет брать на себя никакой личной ответственности, в отличие от своих предшественников XIX в.?

Но более прискорбным выглядит повторяющийся в истории парадокс, когда часть активничавшей интеллигенции снова обуреваема идеей «осчастливить» народ, раскрыть ему глаза, показать ему, неразумному, те светлые перспективы, в которые вопреки искренним намерениям этих интеллигентов, он почему-то не хочет ни верить, ни следовать. Иначе чем объяснить слова Ю. Карякина, яркого и ярого представителя демократической интеллигенции, который в 1993 г. после оглашения итогов выборов в Первую Государственную Думу воскликнул: «Россия, ты одурела!», полагая, что большинство, проголосовавшее не так, как ему хотелось, неправильно мыслит, не верно действует, не так думает, ошибочно поддерживает другие силы. Этому самомнению, этой абсолютной уверенности в своей непогрешимости и своем оракульстве, а также в абсолютном кретинизме тех, кто с ним не соглашается, остается не только удивляться и поражаться, сколько опять задуматься о непомерных претензиях и амбициях у людей, стремящихся к власти или хотя бы быть прислоненными к ней.

На фоне этих нелицеприятных характеристик современной российской интеллигенции достаточно убедительно начинают звучать голоса тех, кто считает, что нужно говорить о другой группе

творчески мыслящих людей, которых в отличие от слова «интеллигенция» следует назвать *интеллектуалами*. *И это не просто название — это отражение новых черт, новых характеристик в сознании и поведении людей.*

Это прежде всего профессионалы высокого класса, которые постоянно и неустанно совершенствуют свое профессиональное мастерство, ибо уверены (и на деле демонстрирует эту уверенность), что современное общество может эффективно развиваться и совершенствоваться только в условиях ответственного выполнения своих обязанностей. Этот технократический подход получает все большее распространение и находит отклик в умонастроениях современной (и не только научно-технической) интеллигенции.

Для интеллектуалов огромное значение приобретают стандарты образования, высокая квалификация и работа в авангардных отраслях производства.

Не менее значимо для этой группы людей умение вписаться в новые потребности времени, отказ от следования таким моральным постулатам как «бедный, но честный», «нищий, но независимый» и т.д. и т.п. Такие люди обеспечивают себе гарантии для достаточно высоких жизненных стандартов, умеют поставить свои таланты на решение производственных задач, а также сочетать свои личные интересы с групповыми, корпоративными, общественными.

Кроме того, *профессионалы-интеллектуалы претендуют на то, что они лучше и ответственнее исполняют свой долг, определеннее и последовательнее реализуют свою позицию*; они более предсказуемы и прогнозируемы не только в штатных, постоянно повторяющихся ситуациях, но и в условиях экстраординарных, выходящих за рамки привычного событий.

Далее следует отметить, что *интеллектуалы претендуют на то, что они способны к более взвешенному, лишенному личностной и идеологической окраски подходу к решению вопросов*, даже если в этом случае ущемляются интересы тех, кто не умеет жить, не умеет приспосабливаться к изменившейся ситуации. «Неумех нельзя жалеть» — этот девиз характерен для многих профессионалов, которые лучше пойдут на то, чтобы содержать всех отстающих в жизни, чем тратить силы на превращение их в самостоятельно функционирующих полноценных членов гражданского общества.

К особой черте сознания и поведения интеллектуалов можно отнести и их стремление жить по правовым нормам, согласно законодательства, а не по нравственным критериям, которые часто мешают в полном объеме выполнить профессиональный долг. Протест против интеллигентского сюсюкания выражается в твердой, жест-

кой (иногда жестокой) линии поведения, где нет места чувствам («сентиментальности»), а есть только интересы дела, интересы производства, интересы выполнения взятых на себя обязательств.

В ряде научных исследований обращается внимание и на *такие качества интеллектуалов как их исключительная мобильность, их неидеологичность*, осознаваемая самооценочность как обладателей уникальной и важной информации, осознание равенства в отношениях с собственниками средств производства, качественно иная мотивация деятельности [12].

Но не со всеми этими утверждениями можно согласиться. *При всей кажущейся нейтральности многие интеллектуалы обнаруживают патологическое стремление навязать обществу свое мироощущение, мировосприятие*, очень часто основанное на непоследовательности, самомнении, самовлюбленности. Эту группу интеллектуалов так и тянет говорить не только от имени всей интеллигенции, но и всего народа. Так, ситуацию крайней идеологичности продемонстрировали новые интеллектуалы при обсуждении в конце 2000 г. государственной символики, особенно Гимна России. Не желая мириться с Гимном (музыка Александрова), группа правых интеллектуалов пошла на беспрецедентные акции, развив активность в духе конца 1980—начала 1990-х гг., доказывая, что народом «надо руководить», «вести вперед», невзирая на то, что 49% этого народа определили свое мнение. Доказывая «неправоту» народа, многие из них ссылались на то, что этот Гимн одобрил Сталин. «Однако, — как писал главный редактор «Независимой газеты» В. Третьяков, — тот же Сталин ввел звания Народных артистов СССР и Героев Советского Союза и Социалистического Труда. И что-то не слышно, чтобы требующие неприятия музыки Александрова сложили с себя эти советские звания и звезды. А ведь кто тогда «народный», кто просто «заслуженный», определял не народ, а сначала лично Сталин, позже Политбюро ЦК КПСС. И уж если отречься от старого мира, то во всем, а не только в том, что не касается тебя лично».

Логика «размышлизмов» данной группы интеллектуалов предельно проста: если народ выходит на улицу (без них) — это бунт, восстание, а если рядом или если во главе этого народа стоят «передовые мыслители», то это уже революция, прогресс. Такие притязания и вопиющая непоследовательность (до примитивизма) присущи именно этой части интеллектуалов, поставивших во главу угла свои собственные вкусы и предпочтения, что блестяще выразила В. Новодворская. Говоря о личной приемлемости «Патриотической песни» Глинки, которого она, естественно, недолюбливает, она, как всегда, изрекла мысль о своем мессианстве: «Если уж я встаю под эту музыку, значит, она годится как гимн России».

Иначе говоря, идеология нового поколения профессионалов в условиях рыночной экономики набирает силу, мобилизует все больше своих сторонников и теснит идеи, концепции и взгляды тех, кто называет себя интеллигентами. Не значит ли это, что интеллигенция как субъект исторической реальности ушла в прошлое? Социологические данные показывают, что в ценностных ориентациях населения, в том числе и тех, кто обладает высшим образованием и занимается высокоинтеллектуальным трудом, высок процент ориентирующихся на такие черты и добродетели, как сострадание, взаимопомощь, понимание и поддержка общественных интересов, умение личное подчинить общественному и многое другое.

Не менее убедителен и такой аргумент. Среди интеллигенции, как у всего населения, продолжает оставаться высоким процент так называемых трудоголиков, которые, несмотря на все перипетии советского и постсоветского периода, продолжают самоотверженно трудиться, ценя в первую очередь содержание своей работы и ее ориентацию на пользу всему обществу. Таких, как показывают данные ВЦИОМ, 14—16%, т.е. примерно каждый шестой, кто считает, что труд на общее дело является одной из ценностей, ради которых и стоит жить людям.

Стоит отметить и тот факт, что в обществе еще сильна убежденность в том, что «истинное призвание нашей интеллигенции сегодня: помочь обществу обрести Альтернативу — новую историческую перспективу» [13].

Но будущность интеллигенции зависит от того, сумеет ли, захочет ли ее будущая смена, нынешние студенты не просто сохранить идеи и идеалы российской интеллигенции XXI в., но и следовать им. XIX в. Некоторые, хотя и нерепрезентативные исследования позволяют утверждать, что эти идеи продолжают жить в сердцах студенческой молодежи. Так, опрос студентов Российского государственного гуманитарного университета в 1999 г. показал, что 46% из них полностью или частично разделяют мнение, что интеллигенция должна служить народу. А это значит, что идеалы российской интеллигенции, хотя и подвергаются коррозии, продолжают жить. Практически такое же количество ответов мы получили в аналогичном исследовании и в 2005 г. [14]. А это означает, что идеалы российской интеллигенции хотя и подвергаются коррозии, продолжают жить.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на тот факт, что интеллигенция как социальная сила на деле не является авторитетом для народа, по крайней мере ее представители, которых он видит на телеэкранах, на страницах газет. Разве не показателен тот факт, что на дискуссиях «К барьеру», которые проводит В. Соловьев,

в 99 случаях мнение так называемых судей (артистов, писателей, журналистов, ученых) не совпадает с мнением аудитории? До каких пределов надо оторваться от народа, чтобы совершенно не понимать его, не чувствовать его боли и тревоги, но зато чувствовать, что хочется руководству, следовать либеральным идеям как таковым, западным веяниям? Да при этом настаивать, что народ опять ошибается. Поэтому неудивительно то, что в ответах на вопрос о том, какую роль в жизни России играет интеллигенция, она заняла предпоследнее — 13-е место, опередив только профсоюзы [15]. Одновременно ряд истинных представителей российской интеллигенции ставят вопрос о серьезном изменении ее сущности и природы под влиянием как субъективных особенностей, так и объективных обстоятельств. Эта измененная сущность позволила писателю Д. Гранину назвать ныне существующих представителей интеллектуального труда «интелегендами» [16].

Так что *спор «интеллигент или интеллеktуал» и «кто такие интеллигенты» еще не закончен*. И, вероятно, потребуется немало времени, чтобы в этой дискуссии поставить точку. Но *не исключена и такая ситуация, что это будет вечным вопросом, вечным парадоксом, по крайней мере для русской культуры и российской ментальности*.

Примечания

1. *Панарин А.С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 12.
2. *Гудков Л., Дубин Б.* //Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1994. № 4.
3. Об этом см. подробнее: Интеллигенция. М., 1994; *Кара-Мурза С.Г.* Интеллигенция на пепелище России. М., 1997; *На перепутье* (Новые вехи). М., 1999, и др.
4. *Кива А.В.* Независимая газета, 2000, 18 сентября.
5. *Покровский Н.Е.* Прощай интеллигенция //На перепутье. М., 1999. С. 49; *Панарин А.С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 3.
6. *Черкасов П.П., Чернышевский Д.В.* История императорской России от Петра Великого до Николая II. М., 1994.
7. Подробнее см.: *Кругляков Э.П.* «Ученые» с большой дороги. М., 2005.
8. *Магарил С.* Интеллигенция и будущее России //Альманах Центра общественных наук экономического факультета МГУ. М., 1999.
9. *Левада Ю.* Интервью об интеллигенции. //Известия. 2000. 14 июля.
10. *Мау В.* Интервью //Известия. 2000. 12 сентября.
11. *Сагалаев Э.* //Известия. 2000. 8 августа.

12. Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе. // Социолог. исслед. 2000. № 6.
13. См.: *Панарин А.С.* Указ. соч. С. 26.
14. В 1990—2000 гг. в Ивановском и Тамбовском университетах проводились конференции, посвященные проблемам интеллигенции, а в Бурятском университете и Российском государственном гуманитарном университетах они проводятся регулярно с периодичностью один-два года. Подробнее см.: *Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: Тезисы всероссийской теоретико-методологической конференции (26—27 апреля 2000 г.)* // Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2000; *Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: Сб. статей / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2001; Жизненные стили и социальные практики интеллигенции: Сб. статей / Под ред. Ж.Т. Тощенко, М.С. Цапко, А.Б. Рослякова. М., 2002; Интеллигенция в обществе риска: Сб. статей / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2003; Гражданские позиции интеллигенции: «Камо гредеши?»: Сб. статей / Под ред. Ж.Т. Тощенко, А.Е. Крухмалева, М.С. Цапко. М., 2004; Интеллектуальная собственность в гуманитарном измерении / Под ред. Ж.Т. Тощенко и др. М., 2005; Ценности общества и ценности интеллигенции: Сб. статей. / Под ред. Ж.Т. Тощенко, А.Е. Крухмалева, М.С. Цапко. М., 2006; Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX—XXI веков. Материалы междунар. конференции. Ч. I—III. Улан-Удэ, 2000; Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы междунар. науч. конференции (26—27 июня 2003 г.) Ч. I—III. Улан-Удэ, 2003; Интеллигенция и нравственность: Материалы междунар. науч. конференции: В 2 т. М. — Улан-Удэ, 2005.*
15. См.: *Общественное мнение-2006. М., 2006. С. 64.*
16. *Гранин Д.А.* Интеллегенды: статьи, выступления, эссе. СПб., 2007. С. 328—334.

Глава 20

Образование и «образованщина»

...Приблизительность овладела
торопящимися людьми.
Что-то учат, о чем-то знают,
в общем — сеют, в среднем — стригут
приблизительно объясняют,
относительно берегут.

*Р.И. Рождественский, (1932—1994),
советский, русский поэт*

В вынесенных в эпиграф ярких, образных словах выражены и боль, и тревога, и предостережение — на нас надвигается слабо осознаваемая угроза возможной потери жизнеспособности общества и его перспектив устоять перед вызовами современности. И угроза эта — непрофессионализм, незнание и полужнание, знание без нравственности, знание без общей культуры.

Можно привести в доказательство этого тезиса статистические и социологические данные, многочисленные примеры, высказывания лучших умов страны и мира, напомнить исторический опыт. Но думаю, что в данном случае поэтический образ выглядит нагляднее, убедительнее, доказательнее. В словах поэта — и предостережение от равнодушия, и страстная убежденность в том, что все дела в мире, все наши просчеты и недоработки зависят не от каких-то злобных, порой мифических сил, а прежде всего от нас самих, нашей позиции, нашего отношения, от нашего мастерства (недаром стихотворение поэт назвал «О мастерах») и нашей установки вершить добро или зло или внимать им равнодушно и отчужденно.

В 1974 г. А.И. Солженицын выступил с программным документом «Образованщина». В нем гневно обличался получавший все большее распространение стиль жизни, когда ее целью становились удовлетворение утилитарных, а не духовных потребностей, связанных с внешним, зачастую ложным блеском и возможностью иметь в личном распоряжении престижные товары, обладать мишурой домашней утвари и обстановки, гордиться достижением корыстных целей. Этой постанов-

кой вопроса знаменитый писатель поднял очень важную и болезную тему, сосредоточив внимание на том, что его волновало и тревожило.

Ведь причина всех этих изъянов и испытаний кроется не столько в тех гигантских преобразованиях, которые происходят при обучении, сколько в тех сдвигах, которые привели к изменению позиций людей по отношению к образованию, его социальных функций и возникновению нового класса противоречий, ставящих под сомнение достижения современного общества в целом. По сути дела, *общество в эпоху информационной революции столкнулось с колоссальным парадоксом — увеличение числа получивших образование и профессиональную подготовку одновременно сопровождалось процессом роста неграмотности (но особого вида) и профессиональной некомпетентности (как несоответствия требованиям научно-технической революции).*

20.1. Новые лики неграмотности

Современное общество добилось поразительных успехов в освоении мира: прорыв в космос, познание тайн микромира, изобретение и освоение новых (авангардных, высоких) технологий, создание неведомых природе материалов, массовая «компьютеризация» и т.д.

Наряду с наукой этим успехам во многом способствовало развитие образования, его совершенствование, вовлечение в сферу его влияния огромного количества населения. Роль не только элитного, но и массового образования стала заметной во второй половине XX в. Комиссия американского конгресса, созданная президентом Эйзенхауэром в 1957 г. с целью выяснения причин победы Советского Союза в космосе (в связи с запуском первого искусственного спутника земли 4 октября 1957 г.), пришла к выводу, что именно система образования обеспечила СССР данное достижение.

Под влиянием этого заключения в США учли урок и провели колоссальную работу, включив сферу образования в число приоритетных направлений в борьбе за лидерство в современном мире. А вот в СССР не только не развили достигнутый успех, но и ослабили внимание к необходимости постоянного улучшения и обновления стратегии и тактики национального образования. Постепенно, исподволь в этой сфере *сформировался парадокс, который заключался в том, что наряду с ростом числа образованных возникла новая неграмотность, появились ее современные формы.* Число людей, не обладающих грамотностью в современном смысле этого слова, стало стремительно увеличиваться.

Следует напомнить, что в XIX в. грамотность, образованность трактовались как соединение искусства письма и чтения [1]. Все, кто не отвечал этому требованию, считались неграмотными. Такая

трактовка неграмотности продержалась почти весь XX в. Даже еще в 1958 г. ЮНЕСКО определяло неграмотного как «человека, не владеющего чтением и письмом настолько, чтобы понимать простые и краткие сообщения, касающиеся его повседневной жизни». Но постепенно трактовка грамотности (неграмотности) расширялась и стала включать в себя степень усвоения речевой и аудиовизуальной культуры. Поэтому *в конце 1970—начале 1980-х гг. в обиход вошло новое понятие — функциональная неграмотность. И означало это «неспособность осуществлять действия по чтению, письму и счету, необходимые для соответствующей жизнедеятельности и развития как самого человека, так и всего его социального окружения»*. По мнению Л.Н. Лесохиной, грамотность означает не только традиционное умение читать (воспринимать информацию), писать (передать свои мысли, расширять круг коммуникативного взаимодействия), говорить (способность к речевому общению и речевому самовыражению), но, что особенно важно, обеспечивать способность к социальной ориентации и социальной саморегуляции. В этой связи появилась необходимость говорить не просто о грамотности или неграмотности, а о функциональной неграмотности. Что это такое?

Справедливости ради стоит отметить, что не ушла в прошлое и простая неграмотность. Сотни тысяч, миллионы жителей во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки до сих пор не охвачены элементарной начальной образовательной подготовкой. Судя по экспертным данным, даже в США миллионы людей не умеют ни читать, ни писать. Россия, получив от СССР развитую систему образования, не смогла сохранить ее, в результате чего по уровню такого показателя, как интеллектуальный потенциал, Россия уступила другим странам свое лидирующее место. При отсутствии должного контроля число элементарно неграмотных людей продолжает расти, становясь для государств первым укором в их безответственности и неспособности видеть перспективу.

Но для современного этапа развития многим странам, в том числе и России, *угрожает именно функциональная неграмотность, за которой скрывается полужнание, эрзац-знание, ложное знание или знание-фантом*. Более обстоятельный анализ данного феномена показывает, что степень включенности большинства населения планеты в образовательную среду оставляет желать много лучшего. Даже в тех странах, где гарантируется всеобщее право на образование, примерно 25—40% жителей испытывают трудности при чтении, письме и счете, а также в проведении рутинных социальных действий — таких, как голосование, заполнение анкет, понимание инструкций, чтение расписаний, не говоря уже о навыке самовы-

ражения через письмо или речь [2]. Малообразованность и низкая квалификация не позволяют данной категории людей повышать свой статус, социальное положение, претендовать на социальный престиж в соответствии с запросами индустриального и информационного общества.

Функциональная неграмотность — это не столько отсутствие любой общеобразовательной подготовки, сколько неумение пользоваться навыками письма, чтения. В России функционально неграмотных людей, как показывают социологические исследования, тоже немало. Среди людей старшего возраста их насчитывается от 15 до 33% в зависимости от профессии, места жительства и некоторых других жизненных обстоятельств. Но страну ждет новая волна полной функциональной неграмотности уже в первой четверти XXI в: сейчас, по экспертным данным, до 2 млн детей не посещают школу, не учатся.

Неграмотность выступает как симптом социального кризиса, как знак надвигающегося бедствия, сравнимого с экологическими потрясениями, в эпицентре которого находится человек.

И наконец неграмотность выступает одним из индикаторов несвободы человека в его взаимодействии с окружающим миром. И здесь мы сталкиваемся с одним из удивительнейших парадоксов: желание знать — это готовность принять свободу «с открытыми глазами», следствием чего является расставание с внутренней гармонией. Именно современный мир подвергает сомнению девиз Н.Г. Чернышевского к роману «Что делать»: «Будем учиться — и знание освободит нас».

С образовательным процессом связано еще одно парадоксальное явление: грамотный человек все больше не удовлетворяется окружающим миром, тогда как неграмотный человек «непритязателен», живет в «гармонии» с окружающей средой, легче мирится с недостатками, проблемами, пороками. Зачастую недостаточная общая и профессиональная подготовка служит неграмотным людям оправданием их социального положения, ограниченности их притязаний, качества и объема выполняемой работы. Отсюда недалеко до выработки защитительных шаблонов вроде пренебрежительного отношения к труду интеллигенции, тем более если этот процесс сопровождается снижением авторитета учителя, врача, инженера.

Функциональную неграмотность можно рассматривать и как результат расхождения образования и деятельности, что выражается в невосребованности знаний и в прекращении («свертывании») деятельности.

И наконец **функциональная неграмотность проявляется и в противопоставлении научной и практической деятельности.** Это субъективное состояние некоторые исследователи называют феноменом «пафоса» [3].

Особенно тревожит функциональная неграмотность людей с высшим образованием, хотя, конечно, этот феномен среди них имеет свои особенности, свои особые формы проявления. Неграмотность данной категории лиц проявляется в том, что они не умеют общаться с окружающим миром посредством письменной (а иногда и устной) речи, не умеют излагать свои мысли и идеи в статье, в научном докладе, в обзоре, в рецензии, составить деловую бумагу. К сожалению, даже в преподавательском корпусе немало людей, которые годами ничего не пишут, не участвуют в научных обсуждениях, либо уклоняются от изложения своей позиции по обсуждаемой проблеме.

Функциональная неграмотность у людей с высшим образованием проявляется и в том, что они мало уделяют внимания проблемам понимания (а не только знания и их усвоения), которое способствует развитию творческого, практического отношения к усвоенной или усвояемой информации. Поэтому люди с высшим образованием призваны знать в рамках своей профессии все богатство различных подходов, ориентироваться на образцы, имеющиеся в науке и практике, понимать их особенности и специфику, их качество и уметь оценить их достоверность и истинность. Такой подход к знанию олицетворяет развивающий тип обучения. Но работать по лучшим образцам — это не значит их копировать (копии всегда уязвимы, порочны, ограничены для другого человека), а брать их дух, их принцип поиска, подхода, сравнения. Творчество в процессе труда и обучения позволяет проявлять гибкость, избегать трафаретных решений, стандартного поведения.

Функциональная неграмотность людей с высшим образованием проявляется иногда в довольно необычных формах. Нередко она *маскируется специфической терминологией, вычурным языком, злоупотреблением или простым копированием терминологии, принятой в другой науке или другом языке*. Такой «птичий» язык достаточно успешно позволяет скрывать реальное знание, неумение и неспособность донести его до аудитории. Маловразумительная фразеология часто прикрывает убогость мысли, претендующую, однако, на значительность выводов. На наш взгляд, мерило здесь одно — отсутствие контакта с другими людьми, с аудиторией, неумение донести смысл и внятно изложить свои мысли, позицию — есть результат специфической функциональной неграмотности так называемого специалиста.

Функционально неграмотный человек приспосабливается к ситуации, не меняя своей сути: он не умеет выразить знание, информацию четко и ясно, ни письменно, ни устно. Функциональная неграмот-

ность — свидетельство и следствие кризиса образования, точнее, его неспособности реализовать одну из своих важнейших функций: научить человека активному взаимодействию со средой. Вести его в мир радости познания, мир, полный красок радуги, мир, делающий жизнь людей целенаправленной и полнокровней. Причем в этом процессе высока значимость гуманитарных дисциплин, ибо только при их помощи обеспечивается исходное требование — умение писать, читать, говорить, что потом подготавливает человека к действию и профессиональной работе во всех сферах общественной жизни.

К сожалению, *наша жизнь такова, что функционально неграмотным быть не стыдно, а считаться образованным не трудно*. Этому способствуют, с одной стороны, нигилистическое отношение к профессиям умственного труда, с другой стороны, практика поведения и отношения к процессу и организации образования. Это проявляется в незаслуженных оценках (в первом случае), в получении мнимого образования (во втором случае), в покупке диплома о высшем образовании (в третьем случае) и т.д. В основе функциональной неграмотности лежат искаженные личностные притязания, когда снисходительное отношение к образованию выступает в качестве ведущего, хотя скрытого мотива поведения.

Среди причин функциональной неграмотности отметим следующие.

Прежде всего, *качество обучения*. Очевидно, что потребность в образовании удовлетворяется средствами, не всегда соответствующим нуждам информационного общества. Этому способствует и снижение требований к профессиональным качествам специалистов, которые призваны транслировать знания. К этому следует добавить, что современная образовательная среда предполагает — с учетом необходимости передачи все большего объема информации — поиск и использование новых методов обучения, которые, в свою очередь, требуют переподготовки самих преподавателей. В силу низкого социального престижа, нищенской обеспеченности преподавательского корпуса эти методы применяются слабо, недостаточно, что, безусловно, сказывается на качестве подготовки будущих специалистов.

Функциональная неграмотность обусловлена и *рядом социальных причин и обстоятельств*. Так, овладение новейшей информацией зависит не только от желания и стремления людей, но и от политики государства, которая проявляется в разной степени реальной обеспеченности общедоступности образовательных институтов. Доступ к высшему образованию все больше становится для значительного числа людей лишь бумажной декларацией. Более того,

можно с полным основанием утверждать, что *неравенство в получении образования имеет устойчивую тенденцию к нарастанию*. Этому неравенству способствует одномерность (линейность) и в известной степени примитивизм сложившейся общей и профессиональной подготовки, которая поддерживается процессом социального расслоения и, как следствие, разными возможностями доступа к обучению.

20.2. Профессиональная некомпетентность как предтеча профессионального кретинизма

Для характеристики уровня профессиональной квалификации и подготовки обычно используется несколько подходов.

Во-первых, наиболее привычен и часто употребляем такой подход: называется количество людей, имеющих профессиональную подготовку (высшую, среднеспециальную, начальную), количество всех видов профессиональных учебных заведений и численность обучающихся во всем формам образования. Иногда эти цифры дополняются анализом временных интервалов, анализом роста числа профессий, которым обучают в уже действующих или вновь открывающихся учебных заведениях. Приводимые цифры почти всегда благостны. Ибо общая тенденция здесь неоспорима: время требует специалистов, и поэтому даже в самых слаборазвитых странах количество обучающихся неизменно растет.

Во-вторых, не менее распространен подход, при котором внимание сосредоточивается на достижениях, на обязанностях специалиста, его качествах, как профессионала. При этом исходят из того, каким должен быть специалист, в том числе и будущий, на что он должен ориентироваться, чему подражать и какие качества ему следует развивать. Это нормативистско-ценностный подход нацелен на рассуждения о том, каким должен быть специалист, вольно или невольно игнорируя реальную ситуацию, упуская из вида, что анализ того, каким не должен быть специалист, не менее, если не более значим для оценки специалиста.

Именно выявление показателей *профессиональной некомпетентности* вскрывает ограниченность, несовершенство и ущербность специалиста и составляет суть третьего подхода.

Почему следует говорить о профессиональной некомпетентности?

Во-первых, в условиях уже новой России было принято слишком много ошибочных, непродуманных решений, будь то реформы в экономике, реорганизация политических институтов, война в Чечне, отношения с другими странами и т.д. Причем нельзя сказать, что

эти решения принимались со злым умыслом, с желанием нанести ущерб обществу, ведь инициаторы многих из них искренне желали добра стране и людям. Но желать добра — это не значит компетентно решать поставленные проблемы.

Именно некомпетентность, приближительность, верхоглядство и стали основой затянувшегося кризиса, поразившего Россию, ее экономическую, политическую, социальную и духовную жизнь. Более того, причина многих производственных аварий, техногенных катастроф кроется в профессиональной некомпетентности и безответственности специалистов. Это касается и сферы высшего образования. Конечно, и в этой сфере духовной жизни следует реагировать на потребности времени. Но такая реакция нередко превращается в примитивное подражательство и просто пресмыкательство перед чужим опытом. Так, подготовка бакалавров и магистрантов является чуждой традициям российского образования и, как показывает практика, отвергается многими вузами после первых лет попыток ее введения. В данной связи справедливы упреки со стороны немецких деятелей науки и образования, которые часто говорят о большом сходстве российской и немецкой систем образования (исторически это в самом деле так — в России образование развивалось под влиянием немецкой концепции, начиная с Петра I и Екатерины II) и выражают недоумение по поводу излишней торопливости и поспешности перенесения американского опыта на российскую почву.

Несомненно, что от общих традиций развития образования, в том числе и болонского процесса, не уйти. Но найти оптимальное сочетание сложившихся традиций и новых веяний времени (задача не из легких, но вполне посильная), чтобы без ущерба качеству образования, профессиональной подготовке найти *реальные и приемлемые методы преодоления еще одного парадокса — между потребностями времени и апробированных тем же временем форм и приемов обучения.*

Во-вторых, с начала 1990-х гг. происходит девальвация интеллектуального труда сотен тысяч преподавателей, врачей, инженеров, других специалистов, что, с одной стороны, проявляется в снижении требований, предъявляемых интеллигенцией к самой себе, с другой стороны, в изменении отношения общества к людям интеллектуального труда, в низкой оценке их труда и слабой его защищенности. Социологические исследования показывают, что лишь немногие студенты хотят в будущем после окончания университета работать преподавателями, научными работниками или быть занятыми на работе в бюджетной сфере. Непривлекательность со всех точек зрения, в том числе и с материальной, положения ученого, преподава-

теля, учителя, инженера в нашем обществе не может способствовать приходу молодых специалистов в сферу этих профессий.

В-третьих, некомпетентность не является преградой для так называемых инициативных людей. В российском обществе можно прожить и без знаний и без квалификации, причем зачастую во много раз лучше, чем имея их. Образованность перестает быть структурообразующим компонентом. Едва ли не самым важным становится «умение жить», а образование же в лучшем случае играет вспомогательную роль при решении личных и производственных задач. ***В условиях правового беспредела и политического несовершенства общества некомпетентность становится образом жизни,*** ибо профессиональная квалификация становится ненужным или излишним компонентом в деятельности человека. Так, обследование людей, занятых челночным бизнесом (1998 г., Татарстан), показало, что 45% из них имеют высшее образование и 38% — среднее специальное. Очевидно, что для этой работы такое образование не нужно. Но что толкнуло людей заняться этой формой бизнеса? Главная причина — ситуация в обществе, отношение к людям с высшим образованием, несовершенство экономических и социальных отношений. Это же исследование показало, что только 5% опрошенных считают данный вид бизнеса — челочество — привлекательным [4]. Такая ситуация со специалистами — следствие противопоставления научной и практической деятельности, культивирования «непритязательности» человека, призывов отказаться от прошлых ориентаций и надежд, усвоить новые ценности.

И наконец, переломный период, в котором живет российское общество — ***это время не только необходимых изменений, но и время амбиций, время появления на различных уровнях людей некомпетентных, не знающих общенаучных основ и не имеющих элементарного практического опыта, людей без совести, пытающихся использовать свое положение, ухватить свой шанс, прорваться во власть для достижения своекорыстных интересов, вплоть до того, чтобы украсить себя научными регалиями.*** Так, в середине 1990-х гг. в ВАКе рассматривался вопрос о присвоении степени доктора наук автору трех монографий и 57 статей, которые были изданы за один год (!?). И вот результат: мы имеем врача, к которому мы не хотим обращаться, потому что не доверяем; мы не уверены, что данный инженер способен принять взвешенное и правильное техническое или технологическое решение, в том числе и в условиях повышенной опасности; не убеждены, что в сфере науки работают люди, умеющие мыслить творчески; сомневаемся в способностях преподавателя, нередко являющимся урокодателем, а не мудрым лоцманом в мире

знаний. И как итог — все мы не верим властям, их добросовестности, порядочности, умению организовать дело и быть рачительными представителями общих интересов.

Таким образом, *профессиональная некомпетентность* — своеобразный парадокс времени. Она *одновременно и причина и следствие материальной и духовной бедности общества, источник девиантного поведения и жизненных трагедий, фактор социального риска*. Опасность нарастает по мере того, как некомпетентность из локального явления превращается в общенациональное: раньше мы говорили о профессиональной некомпетентности в некоторых организациях, некоторых отраслях экономики и культуры, некоторых регионах — теперь эта черта становится общенациональным бедствием.

Некомпетентность характеризуется не только функциональной неграмотностью, но и профессиональной ограниченностью, отсутствием общей культуры и общечеловеческих нравственных ориентиров. Остановимся на этом подробнее.

Что касается *профессиональной ограниченности*, то она имеет свою специфику и свои лики.

Значительно возросло число людей, которые занимаются не тем, чему их учили, к чему их готовили в соответствующих учебных заведениях. Причем, их число стремительно растет. С одной стороны, стало нормой встретить инженера или учителя, работающих грузчиками, продавцами, просто выполняющими любую подвернувшуюся работу. С другой стороны, не так уж редки режиссеры-банкиры, философы-предприниматели, историки — руководители заводов по производству ракет или экскаваторов, биологи — консультанты по проблемам управления и т.д. и т.п. В принципе и это возможно, но тогда нечего пенять, что часто то или иное не получается, что принятые решения не эффективны, что с российскими специалистами не считаются коллеги из других стран: им или им не доверяют, или сомневаются в их возможностях решать проблемы так, как это требует современная наука и практика. Все это позволяет сделать вывод, что теряется смысл профессиональной подготовки, ибо в первом случае напрасны затраты на подготовку специалистов, а во втором многие действия начинают носить характер любительства, верхоглядства и даже безответственности, что вместе взятое приводит к огромным экономическим и социальным издержкам для общества.

Профессиональная ограниченность проявляется и в массовой смене профессий, когда все большее количество людей берутся за выполнение функций, не вытекающих из сущности их профессиональной подготовки. И в этот процесс они вовлекаются практически независимо от их воли и желания — под давлением обстоятельств жизни, нередко вынужденно. Но это не отменяет реального

факта, что и в данном случае мы имеем дело с некомпетентностью. Такая ситуация имеет прямое отношение к ситуации в осуществлении функций высшего образования. Как это ни парадоксально, но само высшее образование способствует профессиональной ограниченности, реагируя на сиюминутные потребности. Очевидно, что сложившаяся в 1990-х гг. подготовка отдельных специалистов, в частности экономистов и юристов, по подсчетам экспертов, имеет пределы насыщения, тогда как традиционные специальности в силу сложившихся обстоятельств только в перспективе могут подтвердить свою востребованность, свою необходимость, претендуя на сохранение своей ниши в общественном разделении труда. Компромиссным вариантом могло бы стать дополнительное образование, второе образование, чтобы помочь людям соответствовать требованиям времени.

Одна из причин профессиональной некомпетентности — недостаток общей культуры, отсутствие той гуманитарной базы, которая составляет основу успешной профессиональной работы. К сожалению, уменьшению общей культуры способствует ослабление внимания к знаниям в области литературы, искусства, которые и превращают человека в реального участника жизни общества, делают его привлекательным для общения и взаимной интересной работы.

Исследования, проведенные на предприятиях в 1980—1990 гг., выявили одну примечательную и в чем-то парадоксальную особенность. Она заключается в следующем. Долгое время считалось, что для успешного ведения дела первостепенное значение имеют организаторские способности и профессионализм руководителей, их хорошая профессиональная подготовка. Но удивительным стал тот факт, что *многие работники производства в числе первостепенных качеств, необходимых современному руководителю, назвали общекультурный уровень,* умение и желание демонстрировать его в тесной увязке с профессиональными и организаторскими способностями [5]. На наш взгляд, изменение представлений о качествах руководителя отражает новые потребности времени, которые во все большей мере требуют всесторонне подготовленного специалиста — личность. Иначе говоря, нельзя быть узким профессионалом — стоит задача соответствовать требованиям, предъявляемым информационной революцией. В исследованиях, которые проводятся на современных производствах, явственно проявляется высокая оценка тех руководителей, которые находятся в поиске, не замыкаются в узкопрофессиональных рамках, а представляют ценность для окружающих их людей как знатоки более широкой культуры.

Проблема общей культуры более чем актуальна. Многие специалисты все еще похожи, по образному выражению Козьмы Пруткина, на флюс — их полнота односторонняя. И это становится болезнью общества. Исследования специалистов по социальным проблемам театра, показывают, что до 80% москвичей годами, а многие десятилетиями не бывают в театрах, но живут с оправдывающей себя уверенностью, что если они захотят, то могут попасть даже в Большой театр. И как ни смешно, это сознание, что «я могу, если захочу», возвышает многих москвичей над провинциалами. Кстати, и подготовленные в 1990-х гг. специалисты не отличаются своей приверженностью к искусству. В ходе опроса студентов РГГУ (1999) при ответе на вопрос: «Если бы у Вас была возможность провести два выходных дня по своему усмотрению, то на что Вы бы их потратили?», только 3% респондентов сказали, что посетили бы консерваторию или филармонию, 8% — театр оперы и балета, 12% — драматический театр, 10% — эстрадный концерт, а 47% предпочли бы вечеринку с друзьями, 19% — дискотеку, 7% — ресторан [6]. Аналогичные данные были получены и при опросах студентов других вузов, и некоторые из них можно назвать удручающими.

К сожалению, *в условиях, когда перед человеком становится задача выжить, происходит уменьшение притязаний, и в первую очередь культурных.* В социологии есть понятие об иерархии потребностей, выраженной в широко известной формуле У. Маслоу. Он считал, что после реализации физиологических потребностей и потребностей в безопасности жизни, удовлетворяются духовные потребности, потребности в уважении, потребности в творчестве. Но когда жизнь становится слишком суровой, человек начинает отказываться от некоторых возвышающих его потребностей и начинает довольствоваться более ограниченными возможностями. В этом, может, и кроется секрет трагедии, что многие люди под давлением обстоятельств вынуждены примитивизировать свою духовную жизнь, отказываться от того, что возвышает их как личность в процессе общения к культурным свершениям человечества.

Особо следует сказать о такой составляющей общей культуры человека как компьютерная грамотность. К сожалению, в рассуждениях об общей культуре о ней упоминают редко, хотя она становится необходимой для жизни и деятельности человека потребностью. Многие специалисты или надеются прожить без компьютерной грамотности, или полагают, что она отношения к общей культуре не имеет. Это глубочайшее заблуждение. Именно отсутствие этой грамотности и делает многих специалистов заложниками

личной ограниченности, затрудняет их включение в современное информационное пространство. Человечество вступает в век, в котором компьютерная неграмотность равносильна и равнозначна неграмотности вообще.

Наконец, важнейшей составляющей профессиональной некомпетентности является нравственность. Что бы ни говорили, без нравственности общество имеет дело с дельцом, с человеком, для которого нет ничего святого. В лучшем случае можно говорить о так называемом интеллектуале, который признает за собой только право выгоды, право достичь успеха, в том числе нередко за счет интересов ближнего, за счет окружающих его людей. Все чаще встречаются люди безответственные, не признающих никакого другого права, кроме права поступать сообразно собственным интересам, так, как это кажется им выгодно, без всяких обязательств перед другими людьми. И все же, чтобы ни говорили, как бы не демонстрировались деловые или иные необходимейшие качества, нельзя служить обществу, производственной организации, не исповедуя некоторые идеалы, нравственные образцы.

Показательно в этом отношении молодежи к таким нравственным ценностям, как готовность служить людям, народу. Напомню, что одной из характерных черт российской интеллигенции была установка на то, чтобы нести знания людям, сохранять приверженность таким нравственным ориентирам, как жертвенность, как признание приоритета общественного над личным, а главное заботиться о постоянной реализации обязанности не замыкаться в личных симпатиях и предпочтениях. Студентам РГГУ в 1999 г. был задан вопрос: «Как Вы считаете, не устарела ли установка, что интеллигенция должна служить народу?». Получены ответы, которые требуют серьезного размышления. Только 13% считали, что данная установка не устарела. Еще 33% только частично разделяли эту оценку в деятельности людей умственного труда, а значит, и в своей будущей деятельности. Но немало студентов склонялись к тому, что человек с высшим образованием должен быть только интеллектуалом, профессионалом, не более [7]. Может мы в самом деле присутствуем на завершении судьбы российской интеллигенции и разделяем судьбу интеллектуалов западного мира?

Потеря нравственных начал, на наш взгляд, связана и с тем, что **современный российский интеллектуал не признает никаких ограничений в своей деятельности, мощно заражен бациллами подражательства, одобрен завистью и чувством ущербности по сравнению со своими западными коллегами.** И это тоже не может не сказываться на его профессиональной полноценности, уверенности в своих силах — как профессиональных, так и гражданских.

Таким образом, главное состоит не в том, что делать, каким выглядеть, а в том, кем быть, что нужно знать, на что ориентироваться, чтобы сопрягать возможность с необходимостью, чтобы не допустить (уменьшить, ликвидировать) непрофессионализм.

20.3. Парадоксы социального просвещения

Наряду с ростом функциональной неграмотности и профессиональной некомпетентности остро стоит вопрос о *социальном просвещении*. Что это такое? *Это информация, знания, их понимание и желание руководствоваться в жизни, когда речь идет о здоровье, образе жизни, о питании, о повседневных привычках и пристрастиях.*

Анализируя данную проблему, можно только поражаться тому, насколько мы нелюбопытны, пассивны и безответственны по отношению к тому, что составляет ценность жизни как таковой: ее насыщенность смыслом и ее избавленность от пороков, от всего того, что ограничивает радость и наслаждение работой, отдыхом; приобщенность к культуре; возможность взаимодействия с другими во имя возвышения духовных притязаний.

Конечно, рождаемость, смертность, продолжительность жизни и такие издержки, как производственный и бытовой травматизм, безопасность человека во всех жизненных ситуациях, зависят не только от самих людей, но и от общества, от тех социально-экономических, политических и социально-культурных отношений, которые воцарились в обществе.

Что касается России, то ситуация безотрадна. Население России в 1990 — первую половину 2000 гг. сократилось почти на 15 млн человек. И было бы еще больше, если бы падение численности населения частично не компенсировалось миграцией русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья. Кроме того, по уровню рождаемости Россия опередила цивилизованные страны, а по уровню смертности сравнялась с самыми слаборазвитыми. Демографическая ситуация продолжает ухудшаться. В 1992 г. (первый год, который положил начало депопуляции) смертность превысила рождаемость в 1,12 раза, а с 1995 и по 2004 г. этот «разрыв» составлял не менее 1,6 раза. Очень тревожная ситуация сложилась с продолжительностью жизни мужчин: среднестатистический мужчина не доживает до пенсии, ибо средняя продолжительность его жизни колеблется в пределах 57—58 лет. Если ны-

нешние тенденции сохранятся, то через 20—25 лет в стране будет проживать лишь 100 млн человек, а к 2075 г. — 50—55 млн [8].

Представление о здоровом образе жизни закладывается в человеке с детства. Однако в реальности мы наблюдаем неполную, деформированную социализацию значительной части подрастающего поколения. В стране насчитывается как минимум 2 млн беспризорников, 3 млн детей живут в семьях, ведущих асоциальный образ жизни, каждый пятый ребенок воспитывается в детском доме, а по выходе из него до 90% воспитанников становятся лицами без определенного места жительства [9]. О каком социальном здоровье будущего поколения можно говорить?

Здоровье общества зависит от того, насколько распространены социальные болезни и пороки: сердечно-сосудистые заболевания, рак, *инфекционные болезни, а также проституция, алкоголизм, наркомания, туберкулез*. Так, 69% вовлеченных в проституцию не превышают 25-летнего возраста. Стремительно расширяется число больных наркоманией и токикоманией. По данным Минздрава РФ, количество лиц, употреблявших наркотики и находящиеся под наблюдением, составило 448,1 тыс. человек, или 310,7 в расчете на 100 тыс. населения (0,3% численности жителей России), из них больных наркоманией 219,9 тыс. человек. По сравнению с 1990 г. заболеваемость увеличилась в 10 раз [10]. Что касается алкоголя, то его среднедушевое потребление колеблется в пределах 14—18 л в год (8 л, по мнению Всемирной организации здравоохранения, считается критическим порогом, за которым резко возрастает угроза физической деградации населения. Этой безрадостной картиной есть *объективные причины*. Так, *здравоохранение финансируется государством чрезвычайно слабо* — в объеме 2—3% ВВП. Государственные мужи ссылаются на экономический кризис, но показательны в этом отношении страны, которые не забывают беспокоиться о здоровье людей даже в трудные для страны времена. Так, в Финляндии во время экономического кризиса вместо 7% ВВП на здравоохранение стали выделять 9%, чтобы народ не пострадал. В середине 2000-х гг. в России стартовали национальные проекты по медицине и образованию, уже первые результаты их внедрения в жизнь показали, что решение этих задач идет с большими издержками.

Помимо объективных причин, влияющих на образ жизни, на здоровье людей, существует ряд субъективных факторов. Один из них (немаловажный) — *социальное просвещение, которое иначе как парадоксальным не назовешь*.

С одной стороны, в официальных и общественных средствах массовой информации дается множество материалов о пользе

спорта, о поддержании фигуры, тела, здорового вида и привлекательности. С другой стороны, создана целая индустрия по пропаганде алкоголя, табака, сомнительных напитков и т.д. — всего того, что сокращает жизнь человека. Однако попытки и даже решение запретить рекламу этих товаров порождают новые уловки обойти запреты, чтобы продолжать получать баснословные барыши за счет здоровья нации.

А нужно прежде всего, чтобы во всех средствах массовой информации, в том числе и электронных, непрерывно, ежедневно разъяснялось, растолковывалось, причем красочно, наглядно, убедительно, что надо знать о своем здоровье и что для этого делать. И для кого-то сделать это обязательным (для официальных каналов), а для других — рекомендательным, с преставлением льгот и наказанием (деньгами) за отказ участвовать в социальном просвещении.

Не менее парадоксальна борьба с наркозависимостью. Акцент делается не на профилактике, не на предупреждении, а на лечении, избавлении уже приобретенного порока, ибо именно эта информация позволяет зарабатывать деньги, наживаться на горе и беде миллионов людей. В этой ситуации борьба идет не с причиной, а со следствиями этих пороков.

Общественность не единожды поднимала вопрос о ***качестве и значимости семейного, в том числе и полового воспитания.*** Несомненно, это нужная и важная задача социального просвещения. Но нередко она сводилось к сексуальной информации, к проблеме техники и методов полового общения, то же время скупое и невыразительно говорилось о серьезных опасностях, сопровождающих интимную сферу жизни людей. В результате количество заболеваний сифилисом увеличилось более чем в 30 раз, стремительно растет число инфицированных СПИДом.

Фактически в стороне от социального просвещения стоит школа, как общеобразовательная, так и среднеспециальная и высшая, фактически игнорирующие формы и методы полноценной подготовки молодежи к здоровому образу жизни. По данным различных социологических исследований, до 70% юношей и девушек курят, до одной трети употребляли (хотя бы один раз) наркотические средства, до 60% достаточно регулярно употребляют алкоголь [12].

В социальном просвещении чрезвычайно важны усилия медицины. Но только ее участие не решает все проблемы повышения здоровья нации. Как считают специалисты, деньги надо вкладывать не только в борьбу с заболеваниями, но и в профилактику, в пропаганду здорового образа жизни.

Требуется и серьезный пересмотр пропаганды стереотипа русского человека под видом расхристанного мужичка, который любое решение обязательно принимает в нетрезвом виде, готового все продать (отдать) ради сиюминутного блага, рассчитывающего только на «авось» или некие приключения, из которых он обязательно выкрутится. Все это позволяет говорить о таком парадоксальном явлении, когда обществу преподносится примитивно понятое «национальные особенности» образа жизни россиянина. **Парадокс, по нашему убеждению, состоит в том, что пороки пропагандируются куда успешнее, чем необходимость сохранения физического и нравственного здоровья.** Более того, даже нет попыток создать образы, которые были бы привлекательны и главным образом для молодого поколения.

* * *

А каковы же перспективы преодоления функциональной неграмотности и профессиональной некомпетентности?

Пока они неясны, нечетки, а самое главное — нет убежденности, что шаги, предпринимаемые сегодня, избавят общество от этих пороков или уменьшат их влияние. Пока налицо обстоятельства, которые поддерживают, сохраняют и не ограничивают функциональную неграмотность и профессиональную некомпетентность.

С этим парадоксальным положением сталкивается не только Россия. Разве не парадоксальна ситуация для США, которые, с одной стороны, пропагандируют достижения своей системы образования, а с другой — «скупают мозги» со всех стран мира, привлекая специалистов лучшими условиями для личной жизни и производственной деятельности?

Что касается России, то в 1990-х гг. в стране фактически ликвидирована монофункциональная модель образования, хотя она во многом остается преобладающей. Многие пришедшие на смену альтернативные формы подготовки кадров еще далеки от совершенства, а часть из них вообще занята имитацией серьезной работы. Очень часто пионерные, новаторские разработки соседствуют как с традиционной системой, так и подделками под творчество. Инновационные модели образования во многом способствуют творчеству, помогают преодолеть замшелость, заскорузлость многих устаревших традиций в обучении молодежи. Но даже их реализация не обходится без издержек, ибо они иногда превращаются в откровенную отсебятину, мало интересную для обучающихся и ничего не имеющую общего с высокой профессиональной подготовкой.

Социологические исследования показывают, что современным студентам требуются не только знания их будущей профессии, деятельности, а во все большей степени их увязка с конкретными особенностями их будущей работы (а не просто с потребностями общества). Это на первый взгляд противоречие — широкая подготовка и вместе с тем конкретная нацеленность на определенный вид деятельности — на самом деле является олицетворением современных особенностей подготовки профессионально зрелых и компетентных специалистов, соответствующих потребностям времени.

Кроме того, более чем когда-либо возрастает потребность в таком руководителе-специалисте, который мог бы выполнять роль справедливого и требовательного наставника, мудрого лопчана в мире знаний и реальностях жизни, особенно когда это касается молодых специалистов. Но этому препятствует достаточно распространенная ситуация, когда в традиционной школе уповают на форму, на совмещение многочисленных (порой неоправданных) обязанностей, в новой коммерческой школе — в той или иной форме воплощается принцип «мы вам деньги, вы нам дипломы».

Таким образом, функциональная неграмотность и профессиональная некомпетентность являются величайшим, если не основным пороком нашей духовной культуры, а соответственно и жизнеспособности общества. Как никогда актуальны строки из стихотворения Р. Рождественского:

«Мир стареет в былых надеждах,
но сегодня, как и вчера,
на плечах эту землю держат
и несут на себе мастера.
Руки вещицы простирая
к перекресткам звездных миров,
время движется мастерами
и надеется на мастеров».

Примечания

1. Соловьев П. Общий церковно-славянский русский словарь. СПб., 1834, С. 551.
2. См.: Ключарев Г. Обучающийся мир // Независимая газета. 2000. 18 апреля.
3. Кармадонов О.А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы (анализ СМИ) // Социол. исслед. 2000. № 1.

4. См.: *Социологические* исследования. 1998. № 11 С. 41—42.
5. См.: *Бойков В.Э., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т.* Социальные грани труда. М., 1990; *Соколова Г.Н.* Экономическая социология. Минск, 1999.
6. См.: *Ценностная* и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: Тезисы всероссийской теоретико-методологической конференции: (26—27 апреля 2000 г.) // Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2000.
7. Там же. С. 145.
8. См.: *Социальное* положение и уровень жизни населения России. 2005: Стат. сборник. М., 2005. С. 53.
9. См.: *Ковалева Т.В., Степанова О.К.* Подростки смутного времени (К проблеме социализации старшеклассников) //Социол. исслед. 1988. № 8. С. 58; *Слуцкий Е.Г.* Беспорядочность в России: вновь грозная реальность // Социол. исслед. 1998. № 3. С. 120.
10. Цит. по: *Шербакова Е.М.* Нарконадзор в России. О чем говорит статистика //Социол. исслед. 2004. № 1. С. 70.

Часть V

Ситуация парадокса

Глава 21

Надо и нельзя

Если нельзя, но очень хочется, то можно.

Народное присловье

Жизнь человека всегда сопровождается ситуациями, выраженные в двух ипостасях — в форме долженствования («надо так-то поступить», «надо так-то сделать», «надо вести себя так-то и так-то») и в форме ограничения («нельзя это делать», «нельзя этого требовать», «нельзя так жить» или «нельзя так проводить время», «поддерживать что-то»).

В результате человек этим «надо» и «нельзя» окружен как волк красными флажками, которые являются предостережением от определенных действий и поступков, своеобразными пугалами. Хотя, как и волк, он может перепрыгнуть флажки, но для этого нужно преодолеть препятствия прежде всего внутри себя. И это преодоление, как оказывается, ничем иным не грозит, кроме как вновь обретенной несвободой, ибо многие «надо» и «нельзя» — это нечто такое, что придумано обществом, не всегда отдающим отчет в противоречивости и парадоксальности этого «надо» и «нельзя». Но когда человек поставлен перед необходимостью решить это противоречие внутри своего сознания и поведения, он попадает нередко в парадоксальную ситуацию [1].

21.1. Надо

С первых шагов жизни человек слышит: «это надо», «это тоже надо», «это обязательно надо, ибо ты взрослый человек» и т.п. Становясь гражданином общества, человек попадает еще в более жесткие рамки, когда обязан соблюдать многочисленные правовые и моральные предписания: он должен хорошо трудиться, он призван быть законопослушным гражданином, ему необходимо соблюдать нормы морали и права. Если эти предписания действуют из поколения в поколение, эти «надо» или «нельзя» становится частью образа жизни, менталитета.

Но вот наступают *переломные годы в истории страны, народа. И это «надо» и «должно» приобретает иной оттенок: необходимо от чего-то устаревшего, несвоевременного или спорного отказаться и привыкнуть к чему-то новому, не освоенному, еще не общепринятому.* Например, «надо» переходить к частной собственности. Это понимают все, такое «надо» признает, по социологическим данным, до 80% людей. Но до сих пор это же большинство никак не может понять, что никогда все люди не будут частными собственниками, особенно если речь идет о частной собственности на средства производства. Даже в США 75—80% людей не владеют ни землей, ни фабриками, ни заводами, ни фирмами, ничем другим. Они живут тем, что продают как товар свою рабочую силу, свои интеллектуальные способности. И это позволяет им достойно жить, существовать, быть конкурентоспособными на рынке труда. Поэтому, когда в России говорят о частной собственности, часто упускается из виду, что она никогда не будет у всех, и это «надо» применительно к данной ситуации имеет весьма ограниченный и специфический характер.

Человека часто зовут под те или иные знамена, взывают к его гражданскому сознанию. Все это имеет под собой определенные основания. *Но ключом к правильному пониманию «надо» является ответ человека на поставленный самому себе вопрос: «Что будет, если я не выполню это «надо» или «должен»? И если нет ясного ответа, «надо» или «должен» могут быть отброшены без всяких угрызений совести.* Именно то, что невыполнение этого «надо» не ущемляет жизнь другого человека (других людей, иной социальной группы и т.д.), и является критерием истинности, оправданности и правомочности поступков.

«Надо» может быть доведено до абсурда. В романе А. Бека «Назначение» рассказывается о наркоме (прообраз министра черной металлургии СССР И.В. Тевосяна), который ввел по каждому металлургическому заводу ежедневную отчетность. Если это имело серьезное основание в период организации этой отрасли, а затем в годы Великой Отечественной войны, то четверть века спустя оно стало совсем бессмысленным и нелепым. Но вместо отмены этого всемогущего «надо» машина бюрократии продолжала крутиться, хотя никчемность и бесполезность этой информации была очевидной. Но отмены установленного правила не было, а была уже накапанная годами догма, видимость, что руководители держат на пульсе всю подноготную отрасли.

Страсть к детализированному, всеобщему и тотальному контролю вошла в кровь и плоть миллионов людей. Многие из них не мыс-

лать без того, чтобы не заниматься мелочной бухгалтерией, упуская из виду главное, перспективное, необходимое. И если оглянутся вокруг, то стоит спросить: не злоупотребляет ли государство повседневным и унижающим человека контролем, как ему поступить, что сделать и даже сказать? И это не касается не только больших начальников, руководителей тех или иных звеньев управления. Не осуществляем ли и мы мелочный контроль у себя дома или на работе, за делами своих близких или сослуживцев?

В течение десятилетий большинство советских людей следовало голосу внутреннего цензора, контролера, который всегда сидел внутри каждого и строго спрашивал: а совпадает ли мои действия, поступки с общепринятыми, общепризнанными, а также желательными для официальных структур? В этих условиях немало людей вели себя соглашательски, конформистски, хотя нередко не верили тому, что они выполняют и как поступают. Именно этим можно объяснить крах доверия к КПСС, к идеям социализма — для многих людей они были лишь формальным показателем лояльности к существующему строю.

21.2. Нельзя

На заре моего становления как социолога, когда я проводил исследования на предприятиях Красноярского края в конце 1960-х гг., меня поразила частота инструкций, связанных с обеспечением производственной деятельности. Весь их смысл на 90% состоял из табу, из «нельзя». Такая ситуация сложилась только потому, что в каждом директоре завода Министерство финансов, Госкомтруд и другие ведомства видели потенциального жулика, желающего обмануть государство. Поэтому они создавали массу всяких ограничений и предостережений против возможных нарушений. Все законодательство, все ведомственные акты были направлены на то, чтобы, не дай бог, не создать даже потенциальную возможность руководителю предприятия поступать самостоятельно. А для этого создавалось узкое пространство, обложенное предостережениями и угрозами (как красные флажки для волков), нарушение которых каралось достаточно жестко.

Если самые инициативные и пытались преодолеть заранее провозглашенное официально недоверие (мол, мои шаги не несут ничего опасного для общества, для производства), то это удавалось немногим.

Еще серьезнее и губительнее это «нельзя» проявлялось на уровне поведения рядового жителя страны. В его сознание постоянно

вдалбливалось (в 1950—1980-е гг.): «нельзя не работать», «нельзя воровать», «нельзя слушать Би-Би-Си», «нельзя танцевать фокстрот» и т.д. и т.п. И сознание человека просто раскалывалось, ибо далеко не всегда он мог различить: а) *какое из «нельзя» может быть отнесено к* вековым традициям, к табу, *продиктованным обычаями веков и тысячелетий* («нельзя обижать малых и немощных», «не убий», «не прелюбодействуй»); б) *какое из «нельзя» подрывается самими обстоятельствами жизни* (разве можно не воровать, если 70—80% людей были убеждены, что воровство во всех его формах — от мелкого до государственного обмана — стало нормой жизни?); в) *какое из «нельзя» есть произвол чиновников, ничем не оправданный, но могучий и действенный* (в годы застоя: «нельзя строить дачный домик более, чем 4 х 5», «нельзя поехать за границу работать», «нельзя работать на двух работах» и т.д.); в годы рыночных реформ: «нельзя открыть дело» без 127 согласований, «нельзя жить в Москве без разрешения», «нельзя работать честно», иначе будет накладно, и т.д., хотя в реальной жизни это «нельзя» игнорировалось десятками способов.

В начале 1990 гг., в условиях начинающихся рыночных отношений многочисленные «нельзя» были вроде бы сняты. Человеку было предоставлено право поступать так, как он думает, как считает целесообразным и необходимым. *Внешних запретов не стало. Но появились другие ограничения, которые по сути и по своим последствиям ничем не отличаются от той ситуации, когда все запрещалось.* И эта демократия свободы оказалась не менее, если не более жесткой (и унижительной), чем прежние советские запреты. Ты можешь дышать, где тебе хочется, в том числе и за границей. Но как это реализовать массовому жителю, когда денежные доходы растут у высокооплачиваемых категорий и у так называемых зажиточных и богатых людей, в то время как даже, по официальным данным, число лиц, живущих ниже прожиточного минимума в 2000 и в 2006 гг. составляло соответственно 32 и 21%, но еще 35 и 41% еле-еле сводили концы с концами или были малообеспеченными [2].

Парадоксы новой ситуации сопровождают людей повсюду. Ты можешь купить или построить себе дом, послать своих детей в любые университеты стран мира. Но для 95% населения это просто nepозволительная роскошь.

Ты можешь основать свое собственное дело, стать предпринимателем, частным владельцем парикмахерской, магазина, завода. Но кто даст первоначальный капитал, ибо очевидно, что на чью-то помощь, тем более гарантированную и неграбительскую, рассчитывать невозможно.

Ты можешь иметь землю в частной собственности. Стать фермером. Но чтобы пахать и сеять, кормить скот, обрабатывать поле, нужны самые разнообразные машины. А помощь государства минимальна, мизерна, да еще связана с бюрократическими трудностями ее получения. *Вот и получается, что в настоящее время формально нет слова «нельзя», нет прямого предупреждения, не делать то-то и то-то, но зато есть мощный механизм, который в новом качестве возрождает это могущественное «нельзя».* Вот и результат: все — за фермерство, но их число незначительно — всего несколько процентов от числа работающих на земле, а их товарная продукция равна 2% всех поступлений на рынок. Вот и разрывается сознание человека, но уже на новой основе: при отсутствии запрета он по-прежнему находится в тисках жесточайшего «нельзя», «невозможно».

Но как найти ту грань, когда «нельзя» обязательно, а когда нет? Дело не в указах, приказах, разрешениях и запретах. Принцип один: как в отношении «надо», мы можем поставить перед собой вопрос в каждом конкретном случае: «Что будет, если вопреки «нельзя» мы это сделаем?» И если не предвидится ничего предосудительного для общества, для других людей, то можно смело отбрасывать это «нельзя».

21.3. Все, что не запрещено, можно?

В разгар перестройки эта идея, озвученная М. Горбачевым, после длительного обсуждения в печати и в научных дискуссиях была встречена на «ура» очень многими людьми. Утомленные долгими годами всевозможных запретов, ограничений, почти все приветствовали этот лозунг, ибо в советской практике применялся один метод: если ситуация не упоминается и не имеет ответа на вопрос, как поступить, все трактовалось только с позиций запрещения, а не разрешения.

Однако очень многие быстро убедились, что «горбачевская» истина не абсолютна в своем значении.

Во-первых, выяснилось, что это применимо в области права, правового регулирования и мало (или плохо) вписывается в области социальной и духовной жизни, которая руководствуется иными критериями, чем право. И если не запрещена проституция как таковая, то значит ли это, что она разрешена? И если ты придерживаешься определенных взглядов (не запрещенных), это еще не значит, что эти взгляды могут беспрепятственно распространяться (как в случае с геями и лесбиянками). Иметь личные всевозможные ориентации не

запрещено (желать, например, установления теократического государства), но это не означает, что они могут быть разрешены для пропаганды. Так же как если разрешено распространение либеральных идей, это не в коей мере не означает запрета противоположных им взглядов.

Во-вторых, действие данного правила возможно только в условиях стабильности. Когда человеку не ясно, что в самом деле запрещено или в самом деле можно, то вполне естественно возникает дезорганизация, в результате которой происходит смешение всех видов деятельности, в том числе и противоправных. Вот, например, мнение работников Нижегородского завода «Теплоход» (опрос 1996 г., N = 520 человек). Только 1,5% из них утверждают, что новые методы хозяйствования на заводе действуют успешно (завод стал акционерным предприятием). И как результат — только 2% считают, что они готовы к работе в новых условиях. Исследование, проведенное в 2002—2003 гг. о становлении новых трудовых отношений, показало, что переход к рыночным предписаниям в сфере труда продолжает характеризоваться многими парадоксальными чертами даже на успешных предприятиях, применяющих новые капиталистические методы работы, остается очень высоким уровень неудовлетворенности работников этими нововведениями, ибо они игнорируют то, что было привычным на советских предприятиях. В конечном счете все сводилось к тому, чувствует ли человек причастным к реальным изменениям на производстве или нет [3].

В-третьих, следование этой формуле порождает такой тип взаимоотношений, которые действуют по правилу исключений: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». Отсюда нередко начинается двойной счет, двойная мораль. Нельзя воровать у общества, у своего коллектива? Но у меня исключительные обстоятельства. И мне нужно взять гвозди (стулья, машину, деньги и стройматериалы или просто «лишний» телефонный аппарат, а там, глядишь, и банковский счет или понравившееся доходное предприятие). И вот уже воровство процветает в таких формах, что счет идет уже не на миллионы, а миллиарды рублей.

Нельзя иметь оружие? Но опасность подвергнуться насилию настолько велика, что можно приобрести все возможные средства защиты, в том числе и запрещенные. Выборочные исследования показывают, что оружие уже имеет от 7 до 18% людей в зависимости от региона. А всего, по данным Главного управления охраны общественного порядка МВД России, россияне владели 5,269 млн единиц оружия. Кроме того, частные охранные предприятия и службы безопасности имеют свыше 90 тыс. различных единиц оружия [4].

И это не считая скрытых форм наличия оружия. Таким образом, даже по официальным данным, практически каждый шестой взрослый человек имел вооруженные средства защиты.

В-четвертых, в реальной жизни, в живой истории человечества фигурируют нормы, которые невозможно полностью определить дихотомией «надо» и «нельзя». Тысячелетние предписания поведения человека мало соотносятся с этими словами, ибо они аккумулируют все то, что образует естественный ход жизни. Но есть и продолжают существовать неписанные законы поведения. И одобрять их, как и опровергать, одинаково нелепо. Они впитываются с молоком матери, складываются в самой жизни, поддерживаются самим людьми. Более того, они нередко переходят друг в друга или применимы с разным знаком, в зависимости от конкретной обстановки. Придерживаться в такой ситуации только двухполюсного мышления — это значит соглашаться с тем, что сознанию людей предлагается только выбор: «красный или белый», «лицо кавказской национальности или нет», «социалист или либерал», «патриот или интернационалист», «рыночник или антирыночник». К последнему — к законам рынка, как справедливо отметил Б. Кагарлицкий, вполне применимо одновременное использование не только внерыночных, но и антирыночных регуляторов [5]. Такой подход нарушает не только научную логику, но и логику жизни, ибо общество постоянно оперирует огромным спектром взаимопереходящих мнений, которые на самом деле отвечают реальностям жизни, а не надуманным теориям и взглядам.

21.4. Парадоксы согласования «надо» и «нельзя»

Человек всегда живет в ситуации выбора. *Жизненный опыт постоянно подсказывает ему, что действия «надо» и «нельзя» строго ограничены.* Они никогда не имели и не имеют абсолютного значения. В реальной и нормальной жизни они сами по себе очень гибки и меняют свои акценты не только во времени, но и применительно к различным сторонам жизни человека. Это, конечно, не означает, что такую гибкость следует трактовать как вечную вседозволенность, неустойчивость, относительность и постоянную ограниченность, когда нет никакой точки опоры.

Хотелось бы напомнить сюжет из повести В. Быкова «Круглянский мост», связанный с трудностью решения проблем «надо» и «нельзя». Два партизана, выполняя задание по взрыву моста (ожидалось крупное наступление гитлеровцев с тяжелыми последствиями для партизан и жителей этого региона), случайно на своем мар-

шруте встретили мальчишку, блуждавшего по лесу и, как выяснилось, потерявшего родителей. Они за невозможностью поступить иначе, принять иное решение, взяли его с собой. Выполнение задания завершилось гибелью мальчика, которого в крайне жестких условиях выбора решил использовать один из партизан. И вот его напарник при возвращении в лагерь стреляет в сослуживца за то, что он использовал ребенка, чего не должен был делать даже при выполнении этого важнейшего приказа, не слушая возражения последнего, что тот не хотел смерти мальчика, но хотел выполнить задание, спасая тем самым сотни и тысячи людей.

Где тут истина: в «надо» или в «нельзя»? Автор на этот вопрос не отвечает, предлагая нам самим сделать вывод. И выводов можно сделать много. И мнений будет не меньше. Но ясно, что полностью противопоставлять их друг другу невозможно.

Но невозможно и отождествлять. Ибо в ином случае мы получим робота, который будет поступать согласно инструкции.

Кроме того, *человек живет мотивами — разными в разный период жизни*. Но в любое время — и в период застоя, и в период перестройки, и в постперестроечный период — личные мотивы всегда были сильны: стремление к высокой оплате, к занятию престижным трудом, к обеспечению семьи, к заботе о детях. На этом фоне были всплески и гражданских, и альтруистических мотивов: долг перед страной, обязательства перед производством, профессиональная этика, желание помочь обществу, коллективу, обездоленным группам в решении тех или иных вопросов.

Но можно ли сегодня согласовать «надо» ради семьи, близких, общества и самого «Я» с условиями и возможностями реализации, когда государство уже не говорит «нельзя», но делает все, чтобы это «нельзя» состоялось?

Именно поэтому согласование «надо» и «нельзя» в определенной степени зависит от общества, от государства, причем в первую очередь от них. Но ни государство, ни общество не торопятся создать эти условия. И реакция не замедлила себя ждать: до 70% людей (данные всероссийских опросов) не верят никому и надеются только на самих себя, или на близких людей, или на родственников. Общее недоверие, помимо всего прочего, делает невозможным соблюдение этих требований или желание следовать им [6].

Когда люди видят, что государство не способствует таланту, умению, творческому порыву (в любом деле — от написания книги до работы на токарном станке), то согласование между «надо» и «нельзя» чрезвычайно затруднено.

К сожалению, у человека сейчас нет твердой точки опоры. А это значит, что зыбка жизнь не только у людей, но и у государства,

не обеспечивающего мудрость согласования многовековых «надо» и «нельзя».

И в результате складывается парадоксальное представление о наступившей эпохе кардинальных преобразований экономической и политической жизни России: с одной стороны, провозглашение демократии, свободы, конституционные гарантии прав и свобод человека в соответствии с резолюцией ООН «О правах человека», с другой — колоссальный рост хищений, воровства, обмана, утаивания доходов, что приносит урон как обществу и государству, так и большинству населения, вынужденному мириться с нищенским уровнем своего существования.

И это противоречие не проходит бесследно для общественного сознания: реакцией является или озлобление или апатия, что самым пагубным образом сказывается на творческом потенциале общества. Вот почему, несмотря на некоторые благоприятные сдвиги в экономике, не уменьшается число тех, кто готов активно протестовать против своего положения. По-прежнему только 27—30% воздерживаются или отрицают значение забастовок, в то время как 70% разделяют мнения, что «забастовка — единственный способ добиться удовлетворения своих требований», «забастовка — нормальное средство решения назревших проблем», «забастовка — крайняя мера, но в нынешних условиях ее бывает невозможно избежать» [7].

Примечания

1. См.: Согомонов А.Ю. Генеалогия успеха и неудач. М., 2005.
2. См.: Россия реформирующаяся Ежегодник /Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М., 2007. С. 3—4.
3. Подробнее см.: Становление трудовых отношений в постсоветской России. М., 2004.
4. Текущий архив автора.
5. См.: Независимая газета. 2001. 14 октября.
6. См.: Социология власти. 2006. № 6. С. 33—34.
7. См.: Общественное мнение. 2005. М.: Левада-центр, 2005. С. 26.

Глава 22

Враг или оппонент

Правее их только стена

Рандольф Черчилль (1849—1895),
английский политик XIX в.

Особо стоит остановиться на видимом и латентном процессе демократизации: всеобщее декларирование приверженности делу обновления и не менее истовый поиск врага. В России оно давно стало страстью всеохватывающей, всепоглощающей. Этот симптом непримиримости, нетерпимости поражал и поражает практически все политические силы, которые никогда не были склонны уступать друг другу. Не является исключением и сегодняшняя Россия. ***Колоссальный парадокс состоит в том, что все клянутся стремлением к гражданскому согласию и одновременно делают все, чтобы такое согласие не состоялось.*** Это напоминает великий смысл одного восточного анекдота, когда на вопрос: «Будет ли третья мировая война?», следовал ответ: «Нет, войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».

22.1. Полюсность мышления

Генетически в России с незапамятных времен всегда искали мешающих, «поперечных», стоящих «на пути прогресса». Опричники Ивана Грозного, расправы Петра Великого, тащившего Русь из варварства варварскими методами, чистки Екатерины II, вечные дворцовые перевороты и околосдворцовые интриги в XIX и XX вв. — все так или иначе связано с тем, что можно отнести только к двухцветному восприятию действительности — черное и белое. Другие оттенки практически не воспринимались. Поэтому неудивительно, что в советский период так быстро было усвоено рекомендуемое стандартное правило: «Тот, кто не с нами, тот против нас». Тем более, что начиная с 1920-х гг. упорно и безмозгло добивались как единства партии, так и единства народа.

Сознание большинства людей было сориентировано на то, что тот, кто не с большинством, а главное, не с тем, кто у власти, не имеет право на свое восприятие действительности.

Трагедия состоит в том, что стремление во что бы то ни стало навязать другим людям ценность и исключительность собственного мнения и обязательно заставить их думать так и никак иначе, переломить ход событий в свою пользу присуще не только тем, кто обладает властью или стремится к ней, но едва ли не всем жителям нашей нестандартной страны.

Данные правила игры диктуют свою логику поведения. Почти вся советская история полна тем, что с кем-то постоянно и непременно боролись: то с тайными вредителями, то с врагами народа, то с «бездарными очернителями», то с «безродными космополитами». ***Наша история представляет непрерывную цепь поиска врагов, которых надо было непременно устранить.*** И даже в период перестройки, особенно на ее финише, врагов пытались обнаружить в лице демократов, народных фронтов, новых партий, которые были виноваты в том, что мыслили по-другому. После августа 1991 г. победившие не остались в долгу: был изобретен очередной враг в виде красно-коричневых, коммуно-фашистов, которых-де непременно следует обязательно устранить с политической арены. В свою очередь, победившим приклеивали ярлыки «продавцов Родины», «антинародного курса», компрадоров, оккупантов и т.д. и т.п.

Страшно не разное видение перспективы — страшно и опасно то, что каждый настаивает на своем пути как на единственно правильном и ради этого готов на все, чтобы стереть с лица земли всякое возражение, всякое сопротивление.

Складывается ***парадоксальная ситуация***: все ратуют за терпимость, уважение к другому мнению и суждению и в то же время все делается для того, чтобы от этой гражданской терпимости избавиться. Такое ярое противопоставление нередко выплескивается на улицы, и вот уже журналисты, политологи и общественные деятели, придерживающиеся тех или иных политических симпатий, то занижают число тех, чьи политические пристрастия они не разделяют, то завышают количество тех, с кем они связывают свое представление о будущем. Особенно это проявилось, например, во время избирательных кампаний в Государственную Думу в 1994 и 1996 гг., когда, например, данные о партии Явлинского многими социологами, политологами, аналитическими центрами завышались, ибо держатели (и владельцы) данных организаций или СМИ симпатизировали этому политическому движению и не видели ничего зазорного в том, чтобы свое мнение выдать за мнение народа. Вот почему, когда со страниц газет и телеэкрана на рядового гражданина выливается эта словесная эквилибристика, то ему ничего иного не остается, как никому не верить и выработать свое понимание происходящего, свое жизненное ощущение, мерить происходящее своим аршином [1].

Но, судя по всему, народ прозревает быстрее, чем те, кто претендует на роль его поводыря. Люди становятся все более и более равнодушными к многоцветью различных политических заверений. В глазах рядовых граждан врагом становится тот, кто мешает им спокойно жить, угрожает их безопасности. Вот почему *тревоги по поводу насилия стали волновать людей не в меньшей степени, чем возможность выживания в условиях экономического кризиса*. Не этим ли продиктовано желание людей иметь защиту? И это действительно так: как показывают опросы, почти каждый третий житель страны уже подвергнулся насилию или угрозе насилия, а еще 40% не исключают того, что могут ему подвергнуться. Люди враждебно относятся к тем, кто, прямо не принадлежа преступной среде, криминальному сообществу, ставит их в унижительное положение просителей, обладателей нищенского уровня жизни. Только этим можно объяснить резкую критику всех власть предержащих, которые, по мнению многих, взаимодействуют как с криминалом, так и теми, кто имеет капитал, нажитый несправедным путем.

Все большее количество людей приходят к мысли, что государство не только не гарантирует своим гражданам правовую защиту от произвола, но и само в лице чиновничества, созданной бюрократии срашивается с криминалом, преступными группировками. А если это так, то в глазах большинства людей именно они становятся скорее врагами, чем оппонентами. Поэтому неудивительно впечатляющее изменение настроений народа на грани веков: страх перед неизведанным превращается в жажду порядка, а палка — в вертикаль власти [2].

Полюсность мышления формируется и под влиянием так называемой негативной консолидации, когда государству, вернее, ее политическим руководителям, требуется добиться сплочения общества, начинается поиск врага — подрывающего единство страны (ичкерийские/ чеченские боевики) или нарушающего экономическую стабильность (мигранты с Кавказа, Средней Азии, Китая и Вьетнама). На этой основе начинается поиск «чужих», на которых можно свалить не только все неурядицы и сложности вживания в рынок, но и обрести моральное оправдание в своем негативном отношении к иноверцам, инородцам, всем тем, кто кажется препятствием на пути общественного спокойствия и личного благополучия.

Особняком стоит формирование актуализированного врага, когда под влиянием политической или экономической конъюнктуры обостряются отношения между странами и это восприятие «разливается» среди людей и находит отражение в общественном сознании. Именно этим можно объяснить тот факт, что место пяти самых недружественных в России стран в 2006 г. заняли Латвия (мнение 46%), Литва (425%), Грузия (445%), США (37%), Эстония (28%).

Это тем более показательнее, что, например, с раздражением, неприязнью, с недоверием и страхом к американцам относятся 18%, а к эстонцам 11% [3].

22.2. В чем отличие врага от оппонента?

Человек живет, всегда сопоставляя свое «Я» с другими «Я». И это нормально. Ибо каждый из нас прекрасен тем, что он представляет самого себя.

Страшно и опасно другое, когда человек воображает, что все другие должны походить на него, обладать теми же достоинствами, что и он, делать то, к чему он призывает или сам осуществляет. И как итог — полное неприятие другого человека, другого «Я», иного мнения, иного образа жизни.

В этой связи необходимо сказать *о критериях различия между врагом и оппонентом.*

Во-первых, по отношению к оппоненту стараются понять его логику, его доказательства. Увидеть не только слабые, но и сильные стороны, услышать его аргументацию, желая учесть его предложения и использовать в том или ином виде. *По отношению к врагу известен и распространен только один метод — исказить его информацию, преувеличивать одно, замалчивать другое* — в общем, создать из противостоящего тебе члена общества, другой группы или общности злоумышленника, вредителя, противника прогресса и всех людей [4].

К сожалению, очень велико непонимание или нежелание понять другого человека. По данным социологических исследований, большинство — до 70% — испытывает в настоящее время доверие только к своему ближайшему окружению и надеется на самих себя. В советский период в сознание людей было внедрено (и находило подтверждение в жизни) представление о престиже трудового коллектива и различных его организаций как защитников и охранителей человеческого достоинства. В настоящее время это стереотип разрушен, и человек оставлен наедине со своими бедами и проблемами — по крайней мере, в этом убеждено большинство.

Во-вторых, если по отношению к оппоненту применяется принцип уважения как к лицу, имеющему иное мнение, то по отношению к врагу это уважение исключается, как и его право на свое особое мнение. В лучшем случае имеющаяся информация упаковывается в свое понимание действительности, препарировается или в ней выпячивается то, что нужно для непримиримой борьбы. Особенно свирепы и плотоядны публичные столкновения политических партий в

ходе избирательной борьбы, в ходе которой демонстрируется полное неуважение к политическому противнику и острое желание оскорбить человека (группу, партию), придерживающуюся иных ориентаций и интересов. Но людей уже не проведешь. Многие интуитивно улавливают фальшивые ноты, хотя сами лично не избавлены от этого пагубного синдрома. И разве можно сделать иной вывод, когда люди видят грязные политические технологии, например, введение «безродных» однофамильцев в противовес известным лидерам, публикация компрометирующих материалов, в которых невозможно разделить правду и вымысел. А нередко в этих политических баталиях выясняется, что у каждого претендента на власть «своя правда», которая исключает «правду» другого.

В-третьих, с оппонентом обычно ведут дискуссию — научную, деловую, производственную — в порядке сопоставления и сравнения информации. По отношению к врагу все это приобретает насильственную, вооруженно-идеологизированную окраску, когда выясняется не истина, а преследуются своекорыстные, корпоративные, групповые цели. Для этого широко используется демагогия, стремление унижить, опорочить иные взгляды и действия. Таких крайностей более чем достаточно, когда стремятся реализовать любые ультраустановки и ориентации. И пусть таких людей немного — по несколько процентов в любой социальной группе, но они крикливы, шумливы и не скупятся на самые крепкие эпитеты и оскорбления. Парадоксально только то, что даже в социальной группе тех, кто относит себя к интеллигенции, число непримиримых резко возрастает. Именно среди называющих себя разумными существами, совестью нации, число лояльно мыслящих по отношению к другому мнению не так уж значительно, как этого бы хотелось.

В-четвертых, если в дискуссии с оппонентом используется язык диалога, переговоров, то с врагом — язык ультиматумов. В чем-чем, но тут мы поднаторели. И как ни прискорбно, это присуще и власть предержащим и на власть претендующим. Разлита эта ультимативность и в сознании большинства населения: «Пусть будет так, а не иначе». В такой ситуации многие люди ориентируются только на один-единственный «верный» путь, который они считают единственно правильным. До сих пор каждый пятый-шестой человек, т.е. от 16 до 19% (данные ВЦИОМ), заявляет, что для разрешения волнующих его национально-этнических проблем он готов прибегнуть к насильственным действиям и вооруженным формам защиты интересов своего народа.

И наконец, самое опасное, когда начинают искусственно поддерживать ненависть, когда при отсутствии видимого противника при-

думывается враг и на него начинают навешивать все беды и все просчеты, вменять в вину все, даже то, что является результатом собственных ошибок. Вся история нашей страны, в том числе и в постперестроечный период, — это непрерывные попытки найти козла отпущения.

Власти с завидной последовательностью изобретали и изобретают силы, противостоящие им.

Население тоже не остается в долгу. Для них врагом выступают мафия (мнение 70%), коррумпированная часть государственного аппарата (56%), новые экономические структуры (мнение 35%). Единственное, что утешает, это то, что сознание народа не изобретает мифических врагов, а ищет их среди тех, с кем они сталкиваются в реальной жизни [5].

Стоит сказать, что в зависимости от характера противостояния — враг или оппонент — у врага замечают даже соринку в глазу, а затем преувеличиваются, гипертрофируются, доводя до фальсификации, до абсурда. Этим отрезается всякий путь к обмену информацией, согласованию точек зрения и даже возможной, приемлемой для обеих сторон позиции. Не менее распространен и такой прием, когда искажается всякая информация, исходящая от противостоящей стороны, или ей навязываются свое представление о действительности. Нередко практикуется использование ярлыков, а также язык ультиматума, отказ от всех форм диалога. Очень вредит делу установления конструктивного диалога заданность, окончательность, которые выдаются участниками политического или иного процесса как нечто, не подлежащее никакому сомнению.

Таким образом, сначала формулируется определенное представление о цели, средствах и методах ее решения, а другим участникам предлагается принять его как единственно правильное, бесспорное, истинное. Иначе говоря, в такой ситуации общественное сознание всегда поражено синдромом образа врага, какого — безразлично, но именно врага, который, дескать, стоит на пути благополучия общества и каждого среднестатистического гражданина.

22.3. А есть ли ключи от этой «болезни»?

Парадокс данной ситуации состоит в том, что, с одной стороны, общество и многие люди провозглашают право на иную точку зрения, но с другой — эту иную точку зрения они нередко характеризуют как противоречащую здравому смыслу и нормальному ходу дела, а поэтому не имеющую права на существование. На практике до большинства людей по-прежнему плохо доходит, что иная точка зрения имеет

такое же право на существование, как и та, которая поддерживается на официальном уровне или другой группой людей. И вот мы в который раз сталкиваемся с неистребимым атавизмом, хотя конец ему предрекали уже не раз: «я знаю, что народ хочет» или «я всегда прав». И корень этого устойчивого отвержения — в тех социально-психологических характеристиках, которые присущи большинству людей. Слишком глубоко, возможно на уровне подсознания, засело в общественном сознании чувство врага. И от него обществу трудно избавиться. Возможно, только в следующем поколении и даже еще позже.

И все же всем без исключения предстоит формировать убежденность, что возможно не просто существование иной точки зрения, а ее равноправность, равноценность своей собственной, одинаковый уровень претензии на возможность ее высказать, быть услышанным, сравнить с иным мнением и в соответствии с этим действовать.

Стоит напомнить, что эту болезнь можно лечить и при помощи поиска ответа на вопрос: *как строить отношения меньшинства и большинства?* Опыт показывает, что, отвергая мнение меньшинства, господствующая точка зрения себя обедняет, нарушает баланс сил, не дает импульса для сохранения и отстаивания позиции тех, чье мнение может через определенное время победить [6]. В такой ситуации требуются специальные усилия, чтобы меньшинство сделать оппонентом (в политической жизни — официальной цивилизованной оппозицией), не превращать его во врага, когда его мнения и идеи отвергаются с порога. Однако такой подход не следует абсолютизировать, ибо, как писал бывший главный редактор «Независимой газеты» В. Третьяков, если во всем без исключения руководствоваться этим принципом, что учет мнения меньшинства при обсуждении гимна России может привести к тому, что мы должны «три куплета спеть под Александрова, а один под Глинку».

Не менее действенный способ — вынести различные точки зрения на обсуждение. Но это тоже прививается с трудом. Многие готовы умереть, но не допустить, чтобы их понимание, их трактовка подвергались сомнению. А если она и выносится на обсуждение (вот еще один парадокс), то ждут только одобрения, поддержки и подтверждения своей правоты.

Предстоит преодолеть люмпенизированную психологию у многих людей, которым присуще мышление весьма примитивными, «людоедскими» категориями типа «устранить», «запретить», «не допустить», «не позволить». А отсюда недалеко и до таких человеконенавистнических требований, как «уничтожить», «стереть с лица земли», и если не физически, то морально. Этот радикализм всегда

дружит с бедой. И человечество, и наша собственная история знают немало тому примеров.

Главное стоит в том, чтобы осознать, что оппонент — это выражение конструктивной оппозиции, особенно в официальных структурах, без которой невозможно нормальное развитие общества и государства. Без оппонентов в виде оппозиции трудно представить сопоставление различных точек зрения, выработку и корректировку своих ориентаций, и, самое главное, готовности к тому, что оппозиция может сменить и стать у руля власти и также достойно продолжать общее дело. И этому в немалой степени учит опыт СССР, когда была запрещена всякая иная оппозиционная мысль, сначала внутри партии (см. постановление X съезда РКП (б) «О единстве партии»), а затем в стране. В результате руководители партии и страны сверху донизу заросли «политическим» жиром, отучились и отвыкли спорить, аргументировать, доказывать верность своей точки зрения и своих методов решения многочисленных общественных проблем. Стала господствовать убежденность, что если человек у власти, то он заранее прав. И вот каждый секретарь райкома говорил не только от имени ЦК, Программы КПСС, но и идентифицировал свои высказывания и дела с Марксом и Лениным только на том основании, что он был руководителем данного участка работы.

Это двухцветное восприятие действительности стало основой политического краха КПСС, забывшей или игнорировавшей в своем развитии важнейшее требование: только в споре, в сопоставлении идей возможно достижение истины (и то относительной), что, в свою очередь, требует вечного продолжения поиска желательных эффективных решений.

Этой болезнью начала заражаться и современная политическая власть России. А как иначе расценить высказывание председателя Государственной думы Грызлова, что «трибуна парламента — не место для дискуссий», в ответ на требования оппозиции прислушаться к их аргументам или их предложениям.

Не менее амбициозны и нетерпимы высказывания и дела представителей радикал-либералов, которые отождествляют свою личную позицию с демократией, свободой, с «лучшими достижениями Запада». В такой ситуации поражают масштабы, с одной стороны, нетерпимости, с другой — абсолютной уверенности в своей непогрешимости, в том, что только их идеи являются воплощением истины. Но далеко ли в такой ситуации они ушли от своих предшественников, которые также с пеной у рта доказывали чуть ли не божественность (по крайней мере беспрекословность) постановлений очередного пленума ЦК, выдавая его за непререкаемую и неоспоримую мудрость.

Преодолеть эту полюсность мышления, когда решается вопрос «или—или», могут не только молчаливое согласие с существованием оппонентов (оппозиции), но и активное содействие возникновению спорных, альтернативных и сомневающих точек зрения. *Ориентация и поддержка, сосредоточение внимания на поиске одной единственной (совершенной, оптимальной) модели приводит к созданию «эффекта теплого одеяла», которое создает на определенный период комфортные условия, но и под которого все же предстоит выбраться в студеную реальную жизнь.*

Примечания

1. *Образ врага в общественном сознании с в средствах массовой информации.* М., 2005.
2. *Петухов В.В.* Бюрократия и власть //Социол. исслед. 2006. № 3.
3. Подробнее см.: *Общественное мнение-2006.* М., 2005. С. 192, 154—155.
4. *Коллективный страх и стереотипы ненависти.* Научно-аналитический обзор //История социалистических идей и стереотипы массового сознания. М., 1990. С. 17.
5. См.: *Левашов В.К.* Социополитическая динамика российского общества. 2000—2006. М., 2007. С. 476.
6. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 60.

Глава 23

Свобода или беспредел

Лишь глупцы называют своеволие свободой.

Тацит (ок. 58 — ок. 117 н.э.),
римский историк

Что происходит сегодня со свободой?

В конце 1980—начале 1990 гг. не было слаше и желаннее этого слова. Оно ласкало слух, светилось надеждой, оно, казалось, позволяет вздохнуть полной грудью и приобщиться ко всем мыслимым и немыслимым благам демократии. Ему — этому слову — доставались самые восторженные эпитеты из всех выражений, имеющих отношение к сегодняшней политической жизни.

Так почему же тускнеют глаза у одних, раздражаются другие и свирепеют третьи, когда слышат слово «свобода»? Что случилось с представлениями людей, для блага которых совершается столько перемен? Почему долгожданная свобода так чревата издержками, а наши ожидания оборачиваются апатией, разочарованием и даже ненавистью?

23.1. Свобода или краткий восторг по поводу невозможного

Впервые живительный глоток свободы многие люди ощутили с наступлением эры гласности. Шаг за шагом у них расширялись возможности получать интересующую их информацию, приобщаться к сведениям, которые ранее были под запретом или «для служебного пользования». После отмены всяких ограничений стало реальным право критиковать любых руководителей, вплоть до самых вышестоящих. И это вызывало благоприятные ассоциации. Гласность, ее условия и возможности положительно оценивались почти всеми без всяких изъятий. Социологические исследования конца 1980-х гг. неизменно подтверждали факт: люди высоко отзы-

вались о предоставленных им правах на информацию и о возможности пользоваться ею. Редко кто сомневался в ее благотворном влиянии на нашу жизнь.

Но предоставленная свобода открыто получать и знать информацию, критиковать всех, кого захочется, все же не давала полного удовлетворения. Как несоответствующая росту человека одежда, так и имеющаяся свобода в советском обществе стесняла людей, ограничивала их, жала «подмышками» и поэтому стала предметом еще больших надежд на грядущие изменения.

Люди в то же время интуитивно почувствовали, что вряд ли только для самовыражения предназначена свобода, ведь она означает нечто большее или то, к чему они стремятся в повседневной жизни.

Новый этап для расширения представлений и реализации свободы наступил после августа 1991 г. Власть КПСС рухнула. Снимались окончательно все ранее существовавшие ограничения. Уже можно было не связывать социализм с благами свободы. Можно было без всякой опаски клеймить тоталитарное прошлое и подсчитывать, какой урон оно нанесло людям и их образу жизни.

Возможности для свободы открывались беспредельные. Ликование по этому поводу вызвало новый всплеск надежд и иллюзий. Однако реальность была более суровой. *Трактовка свободы оказалась чрезвычайно пестрой и очень уязвимой.*

Одни связали ее с полным бесповоротным отказом от социализма, его идей, методов, его прошлого и настоящего. Для некоторых слово «социализм» стал нечто вроде бранного слова. Отказ от него, разного вида отмежевания, не говоря уже о прямой и безапелляционной критике социализма (а главным образом коммунизма) стали нормой жизни, правилом хорошего тона.

Другие, не мудрствуя лукаво, стали пропагандировать формы и методы проявления свободы у наших прежних идеологических противников, *бездумно восхваляя все без разбору — от принципов выбранной системы до описания публичных домов.* Все, что было «там», было хорошо, а то, в чем мы не следовали «ихним» традициям и привычкам, было однозначно плохо.

Третьи стали понимать свободу как свободу национального «я», как свободу проявить потенциал своей нации или народа, даже если это шло в ущерб другому народу, другим нациям и народностям.

Четвертые поняли свободу как возможность продемонстрировать себя на политическом поприще, сосредоточив свои силы на организации митингов и проведении манифестаций, на создании новых политических партий и движений, считая, что именно это

многообразии интересов обеспечит обществу блага цивилизованного мира.

И наконец, свобода стала трактоваться как экономическая свобода, т.е. свобода распоряжаться своим достоянием, как свобода мобилизовывать ресурсы, обогащаться, иметь не скудный паек от государства, а располагать тем, на что способен человек в своей предпринимательской и поисковой деятельности, хотя еще в начале века Н.А. Бердяев предупреждал, что «свобода нисколько не гарантирует от экономического рабства».

М.А. Шабанова в своем блистательном труде «Социология свободы: трансформирующееся общество» проанализировала различные представления и трактовки свободы, показав, как много самых различных целей, установок и ориентаций скрывается за этим широко-вещательным словом. Ценность данной работы состоит в том, что автором дана классификация представлений о свободе не на основе многочисленных научных и публицистических высказываний, а на основе эмпирических данных, что представляет особый интерес.

В ее исследовании, охватившем 602 человека городского работающего населения г. Новосибирска и 551 жителя села в Алтайском крае и Новосибирской области (1997—1998), 28% опрошенных рассматривали свободу как возможность поступать по своему усмотрению, своей воле, без всяких ограничений, и столько же, разделяя основную посылку первой группы, вносили в свои представления существенную поправку — такая свобода признается ими в пределах правовых и нравственных норм. Еще 26% трактовали свободу как независимость от произвола властей и столько же отождествляли ее с наличием чего-то очень важного, значимого, без боязни потерять его (работу, уверенность в завтрашнем дне, независимость от случайностей). У 6% свобода идентифицировалась с субъективным ощущением, немногим больше (10—12%) понимали свободу как отсутствие какой бы то не было зависимости — материальной, моральной и т.д. Часть людей связывала свое представление о свободе с гарантией от жестких ограничений в организации своей повседневной жизни (тюрьма, армия, плен). Но наиболее распространено восприятие свободы — и на это указало более половины опрошенных — это материальная независимость, отсутствие материальной стесненности [1].

Таким образом, этот букет свобод, ее разнообразные трактовки расцветают всеми красками, которые существуют в мире и накоплены человечеством за весь период своей цивилизации. Именно на этой базе в постсоветской России провозглашались декларации и лозунги, делались всевозможные заявления, отыскивались реальные

и придумывались вымышленные враги свободы. Можно было говорить, высказывать свое мнение обо всем, даже о том, о чем не имелось элементарного представления, пропагандировать то, что было желательным, настаивать на том, что еще вчера казалось вздором. ***Нарушение меры привело к тому, что наступил беспредел в трактовке и реализации разных представлений о свободе, что не могло не привести к социальной напряженности, общественным коллизиям, а в ряде случаев и к трагедиям.***

23.2. Свобода или тяжкое бремя сомнений

Парадокс ситуации сейчас таков: люди не хотят отказываться от свободы, но в то же время их очень тревожит то, что они получили от этой свободы. Насколько противоречива складывающаяся ситуация, говорят данные социологических исследований (табл. 23.1).

Таблица 23.1

Чувствуете ли вы себя в нашем обществе свободным человеком?
(в % к числу опрошенных; N = 1600)

Варианты вопросов	1997	2000	2006
Да	16	21	20
Скорее да	24	32	33
Скорее нет	28	22	26
Нет	19	18	18
Затруднились ответить	10	6	3

Источники: *Общественное мнение*-2006. М., 2006. С. 25.

Анализ этих данных показывает, что почти половина населения серьезно сомневается в том, что вместе с рынком им пришла долгожданная свобода. Реалии свободы оказались достаточно проблемами и часто неутешительными. Это повлияло и на восприятие такого ключевого слова для провозглашенных преобразований, как демократия. Если в начале 1990-х гг. это слово воспринималось позитивно большинством — до 80% опрошенных, то в 2006 г. такие чувства выразили только 21% [7].

Поэтому не удивляет тот факт, что ранее провозглашенный отказ от социализма и его идей начинает постепенно поворачиваться к признанию определенных его ценностей. Все чаще вспоминают идею академика А.Д. Сахарова, ратовавшего за конвергенцию лучших сторон капитализма и социализма в новом российском государстве. И вот уже опросы общественного мнения показывают, что до 30% предпочитают социалистический путь развития и еще при-

мерно столько же признают полезными и значимыми отдельные идеи и политику социализма, особенно в отношении социальной защиты людей. И вот мы опять становимся свидетелями очередного парадокса — после полутора десятка лет поношения социалистических идей мы наблюдаем поразительный всплеск желания использовать эти идеи в своей программе: наряду с КПРФ об этом заявили «Патриоты России», «Народная воля», а недавно и «Справедливая Россия».

На наш взгляд, идеи конвергенции стали интенсивно проникать в умы соотечественников — многие из них уже соединяют в своих представлениях возможность эффективного сочетания принципов социалистического и либерального (капиталистического) развития. Но это соединение чрезвычайно противоречиво: желая жить «по-западному», лишь немногие осознают требование и работать также. Иначе говоря, умы наших соотечественников забиты комбинациями и вариантами всевозможных идей развития, что иногда уподобляет их винегрету, когда при определенных пропорциях он становится просто несъедобным.

С не меньшими сложностями столкнулись и те, кто стал понимать, что и политическая, и социальная свобода имеет свои ограничения. Признать это оказалось очень трудным, но возможным. Вот пример из недавнего прошлого. Верховный Совет России, провозгласивший независимость и суверенитет России, избравший Б. Ельцина в качестве своего лидера, превозносимый и боготворимый как образец демократии в борьбе с Верховным Советом и официальными государственными органами СССР, постепенно превратился в «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя» (А.Н. Радищев), а закончил свой путь в расстрелянном Белом доме в октябре 1993 г.

В начале 1990-х гг. много надежд возлагалось на начавшийся процесс формирования многопартийности, как гарантию и оплот политической свободы. *Но вместо политических партий общество получило мелкие, убогие группы тщеславных личностей, раздираемых даже не борьбой, а возней за лидерство.* Для них главными стали не судьба народа, а желание урвать пирог пожирнее или удовлетворить собственные амбиции. Люди с изумлением наблюдали, как из защитников народных интересов эти «партии» превращались в завязтых интриганов, которым нет дела до интересов простого человека. И, естественно, возникал вопрос: а за ту ли свободу они ратовали, боролись, надеялись, на нее ли ориентировались в своих ожиданиях? И вот результат — 88% опрошенных во всероссийских исследованиях не идентифицируют себя ни с какой партией, ни с какими общественно-политическими движениями и инициативами. И только 1,5—2% признавались, что они принадлежат к какой-то партии

или общественно-политическому движению. Для многих людей членство в любой из существующих партий отнюдь не показатель свободы, а скорее ее ограничитель или, по меньшей мере, бесполезная трата сил и времени.

Для тех же, кто свободу отождествлял с правом народа определять свою судьбу, ждал не менее впечатляющий сюрприз: благие пожелания, связанные с попытками создания национальных партий и аналогичных движений, стали опорой национализма и шовинизма. Произошло это потому, что данная ориентация привела представителей других наций к статусу второстепенных участников общественной жизни, интересы которых можно было игнорировать и со свободой которых можно было не считаться. Именно такая этническая трактовка свободы довела, во-первых, до этнических войн (Нагорный Карабах, Приднестровье), во-вторых, до гражданских войн (Грузия, Таджикистан). *Лозунги свободы нации все чаще стали обгагряться кровью.*

И даже в тех случаях, когда борьба за свободу нации не доходила до крайней степени обострения, более спокойная ситуация не означала благополучия в этой сфере. До сих пор не прошел шок у русскоязычного населения Латвии и Эстонии: их, поддержавших независимость этих республик, после достижения государственности превратили в людей без гражданства, без права участия в выборах, без надежды на равноправную жизнь с теми, кого они поддерживали в трудную минуту. *Парадокс ли это, или трагедия, но это еще один урок истории, на который придется дать ответ.*

И, наконец, жажда свободы связала надежды многих людей с желанием поддержать частную инициативу и, что особенно показательно, частную собственность. Вал поддержки стремительно нарастал. 30% поддержка в 1988 г. (это были первые замеры общественного мнения по этому вопросу) выросла и достигла 70—80% в конце 1990 гг. *Но радость за удачливых первых российских предпринимателей, первых российских миллионеров быстро переросла в недоумение, а затем в их отрицание.* Да и как им не появиться, если большинство населения живет ниже официального прожиточного минимума, а треть — ниже физиологически приемлемого уровня. Причем, ход реформ показывает, что наличие беднейших слоев — не ситуативная случайность, а устойчивая тенденция.

По данным Тематической группы ООН по борьбе с бедностью, в России наблюдалось три пика нарастания бедности. Первый пик (1992) связан с либерализацией цен и переходом к новой модели экономики и общественного устройства. В это время численность населения с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась более чем в 8 раз и достигла 49,7 млн человек, или 33,5% населения. Вто-

рой пик в значительной степени явился следствием финансового кризиса октября 1995 г. (так называемый «черный вторник»). И наконец, третий пик пришелся на 1999 г., когда после дефолта в августе 1998 г. численность бедных достигла 43,8 млн человек, или 29,9% населения. Так можно ли с серьезной миной в этих условиях рассуждать о ценностях свободы?

Все это привело к *парадоксальным представлениям о свободе*: желание нового причудливо сочеталось с желанием сохранить старое, возмущение результатами, которые оказались следствием многих актов свободного волеизъявления, и несогласие с тем, что получили, что обещали или что казалось такими прекрасным в декларациях и политических заявлениях.

23.3. Свобода без долга?

Я опять недавно стоял у безымянной могилы в подмосковном лесу неподалеку от деревни Крюково, где погибал «последний взвод». Ни фамилий, ни других ориентиров. Только краткая запись — тут похоронены три солдата Красной Армии, принявших краткосрочный бой и задержавших на несколько часов роту гитлеровцев. Сколько же таких могил по всей России, где лежат те, кто принял смерть без зрителей, без свидетелей, без надежды на славу, повинувшись солдатскому долгу — «надо». И в самом деле, это «надо» было надо стране. Празднование 9 Мая — это признание величия солдатского долга, наш поклон тем, кто остановил лавину фашизма, унеся с собой тайну последних мгновений своей жизни.

Так были ли свободны эти люди? Совместим ли долг с правом человека на жизнь, на будущее, на надежды?

Этот вопрос актуален и для нас, живущих сейчас. Но с позиций соотношения долга и свободы он более, чем уязвим. Господствует, пожалуй, точка зрения, которая сводится к одному: а кому нужен это долг?

— Долг перед страной? А какой может быть долг перед страной, которая исчезла?

— Долг перед обществом? А если оно не может гарантировать элементарные возможности для выживания?

— Долг перед коллективом? А если он не может дать работу и поддержать в новых реальностях жизни?

— Долг перед друзьями, близкими? А если каждый из них спасается по своему разумению и возможностям?

— Долг перед своей совестью? А чем она помогает человеку в этой конкретной и непростой ситуации?

Вот и получается, что мы за свободу, но без долга, этого обременительного свойства. Люди достаточно искренне ратуют за свободу, но за свободу поступать так, как им выгодно.

И все больше появляется людей, которым наплевать, что от такой свободы кому-то стало жить труднее, чьи-то желания и интересы ущемлены или не удовлетворены.

Беспредел начинает проявляться в том, что человек поступает в соответствии не с общепринятыми нормами, не согласно долгу, а в соответствии с личными, корыстными замыслами. Хотели мы того или нет, но в обществе расцветает новый эгоизм во всех его проявлениях: от мелкого — как бы меня не ограничили в моих желаниях — до крупного — а кто стоит на моем пути.

Вот и происходит массовое отчуждение от всего, что напоминало бы людям о долге. Какие могут быть обязанности перед государством? Одни утверждают, что раз государство не заботится о них, они свободны и независимы от обязательств перед ним. Другие с не меньшим рвением возражают: а почему государство должно заботиться о людях? Это сами люди должны заботиться о себе, и пусть государство не лезет в их дела. Иначе говоря, разные исходные посылки, но результат один и тот же — полный отказ от обязательств перед кем бы то ни было.

Долг только тогда сочетается со свободой, если свобода понимается как внутреннее состояние духа. Потому и нет более тяжелой ответственности, чем долг перед близкими людьми, нет большего насилия, чем то, которое совершает человек над самим собой. Это насилие может быть во имя идеи, во имя бога, во имя благополучия окружающих. *И нельзя достичь свободы, если ждать вознаграждения за нее, поощрения за «мудрые» поступки.*

23.4. Свобода или необходимость

В марксистской философии это словосочетание было, пожалуй, одним из самых популярных. За человеком признавалось право мыслить и действовать, как он считает целесообразным, но лишь до тех пор, пока это не противоречило интересам общества и коллектива. Но кто определяет меру этого соответствия? Этим судьей, как правило, выступало государство. Долгие годы КПСС провозглашала такую идеологическую установку: сначала интересы государства, общества, а потом — человека. Или в иной упаковке: интересы человека должны быть подчинены интересам государства. Как в известной песни «Прежде думай о Родине, а потом о себе».

Но ведь еще Гегель, осмысливая взаимоотношения человека и государства, *впервые провозгласил, что права и интересы человека*

равноценны интересам государства. Подчеркиваю, равноценны, т.е. не менее значимы, не менее влиятельны и весомы. В такой постановке вопроса нет ни грана превращения человека в некоторую производную величину от бытия государства, ни торжествующего эгоизма, считающего, что интересы человека должны быть выше интересов государства, общества.

Поколения советских людей вплоть до 1970-х гг. верили, что их труд, даже их лишения нужны государству. Придет следующая пятилетка, следующий этап в жизни общества, и они заживут лучше. Ну, если не они, то их дети обязательно. И вот эта вера в необходимость лопнула. Новое поколение эту необходимость жестко связывает с сегодняшним днем:

- 1) не надо обещанного далекого прекрасного будущего — дайте это будущее делать сегодня;
- 2) не надо говорить о достижениях всей страны или всего народа — это должно касаться лично меня и моих близких;
- 3) если невозможно улучшать жизнь по все параметрам, то сделайте хотя бы какие-то реальные сдвиги хотя бы по нескольким показателям.

Иначе говоря, необходимость только тогда работает на свободу, когда есть реальная отдача как от свободы, так и от необходимости или от их взаимосвязи между собой. Необходимость не должна унижать человека. Но и свобода без нее тоже мало значит. О чем говорит тот факт, что только 20% подлежащих призыву в армию идут служить, признавая эту необходимость прежде всего для страны и лишь очень косвенно для себя. Нужна ли эта необходимость? Никто или мало кто спорит, что не нужна. Но только до тех пор, пока не коснулась лично самого человека. И тогда происходит *парадоксальный кульбит: эта необходимость провозглашается нужной и обязательной для других, за исключением (и конечно, уважительным!) самого себя и своих близких.*

Но только ли сам человек должен нести ответственность? А как поступать с самым мощным источником давления на общественное сознание — со СМИ и в первую очередь с телевидением, которые ловко уходят от ответственности, но ратуют за безбрежную свободу для себя, ставя знак равенства между своей свободой и свободой общества? Но *свобода слова не может быть равнозначна свободе СМИ* (в чем нас пытаются непременно убедить), что, в свою очередь, не может отождествляться ни с ответственностью власти, ни с со свободой ее критики. Манипуляция этими аспектами свободы, подмена одних акцентов другими особенно наглядно проявились в

поведении руководства и журналистов телеканала НТВ в период правовых претензий к этой медиаимперии и что справедливо назвал фанаберией известный журналист-политолог В. Третьяков [2]. Что бы ни говорилось о свободе в российском обществе, надо понимать, что СМИ — параллельный мир, который весьма специфически отражает действительность, и это отражение нельзя признать реализацией свободы слова, как бы того не хотелось некоторым «рыцарям» пера [3].

23.5. Свобода или ответственность

Анализ ситуации показывает, что рост свободы людей отнюдь не сопровождается таким же ростом ответственности людей. В этой ситуации свобода понимается как только права без всяких ограничений.

Однако эта ответственность проникает в сознание людей, если не прямо, то косвенно. Уловив, что долгожданная свобода принесла немало издержек в общественной и личной жизни, люди пошли не по пути повышения своей ответственности в противостоянии негативным явлениям, а по пути переложения ее на других. ***Парадоксально, но факт, что все больше людей готовы поступиться свободой и передать ряд своих свобод очередной «сильной руке»,*** лишь бы самому не вмешиваться в борьбу с силами зла, деструктивности и не нести ответственности за их существование. Вот почему уже до 40% людей заявляют, что они готовы и хотели бы видеть сильную и жесткую власть в стране, пока еще не отдавая отчет, насколько это связано с ущемлением их свободы.

Ответственность всегда связана с долгом, но только в той мере, в какой мере человек повинен в ее невыполнении. «Нельзя путать «нужное время» с «удобным временем», когда можно что-то урвать, ухватить, уворовать. Это уже «час негодяев» [4]. Но есть и другая сторона ответственности. ***Дж. Неру*** (1889—1964) как-то сказал, что ***«о свободе надо судить по степени свободы самых низших».*** В России же пока свободу измеряют в основном по тем, кто имеет реальную основу для реализации своих прав и свобод. Иначе говоря, о степени свободы следует судить по тем, кто живет ниже прожиточного минимума и по ним мерить их ответственность перед обществом, но в еще большей мере — общества перед ними.

Человек всегда поставлен перед тем, чтобы ответить на вопрос: в состоянии ли он выполнять предписываемые ему требования; в какой мере он правильно их понял и истолковал; в какой мере он должен отвечать за последствия своей деятельности?

Попытка снять с себя ответственность или напротив, возложить ее на предшествующие поколения (вина отцов) ведут в конечном счете к одному и тому же — оправданию своего поведения в нынешних условиях.

23.6. Свобода или совесть

И все же несмотря ни на что, не угас у россиян огонек совести. Социологи в 1986 г. в условиях начавшейся перестройки спрашивали людей: «Можете ли Вы трудиться лучше, чем сейчас?». Свыше 90% респондентов ответили на это утвердительно. И не вина людей, что их готовность трудиться лучше, работать качественнее и производить больше не была востребована. В последовавших затем исследованиях конца 1980—начала 2000-х гг. социологи отмечали сокращение числа тех, кто самокритично отзывался о себе, внимал голосу совести.

В 2001—2004 гг. этот вопрос повторили. Сначала были большие сомнения: включать этот вопрос в анкету и нет. Казалось, разве можно в условиях кризиса, разрухи взывать к совести человека, тем более, что этот бедлам от него не зависел совсем. И вот получили результаты, которые поистине впечатляющи. Более 50% людей заявили, что они и сейчас могли бы работать лучше, больше, производительнее [5].

Где же в таком случае совесть сочетается, а где не сочетается со свободой?

Свобода не означает беспредельного перебора вариантов, как и что сделать, как поступить, — это свобода внутри сделанного выбора, когда человек определил цель и в этой ситуации им быть избраны различные средства и методы реализации этой цели, а не отказ от нее. Иначе это будет означать не свободу, а беспринципность [6].

Способен ли человек сформулировать для себя нравственные, гражданские обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков? Положительный ответ на эти вопросы и соответствует сущности понимания совести. Но как в реальности это происходит? К глубокому сожалению, требования нравственности оказались размытыми. И дело не в том, что отвергнуты старые, а скорее в том, что не сформулированы новые. И в результате нравственный беспредел сметает на своем пути все, что связано с истинной свободой, с выполнением гражданского долга.

Совесть — это постоянный критический анализ прежде всего себя и своих поступков. Но опять среди людей превалирует острое желание критическую оценку перенести на действия других с очень

малым сомнением относительно себя. Переход самоуверенности в свою безгрешность — это еще один изъян, который лежит на дороге совести, а соответственно и свободы.

23.7. Свободу не подарят

В песне французских партизан — маки — есть слова «Свободу не подарят, свободу надо взять... Другие встретят солнце и будут пить и есть, может быть, не вспомнят, как нам хотелось жить». Проблема жертвенности во имя свободы всегда была важным мотивом в поведении людей. За свободу надо бороться. Это аксиома. Но какими методами? С помощью автомата, насилия, попрания чести и достоинства людей?

Да, свобода достойна борьбы за нее, ее надо отстаивать, но не через насилие. *А парадокс состоит именно в том, что свобода сейчас устанавливается только через демонстрацию силы.* Для этого придумываются бесчисленные ее враги, забывая, что самым действенным способом установления свободы является ее предоставление другим. «Нет более прочной охраны, чем открытая дверь», — гласит народная мудрость.

Обычно борьбу за свободу воспринимают как выбор между добром и злом, между нравственностью и безнравственностью. На самом деле это гораздо сложнее. Понятия «добро и зло» могут сместиться в плоскость насилия над человеком, исходя из некоего «высшего» понимания свободы. Как мудро звучат слова *Элберга Хаббарта*, американского писателя и издателя (1856—1916), что «все тираны, когда-либо жившие на свете, тоже верили в свободу — в свободу для самих себя».

23.8. Свобода? А то ли мы хотели?

Реальность — жестокая вещь. Но в то же время самая определенная, самая наглядная, самая показательная.

И вот общественное сознание волей-неволей вынуждено оценивать эту реальность. А ту ли свободу хотели люди?

Да и как тут не засомневаться, если от обещанных свобод остаются рожки да ножки. Сначала прессу заполонили сообщениями о недопустимости попрания прав заключенных, об антигуманном поведении правоохранительных органов, об устарелости уголовного законодательства и преимуществах западного. Затем спираль отвержения старого и поддержки нового раскрутилась до полномочий судов (они ставились под сомнение) и законности смертных приговоров, либерализации уголовных наказаний и жесткой критике милиции.

И вот результат — по уровню тревог насилие представляет предмет первоочередной заботы многих людей наряду с экономическими тревогами и неурядицами. Уже многие готовы на многое, лишь бы остановить вал преступности, который буквально захлестнул наши города. Смолкают голоса радетелей за гуманность по отношению к преступникам. Более того, нарастает тревога и возмущение рядовых граждан, никак не застрахованных от насилия — физического или морального, связанного с унижением их чести и достоинства.

Не менее парадоксальны и недавние восторги по поводу частной собственности. Вообще природа ее поддержки таит в себе много загадок. И особенно наглядно это проявляется тогда, когда перед человеком встает конкретная дилемма. Все больше появляется тех людей, которые задумываются над последствиями акций государства, которые недавно казались такими желанными и такими необходимыми.

Еще один парадокс, связанный с введением суда присяжных. С позиций демократических свобод и прав человека советская система судопроизводства была подвергнута жесточайшей критике, в том числе из-за отсутствия в судебных процессах института присяжных. В этой критике ссылались на опыт других стран, на опыт царской России. Много аргументов было высказано в связи с тем, что в таком построении процесса судопроизводства участвует народ через своих представителей, что делает суд поистине демократическим средством установления истины и справедливости. И вот свершилось. В 88 субъектах Федерации из 89 (кроме Чечни) начали действовать присяжные. И какой же мы имеем результат? От прежних радетелей и идеологов этих мер теперь слышится недоуменное — получилось не то, что хотелось. Слишком много сбоев, причем очевидных, произошло и происходит в деятельности этого института. То оправдают убийцу, то вынесут оправдательный вердикт шовинисту, то отказываются признать виновными очевидных насильников и грабителей. После долгих размышлений выход найден и обоснован: опять виноват народ, ибо в нем нет должной правовой культуры, нет понимания ответственности, нет западного законопослушания. А если перевести на более простой язык, то народ опять называют «быдлом», которого в очередной раз не удалось (или поторопились) просветить и осчастливить.

Парадоксально, но чем чаще звучит слово «свобода», тем тревожнее сжимаются сердца тех, кто хотел бы пользоваться ее реальными плодами. В конце 1980-х гг. только несколько процентов людей считали, что они подверглись насилию или столкнулись с уг-

розами, встречались с попранием своих прав в повседневной жизни. В начале XXI в. об этом говорит уже каждый четвертый. Почему? С одной стороны, открылся простор попробовать себя в любом деле, говорить, что хочешь, критиковать без оглядки, думать и поступать как пожелаешь, а с другой — многие люди стали чувствовать себя ущемленными, связанными заботой о самом утилитарном, находящимися в постоянном напряжении от того, что вольготная жизнь кого-то оборачивается возможной их отбраковкой отнюдь не по таланту и знаниям, а по непричастности к власти или капиталу. Причем этот процесс нередко сопровождается нанесением обид, оскорблений и обвинений.

Однако, согласно восточной мудрости, сколько ни кричи «халва, «халва», во рту слаще не станет. По прошествии времени людьми стали овладевать сомнения, а нужна ли эта свобода? И для всех ли она нужна? И на каких условиях? А не означает ли она своего рода беспредел в реализации принципа «я поступаю так, как мне хочется». **Результат этого более чем парадоксален: свобода для человека оборачивается ущемлением его прав, отсутствием гражданских гарантий**, не просто отказом от того, что оберегало честь и достоинство человека, а поощрением самых низменных страстей, избавлением человека от ответственности за состояние окружающей его среды.

Результатом реальностей свободы в России стал возросший до невиданных размеров **беспредел**. И вполне объяснимо желание остановить его, даже за счет отказа от ряда таких недавно желанных свобод. Но значит ли это, что мы готовы опять вернуться в тоталитарное — пусть и модернизированное, прошлое, лишь был бы общественный порядок, восстановлено социальное спокойствие? Весьма сомнительно, хотя общественное сознание на самом деле находится на распутье.

Не менее опасно и другое. В общественном сознании нередко торжествует **«свое»** понимание свободы, которое неминуемо ведет к противопоставлению другому ее пониманию. Нечто аналогичное происходит сейчас у нас в области свободы совести: ее соблюдение вдруг стало оборачиваться несвободой, принуждением к соблюдению религиозных норм, также как это было в советском обществе с пропагандой марксизма (или чаще его лжеподобия) [8]. В результате получается нечто парадоксальное: все борются за свободу, но таким образом, чтобы у кого-то ее стало больше, а у кого-то меньше, что нередко связано с предписанием — человек должен подчиняться, слушаться и выполнять рекомендации того, кто присвоил право быть «первее», чем остальные. А ведь **реальная, действитель-**

ная свобода определяется не тем, чтобы поступать без всяких ограничений, а тем, чтобы постоянно сопоставлять ее, как говорил Спиноза, со степенью разумности.

Личная свобода — это часть свободы общества и нельзя построить ее так, чтобы кто-то был более свободен, чем другой человек. Более того, это непрерывный процесс выбора между добром и злом, между правом и обязанностью поступить так, а не иначе.

Примечания

1. *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
2. *Третьяков В.Т.* Русская политика и политики в норме и в патологии: Взгляд на события российской жизни 1990—2000 гг. М., 2001.
3. *Кудрявцев В.Н.* Свобода слова. М.: Наука, 2006.
4. *Бикеннин Н.* В чем провинился перед ЦК журнал «Коммунист? // Свободная мысль. 2000. № 10. С. 85.
5. См.: *Бойков В.Э.* Народ и власть. М., 2006. С. 153—155.
6. Подробнее см.: *История этических учений /Под общ. ред. А.А. Гусейнова.* М., 2003.
7. *Общественное мнение-2006.* М., 2006. С. 20.
8. Подробнее см.: *Путиами несвободы: Сб. статей /Сост. А. Верховский.* М., 2005.

Глава 24

Между прошлым и будущим

Знать прошлое достаточно неприятно;
знать еще и будущее было бы просто не-
выносимо.

*Сомерсет Моэм (1874—1965),
английский писатель*

В наше время опасность происходит не от
коммунизма, а от рыночного фундамента-
лизма.

*Дж. Сорос,
американский миллиардер и меценат*

Общественное сознание никогда не было равнодушно к оценке как прошлого, так и будущего. Но эти оценки всегда несли на себе печать настоящего. Именно под влиянием настоящего осмысливаются и рисуются картины и тени прошлого, так же как и прогноз будущего не избавлен от симпатий и антипатий реально функционирующего общественного сознания.

Если попытаться классифицировать возможные варианты отношения к прошлому и будущему через призму настоящего, сегодняшнего, то наиболее часто встречаются такие сочетания: отвергаемое прошлое и одобряемое, приветствуемое будущее; одобряемое прошлое и отвергаемое будущее; в одинаковой степени негативная оценка и прошлого и будущего; оптимистическое, хотя нередко и критическое, отношение к прошлому и будущему.

Применительно к проблеме соотношения целей и средств, здесь возможна *другая классификация. Во-первых, имеется рациональный тип поведения*, когда цели и средства в одинаковой степени обоснованы, одобрены, и осуществляются успешные попытки их согласованного использования и претворения в жизнь. *Во-вторых, инновационный тип поведения* предполагает положительное отношение к целям и отрицание ограничений в выборе средств, применяемых в реальной жизни. В-третьих, *ритуальный тип* (согласно Р. Мертону) сосредотачивает свое внимание на средствах достижения цели при отрицательном отношении к ним. В-четвертых, *ретритизм как тип поведения* означает

отрицание и целей и средств, что ведет к уходу от реалий жизни (это особенно наглядно проявляется в поведении алкоголиков, наркоманов и самоубийц). *И наконец*, возможен и такой тип поведения, который знаменует *отказ от «старых» целей и средств с одновременной заменой их новыми целями и средствами*, что означает его проявление в мятеже, восстании, переворотах, революционных переменах.

Возможны и различные сочетания этих типов поведения, но по сути дела названные варианты остаются важнейшими, основными.

И все они, за исключением первого типа поведения, рождают парадоксальные ситуации, оценка которых показывает односторонность, ограниченность, а порой и ущербность каждого из них.

24.1. Примитивизм нигилизма

Под девизом «отвергнуть прошлое и построить лучезарное рыночное будущее» выступает сравнительно небольшая, но энергичная и амбициозная, напористая группа интеллектуалов, для которых советское прошлое — провал в российской истории, гибельный зигзаг в развитии страны, перерыв постепенности, нарушение нормального хода социально-экономических изменений. По их мнению, советский период состоит только или в основном из ГУЛАГа, насильственной коллективизации, дефицитной экономики, организованного голода, уничтожения православия и ислама, нелепых проектов в народном хозяйстве и т.д. и т.п. Реакцией представителей этой группы на все не устраивающее их является эпатаж, сознательная демонстрация своей «непримиримости». При этом используются любые поводы, как, например, поведение представителей правых сил Ковалева и Рыбакова, отказавшихся вставать при исполнении «советского» гимна России.

Но особенно достается советскому прошлому. В этой связи хотелось привести один пример. Всем известен факт признания в декабре 1917 г. молодой советской республикой независимости Финляндии. Именно за этот факт в Финляндии высоко чтят память Ленина. Но находятся некоторые деятели, которые ничтоже сумняшися говорят, что большевики в этой ситуации вели себя подло, мерзко, заигрывали с социалистическими силами, что, мол, независимость Финляндии образовалась вопреки желаниям подписавших этот договор Ленина, Троцкого, Сталина, Прощьяна [1]. Автор «раскрывает» глаза правительству Финляндии (они, бедные, этого не знали), показывает еще раз коварство большевиков, обнаруживая элементарную неграмотность в знании дипломатии, ее принципов и истории (которая, кстати, никогда не делалась чистыми руками, о чем прекрасно изложено в трехтомной «Истории дипломатии» профессором А.С. Иерусалимским в 1930—1940-е гг., да и не только в этом труде).

Одновременно носители этих убеждений основным и чуть ли не единственным ключом по достижению милых их сердцу целей считают не просто либеральную рыночную экономику, а рыночное общество, в котором они видят очередное «светлое» будущее. Российские ультрарыночники не хотят считаться даже с умеренными коллегами на Западе, например с бывшим председателем правительства Франции Л. Жоспэном, политика которого заключается в реализации требования *«да — рыночной экономике, нет рыночному обществу»*. Он, как и многие его коллеги, отвергают рыночный фундаментализм, когда постоянно осуществляется «попытка распространения его регуляторов на сферы, не поддающиеся рыночному воздействию — охрана окружающей среды, фундаментальная наука, культура в высших ее проявлениях, национальные заповедники, а также сфера прав человека и нравственности» [2].

Как радикализм большевиков («весь мир насилия мы разрушим, до основания, а затем, мы наш, мы новый мир построим»), так и радикализм новых правых направлен только на такой подход к решению назревших общественных проблем — через разрушение, через бескомпромиссный отказ от всего прошлого.

В принципе в реальной жизни общества, социальных групп и общностей одновременно происходят как отмирание, исчезновение отдельных явлений, характерных для уходящей эпохи, так и возникновение и укрепление новых тенденций, иных процессов, превращение некоторых латентных явлений в значимые события и преобразования. Однако противопоставление этих тенденций или абсолютизация одной из них ведут к формированию в сознании и поведении людей взаимоисключающих вариантов развития.

Общей характеристикой такого парадоксального сознания является, с одной стороны, нигилизм по отношению к ушедшему, а с другой стороны, лучезарный, «щелячий» восторг по поводу ожидаемого «рыночного будущего». Но противопоставление этих тенденций ведет не к созиданию нового, а к разрушению существующего социального пространства, которое, не имея под собой реальной основы, как бы повисает в воздухе. Противоречивость, парадоксальность такого подхода к прошлому и будущему приводит к нарушению апробированных историей как логики мышления, так и логики развития. Это проявляется, *во-первых*, в том, что его сторонники отказываются от здравого смысла, от прагматизма и переходят на позиции абстрактных возможностей, которые якобы сулит предлагаемая ими концепция рыночной экономики. *Иначе говоря, рынок из средства, необходимого для решения экономических и социальных задач, превращается в цель, что автоматически дела-*

ет его инструментом увеличения социальной несправедливости и роста социальной напряженности.

Во-вторых, исповедующие этот подход практически игнорируют данные науки или используют научную информацию в качестве фигового листка. То есть, если подходят какие-то данные науки к провозглашаемой заранее цели, это одобряется, приветствуется, если же нет такой надобности, эти данные можно отбросить, игнорировать, просто не обращать внимания. Если же ученые проявляют определенную настойчивость, их можно обвинить в отрыве от жизни, ошибочности исходных методологических принципов или неполноте и ущербности методики, суть чего, в конечном счете, сводится к тому, чтобы они не мешали манипулированию общественным сознанием и демагогии в проводимой политике. Поразительно, но факт, что Е. Гайдар во время своего пребывания во власти никогда не говорил о науке и ее роли в решении общественных проблем. В большинстве случаев по сути дела «новые правые» повторяют поведение руководителей СССР в 1960—1980-х гг.: если выводы науки совпадают с их соображениями, то они принимаются, если же нет такого совпадения, то вся вина опрокидывается на науку [3].

В-третьих, сторонники нигилизма де-факто и де-юре отказываются от традиций, не видят в прошлом позитивных моментов (особенно если это касается советского прошлого). Вполне естественно, что такой подход превращается в достаточно примитивные формы заискивания перед чужим опытом, иным образом жизни. Этот отказ от корней, от наследства никогда не проходил бесследно. И наоборот там, где новые реалии тесно переплетались с учетом национально-специфического, с традициями прошлого, успехи были более впечатляющи. Об этом свидетельствует опыт таких достаточно различных по своим политическим ориентациям экономик — китайской и японской, успех которых во многом обусловлен умелым сочетанием созревающих общественных потребностей со спецификой национальных особенностей и менталитета. «Учет национальных особенностей той или иной страны, — говорил в мае 2000 г. в МГУ на заседании Римского клуба член его исполнительного комитета принц Иордании Аль Хассан бин Талал, — традиционный подход, и он будет оставаться в инструментарии ученых до тех пор, пока будут существовать различия не только для мира, но и для отдельного человека» [4].

В-четвертых, не менее парадоксально отношение к методам реализации поставленных целей. Полностью отрицается постепенность, всячески пропагандируется шок (даже не шоковая терапия), как средство осчастливливания всех живущих в стране. В этом смысле

следует напомнить слова Нобелевского лауреата, немецкого писателя Гюнтера Грасса, который настаивал на том, что «у демократии должен быть темп улитки». Между тем заданный А. Чубайсом темп стремительного создания собственника привел к развалу народнохозяйственного организма, к гигантским хищениям и воровству, к обману и обнищанию большинства людей. Результаты рыночных реформ в других странах неоднократно показывали, что успехи добываются не кавалерийской атакой, а упорным, длительным, неторопливым трудом, как это было в Китайской Народной Республике и в ряде других стран, например в Японии, где модернизационные процессы осуществлялись не торопясь, продумано и постепенно.

В-пятых, в рамках этого подхода происходит профанация таких идей как рынок, свобода, народ, без которых в самом деле не мыслимо будущее страны. У российских либеральных демократов идеи насаждаемого им рынка ничем не отличаются от эпохи первоначального накопления капитала, когда реализуется свобода использования любых средств по захвату материальных, финансовых и других ресурсов. Народ же трактуется как средство достижения своекорыстных целей, но прикрытых очередным обещанием счастья, которого люди «почему-то» опять не понимают и которые не воспринимают.

В-шестых, те, кто отвергает прошлое, нигилистически к нему относится, в большинстве случаев действует как холодный расчетливый механизм, полностью игнорирующий социально-психологические позиции людей. Все, что касается переживаний людей, им кажется химерой, не заслуживающей внимания. Они забывают о том, что знаменитая «протестантская этика» М. Вебера была необходима капитализму не потому, что поощряла обогащение любой ценой (для этого никакой этики не надо), а напротив, потому, что вводила жадную наживы в определенные рамки, ограничивала ее жесткими моральными нормами» [5].

Иначе говоря, в концепции проклятого прошлого и светлого будущего диктатура идеологии заменяется диктатурой чистогана, когда прав тот, кто имеет больше денег или власти (последняя тоже рассматривается как средство получения богатства).

Это дополняется и личностными характеристиками «нигилистов», желающих «стереть» все прошлое, и нарисовать прекрасное рыночное будущее: это ***цинизм, оголтелый индивидуализм, двуличность, зависть,*** выражающиеся в желании подражать американскому или западно-европейскому образу жизни, повторять «зады» развития других стран, кажущихся передовыми.

24.2. Убогость и нищета догматизма

На фоне сложившихся тенденций в общественном сознании, когда позитивная оценка ряда явлений и процессов советского прошлого сохранялась все 1990-е гг., в полной мере расцвел *догматизм, отстаивающий «светлое» прошлое и отвергаемое будущее*. Его влияние и довление широко распространены — не в меньшей мере, чем оголтелый нигилизм в предыдущем, рассмотренном нами случае.

Догматизм, используемый в настоящем, также парадоксален. Но только эта парадоксальность проявляется в иных характеристиках, чем нигилизм, ибо последний отрицает все и вся, в то время как догматизм также упорно и настойчиво противостоит новому, нарождающемуся. *В сознании догматически мыслящих людей абсолютизируются в позитивном плане все происходившие ранее изменения.* Образно говоря, этот стиль мышления похож на ходьбу, с головой повернутой назад, в прошлое. Представители этой группы апологизируют прошлое, видят в нем только достижения, напрочь отвергая все, что сеет сомнения, лишены критического анализа (а если и критикуют его, то за «мелочи»).

У догматического стиля мышления отсутствует видение перспективы, утеряно чувства новизны, нет ощущения необходимости постоянных изменений, нет потребности в поиске иных, в том числе и нестандартных, решений. *Будущее им представляется тем же прошлым, только слегка подкорректированным в соответствии с новыми реалиями.*

Догматики страдают от примитивизма жизненных ориентаций, от упрощенчества как в объяснении происходящих процессов, так и в осуществлении своих действий. В данной ситуации весь мир предстает в чернобелом, не допускающим полутонов, переходных моделей, а соответственно компромиссов, уступок, соглашений, договорного процесса. Такое понимание будущего при неприемлемости настоящего воспринимается либо как возврат к прошлому, либо как продолжение сложившегося, но которое, мол, не отвечает ни логике, ни интересам общественного развития.

В результате такой подход рождает парадоксы и в данной ситуации.

К их числу можно отнести *одновременное сосуществование идей интернационализации интересов и исключительности советского (российского) пути в истории*, что в конечном счете рождает махровый шовинизм. Такая логика рассуждений и такая логика поведения приводит к появлению своеобразного социально-политического кре-

тинизма, ибо совместить процесс глобализации с одновременным возвеличиванием только национальных интересов можно лишь в условиях примитивизма мышления.

Парадоксальность, рождаемая возвеличиванием прошлого и отвержением будущего, воплощается и в попытках перенести критерии классового деления, сложившихся в XIX в., на новые реалии. Понятие «рабочего класса» и «крестьянства» в настоящее время размыты, и в первую очередь потому, что профессиональные признаки, как и признаки отношения к собственности, утратили свое прежнее значение. В этой ситуации «новые бедные» представлены самыми различными группами: интеллигенцией, служащими, достаточно значительным слоем пенсионеров, многосемейными, группами людей, неконкурентноспособных по состоянию здоровья и вследствие некоторых других ограничений.

Среди парадоксов этого типа мышления следует отметить преувеличение значимости социальной девиации, которая, с одной стороны, трактуется как порождение современной стадии капиталистического (империалистического) развития, с другой стороны, как резерв для революционного преобразования мира, как сила, которая противостоит «разрушительным» тенденциям рыночной экономики. Постоянно меняя плюс на минус и наоборот, люди данной формы сознания и поведения жонглируют фактами, данными, личными впечатлениями и мнениями, произвольно выхваченными из жизни суждениями, для доказательства только одного — невозможность трактовать будущее реалиями настоящего: лучше будет, по их суждению, если настоящее будет перечеркнуто, а будущее будет исходить только из постулатов прошлого.

24.3. Социальная аномия

Социальная аномия (от греч. *a* — отрицание, *nomos* — закон, предписание) по своей сути символизирует негативизм по отношению не только к настоящему, но и к прошлому и будущему. Напомним, что *аномия обозначает такое нравственно-психологическое состояние общественного и индивидуального сознания, которое характеризуется разложением системы ценностей, противоречием между провозглашенными ценностями и невозможностью их реализации*. Такое состояние порождает ценностно-нормативный «вакуум», низкую степень воздействия социальных норм на индивида, неэффективность их влияния в качестве средства социальной регуляции поведения. Немалую роль играет неустойчивость, расплывчатость и противоречивость новых предлагаемых или предписываемых норм.

Это состояние охватило значительные слои населения, сознание которых было разбужено ожиданиями позитивных перемен, порожденных перестройкой во второй половине 1980-х гг., а затем подогрето событиями начала 1990-х гг. Тогда многим казалось, что новая парадигма развития, предложенная либеральными радикалами, приведет к тому, к чему люди всегда стремились, и чего не могла им дать советская власть. Но жизненные реалии оказались иными. И надежды людей в очередной раз рухнули. И они знаменовали собой не просто фрустрацию — дезорганизацию общественного сознания, а именно аномию, т.е. полное атрофию ко всему происходящему, стабильное равнодушие и полное безразличие к любому общественному импульсу, независимо от его позитивной или негативной направленности.

Парадокс данной ситуации заключается в том, что в условиях даже некоторых позитивных изменений большинству людей по-прежнему присущ глубокий пессимизм. Даже многие из тех, вроде бы благополучно вписавшихся в рыночную экономику, глубоко неудовлетворенны происходящими изменениями в жизни общества, теми глобальными сдвигами, которые касаются их как граждан страны. Интересен и такой парадокс: в середине 2000-х гг. стало явлю улучшение экономического благосостояния людей при одновременном росте убежденности, что политическая жизнь России развивается не только в сторону демократии (мнение 32% населения), но и в направлении нарастания хаоса, анархии, угрозы государственного переворота (мнение 30%) [6].

О том, что происходит в душах людей, иначе как состоянием аномии назвать трудно (табл. 24.1).

Таблица 24.1

Ответы на вопрос «Какие чувства проявились, окрепли у окружающих Вас людей за прошедший год?» (в % к числу опрошенных)

Варианты	1998	2000	2002	2004	2005	2006
Надежда	13	31	30	24	28	35
Усталость, безразличие	45	39	34	39	41	39
Страх	24	16	19	21	13	7
Чувство человеческого достоинства	4	7	8	7	9	10
Растерянность	24	13	16	17	14	12
Освобождение от лжи	3	2	2	1	2	5
Озлобленность, агрессивность	35	20	17	21	19	15
Гордость за свой народ	3	1	7	3	5	6
Затрудняюсь ответить	7	5	6	8	8	8

В этих условиях, если у радикал-либералов в чести находится индивидуализм, а у радикал-патриотов — общинность, коллективизм, то социальной аномии не присуще ни то, ни другое. Людми овладевает, растерянность, безразличие, что проникает в их повседневную жизнь, поведение характеризуется замкнутостью, переходящей в отрешенность от проблем и забот окружающего мира. Безразличие к любым политическим и социально-экономическим новациям выражается в отказе от участия в избирательных кампаниях или в голосовании против всех без исключения кандидатов, от отвержения любых общественных акций, от членства во всех без исключения политических партиях и общественных движениях.

Данный тип мышления характеризуется отказом от выяснения отношений с прошлым, демонстрируя тем самым безразличие, атрофию исторического сознания. Одновременно людям безразлично, что происходит с ними и со страной как в настоящее время, так и в обозримом будущем, ибо они осознают невозможность даже мало мальски повлиять на происходящее вокруг.

Социальная аномия проявляется в неприятии, отвержении как идей коллективизма, соборности, общинности, так и идей индивидуализма: люди все более и более склоняются к закрытости, к замкнутости в узком кругу личных, семейных и групповых интересов. По данным многих социологических исследований, 70% россиян, т.е. абсолютное большинство, отдает предпочтение интересам семьи и близких, которые значительно опережают ориентации как на собственно личные, так и общественные цели. Это, на наш взгляд, открывает для анализа интересный феномен: отход от общественной направленности интересов вовсе не означает переход на защиту только личных интересов, что свидетельствовало бы о доминировании индивидуализма в общественном сознании. Идет ориентация на интересы малой группы, контактного сообщества, семьи, связи внутри которых построены на началах, в которых преобладают идеи доверия, социально-психологической приемлемости, признания достоинств и уверенности в защите друг друга.

Появлению и распространению социальной аномии способствовало разрушение как массовой, так и «высокой» культуры, которые скрепляли жизнь десятков миллионов россиян. Разрушение официальной культуры привело к их распаду и упадку, что лишней раз доказывает невозможность отделить так называемое официально одобренное от одобряемого неофициально. Хотелось бы этого глашатаям идей рыночной экономики или нет, но феномен «советской культуры» — это не выдумка, а реальность, причем реальность, наполненная потом и кровью. И несмотря на отрицание и отвержение этой культу-

ры, она все же продолжает жить в сознании и ценностных ориентациях миллионов людей.

Кстати, аналогичные проблемы ярко проявились и после воссоединения восточных и западных немцев, ГДР и ФРГ. Как справедливо утверждает Барбара Тальхайм, популярная исполнительница авторской песни в нынешней Германии и бывшая жительница ГДР, «восточные немцы в ФРГ — люди второго класса. Между тем у нас своя шкала ценностей. И мы хотим оставаться с нашим прошлым, так, чтобы нам не переписывали, что в этом прошлом было хорошего, что плохого. В ГДР, разумеется, был свой кич, насаждавшийся государством. Но помноженный на гигантоманию, кич ФРГ — та же новая Потсдамская площадь в Берлине. Это — уже за предел» [7].

Нечто аналогичное происходит во всех постсоветских государствах, когда в сознании людей переплетаются самые различные установки, сформировавшиеся под влиянием конкретных обстоятельств. Это убедительно продемонстрировала И.М. Попова, дав анализ происходящим изменениям в один из периодов жизни людей на примере одесситов [8].

В России после свержения социалистического строя будущее рисовалось по заманчивым западным лекалам, показывающим прелесть свободного общества. Разрыв между этими иллюзиями и наступившей реальностью оказался шокирующим. Это привело к тому, что россияне резко оценивают действия всех претендентов на власть в обществе, считая их действия как авантюрные и бесперспективные. На вопрос: «Если бы Вы оказались в недавнем прошлом — в августе 1991 г., на чьей стороне были бы Ваши симпатии?» (ИКСИ — Институт социологии РАН, январь-февраль 2005 г., 68 поселений различного типа), 9% сказали, что они были бы на стороне Ельцина, по 13% выразили поддержку как ГКЧП, так и Горбачеву при 45% отказавшихся от поддержки названных акторов и при 20% воздержавшихся от определения своего отношения [9]. Отсюда становится понятной потребность поскорее определиться с перспективами как личной, так и общественной жизни, на основе чего вырастает тяга к сильному государству и «сильной руке». Это, в свою очередь, образует, помимо всего прочего, питательную среду для националистических, ультрапатриотических и даже шовинистических настроений и проявлений, которые становятся во все большей степени реальностью современной жизни России.

В заключение, следует подчеркнуть одно особо важное обстоятельство, вытекающее из социальной аномии: она может и выступает основой отклоняющегося, девиантного и деликвентного, поведения,

которое вызывается невозможностью достижения индивидуальных целей «законным образом». Для преодоления этого противоречия избираются все средства, которые могут официально и не поддерживаться обществом, но цели, преследуемые ими, им приветствуются и одобряются. Именно на этом основании и зиждется теневая экономика, культ богатства любой ценой, принцип умения жить, ибо они в конечном счете могут если не оправдываться, то по крайней мере безразлично к ним относиться.

Примечания

1. См.: *Зубко М.* Договор, заверенный кляксами // *Известия*. 2007. 1 марта.
2. Цит. по: *Абалкин Л.И.* Смена тысячелетий и социальные альтернативы // *Вопросы экономики*. 2000. № 12. С. 33.
3. Подробнее см.: *Гайдар Е.Т.* Аномалии экономического роста. М., 1997.
4. См.: *Материалы* заседания Римского клуба в МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2000.
5. *Кагарлицкий Б.* Нужна ли этика российскому капитализму? // *Независимая газета*. 1999. 15 мая.
6. См.: *Общественное мнение-2006*. М., 2006. С. 12.
7. См.: *Известия*. 2001. 14 сентября.
8. Подробнее см.: *Попова И.М.* 1989—1991. Диагноз времени (одесситы о себе и переменах в обществе). Историко-социологические очерки. Одесса, 2006.
9. См.: *Перестройка* глазами россиян: 20 лет спустя. М., 2005. С. 25.

Глава 25

Европейцы? Азиаты? Евразийцы?

Да, скифы мы, да азиаты мы, с раскосыми и жадными глазами.

А. Блок (1880—1921), русский поэт

Попытки осознать себя и место своей страны в мире, в семье других народов нашли отражение в нескольких ориентациях, которые преобладают в настоящее время в общественном сознании России.

Во-первых, достаточно отчетливо выражено желание приобщить себя к европейской культуре, цивилизации, влиться в политическое, экономическое и социально-культурное пространство, созданное развитыми странами Западной Европы и Северной Америки. Однако это желание нередко воплощалось и воплощается в гипертрофированном виде, как это особенно наглядно произошло в период прихода к власти радикал-реформаторов (атлантистов) в начале 1990-х гг., когда были предприняты многочисленные попытки заимствовать у других стран все без разбора, без мало-мальского критического анализа их достижений и завоеваний. Следствием этой ориентации стали огромные провалы в экономике и политике, заискивание и уничижительность в сфере культуры, т.е. потеря «лица» в прямом и переносном смысле слова.

В принципе в общественном сознании нельзя обнаружить серьезного течения, которое бы противопоставляло себя европейской цивилизации. Речь, скорее, идет о мере, в которой воплощается объем, характер и ее влияние на развитие российской действительности. Иными словами, российское восприятие общественной жизни всегда было связано с признанием роли и значимости достижений этих стран, но это никогда не означало буквализма, копирования всего и вся без разбора, особенно в таких сферах, как экономика и культура.

Во-вторых, скромнее, но достаточно весомо присутствует в общественном сознании «азиатское» направление, для которого образцом гармонии, благополучия и успехов являются достижения азиат-

ских стран: Японии, «молодых тигров» в виде Сингапура, Малайзии, Южной Кореи и Тайваня, а также коммунистического Китая, добившихся впечатляющих результатов в социально-экономическом развитии. Сторонники ориентации на Восток стараются убедить общественность, что Россия скорее азиатская, чем европейская страна, что русские по менталитету ближе к восточным народам, и поэтому путь процветающих стран Востока — это наиболее приемлемый для нашей страны выход из экономического и социального кризиса.

В-третьих, определенное и все возрастающее влияние приобретает ориентация на самобытное, исключительно собственное развитие, которое основано на специфике исторического пути России, особенностях русской культуры, национального менталитета. Данная позиция в одинаковой степени отвергает ориентацию как на западный, так и на восточный опыт, справедливо полагая, что каждая страна имеет свой уникальный и специфический путь развития, свое место и роль в истории человечества. Но так как сторонники данной точки зрения нередко абсолютизируют специфику российской истории и российской действительности, то они, хотели бы этого или нет, ведут Россию к изоляционизму, к замкнутости, к полному и беспрекословному игнорированию чужого опыта. Радетели этой идеи забывают, что никогда ни в какой стране такая ориентация не приводила к успеху.

Наконец, набирает силу так называемая евразийская ориентация, которая отражает неудовлетворенность апологией как западного, так и восточного развития, но одновременно не согласна с позицией пропагандистов русской исключительности. Ее сутью, кстати, по-разному трактуемой, является концепция уникального пути развития России, в котором в своеобразном сплаве переплетены европейская и азиатская культуры, культуры многочисленных народов России, создавших нечто новое, неповторимое на границах соприкосновения христианства, ислама и буддизма.

Но так как эти логические конструкты в чистом виде затрагивают и характеризуют сознание определенных групп людей, воплощаясь в значительной мере в мировоззрении интеллигенции, в реальной жизни мы встречаемся с переплетением этих взглядов, которые рождают весьма причудливые сочетания. *Будучи одобренными противоречивыми политическими и экономическими взглядами, эти сочетания рождают парадоксы*, которые оказывают серьезное влияние на общественную жизнь России. Причем эти парадоксы общественного сознания можно рассмотреть в двух основных ипостасях — оценка России и ее места в мире и оценка самих себя, россиян во-

обще и русских в частности, в сравнении с другими народами — как с соседними, так и с теми, что играют значительную роль в современном историческом процессе.

25.1. Парадоксальность образа России в современном мире

После краха и развала СССР общественное сознание было возбуждено дискуссиями, обсуждениями и сомнениями: *что же представляет собой новая Россия, каково ее подлинное место в истории и какое будущее ожидает ее?* В эти споры были вовлечены все вышеперечисленные взгляды и концепции, которые по-разному отвечали на эти вопросы. Так, опросы 1250 человек в 1989 г. и 1600 человек в 2000 г. показали, что, с одной стороны, уменьшилось число людей, считающих, что Россия отстала от большинства развитых стран (с 75 до 50%), но с другой — увеличилось число тех, кто полагает, что Россия должна развиваться по своему, особому пути (с 34% в 2000 г. до 76% в 2006 г.) [1]. Сопоставляя эти данные со сложившимися социально-экономическими и политическими реалиями, можно объяснить рождение и существование многочисленных парадоксов, среди которых стоит отметить следующие.

Первое: это парадоксальная трактовка роли России. С одной стороны, в общественном сознании постоянно присутствует (и внедряется пропагандой) мысль, что Россия была, есть и будет великой страной, без которой трудно представить развитие остального мира. С другой стороны, не менее наступательной выглядит пропаганда (что находит отражение и в массовом сознании), что Россия вступила в период увядания, в период перехода из великой державы в региональную. В рамках этого подхода существует и такая точка зрения, которая исходит из того, что имперская Россия осталась в прошлом, что сам факт существования России находится под вопросом, что она непременно распадется, как это произошло и с СССР, а еще ранее со всеми империями — Римской, Византийской, Австро-Венгерской, Британской.

Однако общественное сознание не может примириться с уходом России с позиций великих стран. Об этом, например, говорят социологические данные: если в 2000 г. (опрос 1600 человек) 39% граждан России назвали ее великой, то в 2006 г. 76% людей ратовали за ее особый путь, независимый от других — западных и восточных — вариантов [2]. Значит, от признания скромной роли России, три четверти населения стали придерживаться великодержавных ориен-

таций (или амбиций?). При сравнении с оценкой роли других стран такие данные впечатляют, ибо одновременно 70% из группы опрошенных великой страной назвали США и 44% — Японию. Кроме того, эти данные говорят о том, что не так мало тех, кто в период жесточайшего кризиса, поразившего Россию, не теряет веру в величие своей страны (это скорее вера, чем констатация существующего положения). Такая противоречивая оценка приводит к удивительному явлению, когда Россией гордятся и одновременно стыдятся того, что в ней происходит.

Второе: обращает на себя внимание и такой парадокс, который является производным от выше проанализированного. Суть его заключается в том, что общественным сознанием *одновременно признается и отрицается будущность России*, ее перспективы. Особенность и специфика состоит в том, что взаимоисключающие характеристики содержат противоречивые оценки и суждения по поводу реального и перспективного развития российского общества. Если будущее России мыслится в категориях повседневности, то его оценка связывается с современным социально-экономическим и политическим положением, с уровнем и качеством жизни. Такой подход приводит к пессимистическим выводам, что уровня развития западных стран россиянам не удастся добиться в обозримом будущем. Если же перспективы России рассматривается через призму геополитики, наличия природных ресурсов, военно-стратегического потенциала, то это позволяет оценивать ее будущее более оптимистично и говорить о нем в более мажорном тоне.

Третье: на оценку возможного будущего России оказывает *парадоксальность восприятия исторического пути России*. С одной стороны, возвеличиваются основные (главные) вехи ее истории, а также деятельность лиц, олицетворяющих могущество страны, а с другой — даются уничижительные характеристики этого пути. В последнем случае история России предстает историей смут, переворотов, неудач, враждебности прогрессивным изменениям или просто провалов, которые все больше отдаляют ее от достижений всемирной цивилизации. Причем если позитивная оценка роли России все больше ассоциируется с евразийским взглядами, с концепциями ее самобытного развития, то негативная оценка исторического пути развития российского общества отражает подход «атлантических», западно-ориентированных сил, которые, исходя из самых разных посылок, приходят к одному и тому же выводу — о ничтожности, непредсказуемости и ущербности или по крайней мере ограниченности исторического пути России.

Четвертое: сопоставление самобытного, евразийского, «европейского» и азиатского подходов приводит к *противоречивой, а иногда парадоксальной оценке российской культуры вообще и культурного наследия России*. Одновременно в общественном сознании сосуществуют две точки зрения на русскую культуру:

- это благодатный синтез не только достижений русского, но и всех народов, населяющих Россию;
- это эклектичное соединение всех культур, в том числе и мировых, а наличие в русской культуре великих имен — это скорее исключение из правил, чем закономерность развития.

Достаточно много людей признают, что культура России не была, не является и не будет представлена в культуре как западных, так и восточных стран, поэтому нужно не приспособливаться к ним, а заботиться и растить уникальные плоды своей российской или евразийской культуры [3].

И наконец, стоит отметить и такой *парадокс, когда новая Россия одновременно признается (или условно признается) демократической страной и по-прежнему считается источником угрозы и опасности*. Точка зрения о демократическом облике России господствовала в конце 1980—начале 1990 гг., активно пропагандировалась атлантистами (сторонниками европеизации России). Такая ориентация поддерживалась общественностью многих развитых стран Европы и Америки. Этому стремились соответствовать пришедшие к власти «младореформаторы», во многом поступаясь интересами России, но желая «соответствовать» определенным «западным» стандартам. Причем сторонники приверженности западным демократическим ценностям были настолько усердны в своих усилиях, что шокировали наиболее трезвомыслящих людей на Западе. Как метко заметил известный публицист М. Соколов, такие атлантисты, подобные К. Боровому, лидеру партии (!) экономической свободы (от кого и для кого?), выступают как «неистовые пропагандисты и поклонники передовых западных ценностей», приводят в недоумение самих носителей этих ценностей, поскольку такая приверженность нарушает все правила приличия, извращает суть западной демократии, искажает меру в соотношении самостоятельности и подражании [4].

25.2. Парадоксы национальной идентичности

Парадоксальность, противоречивость национальной идентичности начинается с того, как должны именовать себя люди, населяющие Россию — «русские» или «россияне». Вокруг этого вопроса

сломано уже немало копий, сочинено множество домыслов. Западно-ориентированные полемисты, опираясь на опыт европейских стран и США, пытаются убедить общественность, что принадлежность к государству должна означать одновременно и принадлежность к нации [5]. Да, во многих странах Запада это получилось достаточно эффективно, ибо, во-первых, государствообразующая нация существенно (количественно) преобладала и преобладает над представителями других народов, во-вторых, вливающиеся в существующую нацию практически все без исключения представители других народов являются мигрантами, не имеющими ни исторических, ни других корней в этих странах, на данных территориях.

Другое дело — пространство России, где десятки народов (даже малочисленных) имеют многовековую историю, являются коренными. И хотя они приобщены к русской культуре, они вправе претендовать и претендуют на сохранение своей национальной самобытности, своей самоценности, своего языка и культуры. Более того, сохранение этих народов стало в известной мере традицией: ни в один из периодов своей истории Россия не была «плавильным котлом», а имевшие место процессы ассимиляции происходили вполне естественно. Причем различные этнические группы, малые народы ассимилировались не только с русским, но и другими более крупными народами в процессе длительной истории совместного существования (например, якутским или бурятским этносом).

Идея евразийства предполагает *компромисс*: неизбежное сближение народов рассматривать как естественно исторический процесс, не ускоряя и не задерживая его и на этой основе способствуя укреплению уже сложившейся уникальности и своеобразия особого евразийского вида культуры.

Именно такой подход, по мнению сторонников евразийской концепции, положит конец неопределенности, которая существует при трактовке взаимодействия культур всех народов, населяющих Россию. Причем эту неопределенность испытывают как русские (ибо в такой ситуации исчезают интересы русского народа), так и другие народы, поскольку акцентирование внимания только на их интересах противопоставляет не только русскому, но и соседним народам, создавая непредвиденные осложнения при трактовке и реализации прав и свобод каждого народа.

Серьезную травму национальной идентичности нанес крах СССР. В общественном сознании до сих пор продолжает сохраняться высокий уровень осознания себя советскими людьми, что

лишний раз доказывает, что феномен советского человека или совка, как презрительно называли население СССР деятели, претендующие на исключительность и оригинальность своего мировосприятия, являлся не пропагандистской выдумкой или идеологическим блефом. По данным всероссийского исследования (рук. В.А. Мансуров), в 1998 г. советскими людьми считали себя 47,8% опрошенных, 51,1% относили себя к гражданам СНГ (гражданство СНГ тоже можно считать своеобразной модификацией советскости). Правда, это исследование выявило и тот факт, что 72,7% в то же время считали себя россиянами, но это не столько опровержение принадлежности к советскому народу, сколько признание состоявшихся изменений в жизни страны [6].

Весьма существенным парадоксом национальной идентичности стало противостояние между этничностью и демократией. Опять же, исходя из эталонов западной демократии и неких общегуманитарных соображений по защите прав человека, было предложено изъять из официальной жизни упоминание о национальной принадлежности человека, т.е. ликвидировать знаменитый и пресловутый 5-й пункт, как наследие советского тоталитаризма, как положение, «унижающее достоинство человека». А что произошло на самом деле? С резкими протестами выступили не столько представители русских националистических кругов (кстати, их реакция была ожидаема, но на деле оказалась не столь острой), сколько представители других народов, которые увидели в этой акции стремление принизить значение их национальной идентификации, игнорировать их интересы. Это противопоставление идей демократии и этничности привело к отказу от введения российских паспортов в Татарстане и Башкирии. Выразили в тех или иных формах свое несогласие и представители других малочисленных и даже крошечных национальных образований.

Вопреки лжерадетелям демократии российское население заняло позицию, которая противостоит надуманным нововведениям. По данным М.К. Горшкова, только около 20% согласилось с тем, что национальность не надо записывать в паспортах, в то время как каждый третий полагает, что это надо обязательно делать, а 38% считают, что эту графу в паспорте следует оставить и заполнять по желанию [7]. И хотя выход из такой ситуации посредством компромиссов (в том числе и посредством записей в паспортах) был найден, инцидент лишний раз доказывает, что калька стандартов западных стран может не улучшить, а ухудшить отношения между народами России.

Реальная жизнь показала, что не все постулаты, апробированные в жизни других государств, могут быть механически перенесены в реальную жизнь российского общества. К этому можно добавить и то, что противостояние демократических намерений этнической реальности таит в себе серьезную опасность для стабильности российской государственности.

Парадоксальной является и оценка гражданских и личных качеств русских при сравнении с аналогичными качествами других народов. Это противоречие буквально проявляется во всем, в том числе и в самооценке. С одной стороны, русские — самые лучшие, самые надежные, самые находчивые, с другой — это воплощение инертности, лени, необязательности, непредсказуемости и даже коварства. Такие характеристики в определенной степени подтверждаются данными социально-психологических исследований, в которых эти противоположные по сути дела черты характера проявляют себя достаточно наглядно. Так, по данным И.В. Грошева, советский человек обладал добротой (мнение 38,4%), терпением (24,4%), гостеприимством (21,2%), трудолюбием (18,9%), мужеством (15,5%) и такими позитивными характеристиками как патриотизм, открытость, дружелюбие, отзывчивость, но и в тоже время ему были также присущи лень (мнение 12,1%), пьянство (8,4%), безалаберность и беспечность (по 4,7%) [8].

Мировоззрение россиян одновременно несет в себе черты повышенной лояльности к другим странам и народам, но в то же время известное недоверие к ним, которое, как правило, обостряется и актуализируется в связи с экстраординарными политическими событиями. «Мы и мирные, и воинственные» — такой стереотип весьма характерен для сознания многих русских. 2400 респондентам с 1992 по 2000 г. постоянно задавался вопрос: «Как Вы чаще всего относитесь к людям других национальностей?». По данным ВЦИОМ, за эти годы при характеристике отношений к представителям дальних зарубежных стран преобладала позитивная настроенность: доброжелательная оценка американцев колебалась в пределах 74—90%, немцев — от 86 до 93%, арабов — 84%, негров — 91%, японцев — 95%.

Что касается представителей народов бывшего СССР, то здесь колебания более значительные. Но любопытно отметить, что к концу 1990-х гг. отмечается спад неприязни к азербайджанцам, грузинам, армянам и даже к чеченцам [9]. По данным Института социологии РАН (ранее РИСиНП), наибольшие симпатии россияне испытывали к украинцам, белорусам, болгарам, сербам, татарам (как старшее, так и младшее поколение), а среди иностранцев тако-

го позитивного отношения заслужили французы, финны, итальянцы, японцы, немцы, американцы.

В то же время следует отметить вспышки конфронтационных настроений, когда по тем или иным причинам происходит ухудшение межгосударственных отношений. Это, например, наглядно проявилось в 2005—2006 гг. в оценке грузин, когда дела в взаимоотношениях между Грузией и Россией обострились, вплоть до самых серьезных обвинений в адрес друг друга. Иногда эта неприязнь переносится на страны, как это случилось весной 1999 г., когда значительно усилилось враждебное отношение к США, вызванное реакцией на бомбардировки Сербии войсками НАТО, ответственность за которые россияне возложили на американские власти.

Среди парадоксов национальной идентичности обращает на себя внимание противоречивая оценка взаимоотношений Запада и России. Причем, по мнению опрошенных, позитивные оценки Запада россиянами выше, чем оценки России европейцами. Так, по данным опроса ВЦИОМ в августе 2000 г., 34% населения считали, что они относятся с уважением странам Запада, в то время как только 8% полагают, что аналогичное чувство испытывают люди на Западе по отношению к России. И в то же время, по мнению 21% россиян, население Запада относится к России с презрением, по мнению 12% — с тревогой и по мнению 24% — с сочувствием.

Таким образом, получается, что мы их больше «уважаем», чем они нас, но зато они больше «презирают» или относятся к нам с подозрением.

В этой ситуации евразийская точка зрения получает все большую поддержку, ибо, как показывают исследования 1999—2000 гг., западные страны утратили значение образца даже для тех групп, которые в конце 1980 — начале 1990 гг. считали необходимым ориентироваться на них. Реальности социально-экономической ситуации в России, оценки ее странами Запада обусловили усиление негативного отношения к ним россиян. Произошел серьезный поворот в общественном сознании: то, что раньше представлялось как образец, стало приобретать облик враждебности и недоброжелательности.

Особняком стоят данные, которые характеризуют взаимоотношения славянских народов бывшего СССР. Интересные данные в 2006 г. получила З.В. Сикевич, исследуя оценку друг друга русскими, украинцами и белорусами. Согласно ее анализу, украинцы и белорусы более высоко оценивают русских, чем русские украинцев и белорусов [10].

Заметную характеристику общественного сознания составляет так называемое оборонное сознание, которое еще со времен СССР выражалось словами «мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». То, что в общественном сознании преобладает ориентация на мирное сосуществование с другими странами и другими народами, еще в советское время не было пропагандистской уловкой. Нацеленность на мир, на добрососедские отношения постоянно — даже в период обострения отношений — подтверждалась достаточно уважительным, сдержанным отношением к другим странам. Энергия недоверия и подозрительности адресовалась скорее правящим кругам этих государств, чем их народам. Немалую роль в этом стремлении к миру играла и историческая память, которая постоянно оживляла и подсказывала идею о гибельности войн, вооруженного противостояния. Но вместе с этим существовало и существует недоверие ко многим странам. Так, всероссийское социологическое исследование, проведенное ВЦИОМ в августе 2000 г., показало, что только 28% считают, что у стран Запада, входящих в блок НАТО, есть основания опасаться России, в то же время как 54%, т.е. вдвое больше, считают, что у России имеются основания опасаться стран, образовавших блок НАТО. *Иначе говоря, мы опять встречаемся с наличием в сознании людей взаимоисключающих ориентаций — доверия и подозрительности к другим странам и народам*, что, конечно, не улучшает представления о русских: мы опять в глазах Запада предстаем как малопредсказуемый народ, от которого можно ждать много непредвиденных акций.

Рассматривая парадоксы национальной идентичности, все же приходится сделать вывод, что, несмотря на присутствие в общественном сознании идей европоцентризма и в меньшей степени ориентаций на достижения азиатских стран, в России все большее и больше значение начинают приобретать идеи самобытности и евразийского пути развития.

Так, признавая (мнение 74%), что Россия следует укреплять взаимовыгодные отношения со странами Запада, 60% отстаивают собственный, особый путь России при 15% ориентирующихся на развитие по общему для современного мира пути европейской цивилизации. Эти данные в известной степени коррелируют с тем, что 77% считают себя патриотами России. Это очень высокий показатель верности стране, в которой живут люди, если учитывать, что с начала 1990-х гг. велась беспрецедентная атака во многих СМИ на патриотизм как «последнее прибежище негодяев». Общественное сознание выстояло в условиях этих нападков, когда патриотизм ассоциировался с «коммунизмом», «социализмом», СССР, компартией

и т.д. Ход развития истории показывает, что патриотизм — не ситуативная комбинация непознаваемых предпочтений и желаний. Это устойчивая характеристика социального настроения населения, гордящегося своей страной, своим народом. Именно такая ориентация общественного сознания не приняла и, более того, с негодованием отвергла позиции многих радикал-либералов и демократов первой волны, которые постоянно, даже в условиях официальных встреч, пренебрежительно называли Россию «этой страной».

Примечания

1. См.: *Общественное мнение*. 2006. М., 2006. С. 189.
2. Там же. С. 190.
3. Подробнее см.: *Шендрик А.И.* Теория культуры. М., 2004.
4. *Соколов М.* Фельетон // *Известия*. 2000. 15 мая.
5. См.: например: *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М., 2001.
6. См.: *Современное общество: переходный период* /Под ред. В.А. Мансурова. М., 1998.
7. См.: *Изменяющаяся Россия в зеркале социологии* /Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004, С. 116.
8. См.: *Грошев И.В.* Гендерное представление о власти // *Социол. исслед.* 2000. № 12.
9. *Общественное мнение*. 2006. М., 2006. С. 154—155.
10. Текущий архив автора.

Глава 26

Личное versus общественное

Если вы заметили, что вы на стороне большинства, это верный признак того, что пора меняться.

Марк Твен (1835—1910),
американский писатель

Долгое время в научной и публицистической литературе личное трактовалось как индивидуальное, отождествлялось с индивидуализмом, с западным стилем жизни. Общественное же нередко приравнивалось к коллективному, общинному, соборному, что являлось характеристикой восточного, в том числе русского, мышления и образа жизни. В реальной же жизни нет четко выраженного ни того, ни другого. Речь может идти лишь о мере присутствия личного и общественного в тех или иных процессах. И обострение внимания к диалектике личного и общественного вызвано не только вечными проблемами их взаимодействия, но и травмирующим характером ситуации трансформационных процессов, происходящих в российском обществе.

В таких условиях общественное сознание рождает не только разные, но и неадекватные реакции на происходящие процессы и соответственно различные формы парадоксального сочетания личного и общественного. Эта *парадоксальность проявляется как нарушение баланса между ними и выражается в таких феноменах как групповой эгоизм, агрессия, конформизм и неконформизм, anomia, абсолютизация интересов социальной группы, слоя или общности, неадекватность взаимоотношений между меньшинством и большинством*. Важно подчеркнуть, что во взаимовлиянии личного и общественного первое чаще и последовательнее проявляет свою активность, самость, наступательность, настойчивость, что позволяет нам сосредоточить в основном внимание на его роли, значимости и последовательности воплощения в жизнь.

Противоречивость развития личного и общественного проявляется и при рассмотрении их функционирования на различных уровнях социальной организации общества. Несовпадение векторов их развития вполне объяснимо, а иногда и естественно, хотя неред-

ко рождает комплекс проблем, которые мы называем парадоксальными. То есть чрезвычайно важным становится определение критерия, меры, на основании и при использовании которых можно оценить социальную значимость возникающих в реальной жизни конфигураций.

26.1. Иррационализм парадоксальности личного и общественного

Каждый человек без исключения обладает такими чертами характера, которые, будучи его индивидуальной принадлежностью, имеют общественное значение, играют ту или иную социальную роль, определяют действенность и результативность его поведения, степень согласованности с поведением других людей. Парадокс состоит в том, что личность не так уж редко одновременно воплощает в себе взаимоисключающие черты сознания и поведения.

Среди наиболее часто упоминающихся характеристик русского человека присутствуют *героизм, самоотверженность, мобилизационная готовность участвовать в решении экстраординарных событий*, но одновременно упоминаются *пассивность, нелюбовь к будничной, кропотливой работе, неприятие серости, повседневности, повторяемости*. Такой сплав черт характера у русских людей отмечают исследователи как других стран, так и в самой России. А еще чаще о проявлении взаимоисключающих черт говорит сама жизнь.

В свое время Бисмарк, размышляя об особенностях русского характера, говорил: «Русские медленно запрягают, но быстро ездят». Да, раскачка, известная медлительность, даже заторможенность сопровождают многие дела. И в то же время российская история полна примеров, когда не только великие, но и малые дела были решены в результате активного вмешательства, требовавшего колоссальных, нечеловеческих усилий. Это в одинаковой степени проявлялось (и проявляется) и на войне, и в условиях стихийных бедствий или технологических сбоев и катастроф. Именно тогда обнаруживается истинный характер русского человека, готового жертвовать собой во имя спасения других, во имя достижения важных общественных целей, во имя прекращения трудных и сложных событий, несущих большую опасность. К сожалению, эти качества русского характера нередко эксплуатировали, даже тогда, когда не было нужды жертвовать здоровьем, ни тем более жизнью людей. Использование таких качеств было в известной мере оправдано в период войн (в том числе и в Великой Отечественной), во время

завершения важных производственных процессов, в период принятия обязательных, но не безопасных решений (при катастрофах, стихийных бедствиях и т.д.). Эту черту характера часто использовало государство, руководители различных уровней власти и компетенции, чтобы прикрывать свое ничегонеделание, отсутствие повседневной планомерной работы, своевременной инициативы. Более того, они нередко культивировали презрение к будничности, чтобы потом при определенных условиях, создав ситуацию аврала, в полной мере использовать потенциал жертвенности, граничащей с безрассудством.

К числу парадоксальных сочетаний черт личности русского человека, в то же время имеющих огромное общественное значение, можно отнести *такие противостоящие друг другу характеристики как альтруизм и эгоизм*. Что касается альтруизма, то еще Кант, с именем которого связывают введение в философию и социологию данного термина, считал, человеку присуще бескорыстие, желание доставить удовольствие другим, удовлетворение от совершенного поступка или действия, принесшего пользу другим людям. Эти черты характера граничат с жертвенностью, с готовностью и стремлением способствовать достижению общественно-значимых целей, приуменьшая значимость и даже игнорируя личный интерес.

Одновременно в характере человека проявляются эгоистические черты, которые воплощаются в весьма широкой гамме различных форм — от себялюбия до стяжательства. Эгоизм принимает лики, которыми прикрываются воровство, обман, хищения во имя личного или группового обогащения. Причем эти формы эгоизма становятся все более открытыми, их перестают стесняться. И если в советское время такое проявление эгоизма, как обогащение при помощи жульничества, обмана, осуждалось не только законом, но и общественной моралью, а носители этого образа жизни старались быть незаметными, вплоть до принятия облика «а ля Корейко», то в 1990-е гг., да и сейчас обладание наворованной собственностью, несправедливо нажитым капиталом стало предметом демонстрации «рыночного правила» — «умения жить».

Сейчас в российской действительности мы наблюдаем удивительные перевоплощения (метаморфозы) людей, принадлежащих к различным слоям общества. Так, россияне, обладающие доходом ниже прожиточного минимума, крайне затруднены в проявлении своего альтруизма, так как в нынешней ситуации речь идет о выживании их самих. Хотя, как показывает практика, в благотворительных акциях участвуют даже пенсионеры, если они убеждены, что их копейки пойдут на пользу дела. Более того, не имея значи-

тельных средств, эти люди бескорыстно предлагают свои руки, свой труд для участия в решении культурных, просветительских или религиозных проблем — в строительстве, реконструкции, восстановлении духовных ценностей и памятников культуры. Наконец, имеются вполне обоснованные заключения экспертов, которые полагают, что именно данная категория людей малого и среднего достатка являются той частью населения, которая исправно платит налоги и наполняет бюджет в той ее части, которая касается налогов с физических лиц. В то же время другая часть населения, которую можно отнести к группе богатых, лишь в незначительной части демонстрирует элементы альтруизма (будучи полностью поглощена жаждой обогащения) в виде некоторых подачек то ли престарелым, то ли спортклубам, то ли отдельным школам, как делал в недавнем прошлом красноярский предприниматель А. Быков. А многие из них даже этого не делают.

В настоящее время появилась мода говорить о социальной ответственности бизнеса — его участии в развитии образования, поддержке культуры, спонсерстве при проведении тех или иных общественных акциях. В самом деле, бизнес начал выделять некоторые средства на благотворительные акции. Речь идет о стипендиях студентам, о помощи в выпуске отдельных книг, о компьютеризации школ, участвовать в реставрации культовых сооружений. Вместе с тем гораздо больше тратится денег на представительство, на торжественные приемы, на собственную клубную работу, на светские тусовки, причем эти затраты поражают воображение [1]. Да и общие расходы на значимые социальные цели, по подсчетам экспертов, не превышают сотые доли процента от прибыли крупного бизнеса. Поэтому участие бизнесменов в социальных проектах похоже больше на пиар-акции, чем на действительно реальную заботу о социальных проблемах общества.

Стоит обратить внимание и на такой парадокс: *одновременное сосуществование доверия и подозрительности в сознании и поведении россиян*. Доверчивость вплоть до беспамятства и ротозейства демонстрирует вековые привычки верить всевозможным чудесам и приметам — от колдуний и вещуний до веры в тайный смысл слов, ясновидение. Одновременно людям присуща подозрительность и в то же время постоянно возобновляющаяся вера в обещания представителей власти, особенно ее вершин в виде царя, генерального секретаря или президента.

Не является исключением и нынешняя ситуация в России. Именно чрезмерное доверие способствовало процветанию различных финансовых пирамид типа «МММ», «Чара», «Властелина»,

которые в очередной раз обманули людей в их ожидания чуда, оказавшегося средни надежде на скатерть-самобранку или на золотую рыбку.

Именно доверчивость и простодушие привели к тому, что были захвачены и приватизированы огромные куски государственной собственности при обещании будущих, а теперь и настоящих владельцев обеспечить народу более благопристойную жизнь посредством высокой зарплаты, дивидендов за ваучеры, сертификатов, ценных бумаг. А когда через определенное время в распоряжении людей осталось только их доверие, то оно в условиях несостоявшихся надежд начало превращаться сначала в недоумение, а затем и ненависть к обманувшим их людям и организациям. И хоть в российских традициях, в русском менталитете и самосознании всегда присутствовало подозрение в искренности и добропорядочности власти и капитал имущих, все же — и это вполне естественно — несмотря на все уроки собственного и общенародного прошлого, пробивает путь вера в порядочность, деловитость и обязательность тех, от которых зависит будущее, благополучие людей.

Платой за несбывшиеся надежды всегда было превращение доверия в свою противоположность — в ненависть. Так было практически со всеми лидерами в истории России и СССР. Напомним совсем недавнее прошлое, когда приветствовался приход к власти Горбачева, затем Ельцина. Но вскоре наступил период охлаждения (ибо ничто из обещанного не было реализовано), затем отчуждения, которое переросло в отвержение, граничащее с ненавистью. Опрос россиян, проведенный ВЦИОМ в августе 2000 г., показал, что 35 и 19% соответственно считают, что в нынешних трудностях России виноваты Горбачев и Ельцин, которым в свое время искренне поверили, которых поддержали, согласившись даже на некоторые ограничения и лишения. Но когда наступило время выполнить обещания, лидеры оказались несостоятельными, что и аукнулось им в виде отвержения, презрения и ненависти. Со временем эта негативная оценка еще более возросла: в 2005 г. резко отрицательную оценку деятельности Горбачева давали 56% населения, и почти все — «творчеству» Ельцина [2].

Парадоксальное сочетание в сознании и поведении людей представляет одновременное сосуществование одобрения (признания, поддержки) и нигилизма. Анализ реально функционирующего сознания и поведения показывает, что уровень согласия, поддержки рациональных идей, возможность увлечь ими на конкретные акции достаточно значительны и в большинстве случаев не требуется больших усилий для того, чтобы убедить людей в необходимости их

поддержки. Особенно если цели, к которым призывают людей, учитывают их интересы и потребности. Это в одинаковой степени касается целей как общенационального, так и локального уровня. Позитивное отношение к ним создает мощный плацдарм для мобилизации созидательных потенций народа и во многом является залогом успешной их реализации.

Так почему же у этих людей, в их сознании зарождается нигилизм, который затем постепенно превращается не только в молчаливое, но и активное противостояние и противодействие этим целям?

Это становится возможным, во-первых, потому, что люди убеждаются на практике, что провозглашенные цели не имеют (или имеют малое отношение) к истинным целям, преследуемым их инициаторами и вдохновителями, во-вторых, общественное сознание не может одобрить и поддержать те средства, которыми достигаются цели, если они нарушают честь и достоинство других участников происходящих общественных изменений, в-третьих, что особенно важно, общественное сознание не прощает нарушения норм нравственности, порядочности, несоблюдения правила «единство слова и дела». В общественном сознании живуча истина, что неправедность никогда не имела успеха, и в конечном счете отвергалась людьми и жизненной практикой.

Несоблюдение этих требований часто вело не только к нигилизму, но и к *цинизму*, который был, в свою очередь, несправедливой реакцией на то, что сознательно искажалось, фальсифицировалось в реальной жизни, а особенно теми, кто был призван ее совершенствовать, модернизировать, улучшать.

26.2. Феномен конформизма и неконформизма

Особый интерес представляет противоречие личного и общественного, проявляющееся в *конформизме и неконформизме*.

Конформисты — люди, которые пассивно принимают существующий порядок, господствующие мнения, у них отсутствует собственная позиция, они могут беспринципно и некритически следовать любому образцу в политике, в идеологии, культуре и т.д. Отчуждение, рабскую зависимость от властей или общественных стереотипов и предрассудков они воспринимают как вынужденное и как естественное, должное и даже единственно возможное состояние. Поэтому конформизм — фундаментальная социально-психологическая основа авторитаризма и тоталитаризма, которые стремятся создать «монолитное единство» граждан.

Нонконформисты являются представителями той части человеческого сознания, которое воплощает в себе прямо противоположные реакции, присущие социальному конформизму, олицетворяющего соглашательство, некритическое принятие и следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, официальным принципам, преобладающим установкам и пропагандистским клише [3]. Если конформизм включает в себя такие черты, как отсутствие индивидуальности, стандартность, манипулируемость, консерватизм и т.п., то нонконформисты постоянно демонстрируют (порой резко и непримиримо) индивидуальность, нетрафаретность, необычность и парадоксальность своего отношения к окружающей их среде. Нонконформисты постоянно проявляют черты и функции противостояния официальной (господствующей) пропаганде, обладают фанатичной верой в высшую и единственную истину (или ее абсолютное отсутствие), отвергают императивы внутригрупповой солидарности, бездумное следование общепринятым стандартам. Нонконформисты во многом содействуют тому, чтобы возникало и функционировало общество, основанное на плюралистических принципах. Они не совместимы с типом обезличенного обывателя, который формируется посредством общественного и группового давления, подчинения стереотипам массового сознания.

Парадоксальность современной ситуации состоит в том, что многие россияне в настоящее время демонстрируют одновременно черты конформизма и нонконформизма.

С одной стороны, современный гражданин России выступает носителем таких черт сознания и поведения, как желание (несопротивление) подчиниться, получить защиту от насилия, идентифицироваться с господствующими настроениями, боязнь одиночества и социальной изоляции. Именно с этих позиций человек становится «одномерным человеком», «человеком организации», «массовым человеком», опорой «сильной власти».

С другой стороны, реакцией на проявление конформизма выступает нонконформистское поведение этих же людей, которые, во-первых, сопротивляются попыткам нивелировки и унификации, во-вторых, олицетворяют стремление защитить свою индивидуальность во взаимоотношениях с подавляющими человека социальными отношениями, несмотря на то, что эти черты нонконформизма не только отвергаются, но и преследуются официальными, господствующими структурами.

Характерной чертой нонконформистского поведения становится участие носителей этого типа сознания в деятельности различных групп несогласия и сопротивления, противостояние мнению боль-

шинства вплоть до открытой формы их проявления и даже эпатажа. Однако это не означает, что неконформизм может проявлять себя только в форме активного протеста — он может быть по форме пассивен. В истории социальной жизни известен феномен младогегельянца *Макса Штирнера* (1806—1856), который ниспроверг все авторитеты своего и предшествующего времени, выступив непримиримым защитником свободы конкретного «Я», став теоретиком индивидуалистического анархизма [4]. Но в то же время он лично вел тихую и скромную жизнь, в которой не происходило никаких ни громких, ни оригинальных событий, демонстрируя бунт только в сфере сознания. А сколько таких тихих и бунтующих Макс Штирнеров имеется в каждом обществе! Следовательно, даже неконформизм может протекать в самых разнообразных формах.

Истинные неконформисты всегда упорны, настойчивы, хотя при всей их «поперечности» они не всегда являются сторонниками насильственных действий, переворотов, революций (если они переходят в этот разряд, то они подпадают под другую формулировку). Но, тем не менее, в любом обществе особенно в период кардинальных изменений имеется определенное количество людей, являющихся сторонниками радикальных действий. Так, по данным Российского независимого института национальных и социальных проблем, 5—6% населения готовы взяться за оружие для отстаивания своих интересов.

Не менее примечательной чертой неконформизма является провокативность суждений, которая построена на их парадоксальности, особенно если это касается вечных проблем жизни — судьбы человека, смысла существования, взаимоотношений с сильными мира сего, отношения к моральным ценностям и т.д. Можно привести сужение Б. Рассела: «Я иногда думаю, что было бы лучше, если бы люди были все еще неспособны читать и писать. Потому что огромное большинство из них, когда они научатся читать и писать, становятся открыты для пропаганды, а в каждой стране пропаганда контролируется государством и представляет собой то, что нравится государству. А что нравится государству, так это ваша готовность совершить убийство, когда вам прикажут» [5].

С одновременным сосуществованием в сознании и поведении людей конформизма и неконформизма связано наличие такого удивительного явления как созидающие парадоксы. Социологические данные говорят о том, что наибольшими критиками проводимого курса реформ являются не малообеспеченные слои населения, а представители продвинутых групп — люди с высшим образованием, предприниматели, молодежь. Поддерживая и соглашаясь со стратегической ориентацией на развитие рыночной экономики,

они открыто демонстрируют неприятие и/или несовершенство методов решения этой задачи, что, на наш взгляд, способно благотворно повлиять на весь ход социально-экономического развития страны.

Таким образом, сознанию и поведению человека присущ иррационализм, что, в свою очередь, находит воплощение в парадоксальном сочетании взаимоисключающих черт характера. И эта парадоксальность становится тем очевиднее, чем больше и основательнее выясняются обстоятельства, которые подготавливают, создают условия для приумножения этих иррациональных, но вполне логичных действий.

26.3. Парадоксы группового эгоизма

Еще за годы советской власти, в период так называемого застоя, социологическими исследованиями был зафиксирован феномен *группового эгоизма, который в большинстве случаев выступал формой мимикрии, индивидуализма или интереса малой группы, упакованных в оболочку коллективного интереса.* Это была весьма удобная форма демагогического сознания, ибо интересы коллектива трактовались как специфическое, но очень важное проявление общественных (государственных) устремлений, и им отдавался неоспоримый приоритет по сравнению с личным, индивидуальным. Такая политика и такое отношение к интересам человека, личности не могли пройти бесследно. И во взаимодействии с государством была выработана, а затем эффективно применена псевдоколлективистская фразеология, которая на деле выливалась в противостояние, а иногда даже шла во вред другим социальным и профессиональным группам.

Данное явление было замечено не только социологами. В годы застоя получил огромное звучание фильм «Премия» (по пьесе Гельмана), в котором руководитель строителей бригады отказался от дополнительного вознаграждения, поощрения, ибо согласие с этой акцией означало бы поспание норм морали, ущемление интересов коллег-строителей.

В условиях современной России возникли *новые лики группового эгоизма*: в интересы коллектива, общности, организации стали облачаться интересы предпринимателей, банкиров и других активно действующих субъектов рыночной экономики. Но в отличие от советского времени в новых условиях речь идет об огромных прибылях и доходах, которые при несовершенном законодательстве могут получить или не получить претендующие на них и новая российская бюрократия, и «новые русские». А так как изначально было ясно, что установка этих акторов рынка направлена на максималь-

ное обеспечение своих личных и групповых интересов, не удивительными стали акции манипулирования, в том числе и интересами фирм, банков, акционерных предприятий, с почти неприкрываемой целью — «не делится», как говорил бывший министр финансов России А. Лившиц, ни в коем случае ни с государством, ни с обществом. Для этого использовался набор уловок, начиная от получения льгот и уменьшения налогового бремени до вывоза капитала в заграничные банки, ведения двойной (иногда тройной) бухгалтерии, создания фирм-однодневок и т.д. и т.п.

Иначе говоря, групповой эгоизм приобрел опасные формы своего воплощения в жизнь, напрямую угрожая стратегическим интересам России, а не просто затрудняя или осложняя функционирование государственного и общественного механизма. Следствием и результатом группового эгоизма стали такие явления российской жизни в 1990-х гг., как скукоживание (сжимание, уменьшение) бюджета России до масштабов бюджета Чехии или половины бюджета г. Нью-Йорка. Именно групповой эгоизм способствовал тому, что огромные капиталы, превышающие доходы государства, уходили за границу. Расцвет группового эгоизма оставил без средств существования огромные массы населения, лишил их зарплаты, пенсий и многих социальных гарантий, которые имели люди в советское время. Групповой эгоизм стимулировал рост теневой экономики, содействовал коррупции.

Лики группового эгоизма — многообразны и многозначны.

Одно из проявлений оголтелого группового эгоизма — **социальное коварство**, которое, например, ярко обнаруживает себя в таком социально-экономическом процессе, как ценообразование. В условиях рынка оно направлено на получение максимума прибыли, не обращая внимания на потребности населения и игнорируя интересы государства. Эта политика максимально сдобривается демагогическими разговорами о непомерности и неисчислимости расходов, которые, мол, могут быть покрыты только за счет повышения цен. Иначе-де возможны крах фирмы, нарушение сбалансированности национального хозяйства. Причем этот прием особенно любим монополистами. Для этой цели они мобилизуют пропагандистский аппарат, радикал-экономистов, а вслед за ними и журналистов, чтобы поддержать эти идеи. И вот на страницах СМИ появляются заказные материалы, пугающие население возможными очередями за необходимыми товарами, пустыми прилавками и всеми теми страстями, которые знакомы людям со времен советской действительности конца 1980-х гг.

Однако в этом споре все же более прозорливым становится общественное сознание, ибо, не зная всей подноготной этих акций, люди догадываются, что манипуляции с ценами связаны со сговором олигархов и плутократов, с их регулярными попытками диктовать условия, при которых сверхприбыль гарантирована небольшой прослойке богатых людей. Поэтому попытки представить людей существами с ограниченным мышлением, не осознающими опасности — это, как показывает жизнь, недолго живущая примитивная угроза с негодными средствами. Олигархи и их адвокаты (в широком смысле слова) на основе использования полу- или четверть правды хотят, чтобы ничто и никто не препятствовало реализации их целей.

К сожалению, противостоянию этого напора группового эгоизма государство фактически не уделяет внимания. До сих пор нет антимонопольного законодательства (как в большинстве стран с рыночной экономикой), которое могло бы ограничить аппетиты олигархов и обеспечить рационализацию налогового законодательства в интересах всего общества.

Одной из специфических форм группового эгоизма является *культ должности*, который, несмотря ни на какие изменения в российском обществе, продолжает существовать. Суть его состоит в том, что не только существует, но и укрепляет свои позиции реальная практика управления, когда обладатель должности всемогущ, непререкаем, всегда прав по отношению к подчиненным, когда вышестоящий начальник по отношению к нижестоящему обладает «беспрекословным» приоритетом в знании, а тем более при принятии решений. Парадокс заключается в том, что разговоры о демократии, об ответственности руководителя, о правах личности до сих пор не препятствуют растущему авторитаризму руководителей на любых уровнях управления общественными процессами. Более того, власть все больше и больше узурпируется, к чему стремятся не только руководители, но и окол властные кланы, заинтересованные в том, чтобы их ставленники продолжали существовать и реализовывать их интересы, но под прикрытием разговоров о легитимности, правомерности и целесообразности вершить дела от имени народа.

Всевластие должностей зашло настолько далеко, что ничего эффективного противопоставить ему не удастся, тем более что окол властные кланы, олицетворяющие групповой эгоизм, не перестают говорить о демократии, о свободе слова (только чьего слова?), о возможности реализовывать и представлять интересы народа. И в

то же время они делают все, чтобы интересы «своей» группы не были ущемлены, не пострадали. При любой, даже мало мальской, угрозе их интересам они готовы использовать все методы, чтобы отстоять их, пойти на любые ухищрения вплоть до заключения любовного компромисса, уступке конкуренту. Иначе говоря, государственным интересам не просто мешает, не только ограничивает их, но даже угрожает разросшийся, укрепившийся и уже самодовлеющий групповой эгоизм, который находит свое воплощение в разбухающем теле бюрократизма и в росте олигархических амбиций и притязаний. Этот феномен полностью игнорирует завет Аристотеля: «Кто хочет прекрасно повелевать, должен сначала научиться повиноваться. А всякая власть... может осуществляться, с одной стороны, в интересах властвующего, с другой — в интересах подчиненного» [6].

Групповой эгоизм постоянно рождает причудливые сочетания, соединения личного и общественного. К такому удивительному феномену — «*эффекту ряженных*» — можно отнести попытки возрождения социальных структур, имевших свое место, а главное определенные общественные функции в прошлом. Это наглядно проявляется в попытках вдохнуть жизнь в такие возрождаемые, но весьма спорные, если не сказать сомнительные, структуры, как дворянство и казачество.

Процесс возрождения и функционирования этих групп показывает парадоксальность их существования, ибо превращает некоторые их действия в фарс или даже комедию. Особенно это очевидно на примере дворянства, существование которого исторически изжило себя. И если бы такие изыски были связаны только с моральным удовлетворением, то с этим можно было бы мириться. Но попытки претендовать на власть, на место в решении актуальных общественных проблем элементарно не выдерживают даже намека на критику, ибо это проявление групповых претензий не имеет никакой реальной силы и базы. А отсутствие общественной потребности может привести не к сглаживанию, а обострению противоречий.

Групповой эгоизм проявляется и в движении казачества. И если оно имеет некоторый смысл в исконно казацких районах (в которых, по оценкам экспертов, потомки казаков составляют не более 40% населения), то в других районах оно сводится к таким явлениям, как самозапись в казаки, использование обрядности, участие в ритуальных церемониях, в возрождении специфических традиций и обычаев. С этими проявлениями можно было бы мириться, но до тех пор, пока эти условные «казацкие» объединения, да еще враж-

дующие между собой, не начинают претендовать на особое положение в обществе, на участие во власти от имени этой группы, на выполнение функций (в частности военных, пограничных), что само по себе похвально, но, будучи сопоставлено с условиями XX—XXI вв. (в сравнении с XV—XVIII вв.), вызывает массу недоуменных вопросов.

Эти атавизмы традиционного общества исторически ограничены. Их возрождение без учета реальных потребностей временно может консервировать старое, отжившее, а также ограничивать появление и развитие новых социальных явлений [7]. Подобные проявления группового эгоизма возможны в жизни российского общества, но как самостоятельные организации, которые своим существованием, возможно, обогатят культурную и социальную жизнь страны, не ущемляя интересы других социальных групп, а главное, помогут или будут содействовать решению назревших общественных проблем.

Примечания

1. См., например, рубрику «Светская хроника» в газете «Известия».
2. *Общественное мнение-2005*. М., 2005. С. 168.
3. *Эфиоров С.А.* Принцип участия (социально-политический контекст) // Социол. исслед. 1990. № 9.
4. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994.
5. *Рассел Б.* Почему я не христианин. М., 1958.
6. *Аристотель*. Соч. Т. 4. С. 616.
7. Подробнее см.: *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

Глава 27

Добро и зло

Притесняя других, мудрый делается глупым...

Экклезиаст. 7:7

Добро и зло постоянно сопровождают жизнь людей как в повседневных, личных делах, так и в тех, что касаются общества. Представления о добре и зле относительно, условны, подвижны, зависят от постоянно изменяющейся общественной жизни, складывающихся обстоятельств, определенных социальных ситуаций. Немалую роль играет изменение представлений о добре и зле в связи с различными философско-социологическими постулатами: равнозначны ли добро и зло, представляют ли они две стороны одной медали, взаимно ли они отрицают друг друга, соразмеримы ли по аксиологическому статусу. Проблемы добра и зла были всегда предметом особой заботы человечества на всех стадиях его развития. Следовательно, добро и зло, с одной стороны, вечные категории, с другой, их грани весьма подвижны и отражают специфическое их соотношение в зависимости от существующей реальности, господствующих интересов и морали.

Одной из форм добра является интеллигентность, которая, по мнению Д.С. Лихачева, заключается «не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого. Она проявляется в тысяче и тысяче мелочей: в умении уважительно спорить, вести себя скромно за столом, в умении незаметно (именно незаметно) помочь другому, беречь природу, не мусорить вокруг себя — не мусорить окурками или руганью, дурными идеями» [1]. Иначе говоря, добро конкретно. Но ежели оно высказано вообще, то может стать и демагогией.

Соотношение, взаимодействие добра и зла особенно ярко и наглядно проявляет себя в нынешней российской действительности. В ходе всероссийского опроса, проведенного РНИСиНП в декабре 1999 г., 61% людей оценивали ситуацию в стране как кризисную, а 29% — как катастрофическую. По их мнению, это зло, исходящее от государства, от власти. Именно поэтому 28,2% свое психологическое состояние охарактеризовали как страх, отчаяние, подавлен-

ность, озлобленность, а 47,5% — как смешанное, положительное и отрицательное состояние. И в то же время 40% населения все же надеялось, что в России ситуация нормализуется, что восторжествует добро, и их жизнь будет протекать в нормальном русле. В известной мере это было достигнуто к середине 2000-х гг. Но и тогда нельзя было не обратить внимание, что 34% людей продолжали испытывать напряжение, раздражение, а также страх и тоску [2].

Очевидно, что в условиях, травмирующих сознание и поведение людей, их суждения о добре и зле серьезно деформируются и во многом представляют иные комбинации, иное соотношение, чем было оно в недавнем прошлом [3]. Давайте обратим особое внимание на специфическое, парадоксальное соотношение добра и зла в настоящее время, на грани XX и XXI вв., когда границы между ними стали очень часто условны, преходящи, неопределенны. И сравним эти представления с не столь далеким прошлым, а точнее с советским, чтобы нагляднее сопоставить и увидеть, происходящие сдвиги в общественном представлении о добре и зле.

27.1. Агрессивность как парадоксальное сочетание добра и зла

Анализ агрессии в сознании и поведении людей показывает, что она является обостренной реакцией на нарушение соотношения добра и зла, пониманием невозможности изменить это неблагоприятное соотношение «мирными» усилиями, что в свою очередь ведет к выводу о необходимости применения насилия, даже в том случае, если это квалифицируется как зло.

Какие причины ведут к появлению и проявлению агрессии в поведении людей? Здесь мы сознательно уклоняемся от анализа феномена агрессии, когда ее субъектом, ее носителями выступает государство, армия, политические и социальные силы, организованные сообщества, экстремистские и латентные организации. Мы сосредотачиваем внимание только на тех моментах, которые касаются сознания и поведения людей в их индивидуальном и групповом преломлении, в их взаимодействии с социальными институтами и организациями.

Первой причиной, порождающей агрессию, является осознание того, что грубо, безапелляционно нарушаются базовые ценности человеческого общежития, которые ассоциируются с представлениями о добре. В большинстве случаев в социальном плане под добром понимается социальная справедливость, которая призвана реализовать в разумных пределах потребности и интересы людей, их желания и

устремления (натурализм), обеспечить рациональные пропорции между наслаждением и страданием, счастьем и несчастьем. Это означает, что в общественном сознании, в сознании некоторых групп формируются представления о воздаянии каждому участнику того, что он заслуживает. Причем эта оценка и взаимооценка отношений общества и человека базируется на определении доли ответственности за осуществляемые действия, так и объеме вознаграждения, поощрения и даже защиты, которые, как полагает человек, ему обеспечиваются обществом.

И несмотря на существующие перекосы в представлениях о справедливости, все же можно вывести некую общую составляющую, которая будет достаточно четко отражать направленность общественного сознания при оценке ее состояния. Так, по данным Института социологии РАН (ранее РНИИиСП), 96% россиян считают, что справедливость должна быть основополагающей характеристикой поведения людей и всей морально-нравственной сферы общественной жизни. В то же время до 80% опрошенных (при 15% воздержавшихся от ответа) полагают, что существующее российское общество, его властные структуры далеки от требований справедливости, что они во многом уступают тому, что было в советское время. Причем такую оценку дают не только те, кто находится в бедственном положении, но и те, кто относительно благополучен и даже имеет определенные успехи в новой социально-экономической ситуации.

Вторая причина кроется в наступательности сил, которые отождествляются со злом и которым необходимо противостоять, чтобы гарантировать относительно устойчивое социальное положение, не поступиться принципами, которыми руководствуется каждый нормальный человек. В этом отношении примечательны данные, которые показывают как те сферы общественной жизни, в которых, по мнению людей, сосредотачиваются изъяды и те силы, от которых зависит создание благоприятной жизненной среды. По данным ВЦИОМ, оценивая основные результаты, к которым привели реформы, начатые в стране в 1985 г., 51% опрошенных назвали нарастание хаоса и неразберихи в управлении страной, 49% — нарастание неуверенности в завтрашнем дне, 38% — углубление экономического кризиса, 33% — ослабление обороноспособности страны и 32% — кризис национальных отношений (март 2000 г., $N = 1600$). Отсюда становится понятно, почему в 1999 г. до 80%, а в 2006 г. только 22% опрошенных сказали, что имеют «довольно ясное представление», в «каком направлении движется наша страна». Остальные заявили о смутном представлении (36%), что «не имеют никакого представления» (23%), при 13% убежденных, что «дела пущены

на самотек» [4]. Соответственно этому в числе виновных видят руководство страны, олигархов, коррумпированное чиновничество, т.е. всех тех, кто имеет политическую и экономическую власть. Более того, растет уверенность, что нынешние власть предержащие так и не могут изменить ситуацию (исключение представляет только новый президент), как и нельзя надеется на достижение справедливости при их правлении.

Третья причина заключается в оценке важности, значимости и результативности тех средств, которые имеются в распоряжении индивида (группы). Большинство признается, что на участие официальных организаций в обеспечении приемлемой жизни рассчитывать не приходится. Как показывают данные социологических исследований, авторитет государства и его структур (федеральных, региональных и местных органов власти, суда, прокуратуры, милиции) оценивается низко. Нет также убежденности, что эту роль могут выполнять многочисленные партии, профсоюзы. Даже авторитет церкви после взлета доверия в начале 1990-х гг. к 2000 г. уменьшился. Поэтому неудивительно, что в этих условиях мобилизуются резервы по активному сопротивлению как происходящим, так и ожидаемым переменам. И хотя за 1990-е гг. число людей готовых к активным формам протеста в целом уменьшилось, их количество еще достаточно значительно (до 30% по отдельным регионам), что позволяет говорить о возможности проявления и значительного порождения агрессии. Неверие в средства, недоверие официальным структурам может проявиться спонтанно и привести к неожиданным взрывам, вплоть до применения оружия, как это случилось на Выборгском комбинате, когда работники производства, убедившись в безрезультатности мирных способов борьбы перешли к насильственным действиям против владельцев завода [5].

Стоит особо остановиться на таком феномене, когда ситуация драматизируется, а в соответствии с этим и исходя из групповых интересов выявляется (назначается) враг (символ зла), которого надо уничтожить, убрать с дороги, устранить. Такими «назначенцами» на должность зла были различные социальные группы (шахтеры, аграрии, ВПК) и политические партии и движения (КПРФ, националистическое «Русское национальное единство», сторонники союза с Беларусью). Не менее показательны и отношение к чеченцам как народу: при всех сложностях, связанных с войной на Северном Кавказе, националистической пропагандой и развертыванием враждебности к «лицам кавказской национальности», 46% опрошенных россиян испытывали в 2000 г. позитивные к ним чувства, что даже больше чем в 1993 г. (т.е. до войны в Чечне), когда позитивное отношение к ним высказывали только 35% опрошен-

ных. К 2006 г. этот позитивный настрой к чеченцам уже испытывали 57% [6]. Иначе говоря, агрессия «канализируется» и сознательно направляется в иное русло, что, как показывает реальная жизнь, позволяет достичь результата, но на сравнительно недолгое время. Общественное мнение, хотя и поддается эмоциям на определенное время, все же имеет тенденцию выправляться. Так, во время Косовского кризиса весной 1999 г. достаточно резко выросло недоверие и осуждение США (но не американцев), но затем отношение нормализовалось и восстановилось в прежних рамках.

И наконец, следует отметить, что *в российском обществе сложилось неоднозначное отношение к протестным акциям*. Причем различие идет не по позициям разных социальных групп, а по линии отношения официальных структур к существующим или потенциальным силам противостояния экономической политике и политическим изменениям. Осуществляемое гражданами сопротивление злу, как правило, встречает официальное осуждение, так как оно не просто подвергает сомнению существующий политический и правовой порядок, но и ставит под сомнение усилия государства по преодолению несправедливости. В период монетаризации льгот в начале 2004 г. выступивших против этой политики пенсионеров назвали нарушителями порядка, дебоширами. Среди них стали искать подстрекателей. Их оскорбляли, обвиняли в несознательности, некомпетентности. Их стали страшить карами, а кое-где пошли даже на применение силы. Правда, в конце концов у власти хватило мудрости отказаться от этих обвинений и признать несовершенство и даже ошибочность своих действий.

В этом противостоянии добра и зла нередко слышатся голоса: мол, зло представляют люди, которые не хотят признать, что ценности советских лет, с которыми те никак не хотят расстаться, ушли в прошлое. Но *парадокс заключается в том, что на смену сложившимся ценностям пришли не новые ценности, а новые соблазны*, которые заполнили (или стремятся заполнить) образовавшийся вакуум. А так как большинство людей, исходя из опыта жизни в условиях рыночной экономики, признают, что эти соблазны-ценности им недоступны, что они разговаривают с властными структурами на разных языках, в этой ситуации они не исключают использование различных форм агрессии, в том числе и таких, как эпатаж, открытое невыполнение официальных предписаний, критика, переходящая в брань, оскорбления и другие акции, которые отнюдь не способствуют установлению гражданского согласия. В целом же, по мнению 91,1% россиян, агрессивность как показатель взаимоотношений между людьми увеличилась за последние 10—15 лет и вместе с цинизмом (мнение 83,9%) стала преобладающей характеристикой

поведения людей, в то время как искренность (мнение 84%) и доброжелательность (мнение 85,7%) ослабли и утратили значимость и влияние по сравнению с периодом советской власти [7].

27.2. Утопия как форма достижения недостижимого

В данном случае утопию мы рассматриваем как тип сознания и способ отношения к действительности, оставляя в стороне ее анализ как литературного жанра и художественного метода, а также как форму прогноза будущего.

Общая характеристика утопического сознания дана К. Мангеймом, который охарактеризовал его как такое «*сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его бытием*» [8]. На наш взгляд, такого общего утверждения недостаточно: оно нуждается в уточнении и в более глубоком его раскрытии.

Первое: Целью практически каждой утопии является достижение блага, умиротворенности, удовлетворенности бытием, что олицетворяется в понятии «добра». Если говорить иносказательно, утопия связана со стремлением избежать зла, преодолеть его, найти выход из неудовлетворяющего человека положения. К ней люди прибегают как способу разрешения не только общественных, но и личных проблем. И в то же время исторический опыт свидетельствует, что никогда и нигде никакая утопия не была реализована — на этом пути ее встречали «силы зла», которые и опрокидывали проектируемые ожидания, стремления и надежды людей.

Второе: утопия сродни идеалу, а иногда и отождествляется с ним. В них много общего, и, как метко заметил Кант, они могут выражены как «максимум совершенства, не достижимого на практике, но служащего путеводной звездой». Именно нацеленность на достижение недостижимого и является той бедой, которая характеризует утопию. Различие между идеалом и утопией выражается только в том, что идеал не может быть создан однажды и на все времена, в то время как утопия — характеристика определенного этапа как в развитии человечества, так и в развитии отдельного человека, находящего отражение в их сознании и их поведении. С этим связано и другая идея Канта, что оценивать идеал надо не по возможности его достижения, а по той роли, которую он играет и в жизни общества и в жизни человека [9]. Необходимо также отметить, что как в утопии, так и в идеале абсолютной ценностью выступает идея свободы и равенства. Эта ценность, пронесенная человечеством через всю свою историю, выполняет роль социальной эстафеты, которая модифицируется в зависимости от изменяю-

щейся социально-экономической, социально-политической и культурной ситуации. Именно «вечность» идеала позволяет противостоять злу, поддерживать свои устремления даже после поражений, постоянно вдохновлять и рождать новые силы, которые заняты поиском совершенства в условиях непрерывного развития человечества и человека.

Третье: противопоставление идеального будущего и настоящего.

Утопическое сознание, в свою очередь, рождает «подвижничество», признание и принятие необходимости, обязанности и жертвенности, чему всегда противостояли традиционализм и консерватизм. В этой связи следует отметить такую особенность утопического сознания: если оно ориентируется на достижение абсолютного совершенства, неоспоримого или бесспорного блага, оно отвергается самим историческим процессом. Если утопическое сознание помогает выявить условия и стимулы для совершенствования настоящего, для уменьшения влияния сил зла, то оно выполняет великую созидательную функцию [10] и, несмотря на свою общественную ограниченность, вносит свою лепту в поиск рационального пути развития общества даже в том случае, если его идеи отвергаются. Привлекательность и в то же время ограниченность утопического сознания проявляется в том, что «будущее формулируется не как продолжение настоящего, а как альтернатива ему» [11].

Четвертое: противоречивость реального воплощения утопических идей. Идеи, олицетворяющие добро, уязвимы, не выдерживают испытания временем, но могут долгое время противостоять официальным, нормативным рекомендациям и требованиям, в то время как силы «зла» более прагматичны, практичны, завязаны и согласованы с интересами массового сознания.

Противоречивость утопии, которая не всегда оценивает истинные пропорции соотношения добра и зла, приводит к тому, что добро в ней всегда выглядит абстрактно, всеохватывающе, всеобъемлюще, тогда как в реальной жизни силы зла всегда характеризуются определенностью и нацеленностью на решение конкретных проблем, что в конечном счете отторгает ориентации сторонников утопии. В этой связи хотелось напомнить слова Ф. Ницше, для которого добро лишь добропорядочно по причине жизненной слабости его носителей, зло же — энергично, целеустремленно, настойчиво [12].

Реализация добра нередко препятствует и то, что «утопическое сознание отворачивается от всего того, что может поколебать его веру и не реализовать его желание изменить порядок вещей» [13]. В реальной жизни это «поведение страуса», т.е. стремление уклониться от необходимости решения злободневных проблем, весьма

распространено, разлито в деятельности и образе жизни многих социальных групп, часто упорно «не замечающих» препятствия на пути реализации своих устремлений. Аналогичные реакции присущи и сознанию индивидов, которые вечно терзаются при виде постоянно встречающихся несоответствий и как выход из нежелательной и не приемлемой ситуации видят в игнорировании неприятных и не ожидаемых событий и процессов.

Утопическое сознание (как и религиозное) имеет великую заслугу: оно стимулирует силы созидания, хотя оно нередко довольствуется малым, а иногда вообще отказывается от реализации своей идеи, откладывая ее достижение на будущее, на «потом». В отличие от религиозного утопическое сознание обладает суррогатными свойствами, обычно имеет более короткий период своего существования, подвергается влиянию быстротекущих социально-экономических и социально-политических процессов. В рамках же духовной культуры утопическое сознание ассоциируется с позитивными ожиданиями, намерениями, олицетворяющими возможность наступления добра.

Парадоксальность сочетания добра и зла в утопии очень верно отражена в утверждении, что «утопия — это небытие, пронизывающееся бытием» [14].

* * *

В целом соотношение добра и зла в современном российском обществе достаточно противоречиво и парадоксально. С одной стороны, мы наблюдаем *ослабление и снижение влияния норм морали* и на этой основе рост агрессивности или ухода от реалий в область мечты и утопии, с другой — есть свидетельства того, что в глубине сознания *люди чувствуют, что так не должно быть и ищут выход из создавшегося положения* в рамках морали и нравственности. Это проявляется и в высокой оценке того, что традиционно считалось высоконравственным (совесть, сострадание, верность и т.д.). В то же время они нередко ратуют за укрепление сил, способных «навести порядок», в связи с чем апелляция к сильному государству считается оправданной, с надеждой на то, что оно поможет выйти из всеобъемлющего, в том числе и морального кризиса.

В заключение хотелось бы привести размышление Н.А. Бердяева о добре и зле: «Основное положение этики, понявшей парадокс добра и зла, может быть так сформулировано: *поступай так, как будто бы ты слышишь Божий зов и призван в свободном и творческом акте соучаствовать в Божьем деле, раскрывай в себе чистую и оригинальную совесть, дисциплинируй свою личность, борись со злом в себе и вокруг себя, но не для того, чтобы оттеснять злых и зло в ад и созда-*

вать адово царство, а для того, чтобы реально победить зло и способствовать просветлению и творческому преобразению злых» [15].

Примечания

1. *Лихачев Д.С.* Письма о добром, М.—СПб., 2006. С. 36.
2. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.* М., 2006. № 5. С. 71.
3. Об одной из таких форм выражения зла см.: *Обыкновенное зло: исследование насилия в семье* /Сост. и ред. О.М. Здравомыслова. М., 2003.
4. *Общественное мнение-2006.* М., 2006. С. 15.
5. См.: *Максимов Б.И.* Рабочие в реформируемой России. 1990-е — начало 2000-х годов. СПб, 277.
6. *Общественное мнение-2006.* М., 2006. С. 155.
7. Теоретическое осмысление этого явления в очень интересной форме см.: *Макаренко В.П.* Проблема общего зла. М., 2000; *Социальная антропология насилия* /Под ред. В.Н. Ярской. Саратов, 2005.
8. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 164.
9. *Новиков А.К.* О «Критике практического разума». М., 1996.
10. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991.
11. *Черткова Е.Л.*, Утопия как вид сознания //Общественные науки и современность. 1993. № 3.
12. *Ницше Ф.* Воля к власти //Соч. Т. 1. М., 1990.
13. *Мангейм К.* Указ. соч. С. 131.
14. *Давыдов Ю.Н.* Постмодернизм: вызов стабилизационному сознанию в социологии? Ранний предвестник или инициатор нового кризиса? // История теоретической социологии. Т. 4. М., 2004. С. 689—698.
15. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М., 1994.

Послесловие

Новое прочтение проблем сознания и поведения

Название книги члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко сразу вызывает ряд ассоциаций. В истории философии XX в. прочно утвердились определения современного человека как «бунтующего» (А. Камю), «одномерного» (Г. Маркузе). И вот — человек «парадоксальный». Открывая книгу, ожидаешь нетривиальности и глубины обобщений. И тем более радостно, что работа оправдывает эти ожидания.

Автор неспроста выбрал в качестве фактического эпиграфа к своему изданию одно из самых ярких высказываний Б. Паскаля: «Что за химера этот человек? Какое новшество, какой монстр, какой хаос, какой узел противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, слабоумный земной червь; носитель истины, клоака недоверности и ошибок; слава и хлам вселенной... Узнай же, гордец, каким парадоксом являешься ты для себя!». В этих словах выражен предельный смысл всей философской антропологии, изумление перед непостижимой и неустранимой внутренней противоречивостью, интеллектуальной и этической амбивалентностью человеческого существа. И тем не менее — книга не столько о вечном в человеке, сколько о парадоксальности живущего в современной России человека. В том-то и состоит ее специфика: она написана одним из известнейших социологов страны, в ее основу легли материалы и опыт многолетних исследований и наблюдений. Работа одновременно совмещает в себе два, казалось бы, различных ракурса: философско-антропологический и конкретно-социологический, причем совмещает таким образом, что они не только не противоречат друг другу, но взаимно друг друга обогащают.

Исследование Ж.Т. Тощенко представляет собой анализ того, что происходит с человеком в обществе, которое само изобилует парадоксами. По мнению автора, парадоксальность мышления и поведения присущи не только субъекту — как некое отклонение от того, что требует от него действительность. Напротив: «Социологический подход к парадоксам, — пишет он, — позволяет выявить их проявления в реальной жизни, в процессе осуществления тех или иных видов деятельности, ибо парадоксальность присуща не только процессу познания, но и самой действительности». Эта методологическая посылка позволяет автору установить отношения корреляции между проявлениями парадоксальности в мышлении и поведении индивида и объективной парадоксальностью социальной организации общества. Далее он утверждает

ет: «Анализ реальной ситуации в России показывает, что парадоксальность сознания стала неотъемлемой частью современной жизни». И действительно, переживаемая россиянами в настоящее время ситуация вызвала и продолжает вызывать глубокие изменения в их сознании. Если в течение предшествующих реформе десятилетий сознание населения было постоянным объектом направленной идеологической пропаганды, культивировавшей ряд уже ставших привычными для нескольких поколений мифов, ряд простых объяснительных схем, с помощью которых можно было без больших усилий мысли интерпретировать для себя прошлое, настоящее и будущее, то теперь оно попало в фокус скрещивающихся информационных потоков, стало жертвой попыток манипулирования им со стороны разнообразных политических сил. Естественно, что «средний человек» современной России уже другой. Его сознание не столько демифологизировано, сколько усложнено, поляризовано и разорвано. В нем «поселилась» парадоксальность. Ж.Т. Тощенко справедливо указывает: «Наш дезориентированный современник нередко, сам того не замечая, исповедует противостоящие друг другу истины и, что поразительно, относится к взаимоисключающим мнениям и суждениям с доверием, ориентируется на них вполне искренне, часто не замечая этого потрясающего несоответствия».

Исследовательский интерес автора сосредоточен именно на распутывании этого узла, на детальном анализе причин и механизмов изменений, происходящих с общественным и индивидуальным сознанием. Поскольку книга в одно и то же время является и социологической, и философской, ее первая часть посвящена сущностному рассмотрению природы метаморфоз и парадоксов общественного сознания. Привлекая обширный научный материал, автор исследует сущность парадокса вообще и парадоксального сознания в частности. Обращаясь к истории общественного сознания россиян, он старается проанализировать постепенный ход процесса его деформации. Уже сама по себе проблема поиска истоков этого процесса интересна и сложна. Но автор остается на высоте поставленной им перед собой задачи. С его точки зрения начало деформации сознания было положено в предперестроечные десятилетия, когда у населения в той или иной степени возник протест против «примитивных форм идеологического воздействия», навязываемых пропагандой стандартов мышления и поведения, которые на поверку оказались «двойными». Однако еще большая деформация произошла в последние пятнадцать лет, когда в жизнь миллионов людей вошли представления, принадлежащие к контексту либеральной идеологии, еще недавно подвергавшиеся уничтожающей критике в советских средствах массовой информации. Это повлекло за собой поистине интеллектуальную революцию, «переворачивание с ног на голову» привычных ценностей, ставших безусловными, глубоко проникших не только в сознание, но и в подсознание масс.

Современное состояние общественного сознания Ж.Т. Тощенко квалифицирует с помощью ряда определений. Прежде всего, это катастрофи-

ческое сознание, характеризующееся повышенной тревожностью и отсутствием стратегического видения перспектив на будущее для страны и себя лично. Катастрофизм проявляется также в ощущении утраты стабильности, уверенности в себе и гражданского самоуважения. С этой характеристикой неразрывно связана другая: общественное сознание современного российского социума определяется как «сумеречное», что означает потерю массами ориентиров в общественной и личной жизни, кризис ценностей и мотиваций, неприятие сложившейся в обществе ситуации и предлагаемых новых ценностных ориентаций и идеологем.

К метаморфозам общественного сознания автор относит также развитие протестных его форм, связанных с пассивным или активным выражением несогласия с происходящими социальными переменами, политикой правительства, оценкой тех или иных событий; формирование утопического сознания, фиксированного на идеализации тех или иных моментов прошлого или на определенной концепции будущего (вспомним знаменитую программу «500 дней»).

В то же время в российском обществе сформировалось, по мнению Ж.Т. Гощенко, манипулируемое и демагогическое сознание, характеризующееся раздвоенностью, присутствием двойного стандарта, лицемерным использованием принятых социальных ценностей в качестве идеологического обеспечения защиты эгоистических групповых интересов и т.д. Обобщая результаты своего анализа происшедших деформаций общественного сознания, он заключает: «Все эти метаморфозы создали основу, обусловили появление одного из поразительных явлений переходного периода — парадоксальность общественного сознания. Оно — результат и непосредственный выразитель нестабильности и непоследовательности происходящих в России изменений; следствие нарушения ритма и специфики уклада жизни, что достаточно отчетливо фиксируется в сознании людей».

Таким образом, по логике автора «парадоксальный человек» — такой же продукт общества, построенного на социальных парадоксах, как «одномерный человек» Г. Маркузе — порождение исследованного им «одномерного общества». Очевидная параллель просматривается и в том, что оба эти типа общественного сознания (ибо и одномерный, и парадоксальный человек — не столько философско-антропологические модели, сколько обозначения определенных устойчивых типов общественного сознания) получают путем конкретного целенаправленного деформирующего воздействия. Мягкое манипулирование сознанием посредством внедрения в него ложных потребностей, с помощью рекламы, СМИ, формирования «одномерной» культуры, вытесняющей культуру высокую, в концепции Маркузе осуществляется преднамеренно — с целью создать общество похожих друг на друга равнодушных, лишенных более высоких ценностей, чем потребление, носителей «одномерного сознания». Зачем нужны именно такие люди? Затем, что для них, чье сознание замкнулось в своем единственном измерении, невозможно критическое осмысление общества, в котором они живут.

«Парадоксальный человек» — тоже результат деформирующих воздействий. Однако отличие здесь в том, что заявленный Ж.Т. Тощенко тип трансформированного сознания не творится целенаправленно, вернее, не полностью творится целенаправленно. Он представляет собой скорее порождение взаимного наложения намеренной демагогической манипуляции, с одной стороны, и стихийных внутренних изменений, возникающих в порядке реакции на изменения социальной реальности, — с другой. Поэтому парадоксальный человек неизмеримо сложнее одномерного. Если последний удобен именно тем, что полностью просчитываем и прогнозируем в своих реакциях и поступках, то первый как раз в значительной мере непредсказуем и неуправляем, способен к протесту и вообще активному социальному действию. Вот только в основе такого протеста обычно оказываются утопические и катастрофические по своей природе мотивации.

С точки зрения анализа потребностей и их удовлетворения ситуация одномерного и парадоксального человека даже может быть названа полярно противоположной. Если одномерный человек занят постоянным обнаружением у себя все новых и новых потребностей и их удовлетворением, то человек парадоксальный, по утверждению автора, напротив, испытывает нарастающую фрустрацию из-за блокирования многих насущных социальных потребностей. Одномерный человек счастлив в своей ограниченности, тогда как парадоксальный остро несчастен, и парадоксальность его в том, что он в поисках точки опоры обращается к ценностям и ориентирам, в значительной мере на практике дискредитированным обществом.

Несомненным достоинством книги Ж.Т. Тощенко, на мой взгляд, является широта охвата проблем на фоне единства логической линии. Единая логика обнаружения парадокса как скрытой сути позволяет автору глубоко проникать в механизм функционирования конкретных сфер общественного сознания, выявляя все новые и новые парадоксальные грани последнего. Такая последовательная обрисовка парадоксов экономического, политического, исторического, правового, нравственного, религиозного сознания служит цели конструирования образа специфического социального универсума современной России, обладающего особыми чертами и характеристиками парадоксального мира, совмещающего, казалось бы, взаимоисключающие качества. Этот универсум и высеивается в портрете парадоксального человека — носителя неизгладимой печати, родовой отметины общества, к которому он принадлежит.

Мне представляется, что данная книга — явление неординарное в жизни современной российской культуры. И дело даже не в глобальности поставленной и решенной автором задачи, а в специфике его подхода, в той степени объективности, неангажированности, политической нейтральности, которые в наше сложное время, вероятно, можно назвать мудростью. Несмотря на то, что в тексте явно проглядывает (да автор его и не скрывает!) жестко негативное отношение к идеологам-рыночникам, оно не похоже на предвзятость. Скорее, это грустная констатация того факта, что благие намерения не дали всходов, а великая идея демократии оказалась в

России загублена людьми, непрофессионально и своекорыстно взявшимися за осуществление реформ. Автор не предлагает никакого однозначного рецепта выхода из сложившейся ситуации, которую оценивает достаточно пессимистично. Однако финальная глава книги — «Добро и зло», уже само название которой предполагает выход на уровень этико-философских обобщений, содержит мощный имплицитный заряд оптимизма, который можно было бы назвать онтологическим. Ибо когда социальная практика не дает оснований для оптимизма, такие основания люди ищут и находят в сфере предельных надежд и упований. Не случайно в конце своей работы автор как бы отступает в тень, чтобы ее заключительным аккордом книги стали запоминающиеся слова Н.А. Бердяева: «Основное положение этики, понявшей парадокс добра и зла, может быть так сформулировано: поступай так, как будто бы ты слышишь Божий зов и призван в свободном и творческом акте соучаствовать в Божьем деле, раскрывая в себе чистую и оригинальную совесть, дисциплинируй свою личность, борись со злом в себе и вокруг себя, но не для того, чтобы оттеснять злых и зло в ад и создавать адово царство, а для того, чтобы реально победить зло и способствовать просветлению и творческому преобразению злых».

И действительно — чем не выход из парадоксальной ситуации для парадоксального человека?

Ю.Г. Волков, доктор философских наук, профессор

Парадоксален ли современный российский человек?

Говорят, что нет открытий в социальных науках, особенно в последнее время. Но реальная жизнь начинает опровергать этот расхожее суждение. После тотальной ревизии советского марксизма часть обществоведов была занята отрицанием и опровержением того, чему поклонялись в предшествующие годы, другая часть не менее страстно пыталась перенести на российскую почву что-то «интересное» и «выдающееся» в основном из западной мысли. И как итог — много подражательного, примитивного, а в общем, далекого от нашей действительности.

Мне кажется, что после многих лет перестройки и постперестройки мы все же выходим на дорогу больших творческих поисков, приобретаем способность подняться до высоких научных обобщений, предложить новое видение происходящих в жизни процессов. И как все творческое, новаторское, оно не бесспорно. Раздумьями об одном таком значительном научном достижении нашей социальной мысли я хотел бы поделиться.

Парадоксальный человек. Именно так называется новая книга член-корреспондента РАН Жана Терентьевича Тощенко. Уже само это название побуждает к тому, чтобы удивленно «поднять брови». Еще до чтения оно заинтересовывает и озадачивает. Пожалуй, так и должно быть, если вышедшая в свет работа содержит в себе нечто действитель-

но свежее, оригинальное, рассматривает то, о чем раньше как-то не догадывались, над чем серьезно не задумывались.

Много выходит нынче теоретических книг. Есть книги умные, но нудные, есть интересные, да легковесные, искренние, однако поверхностные, завлекательные, но лукавые. Та, о которой здесь говорится, это книга глубокая, серьезная, доказательная и, что очень важно, безусловно честная. Автор не хитрит, не юлит. Он дает реальную объективную картину сознания современной России. И в чтении она захватывает, поскольку перед читателем известные вещи внезапно предстают в необычном ракурсе. Она всем своим взволнованным содержанием зовет к размышлению над самыми глубинными проблемами нашего сегодняшнего отечественного бытия. Работа написана плотно, опирается на мощный пласт многообразных социологических данных, благо автор имеет к ним широкий доступ.

В ней понятие «парадокса» как специфического класса противоречий сознания, используется для анализа духовной жизни и реальных поступков человека России на рубеже столетий. Парадоксальность здесь понимается как характеристика сознания и поведения людей, взятая в социологическом видении в отличие от философского или психологического подходов. В жанре размышления над концепцией я сосредоточиваю внимание на идеях и выводах, которые делает автор с опорой на огромный фактический материал.

О чем же повествует книга? Автор вводит понятие «реальное сознание» как синтез теоретического и обыденного, сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих и практически функционирующих моментов. Это то сознание, которое включает в себя трезвое здравомыслие и не исключает проникновение в глубинные сущностные процессы. Стоит сказать, что реальное сознание, практическое поведение и условия их функционирования — это как раз то, что можно понимать как базовые компоненты социологического исследования.

С этих методологических позиций его концепция анализирует метаморфозы современного общественного сознания. Само это понятие при его применении позволяет уловить соотношение изменений и сохранения, осмыслить, что за процессы произошли в нашем социальном мире за последние десятилетия. Рассмотрение глобальных метаморфоз общественного сознания дает возможность автору охарактеризовать его как расколотое, разорванное и иной раз определять его как маргинальное, предстающее как ложное сознание. К такому сознанию оказываются применимыми столь тревожные определения как «катастрофическое», «больное», «патологическое», «демагогическое», «сумеречное», «нонконформистское», «протестное», «утопическое», «манипулируемое» и т.п. Прочтешь такое, и по сердцу пробежит холодок. Но увы, это не пустая драматизация наличного сознания, а его хотя и суровая, но правдивая констатация.

На этом фоне автор переходит к рассмотрению сущности парадоксов. Как известно, в парадоксах выявляется соединение несоединимого, совпадение несовпадающего. Потому-то они и именуются «парадоксами». Отталкиваясь от их понимания в логических построениях, в семантике,

Ж. Тощенко считает возможным и необходимым фиксировать парадоксы жизни, жизненных обстоятельств, сознания и поведения людей. По его мнению, парадоксы жизни имеют место тогда, когда налицо в сознании и поведении причудливо сочетаются добро и зло, честь и умысел, верность и предательство, безрассудное новаторство и упрямый традиционализм. Как ни грустно, но это парадоксальное сознание стало неотъемлемой частью современной жизни. Люди как бы смотрят в одно и то же время в противоположных направлениях и как бы пытаются бежать по противостоящим маршрутам. Транзитивный, переходный характер нашей социальной жизни, порождающий фрустрации, аномалии, кризис сознания, создает предпосылки для увеличения парадоксальности на всех уровнях.

Сегодня многие идеологические построения не столько теоретичны, сколько мифологичны. Мифы о сакральности государственной власти, вожизме, избранности России и им подобные широко распространены. В книге очерчен ряд сфер проявления парадоксальности. Это прежде всего стереотипы, упрощающие действительность. Именно стереотипы мышления порождают такие парадоксы, как эффект ореола, наделение мудростью и значимостью лобых властных персонажей, эффект «неприкаянности и отторжения», принижения самих себя, эффекты группового эгоизма, маниловщины, возникновения перевертышей и т.д. Сама эта типологизация впечатляющая. Она помогает рельефней видеть наличное состояние сознания.

Автор удачно использует некоторые неологизмы. Им водится так называемая «кентавр-проблема», суть которых в том, что один и тот же человек придерживается взаимоисключающих социально-политических ориентаций, может быть, как это ни странно, одновременно и социалистом, и либералом-интернационалистом, и шовинистом, и монархистом, и республиканцем. Это действительно так. Оглянувшись вокруг, мы с удивлением отмечаем, что в сознании очень многих (а пожалуй, и в нашем собственном) воплотилось своеобразное чудо — совмещение несовместимого. Видимо, это поветрие времени, результат состыкования самых различных факторов, нечто типичное для переживаемой нами транзитивной полосы. Монолитность сознания сегодня скорее исключение, чем правило. Автор предлагает набор «кентавр-проблем» как особой формы проявления парадоксов сознания и поведения, анализирует манипулирование как механизм создания парадоксов.

Немалый интерес представляет содержащаяся в книге типология парадоксов, представления их видов — от экономических до религиозных. Эта типология по содержанию не произвольна, опирается на множество взвешенных и достаточно результативных социологических изысканий. Мир мыслимого и мир реального, желаемого и наличного, причудливо сплетаясь, взаимопроникая, создает парадоксальное видение действительности.

Глубоко парадоксальна историческая память. Очерняются персонажи советской истории и идеализируется деятели царского времени и Белого движения. Идет гиперболизация отдельных моментов истории. Многое происходит по известной формуле «я сжег то, чему поклонялся, поклонил-

ся тому, что сжигал». Однако налицо элегические воспоминания о советской жизни, отвержение бесцеремонных попыток все охаять и зачеркнуть.

Волна этнонационализма, взметнувшаяся на всем пространстве бывшего СССР, породила парадоксы национального «Я». Поиск этнокультурной идентичности выявил свою парадоксальность. Ж. Тощенко называет такие парадоксы этнического взаимодействия, «аккультурация, этноцид, раздвоенность сознания и поведения», «сохранить своё, и не оторваться от ценностей другого». Возникли и пышно расцвели этнокультурные мифы: кто древнее, кто чем владел и т.п.

Насквозь парадоксально правовое сознание. Все на словах вроде бы за Конституцию, за диктатуру закона. Однако чудовищно разрослись такие силы, как «воровской бизнес», «кровавый криминал», «корруптированное чиновничество». О законности толкуют все, кому не лень, но она попирается на каждом шагу. Да и действующие законы, начиная от Конституции до тысяч подзаконных актов, ставятся под сомнение многими экспертами, исследователями и политиками. Их легитимность сомнительна. Как отмечает автор, российское общество стремительно движется к «колумбийской модели» государства с ее классической криминально-государственной структурой.

Нравственные нормы стали зыбкими, мораль пошатнулась. В книге отмечается, что в наше время происходит атрофия требований нравственности, замещенных критерием рациональности. Авторитет и значимость нравственных требований существенно снизились или вообще отсутствуют. В действующем реальном экономическом механизме им не находится места. К группе нравственных парадоксов относятся: процветание социального иждивенчества, откровенно хищническое деловое поведение, оттеснение на задворки значимости труда и т.п. Нравственность — достаточно редкое явление в политической жизни. Провозглашение высоких принципов сочетается с тактикой лицемерия, истинные цели и эгоистические намерения скрываются.

Разительны парадоксы религиозного сознания. После многих лет доминирующего атеизма началась гальванизация религии. Но так называемый религиозный Ренессанс породил многие коллизии. Напор клерикализации, заигрывание властей с религией наталкиваются на то обстоятельство, что реальный, а не вербальный уровень религиозности изменяется мало. Сами духовные пастыри признают, что в их приходах «захожан» гораздо больше, чем прихожан. Православие воспринимается многими скорее как культурно-историческое явление, чем как собственно религиозное. Размыты грани между верующими, так сказать, всерьез и теми, кто считает себя верующими. Кризисные явления в самих мировых религиях (христианство, ислам, буддизм и т.д.) остро преломляются в нашей наличной действительности. Резко возрос интерес к нетрадиционным, конфронтационным религиозным течениям и сектам. Налицо подчас формальная декларация религиозности, проявляющаяся в фигурах «подсвечников», т.е. тех политиков и бизнесменов,

которые в храмах свечи держат, как стаканы. Возникла индивидуализация верований, религия собственного разрешения, приспособления тех или иных догматов к своему личному мироощущению.

В концепции автора немало оригинальных идей, которые восходят к понятию парадоксальности. Возьмем, к примеру, как трактуется такое ныне распространенное понятие, как элита. Согласно авторской трактовке те, кто правит нами, т.е. лица, причастные к власти или капиталу, вряд ли могут быть охарактеризованы именно как «элита». Конечно, политические и экономические лидеры склонны истолковывать себя не как клан или касту, а как элиту. Им представляется, что они есть вроде как бы «пенки», «сливки» и прочая сметана. Это и делает ситуацию парадоксальной.

Аналогична ситуация с противоречивой и явно парадоксальной судьбой центризма в современной России. Видимо, справедливо утверждение, что центризма у нас не было и нет, а если его и поминают, то это чисто виртуальное видение. Парадоксальность ситуации состоит в том, что к центризму в России пытаются примкнуть практически все политические силы. Но ни одна из них по сути и содержанию не является центристской.

Парадоксальные явления происходят и в среде интеллигенции — ведь ныне под сомнение поставлено само существование такого феномена, как российская интеллигенция. Сегодня не может быть речи о ней как некой социальной общности. Она расколота и разрознена. По сути, в ней представлены ряд групп, которые сейчас можно обозначить так: хищники, мутанты, хамелеоны, инфантилы, шатуны, холюи, демагоги, новые диссиденты и т.п. Выразительные, надо сказать, характеристики. И неприглядные. Многие убеждены, что количество пакостей, сотворенных интеллигенцией, не поддается исчислению. Шарахание и колебание, чехарда мнений, смена симпатий и антипатий — таково ее поведение. Причем эти негативные характеристики присущи не только всей совокупности тех, кто может быть причислен к интеллигенции, но в той или иной форме почти каждому из них. Хотя нарисованный портрет интеллигенции сумрачен, тем не менее автор полагает, что все-таки идеалы российской интеллигенции, хотя и подверглись коррозии, но продолжают жить. Так что спор «интеллигент или интеллеktуал?» еще не окончен.

Тема интеллигенции тесно связана с парадоксальной ситуацией в образовании. Автор и тут резок и беспощаден в определениях. Налицо угроза, ее суть, полупрофессионализм, незнание и полужнание, знание без нравственности, знание без общей культуры.

Новые лики неграмотности — от элементарной до функциональной, некомпетентность, ведущая к профессиональному кретинизму, появление слоя «образованцев», которые ориентированы на удовлетворение утилитарных, а не духовных потребностей, резкое снижение общей культуры — все это объясняется как парадоксальность системы этой сферы. Автор широкими мазками дает не только оценку форм парадоксов, но и высвечивает их типовые ситуации. Ёмко, лапидарно он показывает, как соотносятся сегодня в поведении наших людей та-

кие мотивации как «надо» и «нельзя», в какой мере бродят в сознании образы «врага», и почему плохо воспринимаются фигуры «оппонентов».

Ярко представлена в книге проблема свободы, столь же вечная для философии, как любовь для поэзии. После всех перипетий нашей истории последних лет трактовка свободы в общественном мнении оказалась чрезвычайно пестрой и очень уязвимой. От восторгов, тяжкого бремени сомнений, осмысления соотносительности свободы с долгом и ответственностью до размышлений о свободе в разных ракурсах. Широкий и парадоксален спектр подходов. К сожалению, понимание свободы у нас как-то отошло даже от традиционной российской трактовки как воли-вольницы и все чаще оборачивается беспределом, этим термином уголовного жаргона. Выпукло анализируются проблемы нахождения нас между прошлым и будущим, колебанием сознания между политическим нигилизмом и нищетой догматизма. С явной грустью Ж. Тощенко констатирует состояние ценностного вакуума, того, что в социологии принято называть аномией. В стране расплывается апатия, безразличие, растерянность, пессимизм. Общество волнует проблема самоидентификации, осознание себя и место своей страны. Образ России действительно парадоксален. То ли все еще великая держава, то ли скатывается на уровень региональной. То ли тяготеет к Европе, то ли обретает евразийский облик. Задумываешься, надо ли по-прежнему своей страной гордиться или впору стыдиться? Все это парадоксы национальной идентичности, разрывы целостного сознания.

Не менее напряженно стало соотношение личного и общественно-го. Не одно поколение у нас выросло в уверенности безусловного приоритета общественного над сугубо личным, и вдруг всплыли эгоистические черты в пестрой гамме от себялюбия до стяжательства. Наглядно противоречия личного и общественного обнаружили в феномене конформизма и нон-конформизма, парадоксах группового эгоизма. И наконец, завершается книга освещением одной из великих проблем — соотношением добра и зла. Проблема происхождения зла, его бытия в мире была и остается одной из самых глубоких тайн. Она не имеет однозначного исчерпывающего разрешения. Каждая цивилизация, каждая эпоха создают свои культурно-исторические модели зла. О мировом зле, социальном и моральном, написано бесчисленное множество сочинений, высказаны сентенции, сформулированы религиозные, фольклорные образы. Автор полагает, что для нашего общества специфично парадоксальное соотношение добра и зла, когда границы между ними стали условны, размыты, переходящи, неопределенны. Нельзя считать случайным повышенный уровень агрессивности. Это явно обостренная реакция на нарушение соотношения добра и зла. Взлет утопического блуждающего сознания — тоже одно из следствий названной ситуации.

Таковы сжато основные проблемы концепции Тощенко. Все сказанное — это, скорее, мое восприятие его книги. В целом еще раз ска-

жу: она побуждает всерьез задуматься над глубинными проблемами нашей жизни. Ее жесткие формулировки озадачивают. В этом ценность и, может быть, как бы непривычно ни звучало, ее прелесть. Но... хотелось бы высказать и те мысли, которые явно напрашиваются, когда закрываешь последнюю страницу.

Говорят, что во врачебной практике есть как бы четыре этапа. Осуществляется анализ, ставится диагноз, определяется прогноз и прописывается рецепт. Конечно, социолог — не врач, и мысль у него идет по иным линиям. Однако все же стоит сказать, что первые два акта в книге налицо. Есть тщательный, обоснованный, доказательный анализ личной ситуации. Есть суровый, жесткий, но реалистичный и правдивый диагноз состояния общественного сознания россиян. Оно действительно парадоксально. Но какова перспектива? Как прогноз? И что делать чтобы выйти из состояния, так ярко выписанного автором?

К сожалению, автор поставил точку. Конечно, это его право. Над прогнозом и мерами спасения (именно спасения) нашего общества надо еще думать и думать. Всем без исключения — и теоретикам, и политикам. И не откладывать этого в долгий ящик. Ведь нельзя же жить все время в состоянии всепроникающей парадоксальности. Есть же еще и гармоничность. Как ее достигнуть? Это вопрос вопросов. Не будем придиричивы к автору. Он сделал огромное дело. На нашем книжном рынке по актуальным проблемам нынешней жизни имеется множество книг, однако, та, о которой я сейчас пишу, явно выделяется. В ней крепко соединены научная точность и сочная публицистичность. Читать ее интересно.

Одно замечание, так сказать, напоследок. Не хотелось бы, чтобы возникло впечатление, что книга пессимистична или даже безысходна. При поверхностном взгляде может сложиться такое впечатление. Однако, как мне видится, Ж. Тощенко при всей суровости его анализа остается на позициях здравого оптимизма. Я искренне уверен, что его книге суждена хорошая участь, ее будут читать, она необходима. Как давний профессионал и просто как читатель, я прочел ее с удовольствием и немалой пользой. Советую ее многим и многим будущим читателям.

В.Е. Давидович, заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор

Именной указатель

- Абалкин Л.И.** — 54, 184, 220, 489
Абдулатипов Р.Г. — 292
Аберкромби Н. — 95
Аболин Л.М. — 76, 140
Авен П. — 122, 246
Автономова Н.С. — 95
Агеев В.С. — 76, 140
Айермахер К. — 96
Айтматов Ч. — 297
Аквинский Ф. — 351
Александр II — 300
Александров А.В. — 130, 152, 422, 461
Александрова Т.Л. — 349
Алексеев В.П. — 32
Андреев Л. — 396
Андропов Ю.В. — 223, 410
Анпилов В. — 106
Антипина Г.С. — 33
Анурин В.Ф. — 382, 392
Анциферова Л.И. — 140
Апресян Р.Г. — 349
Арефьева Г.С. — 32
Аристотель — 81, 376, 513
Арнольд В.И. — 60, 69, 75, 76
Арутюнян Ю.В. — 292, 293
Архангельский А. — 101
Асеев Н. — 118
Атоян А.И. — 136, 140
Афанасьев А.Н. — 79, 82
Афанасьев В.В. — 317, 319
Афанасьев М.Н. — 380, 392
Афанасьев Ю.Н. — 55, 141
Афанасьева А.И. — 299, 314
Ахиллес — 58
Ахматова А. — 146
Ашин Г.К. — 53, 378, 392
Аяцков Д. — 386
Бабаева Л.В. — 380, 382
Бакштановский В.И. — 327, 349
Балабанова Е.С. — 55
Балдаева И.Б. — 349
Бандура А. — 125
Банионис Д. — 284
Баранов Ю. — 161
Барг М.А. — 318
Баркашов Л. — 228
Барт К. — 352
Барт Р. — 95
Барулин В.С. — 32, 34, 76
Батый, хан — 316
Бауман З. — 3, 53, 56
Бахтурина Л.В. — 221
Бек А. — 447
Бёклин А. — 143
Беленький В.Х. — 56
Белоцерковский С.Д. — 55
Беляева Л.А. — 34, 156, 161
Бердяев Н.А. — 23, 33, 65, 295, 318, 359, 466, 521, 522
Березовский Б. — 163, 193
Берия Л.П. — 90
Бертковец А. — 125
Беспарточный Б.Д. — 140
Бикеннин Н.Б. — 478
Бисмарк О. — 502
Блаженкова О. — 407
Блок А. — 145, 490
Блок М. — 53, 56, 370, 372
Блюхер В. — 309
Богданов А.А. — 25, 34, 95
Богомолов Ю. — 163
Богоявленский Д.Д. — 55
Бодрийяр Ж. — 6
Бойко И.Б. — 55
Бойков В.Э. — 9, 33, 34, 149, 191, 203, 220, 244, 379, 444, 478
Большаков А.М. — 220
Бомедор Ф. — 96
Бондаренко В. — 246
Боос Г. — 385
Бор Н. — 145, 157, 161
Бордюгов Г. — 96
Борн М. — 144
Боровой К. — 105, 165, 416, 494
Бородин Л. — 247
Борхес Х.Л. — 97
Брауер 60
Браун Н. — 125
Брежнев Л.И. — 222, 300, 415
Брехт Б. — 168
Бродский И.А. — 247
Бройль Луи — 145
Брусилев А. — 309
Будда — 320, 370
Буденный С.М. — 309
Буковский В.К. — 247
Бульман Р. — 352
Бурбулис Г. — 170, 375
Бурганов А.Х. — 7
Буслаев Ф.И. — 82
Бутенко И.П. — 56
Бушков А. — 316
Быков А. — 504
Быков В. — 452
Бэкон Р. — 350
Вавилина Н.Д. — 141
Вавилов Н.И. — 309
Вальянский С. — 316
Вандышева О. — 247
Ванина О.Н. — 123
Васильев В.К. — 378
Васильев Г.Н. — 140
Васильева Т.Е. — 123
Василюк Ф.Е. — 76, 140
Вдовин Г. — 355
Вебер М. — 120, 377, 383, 483
Великий П.П. — 221
Веронезе П. — 143
Верховин В.И. — 220
Верховский А. — 292, 478
Вико Дж. — 82, 84
Виллар де, маршал — 320
Виноградский В.Г. — 221
Винокуров В.Д. — 378
Витковская Г. — 55, 141
Вишневецкий Ю.Р. — 76, 156, 161
Власов А.Н. — 110
Волков В.Г. — 34
Волков И.П. — 378
Волков Ю.Г. — 7, 96, 527
Волков Ю.Е. — 379
Волкогонов Д. — 247
Вольтер 82
Воронцова Л.М. — 372
Ворошилов К. — 309
Восленский М.С. — 379
Вундт В. — 82
Вятр Ежи — 337

- Гаврилов О.Ф.** — 318
 Гагарин Ю. — 303
 Гаджиев К.С. — 110
 Гайдар Е.Т. — 38, 55, 105, 224, 244, 245, 303, 482, 489
 Гамсахурдиа З. — 273
 Гараджа В.И. — 351, 371
 Гатман-Голутвина О.В. — 376, 380, 392
 Гегель Г. — 471
 Гейзенберг В. — 145
 Геккель Э. — 352
 Гексли Т. — 352
 Гельман А.И. — 509
 Генрих VIII — 86
 Герцен А.И. — 295, 317
 Гёте И. — 124
 Гефтер М. — 299
 Гильбер — 60
 Гиляровский В.А. — 139
 Глинка М.И. — 130, 422, 461
 Гоббс Т. — 252, 280
 Говорухин С. — 148
 Гоклениус Р. — 59
 Голенкова З.Т. — 136, 141
 Головаха Е.И. — 55
 Головин Н.А. — 379
 Голубничий И. — 167, 180
 Гольбах П.А. — 376
 Горбачев М.С. — 223, 287, 307, 410, 415, 450, 505
 Гордон Л.А. — 53, 160, 161, 248
 Горшков М.К. — 33, 55, 111, 140, 247, 454, 496, 500
 Гранин Д. — 424, 425
 Грасс П. — 483
 Греф Г. — 211
 Гримак Л.П. — 76, 140
 Гримм Я. — 82
 Грищенко Ж.М. — 53
 Грошев И.В. — 497, 500
 Грушин Б. А. — 23, 33, 53
 Грызлов Б. — 462
 Губогло М.Н. — 292
 Гудков Л. — 269, 302, 318, 424
 Гумилев Л.Н. — 272, 292
 Гуревич П.С. — 96
 Гуров А.И. — 270
 Гурова Т. — 407
 Гусейнов А.А. — 322, 323, 348, 349, 478
 Гусманов У.Г. — 221
 Гушаленко Л.А. — 160
 Гуцериев М.С. — 292
 Давидович В.С. — 7, 534
 Давыдов А.А. — 179
Давыдов Ю.Н. — 522
 Давыдова М. — 247
 Дай Т. — 376
 Даль В.И. — 163, 179
 Дамаскин И. — 154
 Данилевский Н.А. — 295, 318
 Данин Д.А. — 145, 160, 161
 Де Барделебен Дж. — 2003
 Де Голль Ш. — 400, 403
 Декарт Р. — 35
 Делез Ж. — 95
 Дестю де Трасси А.Л.К. — 92
 Джилас М. — 379
 Дидро Д. — 82
 Дилигенский Г.Г. — 33, 53
 Дискин И.Е. — 380
 Дмитриев А.В. — 7, 10, 248
 Добычин В.Н. — 313
 Докторов Б.З. — 33
 Доллард Д. — 125
 Доренко С. — 163
 Достоевский Ф. — 420
 Драчев В.К. — 219
 Дробижева Л.М. — 123, 278, 292, 293
 Дубин Б. — 424
 Дубровинский А. — 161
 Душацкий Л.Е. — 220
 Дыльнов Г.В. — 34
 Дьюи Дж. — 352
 Дюркгейм Э. — 15, 32, 67, 80, 125
Евбулид — 60, 62
 Евгеньева А.П. — 179, 376, 392
 Екатерина II — 299, 300, 433, 455
 Елизавета Английская — 86
 Ельцин Б.Н. — 38, 90, 133, 229, 233, 234, 239, 240, 242, 247, 287, 307, 308, 335, 409, 415, 468, 505
 Ельчиных В.А. — 318
 Елютина М.Э. — 221
 Еременко А.М. — 317
 Ермаков Ю.А. — 56, 110, 111
 Ермолаев В.Ю. — 292
 Ерохина Л.Д. — 270
 Ефимов Н.Н. — 180
Жванецкий М. — 182
 Жириновский В.В. — 106, 163, 228, 277, 393
 Жовтун Д.М. — 407
 Жоспен Л. — 42, 481
 Жуков Г.К. — 306, 309
Зарипов А.Я. — 318
 Заславская Т.И. — 4, 96, 220
 Захаров А.Н. — 221
 Зборовский Г.Е. — 7, 56
 Здравомыслов А.Г. — 34
 Здравомыслова О.М. — 522
 Земляной С. — 168, 180
 Земсков В.Н. — 317
 Зенкин А.А. — 60, 68, 75, 76
 Зенон Элейский — 58, 75
 Зенькович Н. — III
 Зиновьев А.А. — 222, 247
 Зобов С.А. — 96
 Зубко М. — 489
Иван Грозный — 86, 299, 455
 Иванов В.В. — 317, 318, 349
 Иванов В.Н. — 123, 292
 Иванов Вал.Н. — 9, 34, 220, 444
 Игатаханян Е.Д. — 141
 Иерусалимский А.С. — 480
 Иисус Христос — 356, 370
 Ильенков Э.В. — 32, 160
 Ильин В.И. — 34
 Ильин И.А. — 295, 318
 Ильин М.В. — 407
 Ильичев Г. — 220
 Иноземцев В.Л. — 425
 Исаев В. — 240
Исавелин К.Д. — 245, 317
 Кагарлицкий Б. — 452, 489
 Казаков А.А. — 203
 Казанцев Б.Н. — 317
 Калашников М. — 309
 Калугина З.И. — 161, 212, 213, 218, 220, 221
 Калюжный Д. — 316
 Каменев С.В. — 318
 Камю А. — 6, 523
 Кант И. — 59, 81
 Кантор Г. — 60, 61, 69, 75, 76
 Капица П. — 309
 Капустин Б.Г. — 96
 Кара-Мурза С.Г. — 56, 110, 424
 Карл IX — 86
 Карлейль Т. — 12, 249
 Кармадонов О.А. — 349, 443
 Карнап — 76
 Карнаузов Н.Н. — 349
 Карякин Ю. — 420
 Касавин И.Т. — 56
 Кассирер Э. — 80
 Кастильс М. — 76
 Кафка Ф. — 6
 Кашпировский — 163
 Келасьев В.Н. — 96
 Келле В.Ж. — 32
 Кива А.В. — 180, 424
 Кинсбургский А.В. — 55, 163, 170

- Кириенко С. — 165
 Китаев-Смык Л.А. — 76, 140
 Клейн Л. — 194
 Климов В.А. — 34
 Клопов Э.В. — 160, 248
 Ключарев Г. — 443
 Ключевский В.О. — 295, 317
 Клямкин И.М. — 55
 Ковалев С. — 480
 Ковалева Т.В. — 444
 Ковальзон М.Я. — 32
 Кожевников В. — 247
 Кожинов В. — 96, 111
 Кожуховский И. — 248
 Козенков С. — 122, 123
 Козлова Н.Н. — 33, 53, 56, 319, 513
 Койре А. — 75
 Колесников А. — 374
 Колесов Н.Д. — 219
 Колодко Г.ж. — 196
 Колчак А. — 309
 Комарова В.Я. — 75
 Комлев Ю.Ю. — 349
 Конев И. — 309
 Кононова Л.И. — 318
 Конт О. — 342, 503
 Конфуций — 58
 Конюхов А.К. — 297, 318
 Копалов В.И. — 110
 Корейко — 331, 503
 Коринта Л. — 143
 Коробейников В.С. — 33
 Королев С. — 309
 Космодемьянская З. — 302
 Костюченко Л.Г. — 34
 Котельников Г.А. — 7
 Коэн С. — 40, 54
 Красин Ю.А. — 76
 Кривошеев В.В. — 55, 270
 Кришна — 366
 Кругляков Э.П. — 424
 Крухмалев А.Е. — 10, 425
 Крыштановская О.В. — 376, 380, 392
 Крэстева А. — 379, 392
 Кублицкая Е. — 356, 371
 Кувандыков А.У. — 293
 Кудрявцев В.Н. — 7, 54, 269, 270, 478
 Кузнецов В.Н. — 96
 Кузьмин А.Я. — 261
 Кузьмин Е.С. — 378
 Кузьмин С.А. — 216, 221
 Куколев И. — 380
 Кумачев В. — 122, 123
 Кун Т. — 69, 76
 Курчатова И.В. — 309
 Кутафин О.Е. — 253, 269
 Кутырев В.А. — 32
Лазарус Р. — 125
 Ландау Л. — 147
 Ландеман Р.А. — 110
 Лапаева В.В. — 259, 270
 Лапин Н.И. — 34, 258, 269, 327
 Лаплас П. — 351
 Лацис О. — 55
 Лебедев В.М. — 262
 Лебон Г. — 45
 Левада Ю.А. — 6, 33, 54, 55, 76, 37, 318, 319 419, 424
 Левашов В.К. — 7, 33, 54, 96, 140, 227, 243 347, 463
 Леви-Брюль Л. — 125
 Левина М. — 166
 Леви-Стросс К. — 80, 85
 Левичева В.Ф. — 123
 Лейбниц Г. — 60
 Лекторский В.А. — 10, 32, 33, 76, 247, 463
 Ленин В.И. — 210, 306, 307, 310, 420, 462, 480
 Леонтьев А.Н. — 33
 Лесохина Л.Н. — 428
 Лец С. — 35
 Либич Ю. — 318
 Лившиц А. — 49, 510
 Лившиц Р. — 111
 Липинский В.Т. — 379
 Липман У. — 112
 Липсет С. — 280
 Лихачев Д.С. — 103, 309, 514, 522
 Лиходей О.А. — 349
 Логинов А.В. — 371
 Ломоносов М.В. — 307, 351
 Лоренц К. — 125
 Лосев А.Ф. — 80, 81, 82, 95
 Лукач Г. — 168
 Лунеев В.В. — 269, 270
 Львов Д.С. — 189, 220
 Любомудров М. — 111
 Людовик XIV — 320
 Lippman W. — 128
 Lipset S.M. — 292
Мавроди С. — 163, 331, 375
 Магарил С. — 3, 84, 392, 419, 424
 Магомед — 370
 Макаренко В.П. — 522
 Макашов А. — 256
 Мак-Дугалл У. — 125
 Макиавелли Н. — 377
 Маклаков В.Т. — 318
 Максимов Б.И. — 247, 522
 Максимов В. — 247
 Максимов С.В. — 269, 270
 Малащенко А. — 55, 141
 Малеева М.А. — 96
 Малиновский Б. — 80
 Малицкий В.С. — 96
 Мангейм К. — 519, 522
 Мансуров В.А. — 496, 500
 Маркс К. — 5, 25, 27, 29, 33, 34, 78, 210, 352, 462
 Маркузе Г. — 6, 523, 525, 526
 Маслоу У. — 437
 Матросов А. — 302
 Мау В. — 420, 424
 Маунтджой, лорд — 86
 Махмутов Т.А. — 140
 Мелетинский Е.М. — 96
 Менделеев Д.И. — 307
 Меренков А.В. — 123
 Меркушин В.И. — 299, 302, 304, 311, 314
 Мешков В. — 337
 Мигранян А. — 246
 Микоян А.И. — 247
 Миккульский К.И. — 380
 Миллер Д. — 125
 Миллер О.Ф. — 82
 Миллс Р. — 376
 Милль Д.М. — 352
 Митина О.В. — 54, 111
 Митрохин Л.Н. — 10, 358, 363, 370, 371, 372
 Михайлов Ф.Г. — 33
 Михалков С. — 152
 Михельс Р. — 381
 Мичурин И. — 309
 Мнацаканян М.О. — 76
 Модестов С. — 396, 407
 Монтескьё Ш. — 82, 376
 Мор Т. — 154, 376
 Морозов Н. — 316
 Морозов С. — 153
 Москва Г. — 381
 Москвичев Л.Н. — 96
 Моэм С. — 479
 Мраморнов О. — 96
 Мун С. — 366
 Мчедлов М.П. — 370, 372
 Мюллер М. — 79
 Мясисцев В.Н. — 139
Назаров М.М. — 56
 Назарова О.А. — 76
 Наполеон — 62, 351
 Насонова Л.И. — 33
 Невзоров А. — 163
 Невский А. — 306
 Неклесса А. — 184, 220

- Немцов Б.** — 165, 246
Нерсесянц В.С. — 10, 270
Неру Дж. — 473
Нечаев А. — 246
Нибур Р. — 352
Никитин А.Л. — 179
Николай II — 310, 424
Ницше Ф. — 5, 82, 352, 520, 522
Новгородцев П.И. — 522
Новиков А.К. — 522
Новодворская В. — 165, 416, 422
Ньютон И. — 60
Овидий — 323, 349
Овсянников А.А. — 317
Овчинский В.С. — 259
Ожегов С.И. — 164, 179, 389, 392
Ойзерман Т.И. — 32, 34, 76
Олимпиодор Младший — 81
Ольшанский Д.В. — 34, 378
Орлова И.Б. — 55
Ортега-и-Гассет Х. — 377
Осинский И.И. — 287, 293, 349
Осипов Г.В. — 96, 270
Ослон А.А. — 33
Ослунд А. — 194
Офитова С. — 407
Охотский Е.В. — 53, 376, 379, 380, 382, 392
Павленок П.Д. — 379
Павлов И. — 309
Панарин А.С. — 336, 349, 411, 424, 425
Панина Н.В. — 55
Парето В. — 92, 377, 381
Парк Р. — 135
Парыгин Б.Д. — 34
Паскаль Б. — 8, 523
Пастернак Б. — 168
Пахомов Е.И. — 180
Петр I — 299, 300, 306, 424, 433, 455
Петренко В.Д. — 54, 111, 148, 160
Петров Ю. — 246
Петухов В.В. — 180, 463
Петухов Ю. — 316
Пивоваров В.Г. — 371
Пивоев В.М. — 95
Пикассо П. — 143
Пикуль В.С. — 316
Пирогов Н.И. — 408
Платковский В.В. — 10
Платон — 81, 87
Платонов О. — 316
Погосян Г. — 140
Покровский Н.Е. — 33, 55, 411, 418, 424
Пол Пот — 376
Поляны М. — 70, 76, 147, 160
Полеванов В. — 194
Поликарпов В.С. — 34
Поляков В.И. — 141
Понеделков А.В. — 376, 380
Попов В.Д. — 76, 219
Попов В.С. — 317
Попов Г. — 190
Попова И.М. — 33, 55, 95, 349, 489
Попова И.П. — 55, 140
Попцов О. — 247
Потебня А.А. — 79
Прошьян — 480
Прутков Козьма — 437
Пузанова Ж.В. — 140
Путин В.В. — 41, 239, 240, 241, 374, 415
Пушкин А.С. — 169, 234, 307, 393
Работяжев Н. — 248
Радаев В.В. — 220
Радищев А.Н. — 468
Ракитянский Н.М. — 180
Рамсей Ф. — 61, 64
Рассел Б. — 60, 61, 62, 76, 112, 294, 508, 513
Раушенбах Б. — 155, 161
Рашковский Е. — 141
Резник Ю.М. — 34
Рени Г. — 143
Римашевская Н.М. — 53
Рогозин Д. — 228
Роден О. — 143
Рождественский Р.И. — 426
Розов М.А. — 74
Рокич М. — 117
Рокоссовский К. — 309
Романовский Н.В. — 10, 319, 379
Росляков А.Б. — 425
Ростопчин Ф.В., граф — 121
Рубинштейн Э.П. — 33
Рублев А., иконописец — 389
Рузвельт Ф. — 196
Руткевич М.Н. — 10, 141, 292
Руцкой А. — 133, 256
Рыбаков А. — 247
Рыбаков, правозащитник — 480
Рыбкин И. — 105
Рывкина Р.В. — 34, 55, 220, 346, 349
Рыскова Т. — 380
Сагалаев Э. — 420, 424
Салтыков-Щедрин М.Е. — 162, 222
Самиев А. Х. — 318
Сапунов М.Б. — 10
Сатаров Г. 229
Сахаров А.Д. — 24, 103, 158, 396, 467
Сгибнева О.И. — 318
Седова Н.Н. — 180
Селье Г. — 125
Селюнин В. 183
Семашко А.М. — 34
Семигин Г.Ю. — 378
Сендеров В. — 166, 180
Сенека Младший — 78
Сен-Симон К.А. — 271
Сигарева Е.П. — 141
Сидорова Т.Ю. — 76
Сикевич З.В. — 54, 498
Силласте Г.Г. — 378
Силсбергерд С. — 125
Синяевский — 247
Слезовский Д.Е. — 378
Слуцкий Е.Г. — 444
Смит Адам — 328
Смольков В.Г. — 379
Соболева Н.И. — 96
Собчак А. — 94
Согомонов А.Ю. — 454
Соколов-Митрич Д. — 229, 247
Соколов В.М. — 34
Соколов М. — 396, 407, 494, 500
Соколова Г.Н. — 220, 444
Сократ — 370
Солженицын А.И. — 43, 55, 247, 426
Соловьев А.И. — 394
Соловьев В. — 423
Соловьев В.С. — 295, 318
Соловьев П. — 443
Соловьев С.М. — 295, 317
Сорель Ж. — 82, 92
Сорокин П.А. — 30, 34, 95
Сорос Дж. — 479
Спенсер Г. — 82, 352
Спивак Д.Л. — 33
Спиркин А.Г. — 27, 32, 33
Сталин И.В. — 307, 310, 422, 480
Стариков Е. — 135, 140
Староверов В.И. — 221
Старовойтова Г.В. — 287
Степанова О.К. — 444
Степин В.С. — 32, 33, 70, 76, 349

- Степнова Л.А. — 56, 96
 Стерлигов Г. — 375
 Стоунквист Э. — 6, 135
 Суворов В. (Резун В.Б.) — 302
 Сулакшин С.С. — 407
 Сурина И.А. — 34
 Сысоева Л.С. — 34
Тайбаков А.А. — 270
 Талал, Аль Хассан бин — 482
 Тальхайм Барбара — 488
 Танеев С.И. — 154
 Танчер В.В. — 381, 392
 Тарский А. — 76
 Тацит — 464
 Твен М. — 501
 Тевосян И.В. — 447
 Тейлор Э. — 79, 82
 Тернер Б.С. — 95
 Тиллих П. — 352
 Тилье К. — 374
 Тимофеев Л.М. — 55, 349
 Титкин А. — 246
 Титов В.Н. — 380, 392
 Тихонова Н.Е. — 33, 500
 Тишков В.А. — 274, 275, 292, 500
 Тобин Дж. — 194
 Тойбер А.Х. — 33
 Тойнби А. — 377
 Толстой Л.Н. — 145, 349
 Толчинский М. — 349
 Томалинцев В.И. — 76
 Томаш К. — 269
 Тондл Л. — 160
 Тошенко Ж.Т. — 34, 55, 140, 179, 203, 220, 248, 292, 372, 425, 444
 Тошенко Ю.Ж. — 10
 Трегубова Е. — 407
 Третьяков В. — 161, 422, 461, 473, 478
 Трофимов Д. — 160
 Трокский Л.Д. — 384, 480
 Трусов А.А. — 269
 Туполев А. — 309
 Тургенев И.С. — 145
 Тухачевский М. — 309
 Тюни Г. — 4
 Тюриканова Е.В. — 270
Уайтхед А.Н. — 349
 Убожко Л. — 165
 Уваров С.С., граф — 339
 Уледов А.К. — 33, 53
Фадеева О.П. — 221
 Файзуллин Ф.С. — 318
 Федоров Б. — 224
 Фейербах Л. — 5
 Феофанов О.А. — 110
 Ферро М. — 141
 Филатов В.П. — 76
 Филатов С.Б. — 372
 Филимонов Э.Г. — 372
 Филиппов Ф.Р. — 333
 Фихте И. — 5
 Фогт К. — 210, 220
 Фоменко А. — 315, 318
 Фофанов В.П. — 49
 Франкл В. — 463
 Французова Н.П. — 318
 Фрезер Д. — 80
 Фрейд З. — 80
 Фролов И.Т. — 32
 Фромм Э. — 110, 350
 Фрунзе М. — 309
 Фурман Д.Е. — 372
Хабаева И.М. — 349
 Хаббарт Э. — 475
 Хайек Ф.А. — 110, 194
 Хакамада И. — 165, 392
 Харченко В.К. — 34
 Харченко С. В. — 34, 140
 Хасаев Г.Р. — 141
 Хасбулатов Р. — 120, 133, 256
 Хилл С. — 95
 Ходасевич В. — 85
 Хомутов А. — 169, 180
 Христенко В. — 394
 Хрущев Н.С. — 247, 404, 415
 Хубова Д. — 161
 Хунаху Р.С. — 318
Цапко М.С. — 425
 Цветков О.М. — 318
Чайковский П.И. — 169
 Чачух Н.М. — 180
 Чепуренко А.Ю. — 96
 Черкасов П.П. — 424
 Черненко К. У. — 223
 Черномырдин В.С. — 105, 247
 Черных М. — 96
 Чернышевский Д.В. — 424
 Чернышевский Н.Г. — 295, 317, 429
 Чернышов И.Ю. — 180
 Черткова Е.Л. — 522
 Чеснокова И.И. — 14, 54
 Чехов А.П. — 57
 Чинакова Л.И. — 32, 55
 Чирикова А.Е. — 380
 Чубайс А. — 193, 194, 246
 Чуйкина С.А. — 319
 Чурбанов В.Б. — 380
 Чучин-Русов А.Е. — 160
Шабанова М.А. — 54, 161, 270, 466, 478
 Шавелев С.П. — 56
 Шапко В.Т. — 76, 161
 Шатров М. — 247
 Шафаревич И.Р. — 247
 Шахрай С. — 105, 170, 287, 375
 Швейцер А. — 370
 Шеяков А.А. — 317
 Шеллинг Ф. — 82
 Шельский Г. — 271
 Шендрик А.И. — 500
 Шенкао Г.Х. — 96
 Шенкао М.А. — 96
 Шерковин Ю.А. — 110
 Шестопал Е.Б. — 244, 248, 378
 Шиллер Г. — 110
 Широкова Е.А. — 56
 Шкаратан О.И. — 76, 248
 Шкуратов А.А. — 95, 96
 Шляпентох В. — 55
 Шмаков В.С. — 318
 Шмелев Г.П. — 106, 111
 Шостром Э. — 110
 Шпрангер Б. — 143
 Штайльманн К. — 195, 202, 210, 220
 Штейнберг И.Е. — 221
 Штирнер М. — 508, 513
 Штомпка П. — 3
 Шубин А.В. — 247
 Шубкин В.Н. — 6, 55
 Шумейко — 170, 375
Щербакова Е.М. — 444
Эвтемер — 81
 Эйзенхауэр Д. — 427
 Эйнштейн А. — 144
 Элиас Н. — 6
 Эльчибей — 273
 Эмерсон Ф. — 82
 Энгельс Ф. — 33, 34, 210
 Эпикур — 59
 Эрроу К. — 194
 Эсхил — 408
 Эфиров С.А. — 388, 513
Юдин Б.Г. — 10
 Юнг К. — 80, 92, 273
 Юстиниан — 59
 Ющенко С. — 165
Явлинский Г. — 106, 228, 244, 246, 456
 Ядов В.А. — 55
 Яковлев А. — 247
 Ярская В. Н. — 522
 Ярузельский В. — 350

Оглавление

О книге Ж.Т. Тощенко «Парадоксальный человек»	3
Предисловие автора	5
Введение	8
Часть 1. Теоретико-методологические основы исследования парадоксов	11
Глава 1. Общественное сознание: социологическое видение	12
1.1. Общественное сознание: философское и социологическое измерение	13
1.2. Основные черты современного общественного сознания: опыт конструирования	19
1.3. Реальное сознание как предмет социологического исследования	25
Глава 2. Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа	35
2.1. Условия возникновения метаморфоз	36
2.2. Глобальные метаморфозы общественного сознания	43
2.3. Казусы метаморфоз общественного сознания	48
Глава 3. Парадоксы общественного сознания: к вопросу о сущности	57
3.1. Генезис идей. Краткий исторический экскурс	58
3.2. Сущность и содержание парадоксов	63
3.4. Причины парадоксальности сознания	67
Часть II. Парадоксы в контексте социального знания и социальной практики	77
Глава 4. Мифологическое сознание как форма проявления парадоксов	78
4.1. Многозначность мифов	78
4.2. Основные характеристики мифологического сознания	84
4.3. Виды парадоксов мифологического сознания	87
4.4. О соотношении мифологии и идеологии	91

Глава 5. Манипулирование как механизм создания парадоксов	97
5.1. Формы и методы манипулирования	98
5.2. Спекуляции на доверии	105
5.3. Итоги и последствия манипулирования	108
Глава 6. Стереотипы — социальное поле парадоксальности	112
6.1. Стереотипы как сфера парадоксальности	112
6.2. Структура и функции стереотипов	117
6.3. Как стереотипы рожают парадоксы	119
Глава 7. Фрустрация и парадоксальность	124
7.1. Что такое фрустрация?	124
7.2. Парадоксы в контексте фрустрации	126
7.3. Маргинальность — социальное поле фрустрации	135
Глава 8. Кентавр-проблема как особая форма парадоксальности	142
8.1. Возможно ли сочетание несочетаемого?	143
8.2. Кентавр-проблема как форма проявления парадоксов общественной жизни	146
8.3. О типологии социальных кентавр-проблем	148
8.4. Эвристический потенциал кентавр-проблемы	156
Глава 9. Фантомы общественного сознания и поведения	162
9.1. Что такое фантом?	163
9.2. Суть и содержание фантомов общественного сознания и поведения	169
9.3. Основные черты фантомных типов личности	172
9.4. Опыт классификации фантомных типов личности	174
Часть III. Виды парадоксов	181
Глава 10. Парадоксы и противоречия экономического сознания и поведения	182
10.1. Состояние и тенденции экономического сознания как продукт «трофейной» экономики	183
10.2. Новая терминология или деформация социальности?	188
10.3. Реакция общественного сознания на принципы рыночных преобразований	193
10.4. Основные парадоксы экономического сознания и поведения	197
10.5. Парадоксы в сфере труда	206
10.6. Парадоксальность экономического сознания и поведения российского крестьянства	212

Глава 11. Полюса политического сознания: общее и специфическое	222
11.1. Масштабы, направления и особенности изменения политического сознания	223
11.2. Парадоксы политического развития страны	232
11.3. Парадоксы массового политического сознания и поведения	236
11.4. Многопартийность: миф или реальность	242
11.5. Политическое сознание на перепутье	244
Глава 12. Парадоксальность правового сознания	249
12.1. Парадоксы правового положения людей	250
12.2. Что стоит на пути реализации идей правового государства?	253
12.3. Правовые «пороги» парадоксальности	262
12.4. Парадоксы массового правового сознания	264
Глава 13. Парадоксы национального «Я»	271
13.1. Особенности национального самосознания на постсоветском пространстве	272
13.2. Основные черты национального самосознания	278
13.3. Формы парадоксов национального самосознания	280
13.4. Бытовой шовинизм — специфическая форма парадоксальности	288
Глава 14. Историческое сознание и историческая память: состояние и парадоксы	294
14.1. Что такое историческое сознание и историческая память?	295
14.2. События в зеркале исторической памяти	299
14.3. Исторические лица	306
14.4. Личная историческая память	311
14.5. Историческое знание — каково оно?	314
Глава 15. Парадоксы нравственного сознания	320
15.1. Какая мораль существует в обществе?	321
15.2. Современное состояние нравственного сознания	323
15.3. Нравственное измерение экономических парадоксов	327
15.4. Общее и особенное в парадоксах политического и нравственного сознания	335
15.5. Социальные парадоксы нравственности	338
15.6. Нравственные парадоксы духовности	343
Глава 16. Парадоксы религиозного сознания	350
16.1. Религиозность в современном российском обществе	353
16.2. Новое обличье старых парадоксов	356
16.3. Возможности и пределы парадоксов религиозности	363

Часть IV. Формы парадоксов	373
Глава 17. Элита: клики, кланы, касты?	374
17.1. Что такое элита?	375
17.2. Реальности российской «элиты»	383
17.3. Как называть тех, кто правит нами?	387
Глава 18. Центристы в России: все или никто	393
18.1. Реальности российского центризма	394
18.2. О сущности центризма	397
18.3. Механизм и методы центризма	400
18.4. Перспективы центризма	403
Глава 19. Интеллигенты или интеллектуалы	408
19.1. К истории вопроса	408
19.2. О типологии современной российской интеллигенции	411
19.3. Интеллектуалы: кто они?	418
Глава 20. Образование и «образованщина»	426
20.1. Новые лики неграмотности	427
20.2. Профессиональная некомпетентность как предтеча профессионального кретинизма	432
20.3. Парадоксы социального просвещения	439
Часть V. Ситуация парадокса	445
Глава 21. Надо и нельзя	446
21.1. Надо	446
21.2. Нельзя	448
21.3. Все, что не запрещено, можно?	450
21.4. Парадоксы согласования «надо» и «нельзя»	452
Глава 22. Враг или оппонент	455
22.1. Полюсность мышления	455
22.2. В чем отличие врага от оппонента?	458
22.3. А есть ли ключи от этой «болезни»?	460
Глава 23. Свобода или беспредел	464
23.1. Свобода или краткий восторг по поводу невозможного	464
23.2. Свобода или тяжкое бремя сомнений	467
23.3. Свобода без долга?	470
23.4. Свобода или необходимость	471
23.5. Свобода или ответственность	473
23.6. Свобода или совесть	474
23.7. Свободу не подарят	475
23.8. Свобода? А то ли мы хотели?	475

Глава 24. Между прошлым и будущим	479
24.1. Примитивизм нигилизма	480
24.2. Убогость и нищета догматизма	484
24.3. Социальная аномия	485
Глава 25. Европейцы? Азиаты? Евразийцы?	490
25.1. Парадоксальность образа России в современном мире	492
25.2. Парадоксы национальной идентичности	494
Глава 26. Личное versus общественное	501
26.1. Иррационализм парадоксальности личного и общественного	502
26.2. Феномен конформизма и неконформизма	506
26.3. Парадоксы группового эгоизма	509
Глава 27. Добро и зло	514
27.1. Агрессивность как парадоксальное сочетание добра и зла	515
27.2. Утопия как форма достижения недостижимого	519
Послесловие	523
Именной указатель	534